

В.Л. Янин

НОВГОРОДСКИЕ
АКТЫ
XII-XV вв.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Отделение истории

В. Л. Янин
НОВГОРОДСКИЕ
АКТЫ
XII-XV вв.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ
КОММЕНТАРИЙ

МОСКВА «НАУКА» 1991

ББК 63.3(2)4
Я62

Рецензенты:

доктор исторических наук С. М. КАШТАНОВ,
член-корреспондент АН СССР Я. Н. ЩАПОВ

Янин В. Л.

Я62 Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. — М.: Наука, 1990. — 384 с.
ISBN 5-02-008580-4

В книге анализируется известный к настоящему времени комплекс новгородских актов (на пергамене и на бумаге), включающий 371 документ XII—XV вв. Принятые в литературе даты этих документов во многих случаях приблизительны, а порой и неверны. Автор заново исследует эту проблему, привлекая широкий круг источников (летописи, материалы сфрагистики, исторической географии, денежных систем, генеалогии), и вносит существенные хронологические уточнения, необходимые для более правильного использования новгородских актов в исторических и филологических построениях.

Для историков, лингвистов, источниковедов, студентов и аспирантов исторических факультетов.

Я $\frac{0503020200-281}{042(02)-90}$ КБ-28-9-1990

ББК 63.3(2)4

ISBN 5-02-008580-4

© Издательство «Наука», 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

Корпус новгородских актов XII—XV вв. (ГВНП) был подготовлен коллективом авторов под руководством С. Н. Валка и издан в 1949 г.¹ Он до сих пор остается незаменимым пособием при исследовании средневекового Новгорода, хотя время выявило и существенные его недостатки в передаче текстов, и неполноту воспроизведенных в нем материалов. За четыре десятилетия, прошедшие с момента этой публикации, в архивах отыскано немало новых документов, а в литературе разными авторами предлагались порой весьма существенные, но иногда и противоречивые хронологические коррективы для многих актов. Все это делает актуальной подготовку нового сводного издания актовых материалов Новгорода. Не менее важным представляется предваряющее такое издание обсуждение принципиальных вопросов классификации, атрибуции и датировки учтенных к настоящему времени документов. В сумме проблем на первом месте оказывается хронологический комментарий, поскольку именно датировка определяет последовательность воспроизведения актов в издании. Весьма существенное значение имеет и определение общих хронологических рамок нового корпуса.

В ГВНП хронологический объем материала ограничен январем 1478 г., т. е. временем, когда Новгород утратил политическую самостоятельность. Между тем на протяжении последующих десяти лет не была еще подвергнута коренной ломке вотчинная система новгородского землевладения. Хотя первые земельные конфискации у опальных бояр начались уже в феврале 1478 г., массовый вывод новгородских землевладельцев предпринят лишь в 1488—1489 гг., а это значит, что экономическую независимость Новгород сохранял вплоть до указанного времени. В 80-е годы XV в. продолжается хозяйственная деятельность тех же лиц (или их прямых потомков), которые владели своими боярщинками во времена новгородской независимости. Указанное обстоятельство делает необходимым поднять хронологические рамки материалов землевладения до конца 80-х годов. Из этого принципа,

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Р. Б. Мюллер и Е. А. Рыдзевская; Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

однако, должно быть сделано исключение, касающееся двинских и задвинских волостей, где вывод землевладельцев не был столь тотальным, как на основной территории Новгородской земли; но задвинские земли были отторгнуты от Новгорода в августе 1471 г., а двинские — в январе 1478 г., что и определяет младшие хронологические рубежи соответствующих групп документов.

Сложен (и небесспорен) вопрос о младшем рубеже дипломатических документов Новгорода. Как известно, после потери Новгородом политической независимости за ним было сохранено право непосредственного сношения с Ганзой, прибалтийскими и скандинавскими государствами. На первых порах в оформлении дипломатических актов с указанными контрагентами наряду с великокняжескими наместниками деятельное участие принимали и представители «старого» Новгорода — бояре и купеческие старосты. Так, в крестоцеловании на договоре Новгорода с Ливонским орденом 1481 г. участвовал бывший посадник Тимофей Остафьевич Грузов и староста Иван Елизарович (последний известен и в более раннем документе). В оформлении договора с Ганзой 1487 г. участвовали бывшие посадники Григорий Михайлович Тучин и Кузьма Остафьевич Грузов, а также старосты Иван Елизарович и Микита Леонтьевич (также названный в более раннем документе вместе с Иваном Елизаровичем; см.: ГВНП. № 117). Даже после вывода, в договоре Новгорода с Ливонским орденом 1493 г. официальными представителями Новгорода названы бывший посадник Григорий Михайлович Тучин, а среди старост — Иван Елизарович. Важность вопроса о сохранении старой боярской элитой части своих политических прерогатив после 1478 г. заставляет включить указанные документы в новый свод. То же касается Записи о Пусторжевской дани 1479 г., в которой как полномочные представители Новгорода фигурируют бояре Иван Васильевич и Микита Есифович, а также упоминаются известные новгородские землевладельцы; этот документ, кроме того, основывается на порядках, существовавших «здавна», тем самым освещая их.

Объем рассматриваемого материала. В ГВНП издано 330 новгородских грамот, но из них семь включены в этот свод неправоммерно, поскольку они относятся уже к московскому времени (№ 261—263, 265, 271², 260, 266), а пять принадлежат к числу фальсификатов (№ 32, 102, 219, 283, 285). Таким образом, реальный объем собранного в ГВНП корпуса актов 318 документов.

Некоторые акты, уже изданные ко времени подготовки ГВНП, оказались невключенными в этот свод — отчасти по недосмотру его составителей, отчасти же по нераскрытым в предисловии

² О поздней дате этих пяти актов см.: Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII—XV вв. Л., 1986. С. 71, 100, 103. В грамоте № 260 упоминаются «великого государя писцы», а продавец земли в грамоте № 266 Иван Нестеров сын выступает в качестве послуха в грамоте № 261.

к изданию соображениям. Такие пропуски удобнее сгруппировать по рубрикам.

В рубрику «Грамоты отношений Великого Новгорода с Западом» не были включены: новгородско-норвежский договор 1251 г. («Разграничительная грамота»), неоднократно издававшийся начиная с 1742 г.³; латинский проект договора Новгорода с немецкими городами 1268 г.⁴; ответная грамота Юрьеву о намерении отправить туда новгородских послов 1388 г.⁵; три новгородско-шведских договора 1468 и 1473 гг.⁶; три грамоты из Рижского архива, опубликованные в 1938 г.⁷

В рубрике «Грамоты отношений Великого Новгорода с князьями» не оказалось: докончания великого князя Дмитрия Ивановича и Новгорода с тверским князем Михаилом Александровичем⁸; двух жалованных грамот великого князя Дмитрия Ивановича новоторжцам из находки 1843 г. в Московском Кремле, изданных Я. И. Бередниковым в 1845 г.⁹; двух великокняжеских грамот старорусским тонникам¹⁰; трех судных списков двинских волостей, списка новоторжских волостей и Новгородской судной грамоты¹¹; двух грамот Василия Темного новгородским великокняжеским наместникам¹². Нет в этой рубрике знаменитых грамоты князя Святослава Ольговича 1137 г. и Устава князя Ярослава «о мостех». Мотивы невключения в свод Устава и Рукописания князя Всеволода оговорены издателями в предисловии, однако оба документа, будучи результатом многократного целенаправленного редактирования, и не являются актами в обычном понимании этого слова. Правильным в то же время представляется включить в упомянутую рубрику отсутствующую в ГВНП присяжную грамоту служилого князя Семена-Лугвеня королю Витовту, коль скоро она написана и от лица новгородских послов¹³, а также, хотя и составленную после 1477 г., Запись о Пусторжевской дани и межевую грамоту 1483 г. — оба эти документа отражают традицию периода новгородской независимости¹⁴.

В рубрике «Частные акты Великого Новгорода» нет купчей Михаила Федоровича Крюка у Юрия Онцифоровича на с. Медну,

³ См., например: *Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar / Utgifne af O. S. Rydberg*. Stockholm, 1877. Delen I. S. 506—507.

⁴ *Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regester / Hrsg. von Dr. F. G. Bunge*. Reval, 1855. Bd I. N 413; Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909. С. 64—68.

⁵ *Die Recesse und andere Akten der Hansetage*. München, 1875. Abt. I. Bd. 3. N 463.

⁶ *Sverges traktater*. Stockholm, 1895. Delen III. N 512, 517/1, 2.

⁷ *Обнорский С. П., Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка. М.; Л., 1938. Ч. 1. № 37, 38, 39.

⁸ Древняя российская вивлиофика. СПб., 1775. Ч. 8. С. 249—259. № 8.

⁹ *Бередников Я. И.* Записка об открытии в Московском Кремле древностях // *Bulletin historico-philologique*. SPb.; Leipzig, 1845. Т. 2. P. 51—53.

¹⁰ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1. № 142, 143.

¹¹ Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 1. № 92, 94, 101!

¹² *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 105—106.

¹³ Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. Т. 1. С. 26. № 10.

¹⁴ Там же. С. 87—93. № 71; Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. С. 287—289. № 117.

изданной впервые еще в 1905 г., а затем в 1929 г.¹⁵ В разделе обонежских грамот отсутствуют данная Терентия Яковлевича Соловецкому монастырю¹⁶ и меновная грамота Панфила Селифонтовича с Богданом Ермольничем¹⁷. В раздел двинских грамот не включена благословенная грамота архиепископа Иоанна михайловскому игумену Луке, впервые изданная в 1811 г., а затем в 1903 г.¹⁸

Добавив уже упомянутые дипломатические документы 1481, 1487 и 1493 гг.¹⁹, мы обнаруживаем, что в ГВНП оказались неучтенными 32 изданные прежде грамоты. Коль скоро в этом своде публиковались и заведомо фальсифицированные документы (с соответствующими комментариями), следовало бы не обойти вниманием и поддельную духовную Панфила Селифонтовича²⁰.

Значительное число новгородских грамот было обнаружено после издания ГВНП. В 1956 г. была опубликована неизвестная прежде грамота из Таллиннского архива²¹. В 1958 г. изданы девять списков древних грамот из архива Палеостровского монастыря, обнаруженных В. И. Корецким; из них два (№ 3 и 5) являются вариантами одного и того же акта, а один (№ 8) в другом списке (ГВНП. № 288) был известен и прежде²². В 1964 г. А. Л. Хорошкевич издала открытый ею в Рижском архиве обидный список убытков новгородцев начала XV в.²³, а в 1966 г. — обнаруженную там же опасную грамоту Новгорода ганзейским послам 1472 г.²⁴ В 1969 г. В. И. Корецкий опубликовал семь неизвестных раньше документов в их поздних списках из архива Колмова и Вяжицкого монастырей и из судебного дела начала XVI в.²⁵ В 1983 г. были изданы найденные И. З. Либерзон в копиях книгах Соловецкого монастыря два списка с новгородских грамот XV в.²⁶ Наконец, в 1985 г. издана обнаруженная В. Ф. Андреевым меновная грамота архиепископа

¹⁵ *Рубцов М.* К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края. Старица, 1905. Вып. 2. С. 11—13; Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв. М., 1929. Т. 1. С. 28—29.

¹⁶ *Чаев Н. С.* Северные грамоты XV в. // ЛЗАК. Л., 1929. Вып. 35. № 32.

¹⁷ Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. № 31.

¹⁸ *Амвросий.* История российской иерархии. М., 1811. Ч. 3. С. 300—301; *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903. Ч. 2. С. 145—146.

¹⁹ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. С. 95—98. № 75; С. 130—133. № 112; *Hanserecense.* Leipzig, 1883. Abt. 3. Bd. 11. N 136.

²⁰ *Барсов Е.* Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае // ЧОИДР. 1868. Кн. 1. Смесь. С. 127.

²¹ *Валк С. Н.* Новые грамоты о новгородо-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в. // Ист. архив. 1956. № 1. С. 234. № 2.

²² *Корецкий В. И.* Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 437—450.

²³ *Хорошкевич А. Л.* Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. // АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 273—276. № III.

²⁴ *Хорошкевич А. Л.* Русские грамоты 60—70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 331—332. № 1.

²⁵ *Корецкий В. И.* Новые открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. // АЕ за 1967 г. М., 1969. С. 285—287, 289.

²⁶ *Либерзон И. З.* Неизвестные акты XV в. // ВИД. Л., 1983. Вып. 14. С. 138.

Евфимия с Богословским на Витке монастырем²⁷. Таким образом, число вновь найденных документов достигло двадцати.

Следует добавить, что в 50-е годы были найдены два новых списка грамоты Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю с существенно более исправным текстом, нежели публиковавшийся ранее (ГВНП. № 82)²⁸. Я. Н. Шапов обнаружил еще один список единственного до того текста Устава князя Святослава Ольговича 1137 г.²⁹ В 1977 г. опубликованы две известные прежде по другим спискам грамоты Василия Темного новгородским великокняжеским наместникам³⁰. Наконец, в Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР В. Ф. Андреевым найден подлинник грамоты Терентия Яковлевича³¹, изданной Н. С. Чаевым (ЛЗАК. Л., 1929. Т. 35. № 32) по списку XVII в.

Всего сегодня мы располагаем 371 новгородским актом и шестью фальсифицированными документами. В это число, как уже отмечено, не входят Устав и Рукописание князя Всеволода, являющиеся сложными по своему составу и литературной судьбе памятниками.

Организация материала. Весь массив новгородских актов может быть подразделен на два больших отдела. В первый входят документы общегосударственного значения — акты международного характера и отношений Новгорода с князьями. Во второй — документы, имеющие локально-территориальный характер, действие которых ограничено определенной местностью в пределах Новгородской земли — Новгородом с прилегающими землями (вошедшими после присоединения к Москве в пятинное деление, исключая Заонежье), Заонежьем, Вагой и Двиной.

Следует отказаться от принятой в ГВНП рубрики «Грамоты внутреннего управления Великого Новгорода», в которой неправомерно объединены некоторые документы отношений Новгорода с князьями, вечевые грамоты, касающиеся определенных территорий, такого же характера владычные пожалования и отдельные поземельные акты частного свойства.

Что касается актов общегосударственного значения, то целесообразным представляется перенести новгородско-литовские акты из рубрики документов внешних сношений в рубрику актов, регулирующих отношения Новгорода с князьями. Все известные к настоящему времени грамоты этой группы демонстрируют существование особой управленческой системы, в которой

²⁷ Андреев В. Ф. Ранее не публиковавшаяся новгородская грамота XV в. // Научная конференция «Актуальные проблемы исторической науки»: Тезисы докладов. Новгород, 1985. С. 35.

²⁸ Корецкий В. И. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю // Ист. архив. 1955. № 5. С. 204—207; Семенов А. И. Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю // НИС. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 245—248.

²⁹ Шапов Я. Н. Новый список Новгородского устава князя Святослава Ольговича // Зап. Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1963. Вып. 26. С. 397—398.

³⁰ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977. Т. I, ч. 1. С. 83—85.

³¹ Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII—XV вв. С. 60, 65, 66.

функционировали приглашенные Новгородом на кормление служилые литовские князья и установился порядок совладения некоторыми областями на новгородско-литовском рубеже. Согласно такому порядку, литовские князья участвуют в доходах с новгородских владений, подобно тому как русские великие князья участвовали в доходах в сместных с Новгородом Торжке и Волоке Ламском. Обсуждаемые в этих документах проблемы ни в малейшей степени не сходны с проблемами новгородско-ганзейских, новгородско-ливонских или новгородско-скандинавских отношений. Напротив, они вполне родственны характеру новгородско-княжеских докончаний.

В рубрику новгородско-княжеских отношений органично укладываются все документы, характеризующие эти отношения, коль скоро они либо исходят из формуляра основных докончаний, либо преследуют цель нарушить такой формуляр. Указанный принцип в равной степени применим и к грамотам земельных пожалований князей, пределы и правомерность которых составляют важный пункт новгородско-княжеских отношений, и к актам, внешне принадлежащим к локально-территориальным группам. К примеру, уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле или двинские судные списки Ивана III могут быть восприняты как касающиеся только Двины, но в действительности они в большей степени отражают динамику политических взаимоотношений Новгорода и Москвы. В этом, на наш взгляд, состоит принципиальное отличие подобных документов, например, от жалованных грамот новгородского веча Троице-Сергиеву монастырю на беспошлинный провоз товаров по Двине, которые, будучи государственным, вечевым актом, содержат лишь выдачу локальных привилегий феодальной корпорации, хотя бы она и была не новгородской, а московской. Таким образом, в основу группировки документов этой рубрики положено намерение максимально полно раскрыть обозначенную в наименовании рубрики тему.

Тот же принцип лежит в основе группировки актов, имеющих локально-территориальный характер. Для правильного представления о развитии системы землевладения в Заонежье или на Двине целесообразно объединить в хронологической последовательности чисто поземельные акты (купчие, духовные, меновные и т. д.) с уставными монастырскими (учредительными), благословенными, вечевыми (двинского веча и новгородского, когда последнее занималось двинскими делами частного характера) и т. д. Разумеется, исследование иных проблем всегда может потребовать перегруппировки материала, однако для целей хронологического комментирования предложенный порядок наиболее удобен.

В ГВНП в начало публикации поставлена рубрика «Грамоты отношений Великого Новгорода с князьями», затем следуют документы внешних сношений, после которых помещены «Грамоты внутреннего управления Великого Новгорода» и, наконец,

«Частные грамоты Великого Новгорода» с подразделением на Новгород, Двину, Вагу и Обонежье. В такой системе изложения деформированы логические связи актовых групп. Грамоты международных отношений, совершенно не касающиеся поземельных дел, характерных для всех остальных рубрик, логически претендуют на место в начале нового корпуса. Очередность локально-территориальных групп определяется их положением относительно метрополии. Наиболее тесную связь с последней обнаруживает Заонежье, включенное в московское время в состав Обонежской пятины. Соседствует с метрополией Важская земля, а наиболее удалена от нее Двина. Поэтому предлагается следующая очередность рубрик: «Грамоты отношений Новгорода с Западом», «Акты отношений Новгорода с князьями», «Акты собственно Новгорода и его метрополии», «Акты Заонежья», «Акты Важской земли», «Двинские акты». Фальсификаты образуют особую группу с самостоятельной нумерацией.

Внутри рубрик документы расположены в хронологической очередности. В тех случаях, когда предложена широкая дата (например: 1363—1389 гг.), предпочтение отдается последней (т. е. 1389 г.). Исключение сделано для № 91, 148, 223 и 231 (по нашей нумерации), чтобы не разрознить исходные архивные комплексы, комментируемые в целом.

При комментировании актов в ряде случаев использовались тексты, подготовленные другими исследователями: В. Ф. Андреевым (№ 179—184), Ю. Н. Беспятым (№ 54, 55), Н. А. Казаковой (№ 14, 15, 17—24, 26, 27, 38, 41, 43—45, 48—51, 53, 56), И. П. Шаскольским (№ 2, 12, 13).

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ВЫСШИХ МАГИСТРАТОВ НОВГОРОДА И ДАТИРОВАНИЕ АКТОВ ПО ИМЕНАМ ПОСАДНИКОВ И ТЫСЯЦКИХ

Поскольку подавляющее большинство новгородских актов не содержит в своих текстах годовых дат, наиболее существенным элементом их датирования оказывается упоминание разных должностных лиц, в первую очередь высших магистратов Новгорода — посадников и тысяцких, деятельность которых осуществлялась в более узких хронологических рамках, нежели деятельность князей или архиепископов. Однако сами институты посадничества и тысяцкого на протяжении XII—XV вв. неоднократно реформировались, претерпевая от реформы к реформе заметные изменения. Внутренней пружиной изменений было последовательное движение боярства от соперничества борющихся за власть группировок к консолидации бояр, принявшей в конечном счете форму олигархии. Внешне это процесс нашел выражение в нарастающей детальной регламентации самой магистратской системы, в начале существования которой посадники и тысяцкие избирались на свою должность без ограничения срока и в качестве единственных лиц, получавших свой титул, а в конце число единовременно существующих посадников достигло 36-ти, а тысяцких 8-ми, причем из них степенные посадник и тысяцкий избирались на полугодовой срок.

Механизму этого сложного процесса посвящены специальные исследования¹, однако новое обращение к источникам позволяет предложить ряд немаловажных уточнений, полезных как для понимания проблемы в целом, так и практически для целей уточнения актовой хронологии. В рамках стоящей перед нами практической задачи нет необходимости останавливаться на истории магистратов конца XI—середины XII в., коль скоро именам посадников того времени нет соответствия в синхронных актах.

¹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. *Он же*. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.

На протяжении весьма длительного периода, охватывающего XII и XIII вв., новгородское посадничество не было регулируемым органом. Срок, на который тот или иной боярин избирался в посадники, не ограничивался, а предпочтение конкретной кандидатуры определялось перевесом одной из участвовавших в борьбе за власть боярских группировок. Сведения о посадниках последней трети XII—первой половины XIII в. дают достаточно ясное представление о количестве и территориальной характеристике таких группировок. Хронология перемен на посадничестве в этот период выглядит следующим образом (в скобках указаны страницы НПЛ):

Даты	Посадник
1161—1167	Захария (31—32, 218—220)
1167—1170	Якун (32—33, 220—221)
1170—1171	Жирослав (34, 222)
1171	Иванко Захарьинич (34, 222)
1171—1172	Жирослав (34, 222)
1172—1175	Иванко Захарьинич (34—35, 222—223)
1175	Жирослав (35, 223—224)
1175—1180	Завид Неревинич (35—36, 224, 226)
1180—?	Михалко Степанович (36, 226)
?—1186	Завид Неревинич (38, 228)
1186—1189	Михалко Степанович (38—39, 228, 230)
1189—1203	Мирошка Нездинич (39, 42—45, 230, 235—238, 246)
1203—1205	Михалко Степанович (45, 50, 246)
1205—1207	Дмитр Мирошкинич (50—51, 246, 248)
1207—1210	Твердислав Михалкович (51—52, 248—249)
1210—?	Дмитр Якунович (52, 249)
?—1214	Твердислав Михалкович (53, 251—252)
1215—1216	Юрий Иванкович (53—54, 57, 252—253, 257)
1216—1219	Твердислав Михалкович (57—59, 257, 259—260)
1219	Семен Борисович (59—60, 260—261)
1219—1220	Твердислав Михалкович (60, 261—262)
1220—?	Иванко Дмитрович (60, 262)
[1224]	Федор Михалкович (61, 264; ср. 472)
?—1229	Иванко Дмитрович (64—65, 68, 268—269, 271, 274)
1229—1230	Внезд Водовик (68—71, 274—278, 280)
1230—1243	Степан Твердиславич (70, 79, 278, 297)

До 1207 г. в борьбе за посадничество участвуют три боярские группировки.

1. *Неревская*. К ней относятся: Захария, Иванко Захарьинич, Завид Неревинич и Юрий Иванкович. А. А. Зализняк выяснил принадлежность Иванке Захарьиничу новгородских берестяных грамот № 80, 117 и 226, найденных на Неревском раскопе, а его сыну Юрию Иванковичу — найденных там же берестяных

грамот № 165, 222, 225 и 239². Однако на том же раскопе найдены и берестяные грамоты, связанные с Завидом (№ 103, 156, 228)³. Об Иванке Захарьиниче известно, что он был сыном именно посадника Захарии: «Захариа, сын его Иванко», говорится в летописном перечне новгородских посадников (НПЛ. С. 472). Дополнительным указанием на жительство Иванки Захарьинича в Неревском конце является сообщение летописи о том, что в 1177 г. «погоре Неревьскыи коньць от Иваньковее» (Там же. С. 35, 225), т. е. от двора вдовы умершего в 1175 г. Иванки. Что касается Завида Неревинича, то его отец Неревин, имя которого столь красноречиво свидетельствует о связи его носителя с Неревским концом, был убит в 1167 г. вместе с посадником Захарией в столкновении, принесшем власть Якуну (Там же. С. 32, 220), т. е. входил в одну с Захарией политическую группировку.

2. *Людинская*. К ней относятся: Жирослав, Мирошка Нездич и сын последнего Дмитр Мирошкинич. Берестяные грамоты, связанные с Мирошкой (№ 502, 603), найдены при раскопках слоев рубежа XII—XIII вв. на Троицком раскопе в Людином конце⁴. Брат Мирошки Внезд Нездич был инициатором возобновления церкви Образа в 1191 г. (НПЛ. С. 39, 230), расположенной в ближайшем соседстве с усадьбами Людина конца, исследованными на Троицком раскопе. На тех же усадьбах обнаружены и берестяные грамоты, связанные с Жирославом (№ 573, 657)⁵.

3. *Прусская*. К ней относятся: Якун, Михалко Степанович, его дети Твердислав и Федор (в летописном перечне посадников: «Михалко Степанич, два сына его: Твердислав, Феодор». — НПЛ. С. 472), Дмитр Якунович, сын последнего Иванко Дмитрович, а также сын Твердислава Михалковича Степан. На принадлежность Михалковичей к Прусской улице указывает строительство на ней церкви Михаила архангела с приделом Трех отроков, предпринятое Твердиславом и Федором Михалковичами в 1219—1224 гг. (Там же. С. 59, 63, 260, 267). Что касается Якуновичей, то на их принадлежность к той же боярской группировке указывают события 1210 г., когда «приде Дмитр Якуничь из Руси, и съступися Твьрдислав посадничества по

² См. эти грамоты в изданиях: Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954. С. 80. № 80; Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958. С. 50. № 117; Они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958. С. 51. № 165; Они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. С. 44—45. № 222; С. 47—49. № 225, 226; С. 60—62. № 239.

³ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). С. 32. № 103; Они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). С. 36—38; № 156; Они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). С. 51—52. № 228.

⁴ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978. С. 96—99. № 502; Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 66—67. № 603.

⁵ Янин В. Л., Зализняк А. А. Указ. соч. С. 40. № 573. Грамота № 657 еще не издана.

своей воли старейшую себе: тогда же даша посадничество Дмитру Якуничю» (Там же. С. 52, 249). Ссылка на старшинство может здесь иметь только один смысл: Дмитр был сыном посадника Якуна (в летописном перечне посадников: «Якун, сын его Дмитр». — Там же. С. 472), посадничавшего в 1167—1170 гг., тогда как отец Твердислава Михалко Степанович впервые стал посадником в 1180 г. Основанный на таких принципах столь мирный отказ Твердислава от посадничества возможен, по-видимому, лишь внутри единой боярской группировки. Косвенным образом территориальная принадлежность Якуна подтверждается и обстоятельствами его прихода к власти в 1167 г. Приведший его на посадничество переворот сопровождался убийством посадника Захарии, Неревина и бирича Незды. Первые два принадлежали к боярству Неревского конца, а Незда — отец Мирошки Нездинича — очевидный боярин Людина конца; следовательно, Якун противоположен и неревской и людинской боярским группировкам.

Хотя, именуя группировки, мы пользуемся терминами, обозначающими городские концы («неревская», «людинская»), настаивать на наличии в этот период кончанского представительства невозможно. Прусская улица тогда находилась вне кончанского деления, на что указывает терминология летописного рассказа о конфликте 1219 г.: «И поидоша ониполовици и до детии в брѣнях, акы на рать, а неревляне такоже; а загородьци не вѣсташа ни по сих, ни по сих, нѣ зряху Perezora. Твѣрдислав же. . . поиде с Людинемь концемь и с пруси. И бысть сеця. . . и убиша муж прус, а кончань другьи, а оныхъ — половиць Ивана Душилѣвици, брат Матеев, а в Неревскомь конци Кѣснытина Прокопиинича, иных 6 муж, а раненых много обоих» (Там же. С. 58—59, 259). Прусская улица, не будучи концом, участвует в активной борьбе за посадничество с неревским, а до 1207 г. и с людинским боярством. Эти две последние группы временами объединяются против прушан, как это было, например, в 1167 г., когда перед избранием на посадничество прушанина Якуна были убиты не только неревляне Захария и Неревин, но и людинский боярин Незда.

В 1207 г. борьба боярских группировок привела к полному разгрому людинского боярства: новгородцы «створиша вече на посадника Дмитра и на братью его. . . идоша на дворы их грабежьмь, а Мирошкин двор и Дмитров зажьгоша, а житие их поимаша, а села их распродаша и челядь, а скровища их изискаша и поимаша бещисла, а избыток розделиша по зубу, по 3 гривне по всему городу, и на щит; аще кто потаи похватил, а того един бог ведаеть, и от того мнози разбогатеша; а что на дѣщках, а то князю оставиша. . . Тогда даша посадничество Твѣрдиславу Михалковици, и даша дѣщкы Дмитровы Святославу, а бѣше на них бещисла; и целоваша новгородци честный хрест, око „не хотим у себе държати детии Дмитровых, ни Володислава, ни Бориса, ни Твѣрдислава Станиловици и Овьстрата

Домажировица“; и поточи я князь к отцю, а на инех серебро поимаша бещисла» (Там же. С. 51, 248—249). Как это видно из цитированного выше рассказа 1219 г., отныне Людин конец включился в сферу подчинения прусскому боярству.

Не менее значительным было происшедшее спустя 23 года поражение славенского боярства. Как это видно из изложенных выше материалов, оно в борьбе за власть над Новгородом не заявляло о себе ни в последней трети XII в., ни в начале XIII в. Впервые избрание славенского боярина в посадники состоялось в 1219 г., спустя короткое время после захлебнувшегося выступления неревлян и «ониноловцев» (жителей Торговой стороны) против Твердислава: «Тъгда отъяша посадничьство у Твърдислава и даша Смену Борисовицю, а тысяцьское у Якуна и даша Семьюну Емину» (Там же. С. 59, 260). Принадлежность Семена Борисовича к славенскому боярству очевидна из его строительной деятельности: в 1224 г. он возводит на Славне несколько храмов: «създа Борисовичъ Сменъ церковь камяну святого Павла, и святого Смена Богоприимьца, и святую Костянтина и Елены, и святища ноября в 6, на Павлов день» (Там же. С. 63, 267); в 1238 г. этот комплекс церковей был превращен вдовой Семена Борисовича в Павлов монастырь (Там же. С. 74). Однако посадничество Семена Борисовича прекратилось в том же 1219 г.: «Пришьдъше же от Пъртуева, вдаша посадничьство Твърдиславу, а Якуну тысяцьское опять» (Там же. С. 60, 261).

Еще раз славяне добиваются избрания своего ставленника — Внезда Водовика — в 1229 г. Направленное против него и Семена Борисовича в декабре 1230 г. восстание по своему характеру и результатам поразительно напоминает события 1207 г.: «а заутра убиша Смена Борисовица в 9, а дом его весь розграбиша и села а жену его яша, а самого погребоша у святого Гюргя в монастыри; такоже и Водовиков двор и села, и брата его Михаля, и Даньслава, и Борисов тысяцьскаго, и Творимириць, иных много дворов. А Водовик, то зло услышав, побеже с Торжьку с братьею, и Борис тысяцьскийи и новотържчи к Михаилу в Църнигов. И даша посадничьство Степану Твърдиславичю, а тысяцьское Миките Петриловицю, а добытък Сменов и Водовиков по стом розделиша» (Там же. С. 70, 277—278). Дальнейшая судьба беглецов складывается причудливо. Внезд Водовик умер в Чернигове в 1231 г., а бежавшие с ним бояре во главе с тысяцким Борисом Негочевичем («Борисова чадь») пришли вместе с князем Святославом Трубчевским в Буйцы, откуда Святослав, «урозумев, яко си сългаша», вернулся в Русь. Затем Борисова чадь двинулась в Псков и добилась возвращения им жен, «нъ мира с ними не бе». Псковичи также «показаша им путь с женами. Они же идоша в Медвижю голову». В 1232 г. «изгониша Изборьск Борисова чадь с князьм Ярославом с Володимирицемъ и с Немци». Наконец, после поражения, понесенного ими от псковичей, князь Ярослав Всеволодович, «исковав, поточи я в Переяслалъ» (Там же. С. 71—72, 280—282).

Победа 1230 г. надолго укрепила власть прусского боярина Степана Твердиславича. Он умер 16 августа 1243 г., «посадничав 13 лет без 3 месяц», и был с почетом погребен в Софийском соборе (Там же. С. 79, 297—298) — такой чести до него не был удостоен ни один посадник; в рассказе о кончине Степана летопись называет его также «внуком Михалковым». Дальнейшую судьбу посадничества летопись освещает так:

Даты	Посадник
1243—?	Сбыслав Якунович (164, 472)
?—1255	Анания Фефилатович (81, 308, 472)
1255—1258	Михалко Степанович (81—82, 308—309)
1258—1268	Михаил Федорович (82, 84—87, 309, 313, 315—316, 318)
1268—1272	Павша Ананьинич (87, 318, 321—322)
1272	Михаил Мишинич (322)
1272—1273	Павша Ананьинич (322)
1273—1280	Михаил Мишинич (322—324)
1280—1286	Семен Михайлович (324—326)

Перечень посадников, составленный в 1423 г., называет между Павшей Ананьиничем и Михаилом Мишиничем неизвестного в других источниках Микиту Григорьевича (Там же. С. 472); не исключено поэтому, что первое посадничество Павши в 1268—1272 гг. не было непрерывным, а в какой-то момент он его потерял в пользу Микиты Григорьевича.

Наблюдения над территориальной принадлежностью перечисленных здесь посадников выявляют три боярские группировки:

1. *Прусская*. К ней относятся: Сбыслав Якунович, Анания, сын Степана Твердиславича Михалко и Павша Ананьинич. Среди «пруссав» Сбыслав назван в летописи под 1216 г. (Там же. С. 54, 263). Ананию летописный перечень посадников 1423 г. именует Фефилатовичем (Там же. С. 472), что представляется весьма перспективным для установления его генеалогических корней. Позднейший родословец бояр Фефилатьевых именно от Анании ведет генеалогию указанного рода, называя Ананию братом Твердислава Михалковича⁶. В родословце присутствует явная путаница: Анания ошибочно идентифицирован со своим сыном Павшей («а по крещении имя Павше Ананья»); братом же Твердислава был не Анания, а Федор (Там же. С. 59, 61, 63, 260, 264, 267, 472). Более вероятно, что Анания был сыном Федора Михалковича, принявшего при пострижении имя Феофилакт. Косвенным подтверждением этого служит строительство в 1219 г. Твердиславом и Федором церкви Трех отроков на Прусской улице: имена святых отроков — Анания, Азария и Мисаил; не исключено, что сооружением этой церкви ознаменовано появление у Федора сына Анании. В дальнейшем мы увидим, как многократно подтверждается связь потомков Павши Ананьинича с Прусской улицей.

⁶ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 148—149.

Потомки Анании прочно связаны не только с Прусской улицей, но и с Плотницким концом, освоение быстро расширявшейся в XIII—XIV вв. территории которого опирается на инициативу прушан. Какая-то политическая трещина между Ананией и потомками Твердислава наметилась уже к середине XIII в. Во всяком случае, когда в 1255 г. возник конфликт между посадником Ананией и князем Александром Ярославичем и князь настоял на удалении посадника, на место Анании был избран внук Твердислава Михалко Степанович. Спустя два года «к госпожину дни умре Онанья посадник, а на зиму убиша Михалка посадника новгородци», по поводу чего летописец счел необходимым изложить нравоучительную сентенцию: «Аще бы кто добро другу чинил, то добро бы было; а копяя под другом яму, сам ся в ню вьвалить» (Там же. С. 82, 309), в которой возможно усматривать намек на стремление Михалки Степановича к личному возвышению за счет двоюродного дяди.

2. *Неревская*. К ней принадлежит Михаил Мишинич. Летописный перечень посадников 1423 г. констатирует: «Михаило Мишиничь, брат его Георгии» (Там же. С. 472). Между тем от Юрия (Георгия) Мишинича ведет происхождение целая династия неревских посадников, включая его сына Варфоломея, внука Матфея, правнуков — Микиту Матфеевича, Онцифора Лукинича, праправнуков Василия Микитинича и Юрия Онцифоровича.

Следует решительно возразить против неоднократно декларированного А. В. Арциховским желания видеть во всех новгородских Мишах XIII в. одно лицо, бывшее якобы отцом Михаила и Юрия Мишиничей⁷. По крайней мере три новгородца этого времени носили имя Михаил в указанном сокращении. Герой Невской битвы Миша был жителем Прусской улицы, на которой, согласно родословцу Морозовых, он и был похоронен; его потомство указано в родословце, но в нем нет ни Михаила, ни Юрия⁸. Другой Миша принадлежал к славенскому боярству, он назван в перечислении изгнанных вместе с Внездом Водовиком и Борисовой чадью бояр. При воспроизведении в изданиях летописного рассказа об этих боярах расстановка знаков препинания производилась неправильно: «Приидоша ис Чернигова Борис Негоцевичь, Михаль с братомъ, Петре Водовиковиць, Глеб Сменов брат, Миша» (Там же. С. 71); «Приидоша ис Чернигова Борис Негоцевичь, тысячки, Михаил с братом и Водовикович Петре, Глеб Сменов брат Борисович, Миша» (Там же. С. 280). Между тем под 1229 г. Глеб назван посадничьим сыном (Там же. С. 68, 275), т. е. сыном Внезда Водовика. Поэтому слова «Сменов брат» («Сменов брат Борисович») относятся не к нему, а к Мише, который, таким образом, был Борисовичем и родным братом бывшего посадника Семена Борисовича. Ни Миша пруша-

⁷ *Арциховский А. В.* К истории Новгорода // Ист. зап. М., 1938. № 2. С. 110; *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). С. 147

⁸ *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 204—212.

нин, ни Миша славянин не могут претендовать на отцовство неревских посадников; следовательно, отец последних — третий Миша XIII в. Под 1258 г. летопись сообщает: «Тои же весне убиша Мишу» (Там же. С. 309; в Синодальном списке: «тои же зимы» — Там же. С. 82). Какой из трех одноименных бояр имеется здесь в виду, неясно.

3. *Славенская* (?). К особой группировке относятся Михаил Федорович и его сын Семен Михайлович («Михаил Федорович, сын его Семен». — Там же. С. 472). Михаила Федоровича в 1258 г. избирают на посадничество, «выведше из Ладогы» (Там же. С. 309). Но и его сына Семена Михайловича в 1280 г. делают посадником, «вывед из Ладогы» (Там же. С. 324). «Ладожская линия» продолжается и применительно к сыну Семена Михайловича: в 1290 г. «даша посадничество ладоское Матфею Сменовичю» (Там же. С. 326). Не идет ли речь о том, что наиболее авторитетная часть славенского боярства, вынужденная уйти в изгнание в 1230 г., нашла прибежище и опору в Ладоге? Нам не известно отчество Внезда Водовика и его брата Михаила, изгнанных из Новгорода. Не тождествен ли Михаил Федорович этому брату Водовика?

В свете такого предположения следовало бы рассмотреть политическую ситуацию 1286—1287 гг. После того как в 1286 г. посадничество было отнято у Семена Михайловича в пользу Андрея Климовича (а тысяцкое у Ивана в пользу Андреяна Олферьевича), в 1287 г. «бысть мятежь велик в Новегороде на Смена Михайловича: въста на него весь Новъгород без исправы, поидоша на него изо всех концев, яко силная рать, всякыи в оружии, силою великою; жалостно видение. И тако поидоша на двор его, взяша весь дом его с шумом. Семеон прибежа к владыце, и владыка провади в святую Софею; и тако ублюде бог, и заутра снидошася в любовь. Семеон же по мале дни разболеся болезнью; лежав неколико днии, преставися месяца июля в 16, на память святого Тихона, в понедельник» (Там же. С. 326). Если Семен Михайлович действительно был славенским боярином, то выступление против него «изо всех концев» следует трактовать как новое вечевое отстранение славенского боярства от участия в руководстве государством.

* * *

Наблюдения над посадничьими судьбами следующего, тридцатилетнего периода, начиная с избрания в 1286 г. на место Семена Михайловича Андрея Климовича, обнаруживают, что должность посадника в этот период вращается в узком кругу элитарной боярской группы, в которую входят Юрий Мишинич, Андрей Климович, Семен Климович и Михаил Павшинич.

В начале 1290 г., в «великое говение, исходящу лету 8-му» (т. е. между 14 февраля, когда в указанном году начался великий пост, и 28 февраля, когда закончился мартовский год), «отъяша

новгородци посадничество у Андрея Климовича и даша Юрию Мишиничу» (НПЛ. С. 326). В рассказе о мартовском событии 1294 г. посадником назван Андрей (Там же. С. 327—328; см. также надпись на иконе св. Николая 1294 г.⁹). Тот же посадник действует в 1296 г. (см. приписку к Минее из Синодального собрания. № 161 — СК. № 81, а также комментарий к актам ГВНП. № 4 и 5) и снова фигурирует под 1299 г. в рассказе летописи об избрании в мае владыки Феокиста на место умершего Климента (НПЛ. С. 90, 330). В 1301 г. посадником был Семен (ГВНП. № 34), а в 1302 г. — Андрей (Там же. № 35). В 1304 г. «отъяша посадничество у Семена Климовича и даша брату его Андрею» (НПЛ. С. 91). В 1305 г. посадничество принадлежало Юрию Мишиничу (ГВНП. № 6, 7). В начале 1310 г. оно было передано Михаилу Павшиничу (НПЛ. С. 92), а в начале 1312 г. перешло от Михаила к Семену Климовичу (Там же. С. 93). Андрей Климович, Юрий Мишинич и Михаил Павшинич погибли 10 февраля 1316 г. в битве под Торжком, после чего посадничество было дано Семену Климовичу (Там же. С. 94—95, 336—337).

Изложенные материалы позволяют предположить существенную реорганизацию посадничества около рубежа XIII—XIV вв. Поначалу изменений как будто не наблюдается, и судьбу переходов посадничества от одного лица к другому возможно изобразить так:

Даты	Посадник
1286—1290	Андрей Климович
1290—?	Юрий Мишинич
[1294—1299]	Андрей Климович

Однако далее начинается нечто необычное, а именно ежегодный переход посадничества от одного родного брата к другому. В 1301 г. посадничает Семен Климович, в 1302 г. — Андрей Климович, в 1303 г. — снова Семен, коль скоро в следующем, 1304 г. его сменяет Андрей, но уже в 1305 г. посадником становится Юрий Мишинич¹⁰.

⁹ Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV в. М., 1976. С. 171. № 5.

¹⁰ Можно было бы усомниться в справедливости отнесения в Синодальном списке Новгородской I летописи фразы «Отъяша посадничество у Семена Климовича и даша брату его Андрею» к 6811 г., предполагая, что она относится к 6809 г., когда именно такая замена Семена Андреем фиксирована актами (ГВНП. № 34, 35). Эта фраза, как и следующее за ней сообщение о сооружении церквей, имеется только в Синодальном списке и отсутствует в рукописях Новгородской I летописи младшего извода. Однако Новгородская IV летопись, полностью игнорируя годовой рассказ 6811 г. Синодального списка, сообщает об упомянутом сооружении церквей, демонстрируя тем самым наличие особого протографического источника сообщения 6811 г., который, не будучи привлечен сводчиком Новгородской I летописи младшего извода, отразился, однако, в Синодальном списке и в Новгородской IV летописи.

Следует отметить, что конец XIII в. ознаменовался не только выступлением против Семена Михайловича, принесшим успех Андрею Климовичу в 1286 г., но и контрвосстанием 1290 г., когда после перехода посадничества от Андрея Климовича к Юрию Мишиничу «новгородци же съзвониша вече у святеи Софеи и у святого .Никола, снисдошася в доспесе, взяша улицу Прускую и дома их разграбиша, пожгоша улицу всю, и церковь святыя Богородица сгоре» (НПЛ. С. 326).

Частота перемен на посадничестве, наблюдаемая с первых лет XIV в., позволяет высказать предположение о возникновении в это время ежегодного обновления главных магистратских должностей, о чем в начале XV в. писал Гильбер де Ланнуа: «И есть в городе два должностных лица — тысяцкий и посадник, которые являются правителями Новгорода. Эти правители обновляются из года в год. И эти правители действуют в пользу владыки и сеньоров города»¹¹. Наблюдения над календарными датами более поздних переходов посадничества от одних лиц к другим показывают, что такое обновление происходило в конце очередного мартовского года, т. е. в феврале. Документальные данные о посадничестве начала XIV в. могут быть сведены следующим образом:

Даты	Посадник
февраль 1301—февраль 1302	Семен Климович
февраль 1302—февраль 1303	Андрей Климович
февраль 1303—февраль 1304	Семен Климович
февраль 1304—февраль 1305	Андрей Климович
февраль 1305—февраль 1306	Юрий Мишинич
февраль 1306—февраль 1307	?
февраль 1307—февраль 1308	?
февраль 1308—февраль 1309	?
февраль 1309—февраль 1310	?
февраль 1310—февраль 1311	Михаил Павшинич
февраль 1311—февраль 1312	Михаил Павшинич
февраль 1312—февраль 1313	Семен Климович
февраль 1313—февраль 1314	?
февраль 1314—февраль 1315	?
февраль 1315—февраль 1316	?
февраль 1316—февраль 1317	Семен Климович

При всей фрагментарности этих сведений источники не дают возможности предполагать наличие среди посадников рассматриваемого времени каких-либо иных лиц, кроме названных. Нет таких имен и в соответствующих хронологических контекстах летописных перечней новгородских посадников. В перечне 1415 г. приведенные имена фигурируют в следующем хронологическом контексте: «...Михаил, Павша, Михаило, Семеон, Андреико, Юрьи, Семеон, Вальфромей. . .» (НПЛ. С. 164). Первый из них

¹¹ Государство все нам держати. М., 1985. С. 443.

Михаил (Федорович) убит в Раковорской битве 1268 г. (Там же. С. 86—87, 316—317); Павша (Ананьинич) умер в 1273 г. (Там же. С. 322); второй Михаил (Мишинич) умер в 1280 г. (Там же. С. 324); Семен (Михайлович) — в 1287 г. (Там же. С. 326). Что касается Варфоломея (Юрьевича), то он был сыном Юрия Мишинича и действовал уже после гибели своего отца в 1316 г. Имя Михаила Павшинича в этом перечне пропущено.

Тот же объем посадничьих имен дает перечень, составленный в 1423 г.: «. . . Михаил Федорович, сын его Семен, Павша Онаньинич, Микита Григорьевич, Михаило Мишиничь, брат его Георгии, Андреико Климовичь, брат его Семен, Валфромеи Юрьевич. . .» (Там же. С. 472). Михаил Павшинич в этом перечне имеется, но он перенесен на хронологически неприсущее ему место, в более поздний контекст, где упомянут рядом со своим сыном Захарией (деятельность которого началась в 30-е годы XIV в.): «Михаило Павшиничь, сын его Захарий» (Там же).

Достаточно легко определяется территориальная принадлежность посадников рубежа XIII—XIV вв. Поскольку Варфоломей Юрьевич был боярином Неревского конца, что удостоверено раскопками принадлежавших ему и его наследникам усадеб¹², и погребен в могиле своего отца в церкви Сорока мучеников, находившейся в Неревском конце (Там же. С. 355), то и его отец Юрий Мишинич, как это очевидно, был неревским боярином. О Семене Климовиче известно, что он был инициатором постройки каменной церкви Покрова в Детинце на воротах «от Прусской улицы» (Там же. С. 92, 322). Он и его родной брат Андрей Климович как прусские бояре демонстрируют, таким образом, двойное представительство от своей группировки, объединявшей Людин и Загородский концы. Потомство Михаила Павшинича теснейшим образом связано как с Прусской улицей, так и с Плотничьим концом. В 1386 г. отражающее эту связь событие подробно описано в летописи, рассказывающей о выступлении новгородцев против внука Михаила Павшинича — Есифа Захарьинича: «въсташе 3 конце Софеиской стороне на посадника Есифа Захарьинича, и звонивше веце у святеи Софеи, и поидоша на двор его, акы рать сильная, всякыи во оружьи, и взяша дом его, и хоромы розвезоша; а Есиф посадник бежа за реку в Плотничьскыи конець. И въста за него Торговая сторона вся» (Там же. С. 382). Если Есиф Захарьинич, будучи прусским боярином, выражал в первую очередь интересы Плотничьего конца Торговой стороны, то не опирается ли эта его позиция на некую связанную с его родом традицию? Напомним, что еще в 1255 г. отмечается определенная разница политических интересов у родоначальника Павшиничей Анании Фефилатовича и потомков Твердислава Михалковича, а это две линии одного древнего боярского рода.

Таким образом, напрашивается вывод об основных принципах,

¹² Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 9—34.

лежащих в основе предполагаемой реформы посадничества рубежа XIII—XIV вв. Ежегодное обновление посадничества сопровождалось конституированием некой элитарной группы бояр, только из числа членов которой ежегодно избирался новый посадник. Это как бы прообраз будущего института посадничества, в котором из состава количественно и территориально-представительно фиксированной группы посадников ежегодно избирается степенной посадник. Отличие пока состоит, однако, в том, что члены элиты, уже избираемые пожизненно и в количественно фиксированном составе, не носят посадничьего титула, который переходит от одного боярина к другому по мере ежегодного обновления должности. Иными словами, термин «посадник» еще не стал в этот период пожизненным титулом, а остается обозначением реально занимаемого должностного поста. Само формирование элитарной группы опирается теперь на кончанскую структуру. Мы видим в ее составе представителей Неревского (Юрий Мишинич), Загородского и Людина (Семен и Андрей Климовичи), Плотницкого (Михаил Павшинич) концов. Отсутствует представитель Славенского конца, причины чего разъяснены выше. Успех восстания 1290 г. укрепляет позиции неревского боярства, однако славяне довольствуются лишь «утешительным призом»: «даша посадничество ладоское Матфею Сменовичу» (Там же. С. 326).

Для датировки самой реформы существующих материалов явно недостаточно. Ее результаты ощутимы уже в самые первые годы XIV в., но отнюдь не исключена более ранняя дата этого преобразования, например 1290 г.

* * *

После гибели в 1316 г. Юрия Мишинича, Андрея Климовича и Михаила Павшинича в составе правящей группы уцелел только Семен Климович, тут же избранный (или переизбранный) в посадники¹³. Очевидно, что эта группа нуждалась в незамедлительном пополнении. Летописные перечни посадников вслед за Семеном Климовичем называют Варфоломея Юрьевича, Федора Ахмыла и Захарию Михайловича (НПЛ. С. 164, 472). Но Варфоломей был сыном Юрия Мишинича, т. е. неревским боярином; Захария Михайлович — сыном Михаила Павшинича, т. е. прусско-плотницким боярином. Следовательно, Федора Ахмыла надлежит признать преемником Андрея Климовича, т. е. прусским боярином. Сколько лет после 1316 г. прожил Семен Климович, неизвестно (в немецком документе 1331 г., по-видимому, упоминается его сын: «Яков Симон сын посадника»¹⁴), однако ясно, что принципы формирования элитарной группы и после 1316 г. остаются прежними.

¹³ Ни один из погибших 10 февраля 1316 г. членов боярской элиты в рассказе о битве под Торжком не титулуется посадником; следовательно, логично предполагать, что им был неупомянутый в этом рассказе Семен Климович. Его новое избрание после битвы падает на начало мартовского года, т. е. на момент регулярного обновления должности.

¹⁴ Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909. С. 78.

Посадническая деятельность Варфоломея Юрьевича засвидетельствована актами от 28 января и 12 августа 1323 г. (ГВНП. № 37, 38), от 3 июня 1326 г. (Там же. № 39) и летописным сообщением о событии 8 декабря 1331 г. (НПЛ. С. 344). О Федоре Ахмыле как посаднике известно под 1332 г.: «Въсташа крамолници в Новегороде, и отъяша посадничьство у Федора у Ахмыла и даша Захарьи Михайловичю» (Там же. С. 99, 344). Захария Михайлович как посадник впервые известен под тем же годом по только что цитированному тексту, но «том же лете отъяша посадничьство у Захарья и даша Матфею [Коске]» (Там же. С. 99, 344—345). В рассматриваемый период существовал еще один посадник, не отраженный летописными перечнями, — Данила, от имени которого в начале 1327 г. было заключено dokonчание Новгорода с великим князем Александром Михайловичем (ГВНП. № 14), а в 1329 г. выдана грамота на Двину (Там же. № 85). Вероятные дети Данилы — известные в дальнейшем посадники Федор и Михаил Даниловичи — были прусскими боярами (см. сообщение 1351 г.: «выгониша новгородци из Новагорода Федора посадника и брата его Михаилу и Юрья и Ондреяна, а дома их розграбиша, и Прусскую улицию всю пограбиша». — НПЛ. С. 362), что позволяет видеть в Даниле преемника уже умершего, как это очевидно, к 1327 г. Семена Климовича. Между тем в 1329 г. не стало и Данилы, поскольку среди новгородских послов в Псков в указанном году псковские летописи называют посадника Федора (ПЛ. Вып. 1. С. 16; Вып. 2. С. 91), под которым может подразумеваться только Федор Данилович.

Период 30-х и 40-х годов XIV в. весьма труден для анализа. Уже цитированные летописные сообщения свидетельствуют, что в 1332 г. произошла экстраординарная передача посадничества сначала от Федора Ахмыла к Захарии Михайловичу, а затем от Захарии Михайловича к Матфею Коске. В 1335—начале 1336 г. посадником был Федор Данилович (НПЛ. С. 346; надпись на Васильевских вратах Софийского собора¹⁵); он же посадничал весной 1338 г. (Там же. С. 348). В 1340 г. должность посадника занимал Остафий Дворянинец, о чем можно судить по тому, что в числе воевод, посланных тогда под Торжок, был «Валфромей посадницъ сын Остафьев» (Там же. С. 352; под 1331 г. он назван сыном тысяцкого — Там же. С. 343). В 1342 г. на посадничестве был Федор Данилович (Там же. С. 356). В 1345 г. «отъяша посадничьство от Остафья Дворянинца и даша посадничьство Матфею Вальфромеевичю; божиею благодатью не бысть между ими лиха» (Там же. С. 358); под тем же годом о посадничестве Остафия рассказывается и в другой связи (Там же. С. 100). На следующий год Дворянинец был убит на вече (Там же. С. 359). В 1348 г. посадничал Федор Данилович

¹⁵ Лазарев В. Н. Васильевские врата 1336 г. // Сов. археология. М., 1953. XVIII. С. 397.

(Там же. С. 359—360). Наконец, 16 июня 1351 г. посадничество было отобрано у Федора Даниловича и передано Онцифору Лукиничу (Там же. С. 362), а в 1354 г. «отступися посадничества Онцифор Лукин по своей воле, и даша посадничество Олександру, Дворянинецу брату» (Там же. С. 363—364; в Комиссионном списке НПЛ имеется неоправданная и неподтвержденная источниками позднейшая интерполяция: «даша посадничество Обакуну Твердиславичу, а тысячкое Олександру» и т. д.). Таковы скудные документальные данные о посадниках этого двадцатилетнего периода.

И тем не менее даже эти скудные данные содержат любопытную информацию принципиального характера. За двадцать лет появилось очень немного новых имен: Матфей Варфоломеевич Коска, Федор Данилович и Остафий Дворянинец. Естественно предположить, что этими именами покрывается лишь физическая убыль в элитарной группе боярства, не затрагивая системы представительства в ней. В самом деле, Матфей Коска — сын Варфоломея Юрьевича, и хотя еще в 1334 г. Варфоломей участвует в дипломатическом посольстве (не титулуясь посадником) (Там же. С. 346), хотя его жизнь продолжается до 25 октября 1342 г. (Там же. С. 355), однако его отход от политического руководства в начале 30-х годов XIV в. более чем вероятен. Имеются основания предполагать, что он принял пострижение под именем Власия¹⁶; подтверждается такой отход и другими фактами (см. комментарий к актам АЕ-67, № 1, 2). Как уже отмечено выше, Матфей Варфоломеевич как посадник в последний раз упомянут под 1345 г. Федор Данилович приходит на смену своему отцу Даниле в 1329 г.; в последний раз с посадничьим титулом Федор упомянут под 1351 г. Данных о территориальной принадлежности Остафия Дворянина нет, однако до его появления на посадничестве, перед 1340 г. (в 1331 г. он был еще не посадником, а тысяцким), в источниках исчезают имена Федора Ахмыла и Захарии Михайловича, а сам Дворянинец сосуществует с Матфеем Коской и Федором Даниловичем, что определяет его прусскую или плотницкую принадлежность. После гибели Остафия в 1346 г. его в элитарном представительстве сменил родной брат Александр. Онцифор Лукинич — представитель неревлян и в этом качестве наследует своему дяде Матфею Варфоломеевичу Коске (совершенно не исключено, что еще до 1351 г., когда он впервые упомянут с посадничьим титулом).

Летописные перечни новгородских посадников, составленные в 1415 и 1423 гг., демонстрируют на первый взгляд несколько хаотичную картину последовательности посадников рассматриваемого периода, вступая в противоречие друг с другом (см. с. 24).

В перечне 1423 г. имена сыновей Онцифора Лукинича, Федора Юрьевича и братьев Юрия Ивановича и Андреяна Захарьинича к хронологической очередности посадников отноше-

¹⁶ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 189—192.

Матфей Коска	Онцифор Лукинич, сын его Юрий
Федор	Матфей Варфоломеевич,
Остафья,	сын его Микита
брат его Александр	Федор Юрьевич, сын его Василий
Онцифор	Яков Хотов
Федор	Евстафий Дворянинец,
Яков	брат его Александр
Иван Мотурица,	Иван Семенович,
брат его Александр	брат его Александр
Сильвестр	Иван Федорович
Иван Смятанка	Федор Данилович,
Андреян	брат его Михайло
Юрий	Юрий Иванович, брат его Василий
Михайло	Андреян Захарьинич, брат его Есиф
Григорий	Селивестр Лентеев
Микита	Григорий Якунов

ния не имеют: принадлежа боярам более позднего времени, они поставлены составителем перечня 1423 г. около имен их отцов и братьев для удобства обозначения родства. То же следует сказать о месте в этом перечне Микиты Матфеевича и Михаила Даниловича, хотя время их посадничества не выходит за пределы хронологического контекста рассматриваемых отрывков перечней.

В целом сопоставленные отрывки обладают одинаковой полнотой и в равной степени независимы от возможного летописного источника. Во-первых, они содержат некоторые имена, в летописном рассказе отсутствующие или не связанные этим рассказом с посадничеством их носителей (Федор Юрьевич, Яков Хотов, Иван Федорович, Иван и Александр Семеновичи). Во-вторых, ни один из этих списков не дает правильной хронологической очередности посадничеств. В перечне 1415 г. Микита поставлен после Григория. Однако Григорий Якунович был деятелем конца XIV в.; о его посадничестве известно из летописного сообщения 1389 г. (НПЛ. С. 383) и актов, датируемых 1389—1391 гг. (ГВНП. № 107, 109), тогда как Микита Матфеевич избирался в посадники уже в зиму с 1359 на 1360 г. (НПЛ. С. 366). Не подтверждается и предшествование Матфея Коски Федору Даниловичу: Федор был посадником уже в 1329 г., а Матфей Варфоломеевич — не ранее 1332 г. В перечне 1423 г. нонсенсом выглядит предшествование Онцифора Лукинича Матфею Варфоломеевичу, а Якова Хотова Остафию Дворянину: Остафий был убит в 1346 г., а Яков Хотов становится известным как активный деятель только в 1348 г. (Там же. С. 360), будучи тогда лишь одним из нетитулованных воевод; Матфей Варфоломеевич посадничал уже в 1332 г., а Онцифор вряд ли мог стать членом правящей элиты ранее 40-х годов XIV в., поскольку до 1342 г. был жив его отец Лука Варфоломеевич, погибший во время похода на Двину (Там же. С. 355—356).

Таким образом, отрицая возможность какого-либо из этих перечней быть безусловным источником конкретных указаний, касающихся хронологической очередности избраний на посадничество, надо говорить пока лишь о полноте состава отраженных ими имен в тех хронологических рамках, которыми ограничены цитированные отрывки. Чтобы определить эти рамки, следует обратиться к показаниям летописных и актовых материалов.

После сообщения о переменах на посадничестве в 1354 г. летопись впервые говорит о посадниках под 1360 г.: «Тои же весны, богу попустившю грех ради наших, а диаволу действующу, и по совету лихых людии и бысть мятежь силен в Новгороде; отьяша посадничьство у Вондрейна Захарьиница не весь город, токмо Славеньский конец, и даша посадничьство Селивестру Лентиеву, и створися проторжь не мала на Ярославле дворе, и сеча бысть: занеже славяне в доспесе подселе бяху, и розго ниша заричан, а они без доспеха были, и бояр многих бобиле и полупили, а Ивана Борисова Лихинина до смерти убили. И доспеша тогда обе стороне противу себе: Софейская сторона хоти мстити бещестие братьи своеи, а Славеньская от живота и от голов; и стояша три дни межю себе, уже бо славяне и мост переметаша. И съиха владыка Моисеи из монастыря и Олексеи, поимя с собою анхимандрита и игумены, благослови я, рек: „дети, не доспешите поганым похвалы, а святым церквам и месту сему пустоты; нь съступитесь бится“. И прияша слово его, и разидошася; и взяша села Селивестрова на щит, а иных сел словеньских много взяша; много же и невиноватых людии погибло тогда; и даша посадничьство Миките Матфеевичю, и тако смиришася: не попусти бог до конца диаволу порадоватися, нь възвеличано бысть крестиянство в род и род» (Там же. С. 365—366). Этот рассказ завершает изложение событий мартовского 6867 г., а повествование о следующем 6868 г. начинается сообщением о поездке на поставление избранного 15 сентября 1359 г. владыки Алексея, в которой его сопровождают «бояре новгородчкыи: Олександр посадник, Юрьи Еванов» (Там же. С. 366).

Полное воспроизведение летописного рассказа продиктовано здесь двумя важнейшими обстоятельствами. Во-первых, в событиях 1360 г. впервые после семидесятипятилетнего перерыва активно участвует славенское боярство со своим посадником Сильвестром Лентеевичем. Во-вторых, также впервые мы наблюдаем принадлежность посадничьего титула одновременно нескольким лицам: хотя в начале 1360 г. на посадничество был избран Микита Матфеевич, однако сопровождавший в ближайшее к этому событию время владыку Алексея на поставление во Владимир Александр также титулуется посадником. Новый принцип, ставший нормой до самого конца новгородской независимости, наглядно проявляется в ближайшем десятилетии.

К 1374 или к началу 1375 г. относится наказ новгородским послам, отправленным к тверскому князю Михаилу Александровичу (ГВНП. № 17; о его дате см. комментарий к этому

документу), к которому «повелеша печати приложити изо всех пяти кончев». Документ исходит от посадника Михаила и тысяцкого Матфея. При нем сохранилось одиннадцать печатей, а отверстие еще для одной указывает на бывшее наличие двенадцатой буллы. Посаднику Михаилу принадлежит печать с надписью «Новъгорочкая печать и посадника», тысяцкому Матфею — с надписью «Печать Матьфея Фалелеевича тысяцкого новгорочкого». Надписи остальных булл указывают на участие в оформлении наказа следующих лиц: 1) «Яковля печать посадника новгорочкого»; 2) «Печать Ондrejaнова посадника новгородчкого»; 3) «Юрьева печать Ивановича посадника новгорочкого»; 4) «Филипа тысячького печать»; 5) «Печать Олисиева тысяцкого новгорочкого»; 6) «Печать Селивестрова»; 7) «Печать Евана Еремьнича»; 8) «Семенова печать Онъдреевича»; 9) «Степанова печать». Таким образом, мы видим, что не только посадники, но и тысяцкие к этому времени представлены не единолично, а группами лиц.

Кроме трех лиц, прямо обозначенных тысяцкими на их печатях (Матвей Фалелеевич, Филипп, Олисей), к числу тысяцких должны быть отнесены Иван Еремьнич, Семен Андреевич и Степан, имена которых отсутствуют в перечнях посадников, а это указывает на одновременное существование шести тысяцких. По титулатуре печатей выявляются одновременно существующие посадники Михаил, Яков, Андрей, Юрий Иванович, но к ним надо добавить Сильвестра, на печати не титулованного, но избравшегося в посадники еще в 1360 г., и неизвестное лицо, булла которого не сохранилась, т. е. и в этом случае выявляются шесть одновременных носителей посадничьего титула. Очевидно, что при наличии декларированного в наказе принципа кончанского представительства от какого-то конца избирались два посадника (то же относится и к тысяцким), а один из этих шести ежегодно избирался как главный (степенной). Материалы 70-х годов XIV в., анализируемые ниже, демонстрируют такую картину обновления степени:

Даты	Степенной посадник	Степенной тысяцкий
1370	Иван Семенович	Олисей Ананьинич
1371	Юрий Иванович	Матфей Фалелеевич
1372	Михаил Данилович	Матфей Фалелеевич
1373	Юрий Иванович	Матфей Фалелеевич
1374	Михаил Данилович	Матфей Фалелеевич
1375	Юрий Иванович	Матфей Фалелеевич
1376	Юрий Иванович	Олисей Ананьинич

Таким образом, в третьей четверти XIV в. в Новгороде была произведена реформа государственной администрации, существо которой состояло в усвоении пожизненного титула посадника (и тысяцкого) членами территориально-представительной боярской элиты, а также в расширении числа членов этой элиты: в ее

состав входят теперь шесть посадников и шесть тысяцких. Право участия в элите, как это видно из того, что в нее входит славенский боярин Сильвестр Лентеевич, возвращает себе Славенский конец. Полная характеристика реформы требует ответа на два вопроса: 1. Какой конец Новгорода получил двойное представительство? 2. Когда эта реформа была осуществлена?

Для ответа на поставленные вопросы мы располагаем двумя (хотя и неполными) хронологическими срезами состава посадников — 1360 г. и 1374/75 г. В 1374/75 г. в группу сосуществующих посадников входят: Михаил Данилович, Яков Хотов, Андреян Захарьинич, Юрий Иванович, Сильвестр Лентеевич и еще один — неизвестный по имени.

Михаил Данилович — родной брат прусского боярина и посадника Федора Даниловича. Андреян Захарьинич — сын и внук прусско-плотницких бояр и посадников Захарии Михайловича и Михаила Павшинича. Сильвестр Лентеевич — славенский боярин. О принадлежности Юрия Ивановича возможно судить по летописному рассказу 1380 г.: тогда в состав посольства архиепископа Алексея к великому князю Дмитрию Ивановичу были включены пять бояр по числу концов — Юрий Иванович, Михаил Данилович, Юрий Онцифорович, Иов Обакунович и Иван Федорович (НПЛ. С. 376). Поскольку Юрий Онцифорович, будучи сыном Онцифора Лукинича, представлял Неревский конец, а Иван Федорович (сын будущего славенского посадника Федора Тимофеевича) — Славенский конец, Юрий Иванович не мог быть ни неревским, ни славенским боярином, а принадлежал или к прусскому, или к прусско-плотницкому боярству. О том же говорит летописное сообщение 1350 г., рассказывающее, что во время восстания против Федора и Михаила Даниловичей, Юрия и Андреяна и последовавшего их изгнания из Новгорода восставшие «домы их розграбиша, и Прусскую улицу всю пограбиша» (Там же. С. 362). Здесь мы видим объединенным местом жительства на Прусской улице Михаила Даниловича, Юрия Ивановича и Андреяна Захарьинича.

Возможно высказать уверенное предположение относительно личности посадника, печать которого при наказе 1374/75 г. оказалась утраченной. Еще в 1370/71 г. в Новгороде посадничал Иван Семенович (ГВНП. № 44; о дате этого документа см. ниже), преемником которого летописные перечни посадников называют его родного брата Александра. Однако в 1374/75 г. Иван Семенович был жив: «посадник Иван» фигурирует как новгородский посол к великому князю Дмитрию Ивановичу в акте 1376 г. (ГВНП. № 16). Очевидно, что утраченная при наказе булла принадлежала ему. Но сын Ивана Семеновича Мотурицы Михаил Иванович Мотурицын, ставший посадником в 1419 г., представлял прусское боярство (см. ниже). Таким образом, Якову Хотову может принадлежать представительство только от Неревского конца. Если «Хотов» не отчество, а родовое прозвище, уместно обратить внимание на то, что в 1271 г. неким Федором Хотовичем

была построена церковь Савы (НПЛ. С. 89, 321), а эта церковь находилась в Неревском конце, на Холопьевой улице^{16а}.

Система кончанского представительства рассматриваемой административной реформой была организована таким образом, что Славенский и Неревский концы располагали правом посылать в посадническую элиту по одному пожизненному представителю, а прусско-плотницкая группировка — четырех (т. е. логически — по одному от Людина и Загородского концов и двух — от Плотницкого конца). Если отвлечься от реальной расстановки политических сил, отдававшей в такой системе преимущество прушанам, внешне эта система декларировала паритетность представительства от Софийской и Торговой сторон Новгорода (каждая сторона была представлена тремя посадниками). Предложенный вывод подтверждается наличием именно такого принципа на всем протяжении последующего времени вплоть до 10-х годов XV в.

В свете этого вывода попытаемся восстановить хронологический порядок избрания посадников в 50-х и 60-х годах XIV в. внутри групп кончанских представителей.

Неревский конец. После отказа Онцифора Лукинича от посадничества в 1354 г. его преемником в кончанском представительстве становится двоюродный брат — Микита Матфеевич, о посаднической деятельности которого известно под 1360 г., а затем Яков Хотов (как посадник впервые упомянут под 1364 г. — ПСРЛ. Т. 16. Стб. 90). Однако прежде обозначения Якова Хотова оба перечня посадников называют еще Федора Юрьевича. Имеются основания признать его неревским боярином: его сын Василий Федорович, также ставший посадником и умерший в монашеском чине в июне 1392 г., погребен «у святого Николы» (НПЛ. С. 385), т. е. в неревском кончанском монастыре Николы Белого.

Людин, Загородский и Плотницкий концы. После убийства Остафия Дворянина в 1346 г. его преемником становится Александр Дворянинцев брат, посадничество которого зафиксировано под 1354 г. (Там же. С. 363—364), затем Иван Семенович Мотурица, от которого представительство переходит к брату последнего — Александру Семеновичу.

О посадничестве очевидного наследника Федора Даниловича — его родного брата Михаила Даниловича известно с 1372 г., однако в перечнях посадников Михаилу предшествует Иван Федорович Смятанка, который в 1350 г. был еще тысяцким (Там же. С. 361). Посадник Михаил умер в 1392 г. (Там же. С. 385).

Юрий Иванович как посадник известен с 1371 г. (Там же. С. 371); его упоминания под 1350 и 1360 гг. (Там же. С. 361—362, 366) титулом посадника не сопровождаются. В последний раз он упоминается под 1380 г. (Там же. С. 376).

Андреян Захарьинич как посадник впервые назван под 1360 г. (Там же. С. 366). Его очевидный преемник — родной брат Есиф Захарьинич известен как посадник с 1388 г. (Там же. С. 382).

^{16а} Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 113.

В какой момент между 1374/75 и 1388 г. умер Андреян Захарьинич, неизвестно.

Славенский конец. Сильвестр Лентеевич как посадник упомянут впервые под 1360 г. (Там же. С. 366). Как мы видели, в 1374/75 г. он был еще жив, а следующий славенский посадник Федор Тимофеевич упоминается с 1385 г. (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 342).

В результате изложенных наблюдений отчетливо проявляются шесть параллельных линий посаднического представительства: неревская (Онцифор Лукинич — Микита Матфеевич — Федор Юрьевич — Яков Хотов);

четыре прусско-плотницких (1. Остафий Дворянинец — Александр Дворянинцев брат — Иван Семенович Мотурица — брат Мотурицы Александр Семенович; 2. Иван Федорович Смятанка — Михаил Данилович; 3. Юрий Иванович; 4. Андреян Захарьинич);

славенская (Сильвестр Лентеевич).

Легко заметить, что именно в таком порядке расположены имена посадников в перечне 1423 г. (имя Матфея Варфоломеевича в результате генеалогической обработки оказалось там поставленным около имени его сына Микиты, преемника Онцифора Лукинича), а это разъясняет принцип организации изучаемой части перечня: в ней, следовательно, имена посадников третьей четверти XIV в. сгруппированы по представительским кончанским группам, но внутри каждой группы соблюдена хронологическая очередность посадников.

Если введенная реформой система представительства проясняется, то вопрос о точной дате этого преобразования остается открытым. Вряд ли правильной была мысль о датировке реформы 1354 г.¹⁷ Хотя славенские бояре и попытались настоять на своем праве в 1360 г., однако последовавшее разграбление славлян и свержение Сильвестра говорит о том, что тогда это право не было подтверждено. В 1360 г. Юрий Иванович также еще не титулуется посадником («а с ним бояре новгородчкьи: Олександр посадник, Юрьи Еванов» — НПЛ. С. 366), и, следовательно, нет оснований утверждать, что конституирование посадничьей группы из шести человек уже состоялось к указанному времени. Более вероятной представляется датировка реформы началом 60-х годов XIV в. Во всяком случае, к 1363 г. относится первое летописное упоминание о кончанском принципе формирования важнейших общеновгородских делегаций: «ездивше новгородчкья послове, ис концев по боярину, в Юрьев в Немечкои» (Там же. С. 368). Пятикончанское представительство предполагает по крайней мере урегулирование конфликта со Славенским концом.

Наблюдения над принципами организации посаднической элиты из шести человек убедительно подтверждаются анализом еще одного хронологического среза — по 1388-му г. В это время

¹⁷ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 185—210.

существуют следующие посадники: 1) Василий Федорович (впервые как посадник упомянут под 1386 г., умер в 1392 г. — ПСРЛ. Т. 5. С. 240; НПЛ. С. 385); 2) Михаил Данилович (впервые с посадничьим титулом в 1372 г., умер в 1392 г. — ГВНП. № 43; НПЛ. С. 385); 3) Григорий Якунович (впервые как посадник — под 1386 г., упоминается и в 1389 г. — ПСРЛ. Т. 5. С. 240; НПЛ. С. 383); 4) Есиф Захарьинич (впервые как посадник — под 1388 г., умер в 1409 г. — НПЛ. С. 382, 401); 5) Василий Иванович (впервые как посадник — под 1388 г., умер в 1405 г. — НПЛ. С. 382, 398); 6) Федор Тимофеевич (впервые как посадник — под 1385 г., умер в 1421 г. — ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 342; НПЛ. С. 413).

Василий Федорович — сын неревского боярина и посадника Федора Юрьевича. Прусская принадлежность Михаила Даниловича выяснена выше. Григорий Якунович в 1389 г. был инициатором строительства Покровской церкви в Детинце, на воротах от Прусской улицы (НПЛ. С. 383). Есиф Захарьинич — родной брат Андреяна Захарьинича, прусско-плотницкого боярина и посадника; когда в 1388 г. против него восстали три конца Софийской стороны «и взяша дом его, и хоромы розвезоша», «Есиф посадник бежа за реку в Плотничьский конец. И вста за него Торговая сторона вся» (Там же. С. 382). Василий Иванович — родной брат прусско-плотницкого боярина и посадника Юрия Ивановича. Федор Тимофеевич — славенский боярин и посадник (ГВНП. № 91). Здесь представлено по одному посаднику от Неревского и Славенского концов и четыре от прусско-плотницкой группировки.

Особые привилегии Плотницкого конца, по всей вероятности, помимо изложенных выше соображений о паритетном представительстве Софийской и Торговой сторон Новгорода, определены тем, что именно в XIV в. территория этого конца стремительно расширяется на север, захватив широкое пространство за Федоровским ручьем, на что указывает как незначительная мощность здесь культурных напластований, не содержавших отложений X—XII вв., так и относящееся к XIV в. возникновение здесь приходских церквей (Федора Стратилата на Ручье — 1360 г., Бориса и Глеба в Плотниках — 1377 г., Никиты на Никитиной улице — 1378 г., Андрея на Щитной улице — 1417 г.), что отражает активное формирование заметного массива населения. Изложенные выше наблюдения о представительстве от Плотницкого конца позволяют утверждать, что расширение его территории происходило под эгидой прусского боярства.

* * *

Принимая во внимание то обстоятельство, что обновление главных магистратских должностей в Новгороде рассматриваемого времени осуществлялось ежегодно, в конце мартовского года, мы имеем возможность составить хронологическую таблицу степенных посадников и тысяцких на период с 1370 по 1377 г.

В письме Дерпта Ревелю от 22 августа 1371 г. (ГВНП. № 42) содержится проект договора Новгорода с немцами, исходящий от посадника Юрия (Ивановича) и тысяцкого Матфея (Фалелеевича). Следовательно, эти лица занимали степень с февраля 1371 по февраль 1372 г. (6879 мартовский год). Вряд ли правильно будет искать противоречия этому положению в летописном рассказе 1371 г. о том, что «ездиша на съезд Юрьи Иванович посадник новгородчкый, Селивестр Лентеевич, Олисеи тысячкый, Олександр Колыванов, и докончаша мир с Немци под Новым городком» (НПЛ. С. 371), если предполагать, что упомянутый в нем тысяцкий Олисей выступал на съезде как степенной, т. е. думать о перемене на степени тысяцкого в промежуток времени от составления проекта договора до съезда. В указанное время число сосуществующих тысяцких равнялось шести; из их числа на один год избирался степенной. Тысяцкий Олисей, как и посадник Сильвестр Лентеевич, был членом новгородской делегации на съезде 1371 г. и, подобно Сильвестру, не становился от этого степенным.

В письме Дерпта Ревелю от 5 августа 1372 г. содержится список договорной грамоты Новгорода с немецким купечеством о перемирии на два года (ГВНП. № 43), исходящей от посадника Михаила (Даниловича) и тысяцкого Матфея (Фалелеевича) и датированной в самом ее тексте 20 июля 1372 г. («Дано и совершено в год господень 1372, в третий день перед праздником Марии Магдалины»). Эти магистраты, следовательно, занимали степень с февраля 1372 по февраль 1373 г.

К 29 сентября 1373 г., как это доказал К. Е. Напьерский¹⁸, относится договорная грамота Новгорода с немцами (ГВНП. № 45), ликвидирующая конфликт из-за товара, пограбленного у новгородцев на Неве и в Стокгольме (впервые об этом конфликте говорится в акте) (ГВНП. № 44). Договорная грамота от 29 сентября 1373 г. исходит от посадника Юрия (Ивановича) и тысяцкого Матфея (Фалелеевича); им принадлежит магистратский срок с февраля 1373 по февраль 1374 г.

В наказе новгородским послам к тверскому князю Михаилу Александровичу (Там же. № 17), датированном 1374 или началом 1375 г. (см. комментарий к этому документу), степенные — посадник Михаил (Данилович) и тысяцкий Матфей Фалелеевич, владевшие степенью, следовательно, с февраля 1374 по февраль 1375 г.

В договорной грамоте Новгорода с тверским князем Михаилом Александровичем (Там же. № 18), составленной в начале 1376 г. (см. комментарий к этому акту), степенные — посадник Юрий Иванович и тысяцкий Матфей Фалелеевич, которым принадлежал срок с февраля 1375 по февраль 1376 г.

Наконец, 9 марта 1376 г. вновь избранного владыку Алексея на кафедру возводят посадник Юрий (Иванович) и тысяцкий

¹⁸ Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868. № 96.

Олисей (Ананьинич), занимавшие степень, следовательно, с февраля 1376 по февраль 1377 г.

Поскольку грамота Новгорода Любеку с требованием возврата пограбленных товаров (ГВНП. № 44), безусловно, предшествует акту 1373 г. (Там же. № 45), но в ней степенными названы посадник Иван Семенович и тысяцкий Олисей (Ананьинич), ее возможно датировать никак не 1373 г. (как принято в ГВНП), когда степенным тысяцким был не Олисей, а Матфей, степенным посадником был не Иван Семенович, а Юрий Иванович (см. ГВНП. № 45), а временем до февраля 1371 г., ориентировочно февралем 1370—февралем 1371 г.

Становится очевидным также, что договор Новгорода с великим князем Дмитрием Ивановичем (Там же. № 16), в котором степенными обозначены посадник Юрий (Иванович) и тысяцкий Олисей (Ананьинич), относится не к 1371—1372 гг. (как принято в ГВНП), когда такого сочетания магистратов не было, а к 1376 г.: этот документ составлен в то время, когда после исчерпания новгородско-тверского конфликта 1372—1375 гг. Новгород снова регулирует свои отношения с Москвой.

Список высших магистратов Новгорода рассмотренного периода выглядит так:

Даты	Степенной посадник	Степенной тысяцкий
февраль 1370—февраль 1371	Иван Семенович	Олисей Ананьинич
февраль 1371—февраль 1372	Юрий Иванович	Матфей Фалелеевич
февраль 1372—февраль 1373	Михаил Данилович	Матфей Фалелеевич
февраль 1373—февраль 1374	Юрий Иванович	Матфей Фалелеевич
февраль 1374—февраль 1375	Михаил Данилович	Матфей Фалелеевич
февраль 1375—февраль 1376	Юрий Иванович	Матфей Фалелеевич
февраль 1376—февраль 1377	Юрий Иванович	Олисей Ананьинич

* * *

Грамоту Новгорода ганзейским послам в Юрьев (ОБ. № 38) А. Л. Хорошкевич датировала 1388 г.¹⁹ (подробнее см. в комментарии). В этой грамоте упоминается также другая, более ранняя новгородская грамота об опасе: «Братья заморчи, прислав к нам, грамоту опасную взяле у нас с нашими печатями, что вам ездити в Великы Новгород и отиздити путь чист, без всякого опаса».

Еще одной опасной грамотой является документ, перевод которого сохранился в письме Дерпта Ревелю от 23 декабря, но без обозначения года (HR. Abt. 1. Bd. 3. N 463). Указанная грамота исходит от степенных посадника Василия Ивановича и тысяцкого Григория Ивановича. Летопись под 1388 г. в хронологическом контексте, ограниченном, с одной стороны, сообщением

¹⁹ Хорошкевич А. Л. Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. // АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 265—269.

о событии 26 октября, а с другой — сообщением о событии 8 декабря, излагает обстоятельства восстания, в ходе которого был лишен степени посадник Есиф Захарьинич, а на его место избран Василий Иванович. Коль скоро сообщение о разрушении ледоходом Великого моста 26 октября сопровождается сентенцией «то же бог не хоте видети кровопролития промежи братии наважением диаволим: понеже вѣсташа 3 конце Софеиской стороне на посадника Есифа Захарьинича. . . И вѣста за него Торговая сторона вся» (НПЛ. С. 382), очевидно, что начало восстания относится к последним числам октября, а, поскольку «быша без мира по 2 недели» (Там же), избрание Василия Ивановича следует датировать первой половиной ноября. 8 февраля 1389 г. торжественную встречу вернувшегося в Новгород с поставления архиепископа Иоанна возглавляют посадник Василий Иванович и тысяцкий Григорий Иванович (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 351). Грамоты ОБ. № 38 и Хор.-63. № 2 объединяет участие в них великокняжеских наместников Ивана и Василия. Эти документы позволяют следующим образом датировать состоявшие высших магистратских должностей Новгорода в 1388 г.:

Даты	Степенной посадник	Степенной тысяцкий
февраль 1388—октябрь 1388	Есиф Захарьинич	Григорий Иванович
ноябрь 1388—февраль 1389	Василий Иванович	Григорий Иванович

У нас нет, однако, оснований решительно настаивать на датировке письма Дерпта Ревелю от 23 декабря 1388 г. Вряд ли, если Василий Иванович был избран на степень столь драматически в ноябре 1388 г., могли потребоваться традиционные переборы степенного посадника в феврале 1389 г., т. е. уже через три месяца. Скорее следует предположить, что степень оставалась за ним вплоть до следующих очередных переборов в феврале 1390 г. Не противоречат такой расширительной датировке и имена великокняжеских наместников, поскольку новый наместник (Евстафий Сыта) прислан в Новгород великим князем Василием Дмитриевичем только в 1390 г. (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 368). Тем не менее в пользу датирования этой грамоты 1388 г. остается отсутствие в ней владычного имени.

«Нибуров мир» (ГВНП. № 46) в ГВНП датирован январем-февралем 1392 г., хотя мирный съезд русских и немецких послов в Изборске, на котором был заключен этот договор, произошел осенью 1391 г. (НПЛ. С. 384). Приводятся два основания для предпочтения более поздней датировки, т. е. 1392 г. Один из списков договора содержится в дерптском рецессе от марта 1392 г.; летопись же после рассказа об изборском съезде сообщает: «Тои же зиме теи же послове немечкьи приихавъше в Новѣгород, и товары свои поймахут, и крест целовале, и начаша двор свои ставити изнова: занеже не бяшет по 7 год миру крепкаго» (Там же). Таким образом, предполагается некая ратификация

соглашения в Изборске, произведенная крестоцелованием послов в Новгороде в начале 1392 г. Действительно, «Нибуров мир» оформлен, как кажется, в Новгороде, поскольку в его тексте отмечено, что немецкие послы «приеха... ко всему Великому Новгороду».

Степенными в «Нибуровом мире» названы посадник Тимофей Юрьевич и тысяцкий Микита Федорович, которые, следовательно, занимали степень с февраля 1391 по февраль 1392 г. В договоре упоминаются две более ранние опасные грамоты. Одна из них — «за посадницею печатью Василья Ивановича и тысяцкого Григорья Ивановича» — идентифицируется с документом HR. Abt. 1. Bd. 3. N 463. Другая — «за Олексеевой владыцнею печатью и за посадницею за Васильевон Федоровица и тысяцкого Богдана Обакуновица» — относится ко времени ранее февраля 1388 г., коль скоро в ее оформлении принимал участие еще архиепископ Алексей, оставивший кафедру 22 апреля 1388 г., когда степенным посадником с февраля того же года был уже не Василий Федорович, а Есиф Захарьинич. Василию Федоровичу и Богдану Обакуновичу как степенным мог принадлежать лишь предыдущий срок — с февраля 1387 по февраль 1388 г. Вероятно, именно этот документ упомянут в грамоте ганзейским послам в Юрьев (ОБ. № 38), относящейся к осени 1388 г.

* * *

Сведения о судьбе степени на рубеже XIV—XV вв. скудны. Кроме приведенных известий за 1388 г., имеется сообщение о степенном посадничестве Федора Тимофеевича и степенном тысяцком Богдана Обакуновича в зиму 1385/86 г. (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1. вып. 2. С. 342). В начале августа 1394 г. степенными были посадник Есиф и тысяцкий Микита (ПЛ. Вып. 1. С. 25; Вып. 2. С. 30, 107), однако в том же августе «отъяша новгородци посадничьство у Есифа Захарьиница, и даша посадничьство Богдану Обакуновичю» (НПЛ. С. 386). В июне 1397 г. степенными были посадник Тимофей Юрьевич и тысяцкий Микита Федорович (Там же. С. 388), а в 1398 г. посадничью степень занимал Александр Фоминич, что зафиксировано записью в служебной минее: «В лето 6906-е написана бысть минея сии к Рождеству Христову на сени повелениемъ архиепископа владыце Ивана при посаднице Александре Цесари. В то время послаша новгородьци за Волок рать. А писал Григор Ярославецъ»²⁰. Речь здесь идет именно об Александре Фоминиче, что видно из показания летописи Авраамки: сообщая о смерти Александра Фоминича в 1421 г., она называет его Александром Царьком (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 176; ср.: НПЛ. С. 413). Новгородцы посылали рать за Волок в 1398 г. «по велице дни» (НПЛ. С. 391), т. е. после 7 апреля, на которое тогда приходилась пасха.

²⁰ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. 2-е изд. СПб., 1882. Стб. 285—286.

В 1404 г. степенными были посадник Александр Фоминич и тысяцкий Кирилл Дмитриевич (ПСРЛ. Т. 11. С. 190). В письме Дерпта Ревелю от 13 декабря 1405 г. содержится перевод двух идентичных грамот, исходящих от степенных посадника Есифа Захарьинича и тысяцкого Василия Есифовича (ГВНП. № 48), которые, таким образом, занимали степень с февраля 1405 по февраль 1406 г. В мае 1409 г. степенным тысяцким был Василий Нос (LUB. Bd. IV. N 1796), идентифицируемый с Василием Есифовичем. Из этих свидетельств формируется следующий список:

Даты	Степенной посадник	Степенной тысяцкий
февраль 1385—февраль 1386	Федор Тимофеевич	Богдан Обакунович
февраль 1386—февраль 1387	?	?
февраль 1387—февраль 1388	Василий Федорович	Богдан Обакунович
февраль 1388—октябрь 1388	Есиф Захарьинич	Григорий Иванович
ноябрь 1388—февраль 1390	Василий Иванович	Григорий Иванович
февраль 1390—февраль 1391	?	?
февраль 1391—февраль 1392	Тимофей Юрьевич	Микита Федорович
февраль 1392—февраль 1393	?	?
февраль 1393—февраль 1394	?	?
февраль 1394—август 1394	Есиф Захарьинич	Микита Федорович
август 1394— ?	Богдан Обакунович	?
февраль 1395—февраль 1396	?	?
февраль 1396—февраль 1397	?	?
февраль 1397—февраль 1398	Тимофей Юрьевич	Микита Федорович
февраль 1398—февраль 1399	Александр Фоминич	?
февраль 1399—февраль 1400	?	?
февраль 1400—февраль 1401	?	?
февраль 1401—февраль 1402	?	?
февраль 1402—февраль 1403	?	?
февраль 1403—февраль 1404	?	?
февраль 1404—февраль 1405	Александр Фоминич	Кирилл Дмитриевич
февраль 1405—февраль 1406	Есиф Захарьинич	Василий Есифович
февраль 1406—февраль 1407	?	?
февраль 1407—февраль 1408	?	?
февраль 1408—февраль 1409	?	?
февраль 1409—февраль 1410	?	Василий Есифович

Более основательны сведения о магистратах 1410—1421 гг.

Грамота Новгорода Колывани (ГВНП. № 50) датирована в ГВНП 1410—1411 гг. Однако в ней Колывань информируется о том, что «здесь мы с немчи в розмирьи Свеею», а это размирье относится к весне 1411 г., когда «пришед Свея воиюю и взяша пригород новгородский Тиверский; и новгородци, то слышав, бьскоре поидоша на Свею, толко за три дни по сеи вести, со князем Семеоном Олгердовичем. И прихавши в Свеискую землю, села их повоевав и пожгоша, а Свеи много исекоша, а иных поимаша, а у города у Выбора охабень взем и пожжгоша,

месяца марта в 26, на сбор архаггела Гаврила; и приихаша в Новгород со множеством полона» (НПЛ. С. 402). На 1411 г. указывает и другое обстоятельство. Рассматриваемый акт исходит от архиепископа Иоанна и степенных посадника Ивана Александровича и тысяцкого Василия Есифовича. Между тем во второй половине 1410 г. степень в Новгороде занимали посадник Григорий Богданович и тысяцкий Василий Есифович: «Того же лета начаша новгородци торговати промежи себе лопьци и гроши литовьскими и артуги немечкыми, а куны отложиша, при посадничьстве Григорья Богдановича и при тысячком Васильи Есифовиче» (Там же). Следовательно, им принадлежал срок с февраля 1410 по февраль 1411 г., а Ивану Александровичу и Василию Есифовичу — с февраля 1411 по февраль 1412 г.

Договор Новгорода с Ригой, Юрьевом и Кольванью о взаимном возвращении захваченных у немцев и новгородцев товаров (ГВНП. № 49) в ГВНП вслед за Ф.-Г. Бунге датирован 1409 г., позднее 21 августа на основании наблюдений над изданными в том же своде документами № 1804, 1805 и 1809 (подробнее см. в комментарии). Однако ни в одном из указанных документов год не обозначен, а Бунге не привел никаких оснований для выбора им предложенной даты.

Между тем такая датировка вызывает самые решительные возражения. Послы, как указано в грамоте, приехали в Новгород к посаднику Фоме Есифовичу и тысяцкому Кириллу Дмитриевичу, владевшим в этот момент степенью. Однако в 1409 г. Фома Есифович еще не был степенным посадником. К 1409 г. состав новгородского посадничества выглядел следующим образом. Из шести единовременных посадников: 1) Славенский конец представлял Федор Тимофеевич (как посадник упоминается впервые под 1385 г., умер в 1421 г. — ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 342; НПЛ. С. 413); 2) Неревский конец представлял Тимофей Юрьевич (как посадник упоминается впервые в 1391 г., умер в 1409 г. — ГВНП. № 46; НПЛ. С. 401); 3—4) Плотницкий конец (с двойным представительством) представляли Есиф Захарьинич (как посадник упоминается впервые под 1388 г., умер в 1409 г. — НПЛ. С. 382, 401) и Кирилл Андреянович (впервые упоминается как посадник в 1402 г., умер в зиму 1410/11 г., приняв монашеский чин, что означает предшествующий пострижению отказ от посадничества, — НПЛ. С. 397, 402; так же около 1402 г. постригся его предшественник в кончанском представительстве Василий Иванович, умерший в 1405 г. в монашеском чине. — НПЛ. С. 398); 5—6) Людин и Загородский концы представляли Александр Фоминич (как посадник упоминается с 1398 г. до смерти в 1421 г.) и Юрий Дмитриевич (впервые как посадник упоминается под 1398 г., умер весной 1410 г. — НПЛ. С. 391, 401)²¹.

²¹ Определение территориальной принадлежности этих посадников см.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 147.

Как видим, из этого состава на протяжении 1409—1410 гг. умерли четыре посадника: Тимофей Юрьевич, Есиф Захарьинич, Юрий Дмитриевич и Кирилл Андреянович. Дата пострижения последнего нам неизвестна. Она может значительно отстоять от времени его кончины. Так, к примеру, посадник Феодосий Обакунович умер в 1415 г. (НПЛ. С. 405), оставив посадничество не позднее 1397 г. (в миру он назывался Богданом Обакуновичем)²².

Перечень новгородских посадников, составленный в 1415 г. (Там же. С. 164), пополняет эту убыль в соответствующем хронологическом контексте пятью именами: «Иван, Фома, Юрь Онцифоровиць, Фома Есифовиць, Григории Богдановиць». Очевидно, что указанное пополнение произведено не позднее 1410 г., поскольку замыкающий приведенный список Григорий Богданович был на степени уже во второй половине 1410 г. Не менее очевидно, что к этому моменту кто-то из только что пополнивших список посадников умер, иначе при наличии действовавших еще не один год после 1410 г. посадников Александра Фоминича и Федора Тимофеевича общее число сосуществующих посадников достигло бы семи.

Попытаемся разобраться в территориальной принадлежности новых посадников. В летописном их перечне 1423 г. (Там же. С. 472) Иван и Фома обозначены не только с отчествами, но и с указанием их родственной связи: «Иоанн Александрович, братан его Фома Иванович». Поскольку Иван и Фома — двоюродные братья, очевидно, что их отцы Александр и Иван были родными братьями. Такие братья отыскиваются в числе посадников последней трети XIV в.: «Иоанн Семенович, брат его Александр» (Там же). Оба этих лица представляли в посадничестве прусско-плотницкую группировку бояр. Следовательно, Иван Александрович и Фома Иванович пришли на смену умершему в 1409 г. Есифу Захарьиничу и действительно принявшему к тому времени монашество Кириллу Андреяновичу. На смену Тимофею Юрьевичу приходит Юрий Онцифорович, принадлежность которого к Неревскому концу всесторонне подтверждена обнаружением его усадеб в ходе археологических раскопок на Козмодемьянской улице Неревского конца. Интересующий нас Фома Есифович мог прийти на смену лишь Юрию Дмитриевичу, умершему весной 1410 г., или же Фоме Ивановичу, кончина которого (равно и как самый факт посадничества) в летописи осталась неотмеченной. Предпочтительным является второй вариант решения, поскольку Юрий Дмитриевич скончался не раньше марта 1410 г.: о его смерти рассказывается в начале мартовского 6918 г. (Там же. С. 401); ему, по логике очередности имен в перечне, наследует Григорий Богданович.

Между тем Фома Иванович в перечне обозначен после Ивана Александровича. Если Кирилл Андреянович постригся ранее

²² Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 147.

кончины Есифа Захарьинича, то его непосредственным преемником окажется Иван Александрович, оставшийся посадником до смерти в 1417 г. (Там же. С. 408), а Фома Иванович в таком случае наследует Есифу Захарьиничу. Сообщение о смерти последнего помещено в летописи между рассказами о заключении псковичами мира с Литвой и немцами и о событии 30 ноября (Там же. С. 401). Мир с немцами был Псковом заключен 27 июля 1409 г., «в день субботный» (ПЛ. Вып. 1. С. 33). Следовательно, умер Есиф Захарьинич между 27 июля и 30 ноября 1409 г. Если вслед за Бунге отнести договор о возвращении товаров (ГВНП. № 49) к концу августа или к первым числам сентября 1409 г., то получится, что на протяжении месяца на место умершего Есифа Захарьинича (если допустить, что он умер в самом конце июля) был избран Фома Иванович, успевший тут же умереть, а на место последнего тогда же избрали Фому Есифовича и сразу же сделали его степенным, что представляется невероятным. В том же случае, если предположить, что сначала умер Есиф Захарьинич, а только затем постригся Кирилл Андреянович, возникает еще более невероятная для датировки рассматриваемого акта 1409 г. ситуация: Иван Александрович получает посадничество не ранее конца июля, а Фома Иванович еще позднее, что приводит к тем же сомнениям. Поэтому самой старшей из возможных дат документа можно признать февраль 1412 г. (в феврале 1409 — феврале 1410 г. тысяцким был не Кирилл Дмитриевич, а Василий Есифович; в феврале 1410—феврале 1411 г. на посадничьей степени был Григорий Богданович; в феврале 1411—феврале 1412 г. степенное посадничество принадлежало Ивану Александровичу).

Для определения младшей из возможных дат этого акта важно упоминание в грамоте в качестве степенного тысяцкого боярина Кирилла Дмитриевича. Он умер в самом начале 1415 г., как можно заключить из хронологического контекста сообщения о его кончине в летописи: «Пострижесе владыка Иоанн в скиму; а посадник Кирила Дмитриевич преставися. Тои же зимы, месяца генваря в 20, соиде владыка Иоанн со владычества» (НПЛ. С. 405). Дата принятия схимы Иоанном известна — 15 ноября 1414 г. (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 413), а Никоновская летопись говорит о смерти Кирилла Дмитриевича в великое говение 1415 г., т. е. между 11 февраля и 30 марта (Там же. Т. 11. С. 225). Как видим, к моменту своей кончины Кирилл Дмитриевич был уже не тысяцким, а посадником. На чье место он был избран?

Как уже показано выше, в 1410 г. одновременно существуют шесть посадников: Федор Тимофеевич (умер в 1421 г.), Александр Фоминич (умер в 1421 г.), Юрий Онцифорович (умер весной 1417 г., но перед смертью был «нем год и 3 месяца». — НПЛ. С. 407; в летописях Авраамки и Никоновской: «год и три месяца и 10 дний» — ПСРЛ. Т. 16. Стб. 164; Т. 11. С. 232; следовательно, он отошел от политической деятельности не позднее

1415 г.), Иван Александрович (умер в 1417 г. — НПЛ. С. 408). Неизвестна судьба посадников Григория Богдановича и Фомы Есифовича. Кто-то из них и умер не позднее 1414 г., освободив посадническую вакансию для Кирилла Дмитриевича. Таким образом, датировка договора о возвращении товаров (ГВНП. № 49) замыкается между февралем 1412 и 1414 г. Предпочтительной оказывается его датировка концом августа 1412 г. В этой грамоте ликвидируются взаимные претензии новгородцев и немцев по торговым делам, а уже 2 января 1413 г. новгородцы в ответ на демарш короля Ягайло и великого князя Витовта, потребовавших от Новгорода заключения союза с Литвой против немцев, заявляют: «. . Не может Новъгород того учинити, как есме с Литовьским мирни, так есме и с Немци мирни. Мы князя Лугвеня выведе от вас к собе, а с Немци есме мир вечный взяле» (НПЛ. С. 403).

Отметим еще более важное обстоятельство, заставляющее датировать занятие степени посадником Фомой Есифовичем и тысяцким Кириллом Дмитриевичем временем с февраля 1412 по февраль 1413 г. Существует документ, специально подготовленный для обсуждения претензий по захваченным немцами у новгородцев товарам (Хор.-63. № 3). На связь его с теми переговорами, которые завершились составлением договора о возвращении товаров (ГВНП. № 49), указывает наличие среди выписок об обидах новгородцев грамоты, исходящей от тех же степенных посадника Фомы Есифовича и тысяцкого Кирилла Дмитриевича. Известен и немецкий документ 1412 г., суммирующий торговые претензии немцев к новгородцам (LUB. Bd. IV. N 1919), который воспринимается как подготовительный к переговорам материал.

Среди выписок, составляющих документ Хор.-63. № 3, имеется жалоба новгородцев Федора и Есифа на немца Ивана Мясо. Попытка реализации этой жалобы на основании договорной грамоты (ГВНП. № 49) отражена другой грамотой (ГВНП. № 56), исходящей от степенных посадника Ивана Александровича и тысяцкого Ананья Костянтиновича. В ГВНП последний документ отнесен ко времени не позднее 1417 г. — даты смерти Ивана Александровича. Однако эту грамоту невозможно датировать временем позднее февраля 1415 г. Как будет показано дальше, с февраля 1415 по февраль 1416 г. степенными были посадник Андрей Иванович и тысяцкий Александр Игнатьевич; с февраля 1416 по февраль 1417 г. — посадник Иван Богданович и тысяцкий Борис Васильевич; с февраля 1417 по февраль 1418 г. — посадник Семен Васильевич и тысяцкий Кузьма Терентьевич.

Существует еще один проясняющий проблему документ — грамота Новгорода магистрату Ливонского ордена (ГВНП. № 53), в которой имеется ссылка на переговоры в Новгороде, завершившиеся заключением договора о возвращении товаров (Там же. № 49): «коли ваше послы в Новегороде на миру крест человале». Грамота магистру Ливонского ордена (Там же. № 53)

исходит от степенных посадника Ивана Александровича и тысяцкого Александра Игнатьевича. В ГВНП она датирована временем не позднее 1417 г. на том же основании, что и акт ГВНП. № 56. Но к ней применимы уже приведенные наблюдения относительно этого последнего, которые не позволяют датировать грамоту магистру Ливонского ордена (Там же. № 53) временем позднее февраля 1415 г. Следовательно, оба документа (ГВНП. № 53 и 56) отражают непосредственную реакцию на недавно заключенное соглашение, а не припоминание события шестилетней давности, как выглядели бы их тексты в соответствии с предложенной Бунге датировкой грамоты ГВНП. № 49 1409 г.

Итак, судьба степени в 1410—1414 гг. складывается так:

Даты	Степенной посадник	Степенной тысяцкий
февраль 1409—февраль 1410	?	Василий Есифович
февраль 1410—февраль 1411	Григорий Богданович	Василий Есифович
февраль 1411—февраль 1412	Иван Александрович	Василий Есифович
февраль 1412—февраль 1413	Фома Есифович	Кирилл Дмитриевич
февраль 1413—февраль 1414	Иван Александрович	Анания Костянтинович
февраль 1414—февраль 1415	Иван Александрович	Александр Игнатьевич

Дальнейшая судьба степени документально освещена на протяжении четырех лет. 11 августа 1415 г. степенные посадник Андрей Иванович и тысяцкий Александр Игнатьевич возводят на сени вновь избранного владыку Самсона (НПЛ. С. 405). 16 апреля 1416 г. Самсона, переименованного во время хиротонисания в Семиона, встречают в Новгороде степенные посадник Иван Богданович и тысяцкий Борис Васильевич. (Там же. С. 406). В письме Дерпта Ревелю от 12 сентября 1417 г. содержится список грамоты Новгорода Риге, Юрьеву и Колывани с предложением прислать послов для подтверждения старого мира и о прекращении до того торговли (ГВНП. № 55); эта грамота исходит от степенных посадника Семена Васильевича и тысяцкого Кузьмы Терентьевича. При тех же степенных в 1417 г. мир был заключен: «а в то время взяша Новгородчи мир с Немци, при посаднике Семене Васильевичи, при тысячком Кузме Терентеевичи» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 164). В летописном рассказе о восстании Степанки во второй половине апреля 1418 г. сообщается о требовании архиепископа Семиона к восставшим: «да подадут благословение степенному посаднику Василью Есифовичю и тысячкому Кузме Терентеевичю» (НПЛ. С. 410). Это позволяет продолжить список новгородских магистратов:

Даты	Степенной посадник	Степенной тысяцкий
февраль 1415—февраль 1416	Андрей Иванович	Александр Игнатьевич
февраль 1416—февраль 1417	Иван Богданович	Борис Васильевич
февраль 1417—февраль 1418	Семен Васильевич	Кузьма Терентьевич
февраль 1418	Василий Есифович	Кузьма Терентьевич

Мы видим здесь несколько новых посадничьих имен: Андрей Иванович, Иван Богданович, Семен Васильевич, Василий Есифович. Этот список необходимо сравнить с летописным перечнем посадников 1423 г. В указанном перечне после имени Кирилла Дмитриевича продолжение выглядит так: «Иоан Данилович, Иван Богданович, Борис Васильевич, Семен Васильевич, Василии Есифович. . .» (НПЛ. С. 472). Однако цитированный перечень Комиссионного списка Новгородской I летописи содержит дефект: в нем пропущено имя Андрея Ивановича, в чем убеждает сравнение с соответствующими местами подобных перечней в Новгородской IV и Уваровской летописях: «Иван Даниловичь, Андреи Ивановичь, Иван Богдановичь, Борис Васильевичь, Семеон Васильевичь, Василии Есифовичь. . .» (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 3. С. 626; Т. 23. С. 166).

Перечень посадников 1415 г. (НПЛ. С. 164) в какой-то момент был продолжен и завершен такими именами: «Иван Даниловиць, Андреи Иванович, Иван Богданович, Семеон Васильевич, брат его Тимофеи Васильевич». Здесь, несомненно, случаен пропуск имени Бориса Васильевича: под 1417 г. в рассказе о продолжавшейся все лето и зиму эпидемии летопись сообщает о кончине этого посадника после предсмертного пострижения: «Мнозех же крестиян бог помилова своею милостию: отъидоша житья сего в аггельском чину, от архиереи маслом мазавшимся; и два посадника преставистася в том же чину: Иван Олександрович, Борис Васильевич» (Там же. С. 408). Имя Тимофея Васильевича, которым завершается этот перечень, во всех списках перечня 1423 г. отделено от предшествующего ему здесь Семена Васильевича еще восемью именами. Отсюда возможно заключить, что оно в рассматриваемом случае поставлено вместо имени Василия Есифовича, а истинный порядок пополнения состава посадников после 1415 г. был следующим: Иван Данилович, Андрей Иванович, Иван Богданович, Борис Васильевич, Семен Васильевич, Василий Есифович. Хронологическая последовательность этих имен подтверждается и сведениями о деятельности их носителей: Андрей Иванович был посадником уже в 1415 г.; Иван Богданович — в 1416 г., когда Борис Васильевич еще оставался тысяцким; Борис Васильевич и Семен Васильевич — в 1417 г.; Василий Есифович — в 1418 г.

Попытаемся реконструировать территориальный состав посадников, сосуществовавших к началу 1418 г. Иван Данилович известен как боярин Неревского конца; его имя фигурирует в списке бояр Козмодемьянской улицы, пожертвовавших в 1400 г. Пролог в церковь Козмы и Демьяна²³. Следовательно, он сменил Юрия Онцифоровича и произошло это — самое позднее — в начале 1415 г., поскольку имя Ивана Даниловича в перечнях поставлено раньше имени Андрея Ивановича, ставшего степенным в феврале 1415 г. Заметим, что в последний раз об активной

²³ Янин В. Л. Я послал тебе бересту. . . 2-е изд. М., 1975. С. 79.

деятельности Юрия Онцифоровича летопись рассказывает под 1414 г., когда он участвовал в новгородском посольстве к Витовту (Там же. С. 404—405).

Андрей Иванович и Иван Богданович могут быть преемниками лишь Фомы Есифовича и Григория Богдановича, посадничавших с 1410 г.; кто-то из них, как нам уже известно, около 1414 г. был сменен Кириллом Дмитриевичем (умершим в начале 1415 г.) Следовательно, к началу 1415 г. не было в живых не только Кирилла Дмитриевича, но и Фомы Есифовича и Григория Богдановича. Совпадение отчеств у Ивана и Григория Богдановичей лишний раз указывает на отмеченную преемственность, позволяя предполагать в них родных братьев — сыновей посадника Богдана (Феодосия) Обакуновича (о том, что Григорий был именно его сыном, прямо говорится в перечне посадников 1423 г. — Там же. С. 472).

Андрей Иванович не мог быть представителем ни Славенского конца (представленного Федором Тимофеевичем), ни Неревского конца (представленного Иваном Даниловичем), что подтверждается летописным сообщением 1421 г.: «В Новгороде восташа бранью два конца, Неревскийи и Славеньскийи, за Климентя Ортемьина, про землю, на посадника Ондreja Ивановича, и пограбиша двор его в доспесех, и иных бояр разграбиша дворы напрасно, и убиша Андреевых пособьников 20 человек до смерти, а Неревлян 2 человека и умиришася» (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 431).

Источники умалчивают о дальнейшей судьбе Ивана Даниловича. Поэтому логично заключить, что Борис Васильевич является преемником именно этого посадника, умершего, таким образом, к началу 1417 г.

Если эти наблюдения верны, то в начале 1418 г. в состав новгородского посадничества входили следующие шесть бояр: славенский Федор Тимофеевич (умер в 1421 г.), прусско-плотницкие Александр Фоминич (умер в 1421 г.), Иван Богданович (умер в 1419 г.), Андрей Иванович (упоминается в дальнейшем под 1421 г.), Василий Есифович, неревский Семен Васильевич. Последние два пришли на смену умершим во время эпидемии 1417 г. прусско-плотницкому Ивану Александровичу и неревскому Борису Васильевичу. Под 1401 г. летопись называет Семена Васильевича сыном посадничьим (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 146) — он мог быть сыном только неревского боярина и посадника Василия Федоровича.

* * *

Исчерпав материалы самого раннего летописного перечня новгородских посадников (НПЛ. С. 164), мы подошли к важнейшему в истории государственной организации Новгорода рубежу. До этого момента новгородское посадничество и тысяцкое функционировали на основе принципов середины XIV в.,

когда общее число посадников было определено цифрой 6, а обновление степени происходило один раз в году, перед наступлением нового мартовского года.

Между тем обращение к актовым и летописным материалам 1420—1421 гг. позволяет наблюдать существенное изменение прежнего порядка. 25 августа 1420 г. магистром Ливонского ордена был получен проект договорной грамоты Новгорода с Ливонским орденом и юрьевским епископом о мире (ГВНП. № 59), исходящей от степенных посадника Василия Микитинича и тысяцкого Кузьмы Терентьевича. Те же лица организуют новгородское посольство на Наровский съезд для заключения «вечного мира», состоявшийся 27 января 1421 г. (НПЛ. С. 413; НУВ. Bd. VI. N 339); на съезде был утвержден мирный договор (ГВНП. № 60), называющий степенными тех же магистратов. Весной 1421 г. датируется грамота ГВНП. № 61, содержащая претензию к Юрьеву в связи с нарушением условий только что заключенного мира; она исходит от степенных посадника Михаила Ивановича и тысяцкого Кузьмы Терентьевича. 1 сентября 1421 г. степенные посадник Тимофей Васильевич и тысяцкий Кузьма Терентьевич возводят на сени только что избранного владыку Феодосия (НПЛ. С. 414).

Таким образом, на протяжении 1421 г. наблюдается двукратная смена степенных посадников: в начале года степень занимал Василий Микитинич, весной — Михаил Иванович, в сентябре — Тимофей Васильевич. Можно было бы предположить, что замена Михаила Ивановича Тимофеем Васильевичем была вызвана смертью Михаила, однако такое предположение отпадает: Михаил Иванович посадничал и позднее, в 1424 г. (см.: ГВНП. № 19). По-видимому, мы наблюдаем переход от годичного к полугодовому сроку отправления магистратских должностей. Наличие перемен в организации посадничества подтверждается и обращением к летописному перечню новгородских посадников 1423 г. В нем после имени Василия Есифовича, избранного в 1417 г., помещено еще 22 имени. Если за шесть лет избрано более двух десятков посадников, значит, кончанское представительство в посадничестве было значительно расширено.

Рассмотрим эти имена: «Александр Игнатъевич, Яков Федорович, брат его Иоанн и Афанаси, Михаило Мотуричин, Василии Микитиничъ, Афанасии Есифович, Тимофеи Васильевич, брат его Василии, Иван Иевличъ, Козма Терентеевич, Федор Гаврилович, Иван Данилович, Семен Васильевичъ, Иван Яковличъ, Аврам Степанович, Михаило Оньньинич, Василии Фоминич, Григории Данилович, Филипп Фоминичъ, Артемии Петровичъ, Захарии Кюриловичъ» (НПЛ. С. 472). Перечень посадников в Новороссийском списке Новгородской IV летописи имеет ту же очередность и полноту, но в нем Михаил Ананьинич ошибочно назван Михаилом Степановичем (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 3. С. 626). В сопоставимой части посадничьего перечня Уваровской летописи очередность и полнота имен те же, но между именами Семена

Васильевича и Ивана Яковлевича имеется еще имя Ивана Васильевича (Там же. Т. 23. С. 166).

Легко убедиться в том, что все эти посадники избраны не одновременно. Если Тимофей Васильевич в сентябре 1421 г. был уже степенным посадником, то названный через два имени после него Кузьма Терентьевич тогда оставался еще только тысяцким. Аврам Степанович был тысяцким еще в начале февраля 1423 г. (ГВНП. № 62). И тем не менее существует значительная группа бояр, избранных в посадники уже в 1421 г. К ней относятся: Василий Микитинич (бывший посадником уже летом 1420 г.) Афанасий Федорович (будучи титулован посадником, он участвует в Наровском съезде в январе 1421 г. — НПЛ. С. 413; ГВНП. № 60), Михаил Иванович и Тимофей Васильевич, действовавшие как посадники в 1421 г. Последний упомянут позднее сообщения о смерти посадников Федора Тимофеевича и Александра Фоминича (рассказ об их кончине помещен между сообщениями о событиях 19 мая и 15 июня 1421 г.); поэтому не исключено, что он был избран на место кого-то из них. Однако, если даже считать, что часть перечня, сформировавшаяся к 1420 г., заканчивается именем Василия Микитинича, она все же содержит шесть новых имен, но к ним надо добавить продолжавших свою деятельность тех посадников, которые были избраны еще до 1418 г., а именно: Федора Тимофеевича, Александра Фоминича, Андрея Ивановича, Василия Есифовича (участника Наровского съезда 1421 г.), вероятно — Семена Васильевича и умершего в 1419 г. Ивана Богдановича (если расширение состава посадников было предпринято раньше его смерти). Вместе с прежними число посадников 1420 г. достигает в таком случае двенадцати, т. е. расширено вдвое.

Существует обстоятельство, позволяющее утверждать, что расширение состава посадничества было произведено до смерти Ивана Богдановича. К такому выводу приводят наблюдения над территориальным составом всей группы. До сих пор нормы посаднического представительства предусматривали участие в посаднической элите по одному боярину от каждого конца, а от Плотницкого конца двух. Не умея разделить конкретно по концам единую в родственном и политическом отношениях группировку бояр Прусской улицы (Людин и Загородский концы) и Плотницкого конца, мы можем обобщенно говорить о том, что эта группировка поставляла четырех посадников, а Неревский и Славенский концы — по одному. Казалось бы, при расширении числа посадников вдвое на Неревском и Славенском концах должны избирать по два посадника, а прусско-плотницкая группировка — соответственно восемь посадников. Однако этого не произошло.

В составе ранее избранных посадников Федор Тимофеевич представлял Славенский конец, а преемник Бориса Васильевича Семен Васильевич — Неревский конец. Остальные четыре принадлежали к прусско-плотницкой группе; это очевидно из изложенного

выше для Александра Фоминича, Андрея Ивановича и Ивана Богдановича, но так же очевидно и для Василия Есифовича. Дополнение к перечню посадников в Комиссионном списке Новгородской I летописи называет его братом Афанасия Есифовича (НПЛ. С. 165), последний же в летописи обозначен как «сын посадницъ» (Там же. С. 402), что определяет обоих братьев как сыновей посадника Есифа Захарьинича, одинаково прочно связанного и с Прусской улицей и с Плотницким концом.

В числе вновь избранных посадников Александр Игнатьевич и Василий Микитинич представляют Неревский конец: Александр Игнатьевич — внук Матфея Варфоломеевича Коски, как и Василий Микитинич; оба они — правнуки Варфоломея Юрьевича²⁴. Братья Яков, Иван и Афанасий Федоровичи — сыновья посадника Федора Тимофеевича, славенского боярина: летопись под 1414 г. называет Афанасия Федоровича «сын посаднич» (Там же. С. 404); Яков Федорович назван «сыном посадничим» на его свинцовой печати, сохранившейся при подлинном акте (ГВНП. № 92)²⁵, — других же посадников Федоров, годящихся им в отцы, в последней четверти XIV—начале XV в. не было; под 1417 г. упоминается «Иван Федорович и брат его Офнос» (НПЛ. С. 407), чем подтверждается генеалогическое указание перечня. Следовательно, эти три брата представляли Славенский конец. Михаил Мотурицын тождествен Михаилу Ивановичу, но Мотурицей (или Муторицей) звали прусского посадника Ивана Семеновича (ср.: «Иван Мотурица, брат его Александр» в перечне посадников 1415 г. — НПЛ. С. 164 — и «Иоанн Семенович, брат его Александр» в том же хронологическом контексте перечня 1423 г. — Там же. С. 472).

Эти наблюдения показывают, что с избранием новых посадников при удвоении их числа Славенский конец представлен четырьмя боярами, а Неревский — тремя. Не исключено, однако, что с избранием на посадничество его трех сыновей старый Федор Тимофеевич (он посадничал по меньшей мере с 1385 г.) отошел от политической и административной деятельности. В таком случае логично думать и о равном представительстве также от плотницкой и прусской (людинско-загородской) группировок, т. е. о том, что от каждого из контролируемых ими концов теперь также избиралось по два посадника. В общей сложности мы пока насчитали их пять (Александр Фоминич, Андрей Иванович, Иван Богданович, Василий Есифович, Михаил Иванович). Предположим, что в одно время с расширением состава посадничества был избран и следующий в перечне 1423 г. вслед за Василием Микитиничем Афанасий Есифович (ведь, ограничивая эту группу именем Василия Микитинича, мы действовали в известной степени умозрительно и не выдвигали тогда предположения

²⁴ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 43—46. Здесь говорится о находках на Неревском конце, связанных с этими боярами.

²⁵ Эта булла долгое время считалась утраченной, в 1988 г. обнаружена в Отделе рукописей ГПБ.

об отказе Федора Тимофеевича от посадничества). Чтобы предположение о хронологическом месте Афанасия Есифовича было подтверждено, надо доказать его прусско-плотницкую принадлежность. Однако она в особых доказательствах и не нуждается, коль скоро он был, как уже отмечено выше, родным братом Василия Есифовича и сыном Есифа Захарьинича — прусско-плотницких посадников.

Сумма изложенных наблюдений приводит к выводу, что расширение числа посадников было предпринято еще при жизни Ивана Богдановича, т. е. до 1419 г. Это расширение удвоило количество единовременно действующих посадников, доведя его до 12 человек, и установило паритет между Славенским и Неревским концами, с одной стороны, и прусско-плотницкой группировкой — с другой. Само наличие указанных политических союзов подтверждается летописным сообщением о событиях 1421 г., в ходе которых Славенский и Неревский концы выступают совместно против прусско-плотницкого посадника Андрея Ивановича. В поисках момента проведения этой реформы и выяснения ее непосредственных причин нельзя не обратить внимание на центральное событие политической жизни Новгорода рассматриваемого периода — восстание 1418 г., потребовавшее от новгородского боярства принятия неотложных консолидационных мер. Именно целям консолидации боярства могла служить политико-административная реформа, призванная смягчить внутривоярскую борьбу за власть перед угрозой классового движения черни, которая в ходе этого восстания впервые недвусмысленно продемонстрировала неприятие простым населением Новгорода боярства в целом, что проявилось в политических лозунгах восставших: «зде житнице боярьскыи», бояре «нам супостаты суть» (НПЛ. С. 409). Расширением числа посадников был сделан серьезный шаг по пути преобразования боярской республики в боярскую олигархию.

* * *

Следующие за Афанасием Есифовичем имена посадничьего перечня 1423 г. — «Тимофей Васильевич, брат его Василии» — принадлежат боярам, восполнившим естественную убыль в элите после смерти в 1419 г. посадника Ивана Богдановича и в 1421 г. посадника Александра Фоминича. Оба умерших боярина принадлежали к прусско-плотницкой группировке, и вполне закономерно то, что их преемники являются родными братьями. Поскольку следующим за ними назван Иван Иевлич, тезис о прижизненном отказе Федора Тимофеевича от посадничества можно считать подтвержденным. Если бы его кончина в 1421 г. открывала новую вакансию, то следующим в перечне посадником оказался бы славенский боярин. Однако хорошо известен «адрес» Ивана Иевлича: во время восстания 1418 г. новгородцы «възъярившися, аки пиане, на иного боярина, на Ивана на Иевлича, на Чюденцеве улицы и с ним много разгра-

биша домов боярьских» (НПЛ. С. 409). Чудинцева улица находилась в Загородском конце Новгорода.

Нам неизвестно, была ли реформа расширения числа посадников и установления полугодичного срока занятия степени проведена в 1418 г., сразу после апрельского восстания, или же в момент очередного обисвления степени в феврале 1419 г. Поэтому, обобщая данные об обновлении степени, судьба которой уже известна нам с 1410 по 1418 г., возможно предложить следующий список:

Даты	Степенной посадник	Степенной тысяцкий
февраль 1418— ?	Василий Есифович	Кузьма Терентьевич
февраль 1419—август 1419	?	?
август 1419—февраль 1420	?	?
февраль 1420—август 1420	?	?
август 1420—февраль 1421	Василий Микитинич	Кузьма Терентьевич
февраль 1421—август 1421	Михаил Иванович	Кузьма Терентьевич
август 1421—февраль 1422	Тимофей Васильевич	Кузьма Терентьевич

Промежуток от августа 1418 до августа 1420 г. может быть отчасти заполнен. Грамота Новгорода Риге с требованием суда над Инцей Зашембакой (ГВНП. № 58) отправлена одновременно с актом аналогичного содержания (Там же. № 57). Если первая из них исходит от степенных посадника Александра Игнатьевича и тысяцкого Кузьмы Терентьевича, то вторая — от архиепископа Симеона, который умер 15 июня 1421 г. (НПЛ. С. 413—414). Поскольку Александр Игнатьевич был избран в посадники в 1418 г. или в начале 1419 г., занятие им посадничьей степени возможно относить только к одному из сроков внутри промежутка от 1418 до августа 1420 г. Заметим, что именно в эти годы постоянно возобновлялось и степенное тысяцкое Кузьмы Терентьевича.

Особый сюжет составляет датировка грамоты Новгорода Риге об обиде Бориса Кижанинова (ОБ. № 37). Степенными в ней обозначены посадник Александр Фоминич и тысяцкий Олисей Костянтинович. Последний известен только по этому документу и по упоминанию в летописном перечне новгородских тысяцких 1423 г., где он назван «князем Копорейским» (НПЛ. С. 472), что позволяет предполагать в нем сына князя Константина Ивановича Белозерского, бывшего на кормлении в Копорье в 1393—1396 гг. (Там же. С. 386—387)²⁶. Александр Фоминич как посадник упоминается впервые в 1398 г.²⁷ Он достоверно был на степени в 1398 г., а затем в 1404 г. (ПСРЛ. Т. 11. С. 190), умер же в 1421 г. (НПЛ. С. 413). В 1404 г. ему на степени сопутствовал не Олисей Костянтинович, а Кирилл Дмитриевич; кто был степенным тысяцким в 1398 г., неизвестно, и на чисто формальных

²⁶ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 225—226.

²⁷ Срезневский И. И. Указ. соч. 2-е изд. Стб. 285—286.

основаниях возможно предполагать датировку интересующей нас грамоты (ОБ. № 37) именно этим годом. Однако обращает на себя внимание заметная особенность оформления грамоты о Борисе Кижанинове: она скреплена восковыми печатями посадника и тысяцкого, оттиснутыми матрицами обычных свинцовых булл, а это как будто указывает на предпочтение более поздней даты — такую же особенность имеют печати при грамотах 1411 г. (ГВНП. № 50), 1418—1420 гг. (Там же. № 57, 58), 1421 г. (Там же. № 60) и 1422/23 г. (ОБ. № 39). В источниках отсутствуют сведения о высших магистратах Новгорода за 1399—1403, 1407—1409, 1419—1420 гг.; в любой из указанных сроков Александр Фоминич и Олисей Костянтинович могли быть степенными одновременно.

Решению этого вопроса не способствуют показания летописного перечня тысяцких 1423 г., в котором хронологический принцип соблюден непоследовательно, в чем легко убедиться при его рассмотрении: «. . Еустафий, Иоанн Федорович, Миша Григорьевич, Ананиа Елеферьевич, Фалелеи Андреановичь, сын его Матфеи, Елисеи Онаньинич, Аврам Елферьевич, Никита Федорович, Матфеи, Тимофеи Федорович, Филипп Тетеревков, Григории Иванович, Ананья Костянтинович, Миша Есифовичь, Дмитрии Иванович, Елисеи Костянтинович, князь Копореиский, Василии Игнатъевичь, Александр Иванович, Богдан Микитиничь, Андреи Максимович, Данило Михайлович, Оникии Власьевич, Иван Васильевич» (НПЛ. С. 472—473). Ряд имен этого перечня в других источниках или текстах с конкретными датами неизвестен (они здесь обозначены курсивом); наблюдения над известными именами дают следующий результат.

Евстафий (Дворянинец) как тысяцкий фигурирует в источниках в 1326—1335 гг. (ГВНП. № 39; НПЛ. С. 342, 344, 346), однако перечень тысяцких имеет в виду не его, а другое лицо с тем же именем — тысяцкого Остафия, известного по документу от 6 января 1342 г. (ГВНП. № 41). Идентификации этого Остафия с Дворянинцем противоречит следующее обстоятельство. Под 1331 г. в летописи упомянут «Валъфромеи Остафьев сын тысяцкого» (НПЛ. С. 343), но рассказ 1340 г. знает его уже как «Валфромея посадница сына Остафьева» (Там же. С. 352). Значит, к 1340 г. Остафий Дворянинец стал посадником; его имя закономерно включено в перечень не тысяцких, а посадников (Там же. С. 472). Что же касается тысяцкого Остафия 1342 г., то это, как совершенно очевидно, другое лицо.

Иван Федорович в качестве тысяцкого известен под 1350 г. (Там же. С. 361), Матфей Фалелеевич фигурирует как тысяцкий в документах 1371—1376 гг. (ГВНП. № 15, 17, 18, 42, 43), а Олисей Ананьинич — в 1370—1375 гг. (НПЛ. С. 371, 373; ГВНП. № 16, 17, 44). Между тем следующий за ним Аврам Олферьевич — деятель более раннего времени. Как тысяцкий он назван в летописи под 1340, 1345, 1348, 1350 гг. (НПЛ. С. 100, 353, 359—360, 362); не исключено, что с ним же идентифицируется

тысяцкий Аврам 20-х годов XIV в. (Там же. С. 98, 341; ГВНП. № 14, 37, 38, 85.). Микита Федорович был тысяцким в 1391—1397 гг. (ГВНП. № 46; ПЛ. Вып. 1. С. 25; Вып. 2. С. 30, 107; НПЛ. С. 388), но Филипп Тетеревков идентифицируется с тысяцким Филиппом 1374/75 г. (ГВНП. № 17). Григорий Иванович находился на степени тысяцкого в 1388/89 г. (Там же. № 47; ОБ. № 38; Хор.-63. № 2; ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 351). Анания Костянтинович как тысяцкий известен в 1398 и 1413/14 гг. (НПЛ. С. 393; ГВНП. № 56). Дмитрий Иванович не был тысяцким еще в 1411 г.: под этой датой, как и под 1398 г., он упоминается в летописи без титула. (НПЛ. С. 392, 402). Не был тысяцким в 1411 г. и Василий Игнатьевич (ГВНП. № 51). Наконец, Оникий Власевич как тысяцкий известен по документу 1424 г. (Там же. № 75). Создается впечатление, что рассмотренная часть перечней тысяцких, по крайней мере в том разделе, который заканчивается третьей четвертью XIV в., организована аналогично синхронной части перечня посадников 1423 г., т. е. по кончанским рубрикам с автономной хронологией внутри каждой рубрики.

Если же в завершающем разделе хронологический принцип последовательно выдержан, то перечень тысяцких позволяет предположить, что Олисей Костянтинович впервые стал тысяцким уже после 1411 г., коль скоро и предшествующий ему Дмитрий Иванович и следующий непосредственно за ним Василий Игнатьевич в указанном году тысяцкими еще не были.

* * *

Имеется возможность еще немного продлить хронологический список степенных магистратов Новгорода первой четверти XV в. К началу 1423 г. относится договор Новгорода с ганзейскими городами о разрешении спорных дел (ГВНП. № 62), в котором степенными обозначены посадник Василий Микитинич и тысяцкий Аврам Степанович. Это значит, что степень принадлежала им с августа 1422 по февраль 1423 г.

Сложнее обстоит вопрос о магистратах февраля—августа 1422 г. Под 1422 г. в летописи рассказывается: «Свершены быша 3 церкви каменны: Воскресение Христово у Благовещения в монастыри, Иоанн милостивыи в Людине конци, Воскресение в Павлове монастыри» (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 431). То же известие, но в дефектном виде содержится в Новгородской I летописи под 6929 г., объединившим рассказ о событиях 1421 и 1422 гг., в конце указанной годовой рубрики: «Того же лета свершены быша 4 церкви камены: Богоявление на поле, Вскресение у Благовещения в монастыри, Иван милостивыи в Людине конци» (НПЛ. С. 414). Очевидно, что здесь пропущена церковь Воскресения в Павловом монастыре, которая и должна была бы быть четвертой. Между тем Забелинская летопись под

1422 г. излагает следующий сюжет: «В лето 6930 поставиша церковь камену Воскресение Христово в Павлове монастыри на Павлове улицы в Великом Новеграде, на Торговой стороне, в Славенском конце, при великом князе Василии Дмитриевиче Московском и всеа Руси и при митрополите Фотее всеа Руси, и при владыце Феодосии новгородским наречением, а не свершением. А строители тои церкви каменные быша князь Иван Иевличъ, да степенной посадник Василии Есипович, да тысяцкой Козма Терентьевичъ. И тое церкви они, строители, передаша села вечно по себе, и по своих душах, и вечно ради поминовения родителей своих»²⁸.

Разумеется, к строительству церкви в Славенском конце Иван Иевлич, живший на Чудинцеве улице Загородского конца, никакого касательства иметь не мог. С прусским же боярством Софийской стороны, к которому он принадлежал, связаны все остальные церкви, названные в цитированных текстах. Однако важнее другое: в 1422 г. перечисленные храмы были завершены постройкой, тогда как их строительство началось в 1418 г. О начале возведения церкви «Въскресеие Христово общии манастирь» под 1418 г. говорится в Новгородской I летописи (НПЛ. С. 411), а о строительстве церкви Воскресения в Павловом монастыре — под тем же годом в «Летописце новгородском церквам божиим» (НЛ. С. 257). Но именно в 1418 г. степенными были посадник Василий Есифович и тысяцкий Кузьма Терентьевич, что делает более вероятным их упоминание в том же качестве в позднейшей (XVII в.) Забелинской летописи в связи не с завершением, а с началом строительства, тем более что из ее дефектного текста, несомненно, выпало упоминание тех церквей, инициатором постройки одной из которых действительно был Иван Иевлич.

Очевидно, что августом 1422—февралем 1423 г. датируется грамота о размере поралья и потуг с сирот Терпилова погоста (ГВНП. № 89), адресованная посаднику Василию Микитиничу и тысяцкому Авраму Степановичу, совмещение которых на степени в начале 1423 г. зафиксировано другим документом (Там же. № 62).

Материалы о принадлежности степени в 1424 г. дает dokonчание Новгорода с великим князем Василием Васильевичем (Там же. № 19), составленное еще при жизни великого князя Василия Дмитриевича, который был озабочен организацией крестоцелования его наследнику (см. комментарий к этому документу). Договор был составлен «по благословению преподобнаго священноиннока Еуфимья, от посадника ноугородьскаго Михаила Ивановича, от тысяцкаго новгородскаго Ананьи Васильевича, и от всего Великого Новагорода». Владыка Евфимий I Брататый был возведен на сени 30 августа 1423 г. (ПСРЛ. Т. II. С. 239), «а чернцом был на сенех год и две недели» (НПЛ. С. 415). Простой расчет показывает, что его хиротонисание, до которого

²⁸ *Азбелев С. И.* Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960. С. 104—105.

он титуловался священником, состоялось в середине сентября 1424 г. Этим объясняется и некоторая странность оформления документа. Хотя он исходит от посадника Михаила Ивановича и тысяцкого Анания Васильевича, бывших по смыслу грамоты степенными, однако в числе послов, прибывших в Москву для заключения докончания и крестоцелования князю Василию Васильевичу, назван «посадник степенный Михаиле Онаньич». О заключении новгородцами докончания с великим князем Василием сообщается под 1424 г. в Воскресенской летописи (ПСРЛ. Т. 8. С. 92). На 1424 г. (а не на 1423 г.) указывает как будто и то обстоятельство, что имени Анания Васильевича еще нет в перечне новгородских тысяцких, составленном в 1423 г. (НПЛ. С. 473). Впрочем, Аnanия Васильевич не упоминается ни в одном другом источнике, а докончание с Василием Васильевичем известно только по списку конца XVI в.: нет ли здесь ошибки переписчика, написавшего это имя вместо сходного Аникия Власьевича?

По-видимому, существует только одна возможность разъяснить наличие в грамоте 1424 г. двух имен степенных посадников. Посольство в Москву для заключения докончания и сопровождения владыки на поставление формировалось на том вечевом собрании в августе 1424 г., которое, в традиционный срок обновляя степень, избрало новых магистратов. Бывший до этого степенным посадник Михаил Ананьич был включен в посольство, а адресантами документа, естественно, названы вновь избранные степенные посадник Михаил Иванович и тысяцкий Аnanия Васильевич (Аникей Власьевич?).

В правильности такого наблюдения убеждает приказ Новгорода некоему Миките Тинчову погасить его долг колыванскому послу (ГВНП. № 75), исходящий от степенных посадника Михаила Ананьича и тысяцкого Оникия Власьевича. В ГВНП этот документ по непостижимому недоразумению датирован временем около 1452 г. Между тем в отличие от Аnanия Васильевича и Михаил Ананьич, и Оникий Власьевич упомянуты соответственно в летописных перечнях новгородских посадников и тысяцких, составленных в 1423 г. (НПЛ. С. 472—473). Рассмотренные материалы указывают на то, что эти бояре владели степенью с февраля по август 1424 г.

Подытожим наблюдения над судьбой степени в 1418—1424 гг. (см. с. 52).

Сопоставление этого списка с перечнем новгородских посадников, составленным в 1423 г., обнаруживает, что и в 1423 г. была предпринята реформа нового решительного расширения состава посадничества. В завершающую часть посадничьего перечня 1423 г., после имен Тимофея Васильевича и его брата Василия, избранных еще в 1419 и 1421 гг., входит 13 новых имен: «Иван Иевличь, Козма Терентеевич, Федор Гаврилович, Иван Данилович, Семен Васильевич, Иван Яковличь, Аврам Степанович, Михаило Онаньич, Василии Фоминич, Григории Дани-

Даты	Степенной посадник	Степенной тысяцкий
февраль 1418— ?	Василий Есифович	Кузьма Терентьевич
ок. 1418—1420	Александр Игнатьевич	Кузьма Терентьевич
август 1420—февраль 1421	Василий Микитинич	Кузьма Терентьевич
февраль 1421—август 1421	Михаил Иванович	Кузьма Терентьевич
август 1421—февраль 1422	Тимофей Васильевич	Кузьма Терентьевич
февраль 1422—август 1422	?	?
август 1422—февраль 1423	Василий Микитинич	Аврам Степанович
февраль 1423—август 1423	?	?
август 1423—февраль 1424	?	?
февраль 1424—август 1424	Михаил Ананьинич	Оникий Власьевич
август 1424—февраль 1425	Михаил Иванович	?

лович, Филипп Фоминич, Артемии Петрович, Захарии Кюрилович» (НПЛ. С. 472). В аналогичном списке Уваровской летописи между именами Семена Васильевича и Ивана Яковлевича имеется еще имя Ивана Васильевича (ПСРЛ. Т. 23. С. 166), отсутствующее в перечне не только Новгородской I летописи (НПЛ. С. 472), но и Новгородской IV летописи (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 3. С. 626).

Одновременность избрания этих тринадцати посадников безусловна. Стоящий в приведенном списке вторым Кузьма Терентьевич был тысяцким еще осенью 1421 г., а Аврам Степанович — тысяцким еще в начале 1423 г. Вероятно, именно с этой реформой следует связывать летописные свидетельства начала 1423 г.: «а новгородци человаша крест за один брат» (НПЛ. С. 414); «того же лета Новгородцы целоваша крест заедин быти им всем межи собою» (ПСРЛ. Т. 11. С. 238). Побудительной причиной нового расширения посадничества могло послужить кровавое столкновение 1421 г., когда вопреки консолидационной акции 1418—1419 гг. против посадника Андрея Ивановича выступили Неревский и Славенский концы. Некоторое отстояние во времени от указанного события, возможно, объясняется тяжелым состоянием Новгорода в 1421—1422 гг.: «в си два лета бысть глад и мор велик, и наметаша мертвых три скуделнице, одну в святей Софеи за олтарем, а две у Рожества на поле» (НПЛ. С. 414).

Вместе с 12 посадниками 1421 г. приращение 13 посадников в 1423 г. дает общую цифру 25. Однако вероятнее, исходное число было удвоено до 24, а «излишнее» имя покрывает естественную убыль, без которой вряд ли мог обойтись моровой 1422 г. К сожалению, после 1421 г. летопись долгое время не сообщает больше ни об одной посадничьей смерти и вообще теряет интерес к посадникам, в чем угадывается закономерный результат девальвации посаднического титула, вызванной резким увеличением числа его носителей. Нет возможности исследовать состав посадников 1423 г. и по территориальной их принадлежности, поскольку для подавляющего большинства этих бояр источники не дают необходимых сведений. На вопрос, сохранены ли были

в 1423 г. пропорции кончанского представительства в посадничестве, ответ надо искать в исследовании состава посадников более позднего времени.

* * *

Материалов, касающихся судьбы степени во второй половине 20-х и в начале 30-х годов XV в., не сохранилось. Лишь под 1434 г. летопись называет степенными посадника Самсона Ивановича и тысяцкого Федора Олисеевича, целовавших крест за весь Новгород при заключении мирного договора с Псковом 22 июля (ПЛ. Вып. 2. С. 130), а договорная грамота Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на два года (ГВНП. № 64), сохранившаяся в немецком списке 1435 г., но исчисляющая начало перемирия с 24 июня 1434 г., называет степенными времени заключения этого договора тех же посадника Самсона и тысяцкого Федора. По истечении срока перемирия, в июле 1436 г. был заключен договор Новгорода с ганзейскими городами (Там же. № 67), в котором степенными обозначены посадник Борис Юрьевич и тысяцкий Федор Яковлевич. Те же магистраты названы и в другой грамоте (Там же. № 66), датируемой началом июля 1436 г.

Предшественники Бориса Юрьевича и Федора Яковлевича на степени устанавливаются по надписи на серебряном панагиаре из новгородской Софийской ризницы: «В лето 6-[тысяч]-ное 9-сотное 44-е индикта 14, месяца септембрия 14 день, на вздвижение честного креста створена бысть понагия сия повелением пресвященного архиепископа Великого Новагорода владыци Еуфимия при великом князе Василье Васильевиче всея Руси, при князь Юрье Лугвеньевиче, при посаднике Великого Новагорода Борисе Юрьевиче, при тысяцком Дмитрее Васильевиче, а мастер Иван. Арипь (=Аминь)»²⁹. Дата в этой надписи приведена по сентябрьскому циклу и соответствует 14 сентября 1435 г. Если бы она опиралась на мартовское счисление (т. е. имелся бы в виду 1436 г.), то это был бы уже 15-й индикт.

К началу 1439 г. относится договор Новгорода с немецким купечеством в Новгороде (ГВНП. № 68), исходящий от степенных посадника Исака Андреевича и тысяцкого Анании Семеновича. В конце того же года ганзейская контора в Новгороде доносила магистратам Ревеля и Дерпта (в письме от 28 декабря) о затяжном конфликте Немецкого двора с жителями соседней с двором Михайловой улицы Славенского конца³⁰. Из этого документа видно, что незадолго перед тем степенными в Новгороде были посадник Иван Лукинич и тысяцкий Анания Семенович; о последнем как о тысяцком говорится в прошедшем времени («он был в то время тысяцким»). Однако в том же

²⁹ Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. // САИ. М., 1971. Вып. Е1-49. С. 39—41. № 11.

³⁰ Клейнберг И. Э., Севастьянова А. А. Уличане на страже своей территории // НИС. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 160—162.

донесении указывается, что «в прошлом году» степенным тысяцким был Иван Лукинич. Материалы этого донесения позволяют сделать вывод, что Иван Лукинич и Анания Семенович занимали степень с февраля по август 1439 г., а степень тысяцкого тот же Иван Лукинич получал в 1438 г. Это обстоятельство проливает свет на датировку грамоты Новгорода Колывани (ГВНП. № 69), в которой степенными названы посадник Федор Данилович и тысяцкий Иван Лукинич. Условно этот документ возможно датировать 1438 г., хотя для него не исключена и несколько более ранняя дата, например конец 1436 и 1437 г.

Подытоживая изложенные наблюдения, изобразим их следующим образом:

Даты	Степенной посадник	Степенной тысяцкий
февраль 1434—август 1434	Самсон Иванович	Федор Олисеевич
август 1434—февраль 1435	?	?
февраль 1435—август 1435	?	?
август 1435—февраль 1436	Борис Юрьевич	Дмитрий Васильевич
февраль 1436—август 1436	Борис Юрьевич	Федор Яковлевич
август 1436—февраль 1437	?	?
февраль 1437—август 1437	?	?
август 1437—февраль 1438	?	?
февраль 1438—август 1438	[Федор Данилович] ?	Иван Лукинич
август 1438—февраль 1439	Исак Андреевич	Анания Семенович
февраль 1439—август 1439	Иван Лукинич	Анания Семенович

К концу 1441 или к началу 1442 г. относится грамота Новгорода Колывани (ГВНП. № 71), в которой степенными названы посадник Федор Олисеевич и тысяцкий Семен Тимофеевич; им, следовательно, принадлежал магистратский срок с августа 1441 по февраль 1442 г. Те же лица в том же качестве названы в договорной грамоте Новгорода с литовским великим князем Казимиром (Там же. № 70); этот документ в ГВНП датирован суммарно 1440—1447 гг., однако совпадения магистратских имен дают возможность синхронизировать его с грамотой Новгорода Колывани (Там же. № 71).

27 февраля 1448 г. был заключен предварительный договор Новгорода с Ливонским орденом о перемирии на пять лет (Там же. № 72), который от имени Новгорода скрепили степенные посадник Есиф Григорьевич и тысяцкий Карп Савинич, а на Наровском съезде 25 июля 1448 г. утверждена мирная грамота Новгорода и Пскова с Ливонским орденом (Там же. № 73), назвавшая степенными посадника Афанасия Остафьевича и тысяцкого Евфимия Семеновича. Таким образом, Есиф Григорьевич и Карп Савинич владели степенью в августе 1447—феврале 1448 г., а Афанасий Остафьевич и Евфимий Семенович — в феврале—августе 1448 г.

1 марта 1450 г. была принята датированная в самом ее тексте договорная грамота Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на семь лет (Там же. № 74). Переговоры велись в Новгороде со степенными посадником Дмитрием Васильевичем и тысяцким Михаилом Андреевичем, надо полагать только что избранными на степенъ. Те же имена названы в жалованной грамоте Новгорода Троице-Сергиеву монастырю (Там же. № 95), которая в ГВНП датирована суммарно 1448—1454 гг.

В яжелбицких переговорах с великим князем Василием Васильевичем в конце февраля 1456 г. новгородские послы выступали от имени степенных посадника Ивана Лукинича и тысяцкого Василия Пантелеевича (Там же. № 22), но документ об окончательной расплате по контрибуции, наложенной на Новгород в Яжелбицах (Там же. № 24), скреплен уже печатями посадника Ивана Лукинича и тысяцкого Михаила Андреевича; совершенно не исключено, что этот документ датируется не 1456 г. (как принято в ГВНП), а несколько более поздним временем.

1 февраля 1461 г. закончились переговоры Новгорода и Пскова с прибалтийскими городами, состоявшиеся в Новгороде, от имени которого в утверждении перемирия на пять лет участвовали степенные посадник Иван Лаврентьевич и тысяцкий Михаил Андреевич (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 204). Их сменили на степени посадник Афанасий Остафьевич и тысяцкий Михаил Андреевич, от имени которых выдана великому князю Василию Васильевичу грамота на черный бор в 1461 г. (см. комментарий к акту ГВНП. № 21).

Все эти материалы дают следующее весьма фрагментарное продолжение списка новгородских высших магистратов:

Даты	Степенной посадник	Степенной тысяцкий
август 1441—февраль 1442	Федор Олиссевич	Семп Тимофеевич
август 1447—февраль 1448	Есиф Григорьевич	Карп Савинич
февраль 1448—август 1448	Афанасий Остафьевич	Евфимий Семенович
февраль 1450—август 1450	Дмитрий Васильевич	Михаил Андреевич
август 1455—февраль 1456	Иван Лукинич	Василий Пантелеевич
?	Иван Лукинич	Михаил Андреевич
август 1460—февраль 1461	Иван Лаврентьевич	Михаил Андреевич
февраль 1461—август 1461	Афанасий Остафьевич	Михаил Андреевич

Имеются столь же разрозненные сведения о степенных Новгорода последнего периода его независимости. 18 марта 1466 г. датирован в самом его тексте договор Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на два года (ГВНП. № 76). В нем степенными обозначены посадник Афанасий Остафьевич и тысяцкий Михаил Исакович. 10 апреля 1468 г. был заключен пятилетний мирный договор Новгорода с Швецией (ST. Delen III. N 512. S. 292—293) от имени степенных посадника Ивана Лукинича и тысяцкого Трифона Юрьевича. От имени

тех же магистратов исходит жалованная грамота Новгорода Соловецкому монастырю (ГВНП. № 96), суммарно датированная в ГВНП 1459—1469 г. 15 августа 1468 г. в соглашении между Новгородом и фогтом Выборга (ST. Delen III. N 512. S. 294—296) степенным посадником назван уже Яков Федорович, а степенным тысяцким, как и в предыдущих документах, — Трифон Юрьевич.

В договоре Новгорода с Казимиром IV 1471 г., известном в списке (ГВНП. № 77), имя степенного посадника оказалось пропущенным, а степенным тысяцким в нем обозначен Василий Максимович. Коростынский договор Новгорода с Иваном III от 11 августа 1471 г. (Там же. № 26) называет степенными посадника Тимофея Остафьевича и тысяцкого Василия Максимовича. К концу апреля—маю 1472 г. относится опасная грамота Новгорода ганзейским послам (Хор.-65. С. 331—332), исходящая от степенных посадника Григория Михайловича и тысяцкого Василия Максимовича.

18 ноября 1475 г. во время «мирного похода» Ивана III на Новгород его встречают степенные посадник Василий Ананьинич и тысяцкий Василий Есифович (ПСРЛ. Т. 6. С. 201). 26 ноября того же года Василий Ананьинич был арестован великим князем и отправлен за приставами в Москву; о его освобождении безуспешно просили новгородцы вплоть до падения Новгорода. 11 января 1476 г. степенными названы посадник Фома Андреевич и тысяцкий Василий Есифович (Там же. С. 204; под 19 декабря 1475 г. степенной тысяцкий Василий Есифович ошибочно назван степенным посадником. — Там же. С. 204; Т. 25. С. 307). Датированная в самом ее тексте 1477 г. жалованная грамота Новгорода Троице-Сергиеву монастырю (ГВНП. № 101) степенным посадником называет Михаила Семеновича, а степенным тысяцким Федора Лукинича. Наконец, в последних переговорах независимого Новгорода с великим князем Иваном III в ноябре 1477 — январе 1478 г. участвуют степенные посадник Фома Андреевич и тысяцкий Василий Максимович (ПСРЛ. Т. 6. С. 210; Т. 12. С. 175).

Эти сведения дают завершение списка новгородских высших магистратов:

Даты	Степенной посадник	Степенной тысяцкий
февраль 1466—август 1466	Афанасий Остафьевич	Михаил Исакович
февраль 1468—август 1468	Иван Лукинич	Трифон Юрьевич
август 1468—февраль 1469	Яков Федорович	Трифон Юрьевич
февраль 1471—август 1471	Тимофей Остафьевич	Василий Максимович
февраль 1472—август 1472	Григорий Михайлович	Василий Максимович
август 1475—ноябрь 1475	Василий Ананьинич	Василий Есифович
декабрь 1475— ?	Фома Андреевич	Василий Есифович
февраль 1477—август 1477	Михаил Семенович	Федор Лукинич
август 1477—январь 1478	Фома Андреевич	Василий Максимович

Изложив существующие сведения о принадлежности степени между 1423 и 1478 гг., следует теперь отметить, что на протяжении этого периода в Новгороде была осуществлена еще одна реформа расширения состава единовременно действующих посадников, о чем свидетельствуют материалы летописного рассказа о встрече новгородцами великого князя Ивана III во время его «мирного похода» на Новгород в 1475 г. Среди участников встречи, растянувшейся на ряд этапов, 15 ноября фигурируют посадники Фефилат Захарьинич, Яков Федорович, Кузьма Фефилатович; 16 ноября — Василий Казимер, его брат Яков, Лука Федорович, Казимеровы сестричичи Григорий и Иван Михайловичи, Григорий Тучин, Богдан Есифович, Олферий Афанасьевич; 17 ноября — Захария Овин, его брат Кузьма, зять Захарий Овина — Иван Кузьминич, сын-овья Захарии Овина — Захария и Иван, Василий Кузьминич, Афанасий Груз, его брат Тимофей, Иван Шенкурский, Микита Афанасьевич, брат Афанасия Груза — Кузьма, сын последнего Тимофей, Микита Есифович сын Григорьева, Семен Федорович сын Самсонова, Александр Самсонович; 18 ноября — Василий Ананьинич (степенной), Иван Афанасьевич, Кирилл Яковлевич, Василий Глазоемцев, Родион Норов; 20 ноября — Фома Андреевич Курятник, Федор Окинфович Глазоемцев, Яков Слизень, Микита Федорович (ПСРЛ. Т. 6. С. 200—201; Т. 25. С. 304—305³¹). Общее число посадников здесь равно 35; иными словами, количество одновременно действующих посадников оказывается значительно больше 24-х, установленных реформой 1423 г. К какому же времени относится это новое расширение коллегии посадников?

Пытаясь ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть перечень новгородских посадников в Уваровской летописи, заключительная часть которого перечисляет бояр, избранных на посадничество после 1423 г. В ней фигурирует 33 новых посадничьих имени, следующих за Захарией Кирилловичем, который замыкал список 1423 г. (нумерация внесена в цитируемый текст для удобства дальнейших отсылок):

«(1) Григорей Кириловичь, (2) Григорей Юрьевичь, (3) Самсон Ивановичь, (4) Ондрей Ивановичь, (5) Федор Даниловичь, (6) Борис Юрьевичь, (7) Иван Васильевичь, (8) Федор Олисиевичь, (9) Онания Семеновичь, (10) Дмитрией Васильевичь, (11) Иван Лукиничь, (12) Исак Андреевичь, (13) Федор Яковличь, (14) Богдан Микитиничь, (15) Есиф Ондrejaновичь, (16) Есиф Григорьевичь, (17) Есиф Яковличь, (18) Иван Максимовичь, (19) Иван Лаврентиевичь, (20) Богдан Есифовичь, (21) Захария Григорьевичь, (22) Василей Степановичь, (23) Михаило Ивановичь, (24) Офонас Остафьевичь, (25) Александр Васильевичь, (26) Василей Александровичь, (27) брат его Яков Короб,

³¹ См. также: *Насонов А. Н.* Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник // *Проблемы источниковедения.* М., 1961. Вып. IX. С. 383—384.

(28) Иван Немир, (29) Василие Глазомчов, (30) Козма Григорьевичь, (31) Михайло Семенов, (32) Александр Самсонов, (33) Федор Самсонов» (ПСРЛ. Т. 23. С. 166).

Источниковедческая характеристика этого перечня требует решения нескольких вопросов: 1. Каким было время его составления? 2. Имеется ли в нем или отсутствует хронологическая последовательность имен? 3. Обладает ли он в своих хронологических пределах исчерпывающей полнотой? 4. Является ли он списком всех посадников своего периода, подобно перечням 1415—1417 и 1423 гг., или же в нем фигурируют только имена степенных посадников? 5. Если это список только степенных посадников, отражена ли в нем хронология замещения степени или хронология приобретения титула? Постановка последних двух вопросов определена именно таким истолкованием рассматриваемого перечня, предложенным В. Н. Бернадским и поддержанным в моей старой работе 1962 г.³² Все эти вопросы взаимосвязаны, и для ответа на них следует познакомиться с документальными сведениями о перечисленных в перечне Уваровской летописи посадниках.

1. *Григорий Кириллович Посохно*. Впервые упомянут как посадник под 1428 г. (ПСРЛ. Т. 8. С. 94; Т. 18. С. 170; Т. 25. С. 248). В дальнейшем с тем же титулом известен в 1434, 1435, 1436/37 гг. (НПЛ. С. 417—419). Сохранился серебряный ковш с надписью: «А се ковш посадника новгородского Григорья Кюриловича»³³. В писцовых книгах фигурируют дожившие до боярского вывода его сын Андрей Григорьевич Посохнов и вдова внука Микиты Есифовича Василистина — Оксинья (Микита был сыном Есифа Григорьевича Посохиова)^{33а}.

2. *Григорий Юрьевич*. Других свидетельств о нем нет.

3. *Самсон Иванович*. Упоминается впервые как посадник в грамоте 1434 г. (ГВНП. № 64). В том же году 22 июля целовал крест от всего Човгорода при заключении мирного договора с Псковом (ПЛ. Вып. 2. С. 130). В Наровском договоре 25 июля 1448 г. фигурирует как посадник в числе новгородских послов (ГВНП. № 73). В писцовых книгах известен его сын Александр Самсонович (в настоящем списке — под № 32) и внук Семен Федорович [сын Федора Самсоновича (последний в настоящем списке — под № 33)].

4. *Андрей Иванович*. Тезка посадника, упоминаемого в 1415—1421 гг. Известен как посадник по грамоте, суммарно датированной 40-ми годами XV в. (ГВНП. № 90; см. комментарий к этому документу).

5. *Федор Данилович*. Назван как степенной посадник в грамоте второй половины 30-х годов XV в. (ГВНП. № 69), когда степень

³² *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 357—362; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 274—302.

³³ *Николаева Т. В.* Указ. соч. С. 38. № 10.

^{33а} Здесь и далее подразумеваются ссылки на издание: Новгородские писцовые книги, изданные изд. Археографической комиссией: Указатель к первым шести томам. Пг., 1915.

тысяцкого занимал Иван Лукинич (последний в настоящем списке — под № 11).

6. *Борис Юрьевич*. Известен как степенной посадник в 1435 и 1436 гг. (приведенная выше надпись на панагиаре 1435 г.; ГВНП. № 67). В январе 1431 г. он еще не был посадником, поскольку никак не титулуется в договоре Новгорода с литовским великим князем Свидригайлом (ГВНП. № 63), послом к которому он ездил в Вильно. Его вероятные потомки: сын — посадник Микифор Борисович (НПЛ. С. 165), внук — Василий Микифорович Пенков, упоминаемый с 1475 г. и убитый в должности посадника в 1477 г. (ПСРЛ. Т. 12. С. 159—171), правнук — Иван Васильевич (Там же. С. 174). Последний известен в писцовых книгах, равно как и его мать Орина.

7. *Иван Васильевич Сокира*. Как посадник впервые упоминается под 1435 г. (НПЛ. С. 417) и еще под 1442 г.: «В то же время был посадник новгородчкий Иван Васильевич, держал русское посадничество» (Там же. С. 422). Умер в 1446 г. (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 442—443; Т. 16. Стб. 189—190). О принадлежности ему прозвища Сокира и его потомках см. ниже специальный экскурс.

8. *Федор Олисеевич*. Стал посадником не ранее 1435 г., поскольку еще в июле 1434 г. был степенным тысяцким (ПЛ. Вып. 2. С. 130; ГВНП. № 64); тысяцким он титулован и в летописном рассказе 1435 г. (НПЛ. С. 417). В 1441/42 г. был степенным посадником (ГВНП. № 70, 71). С ним, по-видимому, отождествляется посадник «Федор Алексеевич», действовавший еще в 60-х годах XV в. (см.: ГВНП. № 111 — грамоту, известную только в списке XVII в.).

9. *Анакия Семенович*. Под 1435 г. летопись еще не титулет его (НПЛ. С. 417). В 1438—1439 гг. он был степенным тысяцким (ГВНП. № 68 и цитированное выше донесение Немецкого двора в Новгороде). Следовательно, его избрание в посадники относится к несколько более позднему времени.

10. *Дмитрий Васильевич Глухов*. В 1435/36 г. был степенным тысяцким (надпись на панагиаре 1435 г.). Тысяцким назван еще в двух суммарно датированных документах (ГВНП. № 90, 290), один из которых свидетельствует, что он еще оставался тысяцким, когда Андрей Иванович (в настоящем списке — под № 4) уже был посадником. Как посадник Дмитрий Васильевич известен в документе от 25 июля 1448 г. (ГВНП. № 73), а в марте 1450 г. он занимал пост степенного посадника (Там же. № 74, 95). С тем же титулом фигурирует также в двух с должной точностью недатированных актах (Там же. № 291, 294). В писцовых книгах известен его внук Федор Остафьевич Глухов.

11. *Иван Лукинич Шока*. Был тысяцким в 1438 г., но уже в 1439 г. стал степенным посадником (цитированное выше донесение 1439 г. Немецкого двора в Новгороде). Как посадник известен также в 1448 г. (ГВНП. № 73; ПЛ. Вып. 2. С. 138), в 1455/56 г., когда занимал степень (ГВНП. № 22 и несколько более поздний

акт — Там же. № 24), в 1458 г. (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 198), 1462 г. (Там же. Стб. 211) и в 1471 г. (ГВНП. № 25, 26, 27). Принял пострижение под именем Василий (Там же. № 120). В писцовой книге Шелонской пятины упоминается Ульяна, жена Ивана Щокина, с сыном Семеном.

12. *Исак Андреевич Борецкий*. Впервые как посадник упоминается под 1428 г. (ПСРЛ. Т. 8. С. 94; Т. 18. С. 170; Т. 25. С. 248). В 1438/39 г. занимал степень посадника (ГВНП. № 68). Как посадник известен также под 1453 г. (ПСРЛ. Т. 23. С. 155). Был жив около 1456—1458 гг. (РК. № 2). В писцовых книгах фигурирует его вдова Марфа Исакова, широко известная как «Марфа Посадница».

13. *Федор Яковлевич*. В 1436 г. был еще не посадником, а степенным тысяцким (ГВНП. № 66, 67). Как посадник известен в 1446 г. (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 443; Т. 16. Стб. 189), 1456 г. (ГВНП. № 22, 23, 24), 1459 г. (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 198), 1462 г. (Там же. Стб. 211). Умер 8 сентября 1466 г. одновременно со своим братом посадником Есифом Яковлевичем (в настоящем списке — под № 17) (Там же. Стб. 219).

14. *Богдан Микитинич*. Других свидетельств о нем нет.

15. *Есиф Андреянович Горошков*. В 1434 г., когда его впервые упомянула летопись, он никак не титулован (НПЛ. С. 417). Как посадник известен в 1448 г. (ГВНП. № 73; ПЛ. Вып. 2. С. 138). Был жив в 1463 г. (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 214). В писцовых книгах упоминаются его вдова Офимья и сын Иван.

16. *Есиф Григорьевич*. Как степенной посадник известен по предварительному договору Новгорода с немцами от февраля 1448 г. (ГВНП. № 72) и, следовательно, занимал степень с августа 1447 г. Был жив в 1463 г. (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 214). Сын посадника Григория Кирилловича Посахно (в настоящем списке — под № 1). В писцовых книгах упоминается Оксинья, вдова его сына Микиты Есифовича Василистина.

17. *Есиф Яковлевич*. Брат посадника Федора Яковлевича (в настоящем списке — под № 13). О нем известно только то, что он умер одновременно со своим братом Федором 8 сентября 1466 г. (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 219).

18. *Иван Максимович*. Впервые упомянут без титула под 1436 г. (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 180). Как посадник назван в грамотах, датированных 60-ми годами XV в. (ГВНП. № 111, 112; см. комментарий к этим документам).

19. *Иван Лаврентьевич*. Был степенным посадником в 1460/61 г. (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 204). Как покупатель земли фигурирует в грамоте, датированной 50-ми годами XV в. (ГВНП. № 193). Других сведений о нем нет. Его жена Офросиния, брат Микита Лаврентьевич и внук Офросинии Григорий упоминаются в писцовых книгах.

20. *Богдан Есифович Носов*. Как посадник участвовал в переговорах с немцами на Наровском съезде в июле 1448 г. (ГВНП. № 73; ПЛ. Вып. 2. С. 138). 16 ноября 1475 г. он принимал участие во встрече Ивана III, затем был арестован великим князем и увезен

в Москву. В 1476 г. за него безуспешно хлопотал архиепископ Феофил (ПСРЛ. Т. 6. С. 200—205; Т. 8. С. 182). Упоминается в писцовых книгах.

21. *Захария Григорьевич Овин*. Как посадник упомянут под 1462 г. (Там же. Т. 16. Стб. 211), а в 1475 г. — среди встречавших Ивана III бояр, в 1477 г. он был убит на вече (Там же. Т. 6. С. 18, 33, 206; Т. 8. С. 184). В писцовых книгах фигурирует его сын Иван, жена которого Настасья в 1512 г. делает вклад в Троице-Сергиев монастырь по покойном муже³⁴.

22. *Василий Степанович*. Как посадник упомянут впервые под 1446 г. (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 443; Т. 16. Стб. 189). В дальнейшем участвовал в заключении Яжелбицкого мира 1456 г. (ГВНП. № 22, 23, 24). После основания Важского Богословского монастыря (см.: ГВНП. № 280) принял в нем пострижение под именем Варлаам и, согласно его житию, умер 19 июня 1467 г. Впоследствии был канонизован под именем Варлаама Важского или Шенкурского. В писцовых книгах фигурируют Офимья, вдова его сына Семена Васильевича Шенкурского, и сын Иван Васильевич (в настоящем списке под № 28).

23. *Михаил Иванович Туча*. Названный в летописи «посадником их большим» взят в плен великим князем Василием Васильевичем во время поражения Новгорода в 1456 г. (ПСРЛ. Т. 8. С. 146; Т. 16. Стб. 195; Т. 25. С. 275; ПЛ. Вып. 1. С. 53; Вып. 2. С. 49, 141). Он также упоминается в грамоте, датируемой в хронологических рамках 1456—1458 гг. (РК. № 2). В писцовых книгах фигурируют его сын Григорий, жена Григория — Марья и их сын Михаил.

24. *Афанасий Остафьевич Груз*. Впервые упоминается как сын тысяцкого в грамоте, суммарно датированной 40-ми годами XV в. (ГВНП. № 90; см. комментарий к этому документу), когда Андрей Иванович (в настоящем списке — под № 4) был уже посадником. Как степенной посадник известен в 1448 г. (ГВНП. № 73) и в 1461 г. (Там же. № 21). Будучи посадником, участвовал в посольстве архиепископа Ионы к Ивану III в 1463 г. (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 211). В 1466 г. снова избран на посадничью степень (ГВНП. № 76). В 1471 г. как посадник участвовал в заключении договора с Казимиром IV (Там же. № 77). 17 ноября 1475 г. встречал Ивана III, а 2 января 1476 г. давал в его честь пир (ПСРЛ. Т. 6. С. 17, 200, 204). В писцовых книгах фигурирует его сын Микита Афанасьевич Грузов.

25. *Александр Васильевич Кавский*. Других свидетельств о нем нет. В писцовых книгах упоминается его сын Богдан Александрович Кавский.

26. *Василий Александрович Казимер*. Под 1456 г. назван без титула (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 195). 11 января 1459 г., будучи тысяцким, сопровождал в Москву архиепископа Иону (Там же. Стб. 198). Как посадник упоминается под 1475, 1476 и 1478 гг.

³⁴ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 44.

(ПСРЛ. Т. 6. С. 15—16, 193, 200—204, 219; Т. 8. С. 165—166, 197—198). Фигурирует в писцовых книгах.

27. *Яков Александрович Короб*. Брат предыдущего. Впервые упоминается под 1471 г. уже как посадник (ГВНП. № 25, 26, 27), а в дальнейшем под 1475—1478 гг. (ПСРЛ. Т. 6. С. 16—17, 200—219; Т. 8. С. 182—198). Фигурирует в писцовых книгах.

28. *Иван Немир*. Идентифицируется с сыном посадника Василия Степановича (в настоящем списке — под № 22) — Иваном Васильевичем. В изданном Д. Я. Самоквасовым «Земляном списке конца XV в.» имеется, в частности, следующий текст: «Тимошка Соболев Михайлов сын Румянцова, — волостка за ним Верегжа Ивановская Немирова Шенкурского в Богородицком погосте в Сопинах, — сохи 3 с полутретью»; в другом месте того же документа он ошибочно назван Ильей: «Василей княж Юрьев сын Ростовского, волостка за ним Ильинская Немирова Шенкурского на Белой, что была за Михаилом за Васильевым сыном Беклемишова, — сох 13». Житие Михаила Клонского, рассказывая о событиях конца 1470 — начала 1471 г., также называет посадника Ивана Васильевича³⁵. Немир дожил до вывода: он упоминается в писцовых книгах.

29. *Василий Глазоемцев*. Известен летописцу только под 1475 г., когда он 17 ноября принимал участие во встрече Ивана III (ПСРЛ. Т. 6. С. 201). В писцовых книгах фигурируют его жена Федора и сыновья Андрей и Юрий.

30. *Кузьма Григорьевич*. Брат Захарии Григорьевича Овина (в настоящем списке — под № 21). В летописи упоминается под 1471, 1475, 1476 и 1477 гг., всякий раз с титулом посадника. Он был убит на вече вместе с братом Захарией в 1477 г. (ПСРЛ. Т. 6. С. 17, 200—206; Т. 8. С. 165—184). В писцовых книгах фигурирует вдова Кузьмы Григорьевича — Орипа и сын Василий Кузьмич.

31. *Михаил Семенович*. Других сведений о нем нет. Его не следует путать с тезкой — Михаилом Семеновичем Берденевым, который в 1475 г. был только тысяцким (ПСРЛ. Т. 6. С. 200; Т. 12. С. 159; Т. 25. С. 304).

32. *Александр Самсонович*. Сын посадника Самсона Ивановича (в настоящем списке — под № 3). С посадничьим титулом назван в 1472, 1475, 1476 гг. (Там же. Т. 6. С. 17, 201, 204; Т. 8. С. 169). Фигурирует в писцовых книгах.

33. *Федор Самсонович*. Брат предыдущего. В других источниках не упоминается, однако в 1475 г. его уже не было в живых, так как во встрече Ивана III (17 ноября) принимает участие не он, а его сын Семен (ПСРЛ. Т. 6. С. 201). Семен Федорович и вдова Федора Самсоновича Офросинья упоминаются в писцовых книгах, а сам Федор в описании Дубровенского погоста Шелонской пятины назван Кушеверским (НПК. Т. 4. Стб. 191) по принадлежавшей ему в Бежецкой пятине волости Кушевера³⁶.

³⁵ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1905. Т. 1. С. 229, 231; Памятники литературы древней Руси: Вторая половина XV в. М., 1982. С. 346.

³⁶ Самоквасов Д. Я. Указ. соч. Т. 1. С. 225.

Особый сюжет составляет предлагаемая идентификация умершего в 1446 г. посадника Сокиры, который в летописном рассказе указанного года выступает только под прозвищем. Существует грамота (ГВНП. № 112), посвященная урегулированию отношений Славенского конца с одним из потомков Сокиры — Иваном Васильевичем Губаревым, который в этом документе именуется также Иваном Сокириным и посадничьим братом. Это лицо фигурирует не только в указанном акте 60-х годов XV в., но и в летописном рассказе 1475 г. о встрече Ивана III среди нетитулованных бояр, где он назван Иваном Секириным или Иоанном Секириным (ПСРЛ. Т. 6. С. 200; Т. 25. С. 304). Из посадников 60-х и 70-х годов XV в. только двое были Васильевичами: Иван Васильевич Шенкурский и Яков Васильевич Селезнев (Слизень). Первый из них не может быть братом Ивана Сокирина, поскольку того звали тоже Иваном Васильевичем. Второй — Яков Васильевич — достоверный брат Ивана Сокирина: он был сыном Василия Ивановича Губы Селезнева, чем объясняется и второе прозвище Ивана Васильевича Сокирина — Губарев.

Таким образом выясняется, что общим предком Селезневых-Губиных и Сокириных был некий Иван, который, по логике вещей, и должен быть Сокирой. Во второй четверти XV в. пять посадников имели имя Иван: Иван Лукинич Щока, но он был жив еще в 1471 г.; Иван Максимович, но он посадничал и в 60-х годах XV в.; Иван Лаврентьевич, но он занимал посадничью степень и в 1460/61 г.; Иван Немир дожил до боярского вывода: он фигурирует в писмовых книгах. Условиям идентификации отвечает только Иван Васильевич (в приведенном выше списке — под № 7), который как посадник упоминается впервые под 1435 г., а затем под 1442 г.

Подтвердить такую идентификацию возможно анализом территориальной принадлежности Селезневых и Ивана Васильевича. Лавочная книга Новгорода Великого 1583 г. связывает Селезневых с Неревским концом: «на Кузьмодемьяне ж улицы: сад... Михайловской Селезнева»³⁷. Между тем летописное сообщение 1442 г. свидетельствует о совмещении Иваном Васильевичем двух должностей — посадничества в Новгороде и посадничества в Русе: «В то же время был посадник новгородчкын Иван Васильевич, держал руское посадничество» (НПЛ. С. 422). Такое же совмещение наблюдается у посадника Василия Микитинича: при грамоте 1422/23 г. (ОБ. № 39), исходящей от Василия Микитинича как новгородского посадника, привешена печать с надписью «Печать Василья Микитинича руского посадника». Другая прикладная печать (т. е. предмет, находившийся в личном пользовании его владельца) с именем Василия Микитинича была найдена при рас-

³⁷ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. М., 1930. С. 174.

копках на Неревском конце, на усадьбе, принадлежавшей потомкам Варфоломея Юрьевича³⁸.

Изложенные наблюдения позволяют реконструировать генеалогию Селезневых-Губаревых и Сокириных (схема 1).

Схема 1

* * *

Возвращаясь к списку посадников Уваровской летописи, заметим, что для общей датировки этого перечня, т. е., точнее, для определения той даты, до которой доведен перечень посадников (вне зависимости от того, названы ли в нем только степенные или же посадники вообще), важными оказываются два обстоятельства. Во-первых, совершенно очевидно, что эта дата не может быть старше 1459 г., поскольку в указанном году Василий Александрович Казимер еще не мог стать посадником — он тогда был только тысяцким. Во-вторых, эта дата не может быть моложе 1468 г., поскольку в перечне еще нет Якова Федоровича, ставшего в этом году степенным посадником, равно как и следующих за ним степенных посадников Тимофея Остафьевича (брата Афанасия Остафьевича Груза), Григория Михайловича (Казимерова сестричича), Василия Ананьинича, Фомы Андреевича.

Важным оказывается еще одно наблюдение над рассматриваемым перечнем посадников. Оставаясь в кругу источников, сообщающих имена новгородских посадников после 1423 г., но до 1463 г., мы не встретим в них ни одного имени, не включенного в этот перечень: идет ли речь о степенных посадниках или о боярах, носивших посадничий титул, но не зафиксированных как степенные. На первый взгляд два исключения как будто все же имеются; они-то и дали повод В. Н. Бернадскому сформулировать вывод о том, что перечень Уваровской летописи включает только лиц, побывавших на степени. Псковские летописи в рассказе о поражении Новгорода от великого князя Василия Темного в 1456 г. сообщают о гибели «посадника новгородского Есифа Носова»

³⁸ Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1955 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1959. № 65. С. 304—305. Рис. 9.

(Пл. Вып. 1. С. 53; Вып. 2. С. 49, 141), которого в перечне нет. Однако такой титул присвоен Есифу Васильевичу Носову только псковскими летописями; в других сводах, в том числе в новгородских и опирающихся на новгородские, этот боярин в том же рассказе всегда называется без титула, хотя погибший вместе с ним его родной внук Афанасий Богданович обозначен как «сын посаднич» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 195; Т. 8. С. 146; Т. 12. С. 111; Т. 25. С. 275) — он был сыном Богдана Есифовича Носова. Показателен рассказ о выступлении новгородцев на битву 1456 г.: «поидоша из города... князь Василей Васильевич Низовъской, и посадник Новгородъчкый Иван Лукиничъ Шока, и тысячкый Василей Пянтеевичъ, и Есиф Васильевичъ Носов» (Там же. Т. 16. Стб. 194), в котором Есиф поставлен в перечислении воевод после тысяцкого и никак не титулован. К такому же «псковскому колориту» принадлежит обозначение новгородского посла Карпа Савинича под 1460 г. «посадником новгородским» (Пл. Вып. 1. С. 56; Вып. 2. С. 50, 145). Карп Савинич в 1448 г. был степенным тысяцким (ГВНП. № 72), но как посадника его не знает ни один новгородский документ.

Таким образом, полнота перечня полностью соответствует сумме сведений обо всех новгородских посадниках, избравшихся между 1423 г. и началом 60-х годов XV в., а не только сведениям о степенных посадниках, что позволяет отказаться от прежнего мнения, согласно которому в перечень Уваровской летописи включены якобы лишь степенные посадники.

Переходя к вопросу о существовании или отсутствии в перечне посадников хронологической очередности, следует отметить, что в целом такая очередность, безусловно, наблюдается. Анализируемый перечень возможно разделить на две части: в первой, включающей № 1—12, содержатся только имена посадников, избранных до 1440 г.; во второй — с № 13 до конца — нет столь ранних имен; все поименованные в ней посадники документально фиксируются начиная с 40-х годов XV в. Рассмотрим каждую из этих частей отдельно.

Первая часть с точки зрения ее последовательно хронологического наполнения как будто представляется невыдержанной. Ее обрамляют имена Григория Кирилловича (№ 1) и Исака Андреевича (№ 12), бывших посадниками уже в 1428 г., а между ними стоят имена бояр, из которых добрая половина достоверно не могла стать посадниками ранее 30-х годов XV в.: Борис Юрьевич (№ 6) в 1431 г. еще не имел титула; Федор Олисеевич (№ 8) в 1435 г. еще был тысяцким; Анания Семенович (№ 9) был тысяцким в 1439 г.; Дмитрий Васильевич (№ 10) был тысяцким в 1436 г.; Иван Лукинич (№ 11) избран в посадники в 1439 г. Понять природу отмеченного хронологического нарушения позволяет обращение к перечню новгородских тысяцких, следующему за перечнем посадников в той же Уваровской летописи.

Этот список, заслуживающий особого разбора, замечателен в связи с занимающей нас проблемой в одном отношении — в нем нет имен тысяцких, хорошо известных по материалам 40-х и

50-х годов XV в., — Семена Тимофеевича, находившегося на степени в 1441/42 г., степенных тысяцких Карпа Савинича (1447/48 г.), Евфимия Семеновича (1448 г.), Михаила Андреевича (1450 г.), Василия Пантелеевича (1455/56 г.), Якова Ивановича (упомянутого с титулом тысяцкого в 1456 г. — ГВНП. № 22, 23, 24). Никто из этих бояр не стал в дальнейшем посадником. Само по себе это обстоятельство важно потому, что при очередном редактировании перечней посадников в них переносились из перечней тысяцких имена тех бояр, которые к моменту такого редактирования были уже не тысяцкими, а посадниками; их имена соответственно исключались из перечней тысяцких. Проведенное сопоставление перечней посадников и тысяцких Уваровской летописи дает возможность сделать следующий вывод.

Перечень посадников 1423 г., как известно, оканчивается именем Захарии Кирилловича, а список тысяцких того же года — именами Оникия Власьевича и Ивана Васильевича (НПЛ. С. 472—473). В скором времени, до 1428 г., перечень посадников был пополнен именами Григория Кирилловича и Исака Андреевича. Возможно, тогда же имя Ивана Васильевича (которого не следует путать с более поздним Иваном Васильевичем — Сокирой), завершавшее перечень тысяцких 1423 г., было перенесено в сохранившийся в Уваровской летописи перечень посадников (оно там вопреки показаниям более ранних посадничьих перечней оказалось вставлено между именами посадников Семена Васильевича и Ивана Яковлевича, избранных в 1423 г.). Около 1440 г. перечень тысяцких, до того последовательно пополнявшийся, был завершён и уже не продолжался. Однако около того же времени при составлении продолжения посаднического перечня были извлечены из перечня тысяцких имена тех бояр, которые к этому моменту уже стали посадниками; они (№ 2—11) были перенесены в перечень посадников в виде маргиналия, при последующей переписке втянутого в текст с небольшой ошибкой в определении места интерполяции — перед именем Исака Андреевича, а не после него, как это следовало бы.

Таким образом, на протяжении примерно семнадцатилетнего периода (с 1424 до 1440 г.) список посадников увеличился только на 13 человек, что свидетельствует о постепенном заполнении естественно открывавшихся вакансий, а не об одновременном увеличении числа посадников. О том же говорит и очевидная постепенность пополнения перечня, наблюдаемая в конкретных случаях: Борис Юрьевич (№ 6) избран позднее 1431 г., Федор Олисеевич (№ 8) — позднее 1435 г., Дмитрий Васильевич (№ 10) — позднее 1436 г., Иван Лукинич (№ 11) — в 1439 г., Анания Семенович (№ 9) — позднее 1439 г. (лишь последний нарушает хронологический порядок).

Что касается второй части перечня посадников в Уваровской летописи, то она, будучи (как и весь перечень) завершена около 1460 г., уже не опирается на перечень тысяцких, доведенный, как уже отмечено, до 1440 г. Весь этот раздел демонстрирует признаки

хронологической очередности имен: по крайней мере десять первых имен (№ 13—22) принадлежат боярам, о посадничестве которых в 30-х годах никаких свидетельств не имеется, а известно по материалам 40-х и более поздних годов. Как и в 30-е годы XV в., темп пополнения списка не экстраординарен: каждое десятилетие дает примерно десяток новых имен, отражая постепенное заполнение вакансий, открывавшихся смертью ранее избранных посадников.

Положение резко меняется в 60-х годах XV в. Докончание Славенского конца с Иваном Васильевичем Губаревым-Сокириным (ГВНП. № 112), датируемое в хронологических рамках 1461—1467 гг. (см. комментарий к этой грамоте), называет восемь славенских посадников: Ивана Максимовича, Василия Степановича, Федора Остафьевича, Мину Власевича, Ивана Тимофеевича, Юрия Терентьевича, Василия Ивановича. Из них только Иван Максимович и Василий Степанович имеются в перечне посадников Уваровской летописи, будучи избраны до рубежа 50-х и 60-х годов XV в. Можно с уверенностью утверждать, что в момент составления этой грамоты существовали еще два славенских посадника — Афанасий Остафьевич Груз и Иван Васильевич Немир (см. № 24 и 28 по приведенному выше списку), которые названы в перечне Уваровской летописи и продолжали посадничать в 70-х годах XV в. Однако, поскольку dokonчание с Иваном Губаревым известно только в публикации Амвросия, сильнейшие сомнения вызывает правильность прочтения издателем имени Иван Тимофеевич. Боярин Иван Тимофеевич рассматриваемого времени известен как брат Александра Тимофеевича (ГВНП. № 293), а последний был внуком Дмитрия Васильевича Глухова, т. е. принадлежал к прусско-плотницкому боярству: в Толвуе зафиксирована «волостка Федоровская Остафьева сына Глухова вопчая с Олександром была с Тимофеевым по половинам» (ПКОП. С. 138). Нет ли здесь подмены имени другого Ивана — Ивана Васильевича Немира Шенкурского?

В перечне посадников Уваровской летописи нет Ивана Григорьевича — посадника, умершего 7 октября 1467 г. (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 221). Нет Якова Игнатьевича Лозьева, который в 1463 г. был еще только тысяцким (Там же. Стб. 212; см. также духовную Федора Остафьевича, из которой следует, что он жил на Нутной улице Славенского конца — ГВНП. № 111), а 3 марта 1470 г. умер, уже обладая титулом посадника (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 224). Нет посадника Кузьмы Семеновича (НПЛ. С. 165, примеч.), сын которого Иван Кузьминич в первой половине 1471 г. назван «сыном посадничим» (ГВНП. № 77; к 1475 г. Кузьмы Семеновича уже не было в живых, а Иван Кузьминич стал посадником). Нет Микифора Борисовича (НПЛ. С. 165, примеч.). Нет здесь также и посадников, полоненных Иваном III 14 июля 1471 г. в Шелонском сражении: Дмитрия Исаковича Борецкого и Василия Губы Селезнева (казненных 24 июля того же года в Русе), Якова Федоровича, Матфея Селезнева, двух Казимеровых сестричичей (т. е. Григория и Ивана Михайловичей), Павла Телятева и Кузьмы Грузова

(ПСРЛ. Т. 12. С. 135; Т. 25. С. 289). Впрочем, не исключено, что вопреки их суммарному обозначению в рассказе о сражении не все они были посадниками в 1471 г.: Павел Телятев, например, в сообщении о встрече Ивана III в 1475 г. назван среди бояр, не имевших титула, а Матфей Селезнев обозначен там тысяцким; должность тысяцкого он занимал и в 1473 г. (ST. Delen III. N 517).

Наибольшую важность имеет указание докончальной грамоты Славенского конца с Иваном Губаревым на число посадников от Славенского конца. Их восемь, а при учете изложенных выше коррективов — девять, тогда как в структуре посадничества 1418—1419 гг. Славенскому концу в посаднической коллегии полагалось три места, а в 1423 г. — шесть мест. В этой связи перспективной может оказаться попытка проанализировать по кончанской принадлежности состав посадников, сосуществовавших к моменту завершения перечня посадников Уваровской летописи. Из 33 посадников, перечисленных выше, к концу 50-х годов XV в. уже не упоминаются девять: Григорий Кириллович, Григорий Юрьевич, Самсон Иванович, Андрей Иванович, Федор Данилович, Борис Юрьевич, Иван Васильевич (Сокира), Аванрия Семенович и Богдан Микитинич. Остальные к моменту завершения перечня были живы, и их, как и следовало ожидать, 24.

Не имея возможности локализовать по концам представителей внутренне монолитной прусско-плотницкой группировки бояр (Людин, Загородский и Плотницкий концы), мы все же можем предпринять их общую, принципиальную привязку к указанной группировке.

Существенной опорой при этом служат реликтовые указания на прежних (времен новгородской независимости) владельцев некоторых садовых и огородных участков на Софийской стороне в Лавочной книге Новгорода 1583 г. В ней в Людином и Загородском концах обозначены бывшие владения Тучиных и Овиных³⁹. Это позволяет отнести к прусско-плотницкой группировке Михаила Ивановича Тучу, Захарию Григорьевича Овина и брата последнего — Кузьму Григорьевича (№ 21, 23, 30 по приведенному выше списку). Есиф Григорьевич (№ 16) и Есиф Андреанович Горошков (№ 15) обозначены как жители Загородского конца в летописном рассказе 1463 г. о пожаре их дворов (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 214). Что касается братьев Федора и Есифа Яковлевичей (№ 13, 17; об их родстве см.: ПСРЛ. Т. 16. Стб. 219), известно, что Федор Яковлевич был жителем Добрыни улицы Людина конца (Там же. Стб. 211)⁴⁰. Ближайший родственник Василия Глазоемцева (№ 29) Федор Окинфович Глазоемцев жил на Рогатице в Плотницком конце (см.: ГВНП. № 122). О Богдане Есифовиче Носове (№ 20) как представителе той же группировки говорит его

³⁹ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. С. 170—171.

⁴⁰ Несколько лет тому назад в Людином конце Новгорода при земляных работах была найдена костяная прикладная печать с надписью: «Печать Федора Яковльича».

происхождение: он был сыном Есифа Васильевича Носова, погибшего в 1456 г., внуком Василия Есифовича Носа — тысяцкого, а затем посадника первой четверти XV в., правнуком посадника Есифа Захарьинича, представлявших в посадничестве указанную группировку. Потомками того же Есифа Захарьинича были также Дмитрий Васильевич Глухов (№ 10) и Александр Васильевич Кавский (№ 25)⁴¹. Может быть указан еще один прусско-плотницкий посадник — Иван Лукинич (№ 11). В своей духовной (ГВНП. № 120) он поминает отца Луку и своего дядю Фому. Между тем известен боярин Лука Васильевич, сын посадника Василия Есифовича (Там же. № 292), и посадник Фома Есифович; оба они жили в первой четверти XV в., принадлежали к прусско-плотницкой группировке и, будучи братьями, являлись сыновьями посадника Есифа Захарьинича. Иван Лукинич, следовательно, приходился Фоме внучатым племянником. В частичное подтверждение этого наблюдения заметим, что Иван Лукинич не мог принадлежать к боярству Славенского конца: он оставался посадником и в 1471 г., но его имени нет в списке славенских посадников dokonчания с Иваном Губаревым.

Та же Лавочная книга называет в Неревском конце владения Казимера и Самсоновых⁴², что позволяет локализовать в Неревском конце Александра и Федора Самсоновичей (№ 32, 33), Василия Александровича Казимера (№ 26), а также его родного брата Якова Александровича Короба (№ 27). К тому же концу принадлежал и Исак Андреевич Борецкий (№ 12), о местонахождении усадьбы вдовы которого, Марфы Исаковой, в Неревском конце сообщает летопись под 1477 г.: «тои осени, сентября 21, бысть пожар: от Розважи улицы погоре и до Боркови улицы побережье все и до Великой улицы, и Марфи посадници двор» (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 450).

В Славенском конце жили посадники Федор Олисеевич (№ 8), Иван Максимович (№ 18), Василий Степанович (№ 22), Афанасий Остафьевич Груз (№ 24) и Иван Васильевич Немир (№ 28) (см.: ГВНП, № 111, 112, а также материалы по генеалогии Грузовых и Шенкурских⁴³).

Таким образом, из 24 посадников рубежа 50-х и 60-х годов XV в. 12 относятся к прусско-плотницкой группировке, 5 — к неревскому, 5 — к славенскому боярству. Полученные цифры демонстрируют сохранение пропорции 1423 г. — 12 : 6 : 6, при которой неприуроченные посадники Иван Лаврентьевич (№ 19) и Михаил Семенович (№ 31) могут принадлежать соответственно к славенскому и неревскому боярству; кто из них был славенским, а кто неревским боярином — неясно.

⁴¹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Вклейка между с. 144 и 145.

⁴² Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. С. 174.

⁴³ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 101.

Докончание Славенского конца с Иваном Губаревым, как уже отмечено, свидетельствует о расширении состава посадников в 60-х годах XV в. В этой связи нуждается в анализе территориальной принадлежности состав посадников 1475 г., известный по летописному рассказу о встрече Ивана III новгородскими боярами во время «мирного похода» великого князя на Новгород. В этой встрече приняли участие 35 посадников. Часть этих посадников уже титуловалась к началу 60-х годов и фигурирует в перечне посадников Уваровской летописи; другие избирались уже в 60-х и первой половине 70-х годов.

Как показано выше, из числа посадников рубежа 50-х и 60-х годов к прусско-плотницкой группировке принадлежали жившие и в 1475 г. бояре Захария Григорьевич Овин, его брат Кузьма Григорьевич, Богдан Есифович Носов, Василий Глазоемцев. Но к ней же относятся и остальные Овины, избранные позднее: Василий Кузьминич, Захария и Иван Захарьиничи, а также сыновья посадника Федора Яковлевича — Яков и Лука Федоровичи, сын посадника Михаила Тучи — Григорий Михайлович Тучин, родственник Василия Глазоемцева — Федор Окинфович Глазоемцев, живший на улице Рогатице в Плотницком конце (см.: ГВНП. № 122), сын Есифа Григорьевича — Микита Есифович. Лавочная книга 1583 г. называет былыми жителями Людина и Загородского концов Фефилатьевых, Норовых и Кузьминых, а также Фому⁴⁴; это значит, что к прусско-плотницкому боярству принадлежали также Фефилат Захарьинич, зять Захарии Овина — Иван Кузьминич, Родион Норов и Фома Андреевич Курятник. Всего, таким образом, мы насчитываем уже 17 прусско-плотницких посадников.

К Славенскому концу из числа давно избранных посадников относились Иван Васильевич Немир Шенкурский (сын Василия Степановича) и Афанасий Остафьевич Груз, а следовательно, к тому же концу надо отнести также всех Грузовых: братьев Афанасия Остафьевича — Тимофея и Кузьму Остафьевичей, сына Афанасия Груза — Микиту Афанасьевича, сына Кузьмы Остафьевича — Тимофея Кузьминича. К славенскому боярству принадлежали также Иван Афанасьевич и его сын Олферий, территориальная принадлежность которых фиксирована духовной Федора Остафьевича, также бывшего славенским посадником, как это видно из докончания Славенского конца с Иваном Губаревым; упомянутая духовная (ГВНП. № 111) указывает место жительства Ивана Афанасьевича на Нутной улице Славенского конца. Всего, таким образом, здесь насчитывается восемь славенских посадников.

Неревскими боярами в числе давно избранных были Александр Самсонович, Василий Александрович Казимер, Яков Александрович Короб. Но к той же группе относится и Семен Федорович —

⁴⁴ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. С. 170—171.

сын Федора Самсоновича, племянник Александра. Лавочная книга 1583 г. среди бывших жителей Неревского конца называет Селезневых⁴⁵, что дает возможность локализовать на Неревском конце Якова Васильевича Слизня — сына Василия Ивановича Губы Селезнева. В ту же группу входят Казимеровы сестричичи Григорий и Иван Михайловичи. Всего — семь неревских посадников.

Нелокализованными остались Василий Ананьинич, Кирилл Яковлевич и Микита Федорович. Между тем уже предприняты территориальные привязки, принимая во внимание, что установлено 17 прусско-плотницких, 8 славенских и 7 неревских бояр, дают оптимальную пропорцию 18 : 9 : 9. Двое из неустановленных посадников, по-видимому, были неревскими, один — славенским и один — прусско-плотницким (следует оговориться, что, поскольку во встречах Ивана III принимали участие 35 посадников, значит, один — 36-й — в этих встречах не участвовал). Попытаемся предпринять относительно этих бояр некоторые уточнения.

После великокняжеских расправ конца ноября 1475 г. новгородские бояре дают в честь Ивана III двенадцать пиров, которые, очевидно, были паритетно-представительными. В числе хозяев этих пиров нет степенного посадника Василия Ананьинича, который в ноябре был арестован великим князем и увезен в Москву. Пыры даны следующими лицами:

1. 15 декабря — Василием Александровичем Казимером.
2. 16 декабря — Захарией Григорьевичем Овиным.
3. 19 декабря — тысяцким Василием Есифовичем.
4. 21 декабря — Яковом Александровичем Коробом.
5. 23 декабря — Лукой Федоровичем.
6. 30 декабря — Фефилом Захарьиничем.
7. 1 января — Яковом Федоровичем.
8. 2 января — Афанасием Остафьевичем Грузом.
9. 3 января — Лукой и Василием Исаковичами Полинарьиничами.
10. 4 января — Александром Самсоновичем.
11. 6 января — Фомой Андреевичем Курятником.
12. 14 января — Кузьмой Григорьевичем.

Из этих двенадцати пиров на долю прусско-плотницкой группировки приходится шесть (2, 5, 6, 7, 11, 12), на долю неревского боярства — три (1, 4, 10). Что касается славенского боярства, то к нему, как показано выше, принадлежал Афанасий Остафьевич Груз (8-й пир). Исходя из паритетно-представительного принципа, логично думать, что и хозяева 3-го и 9-го пиров были боярами Славенского конца, но, коль скоро Лука и Василий Исаковичи Полинарьины посадниками тогда не были, им выпало заменить изъятую из представительских акций степенного посадника Василия Ананьинича, также, следовательно, славенского боярина. Такое предположение подтверждается.

⁴⁵ Там же. С. 174.

Дело в том, что при формировании делегации Новгорода на последние переговоры с Иваном III в декабре 1477 — январе 1478 г. был соблюден принцип пятикончанского представительства: в делегацию входили пять посадников, пять житых, «да с ними 5 человек черных от пяти концов» (ПСРЛ. Т. 12. С. 180; Т. 25. С. 316—317)⁴⁶. В посаднической части делегации участвовали Яков Короб, Фефилат Захарьинич, Лука и Яков Федоровичи, Лука Исакович Полиарьин. Как мы уже знаем, Яков Короб представлял Неревский конец, Фефилат Захарьинич, Лука и Яков Федоровичи принадлежали к прусско-плотницкой группировке (Людин, Загородский и Плотницкий концы); на долю Полиарьина, который к тому времени стал посадником, остается Славенский конец. Таким образом, их пир, соответствуя выдвинутому выше предположению, заменяет тот, который должен был бы дать степенной посадник Василий Ананьинич от лица славенского боярства.

В таком случае в Кирилле Яковлевиче и Миките Федоровиче надлежит или видеть представителей Неревского конца, или одного из них признать неревским, а другого — прусско-плотницким боярином. Впрочем, почти достоверно можно говорить о неревской принадлежности Кирилла Яковлевича. В Лавочной книге 1583 г. при описании былой принадлежности садов Яневского заполья Неревского конца называется «огород с садом Кириловской Иевлева посаднич»⁴⁷. Нет ли в обозначении этого небывалого посадника, дожившего до боярского вывода, но никак не отразившегося в писцовых книгах, элементарной описки?

Изложенные наблюдения свидетельствуют о том, что после 1460 г., но по крайней мере до 1467 г., в Новгороде была проведена реформа расширения состава посадников с 24 до 36 с сохранением принятых прежде пропорций кончанского представительства. То, что эта реформа состоялась уже к 1467 г., ясно из dokonчания Славенского конца с Иваном Губаревым (ГВНП. № 112), которое, будучи датировано временем не позднее указанного года, называет восемь славенских посадников. Показательно, что в одной из грамот 60-х годов XV в. (ГВНП. № 91) Славенский конец именуется «Великим», как и Неревский конец носит наименование «Великого» на печати при грамоте 1468 г. (Там же. № 96). В самом деле, если от этих концов после реформы 60-х годов XV в. избиралось по 9 посадников, то ведь каждый из концов прусско-плотницкой группировки располагал в посаднической коллегии только шестью местами.

Как мы уже видели, подобные реформы, направленные к дальнейшей консолидации новгородского боярства (но развивающие эту консолидацию в олигархическую форму властвования), совер-

⁴⁶ Тот же принцип действовал и на Коростынских переговорах 1471 г., когда степенных посадника и тысяцкого представляли посадники Фефилат Захарьинич, Иван Лукинич, Лука Федорович (пруско-плотницкие бояре), Яков Александрович (неревский боярин) и Иван Васильевич (славенский боярин) (ГВНП. № 26, 27).

⁴⁷ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. С. 173.

шались в трудные годы испытаний прочности боярской власти. В указанный промежуток времени (между 1460 и 1467 гг.) подобную сложную ситуацию Новгород пережил в 1463 г.: «Того же лета послаша Новгородци посол свой Олуферья Васильевича Слизина к королю в Литву о княжи возмущении еже на Великий на Новгород Ивана Васильевича; также и Микиту Левонтеева ко князю Ивану Ондреевичю Можайску и к князю Ивану Дмитриевичю побороть по Великом Новгороде от князя великого, а имашася побороть, како Бог изволи. И тое зимы умири Бог молитвами святыя Богородица и преподобнаго Варълама молением за град нашъ, а благый Бог съхраняя нас, яко зиницю ока, вели нам разумети» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 214). Этим актом декларирован демонстративный разрыв с Москвой, откровенно нарушено жесткое требование Яжелбицкого договора 1456 г.: «А Великому Новгороду князя Ивана Андреевича Можайского и его детей, и князя Ивана Дмитриевича Шемякина и его детей, и его матери княгини Софьи и ее детей и зятя Новгороду не приимати» (ГВНП. № 23). Столь решительный политический шаг не мог быть осуществлен без демонстрации нового единения боярских группировок.

Заметим также, что именно с очередными реформами посадничества связаны даты редактирования летописных перечней посадников. Перечень 1415—1417 гг. как бы подводит итог периоду, за которым последовала реформа 1418—1419 гг. Перечень 1423 г. завершен именами посадников, избранных в результате новой реформы. Перечень посадников в Уваровской летописи отразил непосредственно предшествовавшее реформе начала 60-х годов XV в. состояние посадничества.

* * *

Великокняжеские расправы конца ноября 1475 г. лишили свободы нескольких посадников. Были арестованы и увезены в Москву Василий Ананьинич, Иван Афанасьевич, Олферий Иванович (все трое из Славенского конца), Богдан Есифович (пруско-плотницкая группировка) и не бывшие посадниками бояре Федор Исакович и Иван Лошинский (ПСРЛ. Т. 12. С. 164; Т. 25. С. 306). Богдан, Иван Афанасьевич и Олферий были заточены в Коломне, остальные — в Муроме (Там же. Т. 12. С. 167; Т. 25. С. 308). Хотя хлопоты об их освобождении продолжаются и на последних переговорах Новгорода в конце 1477 г. (Там же. Т. 12. С. 175; Т. 25. С. 314), неуспех ходатайств определен уже в апреле 1476 г., когда в челобитье за этих бояр было отказано архиепископу Феофилу (Там же. Т. 12. С. 167—168; Т. 25. С. 308). Однако на место арестованных посадников новые не выбирались. Сумма сведений о посадниках 1476—1477 гг. показывает, что в дополнение к существующим избраны Лука Исакович Полинарьин (Славенский конец), Михаил Семенович Берденев (пруско-плотницкая группировка) (ГВНП. № 101; см. также комментарий к этому документу) и Василий Микифорович Пенков. Их избрани-

ем пополнялась естественная убыль, вызванная смертью их предшественников. Это наглядно видно на примере Василия Пенкова.

Последний, фигурирующий в рассказе о встречах Ивана III в 1475 г. среди нетитулованных бояр, в 1477 г. ездил в Москву уже как посадник (ПСРЛ. Т. 12. С. 169; Т. 25. С. 309). В мае 1477 г. он и посадники Захария и Кузьма Григорьевичи Овины были убиты на вече по обвинению в предательстве интересов Новгорода великому князю: перед тем они в Москве искали суда на новгородских ответчиков, чего «не бывало от начала, как земля их стала, и как великыи князи учали быти от Рюрика и до сего великого князя Ивана Васильевича, но сеи в то приведе их» (Там же. Т. 12. С. 169—171; Т. 25. С. 309—310). Между тем из девяти неревских посадников 1475 г. нам известны восемь (Василий Казимер, Яков Короб, сестричичи Казимера — Иван и Григорий Михайловичи, Александр Самсонович, Семен Федорович, Яков Васильевич и Кирилл Яковлевич), и все они благополучно дожили до боярского вывода. Следовательно, Василий Микифорович Пенков мог быть избран не на место арестованного, а на место умершего посадника, каковым, по-видимому, был его отец Микифор Борисович, упомянутый в добавлении к летописному списку новгородских посадников (НПЛ. С. 164—165, примеч.) среди других посадников, избранных в 60-х годах XV в. Именно Микифора Борисовича возможно считать 36-м посадником 1475 г., который не участвовал во встречах великого князя. Принимая во внимание то обстоятельство, что Василий Микифорович был избран в ближайшее к этой встрече время, мы можем догадываться, что неучастие Микифора в приеме Ивана III вызвано либо уже состоявшейся перед тем его кончиной, либо его предсмертной болезнью.

* * *

Существует необходимость коснуться внешних противоречий одного документа, содержащего на первый взгляд анахронизмы. Речь идет о рядной грамоте Алексея Фатьянова с Вяжищским монастырем, составленной при вяжищском игумене Иоакиме (ГВНП. № 294). Этот документ начинается словами: «По благословению господина преосвященнаго архиепископа Великого Новагорода владыки Еуфимия. Что дал Олексеи землю, Толвиускую отчину свою, в дом святого Николы и в веки, и игумен и вси старцы положиша слово таково с Олексеем. . .» Начальная формула как будто может быть воспринята как указание на то, что рядная составлена при архиепископе Евфимии, т. е. до 12 марта 1458 г. (дата смерти Евфимия). Однако послухами в ней указаны «посадник новгородцкии Дмитрии Васильевичь, другии посадник Иван Ивановичь, тысецкии новгородски Иван Васильевичь, Алексеи Игнатьевичь». Если Дмитрий Васильевич Глухов известен как посадник с 1448 г., то Ивана Ивановича в перечне посадников Уваровской летописи нет, а это значит, что он был избран в посадники не ранее 1459 г. Посадник Иван Иванович

был родным братом посадника Якова Селезневича (НПЛ. С. 164—165), т. е. неревским боярином. Его следует признать преемником Исака Андреевича Борецкого, который в последний раз фигурирует в документе 1456—1458 гг. (РК. № 2). Что касается Ивана Васильевича, то он идентифицируется с тысяцким Иваном Васкоманом Васильевичем, фигурирующим в заключительной части перечня тысяцких Уваровской летописи.

Эти наблюдения позволяют утверждать, что упоминающая владыку Евфимия начальная формула рядной в действительности относится к моменту земельного вклада Алексея Фатьянова в монастырь, сделанного действительно по благословию архиепископа, тогда как сама рядная была составлена позднее, после особого совещания монастырских старцев о порядке владения этим вкладом, которое состоялось скорее всего после пострижения Алексея, и должна быть датирована примерно 1460 г. или началом 60-х годов XV в.

* * *

Схема формирования института тысяцких та же, что и в посадничестве, хотя расширение числа тысяцких на протяжении XV в. не столь значительно, что хорошо ощущается уже потому, что в отличие от посадников, активно меняющихся на степени, степенные тысяцкие, как правило, возобновляли свои полномочия на протяжении нескольких магистратских сроков.

В 1374/75 г., как это видно по печатям наказа новгородским послам к тверскому князю Михаилу Александровичу (ГВНП. № 17), сосуществовало шесть тысяцких. Летописный рассказ о боярских встречах Ивана III в 1475 г. называет семь одновременно существующих тысяцких: Матфея Селезнева, Андрея Исаковича, Михаила Берденева, Павла Телятева, Есифа Максимовича, Василия Есифовича (степенного) и Олферия Михайловича (ПСРЛ. Т. 6. С. 200—201; Т. 12. С. 159—161; Т. 25. С. 304—305⁴⁸). К ним следует добавить не принимавшего участия во встрече Василия Максимовича, который был степенным тысяцким и в 1471—1472 гг. (ГВНП. № 77, 26; Хор.-65. С. 331—332), и в 1477—1478 гг. (ПСРЛ. Т. 6. С. 210; Т. 12. С. 175). Если одновременно восемь бояр носили этот титул, то логично думать, что по два тысяцких избирались от Неревского и Славенского концов, а четыре происходили из прусско-плотницкого боярства. Такая пропорция, как показано выше при наблюдениях над посадничеством, возникает впервые около 1418—1419 гг.

Попытаемся теперь завершить наблюдения над составом перечня тысяцких в Уваровской летописи. Сравнение этого списка с перечнями 1423 г. в Новгородской I и Новгородской IV летописях в их заключительных разделах дает следующую картину:

⁴⁸ См. также: *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 383—385.

Новгородская I, Новгородская IV летописи	Уваровская летопись
Данило Михайлович	Данил Михайлов Павел Лукин Федор Лукин Василий Есифов Василий Федотын
Оникий Власевич	Оникей Власев
Иван Васильевич	Парфей Кавский Лука Микулинич Труфан Сарский Дмитрий Медведник Василий Вьербе Иван Кожин Иван Васкоман Васильевич Костянтин Федорович

Как уже отмечено, перечень тысяцких в Уваровской летописи был первоначально доведен примерно до 1440 г., а затем из него были изъяты и перенесены в перечень посадников имена тех бояр, которые к указанному времени стали посадниками (в том числе и Иван Васильевич).

Многие имена тысяцких этого перечня не известны в других источниках, однако некоторые возможно датировать. Павел Лукинич (Телятев) с титулом тысяцкого упомянут в документе 60—70-х годов XV в. (ГВНП. № 122), а затем в 1475 г. в рассказе о встрече Ивана III. Его брат Федор Лукинич был степенным тысяцким в 1477 г. (Там же. № 101). Василий Есифович был на степени тысяцкого в 1475 г. Василий Федотын идентифицируется с Василием Исаковичем Полинарьиным: в писцовых книгах фигурируют братья Василий и Лука Исаковичи Федотыны, Полинарьиных же там нет; в летописи же упоминается «Федотыно село, Исаковы жены Полинарьины» (ПСРЛ. Т. 12. С. 180; Т. 25. С. 317). Поскольку в летописном рассказе 1475 г. Василий Исакович назван среди нетитулованных бояр, тысяцким он стал в 1476 или 1477 г. Труфан Сарский идентифицируется со степенным тысяцким 1468/69 г. Трифоном Юрьевичем, а Иван Васкоман Васильевич — с тысяцким начала 60-х годов XV в. Иваном Васильевичем (ГВНП. № 294). Вместе с тем в этом перечне отсутствуют имена тысяцких, известных по материалам 40-х и 50-х годов XV в., — Семена Тимофеевича, Карпа Савинича, Евфимия Семеновича, Михаила Андреевича, Василия Пантелеевича, Якова Ивановича, Остафия (см.: ГВНП. № 90), которые не стали потом посадниками.

Коль скоро имена позднейших тысяцких Павла и Федора Лукиничей, Василия Есифовича и Василия Федотына помещены между достоверно ранними именами Данилы Михайловича и Оникия Власевича, логично полагать, что в протографе перечня

они были беспорядочно вставлены на место изъятых из него имен тысяцких, ставших посадниками к 1440 г.

Установив, что в 60-х и 70-х годах в Новгороде сосуществовали 36 посадников и 8 тысяцких, мы получаем возможность реконструировать численный состав олигархического органа в конце существования новгородской независимости. В него входили 36 посадников, 8 тысяцких, 2 купеческих старосты, архиепископ, архимандрит, 5 кончанских игуменов — всего 53 человека. Такой расчет убедительно подтверждается летописным свидетельством о так называемой утвержденной грамоте новгородцев 1477 г.

Этот важный недошедший до нас документ следующим образом описан в Описи архива Посольского приказа 1614 г.: «Грамота утвержденная новгородских посадников, и тысячников, и всех новгородских посадских людей меж себя, что им к московским к великим князем ни о чем бити челом не посылати, а писана грамота в 6986-м году, а у грамоты 46 печатей свинцовые»⁴⁹. Однако в 1626 г. при грамоте числилось 47 булл: «Грамота утвержденная новгородского владыки Феофана (так!), и посадников, и тысяцких, и бояр, и купецких, и всяких жилецких людей Великого Новгорода, что они приговорили все, что им великих князей московских не слушати и под суд к ним и к их бояром не ездити, а судити им себя самим, а иново писма в той грамоте не знати, потому что середка выгорела и изотлела, а достоль воском залило от иных грамот, писана на хоратье в 6986-м году, а у ней привешено владыки Феофана и посадных и властелинских 47-м печатей свинцовых»⁵⁰. К сожалению, неизвестно, какое количество печатей сохранялось при этой грамоте в 70-х годах XVI в., когда составлялась опись Царского архива, так как в ней она описана очень кратко: «...грамота Великого Новгорода посадников новгородских и купцов, докончальная, с печатьми»⁵¹, но зато имеются сведения об ее первоначальном состоянии. 15 января 1478 г. по приказу Ивана III «что была у Новгородцев грамота укреплена меж себя за пятьдесят и осмью печатей, и ту грамоту у них взяли бояря великого князя у целования на владычнем дворе» (ПСРЛ. Т. 12. С. 187; Т. 25. С. 321). Разницу цифр (58 и 53) составляют, несомненно, пять кочанских печатей.

* * *

Рассмотренные материалы дают основание назвать следующие этапы преобразований системы государственного управления Новгорода.

1. *Конец XIII в.* Введение годовичного срока отправления магистратских должностей посадника и тысяцкого. Боярская элита формируется на основе представительства от группировок четырех

⁴⁹ Опись Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 51.

⁵⁰ Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 47.

⁵¹ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. С. 25.

городских концов (Неревского, Людина, Загородского и Плотницкого) при изоляции славенского боярства. Представительство для членов элиты является бессрочным, титулы посадника и тысяцкого присваиваются им лишь на время очередного магистратства.

2. *Начало 60-х годов XIV в.* Формирование посаднической коллегии из шести посадников и коллегии тысяцких из шести тысяцких. Титул становится пожизненным, очередные же избираемые на год магистраты обозначаются как степенные. В коллегии представлены все концы, но Плотницкий, расширение которого происходило под эгидой боярства Прусской улицы, располагает двойным представительством, что дает явное преимущество прусско-плотницкой группировке, располагающей четырьмя местами в посадничестве из шести.

3. *1418—1419 гг.* Расширение посаднической коллегии до 12 человек и коллегии тысяцких до 8. В результате достигнуто равновесие между прусско-плотницкой группировкой (шесть посадников и четыре тысяцких), с одной стороны, Неревским и Славенским концами — с другой (по три посадника и два тысяцких).

4. *1423 г.* Новое расширение посаднической коллегии до 24 человек при соблюдении тех же пропорций соотношения кончанского представительства: 12 посадников от прусско-плотницкой группировки (Людин, Загородский и Плотницкий концы), 6 неревских и 6 славенских посадников.

5. *Начало 60-х годов XV в. (1463 г.?).* Еще одно расширение посаднической коллегии — до 36 членов при сохранении тех же пропорций представительства: 18 посадников от прусско-плотницкой группировки, по 9 посадников от Неревского и Славенского концов.

Государственность Новгорода в XIV—XV вв. развивалась по восходящим ступеням боярской консолидации, но эти ступени формировали структуру боярской олигархии на месте древнего вечевого строя.

АКТЫ ОТНОШЕНИЙ НОВГОРОДА С ЗАПАДОМ

К настоящему времени известен 61 текст документов международных отношений Новгорода, в том числе 25 подлинных актов, которые происходят из четырех архивных источников, соответствующих главным направлениям зарубежных связей Новгорода, а именно из архивов Риги, Таллинна, Любека и Швеции.

Акты Рижского архива. Из 13 подлинных русских актов Рижского архива два (ГВНП. № 28—29, 35) впервые были изданы в 1857 г.¹, три (Там же. № 36, 34, 46) — в 1868 г.², один (Там же. № 65) — в 1884 г.³, два (Там же. № 57, 58) — в 1903 г.⁴ Только эти документы оказались включенными в ГВНП.

Между тем в 1938 г. появилась публикация еще трех русских грамот из этого архива (ОБ. № 37, 38, 39)⁵, не учтенная издателями ГВНП, хотя ссылки на указанную хрестоматию в других случаях там имеются (например, при вкладной Варлаама Хутынского). В 1964 г. был издан еще один документ Рижского архива (Хор.-63. № III)⁶. Наконец, в 1966 г. опубликована опасная грамота Новгорода ганзейским послам (Хор.-65. № 1)⁷, которая, возможно, является современным списком, поскольку при ней отсутствуют печати, о которых говорится в тексте документа.

Акты Таллиннского архива. Во время оккупации Эстонии в 1941—1945 гг. архив был вывезен на Запад и в настоящее время находится в ФРГ. До войны в нем хранились по крайней мере семь новгородских грамот. С четырех из них (ГВНП. № 50, 56, 75, 69) в начале XIX в. для Н. П. Румянцева были сделаны рукописные

¹ *Напьерский К. Э.* Грамоты, касающиеся до сношений северо-западной России с Ригию и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV в. СПб., 1857. № 1, 5.

² Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868. № 50, 48, 115.
³ LUB. Bd. VIII. N 1040.

⁴ *Соболевский А. И., Пташицкий С. Л.* Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в. СПб., 1903. № 42, 41.

⁵ *Обнорский С. П., Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка. М.; Л., 1938. Ч. I. № 37, 38, 39.

⁶ *Хорошкевич А. Л.* Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. // АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 273—276. № III.

⁷ *Хорошкевич А. Л.* Русские грамоты 60—70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 331—332. № 1.

копии (ГБЛ. Собр. Румянцева. № 44. 1—4), а по подлинникам их тексты были изданы в 1897 г.⁸ Один документ (ГВНП. № 53) был изучен в 1844 г. в Ревельском архиве Н. В. Закревским и издан в 1855 г.⁹, другой (Там же. № 71) опубликован в 1889 г.¹⁰, а в 1894 г. обе последние грамоты переизданы¹¹. Еще один акт стал известен по фотокопии, сохранившейся в Таллинском архиве¹².

Собрание Н. П. Румянцева. Уже в начале XIX в. в Румянцевском собрании, кроме упомянутых выше списков с актов Ревельского архива, имелись две подлинные грамоты (ГВНП. № 34, 45; ГБЛ. Собр. Румянцева. № 43. 1, 2), изданные в 1811 г.¹³ Обе грамоты, судя по их содержанию, происходят из Любека.

Акт Любекского архива. Этот документ (ГВНП. № 44) известен советским исследователям по фотокопии, хранящейся в архиве ЛОИИ АН СССР.

Акты шведских архивов. К числу таких документов, изданных по русским подлинникам, относятся два акта (ГВНП. № 60, 72)¹⁴.

Этими 25 документами исчерпывается известный к настоящему времени корпус оригинальных грамот отношений Новгорода с Западом, написанных на русском языке. Еще три акта на русском языке сохранились в списках Литовской метрики. Из них один включен в ГВНП (№ 78), два других в этой публикации не учтены, как относящиеся ко времени позднее 1478 г.¹⁵ Остальные документы представлены переводами на языки новгородских контрагентов.

В числе этих документов имеются немецкие подлинники-противни (ГВНП. № 37, 40, 47), написанные на пергамене, и позднейшие немецкие списки (Там же. № 33). Однако их подавляющее большинство извлечено из переписки немецких городов, рецессов или являются современными списками, изготовленными для нужд взаимной информации прибалтийских и ганзейских ратов (Там же. № 31, 42, 43, 48, 51, 49, 54, 55, 59, 61, 62, 64, 66, 67, 68, 73, 74, 76, а также немецкие переводы «Нибурова мира» — Там же. № 46). К числу таких документов относятся и две грамоты, не включенные

⁸ Чумиков А. Неизданные русские акты XV—XVI вв. Ревельского городского архива // ЧОИДР. 1897. Кн. 2. Смесь.

⁹ Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым. М., 1855. Кн. 2, пол. 1. С. 7—8.

¹⁰ LUB. Bd. IX. N 793.

¹¹ РИБ. Т. 15: Сборный. Стб. 1—6.

¹² Валк С. Н. Новые грамоты о новгородо-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в. // Ист. архив. 1956. № 1. С. 234. № 2.

¹³ Шлецер А. Изъяснение двух совсем еще неизвестных и весьма достопамятных подлинников, на славянском языке писаных и относящихся до связи между Новгородскою республикою и Ганзою // Вестн. Европы. 1811. № 23/24. С. 197—198, 276.

¹⁴ Schirren C. Nachricht von Quellen zur Geschichte Russlands, vornehmlich aus schwedischen Archiven und Bibliotheken. SPb., 1860. S. 43—45, 48—51.

¹⁵ АЗР. Т. 1. № 75 (договор Новгорода с ливонским магистром 1481 г.), № 112 (договор Новгорода с ливонским магистром 1493 г.). Здесь же впервые опубликован и договор Новгорода с юрьевским епископом 1474 г. (ГВНП. № 78).

в ГВНП¹⁶. Один из актов (ГВНП. № 41) составляет § 97 Новгородской скры IV редакции и § 99 Новгородской скры V редакции. На латинском языке дошел проект договора Новгорода с немецкими городами, также не включенный в ГВНП по неясным причинам¹⁷.

По столь же непонятным причинам в ГВНП оказался не включен договор 1251 г. между Новгородом и Норвегией, опубликованный впервые в Стокгольме еще в 1742 г. и с тех пор неоднократно переиздававшийся, в том числе в известном издании О. С. Рюдберга 1877 г., из которого в ГВНП заимствованы тексты договоров Новгорода с Швецией и Норвегией (ГВНП. № 38, 39). Однако мимо внимания издателей ГВНП прошел т. 3 этого корпуса, в котором опубликованы новгородско-шведские договорные грамоты 1468 и 1473 гг.¹⁸

* * *

1. [1191—1192 гг.] — *Договорная грамота Новгорода с Готским берегом и немецкими городами о мире, о посольских и торговых отношениях и о суде*
ГВНП. № 28

Грамота, сохранившаяся в списке 1259—1262 гг. и исходящая от князя Ярослава Владимировича, посадника Мирошки и тысяцкого Якова, урегулировала конфликт, возникший в 1188 г. между новгородскими и немецкими купцами (НПЛ. С. 39, 229—230¹⁹). Князь Ярослав Владимирович трижды занимал новгородский стол: второй раз — в 1187—1196 гг. (Там же. С. 39—43, 229—236), третий раз — в 1197—1199 гг. (Там же. С. 43—44, 236—238). Посадничество Мирошки Нездинича продолжалось с 1189 по 1203 г. (Там же. С. 39, 42—45, 230, 235, 238, 246). Однако с 1195 по 1197 г. Мирошка был в заложниках у великого князя Всеволода Юрьевича. Тысяцкий Яков не мог занять должность до 1191 г., так как в указанном году тысяцким был еще Милонег (Там же. С. 39, 230). Немецкий двор с церковью был устроен в Новгороде в 1192 г. (НЛ. С. 194), но о нем в комментируемом документе еще не упоминается.

Совокупность этих данных дает основание для датировки договора не суммарным периодом 1189—1199 гг., как принято в ГВНП, а более узко: 1191—1192 гг.²⁰

¹⁶ HR. Abt. 1. Bd. 3. N 463 (см. также: Хорошкевич А. Л. Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. С. 272. № II); HR. Abt. 3, Bd. 11. N 136 (см. также: Казакова Н. А. Русско-ганзейский договор 1487 г. // НИС. Новгород, 1962. Вып. 10. С. 225—226).

¹⁷ LUB. Bd. I. N 413; см. также: Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909. С. 64—68.

¹⁸ ST. Delen III. N 512 / 1, 2; 517.

¹⁹ См. также: Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв. М., 1986. С. 27—30.

²⁰ Рыбина Е. А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода // НИС. Л., 1989. Вып. 3(13). С. 43—50.

2.
ST. Delen I.
S. 506—507

[1251 г.] — *Описание границ общего округа по сбору дани между Новгородом и Норвегией в земле саамов* *

Документ известен по трем спискам, древнейший из которых, датированный П. Мунком по палеографическим признакам 1320—1330 гг., входил в состав пергаменного кодекса норвежских законов, принадлежавшего некогда Эрлингу, сыну Видкунда. Труды Е. А. Рьдзевской и И. П. Шаскольского основательно установлено, что Описание границ (иначе «Разграничительная грамота») является частью первого договора между Новгородом и Норвегией, заключенного в 1251 г. от имени князя Александра Невского и короля Хакона, сына Хакона; рассказ об этой акции содержится в саге о короле Хаконе²¹. Локализация топонимов комментируемого документа предпринята П. Мунком и О. Ионсенем²², установившим, что общий округ по сбору дани, просуществовавший до 1602 г., включал почти весь Кольский полуостров и область Финмаркен в Северной Норвегии.

3.
ГВНП. № 29

[1259—1263 гг.] — *Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле*

В ГВНП договорная грамота датирована 1262—1263 гг., будучи квалифицирована как результат победоносного похода «новгородского князя Дмитрия под Юрьев» в 1262 г. (НПЛ. С. 83, 311—312); ее младший хронологический рубеж естественно ограничен датой смерти князя Александра Ярославича 14 ноября 1263 г.

Дмитрий Александрович был наместником великого князя Александра Ярославича в Новгороде с 1259 г. (Там же. С. 83, 311) до смерти отца, после чего некоторое время занимал новгородский стол самостоятельно. Михаил Федорович был посадником с 1258 по 1268 г. (Там же. С. 82, 84—87, 309, 313, 315—316, 318), когда погиб в Раковорской битве 18 февраля. Жирослав стал тысяцким в 1258 г., тогда же когда Михаила Федоровича избрали в посадники (Там же. С. 82, 309), однако к 1264 г. должность тысяцкого уже занимал Кондрат (ГВНП. № 1, 2). Далмат, печать которого привешена к договору, находился на архиепископской кафедре с 1250 по 1273 г. Таким образом, формальная датировка документа замыкается в хронологические рамки 1259—1263 гг.

Внешне противоречивым оказывается оформление акта, снабженного не только печатью Далмата, но и буллой князя Ярослава Ярославича, который был интронизован в Новгороде 27 января 1265 г. (Там же. С. 84, 313). Н. П. Лихачев и Л. В. Черепнин объясняли это противоречие особой ролью Ярослава Ярославича

* Комментарий подготовлен И. П. Шаскольским.

²¹ Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // Ист. зап. М., 1945. № 14. С. 51—61; Рьдзевская Е. А. Известия по истории Руси в саге о короле Хаконе // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970. С. 325—326.

²² Antiquités Russes. Copenhagen, 1850. II. P. 480—481; Johnsen O. A. Finmarkens politiske historie. Kristiania, 1923. S. 25—28.

в походе на Ливонию: будучи старейшим из участников похода 1262 г., он мог скрепить грамоту своей печатью, поскольку Александр Ярославич, отправившийся тогда в Орду, отсутствовал²³. Между тем Новгородская I летопись отнюдь не выделяет Ярослава Ярославича, называя предводителем этого похода князя Дмитрия Александровича: «Того же лета, в осени, идоша новгородци с князем Дмитрием Александровичем великимъ полкомъ под Юрьев; баше тогда и Костянтин князь, зять Александров, и Ярослав, брат Александров, с своими мужи, и Полотъскыи князь Товтивил, с ним полочан и Литвы 500, а новгородского полку бещисла, толко бог вестъ» (НПЛ. С. 83, 311—312). Приведенные предположения об особой роли Ярослава Ярославича не разъясняют, почему вопреки существованию собственно новгородского княжеского управления акт утвержден лицом, юридически посторонним этому управлению. Ведь в отсутствие князя его печатью пользовался наместник, а в обстоятельствах 1262 г., когда Александр Ярославич находился в Орде, любой исходящий от его имени документ не мог быть скреплен печатью неофициального лица. Устранить указанное противоречие возможно лишь признанием запоздалой ратификации акта уже в княжение Ярослава Ярославича, хотя сам документ был составлен в более раннее время.

Еще Л. Гетц выражал сомнения относительно связи комментируемого документа с походом 1262 г., полагая невероятным, чтобы новгородцы после столь удачного похода брали бы на себя обязательства, зафиксированные в грамоте. Между тем в письме Ревеля Любеку от июня 1259 г. имеется указание о прекращении торгового сообщения между новгородскими и немецкими купцами (HUB. Bd. I. N 527). С исчерпанием этого конфликта вероятнее всего связывать составление рассматриваемой грамоты, ратификация которой могла задержаться скорее всего из-за начавшегося похода на Юрьев, последовавшего за ним цикла событий (кончина князя Александра Ярославича, изгнание Дмитрия Александровича)²⁴.

По предположению Гетца, послом от Любека Тидриком мог быть упоминаемый в немецких источниках под 1262 г. бюргер и купец Любека Дитрих (HUB. Bd. I. N 586); другие участники акта с немецкой стороны в иных источниках не встречены²⁵.

Слова документа «А се старая наша правда и грамота, на чьмъ целовали отци ваши и наши крест. . . А иное грамоты у нас нетуть, ни потаили есмы, не ведаем» относятся к воспроизведенному на том же листе пергамена тексту договора Новгорода конца XII в. (ГВНП. № 28). Соединением двух документов объясняется и наличие при этом листе двух комплектов одинаковых печатей архие-

²³ Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1. С. 37—40; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 259.

²⁴ Рыбина Е. А. Иноземные двory в Новгороде XII—XVII вв. С. 33—34; Она же. О двух древнейших торговых договорах Новгорода.

²⁵ Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsverträge der Mittelalters. Hamburg, 1916. S. 73—74.

пископа Далмата, князя Ярослава Ярославича и «Всего Новгорода», один из которых оттиснут на свинце, а другой — на серебре²⁶.

4. LUB. Bd. I. N 413 [1268 г.] — *Проект мирного торгового договора, предложенный немецкой стороной.*
5. ГВНП. № 31 [1269 г.] — *Договорная грамота Новгорода с Любеком и Готским берегом о торговле и суде*

Мирное урегулирование торговых отношений между Новгородом и немецким купечеством потребовалось после их обострений, кульминация которых относится к началу 1268 г., когда в феврале под Раковором была достигнута тяжелая победа над Орденом. Летом 1268 г. между немецкими городами ведется оживленная переписка относительно существа нового договора с Новгородом (LUB. Bd. I. N 655, 657), а осенью того же года послы Любека привезли в Новгород свои предложения, изложенные в проекте (LUB. Bd. I. N 413), который, однако, не был принят. Соглашение было достигнуто на основе новгородских условий (ГВНП. № 31). О завершении переговоров названными в комментируемом документе немецкими послами сообщается в письме магистра Ливонского ордена Любеку от 1 апреля 1269 г. (LUB. Bd. I. N 415).

Названные в договоре имена полностью соответствуют этой дате. Князь Ярослав Ярославич занимал новгородский стол в 1265—1272 гг. Павша Ананьинич был посадником в первый раз в 1268—1272 гг., вторично в 1272—1273 гг. (НПЛ. С. 87, 318, 321—322). Ратибор Клукович получил тысяцкое в 1268 г. и упоминается в той же должности в 1270 г. (Там же. С. 88—89, 319—320).

6. ГВНП. № 30 [1266—1272 гг.] — *Опасная грамота князя Ярослава Ярославича рижанам о свободном пути для гостей, по Менгу-Темирову слову*

Для определения даты грамоты важны упоминания хана Менгу-Темира, царствовавшего с 1266 или 1267 г. до 1281 г., и князя Ярослава (Ярославича), который умер в зиму с 1271 на 1272 г. (НПЛ. С. 321).

7. ГВНП. № 36 [1299—1300 гг.] — *Грамота Новгорода Риге с требованием возврата пограбленного товара и выдачи разбойников*

Датировка документа, отнесенного в ГВНП к 1303—1307 гг., определяется именами названных в его тексте и принимавших

²⁶ Клейнберг И. Э. Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262—1263 гг. (по данным отчета послов немецкого купечества 1292 г.) // ВИД. Л., 1976. Вып. VII. С. 118—126.

участие в его утверждении лиц. Владыка Феоктист был избран после смерти 22 мая 1299 г. архиепископа Климента и хиротонисан в Новгороде 29 июня 1300 г. (НПЛ. С. 90—91, 329—330); он отрекся от кафедры в 1307 г. (Там же. С. 92, 332). Посадник Андрей Климович (определяемый по печати, где он назван по имени) вопреки утверждению в ГВНП, положенному в основу принятой там датировки, был в этой должности не только «в 1303—1310 гг.», но и в более раннее время, в частности в 1299 г., когда он принимал участие в избрании владыки Феоктиста: «По преставлении же Климонтове новгородци, много гадавшие с посадником Андреемъ, възлоубиша. . . Феоктиста, игумена святого Благовещения» (Там же. С. 90, 330). В 1301 г. посадником был Семен Климович (ГВНП. № 34), а в 1302 г. — снова Андрей (Там же. № 35). В 1304 г. «отъяша посадничество у Семена Климовича и даша брату его Андрею» (НПЛ. С. 91); это значит, что в 1303 г. посадничал Семен. В 1305 г. посадничество принадлежало Юрию Мишиничу (ГВНП. № 6, 7). Определяемый также только по печати тысяцкий Андрей идентифицируется с Андреем Олферьевичем, занявшим пост тысяцкого в 1286 г. и упоминаемым в той же должности под 1293 г. (НПЛ. С. 326, 328); тысяцкое возвращалось к нему и позднее, в частности в 1305 г., когда посадником был Юрий Мишинич (ГВНП. № 7).

Герлак (Gerlacus Rese) и Ламбрат (Lambertus Seyme), имена которых упомянуты в грамоте, были рижскими ратманами: первый — в 1286—1307 гг., второй — в 1294—1307 гг. Заметим также в связи с тем, что документ адресуется к непоименованному рижскому епископу: в 1302—1304 гг. кафедра в Риге была вакантной²⁷.

Таким образом, сопоставление имен дает лишь два варианта датирования рассматриваемого акта: 1. 1299—1300 гг.; 2. 1306—1307 гг. (имена посадника и тысяцкого 1306—1307 гг. в источниках не зафиксированы). Между тем оформление грамоты имеет две важные особенности. Во-первых, Феоктист не титулован в ней архиепископом, а называется беститульно «владыкой»; документ к тому же скреплен не именной его печатью (на которую он получал право лишь после хиротонисания), а анонимной. Во-вторых, в грамоте отсутствует имя князя. Но в 1299 — первой половине 1300 г. Феоктист еще не имел архиепископского титула и, следовательно, не обладал правом пользоваться именной печатью с таким титулом; князя же в Новгороде не было именно в 1299 и 1300 гг. Во время избрания Феоктиста его возводит на сени не великий князь, а его сын князь Борис Андреевич; под 1300 г. в летописи прямо говорится: «князю великому тогда не будущю в Новегороде» (НПЛ. С. 90—91, 330—331).

²⁷ Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912. С. 287.

8.
ГВНП. № 33

[1301 г., весна] — *Грамота Новгорода Любеку о торговле и присылке послов для переговоров по поводу захвата невского пути Швецией*

Поводом для предлагаемых переговоров послужил захват шведами Невы и сооружение ими крепости «Венец земли» (Ландскроны) в устье Охты, предпринятые в 1300 г. (НПЛ. С. 91, 330—331). Великий князь Андрей пришел в Новгород с низовскими полками в начале мартовского 6809 г. (т. е. не ранее 1 марта 1301 г.) и вместе с новгородцами разрушил Ландскрону 19 мая 1301 г. (Там же. С. 91, 331). Поэтому грамота, исходящая от князя Андрея и новгородских властей, датируется промежутком времени от марта до начала мая 1301 г.

9.
ГВНП. № 34

[Зима 1301/02 г.] — *Опасная грамота Новгорода Любеку, Готскому берегу и Риге о предоставлении немецким купцам сухопутного и водного путей*

Имена названных в грамоте немецких послов — Adam de Gotlandis («Адам с Гочкого берега»), Johannes Albus de Lubeke («Иван Белый из Любка»), Hinricus Holste de Riga («Инчя Олчять из Ригы») — фигурируют также в «Перечне товаров», отнятых у немецких купцов в 1288—1311 гг. на путях между Новгородом и Псковом. Этот перечень известен в двух списках; в одном из них сказано, что перечисленные послы прибыли в Новгород «тою же зимой» после ограблений в 1300 г., в другом — «тою же зимой» после ограблений в 1301 г.²⁸ Основываясь на этих данных, комментируемый документ можно датировать или зимой 1300/01 г., или зимой 1301/02 г. Однако зимой 1300/01 г. великого князя Андрея, от которого исходит этот акт, в Новгороде еще не было; он пришел в него весной 1301 г. и оставался в нем до конца весны 1302 г. (НПЛ. С. 91, 331). Поэтому документ, а вместе с ним посадничество Семена Климовича и тысяцкое Машка следует относить к зиме 1301/02 г.

10.
ГВНП. № 35

[1302 г.] — *Верительная грамота новгородских послов мужам датского короля в Кольвани*

Об отправке в Данию послов летопись рассказывает под 1302 г. перед сообщением о поездке князя Андрея Александровича в Орду: «Того же лета посылаша послы за море в Доньскую землю, и привезоша мир докончавше. Того же лета поиде князь великий Андрей в Татары» (НПЛ. С. 91, 331). Посадником в грамоте назван Андрей (Климович); следовательно, старшей датой документа является февраль 1302 г., поскольку еще в зиму с 1301 на 1302 г.

²⁸ Sartorius G. F. Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse / Hrsg. von S. M. Lappenberg. Hamburg, 1830. Bd. 2. N 70—71; LUB. Bd. VI. N 2770.

посадничал Семен Климович (см.: ГВНП. № 34). Отъезд князя Андрея Александровича в Орду связан с событиями, начавшимися 15 мая 1302 г., когда умер князь Иван Дмитриевич Переяславский, отказавший свою отчину Даниилу Александровичу, который занял Переяславль своими наместниками, а наместники князя Андрея были вынуждены бежать из Переяславля (ПСРЛ. Т. 10. С. 174). Это обстоятельство определяет примерный младший хронологический рубеж документа. Названный среди новгородских послов сын великого князя, вероятно, Борис Андреевич, о пребывании которого в Новгороде известно из сообщения 1299 г. (НПЛ. С. 90, 330).

11.
ГВНП. № 37

1323 г., 25 февраля. — *Грамота орденских послов, удостоверяющая заключение ими договора о союзе между Новгородом и Ливонским орденом, с изложением условий договора*

В ГВНП акт квалифицирован как договор между Новгородом и Орденом, хотя в действительности лишь часть рассматриваемого документа содержит изложение заключенного в Новгороде договора. В целом это посольский отчет перед властями Ордена об успешном завершении переговоров, в котором цитирован «от слова до слова» и сам договор.

Участниками оформления договора с новгородской стороны послы называют владыку Давыда, посадника Олфромоя и тысяцкого Аврама. Архиепископ Давыд находился на кафедре с 1309 до 1325 г. (НПЛ. С. 92, 97, 333, 339). Посадник Варфоломей Юрьевич был членом боярской элиты, представляя Неревский конец, с 1316 г. до начала 30-х годов XIV в. О принадлежности Авраму должности тысяцкого в 1323 г. известно и из другого документа (ГВНП. № 38).

Грамота датирована в самом ее тексте 1323-м г., «последней пятницей перед днем Святого креста». К. Е. Напьерский в определении этого дня колебался между кануном Великого поста и Рождеством, назвав два варианта датировки: 28 января и 23 декабря²⁹. Первая из предложенных им дат представляется ошибочной. В 1323 г. Пасха приходилась на 27 марта, а Великий пост, следовательно, начинался 7 февраля, последняя же пятница перед ним была не 28 января, а 4 февраля. Между тем неверная дата «28 января» в ГВНП принята, вторая же, возможная по Напьерскому, дата — «23 декабря» — не упоминается, очевидно исходя из того, что уже в мае 1323 г. новгородцы во исполнение условий договора о союзе с немцами отказали в помощи псковичам (ПЛ. Вып. 1. С. 16; Вып. 2. С. 23, 90), и, следовательно, договор был заключен ранее мая.

Учитывая это обстоятельство, следует, однако, обратить внимание на то, что днем Святого креста более правомерно считать

²⁹ Русско-ливонские акты. № 55.

третье воскресенье Великого поста, с которого начинается так называемая Крестопоклонная неделя. Третье воскресенье Великого поста в 1323 г. приходилось на 27 февраля, что определяет дату комментируемого документа 25 февраля 1323 г.

12.
ГВНП. № 38

1323 г., 12 августа. — *Договорная грамота Новгорода с Швецией о мире (Ореховецкий договор)* *

Ореховецкий договор — первое официальное соглашение Новгорода с Швецией; договором впервые устанавливается государственная граница между обеими державами. Это договор о «вечном мире» — постоянное мирное соглашение между государствами, рассчитанное на «вечные» времена. Все последующие мирные соглашения между Новгородом и Швецией XIV—XV вв. и между Россией и Швецией конца XV—XVI в. подтверждали условия Ореховецкого договора, в том числе установленную договором линию границы между обоими государствами. Условия Ореховецкого договора 1323 г. были пересмотрены только в 1595 г. при заключении Тязвинского договора о «вечном мире». Ореховецкий договор сохранился в списках на русском, латинском и шведском языках; латинские и шведские списки являются переводами русского текста³⁰. Существует также несколько списков подложного текста Ореховецкого договора, изготовленных в Швеции на рубеже XV—XVI вв. Научная литература об Ореховецком договоре огромна; последняя ее сводка — в указанном труде Галлена (там же разбор сведений о географических пунктах, упоминаемых в тексте договора).

О заключении мира сообщается в летописи под 1323 г.: «Ходиша новгородци с князем Юрьем и поставиша город на усть Невы, на Ореховомь острове; ту же приехавше послы великы от свенского короля и докончаша мир вечныи с князем и с Новымь-городомь по старои пошлине» (НПЛ. С. 97, 339). Дневная дата — «в пятницу за три дни передь Успением святыя богородиця» (т. е. 12 августа) — указана в самом тексте докончания.

Юрий Данилович в договоре обозначен великим князем, что, по-видимому, отражает стремление придать миру общерусский характер. Новгородские магистраты — посадник Варфоломей и тысяцкий Аврам — те же, что и в предыдущей грамоте. «Мануш Ориковиць» — Магнус Эрикссон, шведский король в 1319—1369 гг. «Гернк Дюуровиць» русского текста, Эрик Туресон латинского и шведского текстов — рыцарь и член Королевского совета, упоминается в документах 1315 и 1327 гг. «Геминки Оргисловиць» русского текста, Hemmingus Odgislason латинского текста — рыцарь и член Королевского совета, упоминается в документах 1318, 1321 и 1328 гг. «Петр Юншин» — Peter Jönsson шведского

* Комментарий подготовлен И. П. Шаскольским.

³⁰ Gallén J. Nöteborgsfreden och Finlands medeltide östgräns. Helsingfors, 1968. S. 39—40.

текста — выборгский фогт, упоминается в документах 1320, 1324, 1337 и 1342 гг. «Вымундер», Waemundus, Waedmunder — священник, вероятно, секретарь шведского посольства; возможно, он упоминается в документе 1338 г. «Лодвик и Федор», Ludvicus et Fodga латинского текста — купцы с Готланда, вероятно, члены купеческой гильдии в Висбю; возможно, упоминаются в документе 1325 г.³¹

Русский термин «погост» переводится в латинском и шведском текстах загадочным словом gislalagh (giszla lagh), встречающимся в источниках еще только один раз — в Хронике Эрика (стих 1347).

«Патоеки», Pathajoki латинского текста, Paetejoki шведского текста (финск. joki — река). В присланном в 70-е годы XIX в. в Петербург для точного транскрибирования факсимильном воспроизведении найденного Рюдбергом и подготавливавшегося им впервые к публикации русского списка договора в слове «Патоеки» славянская омега была отпечатана неясно и прочтена А. Ф. Бычковым как две буквы «со», и с тех пор название реки и в изданиях Рюдберга, и во всех остальных публикациях воспроизводилось как «Патсоеки»; та же неточность присутствует и в факсимильном воспроизведении русского текста договора в трех изданиях статьи Я. К. Грота. Теперь обнаружено, что в русском списке стоит буква «омега», и название должно читаться как «Патоеки»³². Ошибочное чтение «Патсоеки» давало основание для многих неверных толкований основного содержания договора (р. Патсойоки впадает в Ледовитый океан на многовековой границе России с Норвегией). Предполагается, что пограничная р. Патоеки грамоты 1323 г. — современная р. Пюхяйоки, впадающая в Ботнический залив³³.

13. 1326 г., 3 июня. — *Договорная грамота ГВНП. № 39 Новгорода с Норвегией о мире* *

Договор Новгорода с Норвегией 1326 г. сохранился в поздних списках на латинском и немецком языках; списки на латинском языке были в начале XVIII в. скопированы с текста утраченной впоследствии копийной книги, предположительно относившейся к XIV в. По-видимому, первоначальный ее текст был написан на норвежском языке и латинский переводчик не понял некоторые выражения оригинала³⁴.

Магнус — король Норвегии в 1319—1355 гг. и Швеции в 1319—1369 гг. Посол Хакон — по мнению П. Мунка, Након

³¹ Rydberg O. S. Sverges Traktater med främmande magter. Stockholm, 1877. I. S. 27.

³² Gallén J. Op. cit. S. 40.

³³ Ibid. S. 123—124, 151—154.

* Комментарий подготовлен И. П. Шаскольским.

³⁴ Шаскольский И. П. Русско-норвежский договор 1326 г. // Скандинавский сборник. 1970. XV. С. 64—65. О договоре 1326 г. см. также: Antiquités Russes. II. P. 477—490; Johnsen O. A. Op. cit. S. 24, 25, 28; Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией. С. 44—51; Selnes K. Om den eldste norsk-russiske grensa // Historisk tidsskrift. Oslo, 1971. S. 186—193.

Ögmundarson, рыцарь и член Королевского совета, упоминаемый в источниках между 1309 и 1326 гг.³⁵

В июне 1326 г. в Новгороде не было князя: Юрий Данилович был убит в Орде в начале 1326 г., а его убийца и преемник на великом столе Дмитрий Михайлович — в сентябре того же года, так и не возвратившись из Орды. Поэтому власти Новгорода при заключении договора представлены архиепископом Моисеем, который 11 марта 1326 г. вернулся в Новгород с поставления в архиепископы, посадником Варфоломеем Юрьевичем и тысяцким Остафием. Последний идентифицируется с Остафием Дворянником, который оставался тысяцким и в 1331 г. (НПЛ. С. 343), и в 1335 г. (Там же. С. 346), но к 1340 г. уже был посадником (Там же. С. 352).

Часто встречающееся в латинском тексте выражение *antiquus* (*antiquae terrarum signationes* и др.) применительно к границам Норвегии и Новгорода — явная ошибка переводчика текста на латинский язык; в подлиннике на норвежском языке, видимо, стояло *gamle*, имеющее значение «старый» и «древний» (лат. *vetus* — «старый» и *antiquus* — «древний»), и переводчик выбрал второе значение, не зная, что границы установились сравнительно недавно и поэтому «древними» называться не могут³⁶. Переводчик, готовивший немецкий перевод договора, правильно передал норвежское *gamle* немецким словом *alt* — «старый». Во всех прежних изданиях русского перевода договора давалось ошибочное «древние границы».

14.
ГВНП. № 40

1338 г., 17 мая. — *Грамота немецких по- слов, удостоверяющая заключение в Дерпте договора между Новгородом и немецким купечеством о спорных делах, с изложением условий договора **

Данное в ГВНП определение грамоты как договорной неправомерно. В начале документа отсутствует свойственное новгородско-немецким торговым договорам второй четверти XIV—начала XV в. перечисление властей и социальных слоев Новгорода, волей которых определялось заключение договора: архиепископ, наместник великого князя, посадник, тысяцкий и т. д. Начинается грамота с чуждой русским актам формулы: «Да будет ведомо всем людям, которые эту грамоту слышат и видят». Далее указывается, что прибывшие в Дерпт послы заморского немецкого купечества и новгородские в присутствии дерптского епископа, рыцаря «Гинрике ван Плессекове» (*Hinrike van Plessecouwe*), представлявшего магистра, и нескольких перечисленных поименно рыцарей дерптского епископа, а также его фогта заключили договор; затем излагаются условия договора. В конечном протоколе грамоты

³⁵ *Antiquités Russes*. II. P. 477.

³⁶ *Шаскольский И. П.* Русско-норвежский договор 1326 г. С. 65.

* Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой.

говорится: «А в подтверждение того дела вышеназванные рыцари и Воген, фогт почтенного господина Дерптского, привесили свои печати к этой грамоте». Таким образом, особенности формуляра грамоты показывают, что, хотя она содержит изложение условий заключенного в Дерпте соглашения, договорной не является. Это грамота фогта и рыцарей дерптского епископа, удостоверяющая факт заключения договора. По своему формуляру она близка грамоте орденских послов 1323 г. (ГВНП. № 37); обе они принадлежат к одной и той же разновидности ливонских актов.

Грамота любопытна еще в одном отношении: она показывает, что местом заключения новгородско-немецких договоров иногда являлись ливонские города, хотя в большинстве случаев договоры заключались в Новгороде.

В состав новгородского посольства, прибывшего в Дерпт, входили княжеский наместник Филипп, загадочный наместник Феликс и пять новгородцев: Андрей, Филипп, Павел, Анисим, Микула, относительно которых Л. Гетц высказал предположение, что они были представителями пяти концов Новгорода. Немецкое купечество было представлено послом Любека Марквартом фан Косфельде (Marcwort van Kosfelde), являвшимся ратманом, а позже прокуратором Любека, и послом Готланда Венемаром фан Эссеном (Wenemar van Essen). Епископ Энгельберт (Engelbrechte) возглавлял Дерптское епископство с 1323 по 1341 г.³⁷

Сокращенным вариантом грамоты фогта и рыцарей дерптского епископа является LUB. Bd. II. N 673.

15. 1342 г., 6 января.— *Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком, Ригой и немецкими городами о торговле воском**

ГВНП. № 41

Договор составляет § 97 Новгородской скры IV редакции и § 99 Новгородской скры V редакции. И в IV и в V редакции скры грамота имеет дату 6 января 1342 г. Однако Бунге взял эту дату под сомнение: с его точки зрения, договор должен был предшествовать постановлению Немецкого двора, запрещающему немецким купцам покупать у новгородцев недоброкачественный воск; это постановление, составляющее § 95—96 IV редакции скры и § 97—98 ее V редакции, датируется в ней 1332 г. Тем же годом, по мнению Бунге, определяется и комментируемая грамота, а показанная в скре ее дата ошибочна. В подтверждение своей хронологической версии Бунге ссылается на материалы, свидетельствующие о занятии Остафием должности тысяцкого в 1326—1335 гг. (LUB. Bd. VI. Reg. S. 884). Действительно, Остафий Дворянинец, бывший тысяцким в указанные годы, к 1340 г. стал уже посадником (НПЛ. С. 346). Однако Бунге не учел того, что в рассматриваемое время существовал еще один тысяцкий с тем же именем: он назван

³⁷ Арбузов Л. А. Указ. соч. С. 290.

* Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой и В. Л. Яниным.

в летописном перечне тысяцких (Там же. С. 472) в соответствующем хронологическом контексте и не может быть идентифицирован с Остафием Дворянцем, поскольку имена тысяцких, ставших позднее посадниками, включались не в перечень тысяцких, а в перечень посадников.

В интитуляцию комментируемой грамоты ощутил пропуск: среди новгородских властей отсутствует посадник, тогда как изложение документа в скре сопровождается указанием: «Так гласит русская грамота, которую нам дали новгородцы о воске, [к этой грамоте] привесили свои печати епископ новгородский и наместник за князя, и посадник, и тысяцкий за всех новгородцев»³⁸. Не исключено, что такой пропуск определен вызвавшей элементарную гаплографию одноименностью посадника и тысяцкого («и посадник Остафий, и тысяцкий Остафий»), вероятность чего определена дальнейшей судьбой Остафия Дворяннца, который входил в боярскую элиту Новгорода до своей гибели в 1346 г. (НПЛ. С. 358—359), а по крайней мере с 1340 г. избирался в посадники.

Отметим также, что в интитуляцию грамоты появляется новый компонент — купеческие старосты.

С немецкой стороны в заключении договора участвовало одиннадцать человек. Л. Гетц считает, что первые три из них — Иордан Конинге с Готского берега (Jordane Koninghe van Gotlande), Альберт Шеле из Любека (Alberte Schelen van Lubeke), Лудеке Донинге из Риги (Ludeke Doninghe van der Righe) — были послами городов, восемь последующих являлись ольдерманами и «мудрейшими» Немецкого двора в Новгороде: Рост из Дортмунда (Roste van Dortmunde), Арнольд Думе из Мюнстера (Arnolde Dume van Munstere), Фредерик Бухорне с Готского берега (Vrederike Buchorne van Gotlande), Гинрике ван Фольместенен (Hinrike van Volmestenen), Гартеке Визе с Готского берега (Harteke Wise van Gotlande), Герман из Дюльмена (Hermann van Dulme), Иоганн Риддере (Johannes Riddere), Иоганн из Миндена (Johannes van Minden). Читающиеся в договоре указания на происхождение их из того или иного города помогают установить, с какими именно городами Германии и Балтики Новгород поддерживал торговые контакты. Договор обязывал, в частности, Новгород не брать недоброкачественный воск ни от «низовых», ни от корелов, т. е. воск, поступающий из районов Волги и Карелии.

16.
ГВНП. № 44

[1370/71 г.] — *Грамота Новгорода Любеку с требованием возврата товаров, пограбленных морскими разбойниками у новгородцев*

В ГВНП грамота датирована 1373 г., не позднее сентября, на том основании, что она предшествует по содержанию другому акту (ГВНП. № 45). Последнее бесспорно, так как в комменти-

³⁸ Перевод И. Э. Клейнберга в кн.: Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв. С. 160.

руемом документе излагается жалоба Новгорода Любеку по поводу ограбления новгородцев на море и доставки их товаров в Любек для продажи, что явилось предметом разбирательства и урегулирования в 1373 г. (Там же.). Тем не менее предложенная в ГВНП датировка неверна. Во-первых, начало распри между Новгородом и ганзейскими городами относится к более раннему времени, нежели 1373 г., так как о «зле», «учиненном» новгородцам на Неве и в Стокгольме (а именно об этом идет речь в акте ГВНП. № 45), говорится еще в грамоте о перемирии от 22 августа 1371 г. (Там же. № 42). Во-вторых, в 1373 г. степенными были посадник Юрий Иванович и тысяцкий Матфей Фалелеевич (Там же. № 45), в комментируемой же грамоте посадником назван Иван (на печати этого акта он обозначен полностью — Иван Семенович), а тысяцким — Олисей. Очевидно, рассматриваемый документ, действительно предшествующий акту ГВНП. № 45, не может быть датирован ни 1372 г., когда на степени были посадник Михаил Данилович и тысяцкий Матфей Фалелеевич (Там же. № 43), ни 1371 г., когда степенными были посадник Юрий Иванович и тысяцкий Матфей Фалелеевич (см.: Там же. № 42), магистратский срок которых начался в феврале 1371 г. Поэтому комментируемый документ возможно датировать промежутком времени от февраля 1370 до февраля 1371 г.

Наместник великого князя Андрей упоминается также в грамоте, составленной летом 1371 г. (ГВНП. № 42).

17.
ГВНП. № 42

[1371 г., ранее 22 августа] — *Проект договора Новгорода с Любеком, Готским берегом и заморским купечеством**

Проект договора дошел в письме Дерпта Ревелю, в котором рат Дерпта извещает рат Ревеля о возвращении из Новгорода послов заморского купечества Иоганна Шепенстеде и Даниэля (фан Хейде) и пересылает перевод с привезенного ими русского проекта договора между Новгородом и заморским купечеством, оставшегося непринятым; это письмо датировано 22 августа, но без обозначения года (LUB. Bd. III. N 1082; HR. Abt. 1. Bd. 2. N 38). Его следует отнести к 1371 г., так как по другим источникам известно, что названные в письме и в проекте договора послы заморских городов, направлявшиеся в Новгород, прибыли в Дерпт летом 1370 г., а весной 1371 г. еще находились там; следовательно, только летом 1371 г. они появились в Новгороде, а в августе возвратились в Дерпт, привезя с собой проект незаключенного договора. Из сказанного вытекает, что рассматриваемый проект надо датировать 1371-м г., ранее 22 августа (LUB. Bd. III, Reg. N 1285). Немецкие послы представляли Висбю и Любек — давних руководителей сношений немецкого купечества с Новгородом: Иоганн Шепенстеде (Johann Scepenstede) был ратманом Любека, Даниэль фан Хейде (Danel) — ратманом Висбю.

* Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой.

От Новгорода в интитуляцию договора фигурируют: архиепископ Алексей (1360—1388 гг.), посадник Юрий Иванович (под 1371 г. он упоминается также в летописи как представитель Новгорода при заключении мира в Нейгаузене. — НПЛ. С. 472), тысяцкий Матфей Фалелеевич, бывший на степени в 1371—1376 гг. (ГВНП. № 43, 45, 17, 18), купеческие старосты Сидор и Еремей (возможно, что Сидор тождествен купеческому старосте Сидору грамоты 1342 г. — Там же. № 41).

Оставшиеся безрезультатными переговоры между заморскими немецкими городами и Новгородом в 1371 г. не следует отождествлять с завершившимися заключением договора переговорами между Новгородом и Ливонским орденом в том же 1371 г., о которых сообщают летопись и Хроника Вартберга. В летописи читается известие о заключении представителями Новгорода (они названы поименно) на съезде под Новым городком мира с немцами, при этом термин «немцы» никак не раскрывается (НПЛ. С. 371). Разъясняет его ливонский хронист Вартберг, сообщающий, что летом 1371 г. в Нейгаузене («Новом городке» русских летописей) между Псковом и Новгородом, с одной стороны, и ливонским магистром — с другой, был заключен мир. Среди представителей немецкой стороны названы Иоганн Шепенстеде и другие немецкие купцы. По мнению Гетца, участие в переговорах этих представителей немецкого купечества не означало, что достигнутое в Нейгаузене урегулирование распространялось и на отношения между немецким купечеством и Новгородом; послы немецких заморских городов лишь способствовали заключению мира Ордена с Новгородом и Псковом ³⁹.

18.
ГВНП. № 43

1372 г., 20 июля. — *Договорная грамота Новгорода с немецким купечеством о перемирии на два года* *

Дата содержится в самом тексте документа. В его интитуляции названы архиепископ Алексей (1360—1388 гг.), наместник великого князя Александр (не идентичен ли он участнику съезда 1371 г. в Нейгаузене Александру Кольванову? Ср.: НПЛ. С. 371), посадник Михаил Данилович, известный в дальнейшем до смерти в 1392 г. (Там же. С. 385), тысяцкий Матфей Фалелеевич, занимавший степень в 1371—1376 гг. (ГВНП. № 42, 45, 17, 18), купеческие старосты Яким и Федор (в других источниках не упоминаются). Немецкое купечество представлял Иоганн Прутце с Готланда (Johannes Prutze van Gotlande):

Договор 1371 г. продлевал на два года, как это сказано в его тексте, предшествующее соглашение, заключенное Иоганном Нибуром и Иоганном Сварте в декабре 1371 г., до дня св. Ивана (24 июня) 1372 г., текст которого не сохранился (HUB. Bd. IV. S. 167. A. I). Иоганн Нибур — посол рата Любека, позднее став-

³⁹ Goetz L. K. Op. cit. S. 180—183.

* Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой.

ший бургомистром; с его именем связано заключение знаменитого Нибурова мира 1392 г. (ГВНП. № 46). Иоганн Сварте — посол Готланда.

19.
ГВНП. № 45

[1373 г., 29 сентября] — *Договорная грамота Новгорода с Любеком и Готским берегом о пограбленном разбойниками товаре* *

Датировка договора предложена Напьерским, сопоставившим его текст с документом, который хранился в Ревельском городском архиве и был впервые напечатан Бунге (LUB. Bd. III. N 1095). В этом документе, включавшем различные постановления купечества Немецкого двора в Новгороде, сообщается, что в день св. Михаила 1373 г. в Новгороде были послы заморских городов, договорившиеся о ликвидации распри между новгородцами и ганзейцами из-за товара, пограбленного у новгородцев на Неве и в Стокгольме (ср.: ГВНП. № 44 и 42). Сопоставление показывает, что, во-первых, в документе и в договоре речь идет об одном и том же событии; во-вторых, имена немецких представителей, называемых в документе и в договоре, идентичны: «Яков» (Jacob Plescowe) и «Иван» (Johann Luneburg) из Любека, «Григорей» (Gerd von Wedderden) и «Иван» (Bode Volte) с Готланда; наименование Боде Волте Иваном Напьерский объяснил отсутствием такого имени в православных святцах⁴⁰. Гетц дополнительно указал, что документ Ревельского архива, использованный для датировки Напьерским, является отрывком из V редакции скры⁴¹.

День св. Михаила, упоминаемый в скре в качестве даты заключения договора, в католических странах приходится на 29 сентября (на Руси день архистратига Михаила отмечался 6 сентября и 8 ноября). Поскольку скра представляла собой устав Немецкого двора в Новгороде, т. е. являлась документом, возникшим в немецкой католической среде, следует думать, что в ее тексте имелся в виду день св. Михаила, соответствующий католическому церковному календарю.

Названные в интитуляцию договора архиепископ Алексей, посадник Юрий Иванович, тысяцкий Матфей Фалелеевич фигурируют также в грамоте 1371 г. (ГВНП. № 42). Немецкие послы по традиции присылались ратами Любека и Висбю.

20.
ОБ. № 38

[1388 г., май — октябрь] — *Грамота великокняжеских наместников и всего Новгорода ганзейским послам в Юрьев* **

Эту грамоту А. Л. Хорошкевич датировала 1388 г. на основании отсутствия в ней владычного имени и упоминания в качестве степенных посадника Есифа Захарыничича и тысяцкого Григо-

* Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой.

⁴⁰ Русско-ливонские акты. № 96. Легенда и примеч. 3—4 на С. 78.

⁴¹ Goetz L. K. Op. cit. S. 184.

** Комментарий подготовлен В. Л. Яниным и Н. А. Казаковой.

рия Ивановича ⁴². Действительно, архиепископ Алексей оставил кафедру 22 апреля 1388 г., а вновь избранный на его место 7 мая того же года Иоанн вернулся в Новгород с поставления только 8 февраля 1389 г. (НПЛ. С. 381—383). Посадник Есиф Захарьинич в конце апреля 1388 г. от имени Новгорода пытается уговорить Алексея остаться на кафедре, а в первой половине ноября лишен степени в результате восстания (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 348, 350). Тысяцкий Григорий Иванович оставался на степени и в начале февраля 1389 г. (Там же. С. 351). К этому следует добавить, что изложение комментируемой грамоты содержится в немецком документе от 23 сентября, но без обозначения года (LUB. Bd. IV. N 1666).

Великокняжеские наместники Иван и Василий упоминаются также в другой грамоте того же 1388 г. (HR. Abt. 1. Bd. 3. N 463). Послов немецкого купечества, прибывших в Юрьев (очевидно, из Любека и Готланда), грамота называет Иванами. Согласно предположению Хорошкевич, ими могли быть Иоганн Нибур и Иоганн Сварте, с помощью которых в декабре 1371 г. было заключено перемирие Новгорода с немецким купечеством (см. комментарий к акту ГВНП. № 43). По-видимому, послы заморского купечества стремились к одновременному урегулированию отношений с Новгородом как заморского купечества, так и ливонских городов и Ливонского ордена; новгородцы же хотели заключения раздельного мира, на что указывает следующее место новгородской грамоты: «А нам с вами, заморчи, ины (и) мир и грамота нам с вами, а с юрьечи, с волневичи нам сво (и) мир». Русский термин «волневичи», вероятно произведенный от русского названия Феллина — «Вельяд», одного из крупнейших орденских замков, — немецкий противень Нибурова мира переводит как «божьи рыцари» или просто «Орден» (см.: ГВНП. № 46).

21. [1388 г., ноябрь-декабрь (до 23-го)] —
HR. Abt. 1. Bd. 3. *Опасная грамота Новгорода юрьевскому епископу и городскому рату о намерении послать послов в Юрьев**

На эту грамоту как на принадлежащую Новгороду обратила внимание А. Л. Хорошкевич. На основании упоминания в ней великокняжеских наместников Ивана и Василия, тех же, что и в предыдущем документе 1388 г., а также на основании отсутствия в ней упоминания владыки грамоту можно отнести к 1388 г. Сузить это хронологическое приурочение позволяют два обстоятельства. Во-первых, названный в ней посадник Василий Иванович сменил Есифа Захарьинича в ноябре 1388 г. (НПЛ. С. 382); во-вторых, список грамоты находится в письме Дерпта Ревелю от 23 декабря (но без указания года; в HR письмо датировано 1390 г., но основания датировки не приведено). Следовательно, грамоту надо

⁴² Хорошкевич А. Л. Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. С. 265—269.
* Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой.

относить к ноябрю-декабрю 1388 г. с уточнением — ранее 23 декабря.

Возможно высказать предположение, что комментируемая грамота отражает подготовительный этап заключения Нибурова мира. В Нибурове мире (ГВНП. № 46) имеются ссылки на опасную грамоту с печатями посадника Василия Ивановича и тысяцкого Григория Ивановича, с которой идентифицируется рассматриваемый акт.

22.
ГВНП. № 46

[1392 г., январь-февраль] — *Договор Новгорода с ганзейскими городами (Нибуров мир) **

Съезд представителей Новгорода и немецких послов состоялся в Изборске осенью 1391 г.: «Тои же осени послаша новгородци послы на съезд с Немци в Изборьско: посадника Василья Федоровича, посадник Богдан Обакунович, посадника Федора Тимофеевича, тысяцкого Есифа Фалелеевича, Василья Борисовича и купцев; а немецкий послове приихале из заморья; из Любька из городка, из Гочкого берега, из Риге, из Юрьева, ис Колываня и из ыных городов изо многих; тогда взяша мир с Немци. Тои же зиме теи же послове немецкий приихавъше в Новъгород, и товары свои поймахут, и крест целовале, и начаша двор свои ставити изнова: занеже не бяшет по 7 год миру крепкаго» (НПЛ. С. 384).

Грамота отражает заключительный этап оформления договора, когда «теи же послове» прибыли в Новгород: «Се приеха . . . к посаднику Тимофею Юрьевичу и тысяцкому Миките Федоровичю, ко всему Великому Новгороду». Гетц узость круга представителей Новгорода объяснял тем, что в начале 1392 г. произошло лишь утверждение ранее заключенного в Изборске договора⁴³. По существу это верно, так как в немецком списке Нибурова мира датой его заключения назван 1392 г.; а сам список помещен в Дерптском рецессе от марта 1392 г., однако следует заметить, что летописный рассказ о съезде в Изборске перечисляет новгородских послов, тогда как в грамоте называются власти, т. е. степенные посадник и тысяцкий.

Немецкую сторону представляли «Иван Нибур» (Johannes Niebur) из Любека (см. комментарий к акту ГВНП. № 43), «Иньца Вландерь» (Hinrik van Vlandern) и «Федор Кур» (Godke Kur) с Готланда, «Тилька Нибрюре» (Tiedemann von der Nienbruggen) из Риги, «Еремей Кеглер» (Hermann Kegeleg) и «Винька Клинькрод» (Wynold Klinkrode) из Дерпта, «Григорья Вить» (Gerd Witte) из Ревеля. Новым в составе немецкого посольства является участие в нем впервые послов от всех трех крупнейших ливонских городов, что свидетельствует о возрастании их влияния в русско-немецкой торговле.

* Комментарий подготовлен В. Л. Яниным и Н. А. Казаковой.

⁴³ Goetz L. K. Op. cit. S. 188.

23.
ГВНП. № 47

1396 г., 6 января. — *Грамота новгородцев Ивана Калеки с товарищами с поручительством за достаточное удовлетворение со стороны Колывани за товар, пограбленный витальскими братьями у новгородцев* *

Дата документа содержится в его тексте.

Хотя грамота дана представителями Новгорода (скорее всего, новгородского купечества), прибывшими в Ревель для ликвидации инцидента по поводу пограбленного у новгородцев и доставленного в Ревель товара, формулы начального и конечного протоколов документа повторяют формуляр ливонских актов: «Да будет ведомо и явно всем добрым людям, которые настоящую грамоту видят, слышат или читают. . .» (начальный протокол); «А для большего подтверждения и правды привесили мы к этой грамоте наши печати. Дано в Ревеле в год господень 1396, в праздник Богоявления господня» (конечный протокол) (ср.: ГВНП. № 37 и 40). Появление в новгородской грамоте формул, заимствованных из ливонских актов, а также наличие указания на год от Р. Х. объясняются, очевидно, тем, что составлена она в Ревеле.

Витальские братья — пираты, действовавшие на Балтийском море в 90-х годах XIV в. От обычных пиратов они отличались большей организованностью, а также тем, что их действия определялись в какой-то мере политическими мотивами — поддержкой ими отдельных представителей королевских и княжеских домов балтийских государств.

24.
ГВНП. № 48

[1405 г., ранее 13 декабря] — *Грамота Новгорода Юрьеву о согласии продолжить мир 1392 г.***

Немецкий перевод документа содержится в письме Дерпта Ревелю от 13 декабря 1405 г. Упоминаемый в грамоте Иоганн, бургомистр Любека, — Иоганн Нибур (список Б) был участником немецкого посольства в Новгороде, заключившего договор 1392 г. («Нибуров мир»). В приписке к списку Б спутаны имена посадника и тысяцкого: посадник назван Василием Есифовичем (Wassili Uze), тысяцкий — Есифом Захарьиничем (Jesife Sacharniti); следует наоборот. Есиф Захарьинич упоминается с посадничьим титулом с 1388 г. до смерти в 1409 г. (НПЛ. С. 382, 401); Василий Есифович как тысяцкий известен в 1409—1411 гг., в 1418 г. он был уже посадником (LUB. Bd. IV. N 1796; НПЛ. С. 402; ГВНП. № 50; НПЛ. С. 410).

25.
ГВНП. № 50

[1411 г., весна] — *Грамота Новгорода Колывани с предложением сохранять дружественные и торговые отношения во время происходящей войны со шведами*

* Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой.

** Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой.

Грамота датирована в ГВНП 1410—1411 гг. Однако в ней Ревель информируется о том, что «здесь мы с немчи в розмирьи Свеею», а это размирье относится к весне 1411 г., когда «пришед Свея воиноу и взяша пригород новгородский Тиверьский; и новгородци, то слышав, вьскоре поидоша на Свею, толко за три дни по сеи вести, со князем Семеоном Олгердовичем. И приихавши в Свеискую землю, села их повоевав и пожгоша, а Свеи много исекоша, а иных поимаша, а у города у Выбора охабен взял и пожьжгоша, месяца марта в 26, на сбор архаггела Гаврила; и приихаша в Новьгород со множеством полона» (НПЛ. С. 402). На 1411 г. указывает и другое обстоятельство. Грамота исходит от архиепископа Иоанна, степенных посадника Ивана Александровича и тысяцкого Василия Есифовича. Между тем во второй половине 1410 г. (и следовательно, до февраля 1411 г.) степень в Новгороде занимали посадник Григорий Богданович и тысяцкий Василий Есифович; следовательно, Ивану Александровичу и Василию Есифовичу принадлежал магистратский срок с февраля 1411 по февраль 1412 г.

26.
Валк. № 2

[1403—1411 гг.] — *Челобитье Ивана Кочерина властям Колывани о своем деле и с поручительством за нескольких новгородцев **

Имя Ивана Кочерина известно также по следующему документу (ГВНП. № 51), датируемому 1411 г., ранее 19 мая. Иван Кочерин был одним из тех новгородских купцов, которые вели деятельную торговлю с прибалтийскими городами. Около 1403 г. было захвачено принадлежавшее Кочерину судно, что положило начало длительной распре, ликвидированной только в 1411 г. мировой грамотой Ивана Кочерина и Ганса Вреде (ГВНП. № 51) ⁴⁴. Комментируемая грамота, предшествуя этой мировой, отражает один из эпизодов конфликта и датируется суммарно 1403—1411 гг.

27.
ГВНП. № 51

[1411 г., ранее 19 мая] — *Мировая грамота Ивана Кочерина и Ганса Вреде ***

Примирение Ивана Кочерина и Ганса Вреде состоялось в Дерпте; этим объясняется появление в мировой грамоте присущей ливонским актам формулы: «Да будет ведомо». Посредниками в примирении были новгородские бояре и послы Василий Игнатьевич и Андрей Иванович, а также бургомистр Дерпта Иоганн Эппеншеде с ратманом Иоганном Гультшеде и Тидеманом Фосом. Представительный состав посредников свидетельствует о большом значении, которое Новгород и ливонские города придавали ликвидации конфликта между Иваном Кочериным и Гансом Вреде.

* Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой.

⁴⁴ Валк С. Н. Указ. соч. С. 233.

** Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой.

Василий Игнатьевич в дальнейшем стал новгородским тысяцким (НПЛ. С. 473), а Андрей Иванович, упоминаемый в летописи под 1401 и 1411 гг. (Там же. С. 396, 402), к 1415 г. был избран в посадники (Там же. С. 405). Иоганн Эппеншеде и Иоганн Гультшеде в грамотах сношений Новгорода с Западом больше не встречаются. Тидеман Фос (Thideman Vos) был участником немецких посольств в Новгород в 1423 и 1436 гг.; в договорных грамотах этих лет он называется уже дерптским бургомистром (ГВНП. № 62, 67).

Комментируемый документ сохранился в виде немецкого перевода в письме Дерпта Ревелю от 19 мая 1411 г.

28. [1412 г.] — *Список убытков новгородцев*
Хор.-63.
С. 273—276. № 3

Документ является сборником выписок об ущербе, понесенном разными новгородцами от немцев. Не исключено, что все они являются жителями Воздвиженской улицы Людина конца, поскольку объединяющая выписки рукопись снабжена пометой «Со Въздвигеньской улици». Из пяти таких выписок лишь последняя представляет собой список целой грамоты, а в тексте остальных четырех отсутствуют такие существенные элементы формуляра новгородских грамот, как адресат и адресант. Использование грамот несомненно, но их текст не копировался, а излагался для последующего суммарного представления немецкой стороне с целью компенсации причиненного новгородцам убытка. Очевидно, что датировка грамот, использованных при составлении «обидного» списка, и датировка самого списка — сюжеты не адекватные, хотя и связанные один с другим. В дальнейшем изложении выписки удобнее называть статьями списка.

В ст. 1, по мнению Клейнберга и Хорошкевич, отражен конкретно датируемый эпизод борьбы новгородцев и ливонских немцев за прибрежные территории у устья р. Наровы, который якобы следует связывать с событиями, описанными в ливонской грамоте 1417 г., — постройкой новгородцами деревянных укреплений на правом берегу Наровы⁴⁵. На этом основании Хорошкевич датировала ст. 1 временем около 1417 г. Однако такое предположение не может быть признано аргументированным. Описанный в ст. 1 инцидент мог произойти в любом пункте новгородско-немецкого порубежья. Упомянутое в ее тексте Большое село, к сожалению, не локализуется, будучи, по-видимому, не топонимом, а стандартным обозначением господского двора — центра боярщины. Хотя, судя по значительной величине убытков (100 руб.), убитый во время нападения немцев Александр был, скорее всего, боярином, источники никак не отразили существования и гибели такого человека.

⁴⁵ LUB. Bd. V. N 2142; Клейнберг И. Э. Борьба Новгорода Великого за Нарову в XV в. // Научные доклады высшей школы: Исторические науки. 1960. № 2. С. 143—144; Хорошкевич А. Л. Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. С. 271.

В ст. 2 речь идет о конфликте между новгородцами Федором и Есифом, с одной стороны, и ревельцем Иваном Мясо. Об этом конфликте в его дальнейшем развитии сообщается и в ранее известной новгородской грамоте (ГВНП. № 56), датированной в ГВНП временем «не позднее 1417 г.». Однако, как будет показано ниже (см. комментарий к акту ГВНП. № 56), указанный документ датируется в действительности 1413/14 г.

Статьи 3 и 4 не содержат уточняющих датирующих признаков, и их хронологическое определение целиком зависит от общей датировки списка.

Ст. 5, как уже отмечено, является полным списком грамоты. Этот текст исходит от степенных посадника Фомы Есифовича и тысяцкого Кирилла Дмитриевича. Указанные магистраты обозначены также в другом акте (ГВНП. № 49), который в ГВНП отнесен к 1409 г., что должно быть признано ошибочным: в действительности Фома Есифович и Кирилл Дмитриевич владели степенью с февраля 1412 по февраль 1413 г. (см. комментарий к акту ГВНП. № 49).

Таким образом, совокупность датирующих признаков определяет общую дату составления списка 1412 г. Заметим, что существует и немецкий документ 1412 г., суммирующий торговые претензии немцев к новгородцам (LUB. Bd. IV. N 1919), который вместе с комментируемым списком воспринимается как материал, подготовленный для предстоящих переговоров.

Что такие переговоры действительно состоялись именно тогда, когда на степени находились Фома Есифович и Кирилл Дмитриевич, видно из прямого сообщения в ст. 5: «А нынеча на съезде тых людей ставя(т), кому дать и взять, да что бы не гибли правии люди»⁴⁶. См. также комментарий к следующему акту.

29.
ГВНП. № 49

[1412 г., позднее 21 августа] — *Договорная грамота Новгорода с Ригой, Юрьевом и Кольванью о взаимном возврате захваченных товаров*

Грамота в ГВНП вслед за Ф.-Г. Бунге датирована 1409 г., позднее 21 августа. В основу такой датировки легли наблюдения Бунге (LUB. Bd. IV. N 1806) о связи этого документа с изданными в том же своде документами № 1804, 1805 и 1809. В документах № 1804 от 14 августа и № 1805 от 21 августа власти Немецкого двора в Новгороде сообщают Ревелю о переговорах, ведущихся в Новгороде послами Ивеном и Тидеманом, а в письме № 1809 от 6 сентября рат Риги извещает рат Ревеля о заключении

⁴⁶ Чтение А. А. Зализняка; ср. с ошибочным чтением этого места у Хорошкевич: «А нынеча нась издетых людей ставя вя кому дать и взять» и т. д. Отметим также уточняющее прочтение Зализняком трех важных мест в ст. 4: «и на тымъ друга нашего покололи сулице(ю), и мы розбоиника изъымали» вместо неверного «и на тымъ друга нашего покололи с уличеньемъ розбоиника и изъымали»; «оборвале с ворота съ шесть рубл(е)въ да взяли три кивере да три ножи да рукиче» вместо неверного «оборвале съ ората съ шесть рублевь, да взяли три тсивере да триньки да рукиче»; «16 овреи» вместо неверного «15 овреи».

этим послами договора с Новгородом. Совершенно очевидно, что, коль скоро комментируемая грамота называется представителями немецкой стороны именно Ивена и Тидемана, она датируется промежутком времени от 21 августа до начала сентября. Однако ни в одном из указанных документов год не обозначен, а Бунге не привел никаких оснований для предпочтения предложенной им даты.

Между тем эта датировка вызывает самые решительные возражения. Послы Ивен и Тидеман, как указано в грамоте, приехали в Новгород к посаднику Фоме Есифовичу и тысяцкому Кириллу Дмитриевичу, владевшим, следовательно, в этот момент степенью. Однако Фома Есифович впервые мог быть избран в посадники не ранее 1409 г.⁴⁷, а степенным стал не ранее 1412 г. На это указывают следующие обстоятельства. В 1409 г., от которого сведений об имени степенного посадника не сохранилось, степенным тысяцким был не обозначенный в комментируемом акте Кирилл Дмитриевич, а Василий Есифович («Василий Нос». — LUB. Bd. IV. N 1796). В 1410 г. степень в Новгороде занимали посадник Григорий Богданович и тысяцкий Василий Есифович (НПЛ. С. 402). В 1411 г. на степени были посадник Иван Александрович и тысяцкий Василий Есифович (ГВНП. № 50).

С другой стороны, в развитие договора о взаимном возврате захваченных товаров в 1413 г. предпринимается попытка урегулирования отношений новгородцев Федора и Есифа с ревельцем Иваном Мясо (ГВНП. № 56); составленная по этому поводу грамота содержит косвенную ссылку на существующую общую договоренность: угрожая «рубезжом», т. е. конфискацией товаров у находящихся в Новгороде ревельских купцов в случае отказа уплаты долга Иваном Мясо, документ отмечает: «А то слово не в ызмену».

Исходя из изложенных соображений, рассматриваемую грамоту и переговоры с немецкими послами о взаимном возврате товаров следует датировать концом августа 1412 г., связывая с теми же переговорами немецкие документы № 1804, 1805 и 1809.

Уцелевший список убытков новгородцев (Хор.-63. № 3) является только частью более значительного перечня обид. Помета «Со Въздвигеньской улици» указывает на локальный характер той группы обиженных новгородцев, которые названы в этом списке.

30.
ГВНП. № 56

[1413/14 г.] — *Грамота Новгорода Колыванца о суде над колыванцем Иваном Мясо, должником новгородцев Федора и Есифа*

В ГВНП документ датирован временем «не позднее 1417 г.» на основании летописного сообщения о смерти в 1417 г. обозначенного в интитуляцию грамоты посадника Ивана Александровича (НПЛ. С. 408).

⁴⁷ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 147.

Очевидно, что этот документ не может относиться ко времени ранее 1412 г., когда вопрос о конфликте Федора и Есифа с Иваном Мясом был поднят впервые (Хор.-63. № 3), тем более что Иван Александрович стал посадником не ранее 1409 г.⁴⁸ Как видно из комментария к предыдущему акту (ГВНП. № 49), он не мог (в рамках 1412—1417 гг.) стать степенным ранее февраля 1413 г. Но степень не могла принадлежать ему и после февраля 1415 г., так как в 1415 г. степенными были посадник Андрей Иванович и тысяцкий Александр Игнатьевич (НПЛ. С. 405), в 1416 г. — посадник Иван Богданович и тысяцкий Борис Васильевич (Там же. С. 406), а в 1417 г. — посадник Семен Васильевич и тысяцкий Кузьма Терентьевич (ГВНП. № 55; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 164).

Таким образом, посаднику Ивану Александровичу как степенному соответствует лишь промежуток от февраля 1413 по февраль 1415 г., равный двум магистратским годовым срокам. Иван Александрович действительно занимал степень на протяжении этих двух сроков, так как, кроме рассматриваемой грамоты, в которой ему сопутствует тысяцкий Анания Костянтинович, существует еще один акт (ГВНП. № 53), где ему сопутствует тысяцкий Александр Игнатьевич. Следовательно, проблема точного датирования обоих документов сводится к установлению их взаимного старшинства.

Не настаивая на категорическом решении этого сложного вопроса, заметим, что Анания Костянтинович, бывший тысяцким еще в 1398 г. (НПЛ. С. 393), находился в 10-х годах XV в. в конце своей политической карьеры, источники больше не упоминают его, тогда как Александр Игнатьевич был на степени и в 1415 г. (Там же. С. 405), а затем становится посадником (Там же. С. 472; ГВНП. № 58). Наблюдения над порядком замещения степени тысяцкими показывают, что, как правило, в отличие от посадников они переизбирались на новые сроки иногда по нескольку раз подряд. Эти соображения дают возможность отдать рассматриваемой грамоте старшинство перед актом ГВНП. № 53.

31.
ГВНП. № 53

[1414/15 г.] — *Грамота Новгорода магистру Ливонского ордена с требованием взыскать с наследников колыванского посадника Конрада долг новгородцам Игнатовым детям с товарищами*

В ГВНП грамота датирована временем не позднее 10 июня 1417 г. на основании летописного сообщения о смерти в 1417 г. посадника Ивана Александровича, названного в интитуляцию документа. Указание дневной даты 10 июня ошибочно: в этот день летопись отмечает лишь «гром», опаливший иконы в церкви Ипатия на Рогатице, а кончина Ивана Александровича относится к октябрю (он умер во время «Анастасьинского» мора, и сообщение о его смерти помещено перед рассказом о сооружении обетной

⁴⁸ Там же.

церкви Анастасии, празднуемой 29 октября) (НПЛ. С. 408). Впрочем, для датирования грамоты эти подробности неважны, коль скоро степенное посадничество Ивана Александровича может быть отнесено только к промежутку от февраля 1413 по февраль 1415 г. (см. комментарий к предыдущему акту). Основания для отнесения рассматриваемой грамоты к февралю 1414 — февралю 1415 г. изложены в том же комментарии.

Долг, возврат которого обсуждается в этой грамоте, имеет большую давность, коль скоро в конфликте участвуют внуки должника и дети заимодавцев. На то же указывает и ссылка на свидетелей договора о займе — «Иване из Любка, Федоре и Инча с Гочкого берегу, Тилька из Риги, Иереми Винка из Юрьева, Григорья ис Колываня, коли ваше послы в Новгороде на миру крест человале». Легко заметить, что речь здесь идет о послах, участвовавших в заключении Нибурова мира 1392 г.

32. [1417 г., конец августа — начало сентября] — *Грамота архиепископа Симеона Риге, Юрьеву и Колывани с предложением прислать послов*

33. [1417 г., конец августа — начало сентября] — *Грамота Новгорода Риге, Юрьеву и Колывани с предложением прислать послов для утверждения старого мира и о прекращении до того торговли*

В обеих грамотах, сохранившихся в немецком переводе в письме Ревеля Дерпту от 12 сентября 1417 г., речь идет об одном и том же эпизоде — присылке ливонскими городами к новгородскому архиепископу грамоты, предлагающей утвердить старый мир, и положительном ответе на нее архиепископа (ГВНП. № 54) и новгородских республиканских властей (Там же. № 55).

Названный в грамотах владыка Симеон пользовался в Новгороде титулом архиепископа с 16 апреля 1416 до смерти 15 июня 1421 г. (НПЛ. С. 406, 413—414). Грамота светских властей (ГВНП. № 55) свидетельствует, что в 1417 г. степенными в Новгороде были посадник Семен Васильевич и тысяцкий Кузьма Терентьевич. Первый из них как посадник фигурирует только в летописном перечне новгородских посадников (НПЛ. С. 164, 472); второй с титулом тысяцкого упомянут в летописи под 1418 и 1421 гг. (Там же. С. 410, 414), в дальнейшем он стал посадником (Там же. С. 472).

34. [1418—1420 гг.] — *Грамота архиепископа Симеона Риге с требованием суда над Инцей Зашембакой (Гинце Сассенбаке) и его братом Артемием (Гертеке), орденом переводчиком, по жалобе новгородца Александра Трифоновича на неуплату 50 руб.*

35.
ГВНП. № 58

[1418—1420 гг.] — *Грамота Новгорода Риге с требованием суда над Инцей Зашембакой и его братом Артемием, орденовским переводчиком, по жалобе новгородца Александра Трифоновича на неуплату 50 руб.*

В обеих грамотах речь идет об одном и том же казусе, и отосланы они были из Новгорода через одного и того же посылного — поповича Алексея, что свидетельствует об их одновременности. В ГВНП они датированы 1418—1421 гг. на основании упоминания в первой из них архиепископа Симеона (1416—1421 гг.), а во второй тысяцкого Кузьмы Терентьевича, имя которого при том же титуле упоминается в летописи под 1418 и 1421 гг. (НПЛ. С. 410, 414). Учитывая только такой способ датирования, следовало бы заметить, что тысяцкий Кузьма Терентьевич был степенным уже в 1417 г. (ГВНП. № 55), но это не ведет к расширению хронологических рамок документов. Во времена архиепископства Симеона в феврале 1416—феврале 1417 г. степенными были посадник Иван Богданович и тысяцкий Борис Васильевич (НПЛ. С. 406), в феврале 1417—феврале 1418 г. — посадник Семен Васильевич и тысяцкий Кузьма Терентьевич (ГВНП. № 55; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 164), в апреле 1418 г. — посадник Василий Есифович и тысяцкий Кузьма Терентьевич (НПЛ. С. 410). Известно также, что в августе 1420—феврале 1421 г. степень занимали посадник Василий Микитинич и тысяцкий Кузьма Терентьевич (ГВНП. № 59; НПЛ. С. 413), в феврале—августе 1421 г. — посадник Михаил Иванович и тысяцкий Кузьма Терентьевич (ГВНП. № 61), а 15 июня того же года умер архиепископ Симеон (НПЛ. С. 413—414). Следовательно, для занятия степени посадником Александром Игнатьевичем и тысяцким Кузьмой Терентьевичем остается лишь промежуток с февраля 1419 г. (если полугодовой срок занятия высших магистратских должностей не был введен в 1418 г.) или с августа 1418 г. (если это нововведение относится к 1418 г.) до августа 1420 г.

36.
ОБ. № 37

[1398—1420 гг.] — *Грамота Новгорода об обиде Бориса Кижанинова*

Грамота исходит от степенных посадника Александра Фоминича и тысяцкого Олисея Костянтиновича. Последний известен только по рассматриваемому документу и упоминанию в летописном перечне новгородских тысяцких, где он назван «князем Копорейским» (НПЛ. С. 472), что позволяет предполагать в нем сына князя Константина Ивановича Белозерского, бывшего на кормлении в Копорье в 1393—1396 гг. (Там же. С. 386—387). Что касается Александра Фоминича, упоминаемого впервые с посадничьим титулом в 1398 г. и умершего в 1421 г., то степень достоверно принадлежала ему дважды — в 1398 г.⁴⁹ и в 1404 г. (ПСРЛ.

⁴⁹ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. 2-е изд. СПб., 1882. Стб. 285—286.

Т. 11. С. 190). Однако в 1404 г. ему на степени сопутствовал тысяцкий Кирилл Дмитриевич. К сожалению, в существующих источниках отсутствуют сведения о высших магистратах Новгорода за 1399—1403, 1407—1409, 1419—1420 гг.; в любой из этих сроков Александр Фоминич и Олисей Костянтинович могли быть степенными. Наличие при грамоте восковых печатей, оттиснутых матрицами обычных свинцовых булл, как будто указывает на предпочтении поздних дат из числа названных: такую же особенность имеют печати при грамотах 1411 г. (ГВНП. № 50), 1418—1420 гг. (Там же. № 57, 58), 1421 г. (Там же. № 60), 1422 г. (ОБ. № 39).

37.

ГВНП. № 59

[1420 г., ранее 25 августа] — *Проект договорной грамоты Новгорода с Ливонским орденом и епископом юрьевским о мире*

Основанием датировки проекта является указание в письме магистра Ливонского ордена на получение им проекта 25 августа.

Князь Константин Дмитриевич (родился в 1389 г., умер в 1433 г.) — сын великого князя Дмитрия Ивановича и младший брат великого князя Василия Дмитриевича — был принят новгородцами 25 февраля 1420 г.: «в Новъгород приихал с Москве князь Костянтин Дмитриевич; милостью божиею и архиепископа Семёна благословением прияша новгородци в честь, месяца февраля в 25, на сбор великыи; и подаваша ему пригороды, кои быле за Лугвенем, и бор по всеи волости новгородчкои, коробеищину; а про то был в Новегороде, занеже брат его князь великыи Василии хотел его в челование привести под своего сына Василя; и он не хотя быти под своим братаничем, и князь Василии возверже нелюбие на него, и отъима у него всю отчину, и бояр его поима и села и животы их отъима» (НПЛ. С. 412). Титулование Константина Дмитриевича в комментируемой грамоте великим князем свидетельствует о несомненном разрыве отношений с Москвой; на то же обстоятельство указывает и характер конфликта между Константином и Василием, превратившего Константина во врага и изгнанника Москвы. Впрочем, этот конфликт был ликвидирован к началу 1421 г., когда официальным представителем великокняжеской администрации в Новгороде назван наместник Василия Дмитриевича князь Федор Патрикеевич, а Константин выступает только как служилый князь (Там же. С. 413; ГВНП. № 60). Посадник, названный в рассматриваемой грамоте только по отчеству (Muskytenson), — несомненный Василий Микитинич (ср.: ГВНП. № 60). О тысяцком Кузьме Терентьевиче см. в комментарии к акту ГВНП. № 55.

38.
ГВНП. № 60

[1421 г., начало февраля] — *Договорная грамота Новгорода с Ливонским орденом о мире и о разрешении спорных дел* *

Заключению договора на Наровском съезде предшествовал период подготовки. Под 1420 г. летопись сообщает: «Тои же осени прииха в Новъгород из Немець от местеря Селивестра посол велиядьскыи кумендер Гостило, сестричиць местеров Тимофеи и воевода ругодивьской, и докончаша со князем Костянтином и со всем великим Новымградом, что быти на съезде местерю, а князю Костянтину и новгородцом послати своих бояр; и послаша наместника князя великаго князя Федора Патракиевича, посадника новгородчкого Василья Есифовица, посадника Офоноса Федоровича, Якова Дмитриевича, Михаилу Юрьевича, Наума Ивановича. Они же наехавше местеря на Нарове и взяша вечный мир по старине, како был при великом князе Александре Ярославличе» (НПЛ. С. 412—413).

В ГВНП грамота датирована концом января 1421 г. на основании того, что 27 января указано как срок съезда в письме магистра Ревелю (НУВ. Bd. VI. N 339). Однако в самом документе имеется несколько иное указание: «Соркоша срок Мясное заговение, что стати местерю на тои срок на Нарове на реке». Поскольку пасха в 1421 г. была 23 марта, сыропустная неделя приходилась на 2 февраля, 27 же января начиналась масленица. Участниками съезда с новгородской стороны грамота указывает всех тех лиц, которые названы и в летописном рассказе. Немецкую сторону представляли уже побывавшие в Новгороде осенью 1420 г. «вельядьчкыи кумендер Гостила» — Косвин фон Подем, комтур Феллина в 1418—1426 гг., «колыванескеи кумендерь Тимофии» — Дидерик фон Веллен, а также «ругодивескеи судья Еремеи» — фогт Нарвы Герман, «Валеравене ламъмаскалка» — Валрабе фон Гюнсбах, ливонский ландмаршал, и «кескеи судья Иване» — Иоганн фон Трехт, фогт Вендена в 1416—1426 гг. Главой ливонского посольства был «местер Селивестр рискеи» — магистр Ливонского ордена Зигфрид Ландер фон Шпангейм (1415—1424 гг.).

Летописная ссылка на «мир по старине, како был при великом князе Александре Ярославиче», имеет в виду прецедентный акт середины XIII в. (ГВНП. № 29).

39.
ГВНП. № 61

[1421 г., после 24 марта] — *Грамота Новгорода Юрьеву с отказом заключить мир до удовлетворения обид*

Основанием датировки служит то обстоятельство, что комментируемый документ является ответом на грамоту Дерпта от 24 марта, но без указания года (НР. Abt. 1. Bd. 7. N 301), в которой речь идет о тех же конфликтных событиях — ограблении новгородцев на Неве и последующей доставке ограбленных и их

* Комментарий подготовлен В. Л. Яниным и Н. А. Казаковой.

товара в Висмар. Вполне очевидно, что грамота относится к времени после Наровского съезда начала февраля 1421 г., коль скоро она содержит ссылку на этот съезд: «И магистр был на съезде со многими добрыми людьми, и с вашими посадниками и с ратманами в Ругодиве; и от Великого Новгорода был наместник великого князя и посадники Великого Новгорода, господа и купцы». Но также очевидно, что эта грамота написана сразу же после съезда на Нарове, поскольку ее сюжет был предметом обсуждения на указанном съезде: «ваши посадники и ратманы, добрые люди, отказались перед магистром на том же съезде [от ответственности за] мир ваших ганзейских городов, а магистр уличил их в том, что город Висмар один из 73 ганзейских городов, за которые вы крест целовали».

Посадник Михаил Иванович Мотурицын был избран впервые в 1418 или 1419 г.; его деятельность продолжалась и в 1424 г. (ГВНП. № 19). Тысяцкий Кузьма Терентьевич достоверно владел степенью непрерывно с 1417 по 1422 г. Следует заметить, что в августе 1421—феврале 1422 г. степенным посадником был уже не Михаил Иванович, а Тимофей Васильевич (НПЛ. С. 414).

40.
ОБ. № 39

[1422 г., август—1423 г., февраль] — *Грамота Новгорода Риге о рассмотрении челобитья Даниила Андреева*

Грамота датируется именами степенных посадников Василия Микитинича и тысяцкого Аврама Степановича, совместное пребывание которых на степени зафиксировано актом от 8 февраля 1423 г. (ГВНП. № 62). При полугодовом сроке занятия магистратских должностей, истекавшем в феврале, это означает, что указанные лица были на степени с августа 1422 по февраль 1423 г.

41.
ГВНП. № 62

[1423 г., 8 февраля] — *Договор Новгорода с ганзейскими городами о разрешении спорных дел* *

Основанием датировки является сообщение послов о переговорах в Новгороде от 8 февраля 1423 г. Феодосий назван «нареченным владыкой», так как на всем протяжении его владычной деятельности с 1 сентября 1421 до 29 августа 1423 г. он не был хиротонисан и, следовательно, не обладал титулом архиепископа. Немецкие послы Эггерд Беркгофф (Eggerd Berkhoff), ратман Риги, Тидеман Фос (Tideman Vos), бургомистр (о нем см. в комментарии к акту ГВНП. № 51), Герман Бутеншоне (Hermen Butenschone), ратман Дерпта, Иоганн Пальмедаг (Johan Palmedach), ратман Ревеля. Все они в договоре названы как послы не только от Риги, Дерпта и Ревеля, но и от Любека и от 73 ганзейских городов, что свидетельствует о фактическом переходе руководства русско-ганзейской торговлей из рук Любека и Висбю в руки ливонских городов.

* Комментарий подготовлен В. Л. Яниным и Н. А. Казаковой.

В качестве особенности формуляра начального протокола грамоты следует отметить также, что в перечне новгородских властей, волей которых определялось заключение договора, фигурируют владыка, названный по имени посадник (степенной), старые посадники, названный по имени тысяцкий (степенной), старые тысяцкие, т. е. круг лиц, входивших в боярский совет государства. Этот тип перечня, впервые присутствующий в комментируемом акте, сохраняется с незначительными вариантами в новгородско-немецких договорах до конца существования независимого Новгорода и является выражением превращения Новгорода в олигархическую республику бояр, формы организации которой стали особенно наглядными в результате реформы 1423 г.

42. [1424 г., февраль—август] — *Грамота ГВНП. № 75 Новгорода Миките Тинчову с приказанием уплатить 2 руб., взятые им у колыванского посла Ивана и у Гостилы*

В ГВНП грамота датирована временем «около 1452 г.» и в качестве основания датировки названо упоминание в ней посадника Михаила Ананьинича. Однако это явное недоразумение. Помимо комментируемой грамоты и летописного перечня новгородских посадников 1423 г. (НПЛ. С. 472; см. также дополнения к перечню 1415 г. — Там же. С. 165), имя Михаила Ананьинича, бывшего, согласно показаниям перечня, посадником уже в 1423 г., встречается, обозначая степенного посадника, еще в одном только источнике (ГВНП. № 19), датируемом августом-сентябрем 1424 г. (см. комментарий к этому документу). Названный в рассматриваемой грамоте тысяцкий Оникий Власьевич также уже фигурирует в летописном перечне новгородских тысяцких 1423 г. (НПЛ. С. 473); других упоминаний этого боярина неизвестно.

На первую половину — середину 20-х годов XV в. указывают и имена заимодавцев. Ратман Ревеля (Колывани) Иоганн Пальмедаг был участником посольства в Новгороде в 1423 г. (ГВНП. № 62), «Гостила» — Косвин фон Полем, комтур Феллина в 1418—1426 гг., был членом посольства в Новгород в 1420 г. (НПЛ. С. 412) и участником Наровского съезда 1421 г. (ГВНП. № 60).

Коль скоро о степенном посадничестве Михаила Ананьинича известно в феврале — августе 1424 г., к указанному периоду с наибольшей вероятностью и относится комментируемый документ.

43. [1434 г., февраль-март] — *Договорная грамота ГВНП. № 64 Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на два года **

В ГВНП грамота датирована 1434 г., ранее 24 июня, на том основании, что, согласно ее тексту, началом перемирия назна-

* Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой и В. Л. Яниным.

чался день св. Ивана (24 июня). Датировку возможно уточнить: на ганзейском съезде в Любеке, состоявшемся 5 июня 1434 г., послы ливонских городов сообщили о заключении ими перемирия с Новгородом начиная с 24 июня (LUB. Bd. VIII. N 813, § 31). Следовательно, перемирие было заключено до 5 июня. Но и эта датировка может быть подвергнута дальнейшему уточнению: Дерпт в письме Ревелю от 10 декабря 1434 г. высказывает пожелание о вызове на предстоящие переговоры ливонских городов с магистратом участников посольства в Новгород, которое побывало там зимой (Ibid. N 882), на основании чего издатели упомянутого письма датируют договор «самое позднее мартом».

Такое предложение подкрепляется хронологическим анализом действительности новгородских властей, названных в интитуляцию договора. Владыка Евфимий II, избранный на кафедру еще 13 ноября 1429 г. (НПЛ. С. 415), был хиротонисан только в апреле или мае 1434 г.: 11 апреля указанного года он выехал в Смоленск на поставление к митрополиту Герасиму, а 26 мая вернулся в Новгород, уже обладая титулом архиепископа (Там же. С. 417). В комментируемой грамоте он называется «нареченным архиепископом», а это указывает на то, что документ был составлен до 11 апреля. Степенными в нем обозначены посадник Самсон и тысяцкий Федор, о которых известно, что они были высшими магистратами Новгорода летом 1434 г. В летописном сообщении о заключении мирного договора между Новгородом и Псковом 22 июля 1434 г. говорится: «а от Новагорода целова крест Самсон посадник Иванович и тысячткои Федор Елесеевич за весь Великои Новъгород и за вси пригороды и за вси свои волости к Пскову по старине, месяца июля 22, на память святыа Марьи Магдалыни в четверг» (ПЛ. Вып. 2. С. 130). Коль скоро указанные магистраты находились на степени в июле, значит, им принадлежал срок с февраля по август 1434 г. и, следовательно, рассматриваемый акт надо датировать временем не ранее февраля. Но письмо Дерпта Юрьеву недвусмысленно указывает на зиму как момент заключения договора. Поэтому его надо датировать в хронологических рамках второй половины февраля — марта 1434 г.

Немецкие послы — ратман Дерпта Корд Штокер (Cord Stoker) и ратман Ревеля Альберт Румор (Albert Rumor), — как и в договоре 1423 г., выступают представителями не только Риги, Дерпта и Ревеля, но и всех 73 ганзейских городов. Дерптский ратман Корд Штокер в других документах сношений Новгорода с Западом не упоминается; ратман Ревеля Альберт Румор фигурирует также в договорных грамотах Новгорода с ганзейскими городами от 16 июля 1436 г. (ГВНП. № 67) и от 1 марта 1450 г., в последнем акте он выступает уже как ревельский бургомистр (Там же. № 74).

44.
ГВНП. № 66

[1436 г., начало июля] — *Грамота Новгорода Колывани с требованием доставки на русскую границу задержанных в Колывани московских купцов**

Основанием датировки служит упоминание в грамоте владыки Евфимия, посадника Бориса Юрьевича и тысяцкого Федора Яковлевича, которые фигурируют в договорной грамоте Новгорода с ганзейскими городами от 16 июля 1436 г. (ГВНП. № 67). Еще больше уточняет датировку то обстоятельство, что в рассматриваемой грамоте, как и в письмах ганзейских послов из Новгорода от 1 и 2 июля 1436 г., речь идет об одном и том же случае — задержании московского купца в Ревеле. Только в письмах ганзейских послов говорится о задержании купца, а в грамоте Новгорода — о задержании купцов. Это противоречие издатели посольских писем объясняют тем, что при переводе грамоты на немецкий язык вместо единственного числа ошибочно было поставлено множественное (LUB. Bd. IX. N 70, легенда).

Посадник Борис Юрьевич, помимо рассматриваемой грамоты и договора от 16 июля 1436 г., называется еще в надписи на артосном панагиаре из Софийской ризницы, датированной в ее тексте 14 сентября 1435 г., но там степенным тысяцким обозначен Дмитрий Васильевич, а не Федор Яковлевич. Это значит, что Борису Юрьевичу и Дмитрию Васильевичу принадлежал магистратский срок с августа 1435 по февраль 1436 г., а Борису Юрьевичу и Федору Яковлевичу — срок с февраля 1436 г. В источниках имя Бориса Юрьевича встречается еще один раз — в договорной грамоте литовского великого князя Свидригайла с Новгородом (ГВНП. № 63), где он фигурирует в качестве новгородского посла без всякого титула, — показатель того, что в тот момент (1431 г.) он еще не избирался ни в тысяцкие, ни в посадники.

45.
ГВНП. № 67

[1436 г., 16 июля] — *Договорная грамота Новгорода с ганзейскими городами ***

Дата окончания переговоров, предпринятых по истечении двухлетнего срока перемирия 1434 г., и заключения договора указана в немецких документах (LUB. Bd. IX. N 80, § 47, 48).

Новгород в тексте договорной грамоты представлен теми же лицами, что и в предыдущем акте (ГВНП. № 66): архиепископом Евфимием, посадником Борисом Юрьевичем, тысяцким Федором Яковлевичем. Ганзейские города представляют дерптский бургомистр Тидеман Фос (Tideman Vos) (см. комментарий к акту ГВНП. № 51) и ратман Иоганн Беверман (Johan Beverman), а также ревельские ратманы Госскальк Штольтевоте (Gosscalk Stoltevoet) и Альберт Румор (о последнем см. комментарий к акту ГВНП. № 64).

* Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой.

** Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой.

46.
ГВНП. № 69

[1436 г., август—1438 г., август] — *Грамота Новгородца Кольвани с требованием суда над Иваном Амбуром по жалобе на него новгородца Кузьмы Ларивоновича*

В ГВНП грамота датирована «не позднее 1439 г.»; основанием такой датировки является «указание на эту грамоту в письме Ревеля Дерпту от 23 февраля 1439 г. (LUB. IX, N 427)». Ссылка на это письмо ошибочна — речь в нем идет не о рассматриваемой грамоте, а о договоре, заключенном Новгородом с немецким купечеством начала 1439 г. (ГВНП. № 68). Датировать грамоту помогает другой документ — письмо Немецкого двора в Новгороде Ревелю от 28 декабря 1439 г.⁵⁰ Из этого донесения видно, что незадолго перед тем степенными в Новгороде были посадник Иван Лукинич и тысяцкий Анания Семенович; о последнем как о тысяцком говорится в прошедшем времени («он был в то время тысяцким»). Однако в том же донесении указывается, что «в прошлом году» степенным тысяцким был Иван Лукинич. Материалы этого донесения позволяют сделать вывод, что посадник Иван Лукинич и тысяцкий Анания Семенович занимали степень с февраля по август 1439 г., а степень тысяцкого Иван Лукинич получал годом раньше, но не в августе 1438 — феврале 1439 г., когда степенными в Новгороде были посадник Исак Андреевич и тысяцкий Анания Семенович (ГВНП. № 68). Коль скоро в рассматриваемой грамоте степенным тысяцким назван Иван Лукинич, этот документ возможно датировать с оговорками 1438 г., не позднее августа, хотя для него не исключена и несколько ранняя дата, например 1436 г., не ранее августа, или 1437 г., относительно которых сведений о высших магистратах Новгорода в наличных источниках не имеется.

47.
ГВНП. № 68

[1439 г., ранее 11 февраля] — *Договорная грамота Новгородца с немецким купечеством о разрешении выезда немецким купцам после возвращения задержанных в Кольвани и Юрьеве новгородцев*

Грамота датируется на основании упоминания о ней в письме Немецкого двора в Новгороде от 11 февраля 1439 г. (LUB. Vd. IX. N 421).

Упомянутый в грамоте посадник Исак Андреевич (Борецкий) был избран в посадники до 1428 г. (ПСРЛ. Т. 8. С. 94; Т. 18. С. 170; Т. 25. С. 248); как посадник известен также под 1453 г. (Там же. Т. 23. С. 155), был жив еще около 1456—1458 гг. (РК. № 2). Имя Анании Семеновича еще без титула встречается впервые под 1435 г. (НПЛ. С. 417); в дальнейшем он стал посадником; его

⁵⁰ Клейнберг И. Э., Севастьянова А. А. Уличане на страже своей территории // НИС. Л., 1984. Вып. 2(12). С. 160—162.

имя фигурирует в перечне новгородских посадников в Уваровской летописи (ПСРЛ. Т. 23. С. 166).

«Оба немецких двора» — «двор св. Петра» (собственно Немецкий двор) и арендовавшийся ганзейским купечеством с 1402 г. Готский двор⁵¹. Также упоминающийся в грамоте «Новый городок» (Nyenslote) — Ямгород.

48. [1441 г., конец года] — *Грамота Новгородца Колявани с требованием управы для новгородца Петра, ладья которого была разграблена и люди побиты* *

Инцидент, ставший предметом обсуждения в комментируемой грамоте, произошел в конце августа 1441 г. (LUB. Bd. IX. N 764, 766, 770), а 2 января 1442 г. немецкая контора сообщала о поездке Петра в Ревель с грамотой (Ibid. Bd. XI. N 801).

Названные в качестве авторов грамоты, помимо архиепископа Евфимия II, посадник Федор Олисеевич и тысяцкий Семен Тимофеевич известны также по договору Новгорода с литовским великим князем Казимиром (ГВНП. № 70), синхронному комментируемому документу. Имя ревельского бургомистра «Дмитра Киж» (Güze Richardes) в других грамотах сношений Новгорода с Западом не встречается; ревельский же ратман «Олфромеи Кузнечкой» (Albert Rumog) упоминается в ряде актов; очевидно, он был специалистом по русским делам.

«Полная река» — в немецком тексте Або (Aebo) — дословный перевод финского Ауга jokki.

49. 1448 г., 27 февраля. — *Договорная грамота Новгорода с Ливонским орденом и епископом юрьевским о пятилетнем перемирии и о съезде на р. Нарове для разбора жалоб* **

Дата документа указана в его немецком тексте: «В год господень 1448, во вторник перед воскресеньем четвертой недели поста». О том же имеется летописное сообщение: «Той же зимы приехал посол в Новгород от пискупа Юрьевского, и руку взял у Новгорода за местеря и за всю державу, что съезду быти на усть Нарове, на острове у моря. И Новгородчи послаша свои послы к пискупу и к местерю, что съезду быти за неделю по Петрове дни» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 191).

Магистр «Инца Винка» (Heidenrik Vinke) — Гейденрик Финке фон Оверберг, возглавлявший Ливонский орден в 1439—1450 гг. «Олфромеи» (Vertolomeo) — дерптский епископ, бывший в сане с 1442 по 1461 г.⁵² В состав ливонского посольства входили «Инца

⁵¹ Об иноземных дворах в Новгороде см.: Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв.

* Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой.

** Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой.

⁵² Арбузов Л. А. Указ. соч. С. 286, 290.

да Игнат, ратманин» (Hingrik unde Hilbrand, eyn ratman) — представители Дерпта, «Индрик» (Hingrik) — переводчик ливонского магистра, «Яковъ, пискупль боярин» — вассал дерптского епископа.

В качестве высших властей Новгорода названы архиепископ Евфимий II, князь Александр Васильевич Чарторыйский — литовский князь, находившийся с 1447 г. на службе у Новгорода (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 191), посадник Есиф Григорьевич, продолжавший свою деятельность с тем же титулом и в 1463 г. (Там же. Стб. 214), тысяцкий Карп Савинич.

Любопытно, что определение социального статуса Якова, вассала дерптского епископа, читающееся в русском тексте как «пискупль боярин», в немецком тексте передано следующим образом: «Jacob eyn bouare des bisscopes van Dergpte»; повторение в немецком тексте русского слова «боярин» показывает, что текст немецкого оригинала переводился с русского. О том же свидетельствует наименование Финского залива в русском тексте «Соленое море» и повторение этого наименования в немецком тексте: Solten mer.

50.
ГВНП. № 73

1448 г., 25 июля. — *Договорная грамота Новгорода и Пскова с Ливонией о мире на 25 лет**

Дата содержится в самом тексте документа: «Писано на Нарове реке, на обычном месте, в день Иакова апостола в год после рождества Христа 1448». В летописи имеется подробная запись о съезде: «Псковичи послаша своих послов на съезд на Норову реку, подле Новыи Городецъ, и докончаша мир, по благословению преосвященного архиепископа Великого Новаграда и Пскова владыки Еуфимия: князь Александр Василюевич Великого Новаграда Черторизский и посадники Великого Новаграда Самсон Иванович, Дмитриеи Василюевич Глухове, Иван Лукинич Щока, Есип Ондреянович Горошков, Богдан Есипович, и инех бояр много новгородских добрых людей; тако же и от Пскова посадник Феодор Патрекиевичъ, Стефан Юриевичъ, Офонасеи Юриевичъ, [сын посадничъ,] Леонтьеи Макарьинич, Тимофеи Власьевичъ, Парфенеи Володьчине, Олехне Махырве, Игнатеи Пятъкове; и взяша мир на пол третиятцать лет со князем местером ризьским местером и съ его князьми, тако же и с епискупом юриевским и съ юриевцы. А что бяше отняли юриевцы старинъ псковьских много, милостию же святыя троица и молитвою благоверных князеи, они погании возвратиша со студом и с срамом вся старины псковьския ко Пскову; а доконъчаша той мир на Успение святыя богородица» (ПЛ. Вып. 1. С. 48—49; Вып. 2. С. 48, 137—138; ср.: ПСРЛ. Т. 16. Стб. 192). Очевидно, что в конце этого рассказа речь идет уже не о договоре на съезде, а об отдельном договоре с юрьевским епископом, заключенном на Успенъев день, т. е. 15 августа.

* Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой и В. Л. Яниним.

В грамоте указаны новгородские степенные, от имени которых на Нарову приехало посольство, — посадник Афанасий Остафьевич (Груз) и тысяцкий Евфимий Семенович. Афанасий Остафьевич как посадник известен вплоть до 1476 г. (ПСРЛ. Т. 6. С. 17, 200, 204), с тем же титулом он упоминается также в грамотах 1461 г. (ГВНП. № 21), 1466 г. (Там же. № 76), 1471 г. (Там же. № 77), а до избрания в посадники (как сын тысяцкого) — в грамоте 40-х годов XV в. (Там же. № 90). Тысяцкий Евфимий Семенович в других источниках неизвестен.

В составе новгородского посольства поименованы посадники Самсон Иванович, Дмитрий Васильевич, Иван Лукинич, Есиф Андреевич, Богдан Есифович. Самсон Иванович как посадник упоминается в 1434 г. (Там же. № 64; ПЛ. Вып. 2. С. 130). Дмитрий Васильевич Глухов в марте 1450 г. занимал пост степенного посадника (ГВНП. № 74, 90). Иван Лукинич Щока, избранный в посадники в 1439 г., фигурирует в документах вплоть до начала 70-х годов XV в. (Там же. № 22, 25, 26, 27, 94, 96, 113, 114, 120). Есиф Андреевич Горошков был жив еще в 1463 г. (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 214), а Богдан Есифович упоминается в последний раз в 1476 г. (Там же. Т. 6. С. 200—205; Т. 8. С. 182). Помимо посадников, в новгородское посольство входили купеческие старосты Алексей Игнатьевич и Есиф Иванович, участвовавшие позднее, в 1450 г., в заключении договора Новгорода с ганзейскими городами (ГВНП. № 74).

Участниками псковского посольства на съезд были посадник Федор Патрикеевич (упоминается в источниках с тем же титулом в 1444, 1448, 1449, 1450, 1456 гг.); посадник Степан Юрьевич (известный только по комментируемому документу); сын посадничий Афанасий Юрьевич, позднее, в 1472 г., ставший посадником; сын посадничий Леонтий Макарьевич, упоминающийся позднее в 1456, 1465, 1467 гг. как посадник; Тимофей Власьевич, фигурирующий в рассматриваемом акте без титула, но затем — в 1463, 1465, 1469, 1471 гг. — известный как посадник; Игнатий Логинович, также упоминающийся здесь без титула, но известный в 1463 г. как посадник⁵³. Кроме перечисленных лиц, в тексте договора названы в качестве участников псковского посольства нетитулованные Парфен Семенович и Алексей Макарьевич (отметим, что отчество Алексея в сохранившемся немецком тексте договора встречается в двух разных написаниях: Mikrofavitze в начальном протоколе и Makarivitze в конечном протоколе, благодаря чему в ГВНП при переводе Алексей в первом случае передан как Алексей Митрофанович, а во втором — как Алексей Макарьевич, хотя несомненно, что имеется в виду одно и то же лицо). Возможно, что Парфен Семенович адекватен Парфению Володиничу, а Алексей Макарьевич — Олехне Махыреву, упоминающимся в псковской летописи как участники псковского посольства (ПЛ. Вып. 1. С. 49; Вып. 2. С. 138). Эти наблюдения

⁵³ Кафенгауз Б. Б. Древний Псков. М., 1969. С. 54.

побудили нас избрать при переводе отчества Алексея форму «Макаръевич», так как она ближе к летописному «Махырев», «Махирвеи».

С ливонской стороны, помимо магистра Гейденрика Финке фон Оверберга, в заключении договора участвовали: Петр (Peter), комтур Феллина («комтур вельядский» в переводе); Иоганн (Johan), фогт Ервена («судья иервенский»); Гинрик (Hinrik), комтур Мариенбурга («комтур мариебургский»); Бернт (Bernt), фогт Каркуса («судья каркусский»); Алерт (Alerd), фогт Везенберга («судья везенбергский»); Годерт (Goedert), фогт Нарвы («судья ругодивский»); Гартлев (Hartleff), бургомистр Нарвы («посадник ругодивский»).

Имеющаяся в договоре ссылка на «грамоты князя магистра Зиверда» означает ссылку на договор Новгорода с Ливонским орденом 1421 г., когда магистром был Зигфрид Ландер фон Шпангейм (см. комментарий к акту ГВНП. № 60).

51. 1450 г., 1 марта. — *Договорная грамота ГВНП. № 74 Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на семь лет**

Дата указана в самом тексте документа: «Это перемирие докончали в 1450 году, в первый день месяца марта». Договор 1450 г. был заключен, согласно сложившемуся с первой четверти XV в. порядку, послами ливонских городов: от Риги — ратманом Иоганном Треросом (Johan Treeros), от Дерпта — бургомистром Гиллебрантом Лузебергом (Hillebrant Luzeberch) и ратманом Гердом Шрове (Gherd Schrove), от Ревеля — бургомистром Альбертом Румором (Albert Rumor) и ратманом Иоганном Фельтхузенем (Johan Velthusen), представлявшими, однако, все 73 ганзейских города.

Высшие власти Новгорода представлены в тексте договора архиепископом Евфимием II, посадником Дмитрием Васильевичем и тысяцким Михаилом Андреевичем. Дмитрий Васильевич, упоминавшийся в договорной грамоте Новгорода с Ливонией от 25 июля 1448 г. как член посольства и посадник (ГВНП. № 73), теперь выступает как степенной посадник. Михаил Андреевич снова избирался на степень тысяцкого в конце 50-х годов XV в. (Там же. № 24) и в 1461 г. (Там же. № 21). Помимо владыки, посадника и тысяцкого, в заключении договора принимали участие купеческие старосты Алексей Игнатьевич и Есиф Иванович, бывшие участниками и новгородского посольства 1448 г., заключившего договор с Ливонией (Там же. № 73).

52. [1456 г. ?], 15 марта. — *Грамота архиепископа Евфимия в Ригу о присылке колокольного мастера*
ГВНП. № 65

* Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой.

В ГВНП грамота датирована «около 1435 г. марта 16» со ссылкой на LUB, VIII, N 1040. Дневное число «16 марта» имеется в тексте грамоты; что же касается года, то упомянутая здесь ссылка неправомерна. В легенде к публикации комментируемой грамоты говорится, что ее следует отнести к первым годам архиепископства Евфимия II, при этом указано, что в Новгородской I летописи сообщается о строительстве в Новгороде по инициативе Евфимия под 1432 и 1435 гг. Однако сведения, использованные таким образом, являются неполными и случайными. В Новгородской I летописи о церковном строительстве Евфимия говорится под 1432, 1435, 1437, 1439, 1440, 1441, 1442, 1443, 1445 гг. (текст НПЛ заканчивается началом 1447 г.); о его церковном строительстве в последующие годы см. в Летописи Авраамки под 1446, 1447, 1448, 1450, 1452, 1453, 1454, 1455, 1456, 1457 гг. Из этих сообщений особое внимание должны привлекать те, которые прямо связаны с потребностью в больших колоколах.

Возможно указать следующие упоминания такого рода. В 1437 г. «весне вода подмывала у Дитинца город, и оползевала земля от стены, и падеся стена камена и колоколница от Волхова» (НПЛ. С. 419). В 1439 г. «постави архиепископ Еуфимии колоколницу камену на старом месте, на городе, идеже палася до основаниа» (Там же. С. 420). Речь здесь идет о звоннице Софийского собора. В 1450 г. «почал владыка Еуфимии Детинець покрипливати, и поставил на городе часозвон» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 192). В 1455 г. «колоколницу каменну поставиша у стени Софьи» (Там же. Стб. 194). В 1456 г. «съделаша два колокола великих к святей Софьи, повелениемь владыкы Еуфимия» (Там же. Стб. 196). Необходимость в колокольном мастере трудно связать с сообщением 1450 г., когда требовался часовой мастер; напротив, сообщения 1455 и 1456 гг., как кажется, прямо соответствуют просьбе Евфимия в комментируемом письме. Однако сама эта грамота может относиться не к 1456, а к предыдущему году, когда начались работы по сооружению новой софийской колокольницы.

53. 1466 г., 18 марта. — *Договорная грамота ГВНП. № 76 Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на два года**

Дата указана в самом тексте грамоты: «Этот мир dokonчили в 1466 г., во вторник после дня св. Гертруды».

Владыка Иона обладал титулом архиепископа с февраля 1460 г. до смерти в октябре 1470 г. Степенной посадник Афанасий Остафьевич занимал посадничью степень уже в 1448 г. (ГВНП. № 73) и упоминается вплоть до 1476 г. (см. комментарий к акту ГВНП. № 73); степенной тысяцкий Михаил Исакович в других источниках не упоминается.

* Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой.

Ганзейское посольство включало послов двух ливонских городов — Дерпта и Ревеля. Послами Дерпта были бургомистр Годике Вантшеде (Godike Wantschede) и ратман Клаус Лофф (Clawes Loeff), Ревель представляли ратманы Иоганн Зупер (Johan Zuper) и Отто Месторп (Otto Mestorp). Отсутствие послов от Риги, старейшего из ливонских городов, быть может, не случайно: торговые интересы Риги были связаны в первую очередь с торговлей по Западной Двине, Дерпт же и особенно Ревель тяготели к Новгороду.

54. 1468 г., 10 апреля. — *Договорная грамота между Швецией и Новгородом о возобновлении мира на пять лет* *
ST. Delen III.
S. 292—293. N 512/1.

Дата содержится в самом тексте документа: «Написано в Выборге в вербное воскресенье 1468 года». Мир по этому договору возобновляется с 15 августа 1468 г. до того же дня 1473 г.

Высшие власти Новгорода представлены в договоре архиепископом Ионой (пользовался титулом с февраля 1460 г. до смерти в октябре 1470 г.), степенными посадником Иваном Лукиничем и тысяцким Трифоном Юрьевичем, которые в том же сочетании фигурируют в жалованной грамоте Новгорода Соловецкому монастырю (ГВНП. № 96), таким образом, синхронной комментируемому документу. Названные в договоре новгородские послы Филипп Андреевич и Есиф Сидорович участвуют и в примыкающем к рассматриваемому договору новгородско-шведском соглашении 15 августа 1468 г. (см. следующий акт).

Эрик Аксельссон, член риксрода (государственного совета) Швеции и наместник Финляндии (умер в 1481 г.), играл заметную роль во внешней политике Шведского государства. От его имени были заключены новгородско-шведские договоры 1468 и 1473 гг., при его участии был также заключен ряд шведско-датских и других договоров Швеции 40-х—70-х годов XV в. (ST. Delen III; см. указатель к этому изданию). Петер Дьеки (Петер Деген) — фогт Выборга, Кнут Ханссон и Йенс Ольссон — ратманы Выборга; в других внешнеполитических актах Швеции они не упоминаются.

55. 1468 г., 15 августа. — *Соглашение между Новгородом и фогтом Выборга Петером Дьеки, представлявшим наместника Финляндии Эрика Аксельссона* **
ST. Delen III.
S. 294—296. N 512/2

Дата указана в самом тексте документа: «Написана в Выборге в день Успения богородицы в год господа нашего тысяча четыреста шестьдесят восьмой».

Упоминаемые в грамоте владыка Иона, степенной тысяцкий Трифон Юрьевич, новгородские послы Филипп Андреевич и Есиф Сидорович, а также представители Швеции Эрик Аксельссон и Петер Деген фигурировали и в предыдущей новгородско-швед-

* Комментарий подготовлен Ю. Н. Беспятых.

** Комментарий подготовлен Ю. Н. Беспятых.

ской договорной грамоте. Новгородский посол Василий Максимович, названный здесь без титула, в 1471 г. стал степенным тысяцким (ГВНП. № 77). Посол Александр Васильевич в других источниках не упоминается. Что касается Якова Федоровича, то о нем прежде было известно, что посадником он стал к 1471 г. (ПСРЛ. Т. 8. С. 165—166) и сохранял это звание до конца новгородской независимости (Там же. Т. 6. С. 209—219; Т. 8. С. 187—198); комментируемая грамота добавляет новый существенный факт к его биографии: его активная политическая карьера началась раньше — в 1468 г. он был уже степенным посадником, будучи избран на эту должность в августе указанного года (в предшествующий срок, закончившийся в августе, степенным посадником был Иван Лукинич — см. предыдущую грамоту).

56. [1472 г., конец апреля—май] — *Опасная грамота Новгорода ганзейским послам**
Хор.-65. С. 331—332. № 1

А. Л. Хорошкевич, нашедшая и впервые опубликовавшая эту грамоту, датирует ее июнем 1471—маем 1472 г. Основанием старшей хронологической грани является упоминание в грамоте посадника Василия Максимовича, известного и по проекту договора Новгорода с Казимиром IV (ГВНП. № 77), который Хорошкевич вслед за А. А. Зиминым относит к июню 1471 г. Младшая хронологическая грань зиждется на данных письма Риги Любеку от 24 апреля 1472 г., содержащего, в частности, известие о соглашении между ратами Риги и Дерпта о посылке в Новгород «молодого человека» с целью получения опасной грамоты для послов ливонских городов (представлявших все 73 ганзейских города). Этим «молодым человеком», согласно убедительному предположению Хорошкевич, и был «Иван Вязов» комментируемой грамоты, прибывший вместе «с товарищами» за опасной грамотой в Новгород.

Если младшая грань тем самым представляется вполне обоснованной, то старшая вызывает решительные возражения, так как летом 1471 г. (т. е. с февраля по август) степенными в Новгороде, как можно судить по документам Коростынского соглашения, были посадник Тимофей Остафьевич (а не Григорий Михайлович) и тысяцкий Василий Максимович (ГВНП. № 26). Исходя из этих наблюдений, комментируемый документ следует датировать на основании письма от 24 апреля концом апреля—маем 1472 г.

Против датировки этого документа 1471 г. свидетельствует и титулование владыки Феофила архиепископом. Феофил был хиротонисан (и, следовательно, получил право на архиепископский титул) только 15 декабря 1471 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 293), а отпущен из Москвы после поставления 23 декабря (Там же); в Новгород он мог вернуться уже в январе 1472 г. Что касается степенного посадника Григория Михайловича, то не ясно, идентичен ли он

* Комментарий подготовлен Н. А. Казаковой.

Григорию Михайловичу Тучину или Григорию Михайловичу, сестричичу Василия Александровича Казимера; оба они известны как посадники в 1475 г. (Там же. Т. 6. С. 200).

Опасная грамота своеобразна по формуляру: она начинается с обращения к властям Новгорода и ко всем слоям новгородского населения, включая черных людей, и «ко всему нашему государю Великому Новгороду». Это обращение Хорошкевич рассматривает как своего рода социальную демагогию, к которой прибегали правящие круги Новгорода в годы, когда близился конец новгородской независимости⁵⁴.

Заслуживает также внимания мысль Хорошкевич о том, что грамота, возможно, представляет собой современную копию: ей свойственна небрежность письма и отсутствие следов прикрепления печатей.

57. 1473 г., 22 января. — *Договорная грамота*
ST. Delen III. N 517 *между Швецией и Новгородом о мире на*
год

Дата указана в самом тексте документа: «с этого дня св. Винцента» и «написано в 1473 году».

В составе новгородского посольства названы «князь Великого Новгорода» Василий Васильевич, «фогт Великого Новгорода» Матфей Иванович и некий «Рикар Петрович». Первый из них — новгородский служилый князь Василий Васильевич Шуйский Гребенка, получивший в 1471 г. в кормление Заволочскую землю (ПСРЛ. Т. 6. С. 191). Матфей Иванович идентифицируется с Матфеем Ивановичем Селезевым, который упоминается в 1471—1476 гг. как новгородский тысяцкий (Там же. С. 200, 202—204; Т. 8. С. 165—166). Ни в одном другом русско-шведском или русско-немецком документе термин «фогт» применительно к должностным лицам Новгорода не встречается. По-видимому, здесь в него вложен смысл судейского чиновника, что вполне соответствует функции тысяцкого как главы торгового и гостиного суда. Русское наименование административного лица, управлявшего Корельским городком, неизвестно. Мы передаем шведское «фогт Кексгольма» как наместник Корельского городка, «бефогт» — как помощник наместника. Согласно комментируемому акту, наместником был Андрей Иванович, а его помощником — Иван Яковлевич.

Йоссе Олафссон, Андерс Лауренссон и Хенрик Ханссон, шведские послы, заключившие договор от имени Эрика Аксельссона, а также Эрик Нильссон, участвовавший в крестоцеловании, в других внешнеполитических актах Шведского государства не встречаются.

58. 1474 г., [13 января] — *Договорная гра-*
ГВНП. № 78 *мота Новгорода и Пскова с епископом*
юрьевским о перемирии на 30 лет

⁵⁴ Хорошкевич А. Л. Русские грамоты 60—70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива. С. 326—328.

Обстоятельства заключения договора подробно изложены в псковской летописи под 1474 г. с упоминанием дневной даты: «и на всем том и грамоти пописав и крест поцеловали, как послы юрьевский и посол новгородской и от всего Пскова, на вече, посадник степенный Зиновеи Сидоровичь. месяца генваря в 13, в четверг» (Пл. Вып. 2. С. 197—198).

Названный в грамоте князь Даниил Дмитриевич Холмский в 1474 г. возглавлял военные силы, посланные в помощь Пскову Иваном III (Там же. С. 55—56). Ярослав Васильевич Стрига Оболенский стал, по пожалованию Ивана III, псковским князем в 1472 г. (Там же. С. 188). Новгородский посадник Фома Андреевич Курятник в 1472 г. получил степень после ареста Иваном III степенного посадника Василия Ананьинича (ПСРЛ. Т. 6. С. 204). Посол Новгорода Окинф Васильевич фигурирует в числе представителей Новгорода от житых людей в докончальных грамотах Коростынского мира (ГВНП. № 25, 26, 27). Псковский степенной посадник Алексей Васильевич впервые упомянут с посадничьим титулом под 1463 г., а затем неоднократно вплоть до смерти в 1478 г. (Пл. Вып. 1. С. 64, 71, 72, 74, 75); посадник Микита Ларивонович — впервые под 1464 г., а затем под другими годами, включая 1485 г. (Там же. С. 70, 74, 79, 80). Псковские послы, ездившие в Юрьев для крестоцелования на договорной грамоте, — Андрей Семенович Лублев и Кура Алексеевич Шемятов в других источниках не встречаются. Не названный по имени «бискуп юрьевский» — Иоганн II, занимавший кафедру в Дерпте с 1473 по 1485 г.⁵⁵ Его послами были «Иван Бобров», дерптский ратман, и «Иван Лексе», названный «земским боярином» (очевидно, он был вассалом дерптского епископа).

59. 1481 г., 1 сентября. — *Договорная грамота Новгорода с Ливонским орденом о перемирии на 10 лет и о предстоящем съезде для решения спорных дел*
АЗР. Т. 1. № 75

Этот документ, как и два следующих, относятся ко времени после падения политической независимости Новгорода. Высшими властями Новгорода в нем обозначены великокняжеские наместники Василий Федорович и Григорий Васильевич. О наместничестве в 1480—1481 гг. Василия Федоровича Шуйского известно из летописного сообщения (ПСРЛ. Т. 25. С. 329). Под Григорием Васильевичем следует понимать боярина Морозова, участвовавшего в 1475—1476 гг. в мирном походе Ивана III в Новгород, оставленного в Москве в 1486 г. во время взятия Твери и бывшего одним из воевод во время взятия Вятки в 1489 г.⁵⁶ О новгородском его наместничестве сообщает только комментируемая грамота: до него в том же 1480/81 г. наместничал Иван Зиновьевич (ПСРЛ. Т. 25. С. 329).

⁵⁵ Арбузов Л. А. Указ. соч. С. 290.

⁵⁶ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977. Т. I, ч. 1. С. 20, 27, 29—30.

В крестоцеловании с новгородской стороны участвуют новгородские бояре Тимофей Остафьевич и Евфимий Орефьевич, а также купеческий староста Иван Елизарович. Первый боярин идентифицируется с бывшим посадником Тимофеем Остафьевичем Грузовым; второй в других источниках неизвестен. Иван Елизарович выступал как послух в купчей Николо-Островского монастыря на участок для подворья на Рогатице (ГВНП. № 117), а как купеческий староста — в оформлении договоров 1487 и 1493 гг. (см. два следующих документа); старостой он был и в 1502 г. (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 3. С. 611).

Среди ливонских послов в грамоте фигурирует «бискупов посол от бискупа и от Юрьева» Иван Вязов, известный по документу 1472 г. (Хор.-65. С. 331—332).

Комментируемый договор датирован в самом его тексте: «А коньчали сее перемирье . . . в Великом Новгороде, в лето 6900 девятыдесятое, месяца сентября в 1 день, индикта 15». От этого дня устанавливается и срок десятилетнего перемирия: «от Семеня дня до Семеня дня, на десять лет». Договор предусматривает организацию съезда для решения спорных дел «сее зимы, на Рождество Христово, на Нарове реце, на пошлом месте, по старине», а в случае его неудачи еще два съезда — «а тым трема съездом в два года быти». Урегулирование было достигнуто уже в 1483 г.: «Того же лета посылал князь великий Новгородских бояр на съезд под Ругодив с Немци; они же взяша мир с Немци на дватцать лет и к целованию их приведоша» (ПСРЛ. Т. 12. С. 215).

60.

HR. Abt. 3. Bd. 2.
N 136

1487 г., март. — *Договорная грамота Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на 20 лет*

Дата имеется в самом тексте документа: «в году 1487 в марте». Срок перемирия устанавливается «от Благовещения до Благовещения на двадцать лет». Поскольку Благовещение бывает 25 марта, договор, вероятнее всего, надо относить к концу марта 1487 г.

Великокняжескими наместниками Новгорода в грамоте названы Яков Захарьевич и Юрий Захарьевич. Первый из них наместничал с 1485 по 1493 г., второй пришел на место Василия Васильевича Шуйского Гребенки, который был наместником с 1482 г. и, по-видимому, до начала 1487 г.⁵⁷

В крестоцеловании со стороны Новгорода участвуют новгородские бояре Григорий Михайлович, Кузьма Остахенович, а также купеческие старосты Иван Елизарович и Микита Леонтьевич. Среди новгородских бояр последнего периода независимости было два Григория Михайловича — Тучин и сестричич Василия Казимера; оба принадлежали к числу посадников. Надо полагать, что здесь имеется в виду Григорий Михайлович Тучин, который в дальнейшем еще раз целовал крест от Новгорода при

⁵⁷ *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957. С. 259—260. Русский перевод документа см.: *Казакова Н. А.* Указ. соч. С. 225—226.

заключении договора 1493 г. (см. следующий документ). Кузьма Остахенович, естественно, идентифицируется с Кузьмой Остафьевичем Грузовым. Оба купеческих старосты (но без титула) известны как послухи в купчей Николо-Островского монастыря; об Иване Елизаровиче см. комментарий к предыдущему документу.

61. 1493 г., 10 марта. — *Договорная грамота Новгорода с Ливонским орденом о перемирии на 10 лет*

Документ датирован в самом его тексте: «А коньчали перемирье в государя великого князя царя Руского отчине, в Великом Новгороде, в лето семь тысячь первое». Срок перемирия устанавливается «от середокрестия до середокрестия, на десять лет». В 1493 г. пасха была 7 апреля; следовательно, середокрестие падает на 10 марта (в АЗР неверно указано 13 марта). Незадолго перед тем истек десятилетний срок перемирия 1483 г. (вероятно, в Никоновской летописи, утверждающей, что перемирие было установлено на 20 лет, допущена ошибка; ср.: ПСРЛ. Т. 12. С. 215).

Великокняжескими наместниками Новгорода грамота называет Якова Захарьинича и Петра Михайловича. Первый известен нам по предыдущему документу, второй наместничал до 1495 г.⁵⁸ В крестоцеловании со стороны Новгорода участвуют новгородские бояре Григорий Михайлович Тучин и Максим Олферьевич, а также купеческие старосты Иван Сидорович, Роман Афанасьевич, Фома Данилович и Иван Елизарович. Боярин Максим Олферьевич в других источниках неизвестен⁵⁹. Григорий Михайлович Тучин был новгородским посадником и попросился в службу к Ивану III много раньше других бояр, еще до падения независимости Новгорода, в октябре 1477 г. (ПСРЛ. Т. 6. С. 208; Т. 8. С. 186). Комментируемый документ как будто указывает на то, что еще в марте 1493 г. он не подвергся выводу⁶⁰. Из числа купеческих старост в других источниках известен Иван Елизарович (см. комментарий к двум предыдущим актам).

⁵⁸ *Пронштейн А. П.* Указ. соч. С. 260.

⁵⁹ В писцовых книгах известен своеземец Максим Олферьевич: «а в книгах та пол-обжи написана за Татьянкиным дедом еи отца за Спировым отцом за Максимкой за Олферовым» (НПК. Т. 5. Стб. 547).

⁶⁰ Вероятнее представляется другое решение: Григорий Михайлович Тучин был сведен со своих владений, но, будучи на службе у великого князя, затем получил какие-то земли в поместье. В писцовой книге Шелонской пятины 1501 г. имеется при описании Голинского погоста такая запись: «Да к тому ж погосту приписаны великого князя деревни Кузминские Фефилатова да Ивановские Кузмина, что были за Григорьем за Тучиным» (НПК. Т. 5. Стб. 301). Таким же, по всей вероятности, было социальное положение сына Григория Тучина — Михаила: «Да за Федором же да за Юрьем деревня Михайловская Григорьева сына Тучина, а бывала оброчная» (Там же. Т. 6. Стб. 306; см. также Стб. 357, 364, 368).

АКТЫ ОТНОШЕНИЙ НОВГОРОДА С КНЯЗЬЯМИ

Известные сегодня документы новгородско-княжеских отношений имеют следующее происхождение.

Центральный государственный архив древних актов. Подавляющее большинство подлинных документов этого раздела хранится в ЦГАДА, в фонде Государственного древлехранилища (Отд. 1. Рубр. III. № 1—17). Их обстоятельное исследование принадлежит Л. В. Черепнину, выводы которого подробно аргументированы¹.

Главной отличительной особенностью коллекции является то, что входящие в нее документы касаются только договорных отношений Новгорода с великими князьями тверской линии. Это докончания с князьями Ярославом Ярославичем — № 1—3 (ГВНП. № 1—3), Михаилом Ярославичем — № 4—6, 8—10, 12, 14 (ГВНП. № 4—13), Александром Михайловичем — № 13 (ГВНП. № 14), Михаилом Александровичем — № 7, 11, 15 (ГВНП. № 15, 17, 18), Борисом Александровичем — № 16 (ГВНП. № 20). Всего таких актов 18, однако по фондовой нумерации 16; так как две пары грамот — 4а и 4б (ГВНП. № 4, 5), 9а и 9б (ГВНП. № 7, 8) — каждая представляет блок из двух документов, скрепленных одной буллой. Кроме того, в той же коллекции находится докончание Новгорода с литовским великим князем Свидригайлом — № 17 (ГВНП. № 63), которое к Твери прямого отношения не имеет, однако, по остроумному предположению Черепнина, могло быть использовано тверским великим князем Борисом Александровичем при подготовке его договора 1449 г. с литовским великим князем Казимиром, поскольку в архивном хранении уже в XVII в. обе грамоты описывались вместе².

На происхождение всех этих документов из тверского великокняжеского архива указывают архивные описи начала XVII в. Опись архива Посольского приказа 1614 г. содержит следующую

¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 224—333.

² Там же. С. 325—327.

запись: «В большой окованой коробье. Первой ящик, деревянной, а в нем дел: Грамота докончальная Швитригайла, короля литовского, съ Еуфимьем, архиепискупом ноугородцким, и с посадники о земских делех и о торговле, за вислою печатью, писана в 6903-году. Грамота Казимера, короля польсково и великого князя литовского, с великим князем Борисом Олександровичем тверским, за вислою печатью, писана в 6957-м году. В свяске грамота за золотою печатью; да 14 грамот за свинцовыми печатьми, докончальные, архиепискупа ноугородцкого с великими князи тверскими»³. По всей вероятности, подсчет тверских грамот в этой описи ошибочен: опись архива Посольского приказа 1626 г. дает цифру, тождественную современному наличию документов: «16 грамот докончалных ноугородцких с великими князи тверскими, писаны на бумаге и на харатях, все ветхи, у иных печати свинцовые, а у иных печатей нет»⁴. Указание 1614 г. на грамоту «за золотою печатью» соответствует акту № 4а—4б (ГВНП. № 4, 5), единственному скрепленному не свинцовой, а серебряной позолоченной печатью. Ошибка в датировании докончания со Свидригайлом — «6903» — основана на состоянии документа, в котором сохранились лишь обозначения тысячелетия, столетия и фрагментарно десятилетия: «в лето шестысячное девятисотое и три. . .»

В тот же фонд входят два списка Коростынского договора 1471 г. — № 18а—18б (ГВНП. № 26, 27), к тверскому архиву уже не имеющие отношения. Докончание Москвы и Новгорода с Тверью 1376 г. и межевая грамота 1483 г. хранятся в рубрике II, № 3 и 69.

Подлинная договорная грамота Новгорода с литовским великим князем Казимиром 1441/42 г. (ГВНП. № 70) хранится в другой рубрике Государственного древлехранилища — в фонде Приказа тайных дел (ЦГАДА. Гос. арх. Разр. XXVII. № 3), куда попала из Литвы (РИБ. Т. XXI. Стб. 15—18. № 3).

В ЦГАДА имеются еще четыре новгородских акта. Два из них (подлинные грамоты. — АСЭИ. Т. 3. № 178, 238) найдены в составе комплекса документов, обнаруженных в 1843 г. в Московском Кремле, «против Константино-Еленинской церкви, под горою в земле, в медном наполненном водою сосуде»⁵. В сосуде было 20 пергаменных и бумажных документов, из которых 13 полностью утратили текст, 3 сохранили его в практически нечитаемом виде, а из остальных четырех два — упомянутые выше грамоты, пожалованные великим князем Дмитрием Ивановичем новоторжцам. В составе находки имеются также 11 серебряных, свинцовых и восковых печатей, часть которых утратила связь с некогда скрепленными ими актами. Две из них нечитаемы, одна — ново-

³ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 47.

⁴ Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 42.

⁵ *Бередников Я. И.* Записка об открытых в Московском Кремле древностях // *Bulletin historico-philologique.* SPb.; Leipzig, 1845. Т. 2. P. 51—53.

торжского наместника архиепископа Давида (1309—1325 гг.), три — новоторжского наместника архиепископа Алексея (1360—1388 гг.), две — великого князя Дмитрия Ивановича (1362—1389 гг.), одна — Ивана Прокшинича и Евфимия (Иван Прокшинич был великокняжеским наместником в Новгороде в 1376 г. — НПЛ. С. 373), одна — Степана [булла, оттиснутая теми же матрицами, привешена к акту 1374/75 г. (ГВНП. № 17)], одна (восковая) — Бориса (она вместе с предыдущей скрепляет один и тот же плохо сохранившийся документ). Таким образом, комплекс обнаруженных в Московском Кремле грамот относится ко времени великого княжения Дмитрия Ивановича и принадлежит семье новоторжцев.

Две грамоты (АСЭИ, Т. 3. № 13, 21) сохранились в списках начала XVI в. на одном бумажном листе и происходят из Государственного древлехранилища (ЦГАДА. Гос. арх. Отд. 1. Рубр. IV. № 19, 20). В описи архива Посольского приказа 1626 г. они описаны так: «2 грамоты на одном столпце большие олександрейские бумаги великого князя Ивана Васильевича всеа Русии жаловальные тонником, а какие тонники, того в грамоте не объявилось, а дана им жаловальная грамота в доходах, а год не написан»⁶.

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Одним из важнейших собраний новгородско-княжеских актов является рукописный сборник Q—IV—№ 14 в Рукописном отделе ГПБ. Хранившийся первоначально в Царском архиве, он во время польской интервенции начала XVII в. был вывезен из России и вернулся обратно только после польских разделов XVIII в. На ярлыке, приклеенном к его переплету, имеется латинская надпись 1786 г., фиксирующая тогдашнюю принадлежность сборника к королевскому архиву Польши. Сборник написан полууставом второй половины XV в. на бумаге с водяным знаком 1476 г. — № 3489 (голова быка) по Н. П. Лихачеву — и включает списки 22 документов (один из которых — неновгородский); 20 из них дошли до нас только в этом сборнике, не сохранив ни оригиналов, ни других копий. Материалы, скопированные в этом сборнике, имеют следующий состав:

1. Л. 1—4 — Яжелбицкий договор 1456 г. (новгородская грамота) (ГВНП. № 22);

2. Л. 6—10 об. — тот же договор (московская грамота) (ГВНП. № 23);

3. Л. 11 — так называемый «первый» список Двинских волостей (АСЭИ. Т. 3. № 14);

4. Л. 11 об. — 12 — грамота великого князя Ивана Даниловича о пожаловании льготных прав печерским сокольникам (ГВНП. № 84);

5. Л. 12 об. — грамота великого князя Ивана и Новгорода двинскому посаднику в Колмогорах (ГВНП. № 85);

⁶ Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. С. 46.

6. Л. 13 — грамота великого князя Андрея Александровича о кормах и подводах (ГВНП. № 83);

7. Л. 13 об. — грамота великого князя Дмитрия Ивановича Андрею Фрязину о пожаловании его Печерою в кормление (ГВНП. № 87);

8. Л. 14—16 — уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле (ГВНП. № 88);

9. Л. 17—18 — договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича с Новгородом (ГВНП. № 16);

10. Л. 18 об. — 21 — грамота князя Ивана Андреевича Можайского князю Ивану Васильевичу Серпуховскому, составленная в Литве (ААЭ. Т. 1. № 70; ДДГ. № 62);

11. Л. 24—27 об. — договорная грамота короля Казимира IV с Новгородом (ГВНП. № 77);

12. Л. 28—28 об. — грамота Новгорода великому князю Василию Васильевичу о предоставлении черного бора (ГВНП. № 21);

13. Л. 29 об. — 32 об. — так называемый «второй» список Двинских волостей (АСЭИ. Т. 3. № 16);

14. Л. 33 об. — отводной список Новоторжских волостей от 6 апреля 1476 г. (АСЭИ. Т. 3. № 20);

15. Л. 34—35 — так называемый «третий» список Двинских волостей от 25 марта 1471 г. (АСЭИ. Т. 3. № 15);

16. Л. 36—36 об. — грамота Новгорода об окончательной расплате по Яжелбицкому договору (ГВНП. № 24);

17. Л. 37—37 об. — откупная грамота на обонежский суд (ГВНП. № 93);

18. Л. 40—45 — Коростынский договор 1471 г. (новгородская грамота) (ГВНП. № 26);

19. Л. 45 об. — 49 — тот же договор (московская грамота) (ГВНП. № 27);

20. Л. 49 об. — 50 — грамота Новгорода о сроках выплаты контрибуции по Коростынскому договору (ГВНП. № 25);

21. Л. 51—54 об. — Новгородская судная грамота (ААЭ. Т. 1. № 92);

22. Л. 55 — грамота Новгорода на Мезень и Пинегу о сложении крестоцелования Новгороду (ГВНП. № 98).

Л. В. Черепнин следующим образом характеризовал смысл этой подборки документов: в сборнике «мы видим попытку не просто собрать, по возможности, все документы по определенному территориальному признаку (Новгород с колониями), а отобрать из них только то, что отвечало задуманному плану: оправдать документальными ссылками наступательное движение Москвы на Новгород»⁷. По мнению И. А. Голубцова, «сборник носит все признаки того, что он был задуман как карманный справочник великого князя и его походного окружения, — отсюда малый формат» (АСЭИ. Т. 3. С. 30). В то же время Черепнин, подчеркивая, что сборник — «цельное произведение по своим

⁷ Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 335.

задачам и подбору документов», попытался «выделить в его составе два хронологических пласта, относящиеся к 1471 и к 1475—1476 гг., т. е. к двум походам Ивана III в Новгород»⁸, и сформулировал следующий вывод из своих наблюдений: «Начавшаяся еще до Новгородского похода 1471 г., работа эта, очевидно, продолжалась и вслед за ним, в период с 1471 по 1475—1476 гг., и закончилась . . . к 1475—1476 гг.»⁹. По-видимому, чтобы согласиться с таким выводом, следовало бы доказать, что последовательность документов в сборнике соответствует очередности постановки тех политических задач, которые выдвигались перед походом 1471 г. и после этого похода.

На протяжении последнего десятилетия новгородской независимости Иван III трижды активно вторгнулся в политическую жизнь Новгорода: военным походом в июле-августе 1471 г., завершившимся шелонским поражением Новгорода и заключением Коростынского мира; «мирным» походом в ноябре 1475 — январе 1476 г., когда великий князь судил и арестовал ряд великих новгородских бояр; военным походом в октябре 1477 — январе 1478 г., ликвидировавшим независимость Новгорода. Попытаемся сформулировать представление не о результатах, а о целях каждого из этих походов.

Надо полагать, что в результате жесточайшего поражения новгородцев на Шелони в 1471 г. достигнутый походом успех должен был по крайней мере соответствовать цели, а возможно, и превосходить ее. Этот успех обобщен в Коростынском договоре от августа 1471 г., и оценить его возможно сравнением с предыдущим новгородско-московским договором 1456 г., заключенным также после поражения новгородцев. Оставив в стороне традиционно формулярную часть обоих соглашений и сконцентрировав внимание на новациях, мы убеждаемся в том, что ощутимого прогресса сравнительно с 1456 г. Москва в 1471 г. не добилась. Яжелбицкий мир в дополнение к традиционному формуляру ввел несколько новых принципиальных позиций: 1) отказ Новгорода от любых видов политического союза с Литвой, а также с особо враждебными Москве князьями Иваном Андреевичем Можайским, Иваном Дмитриевичем Шемякиным и Василием Ярославичем Серпуховским и их детьми; 2) обязательство возврата великому князю «ростовщин» и «белозерщин», купленных или «даром поиманных» новгородцами; 3) предоставление великому князю черного бора «по старине»; 4) регулирование судейской деятельности новгородских великокняжеских наместников признанием их приоритета в сместном суде, к чему, в частности, имеют прямое отношение и формулы «А печати быти князеи великих», «А вечным грамотам не быти». Коростынский договор лишь повторяет эти позиции, заново утверждая их. Однако их новое утверждение и является как целью, так и результатом похода

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 345.

1471 г., коль скоро между 1456 и 1471 гг. перечисленные позиции были активно нарушены Новгородом.

В 1463 г. Новгород осуществляет попытку заключить антимосковский союз с Иваном Можайским и Иваном Шемякиным: «Того же лета послаша Новгородци посол свой Олуферья Васильевича Слизина к королю в Литву о княжи возмущении еже на Великий на Новъгород Ивана Васильевича; такоже и Микиту Левонтеева ко князю Ивану Ондреевичю Можайску и к князю Ивану Дмитриевичю побороть по Великом Новегороде от князя великого, и имашася побороть, како бог изволи» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 214). К осени 1470 — весне 1471 г. относятся оживленные сношения Новгорода с королем Казимиром IV и заключение с ним договора (ГВНП. № 77), обнаружению списков с которого, найденных в «кошевых вьюках» во время Шелонского сражения, Иван III «возрадовался зело о неизреченном и велицем божиим милосердии и о поданней ему от бога свыше помощи на лукавых супостат его» (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 3. С. 510).

Вопрос о «ростовщинах» и «белозерщинах» в 1456 г. был решен методом своеобразной рокировки. По-видимому, из-за территориальной чересполосицы древних новгородских и ростовских волостей в районе шенкурско-вельского левобережья Северной Двины Василию Темному в качестве «ростовщин» были переданы земли на Пинеге и на Мезени, где в течение ряда лет после 1456 г. сидели московские волостели, но к 1471 г. эти территории были вновь захвачены новгородцами (см. так называемый «третий» список Двинских волостей от 25 марта 1471 г.). Именно названные в нем земли в дальнейшем именуется «ростовщиной» в духовных грамотах Ивана III и Ивана IV (ДДГ. № 89, 104).

Черный бор собирался великими князьями с Новоторжской волости (ГВНП. № 21). По-видимому, отказ от уплаты черного бора в установленный срок понудил Ивана III еще до похода 1471 г. или во время этого похода присоединить Торжок к Москве, иначе непонятным оказывается пункт Коростынского договора о сложении великим князем целования с новоторжцев и демонцев, дополненный постановлением: «а что собрано, а то великим князем; а Новугороду о том на новоторжцов нелюбия не держати, ни мщатися им ни коею хитростью» (Там же. № 27). Хотя в Коростынском договоре статус Торжка определен традиционным формулярным пунктом, однако, как видим, часть новоторжских волосток оставалась невозвращенной новгородским владельцам до начала апреля 1476 г.

Наконец, статус великокняжеских наместников в сместном суде, нарушенный еще в 10-х годах XV в. узурпацией приоритета посадниками¹⁰, никак не изменился вопреки требованиям Яжелбицкого договора, и это привело к коростынскому постановлению о переутверждении Новгородской судной грамоты на имя великих князей.

¹⁰ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. М., 1970. Т. 2. С. 131.

В результате шелонской победы 1471 г. Иван III, по существу, добивается от новгородцев лишь подтверждения старых условий Яжелбицкого мира, т. е. повторного отказа Новгорода от политического союза с Литвой и враждебными Москве русскими князьями, сложения новгородского крестоцелования с Пинеги и Мезени, декларирует возврат Новгороду Торжка и возвращение к прежней системе взятия черного бора, подтверждает объем судебных функций княжеского аппарата «по старине». Никаких новых условий не продиктовано, хотя шелонский разгром Новгорода мог бы увеличить до более значительных размеров политические аппетиты великого князя. Весьма существенно то, что в 1471 г. не заявлялось никаких претензий на Заволочье, хотя и на Двине новгородцы тогда потерпели сокрушительное поражение от Василия Образца, который, по свидетельству Воскресенской летописи, якобы «приведоша всю землю ту за великого князя» (ПСРЛ. Т. 8. С. 166). Новгород сохраняет свой суверенитет над Заволочьем и позднее (см., например, жалованную вечевую грамоту Троице-Сергиеву монастырю на беспошлинный провоз товаров по Двине от 1477 г. — ГВНП. № 101).

Таким образом, соответственно целям похода 1471 г. Иван III нуждался как в необходимой юридической основе в следующих документах из состава сборника: Яжелбицком договоре; окончании Дмитрия Ивановича с Новгородом, в котором московский великий князь признается единственным союзником и защитником Новгорода (в сборнике этот акт озаглавлен «О одиначестве»); договоре Ивана Можайского и Ивана Серпуховского, демонстрирующем откровенный и ярко антимосковский характер их союза; грамоте Новгорода Василию Темному о черном боре; «третьем» списке Двинских волостей, подготовленном в марте 1471 г. и касающемся только мезенских и пинежских земель; откупной грамоте на обонежский суд, которая позволяет ссылаться на возможность ограничить судейские права великокняжеских наместников только на договорном фундаменте (в данном случае в результате откупа их прав). Это, соответственно в очередности документов сборника, — грамоты № 1, 2, 9, 10, 12, 15, 17. Они не образуют компактной группы, не составляют начального раздела сборника, а перемежаются более поздними или не имеющими отношения к целям похода 1471 г. актами.

Заключение Коростынского мира в 1471 г. пополняет эту коллекцию документов текстами Коростынского договора, грамотой о сроках выплаты контрибуции по этому договору, грамотой о сложении новгородского подданства жителей Мезени и Пинеги, Новгородской судной грамотой, договором Новгорода с Казимиром IV, т. е. соответственно документами № 11, 18—22, причем собственно коростынские акты завершают подборку, т. е. переписаны последними. Что же получается в остатке?

Этот остаток составляет главным образом группа документов, имеющих отношение к территориальным претензиям Москвы в северных районах Новгородской земли. К ним принадлежат

грамоты старых князей Андрея Александровича, Ивана Даниловича и Дмитрия Ивановича, демонстрирующие причастность великих князей к эксплуатации охотничьих угодий на Двине и Печере; уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле, выданная в 1397/98 г. в связи с временной коммендацией Двины Москве; «первый» и «второй» списки Двинских волостей, из которых «первый» основывается на уставной грамоте Василия Дмитриевича, а «второй» излагает результаты обысков по «ростовщинам» и «князщинам» в двинском левобережье, уже компенсированным передачей Москве Мезени и Пинеги в 1471 г. Кроме того, мы видим в этом остатке список новоторжских вотчин, возвращаемых Новгороду, надо полагать, в связи с восстановлением системы черного бора, декларированным Коростынским договором. Наконец, еще один документ — грамота о полной расплате по Яжелбицкому миру — следует поставить в связь с грамотой о сроках выплаты контрибуции по Коростынскому миру, вероятно нарушенных Новгородом. К указанному остатку принадлежат документы № 4—8 и 13—16 по их очередности в сборнике.

Территориальные претензии на Двину и Печеру не заявлялись в 1471 г., как это показано выше; нет никаких свидетельств и тому, что вопрос об этих землях поднимался во время «мирного похода» Ивана III в 1475—1476 гг. Зато он является несомненно программным в ходе последних переговоров Ивана III с еще независимым Новгородом в январе 1478 г.: «Да говорили им о пригородах и о Двине и о Заволочии, что пригородом всем, да и Двиняном и Заволочаном, крестное целование Новгородское себе сложити, а целовати им на великих князеи имя» (ПСРЛ. Т. 25. С. 321).

На составление сборника перед походом 1477 г. указывает еще ряд обстоятельств. Одно из них — включение «второго» списка Двинских волостей, акцент в котором сделан на «ростовщинах» двинского левобережья; вопрос о них, казалось бы, считался решенным уже в результате промена этих земель на территории Мезени и Пинеги в 1456 г., подтвержденного и возобновленного в 1471 г. Представляется, что новый всплеск интереса к «ростовщинам» вызван покупкой второй, Борисоглебской половины Ростова, совершенной Иваном III в 1474 г. (Там же. Т. 8. С. 180; Т. 24. С. 194); эта покупка сделала московского великого князя юридически законным наследником ростовских владельческих прав¹¹. Вероятно, около того же времени состоялась передача белозерских владений Ивана III Михаилом Андреевичем Верейским: в договоре 1472 г. он признается безусловным белозерским владельцем, тогда как договор 1482 г. ссылается на состоявшееся условие перехода этих владений к Ивану III после смерти Михаила Андреевича (ДДГ. № 67, 75¹²). Другое обстоятельство — дата

¹¹ Янин В. Л. Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50—70-х годах XV в. // Ист. зап. М., 1982. Т. 108.

¹² См. также: Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. С. 51.

отводного списка новоторжских земель, составленного 6 апреля 1476 г., т. е. уже после возвращения Ивана III в Москву из Новгорода по завершении «мирного похода» 1475—1476 гг. Третье — несомненная связь документов сборника с деятельностью Василия Борисовича Тучко Морозова и его брата Семена Борисовича Брюхо. В отводном списке новоторжских земель 1476 г. указано: «Сесь список землям новоторжским дал Василеи Борисовичь», а перед текстом откупной грамоты на обонежский суд замечено: «Список з грамоты с откупные с Обонежские, а сама грамота у Семена у Борисовича».

Братья Семен, Василий, а также Иван Борисовичи и по другим источникам тесно связаны с Новгородом. В конце 1475 г. Семен Борисович был новгородским великокняжеским наместником (ПСРЛ. Т. 6. С. 200; Т. 12. С. 159; Т. 25. с. 304). В апреле-мае 1477 г. (когда наместником был, по-видимому, уже Василий Иванович Китай) Семен Борисович и его брат Иван участвовали в посольстве в Новгород от Ивана III, которое требовало от новгородцев ответа, какого они хотят государства (ПЛ. Вып. 2. С. 209; ср.: ПСРЛ. Т. 6. С. 211; Т. 8. С. 189; Т. 25. С. 315). Василий и Иван Борисовичи — активные участники последних переговоров Ивана III с Новгородом в декабре 1477 — январе 1478 г. Все три брата участвуют и в поездке Ивана III в Новгород в 1480 г.¹³ Черепнин предположил, что «Семену Борисовичу с братьями как раз и была поручена работа по подбору материалов для сборника и его оформлению»¹⁴.

Оценивая общий смысл этой подборки документов, можно уверенно утверждать, что в какой-то период, предшествовавший походу 1477 г. на Новгород, у Ивана III не было намерения ликвидировать новгородскую политическую независимость или по крайней мере он не предполагал возможности осуществить подобное намерение. Подборка документов демонстрирует следующие непосредственные цели московской политики в отношении Новгорода в этот период: 1) отторжение Заволочья; 2) упорядочение объема черного бора возвращением части захваченных окладных волосток; 3) поддержание московской «старины» в сместном суде великокняжеского наместника и посадника; 4) возможно, какие-то обвинения Новгорода в неполной расплате по контрибуции 1471 г. или нарушении сроков ее выплаты.

Однако такой объем политических намерений мог существовать только до февраля-марта 1477 г. 23 февраля «на збор прииде из Новагорода к великому князю посадник Захариа Овинов за приставом великого князя со многими Новгородци, иным отечивати, коих обидил, а на иных искати. Того не бывало от начала, как и земля их стала, и как великыи князи учали быти от Рюрика на Киеве и на Володимере и до сего великого князя Ивана Васильевича, но сеи в то приведе их. По сем же

¹³ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977. Т. I, ч. I. С. 24.

¹⁴ Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. I. С. 349.

в то же говение иные посадници, Василеи Микифоров, Иван Кузмин, и инии мнози посадници, и мнозии житии Новгородци и поселяне приидоша, и черници и вдовы о том же, о обидах, и искати и отвечивати, тако же и вдовы и черници и вси преобижении, многое их множество» (ПСРЛ. Т. 25. С. 309), чем была подорвана самая основа судебного суверенитета Новгорода, согласно которому великий князь не имел права судить новгородцев вне Новгорода. В марте «архиепископ Новгородской Феофил и весь Великы Новгород прислали к великим князем, Ивану Васильевичю и сыну его Ивану, послов своих, Назара подвоиского да Захариа дьака вечного, бити челом и называти себе их государи, а наперед того, как и земля их стала, того не бывало, ни которого великого князя государем не зывали, но господином» (Там же).

Реакция Ивана III была достаточно быстрой. 24 апреля в Новгород отправляется посольство «покрепить того, какова хотят государьства их отчина их Великы Новгород» (Там же). Послы прибыли в Новгород 18 мая и возвестили новую программу великого князя: «что еще князем великим своих послов присылали и своею грамотою, а что его есте государем себе назвали и за него есте задали, и суду его в вас в Великом Новгороде быти, и по всем улицам седити князя великого тиуном, и Ярославля вам дворище великим князем очистити, и в великих князеи суд не уступати» (ПЛ. Вып. 2. С. 209). Вече отвергло эти требования и отреклось от действий новгородских посадников в Москве — «и назвали то лжою» (ПСРЛ. Т. 25. С. 309), предав казни и Василия Микифоровича, и Захарию Овина вместе с братом последнего Кузьмой, «а Василья Онаньина ту поймав, а на вече исьшекли топори в часть, а иных заповедали, тако же хотячи смертию казнить». Московские послы были задержаны на шесть недель, т. е. до конца июня, и повезли в Москву следующий ответ: «. . . что вам своим господином челом бием; а что государи вас, а то не зовем, а суд вашим наместником на Городище по старине, а что вашему суду великих князеи, ни ваших тивуном, а то в нас не быти, ни дворище вам Ярославля не даем; на чем ни есме с тобою на Коростыни мир кончали и крест целовали, по тому хотим с вами и жити доконцанию; а котории тебе так ималися без нашего ведома чинити, то ведаеш ты, как их хочеш казнити, а мы их тако же, где которого поймав хотим казнити; а вам своим господином челом бием, чтобы есте нас держали в старине, по целованию крестному» (ПЛ. Вып. 2. С. 209). Получение этого ответа привело к немедленной дипломатической и военной подготовке последнего похода Ивана III на Новгород.

Таким образом, очевидный отказ великого князя от принципов Коростынского договора прямо связан с событиями февраля-марта 1477 г., до которых стержнем новгородской политики Ивана III оставалось поддержание этих принципов. Именно такой стержень характерен для анализируемого сборника за одним исключением — он документально подготавливает террито-

альные претензии Москвы на Заволочье. Изложенные соображения приводят к выводу о том, что сборник подготовлен между апрелем 1476 г., когда была составлена отводная грамота на новоторжские волостки, и концом зимы 1477 г., когда резкое изменение в отношениях Москвы к Новгороду получило новый неожиданный и очень мощный стимул.

В ГПБ хранится также подлинный документ 1389 г., имеющий отношение к Новгороду, — присяжная грамота князя Семена-Лугвеня королю Витовту о нерушимости союза с короной самого Лугвеня и новгородцев, пригласивших его на кормление (АЗР. Т. 1. № 10). Судя по латинской записи на документе, он находился в польском королевском архиве, откуда был перемещен в Россию в конце XVIII в.

Другие собрания. Древнейший русский пергаменный акт — грамота князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича (ГВНП. № 81) хранилась в новгородском Юрьевом монастыре, ныне находится в Новгородском музее. К сожалению, уже в первой половине XIX в. из архива того же монастыря был утрачен ряд грамот (Там же. № 79, 80, 82 и 86); одна из них (№ 82) была опубликована в 1813 г., остальные три — в 1815 г.¹⁵, и с тех пор они воспроизводятся только по этим публикациям, исключая жалованную грамоту князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю (ГВНП. № 82). В 50-е годы нашего столетия были обнаружены два более исправных списка этого документа: один из них — в копийной книге Юрьева монастыря XVIII в. в Новгородском музее¹⁶, другой — в судном деле Пантелеймонова монастыря конца XVI в.¹⁷

Договорная грамота Новгорода с великим князем Василием (ГВНП. № 19) сохранилась в списке конца XVI в. (ГИМ. Собр. Уварова. № 512. Л. 272 об. — 275 об.).

Грамота Новгорода князю Семену-Лугвеню (ГВНП. № 52) известна в немецком переводе в письме ливонского магистра Ревелю от 5 декабря 1411 г. (РЛА. № 177; НУВ. Bd V. N 1031).

Из Литовской метрики извлечены договорная грамота Новгорода с литовским великим князем Казимиром (ГВНП. № 70) и Запись о Пусторжевской дани (АЗР. Т. 1. № 71).

Две грамоты великого князя Василия Васильевича новгородским великокняжеским наместникам (РК. № 1, 2) воспроизведены в тексте местнического дела 1504 г. между Петром Михайловичем Плещеевым и Петром Григорьевичем Заболотским, изложенного в Разрядной книге. Они были опубликованы по списку Разрядной книги, принадлежащему Н. П. Лихачеву¹⁸, и по другим спискам

¹⁵ *Амвросий.* История российской иерархии. М., 1813. Ч. 5. С. 454—455; М., 1815. Ч. 6. С. 353—355, 775—776.

¹⁶ *Семенов А. И.* Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю // НИС. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 245—248.

¹⁷ *Корецкий В. И.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю // Ист. архив. 1955. № 5. С. 204—207.

¹⁸ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 105—106.

той же группы — Шукинскому, Эрмитажному, Оболенского, Пожарского, Уваровскому¹⁹.

Устав князя Ярослава «о мостех» известен в 15 списках разных редакций в составе Пространной Правды²⁰. Наконец, список конца XIII в. грамоты князя Святослава Ольговича содержится в приписке к Синодальной Кормчей²¹; еще один список этого документа — в Кормчей Софийской редакции рубежа XV и XVI вв. из собрания Е. Е. Егорова²².

* * *

62.
ГВНП. № 81

[1130 г.] — *Жалованная грамота князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю на волость Буец и серебряное блюдо*

Грамота является древнейшим русским актом, сохранившимся в пергаменном оригинале. В ней, кроме князей Мстислава Владимировича (в Киеве с 17 марта 1117 г. до смерти 14 апреля 1132 г.) и Всеволода Мстиславича (в Новгороде с 17 марта 1117 до 28 мая 1136 г.), упоминается игумен Исайя — второй в списке настоятелей Юрьева монастыря, основанного в 1119 г. при игумене Кириаке (НПЛ. С. 21, 205). Кириак скончался в 1128 г. (Там же. С. 22, 206). В летописи Исайя как игумен упомянут только под 1134 г. (Там же. С. 23, 208), однако очевидно, что его настоятельство началось уже в 1128 г. со смертью Кириака. Датировка документа, следовательно, замыкается между 1128 и 1132 гг. В этих хронологических рамках предпочтительной является датировка 1130 г., когда Всеволод Мстиславич «ходи Киеву к отцю» (Там же. С. 22, 206), поскольку грамота отражает совместное действие Мстислава и Всеволода.

В ГВНП Буец неправоммерно называется селом — вероятно, с опорой на сообщение Новгородской I летописи младшего извода под 1232 г. («в Буици, селе святого Георгия». — НПЛ. С. 280). В действительности Буец — обширная волость у верховьев р. Полы, на южной границе Деревской пятины: «всех деревень в Буице по старому писму . . . и с погостом 96, а дворов в них 186, а людей в них 238 человек, а обож 205. . . А им же писано в той волости 10 деревень пустых, а земли под ними на 8 обож» (НПК. Т. 2. Стб. 824). Летописное село «в Буице» — несомненный центр волости, собственно погост.

Вписанные между строк полустертые слова А. И. Ермолаев читал как «и вено вотское», а А. А. Шахматов — как «и вено волоцкое» (или «волоцкое»). Фотосъемка документа в разных режимах

¹⁹ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. I, ч. 1. С. 83—85.

²⁰ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 91—95.

²¹ Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952. С. 19—21.

²² Щапов Я. Н. Новый список Новгородского устава князя Святослава Ольговича // Зап. Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1963. Вып. 26. С. 397—398.

не дает оснований ни предпочесть одно из этих чтений, ни предложить иное чтение. Вопрос об истолковании этой вставки остается открытым.

Серебряная вислая печать, традиционно сохраняющаяся при грамоте, не имеет к ней изначального отношения и принадлежит князю первой половины XIII в. Ярославу Всеволодовичу²³.

63. [1134 г.] — *Жалованная грамота князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю на село Витославицы и другие земли*
ГВНП. № 82

64. [1134 г.] — *Жалованная грамота князя Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю на рель у Волхова*
ГВНП. № 79

Обе грамоты являются взаимосвязанными актами, необходимость выдачи которых была вызвана основанием в окрестностях Новгорода Пантелеймонова монастыря на оз. Мячине. Грамота Изяслава датировалась в ГВНП 1146—1155 гг. на том основании, что Изяслав Мстиславич, титулованный в ней «великим князем», занимал киевский («великий») стол в указанные годы. Однако «великим князем» в других грамотах (ГВНП. № 79 и 80) титулуется и Всеволод Мстиславич, который в Киеве никогда не княжил, а в результате находки в 1950-х годах двух более полных списков этого документа²⁴ установлено, что грамота Изяслава является учредительной: «И устроил есми святому Пантелемону монастырь и посадил есми в нем игумена Аркадия»; земли, жалованные по этой грамоте, представляют собой ядро исходных монастырских владений, в котором возникли и его строения. Между тем Пантелеймонов монастырь упомянут уже в грамоте (ГВНП. № 79), относящейся ко времени княжения в Новгороде Всеволода Мстиславича (1117—1136 гг.), и, следовательно, его учреждение относится ко времени более раннему, нежели 1136 г., когда Всеволод был изгнан из Новгорода.

Поскольку Изяслав Мстиславич никогда не был новгородским князем, для датировки обеих грамот важным представляется рассмотреть обстоятельства его посещений Новгорода. В 1130 г. «посла Мъстислав сыны своя, Всеволода, Изяслава и Ростислава, с дружиною их и с Новгородци на Чюдь; и взяша их, и дань на них възложиша» (ПСРЛ. Т. 9. С. 156). В 1133 г. «князь Ярополк Киевский посла братанича своего Изяслава Мстиславича к Новугороду, да дадят дань на Киев по старине, такоже и от Смоленска и от Дунайска; и тако умиришася и крест целоваша» (Там же. С. 158). В 1134 г. «ходи Всеволод с новгородьци, хотя брата своего посадити Суждали, и воротишася на Дубне опять; и на томъ же пути отяша посадницьство у Петрила и даша Иванку Павловицю. А Изяслав иде Кыеву» (НПЛ. С. 23, 208).

²³ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. Т. 2. С. 16—21.

²⁴ Корецкий В. И. Указ. соч. С. 204—207; Семенов А. И. Указ. соч. С. 245—248.

Следовательно, датировка грамоты Изяслава замыкается в хронологические рамки 1130—1134 гг. Однако в 1130 г. Нифонт, упомянутый в ней, еще не был новгородским епископом (он пришел в Новгород 1 января 1131 г. — Там же. С. 22, 107), а визит Изяслава в Новгород в 1133 г. был не вполне дружественным. Поэтому предпочтительным представляется датировать этот документ 1134 г. Наименование учрежденного Изяславом Мстиславичем монастыря определено крестильным именем этого князя, известным по летописному рассказу (ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. Стб. 438—439) и по данным сфрагистики²⁵.

Игумен Аркадий, по всей вероятности, тождествен упоминаемому в Вопросаниях Кирика (РИБ. Т. 6, ч. 1. Стб. 34) и основателю в 1153 г. Успенского Аркажа монастыря (НПЛ. С. 29, 215), который в дальнейшем, в 1156—1163 гг., был новгородским епископом.

Село Витославицы в писцовых книгах неизвестно: на его месте возникли строения Пантелеймонова монастыря («дер. у монастыря у Пантелемона святого». — НПК. Т. 5. Стб. 298). Дер. Ушково числится находящейся близ Пантелеймонова монастыря (Там же). Прость — река, левый приток Волхова, отделяющий с севера Перынский холм. Церковь Образа, упоминаемая в летописи под 1191 г. (НПЛ. С. 29, 230), находилась на Добрыне улице Людина конца²⁶. Границы пожалованной Пантелеймонову монастырю по грамоте Изяслава земли определены в специальном исследовании²⁷.

Грамота Изяслава Мстиславича в отличие от других грамот того же периода (ГВНП. № 81, 79, 80) демонстрирует существование в Новгороде массива земель, находившихся во времена Всеволода Мстиславича в распоряжении не князя, а вечевой организации: «... князь великий Изяслав Мстиславичь, по благословению епискупа Нифонта, испрошав еси у Новагорода святому Пантелеимону землю».

В грамоте Всеволода Юрьеву монастырю на рель (Там же. № 79) описана граница между владениями Юрьева (в том числе и пожалованной князем Всеволодом по этому акту княжеской рели) и Пантелеймонова монастырей, совпадающая в деталях с границей земель Пантелеймонова монастыря, как она описана в жалованной грамоте Изяслава. В последней упомянутая рель обозначена еще как княжеская. Из этого следует, что грамота Всеволода выдана вслед за грамотой Изяслава.

В рассматриваемом документе (Там же. № 79) Всеволод Мстиславич, не бывший киевским князем, тем не менее титулуется, подобно Изяславу в его грамоте (также не относящейся ко времени киевского княжения Изяслава Мстиславича), «великим

²⁵ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. М., 1970. Т. 1. С. 103—104, 196, 214—215. № 149—151.

²⁶ Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 112.

²⁷ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 68.

князем», что может отражать особенность не оригиналов, а только дошедших до нас списков этого акта, составлявшихся в ту эпоху, когда нормой стало занятие новгородского стола только великим князем.

Дер. Горки, принадлежавшая Пантелеймонову монастырю, в писцовых книгах описана в ближайшем соседстве с ним (НПК. Т. 5. Стб. 298). Болотом Дрянъ называется южная заболоченная часть оз. Мячина²⁸.

65. [1134 г.?] — *Жалованная грамота князя Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю на волость Ляховичи*
ГВНП. № 80

Вероятна одновременность этого документа с двумя предыдущими. Дарение Всеволодом Мстиславичем Юрьеву монастырю «Терпужского погоста Ляховичей» могло служить своего рода компенсацией за невозможность расширения юрьевских подмонастырских владений на запад, т. е. на территорию, пожалованную Пантелеймонову монастырю.

Волостка Ляховичи расположена в основном по течению р. Робыи Великосельской, входящей в бассейн правого притока Ловати — р. Робыи Сорокопенской (Старовской). Согласно писцовой книге Деревской пятины конца XV в., она включала 26 деревень со 145 дворами и 191 человеком, оцениваясь в 176 обож; кроме того, в ней числился тогда 21 непашенный двор, в котором жили 24 человека (НПК. Т. 2. Стб. 617—621).

В конце XV в. волостка Ляховичи входила в Черенчицкий погост. Ее обозначение как «Терпужского погоста» отражает более ранний пласт погостской организации Новгородской земли: на Ловати, в 18 км выше Ляховичей, существует дер. Теребыни, которая, возможно, в древности была центром погоста²⁹.

66. 1136/37 г. — *Уставная грамота князя Святослава Ольговича о церковной десятине с позднейшими приписками об обонезском и бежицком ряхах*
ТЩ. № 1

Древнейший список уставной грамоты сохранился в приписке к новгородской Синодальной Кормчей второй половины 80-х годов XIII в.³⁰

Начальная фраза документа содержит ссылку на существующее законодательство, идущее «в Руси от прадед и дед наших», т. е. имеющее общерусский характер. Это законодательство

²⁸ Местоположение границы между Юрьевым и Пантелеймоновым монастырями см.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 248.

²⁹ Границы волостки см.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 232; Носов Е. Н. Грамота Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи на р. Ловать: (Историко-археологический комментарий) // Археология и история Новгорода: Тезисы докладов научной конференции. Новгород, 1988. С. 79—81.

³⁰ Янин В. Л. О дате Новгородской Синодальной Кормчей // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 287—292.

касается предоставления епископам десятины от всех княжеских доходов («что входит в князь двор всего»), в том числе «от дании» и «от вир и продаж». Имеются в виду, следовательно, две формы десятины — податная и судебная.

Следует заметить, что ссылка на устав прадедов и дедов о порядке назначения обеих форм епископской десятины находит соответствие в практически синхронном памятнике — Уставе князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископии 1150 г.; в нем десятина от даней назначается сверх («кроме») доходов от судебного иммунитета: «И се даю святеи Богородици и епископу: десятину от всех даней смоленских, что в них сходит истых кун, кроме продажи, и кроме виры, и кроме полюдья»³¹.

В момент вокняжения Святослав Ольгович обнаружил, что податной иммунитет Новгородской епископии обеспечен «преже него бывшими князи», тогда как организация судебного иммунитета нуждается в особом вмешательстве. Неясная фраза «Толико от вир и продаж десятины зьрел, олико днйи в руце княжи и в клеть его» порождает противоречивые толкования. Слово «днйи» в этой фразе М. Н. Тихомиров переводил как «дней» и соответственно усматривал в нем указание на бывшее существование порядка дележа доходов между князем и епископом по дням³². Более убедительным представляется общепринятое понимание в слове «днйи» испорченного «даней», что позволяет понимать всю фразу так: «десятина от вир и продаж находилась в соответствии с теми конкретными суммами дани, которые ежегодно собирались в княжеской казне». Очевидно, что слово «даней» имеет здесь расширительное значение, подразумевающее именно поступление от вир и продаж, а не от податей; последнее в данном контексте было бы бессмысленным.

Десятина от податей, как явствует из самого факта ее противопоставления, до Святослава Ольговича была уже установлена в виде фиксированной суммы кем-то из его предшественников по новгородскому столу. Надо особо оговорить это обстоятельство, поскольку Б. Д. Греков был склонен переводить спорную фразу следующим образом: к моменту вокняжения Святослава сумма одной только десятины от вир и продаж равнялась всей сумме княжеской дани, собираемой с Новгородской земли³³. Такое толкование неправомерно отодвигает момент фиксации судебной десятины в отдаленное прошлое, что противоречит смыслу уставной грамоты Святослава Ольговича.

Существование нововведений уставной грамоты состоит в назначении фиксированной суммы ежегодной судебной десятины независимо от реальных доходов князя, получаемых от судебного иммунитета. Грамота определяет, что епископу надлежит получать 100 гривен новых кун от вир и продаж, а выдавать эту сумму

³¹ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 141.

³² Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Указ. соч. С. 21.

³³ Греков Б. Д. Избранные труды. М., 1960. Т. 4. С. 144.

должен некий Домажирич — сборщик податей «из Онега». Если у Домажирича не окажется полной суммы десятинных отчислений, то разницу епископ получает из княжеской казны («клетки»). Такой порядок пояснен конкретным примером: если у Домажирича будет только 80 гривен, то недостающие 20 гривен берутся «из клетки».

Фиксированный уставной грамотой доход епископа в 100 гривен новых кун сравнительно невелик. Под гривнами новых кун, которые к концу XII в. стали гривнами «ветхих кун» (ГВНП. № 28), возможно понимать лишь гривны Пространной Правды (около 51 г серебра). Эту сумму можно было бы при желании признать заметной, если бы она впервые назначалась князем в качестве десятины. Однако судебная десятина в виде нефиксированной величины и прежде поступала епископу. Следовательно, вопрос о материальной выгодности для Новгородской епископии рассматриваемого документа, неоднократно обсуждавшийся в литературе, вообще может быть сведен к оценке мизерной суммы, составляющей разницу между прежними и новыми поступлениями в епископскую казну десятины от вир и продаж.

В грамоте определяется порядок обеспечения суммы в 100 гривен новых кун, которая собирается в форме княжеской ренты (надо полагать — совокупной, включающей и подати, и судебные доходы) с ряда погостов и мест по фиксированным для каждого такого погоста или места нормам. Перечисленные в документе пункты локализуются на Онеге (Волдутов погост), на ее притоке Моше («на Волоце в Моши»), в нижнем течении Северной Двины («на Ракуле», «устье Емьце», «устье Ваг»), на ее притоке Тойме («в Тоиме»), на притоке Ваги — р. Вели («у Вели»), на Пинеге («в Пинезе», «в Кегреле»), на притоках Сухоны — Векшенге («у Векшензе») и Толшме (? «у Тошьме»), а также у беломорского побережья («у Еми», «на мори»). Ряд пунктов обозначен именами конкретных плательщиков («у Вихтуя», «у Чюдина», «у Лигуя», «у Вавдита», «у Пененича», «у Валдита», «у Тудора»). Предложенная А. Н. Насоновым локализация этих пунктов, а также таких, как Тудоров погост, Ивань погост, «на Спиркове», «у Пуите», «на Борку», «в Отмине», «у Поме», «у Порогопустыць»³⁴, небезупречна и во многом спорна; в частности, это касается топонима «на Спиркове», локализованного Насоновым на Свири, и отождествления таких этимологически несовместимых названий, как «Тудоров погост» (от Тудора, Федора) и «Тудозерский погост». Бесспорно локализуемые пункты очерчивают район, целиком входящий в Заволочье.

Сборы с перечисленных в уставной грамоте пунктов в большинстве случаев выражены в «сорочках», а в двух случаях — в иных единицах измерения: «мех» (с Еми) и «от чрена и от салги по пузу» (на море). Результат подсчета сорочков равен 43,5

³⁴ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 99—103.

сорочкам. Добавляя к этой сумме сборы, обозначенные в других единицах, возможно говорить об итоге, близком 45 сорочкам. Между тем при равенстве гривны кун 51,19 г серебра, а практически (за вычетом угара) примерно 49 г серебра, 100 гривен новых кун приравниваются 4900 г серебра. В таком случае «сорочек» оказывается соответствующим 109 г серебра, а лежащая в его основе единица (одна сороковая) — 2,73 г серебра, что поразительно совпадает с куней-дирхемом русской денежно-весовой системы IX—X вв.³⁵ Таким образом, счет на «сорочки» является реликтовым, отражающим очень древнюю денежную практику Новгорода.

Заключительный раздел уставной грамоты содержит заклатья возможным ее нарушителям. Свидетельство того, что князь Святослав Ольгович действительно назывался в крещении Николаем, содержит группа принадлежавших ему свинцовых печатей из Новгорода с изображением святых Николая и Михаила (Михаилом в крещении звали отца Святослава — Олега Святославича)³⁶. Нифонт был новгородским епископом с 1131 по 1156 г. Князь Святослав Ольгович занимал новгородский стол в интересующее нас время с 19 июля 1136 по 17 апреля 1138 г. (НПЛ. С. 24—25, 209—210). Указанный в документе 15-й индикт соответствует промежутку времени от сентября 1136 по август 1137 г., что совпадает и с обозначенным там же годовым числом — 6645 г.

Находящиеся в конце документа разделы «А се Обонежский ряд» и «А се Бежичьский ряд» являются несомненными позднейшими добавлениями, отражающими иную эпоху во взаимоотношениях князя и Новгорода. Насонов, который не ставил вопроса о возможной одновременности уставной грамоты и этих приписок к ней, полагал, что территория, указанная по «Обонежскому ряду», является частью той, которая гарантировала поступление в епископскую казну 100 гривен новых кун. Однако, как показано выше, в такую гарантирующую территорию входят только пункты, перечисленные в основном документе, т. е. находящиеся в районе Онеги, Двины и Пинеги. Более того, как очевидно, 100 гривен новых кун складывались из совокупного дохода с этих пунктов, т. е. не только и не столько судебных, сколько податных. Между тем уже к 60-м годам XIII в. Заволочье было изъято из сферы княжеской юрисдикции, о чем свидетельствуют известные формулы новгородско-княжеских докончаний: «а ты волости държати мужи новгородьскими; а дар от них имати . . . А за Волок ти своего мужа не слати, слати новгородца». К моменту записи уставной грамоты в Синодальной Кормчей 80-х годов XIII в. ее положения уже утратили юридическую силу.

Однако такой силой позднее, вероятно, обладали оба ряда — Обонежский и Бежицкий. Погосты, перечисленные «Обонежским рядом», расположены в районе, примыкающем с востока к Ла-

³⁵ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 52.

³⁶ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. Т. 1. С. 194—195. № 140—142.

дожскому озеру и поволховским владениям Новгорода. Они находятся в Олонце, на Свири, на Сяси, на Паше и в междуречье Паши и Копши³⁷. На существование особого статуса суда, находившегося целиком в княжеском распоряжении и изъятого из системы сместного с посадником суда, указывает откупная грамота 1460 г. (ГВНП. № 93), по которой доходы с обонежского суда продает наместник великого князя. Описанная в этом документе территория совпадает с обозначенной по «Обонежскому ряду». Это сопоставление позволяет сформулировать вывод о смысле соединения приписок об Обонежском и Бежицком рядах с уставной грамотой Святослава Ольговича. Возникновение особого статуса указанных территорий было, надо полагать, результатом изъятия из юрисдикции князя суда в «новгородских волостях», в частности в Заволочье. Коль скоро таким изъятием решительно пересматривался объем княжеских доходов, потребовалась определенная форма хотя бы частичной компенсации. Если это действительно взаимосвязанные акции, то возможно указать, что они совершились, во всяком случае, до 1264 г., поскольку не позднее указанной даты суд «отдал Дмитрии с новгородци бежичяном и обонижаном на 3 лета, судье не слати» (Там же. № 2).

А. В. Куза связывал указанное изменение княжеского статуса с событиями конца 30-х годов XIII в., когда зимой 1228/29 г. новгородцы предъявили князю Ярославу Всеволодовичу требование: «Поеди к нам, забожнице отложи, судье по волости не слати; и на всеи воли нашей и на всех грамотах Ярославлих ты наш князь» (НПЛ. С. 67, 273). Эти условия были приняты Ярославом в декабре 1230 г.: «и целова святую Богородицю на грамотах на всех Ярославлих [и на всеи воли новгородчкои]» (Там же. С. 70, 278). Куза отмечал, что упоминание об этом крестоцеловании как о первом прецеденте вошло в формуляр всех последующих докончаний Новгорода с князем Ярославом Ярославичем: «на семь ти, княже, крест целовати, на чем то целовал хрьст отец твои Ярослав»³⁸.

Материалы по локализации топонимов Обонежского и Бежицкого рядов были обобщены Насоновым³⁹.

67. [1264 г.] — *Проект договорной грамоты Новгорода с князем Ярославом Ярославичем*
ГВНП. № 1

68. [1264 г.] — *Проект договорной грамоты Новгорода с князем Ярославом Ярославичем*
ГВНП. № 2

В ГВНП первый из этих документов датирован 1264 г., второй — 1266 г. Принципиальное согласие с этими датировками

³⁷ Насонов А. Н. Указ. соч. С. 96—99.

³⁸ Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 160—161.

³⁹ Насонов А. Н. Указ. соч. С. 91, 94—95.

выразил А. А. Зимин, предложивший относить первый документ ко времени незадолго до 27 января 1265 г., а второй ко времени «около зимы 1266—1267 г.»⁴⁰.

Князь Ярослав Ярославич получил великокняжеский стол во Владимире после смерти своего брата Александра, случившейся 14 ноября 1263 г. Никоновская летопись освещает его вокняжение в Новгороде как автоматическое следствие обладания великокняжеским ярлыком: «Сяде по брате своем великом князи Александре Ярославиче на великом княжении в Володимери брат его, князь велики Ярослав Ярославич Тферский, и бысть князь велики Володимерский и Новгородцкий. Того же лета выгнаша Новгородцы от себе из Новагорода князя Дмитрея Александровича. Того же лета иде князь велики Ярослав Ярославич в Новгород, и приаша его Новгородцы с радостию и с честью великою: он же тогда и женися в Новегороде, поя за себя Юрьеву дщерь Михайловичя» (ПСРЛ. Т. 10. С. 144). Этот рассказ помещен под 6772 г. сразу же за сообщением о смерти Александра Невского под 6771 г.

Между тем Новгородская I летопись дает несколько иную хронологическую канву событий. Сообщение о смерти Александра в ней закономерно помещено под 6771 г., а под 6772 г. рассказывается: «Выгнаша новгородци князя Дмитрия Александровича, сдумавше с посадникомъ Михаиломъ, зане князь еще мал бяше; а по Ярослава послаша, по брата Александрова, во Тферь сын посадничъ и лучшии бояры». Только под 6773 г. сообщается: «Посадиша в Новегороде на столе князя Ярослава Ярославича месяца генваря в 27» (НПЛ. С. 84, 313). Достоверность хронологической канвы Новгородской I летописи подтверждается тем, что, как это следует из докончаний Новгорода с Ярославом Ярославичем, действительно существовал заметный промежуток от смерти Александра до вокняжения в Новгороде Ярослава, когда новгородский стол занимал Дмитрий Александрович; для этого княжения не оставалось бы временной лакуны при условии, если бы Ярослав вокняжился в Новгороде уже 27 января 1264 г. Указанное событие могло произойти только в 1265 г.

Следует особо отметить, что на первых порах между князем Ярославом и Новгородом не возникало каких-либо конфликтных ситуаций, способных вести к возможному разрыву отношений и перезаключению докончания, хотя обе стороны демонстрируют стремление к независимости в политических акциях. В 1265 г. Ярослав с новгородским полком находится в Пскове, которому угрожает Литва. Когда «вбегоша в Пльсков с 300 Литвы с женами и с детьми, и крести я князь Святъслав с попы пльсковскими и с пльковичи», новгородцы хотели казнить литовцев, «но не выда их князь Ярослав и не избъени быша» (Там же. С. 85, 314). (Совершенно очевидно, что возможность оперативного вмешатель-

⁴⁰ Зимин А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. V. С. 302—304.

ства в столь стремительное событие могла быть обеспечена только личным пребыванием в Пскове князя Ярослава вместе с новгородским полком.)

На следующий год, когда на псковском столе вокняжился Довмонт, «приде князь Ярослав в Новъгород с полкы низовскими, хотя ити на Пльсков на Довмонта; новгородци же възбраниша ему, глаголюще: „оли, княже, тебе с нами уведавъшесе, тоже ехати в Пльсков“, князь же отсла полкы назадъ» (Там же. С. 85, 316). В 1267 г. новгородцы в союзе с псковичами совершают поход на Литву, а затем готовят поход за Нарову, к Раковору, для участия в котором приглашается не только Дмитрий Александрович, «а по Ярослава послове послаша; и посла Ярослав в себе место Святъслава с полкы» (Там же. С. 85—86, 315).

Эти наблюдения оказываются важными для датировки второго документа (ГВНП. № 2). Упомянутое dokonчание среди прочих пунктов содержит следующую уникальную информацию: «А суд, княже, отдал Дмитрии с новгородци бежичяном и обонижаном на 3 лета, судье не слати». Несомненно, здесь имеются в виду временные льготы, установленные для тех районов, которые были назначены князю в качестве кормленческих судебных округов по Обонежскому и Бежицкому рядам (см. комментарий к предыдущему документу). Если трехлетняя льгота для обонижан и бежичан была установлена при князе Дмитрие Александровиче, т. е. в 1264 г., то ее срок истекал самое позднее в 1267 г., а вероятнее — в 1266 г., поскольку 1264 г. был, надо полагать, первым льготным. Значит, второе dokonчание может быть датировано временем, непосредственно предшествующим приезду Ярослава Ярославича на новгородский стол 27 января 1265 г., поскольку оно было привезено в Тверь новгородскими послами, о чем прямо говорится в самом документе.

Вместе с тем возникает непростая проблема датировки первого акта (ГВНП. № 1). Он, как и второе dokonчание, исходит от посадника Михаила и тысяцкого Кондрата (первый погиб, а второй пропал без вести во время Раковорской битвы 18 февраля 1268 г.) и также упоминает новгородских послов в Тверь. Поскольку на протяжении деятельности Михаила и Кондрата не было двух вокняжений Ярослава Ярославича, закономерен вопрос, в каком соотношении эти документы находятся друг с другом и, в частности, не являются ли они соответственно тверским и новгородским вариантами одного и того же dokonчания. Чтобы ответить на такой вопрос, следует сравнить оба документа и определить избыточную специфику каждого.

Такое сравнение обнаруживает, что во втором документе отсутствует ряд клаузул, являющихся несомненно формулярными, поскольку они имеются во всех других dokonчаниях Новгорода с князьями: «А в Суждальской ти земле Новагорода не рядити, ни волости ти не роздавати»; «А куда пошло судии твоему ездити по волости, ехати им межень по Петрове дни»; «А вывод ти, княже, в всеи волости Новгородьской не надобе»; «А свиньи ти

бити за 60 верст от города»; «А за Волок ти своего мужа не слати, слати новгородца». Все эти пункты имеются, однако, в первом докончании, где, правда, последние две формулы вписаны другой рукой и другими чернилами.

В то же время первое докончание содержит два локально-хронологических пункта, которые к формуляру восходить не могут, поскольку отражают очевидные новации: «А Городец, княже, дал Дмитрии с новгородци Иванку; а того ти, княже, не отъяти»; «а что твои брат отъял был позже у Новагорода, а того ти, княже, отступитися: что новгородцев, то новгородьцем; а что пошло князю, а то княже» (эти позиции имеются и во втором докончании).

Второй документ, как уже отмечено, опустивший ряд формулярных клаузул, усугубляет локально-хронологическую специфику, содержа большее количество не восходящих к формуляру пунктов. Помимо фигурирующих в первом докончании, он излагает еще и следующие: «А кому раздаял волости брат твои Александр или Дмитрии с новгородци, тебе тех волости без вины не лишати»; «А суд, княже, отдал Дмитрии с новгородци бежичяном и обонжаном на 3 лета, судьбе не слати»; «А что, княже, брат твои Александр деял насилие на Новегороде, а того ся, княже, отступи». Вполне индивидуальный характер имеет и оградительная концовка второго докончания: «Тако, княже господине, пошло от дед и от отец и от твоих и от наших, и от твоего отця Ярослава».

Сравнение обоих актов позволяет сделать вывод об их принципиальной одновременности. Первая грамота представляет собой как бы типовой образец сложившегося к 1264 г. формуляра новгородско-княжеского докончания, лишь в небольшой степени дополненного локально-хронологическим материалом, тогда как во втором докончании акцент сделан на новациях. К числу последних, по-видимому, относится и особый пункт о запрещении князю владеть землями в Бежицах, который в формуляре перекрыт общим запретом княжеского землевладения в «новгородских волостях»; к их числу относятся и Бежицы. Этот пункт сохраняется в позднейших докончаниях, но возникновение его мы наблюдаем во втором докончании (ГВНП. № 2), которое, надо полагать, отражает конкретную обстановку в этой порубежной волости, сложившуюся в середине XIII в.

По-видимому, оба взаимодополняющих акта являются одновременно привезенными в Тверь новгородскими проектами, обсуждение которых должно было лечь в основу окончательного договора; на этом недошедшем до нас акте Ярослав Ярославич и целовал крест новгородцам 27 января 1265 г. Обращает на себя внимание то, что каждый из рассмотренных проектов имеет лишь по одному отверстию для печати и, следовательно, скреплялся только одной из договаривавшихся сторон. Логично полагать, что такой стороной в обоих случаях была новгородская; не исключено, что оба документа были скреплены одной буллой, подобно тому как одной печатью скреплены две договорные грамоты Новгорода с князем Михаилом Ярославичем (ГВНП. № 4 и 5).

Единственное, как будто существенное, противоречие между грамотами, комментируемыми здесь, касается Русы: «А на Озвадо ти, княже, ездити лете звери гонит. А в Русу не ехати, ехати ти в Русу на третью зиму» (Там же. № 1); «А в Русу ти, княже, ездити осень, а лете не издити, ездити на Озвадо звери гонит» (Там же. № 2). Однако эти расхождения следует понимать как восходящие к разным вариантам формуляра. В дальнейшем формула первой грамоты повторяется в докончаниях с Ярославом Ярославичем (Там же. № 3), Михаилом Ярославичем (Там же. № 6, 7), Александром Михайловичем (Там же. № 14), Василием Васильевичем (Там же. № 19, 22), Иваном Васильевичем (Там же. № 26). Формула второй грамоты имеется в докончаниях с Михаилом Ярославичем (Там же. № 9, 10) и Михаилом Александровичем (Там же. № 15). Предпочтительный для Новгорода вариант «на третью зиму» был принят Ярославом Ярославичем (Там же. № 3 и, вероятно, в окончательном тексте докончания 1265 г.), что дало основание новгородцам сослаться на это обстоятельство при заключении договора с князем Александром Михайловичем: «А в Русу ти, княже, ездити на третью зиму, по грамоте деда своего Ярослава. А лете на Озвад звери гонит» (Там же. № 14).

69.

[1265—1267 гг.] — *Устав князя Ярослава
о мостах*

Пр. Пр.

Устав князя Ярослава «о мостах» включает две интерполяции в основной текст, которые присутствуют во всех 15 известных к настоящему времени его списках в составе Пространной Правды: 1) «А тигожаном до коломян . . . до Чюдинчеве улице»; 2) «1-я Давыжа ста . . . 19 Яжелвичьскаяа двои риле». Отсутствие каких-либо списков, не имеющих этих интерполяций, указывает, скорее всего, на то, что они имелись уже на полях оригинального документа и, следовательно, возникли в ближайшее к моменту его составления время. Если это так, то наиболее существенное значение для датировки Устава имеет вторая интерполяция, в которой городские сотни Новгорода названы по именам их соцких. В числе последних фигурируют Ратибор и Кондрат: «5-я Ратиборова ста, 6 Кондратова ста». Поскольку следующим этапом административной и политической карьеры соцких была должность тысяцкого, имеются все основания сравнить список соцких во второй интерполяции со списком новгородских тысяцких в поисках совпадающих имен.

Среди соцких интерполяции нет ни одного, кто стал тысяцким ранее середины XIII в., включая Жирослава (Жирохна), получившего этот титул в 1258 г. (НПЛ. С. 82, 309). О тысяцком Кондрате известно, что он пропал без вести во время Раковорской битвы 1268 г.; на его место не ранее лета того же года был избран Ратибор Клукович (Там же. С. 87—88, 318—319). Заметим также, что, по актовым показаниям (ГВНП. № 1, 2), Кондрат отправлял должность тысяцкого уже во второй половине

1264—начале 1265 г. Отсюда наиболее вероятной датой Устава «о мостех» возможно признать 1265—1267 гг., когда были живы и Кондрат и Ратибор, а княжил в Новгороде Ярослав Ярославич. То, что к этому времени Кондрат уже был тысяцким, не представляется противоречащим: он мог оставить за собой и должность соцкого, так как тысяцкое более зыбко, находясь в зависимости от переменчивой воли городского веча.

В литературе неоднократно возникали попытки датировать Устав «о мостех» более ранним временем, связать его появление с именами более ранних князей Ярославов вплоть до времени Ярослава Мудрого. Самая ранняя из предлагавшихся дат опровергается основным текстом Устава. Упоминаемые в нем городские ворота на тех местах, где они локализируются, возникли только с расширением Детинца в 1116 г., а церковь Бориса и Глеба в Детинце, также названная в документе, построена впервые в 1146 г. (НПЛ. С. 27, 213—214).

В более позднее время в Новгороде княжили Ярослав Изяславич (1148—1154 гг.), Ярослав Мстиславич (1176—1177 гг.), Ярослав Владимирович (1182—1184, 1187—1196, 1197—1199 гг.), Ярослав Всеволодович (1215—1216, 1223—1224, 1226—1228, 1230—1236 гг.). Однако Устав «о мостех» отражает существование республиканской организации соцких во главе с тысяцким («княжой» была только одна из десяти городских сотен, перечисленных в интерполяции); переход же этой организации из княжеской в республиканскую сферу произошел не ранее начала 90-х годов XII в.: первым республиканским тысяцким был Милонег, упоминаемый в указанном качестве под 1191 г. (Там же. С. 39, 230, 472). Поэтому из предшественников Ярослава Ярославича на авторство Устава формально могут претендовать только Ярослав Владимирович и Ярослав Всеволодович. Между тем попытки приписать документ одному из этих двух князей наталкиваются на уже изложенную проблему — отсутствие списков Устава без интерполяции с именами соцких времен Ярослава Ярославича.

Устав «о мостех» в своем основном тексте определяет разверстку повинностей по мощению улиц, обслуживающих общегородской торг⁴¹. Первая интерполяция предположительно определяет маршруты поставки в Новгород леса для нужд мощения. Вторая интерполяция устанавливает долю городских и областных сотен в сооружении городен («рилей») Великого моста через Волхов.

70. [1268 г.] — *Договорная грамота Новгорода с князем Ярославом Ярославичем*
ГВНП. № 3

Этот документ принято датировать 1270 г., связывая заключенные dokonчания с событиями, описанными в Новгородской I летописи под 6778 г. Указанная дата принята в ГВНП и под-

⁴¹ Предполагаемую локализацию содержащихся в нем топонимов см.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 91—122.

держана А. А. Зиминым⁴². Между тем указание такой связи представляется поверхностным. Конфликт 6778 г. возник в результате недовольства новгородцев насильственными действиями Ярослава: «а к князю послаша на Городище, исписавше на грамоту всю вину его: „чему еси отъял Волхов гоголными ловци, а поле отъял еси зайчими ловци; чему взял еси Олексин двор Морткинича; чему поимал еси серебро на Микифоре Манускиничи и на Романе Болдыжевичи и на Варфломеи; а иное, чему выводилъ от нас иноземца, котории у нас живутъ“, а тому много вины его» (НПЛ. С. 88, 319). Ни одного из этих пунктов в dokonчании нет, а имеются иные, куда более умеренные претензии: новгородцы просят восстановить ликвидированную Ярославом правомерность грамоты его отца Ярослава Всеволодовича о режиме поездок в Ладогу княжеских медовара и осетренника, а также грамот Ярослава Всеволодовича и Александра Ярославича, взамен которых князь Ярослав Ярославич «свое грамоты подаял»; настаивают на возвращении Новгороду погоста, незаконно переданного князем городищенским, т. е. княжеским, попам; аналогичная просьба касается какого-то села, отнятого князем у софян. Новгородцы также молят князя, чтобы он не держал гнев на владыку и отложил гнев на посадника и на весь Новгород. Особые просьбы касаются закладников, взятых князем в разных городах из числа новгородских торговых людей.

Эта ситуация находит соответствие в событиях не 6778 г., а несколько более раннего времени. 18 февраля 6776 г. во время битвы под Раковором погиб посадник Михаил Федорович и пропал без вести тысяцкий Кондрат. Годовой рассказ в Новгородской I летописи заканчивается сообщением о том, что после похорон Михаила Федоровича в Софийском соборе был избран в посадники Павша Ананьинич, «а тысячского не даша никомуже, ци будетъ Кондрат живъ» (Там же. С. 87, 318). Поскольку битва 18 февраля произошла «в субботу сыропустную», эта дата приходится на 1268 г. (Пасха в указанном году была 8 апреля). В следующем, 6777 г., начавшемся, следовательно, в марте 1268 г., отмечено нападение немцев на Псков в неделю всех святых, т. е. 3 июня (Троица в 1268 г. была 27 мая). После десятидневной осады немцы потерпели поражение от новгородцев. «Того же лета приеха князь Ярослав в Новьгород, и нача жалити: „мужи мои и братья моя и ваша побита; а вы розъратилися с Немци“, на Жирослава Давыдовича и на Михаила Мишинича и на Юрья Сбыславича (в Новгородской I летописи младшего извода: „Ельферья Сбыславича“), хотя их лишити волости. Новгородци же сташа за них; князь же хоте из города ехати. Новгородци же кланяхуся ему: „княже, тем гнева отдаи, а от нас не ездѣ“; еще бо не добре ся бяху умирили с Немци. Князь же того не послуша и поеха проче. И послаша владыку с вятшими мужи с молбою, и въспятиша и с Броньници. Тогда же даша тысячское Ратибору

⁴² *Зимин А. А. Указ. соч. С. 304—306.*

Клуксовичю по княжи воли» (Там же. С. 87—88, 318—319). Переходя к описанию зимних событий того же года, Новгородская I летопись отмечает, что в Новгороде «бъше ту баскак велик володимирьскыи, именем Амраган» (Там же. С. 88, 319). Никоновская летопись добавляет: «и зять его Айдар со многими Татары приидоша» (ПСРЛ. Т. 10. С. 147). Присутствие татар произвело необходимое воздействие на немцев, поспешивших заключить мир «на всей воле новгородской».

На связь комментируемой грамоты именно с событиями 1268 г. указывает несколько обстоятельств: 1) отсутствие в документе имени тысяцкого — преемник Кондрата Ратибор Клуксович был избран «по княжи воли» уже по исчерпанию конфликта; 2) упоминание послов хана Менгу в помете на грамоте; 3) общий тон грамоты и просьба об отложении княжеского гнева, соответствующие политической атмосфере 1268 г., а не 1270 г., когда новгородцы взяли верх над князем Ярославом.

Некоторые места в тексте документа требуют особого комментирования.

Формула «А на Имоволозьском погосте куны ти имати и на Важаньском» повторяется затем в докончаниях Новгорода с великими князьями Василием Васильевичем (ГВНП. № 19 — «на Имоволожском», № 22 — «на Имоволожском») и Иваном Васильевичем (ГВНП. № 26 — «на Имоволожском»), но уже без упоминания Важанского погоста. Местоположение Имоволожского погоста остается загадочным. К нему не имеет отношения оз. Имоложе в Коломенском погосте Деревской пятины близ Вышнего Волочка. Топоним «Имоволоже» фигурирует также в сильно фрагментированной новгородской берестяной грамоте № 573 последней трети XII—первой половины XIII в.⁴³ Еще одно упоминание этой местности — в записи писца в сентябрьской—февральской Праздничной минее XII в. (ЦГАДА. Ф. 381. № 131. Л. 136 об.; СК. № 76): «Илия псал бывыи попин церкви святого Възнесения, у братии Имо(в)о(л)ожи псах ту сеद्या». Неразборчивое место И. И. Срезневский читал как «Имоколожи». Новгородская церковь Вознесения на Прусской улице известна с 1175 г., когда она горела (НПЛ. С. 34, 223). То, что бывший поп Илия писал минуе в Имоволоже «у братии», как будто указывает на существование там монастыря уже в XII в., а это значит, что Имоволоже было не слишком удалено от Новгорода. Обращает на себя внимание наличие в Обонежской пятине Воскресенского в Важенех на Свири погоста и особых государевых прав в этом и в соседнем с ним Остреченском на Свири погостах даже в XVII в.: с «Важенского и Остречинского погоста с судовых спусков откупных денег. . . помечено взяти 16 рублей»⁴⁴. В сугубо предположительной форме возможно высказать мысль о том, что Имо-

⁴³ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 40.

⁴⁴ Опись Новгорода 1617 г. М., 1984. Ч. 2. С. 186, 218.

воложе было древнейшим обозначением Остреченского погоста; это тем более вероятно, что район Свири входил в территорию, на которую по Обонежскому ряду распространялись особые княжеские привилегии. Наименование «Имоволоже», вероятно, отыменное (от Имоволод), подобно Тудорову или Ивану погостам уставной грамоты князя Святослава Ольговича; такие наименования в более поздних документах не встречаются, будучи заменены иными, ставшими постоянными.

Любопытна в комментируемом документе и формула «А что еси, княже, отъим у Кюрили Хотуниче, дал еси попу святаго Михаила, а городиским попом не пошло дани имати на новгородском погосте, вдаи опять». Позднее городищенские попы Михайловской церкви распоряжались волостью Смерда в Михайловском и Березайском погостах Деревской пятины (НПК. Т. 1. Стб. 160—178, 497—507). Вероятно, в развитие требований рассматриваемого dokonчания имел место размен: возвращение Хотуничей (локализация которых неясна) Кириллу и компенсация князя и городищенских попов другой волосткой — Смердой, которая, однако, также находилась в «новгородских» погостах.

В последней фразе документа упомянуты закладники «за Гюргемь на Торожку». Имеется в виду племянник Ярослава Ярославича князь Юрий Андреевич, наместничавший в Новгороде от имени Ярослава. Он, в частности, возглавлял новгородцев под Раковором и под Псковом (НПЛ. С. 85—87. 315—318).

71.
ГВНП. № 4

[1296 г.] — *Грамота тверского князя Михаила Ярославича Новгороду с предложением взаимной помощи*

72.
ГВНП. № 5

[1296 г.] — *Грамота Новгорода тверскому князю Михаилу Ярославичу с предложением взаимной помощи*

В ГВНП эти две грамоты, скрепленные вместе одной печатью князя Михаила Ярославича и написанные одним почерком, датированы широким промежутком времени от 1296 до 1301 г. на основании того, что отраженное в них размирье между князьями Андреем Александровичем, с одной стороны, Даниилом Александровичем и Михаилом Ярославичем — с другой, обозначилось на съезде во Владимире в 1296 г. (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 1. С. 249), а примирение Андрея и Даниила состоялось на съезде в Дмитрове в 1301 г. (Там же. Т. 1. 2-е изд. Стб. 485—486). А. А. Зимин в предположительной форме датировал эти документы 1296 г.⁴⁵

Между тем имеются основания решительно поддержать такое уточнение. В ноябрьской Служебной минее XII в. имеется запись конца XIII в.: «В лето 6804 индикта 10 при владыце Клименте, при посаднице Андрее съгониша новгородци наместников Андреевых с Городища, не хотяше князя Андрея. И послаша новго-

⁴⁵ Зимин А. А. Указ. соч. С. 306—307.

родци по князя Данильа на Мъску, зовуще его на стол в Новъгород на свою отчину. И присла князь переже себе сына своего в свое место именемъ Ивана. А сам князь Данилии. Того же лета поставиша мост великийи черес Вълхово. А псал Скорень, дьякон святыя Софии» (ЦГАДА. Ф. 381. № 161. Л. 260 об.; СК. № 81).

Приглашение на новгородский стол князя Даниила Александровича, подтверждаемое находкой в Новгороде его свинцовых печатей⁴⁶, произошло в результате княжеского съезда во Владимире в 1296 г.: «Бысть нелюбие межи княземъ Андреемъ, и Иваном Переяславским, и Данилом Московским, Михаилом Тферьским. Прииде посол от Орды Олекса и Неврюя, и тогда бысть съезд княземъ в Володимер: Андрею и Ивану, Феодору Ярославскому, Костянтину, а противу стаща Данило, брат его Михаил и с Переяславци, поделившесе княжениемъ. И сведоша их на любовь владыка Семион и владыка Измаило, а за малым бог упасл кровопролитиа, и разъехашася коиждо в свояси» (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 1. С. 249; Т. 5. С. 202 — здесь: «и поделишася великим княжением»). Поделиться великим княжением возможно только одним способом: Андрей Александрович сохраняет за собой великий стол во Владимире, но уступает новгородский стол Даниилу Александровичу.

Даниил Александрович владел новгородским столом недолго. В Софийской I летописи под 1298 г. сообщается: «Великийи князь Андреи Александровичъ поеха в Переяславль; великийи же князь Данило Московскийи и брат его князь Михаило не съступишася Переяславля ему; он же еха в Новъгород» (Там же. Т. 5. С. 202). В мае 1299 г. представителем княжеской администрации в Новгороде на выборах нового архиепископа был сын Андрея Александровича Борис (НПЛ. С. 90, 330). Эти обстоятельства сужают хронологические рамки комментируемых грамот до 1295—1298 гг.

Однако по смыслу сообщаемой ими информации эти документы должны быть датированы самым началом указанного периода. Обмен письмами предваряет решение новгородцев об изгнании наместников князя Андрея Александровича и о приглашении Даниила Александровича, т. е. их предпочтительной датой является 1296 г.

Поскольку обе грамоты написаны одним почерком и происходят из тверского княжеского архива⁴⁷, грамота, исходящая от Михаила Ярославича (ГВНП. № 4), представляет собой новгородскую копию с тверского документа, приложенную к ответному письму, которое было направлено из Новгорода в Тверь.

73.
ГВНП. № 83
(АСЭИ. Т. 3. № 1)

[1284, 1294—1296, около 1298—1304 гг.] —
*Грамота князя Андрея Александровича о
порядке обеспечения великокняжеских со-
кольничьих ватаг в их походах на море*

⁴⁶ Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка НПЛ в русском летописании XV в. // Летописи и хроники, 1980 г. М., 1981. С. 154—155.

⁴⁷ Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. 1. Гл. 5, § 5.

В ГВНП и АСЭИ грамота датирована 1294—1304 гг. со ссылкой на время княжения Андрея Александровича. Эту датировку следует детализировать. Княжение Андрея в Новгороде в указанные годы не было непрерывным. Заняв стол 28 февраля 1294 г. («в неделю сыропустную». — НПЛ. С. 327), он в конце 1296 г. вынужден был уступить его Даниилу Александровичу. Сведения о новом пребывании Андрея Александровича в Новгороде относятся к 1298 г. (см. комментарий к актам. — ГВНП. № 4, 5); на этот раз он сохраняет новгородский стол до смерти 27 июля 1304 г. (НПЛ. С. 331).

Однако в 1294—1296 гг. Андрей Александрович княжил в Новгороде не впервые. Он призывался еще в 1284 г., когда занимал стол с 8 февраля до осени⁴⁸. Поэтому комментируемая грамота имеет три варианта датировки.

74. [1305—1307 гг.] — *Проект договорной грамоты Новгорода с князем Михаилом Ярославичем*
ГВНП. № 6

75. [1305—1307 гг.] — *Проект договорной грамоты Новгорода с князем Михаилом Ярославичем*
ГВНП. № 7

76. [1305—1307 гг.] — *Грамота Новгорода князю Михаилу Ярославичу с жалобой на псковского и карельского кормленщиков*
ГВНП. № 8

77. [1307 г.] — *Договорная грамота Новгорода с князем Михаилом Ярославичем*
ГВНП. № 9

78. [1307 г.] — *Договорная грамота Новгорода с князем Михаилом Ярославичем*
ГВНП. № 10

После смерти великого князя Андрея Александровича 27 июля 1304 г. вопрос о его преемнике был поставлен в зависимость от судьбы великокняжеского ярлыка, претендентами на который выступили Михаил Ярославич Тверской и Юрий Данилович Московский. Наместники Михаила, присланные тверичами в 1304 г. в Новгород, приняты не были: «А в Новѣгород вослаша тѣричи наместники Михаиловы силоу, и не прияша их, но идоша новгородци в Торжек блюсть Торжку, и совкупиша всю землю противу, и съсылаючеся послы, розъехашася, докончавше до приезда князии» (НПЛ. С. 92, 332). Спор о ярлыке решился в пользу Михаила, который сел «в Новегороде на столе, в неделю, на Сбор святых отець 630, иже в Халкидоне» в 6816 г. (Там же. С. 92, 332). Однако еще под 6813 г. в Новгородской I летописи имеется сообщение о том, что церковь Бориса и Глеба в Детинце была освящена архиепископом Феоктистом «месяца декабря 9, на за-

⁴⁸ Янин В. Л. О дате Новгородской Синодальной Кормчей. С. 290—291.

чатию святые Анны, в державу христолюбиваго князя Михаила» (Там же. С. 92, 332). Н. Г. Бережков полагал, что эта запись «внесена не в надлежащую статью, ей было место в статье 6816 г.»⁴⁹. Такое рассуждение вряд ли возможно принять. Исходя из того, что, как это видно по летописному рассказу 1304 г., признание суверенитета князя над Новгородом могло происходить в два этапа — сначала принятием его наместников, а затем собственно интронизацией, вероятнее считать, что в данном случае интронизация по каким-то причинам задержалась. Но до какого срока?

Дело в том, что дата 6816 г. как обозначение вокняжения Михаила Ярославича в Новгороде — не единственная в летописях. В Новгородской I летописи старшего извода, откуда она извлечена, между 6813 и 6816 гг. помещены два «пустых» года — 6814 и 6815. В той же летописи младшего извода в Комиссионном списке «пустыми» оказываются 6814 и 6816 гг., а интересующее нас известие изложено под 6815 г.; в Академическом и Толстовском списках той же летописи «пустые» 6815 и 6816 гг., а это известие изложено под 6814 г. (НПЛ. С. 333). В Новгородской IV летописи, Московском своде конца XV в. и зависимых от него сводах о вокняжении Михаила Ярославича в Новгороде говорится под 6815 г. (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 1. С. 253; Т. 25. С. 158). В Рогожской и Тверской летописях — под 6818 г., но в них хронология смещена: о смерти князя Андрея Александровича рассказывается под 6814 г. (Там же. Т. 15. 2-е изд. Стб. 35; 1-е изд. Стб. 407—408).

Между тем в том же годовом рассказе говорится об оставлении Феоктистом архиепископской кафедры по немощи. Летописная рубрика «А се архиепископи» дает расчет: «и жит лет 8, и иде в монастырь святяя Богородиця к Благовещению; и бысть 3 лета, и преставися декабря в 23 день» (НПЛ. С. 474). Предшественник Феоктиста Климент умер в 6807 г. «месяца мая в 22 день. . . в пяток 4 недели по пасце» (Там же. С. 329—330), что соответствует 1299 г. (пасха тогда была 19 апреля), а хиротонисан Феоктист 29 июня 1300 г. (Там же. С. 91, 330 — здесь, правда, указано 29 июля, но это противоречит словам «на память святую апостолу Петра и Павла»). Умер Феоктист 23 декабря 1310 г. (Там же. С. 93, 333). Следовательно, его отречение от кафедры приходится на 1307 г. В таком случае вокняжение Михаила Ярославича в Новгороде может быть датировано предельно точно: IV Халкидонский собор, по старым месяцесловам, праздновался 16 июля, а это число приходилось на воскресенье в 1307 г.

Из приведенных наблюдений очевидно, что комментируемые акты относятся ко времени не ранее осени 1304 г. и не позднее середины 1307 г., коль скоро во всех случаях им сопутствуют печати владыки Феоктиста. Хронологический порядок этих документов, принятый в ГВНП, не вызывает сомнений. Наиболее

⁴⁹ *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 280.

ранней является грамота ГВНП. № 6, исходящая от Новгорода и содержащая условия dokonчания, которые имеют чисто формулярный характер. В грамоте нет ни одного локально-хронологического пункта, который был бы порожден обстоятельствами уже сложившейся накануне интронизации Михаила Ярославича спецификой его отношений с Новгородом.

Иной характер имеет акт ГВНП. № 7, который отражает некоторый опыт общения Новгорода с администрацией Михаила Ярославича: «А что подеялося доселе межн тобою и твоими мужи Новугороду до хрьстьного целования, то ти все, княже, отложити и твоим мужем». Попытки этой администрации эксплуатировать села, некогда предоставленные Новгородом князю Андрею Александровичу, отвергаются включением в dokonчание пункта: «А что сел и свобод Дмитриевых, то дали есме быле Андрею до живота Андреева в хрьстьное целование, а потомь Новугороду то все; а тебе, княже, в то не вступитися». Добавляется еще один новый пункт: «А рубежь ти дати правый по старому рубежю в хрьстьное целование, како было при отци твоємь Ярославѣ». Наконец, вместо формулярного пункта «А что закладников в Търъжку или инде, или за тобою, или за княгынею, или за мужи твоими: кто купецъ, поидеть в свое сто; а смерд поидеть в свои погост; тако пошло в Новегороде, отпусти их прочь» дается принципиально иная редакция: «А кто живеть в Търъжку, на Новотъръжкой земли, а к святому Спасу на тягнеть к Търъжку, княземъ отъемся, а ти поидуть ис Торъжку куда им годно». Для оценки этого пункта важно сравнение с грамотой 1296 г. (ГВНП. № 4): «А кто будеть давных людии в Торъжьку и в Волоце, а позоровал ко Тфери при Олександре и при Ярославе, тем тако и седети, а позоровати им ко мне».

Документы ГВНП. № 6 и 7 снабжены только буллами архиепископа Феоктиста, что квалифицирует их как новгородские проекты dokonчания. С грамотой ГВНП № 7 скреплена одной печатью грамота ГВНП № 8. Это особый документ, информирующий князя Михаила Ярославича о недостойном поведении новгородских кормленщиков в Пскове и Кореле и требующий их официального отзыва в Новгород, из чего следует, что предоставление кормления находилось в совместной юрисдикции Новгорода и князя. «Город стольный Пльсков» был дан великим князем Андреем и новгородцами Федору Михайловичу, что могло случиться не ранее смерти псковского князя Довмонта в 1299 г. Корелу Борис Костянтинович «истерял», по-видимому, в 1300 г., когда шведы вошли «в силе вилице» в Неву и построили в устье Охты крепость Ландскрону (Венец); она была взята штурмом новгородцами и полностью разрушена в мае 1301 г. (НПЛ. С. 330—331).

Некоторое уточнение датировки этих трех грамот (ГВНП. № 6, 7, 8) дает упоминание в проектах dokonчаний имени новгородского посадника Георгия (Гюргя), под которым воз-

можно понимать только Юрия Мишинича. Поскольку в 1304—начале 1305 г. посадничал не он, а Андрей Климович (НПЛ. С. 91), Юрию Мишиничу мог принадлежать только следующий магистратский срок — с февраля 1305 по февраль 1306 г., что, естественно, не исключает и возможности его повторного посадничества в феврале 1306—феврале 1307 г. и даже в феврале 1307—феврале 1308 г. (сведений о принадлежности степени в эти сроки не имеется). Во всяком случае, невозможность его пребывания на степени в 1304—начале 1305 г. отвергает предложенную в ГВНП и поддержанную А.А. Зиминым датировку актов ГВНП. № 6, 7, 8 1304—1305 гг.⁵⁰

Еще два комментируемых здесь акта (ГВНП. № 9, 10) являются аутентичными противнями официального dokonчания, один экземпляр которого скреплен буллой архиепископа Феоктиста, а другой — буллой князя Михаила Ярославича. Оба документа написаны одним почерком и происходят из Новгорода, откуда они были привезены послами в Тверь для утверждения. Они безусловно датируются моментом, непосредственно предшествовавшим интронизации Михаила, т. е. серединой 1307 г. На это dokonчание имеется отсылка в более позднем договоре Михаила Ярославича с Новгородом: «А опять сел князь великий Михаил на Фектистове грамоте, что dokonчячал с владыкою и с послы новгородскими на Тфери» (Там же. № 11). В основу окончательного текста dokonчания легла грамота ГВНП № 7, но пункт о Торжке в нем соответствует формуляру, т. е. оформлен, как в грамоте ГВНП № 6.

79. [1317 г.] — *Договорная грамота князя ГВНП. № 11 Михаила Ярославича с Новгородом о мире и сроках уплаты контрибуции*

80. [1317 г.] — *Договорная грамота князя ГВНП. № 12 Михаила Ярославича с Новгородом о мире*

Под 6823 г. летописи рассказывают о том, что великий князь Юрий Данилович (княживший в Новгороде с 1314 г. и интронизованный в начале 1315 г.) был позван в Орду 15 марта, «в субботу Лазареву», и оставил в Новгороде своего брата Афанасия (НПЛ. С. 94, 336). По указанию дня недели эта дата соответствует 1315 г. В том же году, услышав о приходе в Русь князя Михаила Ярославича с татарами, новгородцы выступают к Торжку, где в течение шести недель готовятся к сражению, проигранному ими 10 февраля 1316 г. Новгород был вынужден заключить тяжелый для него мир: «а на собе dokonчаша 50 000 (в Комиссионном списке: 5 тем) гривен серебра, и dokonчаша мир и крест целоваша. И по миру князь Михаилу призва к собе князя Афанасья и бояры новгородский,

⁵⁰ Зимин А. А. Указ. соч. С. 308—309.

и изъяма их и посла на Тферь в тали, а останок людии в городе нача продаяти». Далее следует сообщение: «... посла князь Михаило наместники своя в Новъгород» (Там же. С. 95, 336; ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 1. С. 256).

В ГВНП первый из комментируемых актов (ГВНП. № 11) датирован 1316 г., позднее 10 февраля, и связан непосредственно с заключением мира, последовавшим за новгородским поражением, с чем согласиться невозможно. Бросается в глаза очевидное несоответствие суммы контрибуции, обозначенной в Новгородских I и IV летописях (5 тем, т. е. 50 тыс. гривен серебра), и той, которую Новгород обязуется уплатить по рассматриваемой грамоте (12 тыс. «серебра» в низовский вес). При любой гипотезе относительно единиц «низовского веса» выраженная в них сумма много меньше той, что указана в цитированных летописных рассказах. Никоновская летопись вместо 5 тем называет, правда, «пять тысящ гривенок сребра» (ПСРЛ. Т. 10. С. 179), однако и это разночтение не уничтожает отмеченного несоответствия. Рассмотрим события, последовавшие за падением Торжка.

К тому же 1316 г. относится новый конфликт Новгорода с Тверью, когда «выидоша наместници Михаиловы из Новгорода, и поиде князь Михаило к Новугороду со всею Низовскою землею; а новгородци учиниша острог около города по обе стороне, и соидеся вся волость новгородская: плесковици, ладожане, рушане, Корела, Ижера, Вожане» (НПЛ. С. 95, 337). Эти события, по-видимому, относятся к концу апреля, так как в списке новгородских князей, составленном в начале 20-х годов XV в., говорится: «... Михаило Ярославич, и ть седев 3 месяца и неполны, выиде из града» (Там же. С. 471), что может относиться только к событиям 1316 г. Под Новгородом войско Михаила Ярославича заблудилось в озерах и болотах и потерпело неудачу. Однако, когда в 1317 г. «послаша новгородци владыку Давыда к князю Михаилу с молбою, просяще на окуп братьи своеи, кто у князя в талех; и не послуша его князь» (Там же. С. 95, 337). Рогожская и Тверская летописи излагают тот же эпизод несколько иначе: «...прииха владыка Давыд в Тверь просити Новгородцевь на окупь; и кончаша с великим князем Михаилом Ярославичем пятью тысящ рублевь» (ПСРЛ. Т. 15. 1-е изд. Стб. 409; 2-е изд. Стб. 36). Надо полагать что именно к этому известию был внесен корректив в указании суммы новгородской контрибуции в рассказе 1316 г. сводчиком Никоновской летописи. Как видим, в 1317 г. на новых переговорах в обстановке более благоприятной для Новгорода сумма контрибуции пересматривалась, но заложники тогда по-прежнему оставались в Твери. Последнее обстоятельство соответствует указанию комментируемой грамоты (ГВНП. № 11) о том, что они будут освобождены только после уплаты всей контрибуции.

Вопрос о дате этой грамоты проясняется другим ее указанием:

«А исплатит Новъгород то серебро двенадцать тысячи, то великому князю грамота изрезати, что докончали на Городке на Волзе, и другая грамота новоторзькая, что в Торжюку доконьчали». О судьбе тех же документов говорится и в более поздней договорной грамоте Юрия Даниловича с Михаилом Ярославичем: «А что грамота на Городце псана, и что в Торжюку псана при Таитемере и владычня серебряная, а те грамоте Михаило князь порезал» (ГВНП. № 13). Тайтемир известен и летописцам: именно он был участником новоторжских событий начала 1316 г. — «поиде князь Михаило из Орды на Русь, ведыи с собою Татары, оканьнаго Таитемеря. Услышавше же новгородци с княземъ Афанасьемъ, изидоша к Торжюку» (НПЛ. С. 94, 336).

Если некая грамота писана в Торжке до составления рассматриваемого акта (ГВНП. № 11), еще при Тайтемире, т. е. сразу же после новоторжского поражения новгородцев, и содержала финансовые условия (коль скоро она подлежит уничтожению после окончательной расплаты), то надо полагать, что именно она и устанавливала первоначальную сумму контрибуции в 50 тыс. гривен серебра. Но вместе с ней после выплаты контрибуции должна быть уничтожена и другая грамота, писанная в Городке на Волге. Под этой последней возможно понимать не дошедшую до нас грамоту 1312 г., утвержденную после окончания размирья Новгорода с Тверью, когда «иде владыка Давид во Тферь и доконча мир на полуторых тысящах гривен серебра, и посла князь наместники свои в Новъгород» (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 1. С. 255; Т. 25. С. 159—160). Очевидно, что расплата по этой грамоте еще не была произведена к 1317 г., поскольку уничтожение городецкой грамоты откладывалось до выплаты контрибуции в 12 тыс. серебра. Однако столь же очевидно, что невыплаченная в свое время сумма включена в эту итоговую цифру. Иными словами, за вычетом «городецкой» недоимки, реальная расплата за размирье 1316 г. приравнивается 10 500 серебра в низовской вес (т. е. низовских рублей). Договор Юрия Даниловича с Михаилом Ярославичем (ГВНП. № 13) сообщает, что во время его заключения была изрезана и «владычня серебряная» грамота, т. е. грамота новгородского архиепископа о серебре, иными словами, — рассматриваемый документ (ГВНП. № 11), который, как видим, в действительности уничтожен не был.

Существует возможность понять, почему Рогожская и Тверская летописи называют сумму не в 12 тыс. и не в 10 500 серебра, а в 5 тыс. руб. Рассмотрим реальный баланс контрибуции в момент составления анализируемого документа. К этому времени Новгородом уже были выплачены значительные суммы: 3 тыс. серебра «в низовской вес» взяли княжеские бояре у тальщиков, 3 тыс. серебра «в низовской вес» «пояша хопыли к собе» и их передача в Тверь возложена на этих хопылей, т. е. каких-то татарских купцов, прибывших, вероятно, с Тайтемиром. Новгороду остается выплатить 3200 серебра в первый срок

и 3 тыс. серебра во второй срок. Однако из этой суммы в 6200 серебра 225 уже находятся у хопылей, т. е. реально выданы, а 1500 составляют «городецкую» недоимку. Таким образом, остаток контрибуции за размирье 1316 г. составляет 4475 серебра «в низовской вес». Единицей низовского веса (рублем) была гривенка серебра (примерно 196 г. серебра), а 4475 таких единиц приравняются 877 кг. Но именно это количество серебра соответствует 5 тыс. новгородских рублей (877 кг: 5000=175,4 г): нормой новгородского рубля XIV в. было примерно 175 г серебра⁵¹. Таким образом, показания документа (ГВНП. № 11) полностью совпадают с информацией летописного рассказа 1317 г., речь в котором, следовательно, идет о величине еще невыплаченного остатка новгородской контрибуции; общая ее сумма была решительно уменьшена сравнительно с поистине фантастическим запросом князя Михаила Ярославича в 1316 г.

Из приведенных материалов следует, что этот документ был составлен в 1317 г. во время переговоров архиепископа Давида и князя Михаила Ярославича, не ранее марта указанного года, поскольку поездка владыки в Тверь состоялась в 6825 мартовском году. Возложенная на Новгород этой грамотой обязанность уплатить еще 6200 серебра «в низовской вес», как будет видно из дальнейшего, так и не была выполнена. Поскольку рассмотренная грамота датируется 1317 г., не ранее марта, установленные в ней сроки выплаты имеют в виду уже следующий, 1318 г. В 1317 г. пасха была 8 апреля; следовательно, «Сбор» (1-й срок) в этом году падал на 20 февраля, «Средокрестие» (2-й срок) — на 9 марта, а «Вербница» (3-й срок) — на 27 марта. В момент заключения договора по крайней мере часть этих сроков (а возможно, и все они) уже прошла. В 1318 г., когда пасха была 23 апреля, 1-й срок выплаты приходился на 11 марта, 2-й — на 29 марта, 3-й — на 16 апреля. Между тем события дальше развивались следующим образом.

В 6825 г. князь Юрий Данилович, придя из Орды вместе с «послом сильным» Кавгадием, стоял долгое время у Костромы, где его встретили Михаил Ярославич и союзные последнему суздальские князья; «и съслався с Кавгадыем, съступися великаго княжениа Михайло князь Юрию князю и поиде в свою отчину во Тферь, и заложил болший град кремник» (ПСРЛ. Т. 15. 2-е изд. Стб. 36—37; 1-е изд. Стб. 409). Никоновская летопись дает противоположную версию: «Юрьи Даниловичь Московский съслався с Кавгадыем и съступився великаго княжениа князю Михаилу Ярославичю Тверскому» (Там же. Т. 10. С. 180), однако это явная ошибка переписчика, редактора или сводчика, поскольку в дальнейшем своем рассказе того же года Никоновская летопись пунктуально именует Юрия Даниловича великим князем, а Михаила Ярославича просто «князем».

⁵¹ Янин В. Л. «Память, как торговали доселе новгородцы» // ВИД. Л., 1985. Вып. XVI. С. 100.

Далее в летописи следует описание солнечного гало над Тверью 17 сентября, что важно для понимания хронологического контекста событий. Той же осенью происходит перегруппировка политических сил: суздальские князья и «инии князи» и «многи силы» идут в Кострому, перейдя на сторону Юрия Даниловича. «Таже сослашася и с Новгородци, и повелеша им ити к Торжку и готовым быти ратью ко Твери» (Там же. Т. 10. С. 180). Сам Юрий зимой с Кавгадием и суздальскими князьями идет из Костромы на Ростов, затем на Переяславль, Дмитров и Клин. «В то же время придоша Новгородци в Торжек на великого князя Михаила, в помощь Юрию князю; и стояша 6 недель в Торжку, съсылающесе с Юрием князем, срекаа срок, како поити Юрию князю от Волока, а Новгородцем от Торжьку. И выидоша Новгородци ис Торжьку, почаша воевати по рубежу; а великий князь Михаил, не дождав срока их, поиде противу им, и бысть поторжьца не мала, убиша Новгородцев 200, и почаша слатися к великому князю Михаилу с челобитием, и въземше мир, поидоша в Новъгород» (Там же. Т. 15. 2-е изд. Стб. 37; 1-е изд. Стб. 409). Новгородская I летопись дает несколько иную мотивировку событий: «. . . выиде князь великий Юрь из Орды с Татары и со всею Низовьскою землею, и поиде ко Тфери на князя Михаила. И, прислав Телебугу, позва новгородци; и они, приехавше в Торжек, и докончаша с княземъ Михаиломъ, како не вступатися ни по одному; понеже не ведяху князя Юрья, где есть, и придоша паки в Новъгород» (НПЛ. С. 95—96, 337—338).

Однако, как выясняется, речь здесь идет о двух разных этапах участия новгородцев в борьбе против Михаила Тверского. Московский свод конца XV в. излагает последовательность событий так: «. . . прииде из Орды великий князь Юрь Данилович на велико княженье. И приведе с собою Татары, Кавгадыя и Астрабыла, и поиде ко Тфери и с всею Низовьскою землею на князя Михаила, а в Новъгород посла Телебугу звати Новгородцов. А Новгородци приходили наперед сего в Торжок и докончали со князем Михаилом Тверским, яко не вступатися им ни по ком. И возвратишася в Новъгород, понеже бо не ведали князя Юрья Даниловича, где есть» (ПСРЛ. Т. 25. С. 161). Отсюда очевидно, что соглашение о нейтралитете Новгорода было достигнуто до получения новгородцами известия от Юрия из Костромы, когда и в самом деле в Новгороде не знали, «где есть» князь Юрий. Надо полагать, что нейтралитет не остался невознагражденным со стороны тверского князя, хотя и поставил в весьма спорную плоскость его суверенитет над Новгородом.

Нейтралитет вскоре был нарушен по получении известий и распоряжений от князя Юрия Даниловича; среди этих известий, надо думать, основным было сообщение о том, что Михаил Ярославич уступил великое княжение Юрию Даниловичу. Новгородцы снова выступают к Торжку, где мешкают шесть недель, затем

воюют по тверскому рубежу, терпят поражение, берут мир с Михаилом и возвращаются в Новгород. Этот эпизод возможно выразить в примерных календарных датах. Решительное сражение Михаила с Юрием, в котором Юрий потерпел поражение, произошло 22 декабря 1317 г. у Твери, где перед тем, «придоша близ к граду 15 верст», войска Юрия простояли в бездействии пять недель, «а всего мотчания в Тферской волости 3 месяца» (ПСРЛ. Т. 15. 2-е изд. Стб. 37; 1-е изд. Стб. 409—410). Следовательно, военные действия против Твери начались в конце сентября, Юрий подошел к Твери в середине ноября, а новгородцы заключили мир с Михаилом Ярославичем и вернулись домой, так и не соединившись с Юрием, в первой половине ноября. Пришли же они к Торжку также во второй половине—конце сентября.

После поражения Юрия Даниловича 22 декабря 1317 г. он «прибежа в Новъгород, и позва новгородцев с собою, и идоша с ним весь Новъгород и Пльсков, поимше владыку Давыда с собою; и пришедше на Волгу, и докончаша с Михаилом княземь мир, како ити в Орду обема. . . И придоша новгородци вси в Новъгород, весне сущи; а князь Юрьи иде на Москву и оттоле в Орду» (НПЛ. С. 96, 338). Московский свод конца XV в. уточняет важную деталь: «И отпусти князь Юрьи Новгородцов в Новгород, уже бо весне сущи, а сам поиде к Москве» (ПСРЛ. Т. 25. С. 161). Эта деталь свидетельствует о полном восстановлении суверенитета Юрия над Новгородом уже к указанному моменту, хотя судьба великого стола и была поставлена в зависимость от ордынского решения и еще оставалась неопределенной. В Орду Юрий Данилович отправился летом 1318 г. вместе с сыном Михаила Ярославича Константином, а сам Михаил — 5 августа 1319 г.; в Орде Михаил Ярославич был убит 22 ноября 1319 г. (Там же. Т. 10. С. 182, 185).

В контексте всех этих событий первый комментируемый документ (ГВНП. № 11) датируется 1317 г., в пределах весны и лета. В нем Михаил Ярославич официально признан новгородским князем: «А опять сел князь великий Михаило на Фектистове грамоте, что доконьчал с владыкою и с послы новгородскими на Тфери», т. е. его великокняжеские права на Новгород были подтверждены в соответствии с dokonчанием 1307 г. Эта ситуация, сопровождаемая уменьшением контрибуции сравнительно с установленной в 1316 г., связывается с посольством в Тверь архиепископа Давида.

Второй комментируемый документ (ГВНП. № 12) следует датировать первой половиной ноября 1317 г., когда после столкновения на тверском рубеже новгородцы заключили отдельный мир с Михаилом Ярославичем. На взаимные потери в этих столкновениях указывают пункты грамоты: «А што граблено у моих людии, и тому всему суд. А што поимани люди мои, пустити вы без окупа».

Относительно фразы «ни гостя рути в Суждальской земли, нигде же» (ГВНП. № 11) А. А. Шахматов писал «вм. роути подлинника следует, конечно, читать роубити»⁵². Такая конъектура ошибочна: глагол «роути» означает «подвергать конфискации имущество»⁵³.

81. [1318 г.] — *Договорная грамота князей
Юрия Даниловича, Михаила Ярославича
и Новгорода о мире*
ГВНП. № 13

В ГВНП грамота датирована 1318—1319 гг.; неточность этой датировки уже отмечена А. А. Зиминим⁵⁴. Время оформления документа очевидно из изложенного выше хода событий при столкновении князей Юрия Даниловича и Михаила Ярославича. Какие-либо совместные действия между ними и Новгородом стали возможны лишь в конце зимы — весной 1318 г., когда потерпевший 22 декабря 1317 г. поражение Юрий Данилович возвращается вместе с новгородцами на Волгу и ведет переговоры с Михаилом Ярославичем, завершившиеся решением о совместной поездке князей в Орду.

Опыт реконструкции фрагментарного текста этого документа предложен Черепниним⁵⁵. Сомнения в его реконструкции вызывает фраза: «А что взял Михаило князь 5000 ру(блей) на смер(д)ех на пруте. . .ских, земля к Новугороду». Цифра здесь показана со ссылкой на Шахматова, который именно так прочел трудное место⁵⁶. Но логическая конструкция такой фразы совершенно необъяснима. Взять столь большую сумму с какой-либо локальной группы смердов просто невозможно; кроме того, очевидно, что имелся в виду незаконный захват князем земли, которую надлежит вернуть Новгороду. Более вероятна такая реконструкция: «А что взял Михаило князь (ви)ру на смер(д)ех на Пруте(нь)ских, земля к Новугороду». Взятие виры с каких-либо смердов предполагает провозглашение государственных прав на их территорию, а Прутня — погост в Новоторжской волости.

82. [1327 г.] — *Договорная грамота Новго-
рода с князем Александром Михайлови-
чем*
ГВНП. № 14

Докончание Новгорода с великим князем Александром Михайловичем в ГВНП датировано 1326—1327 гг. на том основании, что Александр был великим князем якобы в 1325—1327 гг., а упоминание «Великого дня» в этом документе указывает на весну; первая же весна в его княжение

⁵² Шахматов А. А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. СПб., 1886. С. 257.

⁵³ См.: Янин В. Л., Зализняк А. А. Указ. соч. С. 168—174.

⁵⁴ Зимин А. А. Указ. соч. С. 312.

⁵⁵ Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 291—293.

⁵⁶ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 259—260.

относится к 1326 г. В этой датировке имеется существенная неточность: великое княжение Александра Михайловича началось не в 1325, а в 1326 г. Летописи дают следующую очередность событий 1326 г.

Во вторник вербной недели, т. е. 11 марта, в Новгород вернулся с поставления архиепископ Моисей. 30 марта у Ивана Даниловича Калиты родился сын Иван. 4 августа в Москве заложена первая каменная церковь — Успения. 26 августа в Новгороде случился пожар. Затем рассказывается об убийстве в Орде великого князя Дмитрия Михайловича 13 (или 15) сентября. В этой связи Никоновская летопись сообщает: «И бысть царь Азбьяк гневен зело на всех князей Тверских, и называше их крамольники и противных и ратных себе; но еще и гневен бысть на них, но по великом князе Дмитрие Михайловиче даде великое княжение брату его князю Александру Михайловичю» (ПСРЛ. Т. 10. С. 190). 20 декабря умер митрополит Петр.

15 августа 1327 г. «князь Александр Михайловичъ изби Татар много во Тфери и по иным городом, и торговци гость хопыльскыи исече: пришел бо бяше посол силен из Орды, именовъ Шевкал, с множеством Татаръ». Результатом этого восстания стала подготовка князя Александра Михайловича к бегству: «И присла князь Олександр послы к новгородцем, хотя бечи в Новъгород, и не прияша его. Того же лета присла князь Иван Даниловичъ наместники свои в Новъгород, а сам иде в Орду» (НПЛ. С. 98, 341). Зимой в качестве ответного действия татар на Русь приходила Федорчукова рать, «и взяша Тферь и Кашин и Новоторжъскую волость, и просто рещи всю землю Русскую положиша пусту, толко Новъград ублюде бог и святая Софья. А князь Александр вбежа в Пльсков; а Костянтин, брат его, и Василии в Ладогу; и в Новъгород прислаша послы Татарове, и даша им новгородци 2000 серебра, и свои послы послаша с ними к воеводам с множеством даров» (Там же. С. 98, 341).

Из этих сообщений очевидно, как отметил Черепнин⁵⁷, что комментируемый документ должен датироваться не 1326—1327 гг., а 1327 г., не позднее первой половины августа. Что касается ее возможного раннего хронологического рубежа, то, хотя Александр Михайлович вернулся с великокняжеским титулом из Орды, по-видимому, не позднее середины октября 1326 г., это dokonчание отражает существование некоего периода, когда в Новгороде до интронизации Александра Михайловича уже сидели его наместники: «А что Олександровых княжих сел купленных или его мужь, а то поидеть к Олександру князю по исправе, по хрьстьному целованью, по завод»; «А што ся деяло до твоего княжение и в твое княженье, того ти не поминати». В числе сел, купленных или насильно отнятых в предшествующие

⁵⁷ Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 301.

княжения, упомянуты и те, которые стали княжескими при Дмитрие (Михайловиче). С другой стороны, упоминание «Великого дня» как еще предстоящего говорит о том, что dokonчание составлено до 12 апреля, на которое приходилась пасха в 1327 г. Поэтому датировать документ следует первыми месяцами 1327 г.

83. [1329 г.] — *Грамота князя Ивана Даниловича и Новгорода на Двину о поручении Печерской стороны Михаилу для соколиного промысла*
ГВНП. № 85
(АСЭИ. Т. 3. № 3)

В ГВНП документ имеет широкую дату — 1328—1341 гг. (в АСЭИ: 1328—1340 гг.), основанную на крайних сроках великого княжения Ивана Даниловича, хотя оба года при этом указаны не совсем верно. Иван Данилович послал своих заместников в Новгород еще в 1327 г. (НПЛ. С. 341), а в зиму 1339/40 г. «выведе князь великыи Иван Данилович заместники свои из Новагорода, и не бе ему миру с Новым-городом» (Там же. С. 351) до самой смерти великого князя в 1341 г. Однако в этих хронологических пределах (1327—1339 гг.) предпочтительная датировка грамоты тяготеет к началу указанного периода.

Документ составлен при посаднике Даниле и тысяцком Авраме. Именно такое сочетание высших должностных лиц Новгорода фигурирует и в предшествующем документе (ГВНП. № 14) 1327 г., а Аврам назван тысяцким в летописном рассказе также под 1328 г. (НПЛ. С. 341). Он, правда, упомянут с тем же титулом в рассказах 1340 и 1348 гг. (Там же. С. 353, 359—360). Однако уже в 1332 г. посадником был не Данила, а Варфоломей Юрьевич, а тысяцким Остафий Дворянинец, затем посадничали Федор Ахмыл, Захария Михайлович и Матфей Коска (Там же. С. 344—345), в 1338 г. посадничал Федор Данилович (Там же. С. 348). Последний был сыном Данилы и его преемником в кончанском представительстве. Между тем Федор Данилович уже с посадничьим титулом назван в 1329 г. среди новгородских послов в Псков (Пл. Вып. 1. С. 16; Вып. 2. С. 91). Это значит, что Данила умер (или перестал быть кончанским представителем в посаднической элите) не позднее 1329 г.

Добавим, что в 1329 г. князь Иван Данилович был в Новгороде: «Прииде в Новъгород на стол князь великыи Иван Данилович, внук Александров, месяца марта в 26, на збор архангла Гаврила» и оставался там продолжительное время, готовя поход на Псков, а затем участвуя в нем (НПЛ. С. 342). Еще раз Иван Калита был в Новгороде в 1335 г., приехав туда 16 февраля, и снова оставался в нем продолжительное время, намереваясь идти на Псков; однако тогда посадником был Федор Данилович, а тысяцким Остафий Дворянинец (Там же. С. 346—347). Поэтому наиболее вероятной датой комментируемой грамоты является 1329 г.

84.
ГВНП. № 86

[1335 г.] — *Грамота князя Ивана Даниловича новгородскому Юрьеву монастырю с пожалованием иммунитетных прав населению монастырской волости в Волоке Ламском*

В ГВНП грамота датирована 1337—1339 гг. на том основании, что ее автор Иван Данилович княжил в Новгороде якобы в 1334—1339 гг., а адресат архимандрит Есиф действовал в 1337—1345 гг. В самом деле, в зиму 1339/40 г. Иван Калита вывел своих наместников из Новгорода, но начал он в нем княжить через наместников не в 1334, а в 1327 г., интронизован же был 26 марта 1329 г.

Что касается архимандрита Есифа, то сведения о нем таковы. В 1333 г. новгородским архимандритом был Лаврентий (НПЛ. С. 345). Однако вскоре он был смещен и заменен Есифом. Под 1337 г. летопись сообщает: «Наважениемъ диаволимъ сташа простая чадь на анхимандрита Есифа, и створиша вече, запроша Есифа в церкви святого Николы; и седоша около церкви ночь и день коромолници, стрегуще его» (Там же. С. 347). В Новгородской I летописи старшего извода сообщается, что это было сделано «думой старого архимандрита Лаврентия» (Там же. С. 100). Под 1338 г. имеется сообщение: «преставися архимандрит Лаврентей святого Георгия, и посадиша Есифа» (Там же. С. 349), откуда очевидно, что в 1337 г. архимандрития вернулась к Лаврентию. В 1345 г. Есиф еще оставался архимандритом (Там же. С. 357). Таким образом, в период княжения Ивана Даниловича Есиф архимандритствовал дважды: впервые с какого-то момента после 1333 до 1337 г., вторично — с 1338 г. Поэтому наиболее вероятной датой комментируемого документа может быть 1335 г., когда Иван Данилович был в Новгороде.

Издатели ГВНП под Волоком этой грамоты ошибочно понимают земли на Двине (см: ГВНП. С. 337). Однако из контекста документа («А архимариту . . . из очины князя великого из Москвы люди не приимати») следует, что речь в нем идет о Волоке Ламском, который был новгородским анклавом в Московском княжестве на основе сместного управления. О юрьевских владениях в Волоке Ламском говорится также в докончании Новгорода с Иваном III от 11 августа 1471 г.: «А что Юрьевъского монастыря земля на Волоце, и та земля к Юрьеву монастырю по старине» (ГВНП. № 26).

85.
ГВНП. № 84
(АСЭИ. Т. 3. № 2)

[1327—1339 гг.] — *Грамота князя Ивана Даниловича Меркурию с извещением о пожаловании печерским сокольникам Жиле с товарищами льготных прав*

Формально грамота датируется только годами княжения Ивана Даниловича в Новгороде, однако ее начальная клаузула тождественна начальной клаузуле предыдущего акта, что позволяет и ее в предположительной форме датировать 1335 г.

Имя Жила встречено в берестяной грамоте № 589, найденной в Новгороде на Троицком раскопе в слоях середины XIV в. Жила — автор двух текстов в этой грамоте, один из которых адресован Саве⁵⁸; некий Савица фигурирует и в комментируемой грамоте среди «друзгов» Жилы. Сава упоминается также в берестяной грамоте № 622, в которой говорится о «непрямом» (т. е. нерпичьем, вырубленном за нерп) серебре; эта грамота происходит из того же комплекса, связанного и другими находками с северными делами; в ближайшем соседстве с ним находится Троицкая церковь, построенная в 1365 г. «югорцами» (НЛ. С. 34, 236).

86. [1371 г.] — *Проект договорной грамоты Новгорода с князем Михаилом Александровичем*
ГВНП. № 15
87. [1374—начало 1375 г.] — *Наказ Новгорода послам Юрию и Якиму об условиях заключения мирного договора с князем Михаилом Александровичем*
ГВНП. № 17
88. [Вторая половина января—февраль 1376 г.] — *Договорная грамота князя Михаила Александровича с Новгородом о мире*
ГВНП. № 18
89. [1376 г.] — *Договорная грамота князя Дмитрия Ивановича и Новгорода с князем Михаилом Александровичем*
ДДГ. № 9
90. [1376 г.] — *Договорная грамота князя Дмитрия Ивановича с Новгородом о взаимной помощи*
ГВНП. № 16

Для датировки первого документа этой группы (ГВНП. № 15) существенное значение имеет его концовка: «А вынесут тебе из Орды княжение великое, нам еси князь великыи; или пак не вынесут тебе княжения великого из Орды, пойти твоим наместникам из Новгорода проць и из новгородских пригородов, а в том Новугоруду измены нету».

В споре за великокняжеский ярлык Михаил Александрович участвовал неоднократно, впервые — в 1370 г. К этому времени новгородским князем давно уже был Дмитрий Иванович Московский, который после исчерпания размирья 1366 г. в 1367 г. «наместника своего присла в Новьгород» (НПЛ. С. 369). Осенью 1370 г., «по Семени дни» (1 сентября), великий князь Дмитрий Иванович, «сбрав воя многы, и поиде сам ратью ко Тфери и взя град Зубцев, а други Микулин, и волости Тферьские и села повоева и пожьже, а людеи множество в полон поведе. Слышав же то князь Михаило бывъшее отчине его Тфери и сжалися зело, и поиде из Литвы в Орду Мамаеву и испроси себе

⁵⁸ Янин В. Л., Зализняк А. А. Указ. соч. С. 49—50.

посол у царя именем Сарыхожу, и взем ярлыки у царя на великое княжение и поиде на Русь». Дмитрий Иванович не только не пожелал уступить ему великое княжение, но на его пути расставил заставы и вынудил бежать в Литву. Организованный Ольгердом в поддержку Михаила Александровича поход на Москву захлебнулся в первой половине декабря: «Тое же зимы князь Михаило Тферьскы в Орду поиде» (ПСРЛ. Т. 25. С. 185—186).

10 апреля 1371 г. «от Мамаева царя прииде из Орды князь великий Михайло Александрович Тверский на великое княжение с ярлыкѡм» (Там же. Т. 15. 1-е изд. Стб. 430), «и князь велики Дмитреи Ивановичь не съступися ему, но поиде сам в Орду» 15 июня. Осенью «князь велики Дмитреи Ивановичь прииде из Орды, княжение великое укрепив под собою, а супостаты своя победив, посрами» (Там же. Т. 25. С. 186—187). Тверская летопись утверждает, что ярлык был куплен Дмитрием («подаа сребра много от великого княжения»), «и почестили князя Дмитрея, давъ княжение великое ему, а князю великому Михаилу приказали: „дали бы есми княжение великое, а рать тебе давали, и ты не захотел, и реклься есть сести своею силою; и ты сяди с кым ти любѡ“» (Там же. Т. 15. 1-е изд. Стб. 430).

Применительно к Новгороду результат спора в Орде вылился в новоторжские события. Новгородская I летопись о начале их сообщает так: «Поихаша новгородци в Торжек города ставити и сослаша наместьники Михайловы с Торжьку» (НПЛ. С. 371). Само по себе это означает, что в какое-то предшествующее время Новгород признал суверенитет над ним не Дмитрия Ивановича, а Михаила Александровича. Тверская летопись называет дату прихода новгородцев в Торжок: «заговев Петрову говению» (в 1372 г. это соответствовало 24 мая) — и добавляет: «а Тверичь изымав биша, а люди пограбиша» (ПСРЛ. Т. 15. 1-е изд. Стб. 431). 31 мая к Торжку подошла тверская рать, и Михаил Александрович обратился к защитникам города: «. . .кто моих Тверичь был (так!) да грабил, тех ми выдайте, а наместника моего посадите; а боле того ничтоже не учиню вашей земли пакости». После отказа в этом требовании Торжок был жестоко разграблен, «князь же възвратися в Тверь с победою» (Там же. Стб. 432—433).

На протяжении 1373 г. Новгород находится под суверенитетом Дмитрия Ивановича, поскольку в нем пребывает его двоюродный брат и союзник князь Владимир Андреевич Серпуховской, который приехал «по зборе за неделю, и седе в Новегороде до Петрова дни» (т. е. с 6 марта до 29 июня) (НПЛ. С. 372), но в Торжке остается наместник тверского князя: когда Михаил Александрович укреплял в указанном году Тверь, то это делалось «Тверскымы волостми и Новоторжскымы губами» (ПСРЛ. Т. 15. 1-е изд. Стб. 433). Однако зимой «сътворися мир князю великому Михаилу с князем великим Дмитрием. . . а князя великого Михаила с великого княжения наместника свель» (Там же. Стб. 433—434).

В июле 1375 г. Некомат и посол Мамая Ачихожа привезли

в Тверь князю Михаилу Александровичу ярлык на великое княжение, «и князь великий Михайло, не дождав нимало, того дни и послал к великому князю Дмитрию, целование сложил, а наместники послал в Торжек и на Угличе Поле ратию» (Там же). Дмитрий Иванович тотчас выступил в поход. 1 августа был взят Микулин, 5 августа великокняжеское войско подошло к Твери; после месячной осады «взя свою волю князь великий Дмитрий и поиде от града Твери. . . месяца септевра в 3 день» (Там же. Стб. 435). Во время стояния под Тверью «под новгородци князь великий посла, и новгородци, изводя честь своего князя, вьскоре в три дни поихаша под Тверь. И виде князь Михайло грядущу силу новгородчкую на ся, и посла к князю великому владыку Еуфимиа, а дая си в всю волю великому князю. А новгородци стояша под Тферью 4 дни, и докончаша мир на всей воли князя великаго и на новгородчкою» (НПЛ. С. 373).

В хронологическом контексте всех этих событий первый комментируемый акт (ГВНП. № 15) может быть датирован только 1371 г., в промежутке от 10 апреля до осени, когда Дмитрий Иванович вернулся из Орды с ярлыком на великое княжение⁵⁹. Особо следует отметить, что это dokonчание носит условный характер: оно практически не было реализовано, а было составлено лишь на случай окончательного успеха Михаила Александровича в его споре с Дмитрием Ивановичем за ярлык. В списке новгородских князей, составленном в начале 20-х годов XV в., имя Михаила Александровича отсутствует, а дана такая последовательность княжений: «и по сем Юрьи Данилович, внук храбраго Александра; и по сем Дмитрий Михайлович; и по Дмитрии брат его Александр; по сем Иван Данилович, по том Семеон, сын его; по том Иоанн, сын его други; по семь Дмитрии Константинович; Дмитрии Иванович; сын его Василии» (НПЛ. С. 471). Договор 1371 г. дал тверскому князю основание лишь посадить своего наместника в Торжке. И хотя этим договором предусматривается в случае неуспеха князя Михаила в Орде вывод его наместников также из Новгорода, вряд ли по духу dokonчания они были в Новгороде приняты. Цитированное летописное сообщение конца 1373 г. о том, что Дмитрий Иванович «князя великаго Михаила с великаго княжения наместника свел», к Новгороду отношения не имеет, коль скоро в том же 1373 г. в Новгороде пребывает двоюродный брат Дмитрия Ивановича князь Владимир Андреевич.

Нет каких-либо трудностей с датировкой договорной грамоты Михаила Александровича и Новгорода о мире (ГВНП. № 18). Договор, в котором Михаил отказывается от всех претензий к Новгороду, составленный к тому же после «новоторжского взятия» 1372 г., о котором в нем упоминается, может относиться ко времени не ранее начала сентября 1375 г., когда Михаил потерпел окончательное поражение. Именно так он датирован в ГВНП и Зиминым⁶⁰. Имеется, однако, возможность несколько уточнить

⁵⁹ К аналогичному выводу приходит Зимин (Зимин А. А. Указ. соч. С. 314—315).

⁶⁰ Зимин А. А. Указ. соч. С. 316.

его дату. В договорной грамоте Дмитрия Ивановича и Новгорода с Михаилом Александровичем (ДДГ. № 9) отражены календарные подробности регулирования отношений с Тверью после августовской войны 1375 г. («А как есми стал под городом под Тферью до Семеня дни за месяц, что будешь у мене взял воиноу в тот месяц, тому всему межи нас погреб»). Заключение мира в этом документе датировано днем Положения вериг св. Петра, т. е. 16 января («А всему обидному делу межи нас суд вопчий от первого нашего целованья, от положенья вериг святого апостола Петра»). Оформление новых отношений происходит после 16 января 1376 г.

Сложнее обстоит дело с датировкой Наказа новгородским послам Юрию и Якиму (ГВНП. № 17). В ГВНП он вслед за Шахматовым и Черепниным датирован 1372 г., с чем принципиально согласился и Зимин⁶¹. Однако обращает на себя внимание совпадение программы переговоров, предписанной послам, и программных пунктов докончания 1376 г. (ГВНП. № 18) (см. с. 169).

По приведенным пунктам отмечаются два весьма существенных расхождения. Во-первых, в Наказе послам разрешено «отступиться» от реквизированного князем Михаилом во время «новоторжского взятия» товара, тогда как по договору князь обязан этот товар вернуть. Во-вторых, в договоре говорится о сведении тверских наместников не только с Торжка, но и с иных новгородских волостей. Что же касается избыточных сравнительно с Наказом пунктов договора, то в них, в частности, Михаил Александрович отказывается от претензий по поводу ущерба, нанесенного Твери военными действиями новгородцев: «А что ученился грабежь на Волзе или инде где, княжим лодьям Михаиловым тферьского, или товар пойман, или головы побиты от новгородцов, то все князь Михаило отложил». Сравнительно с Наказом договор отражает некоторые обстоятельства, возникшие в ходе августовских военных действий, но еще не существовавшие в момент составления Наказа.

Остальные, избыточные сравнительно с Наказом, пункты договора ликвидируют прежде заключенное докончание о суверенитете Михаила над Новгородом и переводят взаимоотношения между ними в плоскость союзническую. Ликвидируется прежде крестоцелование: «А что послове княжи Михаилове человале крѣст к Новугороду, с тых Новгород челованье снял; а что человале новгородьскыи послове к князю Михаилу, то челованье князь Михаило снял». Поскольку уже в Наказе Михаил Александрович не титулуется великим князем (такое титулование в договоре всякий раз сопровождается определением «тверский»), очевидно, что речь идет о ликвидации предварительного докончания 1371 г. (т. е. акта ГВНП. № 15). Новые отношения по договору 1376 г. основаны на принципах равноправия: «А будя в миру, князю Михаилу тферьскому не ити ратью на Новгород, ни на Новгородскую волость; ни Новугороду не ити ратью на Тферь, ни на Тферь-

⁶¹ Там же. С. 315—316.

Аже братью нашу попушати без окупа; новгородских бояр, и новоторьских бояр, житьих людей, и черных людей, и сирот Новгородской волости и Новгородской волости;

или хто дан на поруке новгородечь или новоторжанин, а с тых порука на зень; или кого к челованью привел, а с тых челованье на землю; или грамоты дерноватыи на кого пописал, а те грамоты подереть.

А что князь Михаила товар порубил братьи нашей до новоторьского взятъа а того товара весь Новъгород велеле Юрию и Якиму отступитися.

А что товар новгородскеи и новоторьскыи в Торъшку взят в полон, а того товара весь Новъгород велел Юрию и Якиму отступитися.

А земле и воде старьи рубежь по старым грамотам.

А наместники свои с Торъшку сведеть.

А на сем повелеше весь Новъгород Юрию и Якиму мир взяти с княземъ с Михаилом, а повелеша печати приложити изо всех пяти кончев к сеи грамоте.

Аже князь Михаила почне послове свои слати в Новъгород, Новъгород повеле Юрию и Якиму послове Михайлове поняти в Новъгород.

скую волость на князя Михаила. А гостю гостити с обе половине без рубежа. А сии мир держати без лъсти и без хытлости. А за холоп, за робу, за поручник, за должник, за татя не стояти, с обе половине не стояти».

Взаимосвязь этих двух документов очевидна, но также очевидно и некоторое их разделение во времени. Особую важность имеет разница в составе новгородских высших магистратов, санкционировавших эти акты: в договоре 1376 г. (ГВНП. № 18) фигурируют в качестве степенных посадник Юрий и тысяцкий Матфей, а в Наказе (Там же. № 17) — посадник Михаил и тысяцкий Матфей. Имя посадника Михаила в этом последнем документе, правда, написано на бумаге, подклеенной под пергаменом на месте разрыва, однако сомнений не вызывает, поскольку посадник Юрий в утверждении Наказа тоже участвовал, но не в качестве степенного, а как представитель одного из новгородских

А что полону новторского голов, голов новгородьских и новторских, в отдине князя великаго в Тферьской волости или инде где, тых всех князю Михаилу и его боярам отпушати без окупа, по хръстному целованию.

А коих новгородцев или новторжан князь Михаилу или его бояре привеле к целованью, или на поруку подавале, или на коих грамоты поимал, с тых князь Михаилу целованье снял, и поруку свел, и грамоты отложил.

А что товар поиман у новъгородьских купецъ и у новторских из лоден рубежом до новторского взятъа, тот товар князю Михаилу подавати новгородьскимъ купцам и новторским все чисто по челованию; а им взяти свои товар, человав.

А что взял князь Михаилу город Торжок или волости новъгородьскыи, то все Новгород отложил от князя от Михаила.

А воде, земли межю Тферью и Торжьком, Кашином, Бежицами старьи рубежь правьи, по старым грамотам.

А князю Михаилу свои наместники с Торжьку и со всех волостии с новгородьскихъ свести.

Что ся учинилось нелюбье князю Михаилу с Новымъ городом, и князь Михаилу свое бещестье от Новгорода отложил, а Новгород свое бещестье от князя от Михаила отложил.

Се' доконча князь великыи Михаилу Олександровичъ тферьскыи, прислав своего посла в Новъгород Михаила Костянтиновича.

концов: в числе булл этого документа имеется и его печать, а степенному посаднику (Михаилу) здесь соответствует анонимная «Новгородская печать и посаднича», привешенная на первом месте. Так как смена посадников происходила в феврале (в конце мартовского года), возможно догадываться, что Наказ послам был составлен в 1374 г. или в начале 1375 г., — во всяком случае, после зимнего мира Михаила Александровича с Дмитрием Ивановичем (в зиму 1373/74 г.), но реализован в виде докончания (т. е. акта ГВНП. № 18) уже после окончательной победы над князем Михаилом в сентябре 1375 г.

Для договора князя Дмитрия Ивановича с Новгородом о взаимопомощи (ГВНП. № 16) исследователями предлагались разные даты. Издатели ГВНП вслед за С. М. Соловьевым, В. С. Борзаковским и А. Е. Пресняковым относили это докончание к 1371—1372 гг.; Л. В. Черепнин полагал, что его содержание тяготеет к ситуации 1374—1375 гг.⁶² А. А. Зимин предложил датировать документ временем около начала марта 1373 г.⁶³ Верным представляется датировать этот договор близко к наиболее поздней из указанных дат. Очевидно, прежде всего, что рассматриваемая грамота не может относиться ко времени ранее осени 1370 г., так как в ней говорится об уже существующем конфликте между Дмитрием Ивановичем и Михаилом Александровичем: «А доколе ся Новъгород с литовским князем и со тферьским князем Михаилом не умирит, или с Немци, мне князю великому и моему брату князю Володимеру Новагорода не метати; любо ми самому быти князю великому в Новегороде, или брата пошлю, доколе Новъгород умирю, а быти ми в Новегороде или брата пошлю». Казалось бы, приведенное условие заставляет склониться к датировке документа 1372 г., когда уже состоялось «новоторжское взятие» и Новгород находился в состоянии войны с Тверью, коль скоро, как бы во исполнение этого условия, Владимир Андреевич Серпуховской находился в Новгороде с 6 марта по 29 июня 1373 г. Однако в оформлении рассматриваемого договора (ГВНП. № 16) со стороны Новгорода принимают участие степенные посадник Юрий и тысяцкий Олисей, которые в таком сочетании не могли владеть степенью ранее февраля 1376 г. Принадлежность предшествующих магистратских сроков в рамках интересующего нас времени фиксирована в документах следующим образом: с февраля 1371 по февраль 1372 г. степенными были посадник Юрий и тысяцкий Матфей (Там же. № 42), с февраля 1372 по февраль 1373 г. — посадник Михаил и тысяцкий Матфей (Там же. № 43), с февраля 1373 по февраль 1374 г. — посадник Юрий и тысяцкий Матфей (Там же. № 45), с февраля 1374 по февраль 1375 г. — посадник Михаил и тысяцкий Матфей (Там же. № 17), с февраля 1375 по февраль 1376 г. — посадник Юрий и тысяцкий Матфей (Там же. № 18). О принадлежности степенным посаднику Юрию и тысяцкому Олисею именно срока

⁶² Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 316—317.

⁶³ Зимин А. А. Указ. соч. С. 317—318.

с февраля 1376 г. свидетельствует летопись в рассказе об избрании владыки Алексея и возведении его на сени 9 марта 1376 г.: Алексея просят принять кафедру посадник Юрий и тысяцкий Олисей (НПЛ. С. 373). Поэтому датировать комментируемый документ возможно только 1376 г. В нем Новгород снова регулирует свои отношения с Москвой после исчерпания новгородско-тверского конфликта 1372—1375 гг.

Примерно к тому же времени относится договорная грамота князя Дмитрия Ивановича и Новгорода с князем Михаилом Александровичем (ДДГ. № 9). Л. В. Черепнин датировал этот документ 1375 г. по его связи с походом Дмитрия Ивановича на Тверь в 1375 г., однако, как уже отмечено выше, в этом договоре упоминается мирное крестоцелование на праздник Положения вериг св. Петра, т. е. 16 января 1376 г. К указанной дате надо прибавить еще какой-то срок, коль скоро в договоре имеется следующее указание: «А что еси поймал в Торжку воиноу или грабежем, или что с людеи еси поймал и по волостем опосле нашего целованья святаго апостола Петра, то ти дати и твоим бояром по исправе. А не будет исправы, ине возмут по целованью».

Эта грамота неправоммерно не была включена в свод ГВНП: как явствует из ее соответствующих клаузул, Новгород является несомненным участником акта; более того, документ, сохранившийся в списке конца XV в., имеет следующую помету: «Сесь список с записи со тферские, что за новгородскими печатми великого князя Дмитрия Ивановича».

Возвращаясь к событиям, непосредственно предшествовавшим этому конфликту, отметим, что к заключению условного соглашения с князем Михаилом Александровичем (ГВНП. № 15) в 1371 г., по-видимому, имеет прямое отношение, казалось бы, немотивированная сентенция новгородского летописца, изложенная под 1371 г. В этом году в Новгороде случился большой пожар, уничтоживший добрую половину Торговой стороны. По такому поводу летописец морализует: «Сии же многы пожары бывають грех ради наших, да ся быхом покаяли от злюб своих; но мы на боольшая возвращаемся. Что есть сего злее, иже ходити лжею пред богом в обете и крест целовати и паки преступати, а то зло многажды стваряется в нас; за то бог наводит на нас злеишия казни по делом нашим» (НПЛ. С. 371).

91. [1363—1374 гг.] — *Жалованная грамота князя Дмитрия Ивановича новоторжцу Евсевию*
АСЭИ. Т. 3. № 238

92. [1374—1389 гг.] — *Жалованная грамота князя Дмитрия Ивановича новоторжцу Микуле с детьми*
АСЭИ. Т. 3. № 178

Обе грамоты происходят из одного найденного в Московском Кремле комплекса, к которому также, в частности, относится несколько документов с угасшими текстами, но снабженных печатями новоторжских наместников времени новгородских архиепи-

скопов Давида (1309—1325 гг.) (одна) и Алексея (1360—1388 гг.) (три), а также великокняжеского наместника в Новгороде Ивана Прокшинича, известного в этой должности в 1376 г. (НПЛ. С. 373).

В первой грамоте (АСЭИ. Т. 3. № 238) адресат препоручается дяде великого князя Дмитрия Ивановича (1363—1389 гг.) — тысяцкому Василию, т. е. «последнему тысяцкому» Москвы Василию Васильевичу Вельяминову, умершему 17 сентября 1374 г. (ПСРЛ. Т. 18. С. 115). В другой грамоте (АСЭИ. Т. 3. № 178) такое же поручительство адресовано Тимофею Васильевичу, т. е. брату Василия Васильевича Вельяминова, пережившему великого князя Дмитрия Ивановича: он числится свидетелем в его второй духовной грамоте 1389 г. (ДДГ. С. 36—37. № 12). По сообщениям некоторых летописей, Тимофей Васильевич Вельяминов якобы погиб на Куликовом поле в 1380 г., однако они путают его с Тимофеем Васильевичем Валуем⁶⁴.

93. [1363—1389 гг.] — *Грамота князя Дмитрия Ивановича Андрею Фрязину с пожалованием его Печерою в кормление*
ГВНП. № 87
(АСЭИ. Т. 3. № 4)

Документ датируется только годами великого и новгородского княжения Дмитрия Ивановича.

94. 1389 г., 25 апреля. — *Присяжная грамота князя Семена-Лугвеня Ольгердовича королю Витовту и королеве Ядвига с обещанием за себя и новгородцев не отступить от союза с короной*
АЗР. Т. 1. № 10

Летопись под 1389 г. сообщает о приезде литовского князя Семена в Новгород: «Того же лета прииха в Новъгород князь Семеон Олгордовиць на Успенье святыя богородица (т. е. 15 августа. — В. Я.), и прияша его новгородци в честь» (НПЛ. С. 383). Никоновская летопись освещает основы его принятия: «и сяде на тех же градах, иже были за Наримантом Гедеминовичем» (ПСРЛ. Т. 11. С. 95), т. е. получил от Новгорода в кормление Ладогу, Орешек, Корелу, Корельскую землю и половину Копорья «в отчину и в дедину, и его детям» (ср.: НПЛ. С. 345—346). Служилым новгородским князем Семен-Лугвень оставался до 1392 г. «и тогды же поехалше в Литву у своєї братьи» (Там же. С. 385). Комментируемый документ датирован в тексте: «дан есть у Судомири, у неделю, у тыйжьдень по Великом дни, лета Божья тысяча 389». Грамота свидетельствует о прибытии в Сандомир в апреле 1389 г. новгородских послов и о согласии Витовта отправить Семена Ольгердовича «опекальником мужем и людем Великого Новагорода».

95. [1397—1398 гг.] — *Уставная грамота князя Василия Дмитриевича Двинской земле*
ГВНП. № 88
(АСЭИ. Т. 3. № 7)

⁶⁴ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 216.

Принятая в ГВНП и АСЭИ дата 1397 г. как время владения Двинской землей великим князем Василием Дмитриевичем неправомерно сужена. Временная коммендация Заволочья московскому великому князю произошла во второй половине 1397 г. Рассказу о ней в летописи предшествует повествование о других событиях, в том числе с дневной датой 18 июня (НПЛ. С. 388). Ответный поход новгородцев на Двину состоялся после пасхи 1398 г. (Там же. С. 391), т. е. после 7 апреля, а мир с Василием Дмитриевичем «по старине» был заключен осенью 1398 г. (Там же. С. 393). В Никоновской летописи сообщении о нем открывается рассказ сентябрьского 6907 г. (ПСРЛ. Т. 11. С. 171). Поэтому более правильно датировать уставную грамоту второй половиной 1397—первыми месяцами 1398 г.

96.
ГВНП. № 52

[1411 г., ранее 5 декабря] — *Грамота Новгорода князю Семену-Лугвеню с предложением ему вернуться в Новгород из-за осложнений с Ливонским орденом*

Князь Семен-Лугвень, уже бывший новгородским служилым князем в 1389—1392 гг. (см. комментарий к акту: АЗР. Т. 1. № 10), снова был взят на кормление в Новгород в 1407 г. (НПЛ. С. 400). Весной 1411 г. им возглавлен отпор шведам, но в 1412 г. «Лугвень съеха в Литву и наместники сведе с пригородов новгородчких», после чего 2 января 1413 г. «король Ягаило и Витовт и Лугвен вьскинуша грамоты възметныи к Новугороду» (Там же. С. 403). Поскольку список комментируемой грамоты сохранился (в немецком переводе) в письме ливонского магистра Ревелю от 5 декабря 1411 г., это дает основание говорить, что еще до официального разрыва с Новгородом Семен-Лугвень в конце 1411 г. находился в Литве.

97.
ГВНП. № 19

[1424 г., август-сентябрь] — *Договорная грамота Новгорода с князем Василием Васильевичем*

Докончание Новгорода с великим князем Василием Васильевичем в ГВНП датировано 1435 г. на основании летописного сообщения 6943 г.: «Тои же зиме князь великий Василии Васильевич человаше крест к новгородчюм, а новгородци к князю великому человаша крест, отступитися князю великому новгородчюи отцины Бежичкаго верха и на Ламьском волоке и на Вологде, а новгородчкым бояром отступитися князьщин, где ни есть; и князь великий нялься слати своих бояр на развод земле на Петровь день, а новгородцом слати своих бояр» (НПЛ. С. 418; ПСРЛ. Т. 12. С. 21). На следующий год в установленный срок новгородцы отправили своих бояр на развод земли, но великий князь «своих бояр не посла, ни отцины новгородчюи нигде же новгородцом не отведе, ни исправы не учини» (Там же). А. А. Зимин подверг сомнению эту датировку, предложив два более вероятных варианта (осень 1432—25 апреля 1433 г.; 25 апреля 1433—

20 марта 1434 г.), считая предпочтительным второй, более поздний⁶⁵.

Действительно, летописная формула, характеризующая договор 1435 г., вполне соответствует формуляру любого новгородско-княжеского dokonчания, хотя в ней и акцентируется тот конкретный пункт формуляра, который был злободневен в обстановке 1435 г. (пограничное размежевание). Необходимость в возобновлении обычного, формулярного dokonчания в 1435 г. была очевидной. 20 марта 1434 г. («в субботу Лазареву». — ПСРЛ. Т. 12. С. 19) в бою «у Николы Святого на горе» в Ростовской земле князь Юрий Дмитриевич победил Василия Васильевича, после чего «взя град Москву и сяде на великом княженьи». Василий бежал в Новгород, куда прибыл 1 апреля, но новгородцы вышли против него ратью 5 апреля, «и не бысть новгородцом ничего же». По получении известия о неожиданной смерти князя Юрия Дмитриевича 26 апреля Василий выезжает в Москву и прогоняет Василия Юрьевича Косого, который успел один месяц посидеть на великом княжении. Потеряв великий стол, Василий Юрьевич, однако, до осени находился в Новгороде, уходя из которого «много пограби, едуци по Мьсте и по Бежичкому верху и по Заволочью, и много зла бысть от него» (НПЛ. С. 417; ПСРЛ. Т. 12. С. 20). Псковские летописи добавляют к этому существенную подробность: «а князь Василей Юрьевичъ поеха из Новагорода с Городища на Заволочье, и Заволочане задашася за него и крест к нему целоваша, а от Новагорода отъяшася» (ПЛ. Вып. 2. С. 130).

Разрыв dokonчания с Василием Васильевичем в пользу Юрия Дмитриевича был предпринят Новгородом, надо полагать, еще в 1433 г., когда 25 апреля Юрий впервые овладел Москвой и великим княжением, а затем, потерпев неудачу, не прекращал борьбы с Василием Васильевичем (ПСРЛ. Т. 12. С. 18—19). В противном случае остаются непонятными ни позиция Новгорода по отношению к Василию Васильевичу в 1434 г., ни необходимость нового dokonчания с московским великим князем в 1435 г.

Однако комментируемый документ не имеет к этим событиям, вопреки мнению многих исследователей, никакого отношения. Он составлен «по благословению преподобного священноинока Еуфимья», но современник событий 1435 г. владыка Евфимий II мог так титуловаться только до хиротонисания, которое состоялось в апреле или мае 1434 г.: 11 апреля указанного года Евфимий выехал в Смоленск на поставление к митрополиту Герасиму, а 26 мая вернулся в Новгород, уже обладая титулом архиепископа (НПЛ. С. 417). Это и дало Зимину основание его вариантным датировкам.

Между тем другое существенное противоречие принятым датам грамоты определяется составом новгородских должностных лиц, фигурирующих в ней. В документе названы степенной посадник Михаил Иванович, только что оставивший степень посадник

⁶⁵ *Зимин А. А. Указ. соч. С. 318—320.*

Михаил Ананьинич, посадник Афанасий Федорович и степенной тысяцкий Анания Васильевич. Названные здесь посадники фигурируют в летописном перечне новгородских посадников, составленном в 1423 г. (НПЛ. С. 472). Что касается тысяцкого Анании Васильевича, в других источниках вовсе не известного, то, по-видимому, так ошибочно передано в списке грамоты имя тысяцкого Аникия Власьевича, имеющееся в перечне новгородских тысяцких 1423 г. (Там же. С. 473). Между тем летописный рассказ 1434—1435 гг. имеет дело с именами совершенно иных должностных лиц.

Вопрос о датировке рассматриваемой грамоты решается иначе. В этой связи нуждается в осмыслении сообщение Воскресенской летописи под 1424 г.: «Того же лета князь великий Василие целовал Новугороду Великому на том, что ему отступитися их вотчины Бежитцкаго Верха да Волока да Волотцких мест; а Наугородци целовали великому князю, что им княжчин всех отступитися где ни есть» (ПСРЛ. Т. 8. С. 92). Это сообщение, относящееся еще ко времени великого княжения Василия Дмитриевича (умер 27 февраля 1425 г.), не укладывается в рамки обычных представлений о взаимоотношениях Новгорода и великого князя, если под «князем великим Василием» понимать Василия Дмитриевича, поскольку и здесь речь идет о формуле самого обычного dokonчания. Перед 1424 г. не было разрыва Новгорода с Москвой. Такое утверждение касается даже сложного периода 1420 г., когда «в Новьгород приихал с Москве князь Константин Дмитриевич, милостью божиею и архиепископа Семеона благословением прияша новгородци в честь, месяца февраля в 25, на сбор великий (т. е. 25 февраля 1420 г., когда пасха была 7 апреля. — В. Я.); и подаваша ему пригороды, кои быле за Лугвенем, и бор по всеи волости новгородчкои, коробеишину; а про то был в Новегороде, занеже брат его князь великий Василии хотел его в челование привести под своего сына Василья; и он не хотя быти под своим братаничем, и князь Василии возверже нелюбье на него, и отъима у него всю отчину, и бояр его поима и села и животы их отъима» (НПЛ. С. 412). Константин Дмитриевич не получает в Новгороде великокняжескую резиденцию на Городище, а принят на условиях служилого князя. И хотя осенью 1420 г. немцы в Новгороде ведут переговоры «со князем Костянтином и со всем Великим Новымградом» (Там же. С. 413) о предстоящем съезде, хотя в проекте грамоты этого съезда и в самой грамоте (ГВНП. № 59, 60) Константин Дмитриевич выступает как главное действующее лицо Новгорода (а в немецком проекте даже называется великим князем), тем не менее возглавляет новгородскую делегацию на Наровском съезде в конце января 1421 г. «князя великого намеснек Василья Дмитриевича князе Федор Патракеевичь» (ГВНП. № 60), что свидетельствует о нерушимости суверенитета князя Василия Дмитриевича над Новгородом. Летопись к тому же сообщает, что сразу после этого съезда «выихал князь Костянтин из Великого Новагорода; а владыка Семеон и посадники и тысяцкыи и бояре новгородчкыи, одарив и, проводиша его с честью» (НПЛ. С. 413).

Разрешаются высказанные недоумения признанием того, что под «великим князем Василием» в рассказе 1424 г. Воскресенская летопись понимает не Василия Дмитриевича, а Василия Васильевича, крестоцелования которому его отец требует еще при своей жизни. Позднейшие документы, связанные с княжением Василия Васильевича и его сына Ивана III, показывают, что в XV в. в Москве сложился устойчивый порядок соправления великого князя и его наследника. Грамоты великому князю адресуются двум лицам — фактическому, правящему великому князю и его сыну, будущему преемнику, который уже при жизни отца титулуется великим князем.

Новый порядок признается и в Новгороде, о чем свидетельствуют позднейшие договорные грамоты. Яжелбицкий договор 1456 г., к примеру, содержит формулу: «Се приехали послове к великому князю Василию Василиевичю всея Руси и к великому князю Ивану Василиевичю всея Руси» (ГВНП. № 22); грамота Новгорода Ивану III от 9 августа 1471 г. начинается формулой: «Се добил челом великому князю Ивану Васильевичю всея Руси и сыну его великому князю Ивану Ивановичю всея Руси» (Там же. № 25); ту же формулу содержит мирная грамота, составленная в одно время в предыдущей: «Се приехаша к великому князю Иоанну Васильевичю всея Руси и к его сыну великому князю Иоанну Иоанновичю всея Руси» (Там же. № 26). Новгородская судная грамота начинается словами: «Доложа господы великих князеи, великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и сына его, великого князя Ивана Ивановича всея Руси» (ААЭ. Т. 1. № 92). Имеется летописное известие об отдельном крестоцеловании наследнику Василия Темного Ивану Васильевичу, которое было совершено в Яжелбицах в феврале 1456 г. после поражения новгородцев: «а Новгородци крест целоваша к великому князю Ивану Васильевичю за вси свои пригороды и за вси свои волости, по старине» (ПЛ. Вып. 2. С. 142; Вып. 1. С. 54).

Таким образом, правящий великий князь и его наследник носят абсолютно тождественные титулы. Однако эти примеры обнаруживают и еще одно значительное обстоятельство. Поскольку отношения Новгорода и великого князя предусматривают равный суверенитет над Новгородом и самого правящего великого князя и его наследника, очевидно, что участниками dokonчаний с Новгородом в XV в. были оба московских носителя титула великого князя.

Проблема наследования московского стола Василием Васильевичем, как мы видели, возникает около 1420 г., когда решение Василия Дмитриевича сделать своим наследником сына Василия привело его к конфликту с братом — Константином Дмитриевичем. Предполагая, что новгородско-московское dokonчание 1424 г. является необходимым актом среди действий Василия Дмитриевича именно в этой связи, следует вернуться к вопросу о титуловании в комментируемом документе владыки Евфимия.

В 1424 г. новгородским владыкой был Евфимий I Брадатый,

который до хиротонисания назывался Емельяном: «възведоша Омельяна по жеребью к престолу святей Софеи» (НПЛ. С. 414); «пресвященный Фотей митрополит на Москве постави в Новъгород Емельяна инока в епископы, и наречен бысть вместо Емельяна Еуфимей» (ПСРЛ. Т. 11. С. 239). Он был возведен на кафедру 30 августа 1423 г. и оставался на ней до смерти 1 ноября 1429 г. (НПЛ. С. 414—415; ПСРЛ. Т. 11. С. 239). О хиротонисании его в Новгородской I летописи рассказывается под 6932 г., но летописец под этой датой объединил сентябрьский и мартовский 6932 годы. Между тем в той же летописи в сообщении о кончине Евфимия I говорится: «. . . а был владыко 5 лет и 5 недель, а чернцом был на сенах год и две недели» (НПЛ. С. 415). Простой расчет показывает, что он был посвящен в архиепископы в сентябре 1424 г., когда его и нарекли вместо Емельяна Евфимием. Хиротонию совершал митрополит Фотий в Москве. Но ведь и рассматриваемое докончание (ГВНП. № 19) заключено в Москве приехавшими туда новгородскими послами, о чем прямо говорится в его тексте. Очевидно, что это было то же самое посольство, которое сопровождало Емельяна на поставление. Поэтому его новое имя могло быть проставлено в грамоте, еще титулирующей его священноиноком, по разуре, коль скоро сам документ составлялся в Новгороде до хиротонии и перемены владычного имени. Грамота дошла до нас не в оригинале, а в списке конца XVI в.

98. 1431 г., 25 января. — *Договорная грамота литовского великого князя Свидригайла с Новгородом*
ГВНП. № 63

99. [1441—1442 гг.] — *Договорная грамота литовского великого князя Казимира с Новгородом*
ГВНП. № 70

В ГВНП оба этих акта включены в раздел «Грамоты отношений Великого Новгорода с Западом». Однако они демонстрируют существование особой системы взаимоотношений Новгорода и Литвы, в которой литовские великие князья и их администрация обладают определенной долей участия в государственном аппарате Новгородской республики, а также в ее доходах. Согласно этим документам, Новгород передает Литве доходы с волостей Молвотиц, Кунска, Березовца, Стержа, Моревы, Жабны, Лопастниц, Буйца, а также с Любокова, Заклинья и Ржевы (Пустой). Эта группа волостей расположена на новгородско-литовском пограничье и на протяжении XII—XV вв. обладала особым статусом, отличающим ее от «Новгородской волости», как в самих рассматриваемых договорах именованы территории Демяна, Посонья и Полонова. С точки зрения владельческой принадлежности перечисленные волости отличаются большой пестротой. Стерж и Лопастницы принадлежали Аркажу монастырю, Буец — Юрьеву монастырю, Кунск, Молвотицы и Жабна — новгородскому архиепископу. Морева и Березовец были великокняжескими волостями

(в третьей четверти XV в. Березовец был захвачен Марфой Исаковой). Не сохранились писцовые описания Любокова, Заклинья и Ржевы, однако представление о последней дает Запись о Пусторжевской дани (АЗР. Т. I. № 71).

В целом группа этих владений (за исключением Любокова, Заклинья и Пустой Ржевы) составляла территорию древнего княжеского кормленческого массива, из которого уже в первой трети XII в. совершались пожалования целых волостей (см., например, грамоту о пожаловании Буйца Юрьеву монастырю князем Всеволодом Мстиславичем и его отцом князем Мстиславом. — ГВНП. № 81). Однако и при таких пожалованиях часть государственных податей оставалась в общественном фонде. Так, Буец был передан Юрьеву монастырю с «осенним полюдьем даровным», а следовательно, другим полюдьем — «петровщиной» — монастырь распоряжаться не мог. Совокупность этих остаточных государственных податей и передается по новгородско-литовским докончаниям под контроль литовских тиунов, что, в частности, свидетельствует об отсутствии на них московских великокняжеских прав, находящихся, однако, в руках новгородской республиканской администрации. Кроме того, рассматриваемые докончания фиксируют наличие в Луках сместного новгородско-литовского управления, подобного новгородско-московскому сместному управлению в Торжке и Волоке Ламском.

Договор с великим князем литовским Свидригайлом (1430—1432 гг.) (ГВНП. № 63) имеет дату в самом тексте, фрагментированную в том месте, где обозначены единицы года (693...), однако указание на 9-й индикт восполняет дефект, датируя документ 25 января 1431 г. Один из названных в грамоте новгородских послов — Борис Юрьевич позднее стал посадником и в этом качестве упоминается в актах 1436 г. (ГВНП. № 66, 67):

Договор с великим князем литовским Казимиром (1440—1492 гг.; с 1447 г. также король Польши) (ГВНП. № 70) в ГВНП датирован годами его великого княжения (1440—1447 гг.), коль скоро Казимир в нем еще не титулуется королем. Однако время составления этого документа предельно уточняется по именам упомянутых в нем новгородских высших магистратов. Степенные посадник Федор Олисеевич и тысяцкий Семен Тимофеевич в том же сочетании обозначены в грамоте Новгорода Колывани (ГВНП. № 71), датируемой концом 1441 г. Названный в договоре посол Новгорода Есиф Васильевич был участником похода под Ржеву в 1435 г.; в том же рассказе Федор Олисеевич числится тысяцким (НПЛ. С. 417—418). Есиф Васильевич в 1456 г. погиб в бою во время поражения новгородцев от Василия Темного (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 194—195).

Даты обоих договоров указывают на то, что составленные по единому формуляру докончания Новгорода с литовскими великими князьями, подобно докончаниям с русскими великими князьями, возобновлялись всякий раз при перемене на литовском великом столе. Это подтверждает и летопись. После возведения

в 1432 г. на литовский престол Сигизмунда Кестутьевича на место Свидригайла и окончательной победы Сигизмунда над Свидригайлом в 1435 г. зимой 1436 г. «послаша новгородци посадника новгородского Григория Кюриловича к Жидимонту, и князь Литовьский Жидимонт человаше крест к новгородцем и послом, и взяша мир» (НПЛ. С. 419).

Указанный порядок взаимоотношений Новгорода с Литвой имеет значительную древность. В 1393 г., когда литовский престол занял непосредственный предшественник Свидригайла великий князь Витовт, летопись отмечает аналогичное действие со стороны Новгорода со ссылкой на уже существующую традицию: «Седе на княженьи в Литве князь Витовт Кестутьевич, и новгородци взяша с ним мир по старине» (Там же. С. 386).

Опыт восстановления текста договорной грамоты Новгорода со Свидригайлом (ГВНП. № 63) предложил Черепнин⁶⁶. В его реконструкции нуждается в исправлении одно место в 27-й строке, где должно быть: «а въ осенине» (Черепнин читал: «а в Севяне», Шахматов — «а в Синяне»).

100. [1446 г.] — *Грамота Новгорода тверскому князю Борису Александровичу с предложением заключить договор*
ГВНП. № 20

Наиболее подробно вопрос о дате этого документа рассмотрен Черепниным⁶⁷. Грамота содержит новгородские предложения тверскому великому князю Борису Александровичу (годы княжения: 1425—1462) заключить договор, который в первую очередь включал бы условие восстановить старую, утвержденную еще грамотой Ивана Даниловича Калиты границу между Тверью и Кашином, с одной стороны, и Новгородом, Торжком и Бежецким верхом — с другой. Эта граница была нарушена в 1444—1445 гг. действиями Твери, описанными летописью: «Тои же осени из князя великого отцины из Тферьского много повоеваша земле и сел новгородчких, Бежичкыи верх и Заборовье и Новоторьскыи волости вси» (НПЛ. С. 424; под 6952 г.); «Тои же зиме князь Тферьской Борис взял новгородчких волостей 50, повоева и пограби бежичких и около Торьжку, и Торжок взял» (Там же. С. 425; под 6953 г.); «Того же лета, месяца августа 22, князь тферьский Борис, прислав своих воевод на Торжок, останок людеи разгна и пограби, а иныя погуби, а иныя на окуп подая; а животов и товара московского и новгородчкого и новоторьского сорок павосков свезе в Тферь, а иныя павоски потопиша в реце с товаром; а в Бежичком верху и по Заборовью осмидесят волостей повоева в два году» (Там же. С. 426; под 6953 г.).

Исходя из этих обстоятельств, Черепнин датирует комментируемый акт 1446 г., что может быть подтверждено дополнительно. В 1444—1447 гг. политика Бориса Александровича имеет явную

⁶⁶ Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 331—332.

⁶⁷ Там же. С. 317—333.

промосковскую окраску, характеризуя его как союзника великого князя Василия Васильевича в борьбе последнего с Дмитрием Шемякой. Новгород уже в 1444 г. находится с Василием в мире. Показательно, что после первого сообщения о разорении Борисом Александровичем новгородских волостей летопись рассказывает: «А из Литвы князь великий Казимир присла в Новгород, а рка так: „возмите моих наместников на Городище, а яз вас хочю боронити; а с князем есмь с московьским миру не взял вас дея“» (НПЛ. С. 424). И хотя новгородцы не согласились принять его («и новгородцы по тому не яшася»), сама ситуация оказывается сродни той, которая была отмечена летописью в 1442 г., когда Дмитрий Шемяка предлагал Новгороду: «. . . что бы есте мене прияле на своеи воле», — а новгородцы ответили ему: «хощь, княже, и ты к нам поеди; а не въсхощь, ино как тебе любо» (Там же. С. 422). Новгородцы колеблются, но всякий раз не в пользу официально утвержденного на их столе великого князя Василия Васильевича.

Отмеченные летописью военные действия Бориса Александровича происходят до захвата великокняжеского стола и ослепления Шемякой Василия Васильевича в феврале 1446 г. После этой акции Дмитрий Шемяка «присла поклоньщики в Новъгород, Новгородци же послаша послы посадника Федора [Яковлича] и Василиа посадника [Степановича], и князь Дмитрии крест целова на всех старинах. А Тферьский князь Борис на опасе новгородчких послов держал 4 месяца и отпусти их, [тоже поежша к князю Дмитрию]» (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 443; Т. 16. Стб. 189). По словам Никоновской летописи, Борис «убоявся, и бысть единомысленик с ними» (Там же. Т. 12. С. 67). Поскольку московский стол был захвачен Дмитрием Юрьевичем в феврале, а уже осенью или в начале зимы 1446 г. отпущенный Шемякой из Вологды Василий Темный укрывается в Твери и оттуда организует борьбу против Шемяки, имеется лишь очень краткий период подчинения Бориса Тверского великому князю Дмитрию Юрьевичу, когда и Новгород (который и после поражения Дмитрия Шемяки не признает Василия Темного) и Тверь оказались в положении, соответствующем возможности урегулирования конфликта между ними. Надо полагать, что предложения новгородцев, сделанные в комментируемом документе, остались нереализованными именно потому, что в ближайшее по их получению время Борис Александрович снова объединяется с Василием, а отношения Новгорода и Твери возвращаются в состояние конфликта.

101.
ГВНП. № 22

[1456 г., конец февраля] — *Договорная грамота Новгорода с князем Василием Васильевичем (новгородский проект)*

102.
ГВНП. № 23

[1456 г., конец февраля] — *Договорная грамота Новгорода с князем Василием Васильевичем (московский проект)*

Поход Василия Темного на Новгород начался 2 февраля 1456 г. 15 февраля, уже потерпев поражение, новгородцы добились было помощи со стороны псковичей, которая уже не понадобилась, поскольку «взяша мир новгородцы с великим князем на Язовичах в Новгородской земли». Договор в Яжелбицах наложил на Новгород контрибуцию в 8500 руб. «А стоял великий князь с силою своею в Новгородской земли пол четверты недели» и «поиде прочь, оттугу давъ новгородцем» (Пл. Вып. 1. С. 54; Вып. 2. С. 142—143). Следовательно, завершение переговоров и заключение Яжелбицкого мира приходится примерно на 20—25 февраля 1456 г.

Новгородская грамота содержит традиционный формулярный текст докончания. Московская (ГВНП. № 23) излагает претензии к Новгороду, возникшие в результате нарушения Новгородом установленного прежними докончаниями порядка взаимоотношения республиканской и великокняжеской властей. Первая группа таких претензий касается деятельности сместного суда князя и посадника. Если традиционная формула докончаний утверждала в сместном суде приоритет княжеской стороны («А без посадника вам, князи, суда не судити, ни волостей роздавати, ни грамот давати»), то уже с первой четверти XV в. приоритет захватывается посадником, что, в частности, отразилось в Новгородской судной грамоте: «А посаднику судити суд свои с наместники великого князя, по старине; а без наместников великого князя суда не кончати» (ААЭ. Т. 1. № 92). Это изменение отчетливо проявилось в способе утверждения актов. До 10-х годов XV в. в материалах новгородской сфрагистики преобладают великокняжеские буллы; с указанного момента возникает многочисленная группа «Печатей новгородских» и «Печатей Великого Новгорода», которыми пользовались посадники и тысяцкие⁶⁸. Московская яжелбицкая грамота требует: «А печати быти князеи великих», т. е. настаивает на восстановлении в сместном суде приоритета великокняжеского наместника и возвращении ему права получения печатной пошлины. Другое требование: «А вечным грамотам не быти» — также направлено на восстановление участия великокняжеского наместника в общегосударственных акциях Новгорода.

Вторая группа претензий касается ростовских и белозерских земель, которые «покупили» или «даром поймали» новгородцы. С присоединением к Москве Белоозера в 80-х годах XIV в. и переходом к Москве Сретенской половины Ростова при Василии Васильевиче московские великие князья становятся юридически законными наследниками белозерских и ростовских вотчин в Двинской земле, которые разными способами оказались экспропрированы новгородцами.

Особым пунктом докончание запрещает Новгороду принимать к себе сугубых противников Василия Темного, участников его

⁶⁸ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. Т. 2. С. 125—133.

ослепления — Ивана Андреевича Можайского и членов семьи покойного Дмитрия Юрьевича Шемяки, в том числе его зятя князя Александра Васильевича Чарторыйского.

Московская грамота декларирует также восстановление новгородского суверенитета «в Торъжку, или за Волоком, или инде, где ни есть» и сложение крестоцелования великому князю там, где оно было произведено. Специально отметим также пункт, утверждающий равенство суверенитета над Новгородом обоих великих князей — Василия Темного и его наследника Ивана Васильевича: «а наедут нас обеих великих князей в Руской земле, ино им посолство правити обема великим князем и исправы просити у обеих. . . А наедут одного великого князя в Руской земле, ино одному посолство правити; а ему исправа дати Великому Новгороду». Как уже отмечено в комментарии к договорной грамоте Новгорода с князем Василием Васильевичем (ГВНП. № 19), крестоцелование наследнику великого князя — Ивану Васильевичу было совершено новгородцами в ходе яжелбицких мирных переговоров 1456 г.

103.

РК. № 1

[1456 г.] — *Грамота князя Василия Васильевича его новгородским наместникам Василию Тимофеевичу и Григорию Васильевичу об имуществе княгини Софьи Шемякиной*

Сын Дмитрия Юрьевича Шемяки выехал из Новгорода в 6962 г.: «Того же лета приеха князь Иван Дмитриевич Шемякинъ во Псков из Великого Новагорода, на вербной недели, во вторник, месяца апреля в 9 день, на память святого мученика Еупсихия; и посадники псковския, и священники, и священноиноки, и дияконы, и вси мужи псковичи выидоша со кресты от святыхъ Троица и прияша его с великою честью; и был князь Иван во Пскове три недели, и тако поеха изо Пъскова в Литву, месяца мая в 1 день, на память святого пророка Еремея, и даша ему псковичи дару 20 рублей» (Пл. Вып. 1. С. 52; Вып. 2. С. 140—141). Описанные события происходили с 9 апреля по 1 мая 1454 г., поскольку вторник вербной недели приходился на 9 апреля в указанном году (пасха в 1454 г. была 21 апреля). Оболчи, обозначенный в комментируемой грамоте как место пребывания князя Ивана Дмитриевича в Литве, назван среди литовских городов в «Списке городов русских дальних и ближних» (НПЛ. С. 476).

Вдова Дмитрия Шемяки покинула Новгород во время похода на него Василия Темного в начале февраля 1456 г.: «А княгиня великая Софья Дмитриевна, видев ту скорбь Великому Новгороду и убоясь князя великого, и побеже из Новагорода в Литву, к сыну своему, князю Ивану, месяца февраля в 7 день, в субботу сыропустную» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 196). Таким образом, получить известие об ее приезде в Оболчи великий князь Василий Васильевич мог уже после заключения Яжелбицкого мира, в конце февраля или в марте 1456 г., когда и была отправлена в Новгород рассматриваемая грамота.

104.
РК. № 2

[1456—1458 гг.] — *Грамота князя Василия Васильевича его новгородским наместникам Василию Тимофеевичу и Григорию Васильевичу о грабежах, учиненных новгородскими боярами*

Старшая дата грамоты определяется именами ее адресатов — великокняжеских наместников в Новгороде Василия Тимофеевича Чулка Остеева и Григория Васильевича Заболоцкого, которые, судя по предыдущей грамоте (РК. № 1), были посажены Василием Темным в Новгороде сразу же после заключения Яжелбицкого мира. Что касается младшей даты, то она связана с дальнейшей судьбой Василия Тимофеевича. Так называемый «третий» список Двинских волостей 1471 г. сообщает о передаче ряда волостей наместникам великого князя Василия Васильевича — Василию Замыцкому и Григорию Заболоцкому: «А те волости отдали новгородци великому князю Василью своими пристава Федором Малым да Заецом Василью Замытскому, да Григорью Заболотскому» (АСЭИ. Т. 3. № 15). Это значит, что еще при жизни Василия Темного, т. е. до 1462 г., Василий Тимофеевич Чулок Остеев был на должности новгородского великокняжеского наместника сменен Василием Ивановичем Замыцким Чешихой. Смена наместников произошла уже к 1458 г., поскольку в указанном году 25 августа Василий Тимофеевич Остеев находился в Москве, где мѣнялся с митрополитом Ионой селами в Переяславском уезде («а той земле . . . ведал отвод яз Василии Тимофеевич сам». — АФЗХ. Ч. 1. С. 117—118).

Упомянутые в грамоте Михаил Туча и Исак Андреевич «Болецкий» — новгородские посадники Михаил Иванович Туча, которого Василий Темный брал в плен в 1456 г., во время похода на Новгород (ПЛ. Вып. 1. С. 53; Вып. 2. С. 49, 141), и Исак Андреевич Борецкий.

105.
ГВНП. № 24

[1457—1460 гг.] — *Грамота Новгорода князю Василию Васильевичу об окончательной расплате по Яжелбицкому договору и с обязательством очистить залоги согласно с Демонским докончаньем*

В ГВНП грамота датирована 1456 г., не ранее марта. Однако в ней речь идет о совершении последнего платежа из наложенной на Новгород в Яжелбицах контрибуции, а этот платеж мог относиться даже не к 1456 г. В отличие от яжелбицких документов (ГВНП. № 22, 23), где степенными названы посадник Иван Лукинич и тысяцкий Василий Пантелеевич, здесь фигурируют степенные посадник Иван Лукинич и тысяцкий Михаил Андреевич. Последний как степенной тысяцкий известен по документам 1450 г. (Там же. № 74, 95), но там он сопутствовал на степени посаднику Дмитрию Васильевичу. Он снова был степенным тысяцким в 1461 г., в начале которого на степени посадника находился Иван Лаврентьевич (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 204), а затем Афанасий

Остафьевич (ГВНП. № 21). Следовательно, совмещение на степени Ивана Лукинича и Михаила Андреевича может относиться только к какому-то магистратскому сроку в промежутке от 1456 до 1460 г. Иван Лукинич как посадник известен в документах и летописных свидетельствах 1448—1471 гг. Условно комментируемая грамота (с учетом того, что в ней говорится о последнем платеже) может быть датирована 1457—1460 гг.

Упомянутые в ней залоги, оставшиеся от Демонского докончания, — невыплаченные Новгородом остатки контрибуции в 8 тыс. руб., наложенной великим князем Василием Васильевичем по Демонскому миру с Новгородом 1441 г. (НПЛ. С. 421). Принявший последний платеж по яжелбицкой контрибуции Иван Владимирович идентифицируется с ростовским князем Иваном Владимировичем Бычком, бывшим в службе у Василия Темного.

106.
ГВНП. № 93

[1460 г.] — *Откупная грамота Якимя Гуреева и Матфея Петрова у великокняжеского наместника Григория Васильевича на обонежский суд*

В ГВНП грамота датирована 1434 г., позднее 29 июня, на том основании, что в ней указано: «А купиле тогда, коли был князь велики Василеи Васильевичь в Великом Новгороде». Однако в 1434 г. великий князь был в Новгороде в положении непринятого беглеца, тогда как в 1460 г. «ходил князь великий к Новгороду Великому миром, а с ним сынове его князь Юрьи да князь Андрей Болшей. Новгородци же въздаша князю великому честь велию и сыновом его». Из Новгорода князь Юрий был отправлен отцом в Псков «в неделю сыропустную», т. е. 23 февраля, а сам Василий Темный пришел из Новгорода в Москву на праздник Сорока севастьянских мучеников, т. е. 9 марта (ПСРЛ. Т. 12. С. 112—113).

Датировка грамоты 1460 г. подкрепляется тем обстоятельством, что обонежский суд был куплен у великокняжеского наместника Григория Васильевича (Заболоцкого), которому адресованы грамоты (РК. № 1, 2), относящиеся к периоду, наступившему после заключения Яжелбицкого мира 1456 г.

Территория обонежского суда совпадает с территорией, обозначенной по Обонежскому ряду (см. уставную грамоту Святослава Ольговича 1137 г.), что свидетельствует о давних преимущественных правах князя на этот округ, сохранившихся и в XV в.

107.
ГВНП. № 21

[1461 г.] — *Грамота Новгорода князю Василию Васильевичу о предоставлении ему черного бора*

Грамота в ГВНП датирована 1448—1461 гг. на основании того, что в ней упомянуты степенные посадник Афанасий Остафьевич, известный с посадничьим титулом в 1448 и 1463 гг. (ГВНП. № 73; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 211), и тысяцкий Михаил Андреевич, фигурирующий в должности тысяцкого в документах 1450, 1448—

1454 и 1456 гг. (ГВНП. № 74, 24, 95) и в летописи под 1461 г. (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 204). Между тем время до 1456 г. следует исключить, так как князь Василий Васильевич с 1446 до 1456 г. недоступа к новгородским доходам не имел. В рамках же 1456—1462 гг. этот документ, естественно, связывается с летописным сообщением 1461 г.: «Тои же зимы даша Новгородци князю великому Василью Васильевичю на хрестьянах черный бор» (Там же)⁶⁹.

Взятие черного бора в Новгородской земле было регламентировано как в отношении сроков (ср.: «взяти честному королю черны бор по новгородским волостем по старине одинова, по старым грамотам, а в ыные годы черны бор не надобе» — ГВНП. № 77) и территории сбора (всякий раз в связи с черным бором называется Новоторжская волость), так и в социальном смысле. Комментируемая грамота перечисляет разнообразный и широкий круг лиц, подлежащих обложению черным бором. В него входят: земледельцы («а в соху два коня, а третье припряжь», «плуг за две сохи», «четыре пешци за соху»), ремесленники («да тшан кожевнической за соху», «кузнец за соху»), рыболовы («невод за соху»), солевары («црен за две сохи»), торговцы («лавка за соху»), перевозчики («лодья за две сохи») — иными словами, те категории свободных людей, которые объединялись термином «черные люди», находящимся в прямой связи и с термином «черный бор».

Из этого круга исключены две категории лиц. Во-первых, «новгородцы»: «а где будет нугородец заехал лодьею или лавкою торгует, или староста, на том не взяти». Во-вторых, бояре и зависимые от них люди. Это следует из предусмотренной документом возможности для новоторжца скрыться от уплаты черного бора в боярском дворе, куда, следовательно, черноборцам вход был заказан, и из разъяснения: «а кто будет одерноватыи, емлет месячину, на том не взяти». Таким образом, вотчина новгородского боярина на территории Новоторжской волости не входила в систему обложения черным бором, как были от него свободны и черные люди «новгородцы», жившие за пределами Новоторжской волости.

108.
АСЭИ. Т. 3. № 13

[1425—1462 гг.] — *Жалованная грамота князя Василия Васильевича старорусским тонникам Миките, Есифу с братьею, Кузьме, Перфурию и Антону с братом*

Датировка грамоты может основываться только на хронологических рамках великого княжения Василия Васильевича (1425—1462 гг.), естественно, с учетом того перерыва в его взаимоотношениях с Новгородом, который приходится на время большого размирья в 1446—1456 гг. Вопреки предложенной в АСЭИ дате 1456—1461 гг. возможно с осторожностью предпочесть раннюю дату — до 1446 г., поскольку аналогичная грамота, выданная русскому тонникам Иваном III (АСЭИ. Т. 3. № 21), называет за одним

⁶⁹ Зимин А. А. Указ. соч. С. 323.

исключением иные имена, т. е. адресована другому поколению тех же семей. Это значит, что между обоими документами имеется заметный временной разрыв. Коль скоро они оба подтверждают аналогичные акты, выданные великим князем Дмитрием Ивановичем, а затем великим князем Василием Дмитриевичем (о чем говорится в текстах сохранившихся жалованных грамот), логично предполагать, что возобновление пожалования предпринималось всякий раз при обновлении великокняжеского стола, т. е. в данном случае в начале второй четверти XV в.

Проблеме локализации упоминаемого в акте Любца посвящено специальное исследование⁷⁰.

109. 1471 г., 25 марта. — *«Третий» список АСЭИ. Т. 3. № 15 Двинских волостей*

Так называемый «третий» список Двинских волостей имеет в своем тексте дату «Лета 79 марта 25», т. е. 1471 г. Правильность такой датировки подтверждается и некоторыми деталями содержания этого списка.

Передача перечисленных в документе волостей великому князю Василию Темному состоялась не ранее 1456 г., поскольку приняли их под московскую руку великокняжеские наместники Василий Замыцкий и Григорий Заболоцкий, наместничавшие в Новгороде после заключения Яжелбицкого мира (см.: РК. № 1, 2). Между тем на Кероле и на Чаколе в результате этой передачи первым великокняжеским волостелем был Кузьма Коробьин, отправлявший свою должность около семи лет (т. е. по крайней мере до 1462 г.), а после него на той же должности сменились Федор Борисович Брюхо, Юрий Захарьинич и, наконец, Иван Гаврилов, при котором указанная волость была вновь захвачена новгородцами. Аналогична история великокняжеского волостельства на Вые и на Пинежке, где семь лет волостелем был Петруша Коробьин, смененный затем Ярцем, после которого волостельствовали Федор Перфушков, а потом брат Федора Федюня; при последнем эти волости были новгородцами приведены «за себя». Если первые волостели управляли примерно до 1462 г., то время действия их преемников приходится уже на период великого княжения Ивана Васильевича и охватывает никак не один год.

Следует отметить также, что выписи о великокняжеских волостях в своей основе имеют некие списки, составленные немного раньше, нежели комментируемый документ. Они были взяты у Федора Перфушкова и у Федора «Левонтиева пасынка». Оба указанных лица к моменту составления этого документа уже не были волостелями. Федора Перфушкова на Вые и на Пинежке сменил его брат Федюня, а Федора «Левонтиева пасынка» на Кириих горах — Григорий Перфушков, волостельствующий «и до сих мест», т. е. до марта 1471 г.

⁷⁰ Янин В. Л. К истории взаимоотношений Новгорода с князьями // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1985. Вып. 9. С. 92—104.

Список Двинских волостей, перечисленных в рассматриваемом документе, пунктуально совпадает с так называемой «ростовщиной» Заволоцкой земли, обозначенной как единый массив в духовной Ивана III 1504 г., по которой она завещана преемнику Ивана III — великому князю Василию Ивановичу: «Да в Заволотцкой земле Ростовщину: Пинега, и Кегрола, и Чакола, Прьмьские, Мезень, Немъюга, Пильи горы, Пинешка, Выя, Тоима, Кирьи горы, Емъская гора на Вазе со всем, и Онтонова перевара, Корболской остров, Шогогора, Керчела, Сура поганаа, Лавела, и с-ыными месты, что к тем волостем потягло» (ДДГ. С. 356. № 89). Это позволяет утверждать, что передача указанных волостей Москве явилась реализацией требования Яжелбицкого договора: «А что земли ростовские и белозерские, что покупилы наши новгородци, а тых земель князем великим съступилися и грамоты подавали» (ГВНП. № 23). Так как эти волости, будучи давним владением Новгорода (см., например, уставную грамоту князя Святослава Ольговича 1137 г.), в действительности не являлись «ростовщиной», усвоение ими этого названия могло быть только результатом их обмена на действительные «ростовщины» в двинском левобережье, оставшиеся после такой рокировки в руках Новгорода.

110.
ГВНП. № 77

[1471 г., март—май] — *Договорная грамота короля польского и великого князя литовского Казимира IV с Новгородом*

Грамота называет новгородским владыкой «нареченного на владычество Феофила». Феофил был возведен на кафедру 15 ноября 1470 г. (в некоторых сводах — 15 декабря, «в неделю» — ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 489; НЛ. С. 139, но на воскресенье этот день приходился в 1471 г., когда именно 15 декабря Феофил был хиротонисан. — ПСРЛ. Т. 25. С. 293), после смерти 8 ноября архиепископа Ионы. Далее летописи рассказывают об отправке в Москву новгородского посла с просьбой об опасе для Феофила при его предстоящей поездке на поставление в Москву, о благожелательном ответе Ивана III, о возвращении посла в Новгород с этим ответом, о схватках на вече, закончившихся тем, что «злодеици», «противници сътворше себе православию, бога не боащеся, и посол свои послаша к королю с поминки многими, Панфила Селивонтова, да Кирила Иванова сына Макариина, глаголюще: „волный есмы люди Великийи Новъгород, бьем челом тебе, честному королю, что бы еси, государь, нашему Великому Новугороду и нам господин был. И архиепископа вели нам поставити своему митрополиту Григорью и князь нам даи из своео дръжавы“» (ПСРЛ. Т. 25. С. 285; Т. 12. С. 126). Указанные здесь имена послов и общий смысл посольства, как будто, соответствуют комментируемому документу. Заключение докончания, согласно тому же летописному рассказу, имело, однако, половинчатый результат: «Король же приат дары их с любовью и рад быв речем их и много чтив посла их отпусти к ним со всеми

теми речьюми, чего хотели, и князя посла к ним Михаила Олелкова сына Киевъского. Новгородци же приаша его честне. Наместников же князя великого не сослаша з Городища, а что был у них князь Василей Горбатого, брат Суздальских князей, а того послаша в Заволочие в заставу на Двину» (Там же).

Весь этот рассказ, однако, вступает в противоречие с календарными датами других летописных сообщений. Князь Михаил Олелькович, «Новгородци испрошен», прибыл в Новгород 8 ноября 1470 г., т. е. еще до возведения на кафедру Феофила, и оставался там до 15 марта 1471 г. Это сообщение сопровождается расчетом: «а был в Новегороде 4 месяцы и 8 дней» (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 3. С. 446; ПЛ. Вып. 2. С. 172, 175). Какие-либо переговоры о его приглашении в Новгород, следовательно, велись до ноября 1470 г. и отнюдь не от имени Феофила. С другой стороны, решительным действиям Ивана III против Новгорода, начавшимся 23 мая 1471 г., предшествует отправка великим князем Иваном Васильевичем в Новгород послов, а митрополитом Филиппом — грамоты с увещеванием против союза с Казимиром. Только неуспех этих демаршей диктует Москве решительные меры. Исходя из этих обстоятельств рассматриваемую грамоту возможно датировать в промежутке от середины марта до середины мая 1471 г., а подробно изложенный выше летописный рассказ о переговорах Новгорода с Казимиром IV признать контаминацией двух новгородских действий — посольства, завершившегося присылкой в Новгород Михаила Олельковича, и посольства, снабженного рассматриваемым проектом докончания.

Действительно, летопись знает и о втором посольстве к Казимиру: «И послаша Новгородци посла в Литву, чтобы король всел на конь за Новъгород; и посол ездил кривым путем в Немци, до князя Немецкого до Нестера, и възвратися в Новъгород, глаголюще, яко „Нестер не дасть пути чрес свою землю в Литву ехать“» (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 3. С. 447). Цитированное в этом рассказе требование новгородцев совпадает со следующим местом в комментируемой грамоте: «а бес тебе, господине, поидеть князь велики, или его сын, или его брат, или кою землю подоимет на Велики Новъгород, ино твоеи раде литовской всести на конь за Велики Новъгород, по твоему крестному целованию, и боронити Новгород».

Списки с докончальных грамот Новгорода с Казимиром IV во время Шелонской битвы были захвачены москвичами «в кошевых вьюцех»: «А списки Новгородския, что кончали с королем, да и того же человека обретше у себе же, кто их писал, с ними же вместе послаша к великому князю на обличение онех лукавых мужей Новгородцких» (Там же. С. 509—510). Заметим, что в этом рассказе говорится не о списке, а о списках, т. е., по-видимому, о наличии не менее двух докончаний с Казимиром IV. Наиболее выразительный по своему антимосковскому духу был использован в копийном сборнике Q—IV—№ 14, когда в распоряжении Ивана III еще не было подлинников новгородско-литовских докончаний.

Такие подлинники, к настоящему времени не сохранившиеся, были затребованы Иваном III после падения Новгорода: «Месяца февраля 3 в вторник на Федорове неделе велел князь велики наместнику своему князю Ивану Васильевичу Стризе поимати у Новгородцев грамоты докончалные, что докончания ни было им с великими князи с Литовскими и с королем. И князь Иван поимал у них грамоты те докончалные и принесе их к великому князю» (ПСРЛ. Т. 25. С. 322).

111. 1471 г., 9 августа. — *Грамота Новгорода князю Ивану Васильевичу о сроках выплаты коростынской контрибуции*
ГВНП. № 25

112. 1471 г., 11 августа. — *Договорная грамота Новгорода с князем Иваном Васильевичем (новгородский проект)*
ГВНП. № 26

113. 1471 г., 11 августа. — *Договорная грамота Новгорода с князем Иваном Васильевичем (московский проект)*
ГВНП. № 27

Все эти грамоты возникли в результате шелонского поражения новгородцев от Ивана III 14 июля 1471 г. Согласно летописному рассказу, 31 июля, когда великий князь подошел к устью Шелони, к нему явились псковские послы и князь Василий Федорович Горбатый-Шуйский, «и после тех прихода стоал туто на едином месте князь великий 11 день, управляя Новгородцев, и пожаловал их, дасть им мир на своей воле, как сам вьсхоте»; 13 августа Иван III выступил в Москву (ПСРЛ. Т. 25. С. 291; Т. 12. С. 140). Грамоты, составленные в ходе этих переговоров, имеют даты в самих их текстах: 9 августа (ГВНП. № 25), 11 августа (Там же. № 26, 27).

Этот мирный договор в летописях и в литературе называется Коростынским. Однако летописные рассказы локализуют последний стан Ивана III, в котором велись мирные переговоры, не в самой Коростыни, а неподалеку от нее: из Русы великий князь «пойде оттуду ко Илмерю озеру на усть Шолоны, и прииде ту на место, зовомое Межуберег (в Никоновской летописи даны также чтения: „межу берег“, „межю берег“. — В. Я.) и Коростыни, 27 в субботу» (ПСРЛ. Т. 25. С. 290; Т. 12. С. 138). Между тем транскрибировать следует иначе: «межу Берег и Коростыни». Совершенно очевидно, что имеется в виду: «межу Бурег и Коростыни», а первый топоним был непонят московскими переписчиками. Бурег — село на берегу Ильменя, в пяти верстах к юго-востоку от Коростыни, т. е. в направлении от Коростыни к Русе. Коростынь и Бурег были центрами двух соименных им погостов, расположенных по соседству друг с другом (НПК. Т. 4. Стб. 18—37).

В ходе коростынских переговоров были установлены сроки выплаты контрибуции «за новгородскую проступку» (ГВНП.

№ 25): первый в 2500 руб. — на Рождество богородицы, т. е. 8 сентября 1471 г.; второй в 3 тыс. руб. — на Крещение, т. е. 6 января 1472 г.; третий в 5 тыс. руб. — на «Велик день» (Пасху), т. е. 29 марта 1472 г.; четвертый в 5 тыс. руб. — на Успенье, т. е. 15 августа 1472 г. Не был ли годичный общий срок выплаты контрибуций традиционным (ср. с докончанием Новгорода и князя Михаила Ярославича. — ГВНП. № 11)? Если это так, то и грамоту об окончательной расплате по Яжелбицкому миру (ГВНП. № 24), условно датированную 1457—1460 гг., возможно было бы относить к 1457 г. (если, разумеется, последний взнос действительно был выплачен в обусловленный срок).

Договорные коростынские акты (Там же. № 26, 27) представляют соответственно новгородский и московский варианты докончания. Если в основу московского (Там же. № 27) положен текст московского варианта Яжелбицкого договора (ср.: Там же. № 23), то новгородская грамота (Там же. № 26) соединяет традиционный формуляр новгородско-великокняжеского докончания с текстами, непосредственно отражающими «новгородскую проступку». Что касается формулярной части, то она здесь приведена в соответствии с реальным положением вещей: в списке «Новгородских волостей» отсутствуют Вологда и Волок (Ламский), относительно которых замечено, что в них остается лишь церковное подчинение новгородскому архиепископу: «А на Волоце и на Вологде владыце церкви и десятина и пошлина своя ведати по старине», а также в Волоколамской волости вотчина новгородского Юрьева монастыря.

Дополнительные пункты новгородского варианта докончания полностью ликвидируют традиционные связи Новгорода с Литвой вплоть до отказа принимать на новгородские пригороды литовских служилых князей, которым эти пригороды предоставлялись почти полтора столетия, начиная с 1333 г. Новгородцы снова, как и в 1456 г., обязывались отказывать в убежище недругам Москвы Ивану Можайскому, Ивану Шемякину, князю Василию Ярославичу, их детям и их зятям. Наконец, важнейшее значение имеет пункт, признающий запрет новгородским владикам после их традиционного избрания в Новгороде ездить на поставление к литовскому митрополиту: «а инде нам владыки, опроче московьского митрополита, нигде не ставити».

Содержащиеся в московском варианте докончания (ГВНП. № 27) пункты «А печати быти князеи великих» и «А вечным грамотам не быти» повторяют соответствующие места московского варианта Яжелбицкого докончания (Там же. № 23) и имеют то же значение, разъясненное в комментарии к нему. Самостоятельный раздел московского варианта Коростынского договора составляет текст, касающийся участия великокняжеской администрации в местном суде. Упоминаемая здесь «грамота докончалная в Новгороде промежь себе о суде, ино у тои грамоты быти имени и печати великих князеи» — Новгородская судная грамота, в чем убеждает полное совпадение наименования последней («О суде и

о закладе на наездщики и на грабешники») с ее обозначением в комментируемом документе («А что заклад в тои в новгородской грамоте в докончалной написан на наездъщиков, и на грабешщиков, и на доводщиков. . .»).

114.
ААЭ. Т. 1. № 92

[1471 г., август после 11] — *Новгородская судная грамота*

По вопросу о времени составления и источниках Новгородской судной грамоты существует обширная и противоречивая литература. М. М. Михайлов и П. М. Мрочек-Дроздовский относили ее основную редакцию к 1440 г., А. И. Филиппов и Б. М. Кочаков — к 1446 г., И. Д. Беляев — к 1456 г., В. И. Сергеевич и М. Ф. Владимирский-Буданов — к середине XV в. Наиболее обстоятельное исследование памятника принадлежит Л. В. Черепнину⁷¹, который усматривал в существующем тексте грамоты разновременные наслоения, принадлежащие четырем редакциям. К первоначальной, датированной им 1389 г., он отнес ст. 1—5, 8, 13—19, 22—24, 30—32, 35, 39—41; к редакции 1422 г. — конец ст. 5, ст. 6—7, 10—12, 20—21, 42; к редакции 1446—1447 гг. — ст. 9, 26, 28—29, 33—34, 36—38; к редакции 1471 г. — изменения в ст. 2, 6, 10, 28, 42. Исследователь полагал также, что грамота дошла до нас лишь в извлечениях, сделанных для производства Иваном III суда в Новгороде в 1475—1476 гг.

В нашу задачу не входит рассмотрение и критика этих наблюдений. Аналогичный анализ возможно применить к любому традиционному, но меняющемуся в зависимости от исторических обстоятельств тексту, например к формуляру новгородско-великокняжеских докончаний, вычлняя из него разновременные напластования и исключения. Новгородская судная грамота существует как целостный документ, официально утвержденный акт, нуждающийся в датировке в его сохранившемся виде, вне зависимости от внутренней истории его текста.

С этой точки зрения его сложение может быть разделено на два этапа. К моменту коростынских переговоров в начале августа 1471 г. существовала «грамота докончалная в Новгороде промежь себе о суде» и «заклад в тои в новгородской грамоте в докончалной написан на наездъщиков, и на грабешщиков, и на доводщиков», которая была вечевым актом, принятым без участия великокняжеской администрации. Одним из требований Коростынского докончания 11 августа 1471 г. (ГВНП. № 27) было: «ино у тои грамоты быти имени и печати великих князеи». Во исполнение этого требования и возник тот акт, список с которого сохранил существующий текст Новгородской судной грамоты.

В литературе высказывалось убеждение, что «докончальная грамота о суде» существовала уже к концу 1470 г. или к началу 1471 г.⁷², основанием чему служат строки в договоре Новгорода

⁷¹ Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 373—397.

⁷² См., например: Российское законодательство X—XX вв. М., 1984. Т. 1. С. 303.

с королем Казимиром IV (ГВНП. № 77): «А пересуд ему имати по новгородцкой грамоте по крестной, противу посадника». «Крестной» новгородской грамотой могла называться любая крестоцеловальная, т. е. докончальная, грамота, а сам вопрос о нормах пересуда в указанный момент отнюдь не был только что возникшим: в самой Новгородской судной грамоте говорится: «А наместником великого князя и тиуном пересуд свои ведати по старине». Если упомянутый в Коростынском докончании текст судной грамоты существовал до 1471 г., то это обстоятельство никак не может быть аргументировано приведенной ссылкой.

Следы редактирования судной грамоты в связи с требованием Ивана III «у той грамоты быти имени и печати великих князеи» Черепнин отметил в тех статьях, в которых упоминаются «великие князья», т. е. оба великих князя (ст. 6, 10, 28, 42), что представляется безусловным. Однако отнесение к тому же редакторскому пласту ст. 2 («А посаднику судити суд свои с наместником великого князя по старине; а без наместников великого князя посаднику суда не кончати») неправомерно. Во-первых, великий князь называется здесь в единственном числе, что отражает более раннюю терминологию. Во-вторых, этой статьей утверждается приоритет посадника в сместном суде, в отличие от требования традиционного докончального формуляра («А без посадника ти, княже, суда не судити»), т. е. именно то нарушение «старини», против которого направлены требования Яжелбицкого и Коростынского договоров («А печати быти князеи великих») (см. комментарий к акту ГВНП. № 23). Это явный недосмотр великокняжеской администрации.

Таким образом, последняя редакторская правка была поспешной и минимальной; ее существо, сводящееся к требованию паритетности судебных доходов князя и Новгорода, отражено московским текстом Коростынского договора (ГВНП. № 27) ⁷³.

115. [1471 г., август после 11] — *Грамота Новгорода задвинским землям о сложении их жителями подданства Новгороду*
ГВНП. № 98
(АСЭИ. Т. 3. № 17)

В ГВНП и АСЭИ этот документ неправомерно обозначен адресованным Двинской земле и датирован 1471 г., «августа. . . — декабря 15», основанием чему является, во-первых, то, что сложение крестоцелования с Пинеги и Мезени на подданство Новгороду не могло произойти ранее коростынских переговоров, а, во-вторых, то, что новгородский владыка в этой грамоте титулуется «нареченным на архиепископство священноиноком Феофилом»; он был хиротонисан 15 декабря 1471 г. и с этого момента титуловался уже архиепископом.

Между тем дата документа поддается уточнению. В так назы-

⁷³ Реальный комментарий к Новгородской судной грамоте см. в изданиях: Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 227—243 (А. А. Зимин); Российское законодательство. Т. 1. С. 309—320 (В. М. Клеандрова).

ваемом «третьем» списке Двинских волостей, датированном 25 марта 1471 г., сообщается: «...на Пинеже Кегрола, да Чакола, да Пермские, да Мезень, да Выя, да Пинежка, да Немьюга, да Пилии горы. А те волости отдали новгородци великому князю Василью своими пристава Федором Малым, да Заецом Василью Замытскому, да Григорью Заболотскому. А опосле тех о том же ездил князь Володимер да Василей же Замытской» (АСЭИ. Т. 3. № 15). Эта передача произошла в результате яжелбицких соглашений о возвращении великому князю «князщин» и основывалась, в частности, на давних правах великих князей на Кегролу (см.: ГВНП. № 85).

Однако спустя какой-то срок после отвода этих земель Василию Темному их, как следует из текста комментируемого документа, «поимали за себе наши братья ноугородци», а жителей «к целованию привели на новгородское имя». Намерение восстановить ситуацию, достигнутую в результате Яжелбицкого договора 1456 г., таким образом, сформулировано еще до начала похода Ивана III на Новгород, в марте 1471 г.

Комментируемая грамота исходит от степенных посадника Тимофея Остафьевича и тысяцкого Василия Максимовича, т. е. от тех же магистратов, которые занимали степень при заключении Коростынского договора (см.: ГВНП. № 26). Срок их полномочий истекал в августе 1471 г. (к этому времени срок занятия высших магистратских должностей в Новгороде был полугодовым). Документ, как указано в его тексте, выдан «с вече с Ярославля двора», но, коль скоро именно после коростынских переговоров наступил срок обновления степени, логично полагать, что оба действия (избрание новых степенных и предшествующее ему принятие определенных мирным договором документов) произведены одним и тем же вечевым собранием. В частности, и утверждение на имя великих князей Новгородской судной грамоты, как указано в ее тексте, произошло «на вече на Ярославле дворе».

116. 1476 г., 6 апреля. — *Список Новоторжских волостей, возвращаемых князем Иваном Васильевичем новгородским вотчинникам*
АСЭИ. Т. 3. № 20

Дата документа содержится в его тексте: «лета 84 апреля 6». Она соответствует 6 апреля 1476 г., что является решающим для датировки и трактовки назначения всего сборника, из состава которого происходит комментируемая грамота. Поскольку она относится ко времени после походов Ивана III на Новгород в 1471 и 1475 гг., вся целенаправленная подготовка и подборка документов в этом сборнике была предпринята перед походом 1477 г., вернее, до конца зимы указанного года, когда происходит резкое ужесточение антиновгородской политики Москвы.

Частичный возврат новгородским вотчинникам новоторжских сел корректирует действия Ивана III в 1471 г., когда попытка присоединить Торжок к Москве предпринималась во время похода великого князя на Новгород. Иначе непонятным был бы пункт

московского варианта Коростынского докончания: «А с новоторжъцов и з демонцов князи великие целованье сложили. А что серебро и хлеб великим князем в Торжку или на губах, а то великим князем не надобе. А кто будет на поруце дан в серебре или в хлебе, а с тех порука доловь; а что собрано, а то великим князем; а Новгороду о том на новоторжцов нелюбия не держати, не мщатся им ни коею хитростью» (ГВНП. № 27). В новгородском варианте того же договора статус Торжка определен традиционным формулярным пунктом.

По-видимому, дополнительное урегулирование в Новоторжских волостях было обусловлено во время пребывания Ивана III в Новгороде зимой 1475/76 г.

117. [1471—1477 гг.] — «Первый» список
АСЭИ. Т. 3. № 14 *Двинских волостей*

118. [1474—1477 гг.] — «Второй» список
АСЭИ. Т. 3. № 16 *Двинских волостей*

В так называемом «первом» списке Двинских волостей описана как «земли князя великого на Двине» обширная территория Подвинья (от Тоймы на юге до устья Двины) и беломорского побережья (от устья Онеги до устья Мезени), принципиально совпадающая с той, которую обозначает Уставная грамота Двинской земле великого князя Василия Дмитриевича (ГВНП. № 88). Декларация Москвы о принадлежности этой территории великому князю могла опираться на августовские события 1471 г. Летопись сообщает, что решительная победа Василия Федоровича Образца над двинянами (с «слугой Великого Новгорода» князем Василием Шуйским и «заволоцким воеводой» новгородским боярином Василием Микифоровичем Пенковым во главе) произошла уже в тот момент, когда велись переговоры под Коростынью, а весть о ней была получена великим князем после того, как Иван III «гнев свой сердца им сложил, и нелюбие свое им отдал, и меч свой унял и грозу свою в земли удержал», и «мирно пошел из своее отчины, из Новгородские земли». Между тем именно тогда Василий Образец «градки их поимаша и приведоша всю землю ту за великого князя» (ПСРЛ. Т. 6. С. 14, 194; Т. 8. С. 166). Поскольку получение в Новгороде известия о поражении на Двине относится ко времени, когда переговоры с великим князем были уже завершены, победа Образца с новгородской точки зрения юридических последствий не имела, свидетельством чему служит, например, грамота 1477 г. (ГВНП. № 101), по которой вече подтверждает права Троице-Сергиева монастыря на беспошлинный провоз своих товаров по Двине. Однако в глазах Ивана III эта победа могла служить основанием для претензий на Двину как на московскую отчину.

Наибольшие трудности вызывает датировка так называемого «второго» списка Двинских волостей. Документ объединяет в себе цельный текст с дополнением, заимствованным из какого-то дру-

гого двинского списка. Шов приходится на фразу, исчисляющую общее количество существовавших «двинских списков». В дополнении названы новгородские захваты у Емской горы, совершенные в волостельство Левонтия (Вралова) и Власия Фрязинова. Однако, согласно показаниям «третьего» списка Двинских волостей. Левонтий и его преемник Власий Фрязинов были первыми в хронологическом перечне великокняжеских волостей на Емской горе. Преемниками Власия Фрязинова названы князь Иван Согорский, затем Ушак Арбужевский и, наконец, Григорий Перфушков, который волостельствовал в марте 1471 г. Поскольку этот ряд начинается не ранее 1456 г., логично думать, что хронологическая основа дополнения в промежутке от 1456 до 1471 г. тяготеет к первой половине этого срока.

С другой стороны, имеются основания датировать события, названные в дополнении, временем не ранее середины 60-х годов XV в. В нем говорится, что «Онтропиев остров с пожнями и с пашною землею» был отнят Иваном Васильевым «при Левонтии». Иван Васильевич — сын новгородского посадника Василия Степановича, впоследствии канонизованного и известного под именем Варлаама Важского или Шенкурского, и двоюродный племянник боярина Василия Тимофеевича (см.: ГВНП. № 281). Василий-Варлаам, согласно его житию, умер в 1467 г.⁷⁴, но еще в 1456—1457 гг. известен в документах как посадник (ГВНП. № 22, 23, 24; ПСРЛ. Т. 8. С. 145—146; Т. 25. С. 274). Какие-то годы перед смертью Василий-Варлаам был чернецом в основанном им Богословском Важском монастыре. Учредительная грамота этого монастыря (ГВНП. № 280), согласно помете на ее списке XVI в., датируется 1452 г.; в ней Василий Степанович, естественно, титулуется посадником. Между тем именно в этой грамоте в числе земельных вкладов в Важский монастырь назван «остров Онтрофьев весь, что есми у Обакуна купил». Надо полагать, что вторичный захват Онтрофьева острова «при Левонтии» был вызван тем, что вся волость Емской горы перешла к Москве в результате Яжелбицкого мира. Однако какие-то захваты на Емской горе в нарушение этого соглашения совершались еще Василием Степановичем, о чем говорится в начале основной части «второго» списка Двинских волостей. Действия же его сына могут относиться или ко времени после смерти Василия-Варлаама, или ко времени после его пострижения, что указывает примерно на середину—конец 60-х годов XV в.

Основная часть «второго» списка Двинских волостей демонстрирует заметную хронологическую пестроту, что в целом может характеризовать ее как комплекс выписок из разновременных «двинских списков». Пестр по своему происхождению и состав описанных в ней волостей. Возможно назвать три группы этих волостей.

⁷⁴ Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // АЕ за 1960 г. М., 1962. С. 242.

1. Емская гора, бывшая вотчина ростовского князя Ивана Владимировича. Как уже отмечено, она была передана Москве в качестве «ростовщины» в 1456 г. Захваты земель новгородцами и обыски по ним относятся к 60-м годам XV в., поскольку ответчиком назван умерший в 1467 г. Василий Степанович, а о захватах здесь же его сына Ивана Васильевича не сообщается.

2. Земли по Двине, именуемые «отчиной великих князей»: «А Колмогоры. . .», «А Волок Пинежский. . .», «А Шастозеро. . .», в которых производит обыски Лука Строганов. Эти земли стали великокняжеской отчиной с августа 1471 г., и обыски по ним, следовательно, осуществлялись позднее указанной даты. Однако имена ответчиков за захваты здесь (Есиф Ондrejaнов, Иван Григорьев, Миша Борисов, Василий Селезнев, Василий Онаньин) дают далеко не однозначную в хронологическом отношении картину захватов. Есиф Андреевич Горошков в последний раз упоминается в летописи под 1463 г. (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 214); дата его кончины неизвестна, но он не дожил до боярских встреч Ивана III в ноябре 1475 г.: в этих встречах участвует уже его сын Иван (Там же. Т. 6. С. 201; Т. 25. С. 305); писцовым книгам известна также его вдова Офимья Горошкова, дожившая до боярского вывода. Иван Григорьевич скончался 7 октября 1467 г. (Там же. Т. 16. Стб. 220—221); позднее, вплоть до ареста зимой 1484/85 г. (Там же. Т. 6. С. 236), его землями владеет его вдова «славная и богатая Настасья». Василий Ананьинич был схвачен Иваном III в конце ноября 1475 г., а в декабре увезен в Москву (Там же. С. 203—204). Василий Иванович Губа Селезнев был казнен Иваном III в Русе в конце июля 1471 г. (Там же. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 447). О Мише Борисове источники молчат.

Вероятно, в ходе обысков Лука Строганов убедился, что земле-владение на Двине перечисленных бояр, а также «всех бояр двинских» оставалось неизменным вопреки переходу их волосток под руку великого князя, и называет имена виновников сравнительно недавних и потому сугубо незаконных захватов, хотя, по крайней мере, часть захватов произошла еще тогда, когда на территорию Двины распространялся безусловный новгородский суверенитет. В таком случае его обыски могли быть произведены и после 1475 г., но до начала похода Ивана III на Новгород в 1477 г., так как сборник документов, из которого происходят «двинские списки», был заготовлен для этого похода.

В существовании именно такого принципа объявления ответчиков за захваты убеждает еще один обыск Луки Строганова — в Великой слободе, «отчине великих князей из старины оброчной». Расположенная на р. Ваге, в устье Кокшенги, Великая слобода была захвачена Михаилом Тучей, упоминаемым в последний раз в источнике 1456—1458 гг. (в грамоте РК. № 2), Иваном Максимовым, в последний раз упомянутым в документах 60-х годов, до 1467 г. (ГВНП. № 111, 112), Иваном Офонасовым, схваченным Иваном III в конце ноября 1475 г. (ПСРЛ. Т. 6. С. 203—204), Офонасом Остафьевым, в последний раз упоминаемым в связи

со встречей Ивана III 17 ноября 1475 г. (Там же. С. 204), Василием Степановым, умершим, согласно Житию Варлаама Важского, в 1467 г. Здесь такой же хронологический разнобой, который свидетельствует о времени захватов, а не о составе землевладельцев на момент самого обыска.

3. «Ростовщины», не передававшиеся Москве в 1456 г. К ним относятся бывшие владения ростовских князей Федора Андреевича («А Заостровье Соколово. . .»), Ивана Александровича («А Веля да Пезма реки. . .»), «А от Усть-Кулуя вверх. . .»), «А Каменная гора. . .»), Ивана Владимировича («А река Кулуи от устья и до верховиа. . .»), Константина Владимировича («А за рекою за Двиною Хавры горы. . .»). Все эти князья принадлежат к потомству Константина Васильевича, т. е. к младшей ростовской линии, владевшей Борисоглебской половиной Ростова. Такое обстоятельство порождает ряд непростых проблем. Сретенская половина Ростова перешла в руки московских великих князей при Василии Васильевиче, в завещании которого она впервые упоминается как московская собственность (ДДГ. С. 195. № 61)⁷⁵. Борисоглебская половина продана Ивану III в 1474 г.: «Тое же зимы продаша великому князю Ивану Васильевичю князи Ростовстии свою отчину половину Ростова с всем, князь Володимер Андреевичь и брат его князь Иван Ивановичь и с всеми своими детми и з брата ници; князь же великии купив у них, дасть матери своей ту половину великой княгине Марии» (ПСРЛ. Т. 8. С. 180; Т. 24. С. 194). Юридические права московских князей на «ростовщины» борисоглебской линии, таким образом, возникают только в 1474 г., а забота Василия Темного о «ростовщинах» в 1456 г. должна как будто касаться лишь владений князей сретенской линии. Однако, как мы уже видели, по Яжелбицкому договору Москве передается Емская гора — вотчина князя Ивана Владимировича из младшей, борисоглебской линии Ростова.

Объяснить возникновение столь раннего суверенитета Москвы на земли ростовского князя младшей линии возможно, по-видимому, только предположением о вступлении князя Ивана Владимировича (Бычка) на московскую службу не позднее середины XV в. Согласно показаниям родословных книг и нумизматических материалов, он никогда не сидел на ростовском столе и, следовательно, был волен выбирать себе службу. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что последний взнос контрибуции, назначенной Яжелбицким договором, принимает у Новгорода для Василия Темного именно Иван Владимирович (см.: ГВНП. № 24). Захваты на Емской горе производились Василием Степановичем, умершим в 1467 г., и его двоюродным братом Василием Тимофеевичем, но могут быть отмечены и в более раннее

⁷⁵ По утверждению Разрядной книги, «купил князь великий другую половину Ростова у князь Володимера Андреевича, а первая половина при великом князе Иване Даниловиче куплена» (Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. I, ч. 1. С. 20). О сомнительности такого указания см.: Янин В. Л. Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50—70-х годах XV в. С. 192—193.

время, до 1456 г., поскольку посадник Василий Степанович в 1452 г. передал Важскому монастырю купленный им у Обакуна Онтрофьев остров, находящийся в волости Емской горы (ГВНП. № 280).

Вступление Ивана Бычка на московскую службу должно было принести Москве суверенитет еще над двумя волостями из числа названных во «втором» списке. Ему же принадлежала «река Кулуи от устия и до верховия по обе стороны, да волок от Кокшенги», «а тянула к Емской горе». Захваты здесь производились много позднее Яжелбицкого договора, поскольку обвинения в них адресованы сыновьям Василия Степановича Семену и Ивану, а также Ивану Офонасову (действовавшему до 1475 г.) и Есифу, внуку Федора Малого; дед захватчика Федор Малый после Яжелбицкого соглашения, будучи новгородским приставом, передавал Емскую гору великокняжеским наместникам. Показательно также, что истцом по этим захватам выступает кулойский староста: московские волостели при Василии Темном на кулойскую волость не были посажены.

Другая волость — «за рекою за Двиною» — обозначена как отчина князя Константина Владимировича. Умерший еще в 1415 г. князь Константин был родным братом Ивана Бычка и не оставил после себя потомства. Его юридическим наследником был Иван Владимирович Бычок, однако это наследство ему не досталось, иначе отчина числилась бы за ним. По-видимому, суверенитет Новгорода над указанной территорией возник сразу же после смерти Константина; земельные захваты в ней произведены Есифом Горошковым, Иваном и Остафием Григорьевичами, Дементием Андреевичем. Никого из этих лиц не было в живых к 1475 г.; относительно Ивана Григорьевича известно, что он умер в 1467 г. Надо полагать, что великокняжеские права на вотчину Константина Владимировича Ростовского заявлялись и до ее обояривания, поскольку «ищет» этих земель не староста, а Лука Строганов, занимавшийся обыском в великокняжеских волостях.

Если раннее возникновение московского суверенитета над землями Ивана Бычка и его брата Константина может быть связано со службой Ивана Владимировича великим князьям, то права Москвы на земли Ивана Александровича и Федора Андреевича Ростовских до 1474 г. не существовали. Князь Иван Александрович был внуком Константина Васильевича, основателя младшей линии ростовских князей, т. е. держателей Борисоглебской половины Ростова. Согласно показаниям родословных книг, он никогда не сидел на столе Борисоглебской половины, однако этот стол занимали его отец Александр Константинович, братья Андрей и Федор Александровичи и — что гораздо важнее — его сын Иван Иванович Долгий, продавший вместе со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем в 1474 г. Борисоглебскую половину Ростова Ивану III. У Ивана Александровича были и другие сыновья — Андрей, Василий, Константин, Александр, однако в 1474 г. их, очевидно, уже не было в живых, поскольку Владимир

Андреевич и Иван Иванович продали свою отчину «с всеми своими детьми и з братаничи», но не с братьями.

Таким образом, Иван Иванович Долгий к моменту продажи своей отчины был единственным наследником Ивана Александровича и, отказавшись в 1474 г. от своих владельческих прав в пользу Ивана III, создает для последнего возможность распространения его суверенных прерогатив и на свое двинское наследство. Казалось бы, в таком случае и эти волости должны были обозначаться его именем, а не именем его отца. Однако, если они были захвачены Новгородом еще при жизни Ивана Александровича, Иван Долгий и не смог стать их реальным владельцем. «Второй» список Двинских волостей содержит сведения о том, что земли Ивана Александровича захватывались новгородскими вотчинниками, по крайней мере до 1471 г. Так, две волости («А Веля да Пезма реки. . .», «А от Усть-Кулуя вверх по Вазе. . .») перешли к архиепископу Ионе, который занимал кафедру с 19 марта 1458 г. до смерти 8 ноября 1470 г.

Что касается князя Федора Андреевича Ростовского, то он идентифицируется с сыном Андрея Александровича, упоминаемого в 1380—1417 гг. Таким образом, он был сыном и внуком правивших князей Борисоглебской половины Ростова Андрея Александровича и Александра Константиновича, а также братом правивших князей той же половины — Ивана и Владимира Андреевичей. Последний, продавая в 1474 г. Борисоглебскую половину Москве, был его единственным наследником, поскольку, как уже отмечено, он, как и Иван Иванович Долгий, совершил эту продажу с сыновьями и племянниками, но не с братьями, которых к указанному времени, следовательно, уже не было в живых. Значит, суверенные права московских великих князей на подобные ростовские волости возникли только в 1474 г., а земли Федора Андреевича были экспропрированы новгородцами еще при его жизни. Среди захватчиков владений князя Федора Андреевича назван, в частности, Василий Селезнев, казненный в 1471 г.

Изложенными соображениями принципиально решается вопрос о нижней дате «второго» списка Двинских волостей, который не мог быть составлен ранее 1474—1475 гг., но и не позже 1477 г., сохранившись в сборнике, подготовленном к осеннему походу 1477 г.

Вместе с тем следует обратить внимание, что проблема принадлежности Двины, несмотря на военный успех Образца в 1471 г., не поднимается во время пребывания Ивана III в Новгороде зимой 1475/76 г. В 1477 г. ненарушенный суверенитет Новгорода в этой области подтвержден актовым свидетельством (ГВНП. № 101), а требование о сложении новгородского крестоцелования с двинян окончательно сформулировано лишь 13 января 1478 г. во время последних переговоров Новгорода с великим князем: «Да говóрили им о пригородех и о Двине и о Заволочии, что пригородом всем, да и Двиняном и Заволочаном, крестное целование Новгородское себе сложити, а целовати им на великих

князеи имя» (ПСРЛ. Т. 25. С. 321; Т. 12. С. 186). Это обстоятельство лишний раз подтверждает, что направленный в целом к проблеме великокняжеских прав в Заволочье сборник документов, в котором до нас дошли «двинские списки», был подготовлен для Ивана III перед его последним походом на Новгород в 1477 г.

119. [1462—1477 гг.] — *Жалованная грамота князя Ивана Васильевича старорусским тонникам Федору, Перфурию, Василию Семенову, Лукьяну, Ивану и Парфею с их братьею*
АСЭИ. Т. 3. № 21

Грамота может быть датирована в целом временем самостоятельности Новгорода в период великого княжения Ивана Васильевича. В АСЭИ предложено датировать ее временем около 1484—1505 гг. на том основании, что Иван III титулуется в ней великим князем «всая Руси». Однако такое же титулование отмечено на великокняжеских печатях Ивана Васильевича периода новгородской независимости⁷⁶, а в более раннее время именно так титулован великий князь Василий Васильевич на панагиаре 1435 г.⁷⁷ К тому же, повторяя формуляр грамоты старорусским тонникам, выданной князем Василием Васильевичем (АСЭИ. Т. 3. № 13), этот документ отражает систему новгородско-великокняжеских отношений времени новгородской независимости⁷⁸.

120. [1479 г., осень] — *Запись о Пусторжевской дани*
АЗР. Т. 1. № 71

В АЗР документ датирован «после 1479 г.», т. е. весьма неопределенно. Между тем материалы для его датирования извлекаются из отраженной текстом последовательности описанных в нем событий. «Как князь великий Московский взял Новгород и вecho им сказал, ино взъехал на Ржову князь Иван Лыко», «а потом князь Костянтин взъехал на всю волость Ржовскую»⁷⁹. О сведении Иваном III наместника Великих Лук Ивана Владимировича Лыко Оболенского Софийская II летопись рассказывает под 6987 сентябрьским годом: «Того же лета сведе князь велики наместника с Лук с Великих и с Новугородскаго с Литовскаго рубежа, и биша челом князю великому Лучане на него о продаже и о обиде; а наместник тамо был князь Иван Володимеровичь Оболенский Лыко. Князь велики суди его с ними: иное же на нем дотягалися и он

⁷⁶ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. Т. 2. С. 168—169. № 434, 436.

⁷⁷ Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. // САИ. М., 1971. Вып. Е1-49. С. 39—41. № 11.

⁷⁸ О локализации Любца см.: Янин В. Л. К истории взаимоотношений Новгорода с князьями. С. 92—104.

⁷⁹ Пустая Ржева находилась в пяти верстах от погоста Бардово при оз. Бардово, а последние — в 55 верстах к югу от Новоржева. Город Новоржев основан в 1777 г., тогда же в него переведен административный центр Пусторжевского уезда (Василев И. И. Псковская губерния. Псков, 1896. С. 7, 236).

оборотню в продажах платил, а иное князь велики и безсудно велел платити им; потому же много жалоб Лучане учиниша, иное по правде, а иное клепали его, где мало взял, а они о мнозе жалобу положили, а надеючися на великого князя, что им потакивает. Князь же Иван Володимирович Лыко не мога терпети того, да отъехал от великого князя к брату его к князю Борису, на Волок Ламский» (ПСРЛ. Т. 6. С. 222).

Это сообщение помещено в летописи вслед за рассказом о рождении у Ивана III сына Василия 26 марта, что соответствует 1479 г., так как крещен Василий был 4 апреля «в неделю Цветную» (Там же. Т. 12. С. 190), а указанная дата падала на Вербное воскресенье именно в 1479 г. (пасха тогда была 11 апреля). Между тем цитированная фраза не привязана достаточно прочно к хронологической канве летописного рассказа: ею открывается пространное повествование о дальнейших событиях, касающихся князя Ивана Лыко, исчерпавшихся лишь в конце мая (на пятидесятницу) 1480 г. и описанных все под тем же 6987 сентябрьским годом.

Иван III попытался схватить Ивана Лыко в Волоколамске, но князь Борис отбил его, не подчинившись и следующей попытке великого князя заполучить бывшего наместника. 26 октября 1479 г. Иван III отправился в Новгород и оттуда приказал боровскому наместнику Василию Федоровичу Образцу тайно схватить Ивана Лыко, укрывшегося в своем селе близ Боровска, что и было исполнено. В ответ князь Борис Васильевич и его брат Андрей Васильевич Углицкий, «пометавше городы своя», двинулись к литовскому рубежу, отступив от великого князя. Узнав об этом, Иван III спешно выезжает из Новгорода, в начале февраля («пред велики заговейном») возвращается в Москву. 27 апреля выступили против мятежных князей Василий Образец и Василий Борисович Тучко, достигшие Лук в конце мая 1480 г. (ПСРЛ. Т. 6. С. 222—223).

Опираясь на показания комментируемого документа, возможно утверждать, что смещение Ивана Лыко с наместничества произошло еще в 1478 г. Хронология пребывания в Ржеве преемника Ивана Лыко нового наместника князя Константина фиксируется следующими подробностями. Князь Константин «жил на волости с осеннего Николина дня и до Матки Божьи, а потом поехал к Москве, а слуги оставил на волости». Он, следовательно, был в Ржеве уже 6 декабря и оставался в ней до 15 августа («оспожина дня», Успения). В записи говорится также, что во Влицах Ошевского погоста князь Константин стоял две недели, «а слуги его лежали зиму во Влицах». О появлении нового наместника в Будкиницах Туровской трети на Николин день сказано, что оно произошло «в сий же год», когда перед тем наместничал Иван Лыко. «На всей Ржеве» Константин жил сначала до Ильина дня (20 июля), затем «остал жити на тых людех, которые королю дань даивали, а владыце и боярам ничего не даивали», и «жил на тых людех до Матки Божьи, и поехал сам на Москву, а слуг

своих оставил на tych людех, и теперь слуги его живут тут на tych людех, и судят, и люди грабят, и страву берут». «О Петрове дни» (т. е. 29 июня) «ещо при Костянтине» в Ржеву приехали новгородские бояре Иван Васильевич и Микита Есифович, которые «и теперь живут на волости, судят и рядят, и люди грабят, берут што хотят и мучат люди, а с Москвичи, с Костянтиновыми слугами, посполу съезджаются, одна их вся дума». Сумма этих хронологических свидетельств позволяет датировать составление записи осенними месяцами 1479 г. Особо отметим, что в документе еще нет даже намека на касающиеся Ржевы события, разразившиеся в конце осени 1479 г. и связанные с конфликтом Ивана III и защитников Ивана Лыко князей Бориса и Андрея Васильевичей.

В записи названы имена новгородских бояр Ивана Васильевича и Микиты Есифовича. Идентификация первого затруднительна. Им мог быть Иван Васильевич Шенкурский или тысяцкий Иван Васильевич Васкоман, но, скорее всего, — сын Василия Микифоровича Пенкова Иван, который демонстрировал свои прокняжеские симпатии встречей Ивана III в Палинах 19 ноября 1477 г., т. е. за два месяца до падения Новгорода (ПСРЛ. Т. 12. С. 174) (его отец в мае того же года был подвергнут вечевой казни по подозрению в тех же симпатиях. — Там же. С. 171). Микита Есифович — бывший новгородский посадник, сын посадника Есифа Григорьевича — поступил на службу к Ивану III 18 января 1478 г. (Там же. Т. 8. С. 198).

Запись о Пусторжевской дани подробно излагает систему распределения доходов с погостов Ржевской земли между Новгородом, Литвой и московским великим князем, сложившуюся «здавна», отражая традицию времен новгородской независимости. В ней также изложена и система землевладения на этой территории. Владельческие жеребьи принадлежали там архиепископу, новгородскому Кириллову монастырю; 40 «боярских жеребьев Великаго Новгорода» в Туровской трети были собственностью Василия Костелева «с Ильины» и «Киприяновичу»; также и в Ратчине «шло боярину одному Новгородскому, на имя Киприяну, и предком его пятый сноп; ино ж того Киприяна сын теперь на Москве, ино того снопа теперь ни хто не берет».

«Киприянович», однако, не был боярином. Он идентифицируется с житым Григорием Киприяновичем Арзубьевым, который был арестован Иваном III 6 февраля 1478 г., а на следующий день отправлен в Москву (ПСРЛ. Т. 8. С. 199). Его отец был казнен великим князем в Русе в 1471 г. (Там же. С. 166), а сам Григорий, бывший старостой Никитиной улицы Плотницкого конца, во время последних переговоров с Иваном III представлял новгородских житых (Там же. С. 190—192). Василий Костелев известен писцовым книгам как вотчинник в ряде погостов Шелонской пятины.

121.
ДДГ. № 77

1483 г., 20 октября. — *Жалованная грамота великого князя Ивана Васильевича волоцкому князю Борису Васильевичу о разводе Новгородской и Ржевской земель*

Дата содержится в приписке к документу, который дает представление о традиционном положении южной границы Новгородской земли на порубежье с владениями Ржевы Владимировой. Исследованию топонимов этой границы посвящена специальная статья⁸⁰.

⁸⁰ *Кучкин В. А.* Межевание 1483 г. и вопрос о древней новгородско-смоленской границе // НИС. Л., 1984. Вып. 2(12). С. 165—176.

АКТЫ СОБСТВЕННО НОВГОРОДА И ЕГО МЕТРОПОЛИИ

Известный в настоящее время фонд собственно новгородских грамот (т. е. документов, касающихся Новгорода как такового и его округа в пределах пятинного деления, исключая северную половину Обонежской пятины) весьма пестр по своему происхождению. Известны только шесть подлинных актов, остальные 28 дошли в позднейших списках или в публикациях, предпринятых по оригинальным, но затем утраченным документам. Оригинальная вкладная грамота Варлаама, перешедшая в Новгородский музей из ризницы Хутынского монастыря (ГВНП. № 104), духовная Климента (Там же. № 105), изданная впервые в 1849 г.¹; ее местонахождение долго оставалось неизвестным, пока в 1928 г. она не была найдена в ГИМ (Собр. Уварова. № 41/265); содержание документа указывает на происхождение из Юрьева монастыря. Из того же монастыря происходит подлинная рядная крестьян Робичинской волости с Юрьевым монастырем (ГВНП. № 115), перешедшая в Новгородский музей. Купчая Михаила Федоровича Крюка у Юрия Онцифоровича на село Медну с комплексом последующих документов, по которым это село ушло в Троице-Сергиев монастырь, сохранилась в архиве указанного монастыря (АСЭИ. Т. 1. № 2). Рядная Федора Акинфовича (ГВНП. № 122), пройдя через собрание Муханова, сохраняется в Библиотеке им. В. И. Ленина, а раздельная Василия Федоровича и Василия Степановича (Там же. № 278) из собрания ОЛДП перешла в Публичную библиотеку в Ленинграде.

В первой половине XIX в. в Новгороде еще сохранялись некоторые утраченные в позднейшее время документы. В 1811 г. Амвросий издал две грамоты (Там же. № 91 и 112), хранившиеся в архиве Саввино-Вишерского монастыря², а в 1857 г. Макарий опубликовал жалованные грамоты новгородских архиепископов Спасскому Верендовскому монастырю, списки с которых содержались в рукописном сборнике Новгородской Софийской библиотеки (Там же. № 94, 97, 100)³.

¹ Сахаров И. П. Образцы древней письменности. СПб., 1849. Табл. III.

² Амвросий. История российской иерархии. М., 1811. Т. 3. С. 559—562.

³ Макарий. Описание Новгородского архиерейского дома. СПб., 1857. С. 139—140.

Из архива Новгородской казенной палаты происходят списки XVI в. купчих Николо-Островского (Там же. № 106) и Спасского Ковалева (Там же. № 121) монастырей. Оба документа, изданные впервые еще в 1838 г.⁴, находятся ныне в архиве ЛОИИ АН СССР (Собр. Новгородской казенной палаты. № 1, 2).

Значительная группа списков с древних новгородских грамот содержится в копийной книге 1688 г. из собрания А. С. Уварова (находится в ГИМ). На л. 12—14 этой книги помещены тексты грамот из архива Спасского Верендовского монастыря (ГВНП. № 109, 107, 108), на л. 254—257 — тексты грамот из архива Николо-Островского монастыря (Там же. № 114, 113, 118, 116, 120), а на л. 266 об. — 267 — текст грамоты (Там же. № 117) из архива того же Островского монастыря.

Списки начала XVII в. с трех грамот (Там же. № 110, 111, 278) содержатся в копийной тетради из «дома Едемских» «на Ваге». Эта тетрадка была в конце XVIII в. обнаружена шенкурским протопопом И. Ф. Розовым и перешла в дальнейшем в собрание М. П. Погодина, поступившее затем в Публичную библиотеку в Ленинграде. Подробности, касающиеся этого сборника, см. в разделе «Вага».

Список XVI в. с купчей Максима Попова Фалелеева (ГВНП. № 289) происходит из Соловецкого монастыря; другая копия этого документа содержится в соловецкой копийной книге 1633 г. (ЛОИИ. К. 2. № 136. Л. 50—50 об.). Однако, как показано в комментарии к этому акту, он фиксирует покупку, совершенную в самом Новгороде.

В архиве ЛОИИ АН СССР хранится также список XVI в. с так называемых купчей и духовной Антония Римлянина (ГВНП. № 102, 103). Наконец, чтобы исчерпать тот объем материала, который включен в ГВНП, упомянем вкладную Устиньи Спас-Нередицкому монастырю (Там же. 119), которая некогда существовала в виде записи 1467 г. в харатейном напрестольном Евангелии Спас-Нередицкого монастыря, но, когда в конце XVII в. это Евангелие было затребовано в софийскую казну, текст грамоты был переписан «слово в слово» в печатное Евангелие 1685 г., пожертвованное в Нередицкий монастырь крестовым дьяком Иваном Корнильевым сыном Шушерина. В 1892 г. это Евангелие поступило в Новгородский музей, а сохранившиеся в нем документальные материалы изданы в 1916 г.⁵

После издания ГВНП было обнаружено еще семь неизвестных ранее новгородских грамот XIV—XV вв. Три документа (АЕ-67. № 1, 2, 3) были извлечены В. И. Корецким из судного дела 1685 г., возбужденного по челобитью игумена Колмова монастыря Феодосия на предмет получения выписей на монастырские земли, так как «жаловалные государские (грамоты) и выписи и всякие

⁴ Акты юридические. СПб., 1838. № 71: I и № 138.

⁵ Лашков Н. А. Спасо-Нередицкое Евангелие // Тр. XV Археологического съезда в Новгороде, 1911 г. М., 1916. Т. 2. С. 55—58.

монастырские крепости не (мецкие л)юди пограбили, а иные крепости в пожары згорели» (ЦГАДА. Ф. Поместного приказа, г. Новгород. Стб. 43651, ч. II. Док. 18). Еще три документа (АЕ-67. № 5, 6, 7) обнаружены тем же исследователем в спорном деле 1679 г. властей Вяжицкого монастыря с помещиком Я. О. Глебовым по поводу монастырской пустоши Липично (ЦГАДА. Ф. Поместного приказа, г. Новгород. Стб. 43494, ч. II. Док. 11/2). Все шесть этих грамот изданы Корецким⁶.

Меновная грамота архиепископа Евфимия с Богословским на Витке монастырем обнаружена в списке второй половины XVII в. в фонде тихвинского Успенского монастыря, к которому в 1687—1688 гг. был приписан Богословский на Витке монастырь (Архив ЛОИИ. Ф. 132. Оп. 1. № 1/1). Грамота издана открывшим ее В. Ф. Андреевым⁷.

* * *

122.
ГВНП. № 103

[1110—1131 гг.] — *Духовная грамота Антония Римлянина*

Летопись фиксирует следующие обстоятельства жизни и деятельности основателя Антониева (Рождества богородицы) монастыря — Антония Римлянина. В 1117 г. «игумен Антон заложил церковь камяну святыя Богородиця манастырь» (НПЛ. С. 20, 204). В 1119 г. «съвершена бысть черкы Антонова святыя Богородиця Новегороде» (Там же. С. 21, 205). В 1125 г. «испысаша божицию Антонову» (Там же). В 1127 г. «обложи тръπεζницу камяну Антон игумен Новегороде» (Там же. С. 21, 206). В конце 1131 г. или в начале 1132 г. «Антон игуменомъ Нифонт архепископ постави» (Там же. С. 22, 207). В 1147 г. «умре Онтон игумен. В то же лето вдаша игуменьство Андрееви по Онтоне» (Там же. С. 27—28, 214).

Поэтому формально документ должен датироваться первой половиной XII в., не позднее 1147 г., как это и сделано в ГВНП. Однако представляется возможным значительное уточнение его младшей даты. Как очевидно из летописного текста 1131/32 г., поставление Антония игуменом состоялось много позднее начала его настоятельской деятельности, в зиму с 1131 на 1132 г., т. е. даже тогда, когда был сооружен в камне и расписан монастырский собор, а также построена каменная трапезная церковь. Хотя уже с первого упоминания Антония под 1117 г. Новгородская I летопись называет его игуменом, это не официальный титул, а отражение реального настоятельства Антония. В позднейшей Новгородской III летописи указана дата прибытия Антония в Новго-

⁶ Корецкий В. И. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. // АЕ за 1967 г. М., 1969. С. 285—287.

⁷ Андреев В. Ф. Ранее не публиковавшаяся новгородская грамота XV в. // Научная конференция «Актуальные проблемы исторической науки»: Тезисы докладов. Новгород, 1985. С. 32—35.

род — 1106 г. (НЛ. С. 187), а «Похвальное слово Антонию» «знает» даже дневную дату этого прибытия — 5 сентября 1106 г. Вряд ли следует доверять истинности такой даты, поскольку более ранний агиографический источник Житие Антония, составленное в XVI в., в своих хронологических выкладках исходит исключительно из материалов Новгородской I летописи: «до игуменства лет 14, в игуменстве же бысть лет 16 и всех лет поживе во обители 30»⁸, т. е. исходным моментом настоятельства признает 1117-й, а не легендарный 1106 г. По-видимому, источником датирования «приезда» Антония в Новгород в позднейшей историографии послужила духовная Антония, говорящая о благословении его епископом Никитой, который умер 30 января 1109 г. (НПЛ. С. 19, 203).

В своей духовной Антоний сообщает, что он «не приях и имения ото князя ни от епискупа, но токмо благословение от Никиты епискупа». Такое утверждение не соответствовало бы действительности после поставления Антония в игумены от епископа Нифонта зимой 1131/32 г. То, что такая акция совершилась в первый же год епископства Нифонта, указывает на существование конфликта между Антонием и предшественником Нифонта епископом Иоанном (20 декабря 1110—1130 г.), а также с князем Всеволодом Мстиславичем. В заключительной фразе документа — заклятии против возможных нарушителей воли завещателя — говорится о проклятии 318 святых отцов. Собор 318 никейских отцов постановил: «в кии граде достоить епископу быти, да поставят и от всех святых; аще кто разрушит се, да будет проклят» (см. Подтвердительную грамоту XII в. смоленского епископа Мануила⁹).

С. Н. Валк в специальном исследовании настаивал на подложности документа, сохранившегося не в оригинале, а лишь в списке XVI в.¹⁰, что вызвало полемику с ним М. Н. Тихомирова. Однако духовная Антония (в отличие от его «купчей». — ГВНП. № 102) не обнаруживает каких-либо внутренних противоречий или анахронизмов¹¹.

123.
ГВНП. № 104

[1192—1210 гг.] — *Вкладная грамота Варлаама Михалевича Спасскому Хутыньскому монастырю на землю с угодьями, челядью и скотом в окрестностях монастыря.*

Автор этой древнейшей сохранившейся в пергаменном подлиннике новгородской грамоты «Варлам Михалев сын», основатель Спасского Хутыньского монастыря, хорошо известен летопис-

⁸ Тихомиров М. Н. О частных актах в древней Руси // Ист. зап. М., 1945. № 17. С. 236—237.

⁹ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 145.

¹⁰ Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. статей. М.; Л., 1937. С. 295—303.

¹¹ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 40—59.

ду. Он впервые упоминается под 1192 г.: «постави църковь вънизу на Хутине Варлам църнець, а мирьским именемъ Алекса Михалевиць, в имя святого Спаса Преображения; и святи ю владыка архиепископ Гаврила на праздъник (т. е. 6 августа. — В. Я.), и нарече манастирь» (НПЛ. С. 40, 231).

Дата смерти Варлаама в древнейших летописных памятниках Новгорода (Новгородская I летопись, Летопись Авраамки) не зафиксирована; впервые она обозначена под 1193 г. в Новгородской IV летописи, где она помещена в конце годового рассказа 6701 г.: «Преставися игумен Варлам святого Спаса на Хутины ноября 6» (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 1. С. 176). Эта версия повторяется в своде 1518 г., в Софийской I, Воскресенской, Новгородской V, Никоновской, Пискаревской, Устюжской летописях и Владимирском летописце (Там же. Т. 28. С. 198—под 1194 г.; Т. 5. С. 169; Т. 7. С. 102; Т. 4. 2-е изд. ч. 1, вып. 1. С. 177; Т. 10. С. 22; Т. 30. С. 78; Т. 34. С. 80; Т. 37. С. 68).

Иную дату называет Лаптевский список Никоновской летописи, относя кончину Варлаама к 1243 г.: «О преподобном Варлааме, Хутынском чудотворце. Того же лета преставися преподобный и многодобротельный великий чудотворецъ Варълам, игумен Хутынский, иже мирским именем зовом бе Алекса Михайловичъ, свято житие препроводив» (Там же. Т. 10. С. 128). Эта версия повторена в Новгородских II и III летописях и в Мазуринском летописце (НЛ. С. 204; ПСРЛ. Т. 30. С. 167; Т. 31. С. 72). Однако здесь совершенно очевидна путаница с другим лицом: «В лето 6751. Преставися раб божии Варлам, а мирьскы Вячеслав Прокшиничъ, на Хутине у святого Спаса, месяца мая в 4» (НПЛ. С. 79).

Сложнее вопрос о возникновении летописной даты кончины Варлаама в 1193 г. Она появляется в сводах не ранее второй половины XV в., и механизм ее формирования обнаруживается при сравнении первоначального текста рассказа 6700 г. в Новгородской I летописи и в Новгородской IV летописи по списку Никольского.

Новгородская I летопись

постави църковь вънизу на Хутине Варлам църнець, а мирьским именемъ Алекса Михалевиць, въ имя святого Преображения; и святи ю владыка архиепископ Гаврила на праздъник, и нарече манастирь (НПЛ. С. 40).

Список Никольского
Новгородской IV летописи

постави Варлам игумен святого Спаса църковь на Хутыне. Того же лета преставися преподобный Варлам и положен бысть в църкве, юже сам създа. И освятиша святого Спаса на праздник владыка Гаврила (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 3. С. 591).

Фраза о смерти и погребении Варлаама в списке Никольского носит явно вставной характер, чем изобличается ее позднее вменение в летописный рассказ.

Между тем о том, что Варлаам был жив даже в 1207 г., свидетельствует сообщение Новгородской I летописи под указанной

датой: «В то же лето преставися раб божи Парфурии, а мирьскы Прокша Малышевиць, постригъся у святого Спаса на Хутине, при игумене Варламе» (НПЛ. С. 50, 247). То, что отсылка «при игумене Варламе» указывает не на время пострижения, а на время кончины Прокши (пострижение, впрочем, могло быть и предсмертным), подтверждается обращением к рассказу той же летописи под предыдущим, 1206 г.: «Преставися раб божи Митрофан, а мирьскы Михалько, постригъся у святеи Богородици в Аркажи монастыри мая в 18, посадник новгородьскыи» (Там же. С. 50, 246), где при той же конструкции фразы имеется в виду несомненная дневная дата кончины, а не пострижения.

Известно также, что еще в 1199 г. (т. е. спустя шесть лет после «летописной кончины» Варлаама) Порфирий-Прокша был несомненным мирянином, поскольку в указанном году он выступает в летописном рассказе под своим мирским именем: «В то же лето заложыша церковь камену святых мученик 40, с Прокшею с Малышевицем» (Там же. С. 238). Следовательно, и принять пострижение он мог не ранее 1199 г. Агиографическая версия, согласно которой Порфирий был наставником Варлаама в начале его подвижничества, явно проецирована на летописный рассказ о смерти Порфирия в Хутынском монастыре.

Изложенное наблюдение подкрепляется сведениями Жития Варлаама Хутынского, которое относит кончину Варлаама ко времени возвращения из Царьграда Добрыни Ядрейковича — будущего архиепископа Антония: ему, согласно Житию, Варлаам, умирая, завещал игуменство в Хутынском монастыре (см., например: ПСРЛ. Т. 6. С. 135; а также другие варианты Жития¹²). Заметим, что самые ранние списки проложного Жития Варлаама (1-й редакции) датируются первой четвертью XIV в., до 1323 г.¹³, т. е. почти на двести лет раньше, нежели внедрение в летописание сообщения о том, что Варлаам умер якобы в 1193 г.

Новгородская I летопись относит приезд Добрыни из Царьграда к 6719 г. и, действительно, ставит его в связь с Хутынью: «Тъгда же бяше пришьл, преже изгнания Митрофана архиепископа, Добрына Ядрейковиць из Цесаряграда и привезе с собою гроб господень, а сам пострижеся на Хутине у святого Спаса; и волею божиею възлюби и князь Мьстислав и вси новгородьци, и послаша и в Русь ставиться; и приде поставлен архиепископ Антонии» (НПЛ. С. 52, 250). Это событие относится к 1210 г.¹⁴ На прочную связь владыки Антония с Хутынским монастырем указывает выбор им места последнего, предсмертного подвижничества: в 1228 г. «поиде Антонии, архиепископ новгородьскыи, на

¹² Анисимов А. Икона Варлаама Хутынского в Новгородском епархиальном древлехранилище // Тр. Новгородского церковно-археол. о-ва. Новгород, 1914. Т. 1. С. 159.

¹³ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 14, 271.

¹⁴ Янин В. Л. К хронологии новгородского летописания первой трети XIII в. // НИС. Л., 1984. Вып. 2(12). С. 93.

Хутино к святому Спасу по своей воли» (Там же. С. 65, 270).

В этой связи представляется неверным мнение Л. А. Дмитриева о легендарности житийной версии кончины Варлаама: «Автор 1-й редакции не знал точной даты и не пользовался летописными данными при составлении своей редакции жития. Особенно ярко противоречия жития историческим фактам обнаруживаются в рассказе жития о смерти Варлаама»¹⁵. Напротив, автор этой редакции не мог почерпнуть нужных ему сведений из современного ему летописания, а позднейшая летописная версия, несомненно, опирается на житийный рассказ, привязав календарную дату смерти Варлаама (6 ноября, по Прологу) к сообщению о создании Хутынского монастыря.

Хронологические рамки вкладной Варлаама, таким образом, замыкаются между 1192 и 1210 гг. Логично было бы в пределах этого периода отдавать предпочтение наиболее ранней дате, связывая выдачу вкладной с моментом основания монастыря. Однако существует документ, показывающий, что такое совмещение не было обязательным: аналогичная по смыслу Варлаамовой грамоте духовная Антония Римлянина (ГВНП. № 103) была составлена тогда, когда завещатель находился отнюдь не в начале своего настоятельства.

Хутынский (Варлаамиев) Спасский Преображенский монастырь находится на правом (восточном) берегу Волхова, в 10 км к северо-востоку от центра Новгорода, при впадении в Волхов его протока — р. Малый Волхов (Волховец). В 1,75 км ниже устья Волховца справа же в Волхов впадает речка Робейка, которая в древности называлась Робьею, о чем свидетельствуют данная и духовная грамоты новгородского посадника Ивана Лукиничя третьей четверти XV в.: «и пожно на Робьи реке, что Робья течет в Волхов под Николою святым у Холопья городка» (ГВНП. № 114); «и пожно на Робьи реке у святаго Николы у Холопья городка» (Там же. № 120). Новое обращение к подлиннику грамоты позволило установить, что трудное место ее текста, передававшееся ранее как «за . . . бнею», в действительности читается «за Робиею».

Археологически известное поселение «Холопий городок» расположено на правом берегу Волхова, в 850 м ниже впадения в него Волховца, у оз. Холопье. В этом месте Робейка, текущая с северо-востока на юго-запад, делает крутой поворот на север, оставляя между своим нижним течением и берегом Волхова полуостров (включающий и оз. Холопье, и городище «Холопий городок»), перешеек которого почти на всю его ширину пересечен затонами Робейки. На протяжении всей весны, части лета и осенью весь этот участок превращается фактически в остров, что дало название локализуемому в Холопьем городке Николо-Островскому монастырю.

Холопий городок фигурирует в проекте договора Новгорода

¹⁵ Дмитриев Л. А. Указ. соч. С. 15.

с Любеком и Готландом 1268 г. как место последней остановки на Волхове перед Новгородом; он назван в латинском тексте документа Drellenborch (LUB. Bd. 1. N 413), что является калькой с русского наименования этого пункта (ср. также практическое совпадение первоначального названия Робья и названий Холопье озеро, Холопий городок).

Каменная церковь Николая (собор Николо-Островского монастыря) была построена в Холопьем городке в 1417 г. (НПЛ. С. 407). Она вместе с каменной же трапезной церковью Покрова упомянута как еще существующая в Описи Новгорода 1617 г., в Сметном списке Новгорода на 1620/21 г. и в Росписи новгородских храмов 1615 г. (в последнем случае трапезная ошибочно названа Троицкой)¹⁶. Не исключено, что позднее монастырь был перенесен на иное место: на плане 1815 г. упраздненный Николаевский монастырь показан на левом берегу Вишеры примерно в 1,5 км от ее впадения в Волховец¹⁷. В 2 км ниже устья Робейки на правом берегу Волхова находится деревня Слудка (Слутка); в настоящее время она, разросшись на юг, достигла устья Робейки. В 2 км восточнее Хутины, ближе к монастырю, нежели устье Волхова, расположено протяженное оз. Волницкое, соединенное протокой с Волховом.

Изложенная топографическая ситуация дает возможность привязать к местности топонимы вкладной Варлаама. «Рьль противу села за Волховом» — прибрежный заливной луг на левом берегу Волхова, против монастыря. В дальнейшем здесь, в Ивановском Переездском погосте, сложились заметные владения Хутынского монастыря общей доходностью в 28 обож (НПК. Т. 3. Стб. 492—493). С территорией самого монастыря идентифицируется термин «село». «На Волхевьци коле» — рыбный закол в низовьях Волховца. Если «корь» и «лоза» — поросшие деревьями и кустарником места, то их, судя по ландшафтной ситуации, следует искать на возвышенном пространстве между монастырем и Волницким озером (сейчас там расположена деревня Зарелье). «Волмина», по видимому, этимологически родственна топониму оз. Волницкое. «На острове», надо полагать, участок в той местности, где позднее возник Николо-Островский монастырь, «Другое село на Слудици за Робию» — деревня Слудка, где во времена Варлаама существовала церковь Георгия, нигде больше не упоминаемая. В 1557 г. на Слудке была заложена деревянная церковь Рождества богородицы; ее снова освящали в 1566 г. (НЛ. С. 127, 95).

124.
ГВНП. № 105

[Около 1255—1257 гг.] — *Духовная грамота Климента*

Младшая дата документа определяется временем смерти упоминаемого в нем юрьевского игумена Варлаама, который скончался в 1270 г. (НПЛ. С. 88, 319). Имеются, однако, основания относить грамоту к значительно более раннему времени. Ее автор

¹⁶ Опись Новгорода 1617 г. М., 1984. С. 103, 299, 328.

¹⁷ *Сумароков П. И.* Новгородская история. М., 1890. Вклейка между С. 16 и 17.

Климент отождествляется с новгородским тысяцким Климом: он связан с «купецким стом». Названные в духовной по именам купцы не только являются его должниками, но должны ему и наклад (процент) на «поральское серебро», а поралье, как это следует из жалованной грамоты о сиротах Терпилова погоста (ГВНП. № 89), взымалось в пользу посадника и тысяцкого. Между тем Клим как тысяцкий известен под 1255 г. (НПЛ. С. 81, 308), а в 1257 г. эту должность занимал уже Жирох (Жиротлав) (Там же. С. 82, 309). В духовной Климента говорится также об уплаченном за него Данилой и Воином «искупе литовском». Столкновения Новгорода с Литвой, когда литовцы захватывали, а новгородцы отбивали пленников, отмечены в летописи под 1245 и 1253 гг. (Там же. С. 79, 80, 304, 307).

М. Н. Тихомиров предполагал боярскую принадлежность Климента¹⁸. Но из текста духовной это никак не следует. Недвижимое имущество Климента состоит всего лишь из четырех сел, которые завещаются Юрьеву монастырю, Калисту и Андрею Воиновичу в покрытие долга и литовского искупа. Все деньги Климента находятся у должников, с которых их надлежит взыскать. В целом эта сумма не превышает 40 гривен, что равняется менее чем 6 гривнам серебра. Братьев и детей у Климента нет, а жена его не наследует никаких земельных владений; ей оставляется городской двор и половина стада. Материальное состояние Климента не соответствует боярской принадлежности. Скорее, это житий человек, из числа которых в XIII в. избирались тысяцкие.

125.
АЕ-67. № 1

[1334—1342 гг.] — *Купчая грамота Луки Варфоломеевича на Тайбольскую землю у Мануила, Алексея, старосты Родиона и у всей братьи*

126.
АЕ-67. № 2

[1334—1342 гг.] — *Купчая грамота Луки Варфоломеевича на стан за Пашской губой у Мануила, Алексея, старосты Родиона и у всей братьи*

В. И. Корецкий, обнаруживший и издавший эти грамоты, неверно определил купчую № 2 как краткий пересказ грамоты № 1. В действительности в обоих документах совпадают имена покупателя, продавцов и послухов, что свидетельствует об их практической одновременности, тогда как объекты покупок различны.

В первой грамоте Лука является покупателем Тайбольской земли в низовьях р. Паши, к югу от ее устья — Пашской губы. Здесь расположены впадающая в Ладожское озеро р. Салма («Салмакса»); ее левый приток — речка Вяница («Вяница»), вытекающая из Сар-озера; это озеро окружено обширным Сокольским болотом. Из Сокольского болота вытекает также ручей Симкинский, впадающий с запада в Пашу в 5 км ниже большой

¹⁸ Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952. С. 14.

деревни Колголема. Все эти упоминаемые в документе и локализуемые на современной карте пункты обозначают южную границу приобретенной Лукой Варфоломеевичем Тайбольской земли, тогда как ее северная граница простирается к Пашской губе, где, в частности, документ упоминает «Кобылью гору».

Вторая же грамота начинается указанием на уже совершенное приобретение Тайбольской земли, но посвящена прикупке соседней с ней территории, которая расположена «за губой» и непосредственно примыкает к Тайбольской земле, соприкасаясь с ней у той же «Кобыльей горы».

Покупатель обоих участков идентифицируется с известнейшим деятелем XIV в. боярином Лукой Варфоломеевичем, что следует из дальнейшей судьбы этого владения: в XV в. оно завещано в Колмов монастырь Ориной — правнучкой Юрия Онцифоровича, который был внуком Луки Варфоломеевича (см.: АЕ-67. № 8). Косвенным подтверждением такой идентификации является и принадлежность писца обоих не дошедших до нас подлинников рассматриваемых актов. Как установлено раскопками, усадьбы Варфоломея Юрьевича и его потомков в XIV—XV вв. находились в Неревском конце, на Великой и Козмодемьянской улицах¹⁹. Между тем церковь Дмитрия, поп которой Василий писал оба документа, локализуется на той же Великой улице, у ее пересечения с Даньславлей; о пожаре этой церкви в 1390 г. рассказывает летопись (НПЛ. С. 384, 460).

Приобретенные Лукой Варфоломеевичем земли на Паше были не единственными владениями его семьи в этом районе. Новгородская берестяная грамота № 279, адресованная внуку Луки — Максиму Онцифоровичу, написана «пашезерцами»²⁰. На усадьбе Онцифоровичей найдена также берестяная грамота № 361, исходящая «от шижнян и от братиловиць»²¹; Шиженский погост и Братлово на Паше находятся чуть южнее Колголемы.

Формально оба документа должны были бы датироваться промежутком от смерти Варфоломея Юрьевича до смерти Луки Варфоломеевича, поскольку до кончины отца Лука как будто не мог быть юридически самостоятельным лицом в вотчинных делах. Однако срок между этими двумя смертями крайне незначителен. Варфоломей умер 25 октября 1342 г. Но «того же лета Лука Валфромеев, не послушав Новаграда, митрополица благословения и владычня, скопив с собою холопов збоев, и поеха за Волок на Двину, и поставиша городок Орлиць; и скопивши Емцан, и взя землю Заволочкую по Двине, все погосты на щит. В то же время сын его Онцифор отходил на Волгу (в Академическом списке — „на Вагу“. — В. Я.), Лука же в двусту выиха воеват, и убиша его заволочане. И прииде весть в Новъгород: „Лука убиен бысть“,

¹⁹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 7—57.

²⁰ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. С. 105—107.

²¹ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963. С. 55—57.

и всташа черныи люди на Ондрешка, на Федора на посадника Данилова, а ркуци, яко те заслаша на Луку убити; и пограбиша их дома и села. А Федор и Ондрешко побегоша в Копорью в городок, и тамо седеша зиму всю и до великого говения» (НПЛ. С. 355—356), т. е. до 24 февраля 1343 г. По смыслу рассказа и расчету времени получается, что военная экспедиция Луки Варфоломеевича началась еще при жизни его отца. Просидеть всю зиму в Копорье Федор Данилович и Ондрешко могли в том случае, если бежали туда в начале зимы, т. е. по крайней мере в декабре, но уже к этому времени до Новгорода дошла весть о гибели Луки за Волоком, чему предшествовали и военное строительство в Орлеце, и военные операции. Получается, что начало всех этих действий относится ко времени более раннему, чем 25 октября 1342 г., — иными словами, к периоду, когда Варфоломей Юрьевич еще был жив.

Поскольку Лука Варфоломеевич в обеих комментируемых грамотах является юридически самостоятельным лицом, остается думать, что его отец задолго, во всяком случае за несколько лет, до смерти утратил дееспособность, будучи тяжело больным или приняв пострижение. Действительно, последнее сведение о его активности относится к 1334 г. (НПЛ. С. 346), но еще в 1332 г. он перестал представлять Неревский конец в правящей элите: посадником избирают его сына Матфея Варфоломеевича Коску (Там же. С. 99, 344—345). В литературе было высказано (в другой связи) предположение о том, что в конце жизни Варфоломей Юрьевич принял пострижение под именем Власий²². Поэтому датировать купчие Луки Варфоломеевича приходится в широких пределах — от 1334 до 1342 г.

127.
ГВНП. № 106

[Около 1359 г.?] — *Купчая грамота Акинфа, Ивана, Марка и Федора у Гошкуя, Якова, Бориса и Игната Жирятиничей на Разув остров*

Топографическая локализация Пикиничей и Разуева острова затруднительна (деревня Пикиниче существует в среднем течении р. Ояти, но Разуев остров там не отыскан). Поэтому включение грамоты в настоящий раздел условно: оно опирается только на принадлежность документа к архиву Николо-Островского монастыря, о чем свидетельствует помета XVIII в. на существующей только в виде списка XVI в. грамоте.

Основанием для датировки является указание грамоты на то, что земля приобретается на 70 лет, «а от того лета, коли Иоанн князь мертвь Ивановиче», как будто указывающее на великого князя Ивана Ивановича Красного, умершего 13 ноября 1359 г. Так же условно оставляя эту датировку, следует, однако, выразить некоторые сомнения в ней. Считается, что Николо-Островский монастырь в Холопьем городке существовал уже в конце XII в.,

²² Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 189—192.

поскольку в 1197 г. «постави церковь на острове святого Никифора Мартурии архиепископ» (НПЛ. С. 43, 237). О такой церкви в дальнейшем источники не упоминают больше; не было ее и в Николо-Островском монастыре, где, кроме соборного храма св. Николая, существовала еще только трапезная Покровская церковь²³. Сам этот монастырь становится известен только в XV в. Поэтому не исключено, что под Иваном Ивановичем может подразумеваться и другой одноименный князь, например сын тверского князя Ивана Михайловича, действовавший в начале XV в.

128.
ГВНП. № 109

[1389—1391 гг.] — *Данная грамота спинских сябров посадника Григория с товарищами Спасскому Верендовскому монастырю на рыбные ловли на р. Веренде и на земли с угодьями между рр. Верендой и Видогощью*

129.
ГВНП. № 107

[1389—1391 гг.] — *Данная грамота спинских сябров посадника Григория с товарищами Спасскому Верендовскому монастырю на рыбные ловли на р. Веренде и на земли с угодьями между рр. Верендой и Видогощью*

Оба документа являются вариантами одного и того же акта дарения «спинскими сябрами» угодий Спасскому Верендовскому монастырю. В ГВНП они датированы 1380—1415 гг. по упоминанию в них архиепископа Иоанна. Однако датировка этих документов поддается максимальному уточнению по именам вкладчиков.

Одним из них назван Кирила Андреевич, «сын посадничь». Но в 1402 г. этот боярин уже был посадником (НПЛ. С. 398); он скончался в 1410 г. (Там же. С. 402). Это обстоятельство важно для идентификации еще одного «спинского сябра» — посадника Григория. В конце XIV—начале XV в. два новгородских посадника носили это имя: Григорий Якунович и Григорий Богданович. Однако посадничество Григория Богдановича началось только в 1409 или 1410 г. (Там же. С. 402), тогда как о посадничестве Григория Якуновича сообщается уже под 1389 г. (Там же. С. 383, 460). Его преемник в представительстве от прусско-плотницкой боярской группировки Богдан Обакуневич титулуется посадником уже под 1391 г. (Там же. С. 384). Подкрепляются эти наблюдения тем, что Юрий Дмитриевич, названный в комментируемых грамотах в числе «спинских сябров» и никак в них не титулованный, был посадником уже в 1398 г. (Там же. С. 391). Упомянутый во втором документе (ГВНП. № 107) посадник Есиф идентифицируется с Есифом Захарьиничем, посадничавшим уже в 1389 г. и умершим в 1409 г. (Там же. С. 382, 401).

Таким образом, крайними хронологическими рубежами комментируемых документов являются: 17 января 1389 г., когда был

²³ Опись Новгорода 1617 г. С. 103, 326.

хиротонисан архиепископ Иоанн (Там же. С. 382), и 1391 г., когда посадника Григория Якуновича уже не было в живых.

Река Видогощь — правый приток р. Веренды, впадающей с запада в озеро Ильмень в Паозерье. О Спасском монастыре на Видогоще Новгородская III летопись рассказывает под 1407 г.: «Архиепископ Иоан Новгородский и Псковский постави церковь Преображение Господне на Видогощи, и монастырь устроиша» (НЛ. С. 251). Речь в этом сообщении идет не об основании, а о возобновлении монастыря, как следует из свидетельства Новгородской I летописи под тем же годом, — в указанное время была построена уже каменная церковь: «Постави владыка Иоанн церковь камени на Веренде святого Спаса Преображение, и свящаю сам, и монастырь устрои» (НПЛ. С. 400). Как правило, постройке каменной церкви в Новгороде предшествовала деревянная. Глагол «устроить» имел значение не только «создать», но и «благоустроить», «украсить».

130.
АСЭИ. Т. 1. № 2

[Конец XIV—начало XV в., до 1409 г.] —
*Купчая грамота Михаила Федоровича
Крюка у Юрия Онцифоровича на село
Медну*

В АСЭИ грамота датирована «ок. 1380—1417 гг.» — «временем деятельности новгородского посадника Юрия Онцифоровича, умершего в 1417 г.» Продавец Медны новгородский боярин Юрий Онцифорович мог стать самостоятельным вотчинником только после смерти своего отца Онцифора Лукинича в 1367 г. (ПСРЛ. Т. 11. С. 9). Об активной политической деятельности Юрия летопись рассказывает начиная с 1376 г. (НПЛ. С. 374, 376, 378, 385). С 1411 г. Юрий Онцифорович титулуется в летописных текстах посадником (Там же. С. 402, 404). Весной 1417 г. он умер, будучи перед кончиной «нем год и 3 месяца [и 10 дний]» (Там же. С. 407; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 164; Т. 11. С. 232). Поскольку в комментируемом документе Юрий Онцифорович не титулован, грамоту следует относить ко времени более раннему, чем избрание в посадники, а этот момент относится к 1409 г.: Юрий был избран на место умершего в указанном году посадника Тимофея Юрьевича.

Для уточнения датировки не может быть использована сохранившаяся при документе свинцовая печать новоторжского наместника новгородского владыки. Она относится ко времени архиепископства Евфимия I Брадатого (1424—1429 гг.)²⁴, т. е. привешена к грамоте явно позднее смерти Юрия Онцифоровича. По-видимому, окончательное оформление купчей (скрепление ее печатью) было произведено одновременно с оформлением духовной сына купившего Медну боярина Михаила Федоровича Крюка — Ивана Крюкова, который завещал Медну Троице-Сергиеву монастырю. Данные грамоты на это село были выданы душеприказчиками Ивана Михайловича около 1430 г. (АСЭИ. Т. 1. № 70, 71; см. также

²⁴ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. М., 1970. Т. 2. С. 65.

жалованную несудимую грамоту великого князя Василия Васильевича Троице-Сергиеву монастырю на это село, датируемую 1428—1430 гг. — АСЭИ. Т. 1. № 57).

131. [1398—1410 гг.] — *Духовная грамота*
ГВНП. № 110 *Остафия Ананьинича*

На грамоте, сохранившейся в списке начала XVII в., имеется помета И. Ф. Розова: «Лета 6901», т. е. 1393 г., которая и была усвоена в ГВНП для датировки документа. Однако его содержание противоречит такой дате. Если один из душеприказчиков Остафия Ананьинича — посадник Федор Тимофеевич известен с этим титулом уже под 1385 г. (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 342), а умер в 1421 г. (НПЛ. С. 413), то другой его душеприказчик посадник Юрий Дмитриевич получил титул не ранее 1398 г. и умер в 1410 г. (Там же. С. 391, 401). Поэтому грамота датируется промежутком времени от 1398 до 1410 г.

Упомянутый в грамоте посадник Александр не может быть идентифицирован с боярином Александром Фоминичем, который посадничал с 1398 г. до смерти в 1421 г. (Там же. С. 413²⁵). С посадником Александром у отца Остафия Ананьинича была «говорка» перед архиепископом Алексеем (1359—1388 гг.), но Александр Фоминич стал посадником уже при владыке Иоанне. Очевидно, что речь здесь идет о посаднике Александре Семеновиче, преемнике своего брата Ивана Семеновича Мотурицы, пришедшем на посадничество после 1376 г., так как в указанном году еще посадничал Иван Семенович (ГВНП. № 16).

Церковь архангела Михаила, прихожанами которой были Остафий Ананьинич и его семья и дьяком которой был написан оригинал грамоты, находилась в Славенском конце Торговой стороны Новгорода, на Михайловой улице; ее каменное построенное в 1300 г. здание (НПЛ. С. 330) существует и сейчас²⁶.

132. [1389—1415 гг.] — *Купчая грамота Спаского Верендовского монастыря у Прокопия Ивановича на пожню и лес у Глуха ручья*
ГВНП. № 108

Грамота датируется по упоминанию в ней архиепископа Иоанна (хиротонисан 17 января 1389 г., оставил кафедру 20 января 1415 г.). Названный в числе послухов Александр Игнатъевич, никак в грамоте не титулованный, в августе 1415 г. был уже степенным тысяцким (НПЛ. С. 405).

Глух ручей — правый приток р. Веренды чуть выше впадения в нее р. Видогощи.

133. [1424—1429 гг.] — *Меновная грамота архиепископа Евфимия с Богословским на Витке монастырем*
Андр. С. 35

²⁵ См. также: Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. 2-е изд. СПб., 1882. Стб. 285—286.

²⁶ О локализации владений Остафия Ананьинича и генеалогической характеристике документа см.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Гл. 3.

Для датировки документа важно упоминание в нем архиепископа Евфимия и посадника Андрея Ивановича. В Новгороде двое владык носили имя Евфимий. Первый — Евфимий Брадатый — был хиротонисан в 1424 г. и умер 1 ноября 1429 г. (НПЛ. С. 415); второй — Евфимий Лисицкий (или Вяжицкий) — хиротонисан в апреле или мае 1434 г. и умер в 1458 г. Известны также два одноименных посадника Андрея Ивановича. Первый упоминается в 1415—1421 г. (Там же. С. 405; ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 431); но год его смерти неизвестен. Второй посадничал в 30-х—40-х годах XV в. (см.: ГВНП. № 90).

Таким образом, по сочетанию владычного и посадничьего имен грамота может относиться как к 1424—1429 гг., так и к 30-м—40-м годам XV в. При выборе предпочтительной даты возможно опереться на имена вкладчиков Богословского монастыря. Семен и Иван Васильевичи фигурируют в перечне новгородских посадников Уваровской летописи среди лиц, избранных в 20-х годах XV в. (ПСРЛ. Т. 23. С. 166). Вероятно, именно их вклад, совершенный еще до избрания их в посадники, стал предметом мены Богословского монастыря с архиепископом, в котором, следовательно, предпочтительнее видеть Евфимия I Брадатого.

Смысл обмена понятен. Богословский монастырь получает взамен отдаленной вотчинки в Воскресенском Липенском на Сяси погосте (в Обонежской пятине) землю в Радоковицах, т. е. расположенную рядом с Богословским на Витке монастырем. С наименованием этой местности связан основанный в 1357 г. Успенский Радоковицкий монастырь (НПЛ. С. 364), который находился на берегу Волхова, в 50 саженях к северу от основанного примерно в то же время (при архиепископе Моисее. — НЛ. С. 136) Богословского на Витке монастыря, который иногда именовался и Богословским в Радоковицах: «В лето 6892. В Великом Новеграде совершиша церковь каменну святого Иоанна Богослова, в Радоковицах, на Витке реки» (НЛ. С. 36, 244).

Существенно показание грамоты о том, что земля в Радоковицах входила во владение «прежних владык», бравших с нее позем «в дом божию святей Софии». Это показание решительно противоречит утверждению так называемой «купчей Антония Римлянина» (ГВНП. № 102), согласно которому указанный участок входил в границы земли, принадлежащей Антониеву монастырю и приобретенной якобы у «Смехна да у Прохна у Ивановых детей у посадничих». Упоминание в этом последнем документе рублей указывало на время не ранее рубежа XIII—XIV вв., а отсутствие в границах обозначенного в нем участка двух основанных в 50-х—60-х годах XIV в. монастырей — Богословского и Успенского, места которых безусловно входят в эту территорию, вело к датировке «купчей Антония Римлянина» 1354—1357 гг.²⁷, поскольку до 1354 г. в Новгороде XIV в. ни один посадник не носил имени Иван²⁸. Между тем оба посадника Ивана этой поры — Иван

²⁷ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 40—59.

²⁸ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 379—380.

Семенович Мотурица и Иван Федорович Смятанка — дожили до 60-х годов XIV в., и, следовательно, их дети никак не могли распоряжаться отчинами в 50-х годах XIV в.²⁹ Все эти обстоятельства заставляют отказаться от предложенной ранее датировки «купчей Антония Римлянина» и вернуться к прежнему выводу С. Н. Валка о подложности «купчей Антония», фальсифицированной в XVI в. в обоснование спорных прав Антониева монастыря на описанные в «купчей» земли³⁰.

134.
ГВНП. № 289

[Около 40-х годов XV в.] — *Купчая грамота Максима Попова Фалелеева у Исака Федорова, приказника Терентия Ивановича, на двор последнего*

В ГВНП грамота отнесена к Обонежью на основании того, что в ней упоминается в качестве послуха Селифонт Твердиславич, фигурирующий и в данной «всех скотников и помужников Толвуйской земли» Палеостровскому монастырю на Онежском озере 40-х годов XV в. (ГВНП. № 90; см. также: ГВНП. № 288). Сын Селифонта — Панфилий Селифонтович — на переговорах с королем Казимиром IV в начале 1471 г. был представителем Новгорода от житейх людей (ГВНП. № 77). Он, так же как и его отец, имел владения в Обонежье (см.: ГВНП. № 314; МИК. № 31; АЕ-57. № 7), однако, как и другие «скотники и помужники Толвуйской земли», по-видимому, жил в Новгороде. Поэтому комментируемая купчая отражает имущественные отношения жителей города.

Максим Фалелеев покупает хоромы и двор у душеприказчика («приказника») умершего Терентия Ивановича — Исака Федоровича. Упоминается тын, которым, судя по материалам археологических раскопок в Новгороде, была огорожена каждая городская усадьба. «Борковская межа» грамоты может быть идентифицирована с границей застройки Борковой улицы Неревского конца Новгорода. Сделка была совершена с ведома старост Максима Семенова и Офрема Маркова. Старост было двое, как и на Рогатице (ср. с ГВНП. № 117), что позволяет понимать их как уличанских.

Имеется возможность решительно подтвердить такое толкование документа, предложенное В. Ф. Андреевым. У Панфилия Селифонтова, не дожившего до боярского вывода, были сыновья Марк и Лаврентий, числящиеся среди сведенных вотчинников (ПКОП. С. 118, 126, 128, 137). О Марке известно, кроме того, что он был купеческим старостой, которого после падения Новгорода арестовал в 1478 г. Иван III: «Месяца февраля 1 в неделю на заговенье масляное велел князь велики поимати старосту купецкого Марка Памфильева, и поимали его в городе»; 7 февраля, отправляя в Москву арестованных новгородцев, в том числе и Марка Памфильева, великий князь приказал «животы их отписать на

²⁹ Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII—XV вв. Л., 1986. С. 95.

³⁰ Валк С. Н. Указ. соч. С. 295—300.

себя» (ПСРЛ. Т. 25. С. 322—323; Т. 12. С. 188). Между тем Лавочная книга Новгорода 1583 г., сохранившая реликтовые обозначения садовых и огородных участков по именам их бывших владельцев времени новгородской независимости, числит Марка Панфильева жителем Неревского конца: «На Кузьмодемьяне ж улицы: сад Олександровской Самсонова, да Михайловской Селезнева, да Олферьевской Пшонкина, да Степановской Мошенника, да Сидоровской Иванова, да Марковской Панфильева, да Ивановской Клайдовского. . .»³¹

135.
ГВНП. № 94.

[1434—1458 гг.] — *Жалованная грамота архиепископа Евфимия Спасскому Верендовскому монастырю, устанавливающая право игумену и братии явки на суд только по владычной позовной грамоте*

Основанием датировки может служить лишь время архиепископства Евфимия II, который хиротонисанным приехал в Новгород 26 мая 1434 г. (НПЛ. С. 417), а умер 10 марта 1458 г. (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 197). Возможность датировать документ временем Евфимия I Брадатого исключена, так как более поздние подтверждающие грамоты архиепископов Ионы и Феофила, касающиеся того же пожалования (ГВНП. № 97, 100), содержат ссылки не на двух, а только на одного Евфимия.

136.
ГВНП. № 111

[60-е годы XV в.] — *Духовная грамота Федора Остафьевича*

В ГВНП грамота датирована условно 1435 г. на основании пометы И. Ф. Розова. Между тем состав имен душеприказчиков указывает на значительно более позднюю дату. Тысяцкий Яков Игнатъевич с этим же титулом упоминается под 1463 г.: «тысяцкого Великого Новгорода Иякова Игнатъевича, словутнаго Лозьева» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 212). 3 марта 1470 г. случилось «скорое преставление, в мгновение оку, Якова посадника, словутнаго Лозьева, церковнаго здателя, милостиваго до нищих» (Там же. Стб. 224). Следовательно, между 1463 и 1470 гг. он был избран в посадники. Иван Афанасьевич как посадник известен в 1459 г. (Там же. Стб. 198). Боярин Иван Максимович без титула упомянут под 1436 г. (НПЛ. С. 418), а как посадник — в грамоте 60-х годов XV в. (ГВНП. № 112), в которой среди славенских посадников назван и сам Федор Остафьевич. Поэтому комментируемый документ датируется 60-ми годами XV в. Он предшествует рассматриваемой ниже грамоте посадников Славенского конца (ГВНП. № 112), поскольку в нем упоминается посадник Федор Олисиевич (обозначенный ошибочно как «Алексеевич»), упомянутый в перечне Уваровской летописи (ПСРЛ. Т. 23. С. 166), но уже отсутствующий в списке славенских посадников указанной грамоты.

³¹ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. М., 1930. С. 174.

Федор Остафьевич — сын Остафия Ананьинича, завещателя в грамоте рубежа XIV—XV вв. (ГВНП. № 110). Место жительства этой семьи в Новгороде комментируемая грамота называет более определенно, чем духовная Остафия Ананьинича, связывая его с Нутной улицей Славенского конца, которая действительно близко подходит к церкви архангела Михаила на Михайловой улице, бывшей, согласно духовной Остафия, приходским храмом Остафия и Остафьевичей³².

137.
ГВНП. № 91

[1461—1467 г.] — *Подтвердительная грамота посадников Славенского конца Саввино-Вишерскому монастырю к прежнему пожалованию землею на р. Вишере*

138.
ГВНП. № 112

[1461—1467 г.] — *Грамота посадников Славенского конца о размежевании земли Ивана Васильевича Губарева и Саввино-Вишерского монастыря*

Принятая в ГВНП для первого из этих документов дата — «не позднее 1417 г.» — основана на том, что упомянутый в грамоте посадник Иван Александрович умер в указанном году. Эта датировка абсолютно неприемлема. Грамота в действительности является подтвердительной относительно прежнего дарения, которое было некогда сделано посадниками Федором Тимофеевичем, умершим в 1421 г. (НПЛ. С. 413), и Иваном Александровичем, умершим в 1417 г. (Там же. С. 403), а также «старшими посадниками и тысяцкими» старцу Саве при основании им Саввино-Вишерского монастыря. Очевидно, что речь идет не о личном вкладе двух посадников, а о корпоративном, кончанском, соответственно чему эта земля обозначена как «кончанская».

Согласно его Житию, Сава основал пустынь на р. Вишере в 10 км к северо-востоку от Новгорода в 1417 г., по благословиению архиепископа Симеона (1415—1421 гг.), поставив там крест, сохранявшийся в монастыре и в позднейшее время³³. Упомянутая в грамоте церковь Вознесения была построена им в 1418 г. (НЛ. С. 257—258). После этого Сава прожил еще несколько десятилетий и умер в октябре 1461 г., поручив после себя игуменство Андрею. Поскольку Житие Савы, откуда заимствованы приведенные даты, и служба ему были составлены Пахомием Логофетом по поручению архиепископа Ионы, т. е. не позднее 1470 г.³⁴, их достоверность не вызывает сомнений.

Между тем грамота адресована не Саве и даже не Андрею, а игумену Алексею, т. е. не непосредственному преемнику Савы на

³² О локализации владений Федора Остафьевича и генеалогической характеристике документа см.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Гл. 3.

³³ Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 628.

³⁴ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 123, 156—158.

настоятельстве. Поэтому в любом случае документ датируется временем после 1461 г. Упоминание среди гарантов пожалования не только «св. Вознесения», но и «св. Павла» связано с тем, что монастырь Павла Исповедника в Славенском конце был кончанским центром, что засвидетельствовано изображением св. Павла Исповедника на славенских кончанских печатях при грамотах времени архиепископов Евфимия II и Ионы (ГВНП. № 95, 96).

Вторая грамота (Там же. № 112) выдана одновременно с первой, раскрывая причины породившего ее конфликта, а также необходимость выдачи подтверждающей грамоты (Там же. № 91). Иван Васильевич Губарев (он же Сокирин, «посадничий брат», т. е. брат посадника Якова Васильевича Селезнева и внук посадника Ивана Васильевича Сокиры) возбудил тяжбу о размежевании своей земли с землями, некогда отданными Саввино-Вишерскому монастырю. Особо отметим, что деревня Губарево, существующая и сейчас, находится в ближайшем соседстве с Саввино-Вишерским монастырем (в 3 км к северо-востоку от него); в Описи Новгорода 1617 г. она числится вотчиной Николо-Островского монастыря³⁵. Поскольку, согласно этому документу, у Николо-Островского монастыря не было других владений, кроме земли «под монастырем» и в Губарево, очевидно, что именно эта волостка была в дальнейшем куплена посадником Иваном Лукиничем у наследников Ивана Губарева — «из Ивановой и Филипповой половины», а затем отдана им Николо-Островскому монастырю (см.: ГВНП. № 113, 114, 118, 120).

Поскольку в момент дарения вотчинки Саве не было выдано ободной грамоты на монастырскую землю, славенские посадники задним числом утверждают «концальную грамоту даную» (Там же. № 91), по которой и следовало произвести размежевание с владениями Ивана Васильевича Губарева.

Имена славенских посадников в большинстве случаев в других источниках не встречены, за исключением Василия Степановича, Федора Остафьевича и Ивана Тимофеевича, но и эти лица фигурируют в документах с широкими датами. Однако о Василии Степановиче (Варлааме Важском) известно, что он умер в 1467 г.³⁶ Эта дата важна для определения времени обеих комментируемых грамот, которые не могли быть выданы ранее 1461 и позднее 1467 г. Вместе с тем важным хронологическим показателем оказывается количество славенских посадников, поименованных во втором документе. Оно отражает результат уже проведенной реформы увеличения состава посадничьей коллегии. Эта реформа была проведена после 1459 г. и, вероятнее всего, относится к 1463 г. Если ее датировка верна, то предпочтительной датой обоих рассмотренных документов являются 1463—1467 гг.

³⁵ Опись Новгорода 1617 г. С. 104.

³⁶ Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // АЕ за 1960 г. М., 1961. С. 241—243; Житие преподобного Варлаама Важского. М., 1887.

- 139.** 1467/68 г. — *Вкладная грамота Устиньи Осиповой жены Спасскому Нередицкому монастырю на землю в Пчеве*
 ГВНП. № 119
- Дата документа указана в самой грамоте: «в лета 7970 пятое», что соответствует марту 1467—февралю 1468 г.
 Деревня Пчева находится в нижнем течении Волхова, на правом его берегу, в 12 км ниже Киришей.
- 140.** [1460—1470 гг.] — *Подтвердительная грамота архиепископа Ионы Спасскому Верендовскому монастырю на право игумена и братии являться на суд только по владычной позовной грамоте*
 ГВНП. № 97
- Грамота датируется только именем выдавшего ее архиепископа Ионы (февраль 1460—октябрь 1470 г.).
- 141.** [1460—1470 гг.] — *Рядная грамота крестьян Робичинской волости и архимандрита новгородского Григория о повинностях и дарах*
 ГВНП. № 115
- В ГВНП грамота датирована временем около 1460 г. по упоминанию в ней новгородского архимандрита Григория, единственный раз фигурирующего в летописи под указанным годом (ПСРЛ. Т. 6. С. 322). Между тем крайние даты его архимандритства неизвестны. Поэтому при датировке документа возможно опереться только на время архиепископства благословившего рядную владыки Ионы (февраль 1460—октябрь 1470 г.).
- Волостка Юрьева монастыря Робицицы локализуется по писцовым книгам в Водской пятине (НПК. Т. 3. Стб. 855).
- 142.** [60-е—70-е годы XV в.] — *Меновная грамота Богородицкого Лисицкого монастыря с Костянтином Есифовичем на землю*
 ГВНП. № 118
- 143.** [60-е—70-е годы XV в.] — *Купчая грамота новгородского посадника Ивана Лукинича у Костянтина Есифовича на землю с угодьями по р. Вишере*
 ГВНП. № 113
- 144.** [60-е—70-е годы XV в.] — *Купчая грамота Есифа Ивановича у Ильи Есифовича на землю по р. Вишере*
 ГВНП. № 116
- 145.** [60-е—70-е годы XV в.] — *Вкладная грамота новгородского посадника Ивана Лукинича Николо-Островскому монастырю на землю с угодьями по р. Вишере*
 ГВНП. № 114.
- 146.** [70-е годы XV в.] — *Духовная грамота Ивана Лукинича, в иноках Василия, завещающая Николо-Островскому монастырю земли по р. Вишере*
 ГВНП. № 120

Взаимосвязанными отраженной в них общностью судьбы земельных владений являются грамоты этой группы, сохранившейся в списках 1688 г. из архива Николо-Островского монастыря в устье р. Вишеры, близ Новгорода.

Новгородский посадник Иван Лукинич, известный в этой должности с 1439 по 1471 г., а затем принявший пострижение под именем Василий (ГВНП. № 120), «наступил» на церковную землю Николо-Вишерского монастыря, владея ею «сильно», и во искупление греха передал свои владения по р. Вишере сначала по вкладной, составленной еще в бытность его посадником (Там же. № 114), а затем и по духовной, написанной им уже в иноческом чине (Там же. № 120). Непонятно, почему в ГВНП этот последний документ датирован временем «не позднее 1471 г.». Как раз наоборот, еще в августе 1471 г. Иван Лукинич как посадник участвовал в оформлении коростыньских документов (Там же. № 25, 26, 27); чернецом он, следовательно, стал позднее, и его духовную надо датировать временем «не раньше 1471 г.». Младший рубеж ее написания не определяется тем, что в боярских встречах Ивана III в 1475 г. Иван Лукинич не участвовал: к этому времени он мог не умереть, а уйти в монастырь. Следует добавить, что у Ивана Лукинича, носившего прозвище Шока, была жена Ульяна и сын Семен Щекины, владевшие к моменту боярского вывода 16 сохами в Вышгородке (НПК. Т. 5. Стб. 63).

Переданное им Николо-Островскому монастырю владение собиралось покупками. Оно состояло из следующих частей:

1. Земли от Воляня ручья до Борового ручья «по старой грамоте купленной Есифа Ивановича и по ободной» (ГВНП. № 120). Список с купчей и ободной Есифа Ивановича, который приобрел эти земли у Ильи Есифовича Данилова внука, сохранился (Там же. № 116). Отметим, что указанный участок не фигурирует во вкладной Ивана Лукинича (Там же. № 114), а передается монастырю только по духовной (Там же. № 120). Из этого следует, что он перешел в руки Ивана Лукинича в период между составлением вкладной и духовной.

2. Две трети «во всей Туровской земле», по обе стороны р. Вишеры. Эти две трети исчислены от «Ивановой и Филипповой половины», которая после их смерти наследовалась разными лицами:

а) одна треть, унаследованная Фетиньей и Василистой, была отдана ими в Богородицкий Лисицкий монастырь, затем выменена у лисицкого игумена Германа Костянтином Есифовичем (Там же. № 118) и, наконец, куплена у Костянтина Есифовича Иваном Лукиничем (Там же. № 113);

б) другая треть, унаследованная Есифом Остафьевичем и его женой Матроной, была куплена у них Костянтином Есифовичем, а затем продана Костянтином Ивану Лукиничу (Там же. № 113); купчая Костянтина на этот участок упоминается во вкладной Ивана Лукинича (Там же. № 114), но ее текст не сохранился;

в) к тому же исходному владению относится пожня на р. Робые у Холопьяго городка: «а тою пожнею на Робыи володети по купной грамоте Матфея Васильевича, и по сеи моеи по данои грамоте, и по Фетеине и по Василистине грамоте по данои, и по старым грамотам, и по сему володению» (Там же. № 114). По-видимому, эта пожня, некогда перешедшая от Матфея Васильевича к Фетинье и Василисте, была отдана ими в Николо-Островский монастырь, и именно на этот участок «наступил» Иван Лукинич.

3. Пожня на Мсте у Великого омута была отдана Федосьей Дмитриевой в Лисицкий монастырь, но затем куплена Костянтином Есифовичем у игумена Германа (Там же. № 114) и продана им Ивану Лукиничу (Там же. № 120).

Последовательность сохранившихся документов такова: № 118 — меновная Лисицкого монастыря с Костянтином Есифовичем; № 113 — купчая Ивана Лукиничу у Костянтина Есифовича; № 116 — купчая Есифа Ивановича у Ильи Есифовича (этот документ, однако, может относиться и к несколько более раннему времени, нежели предыдущие); № 114 — вкладная Ивана Лукиничу; № 120 — духовная Ивана Лукиничу. Последние два документа относятся ко времени игуменства в Николо-Островском монастыре Сергия. При этом игумене совершена также купчая № 117; упомянутый в последней Климентий Иванович фигурирует в документе 1466 г. (Там же. № 76).

Николо-островский игумен Сергий упоминается в Волоколамском сборнике XVI в. (ГБЛ. Волокол. собрание. № 659), где он назван «отец Заикхийев, нынешнего игумена хутинского», а с именем настоятеля Захья агиография связывает видение хутинского пономаря 1505 г.³⁷

147.
ГВНП. № 117

[60-е—70-е годы XV в.] — *Купчая грамота Николо-Островского монастыря у Карна Васильева на двор с хоромами и огородом на улице Рогатице*

Грамота датируется по упоминанию в ней николо-островского игумена Сергия (ГВНП. № 114, 120) и старосты улицы Рогатицы Климентия Ивановича, который в документе 1466 г. (Там же. № 76) фигурирует как купеческий староста. Известны по другим грамотам и послухи комментируемой купчей: Иван Елизарович был купеческим старостой в 1481, 1487, 1493 и 1502 гг. (АЗР. Т. 1. № 75; НР. Abt. 3. Bd. 2. N 136; АЗР. Т. 1. № 112; ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 3. С. 611); Микита Леонтьевич — купеческий староста 1487 г. (НР. Abt. 3. Bd. 2. N 136).

Местоположение церкви Ипатия на Рогатице известно: оно фиксируется планами Новгорода XVIII—первой трети XIX в. (каменное здание этой церкви было разрушено в 30-х годах XIX в., а сама церковь впервые упоминается под 1183 г. — НПЛ. С. 37, 227). Буянское болото своим названием связано с Буянской

³⁷ Дмитриев Л. А. Указ. соч. С. 83, 171.

улкой, находившейся по соседству с Рогатицей, севернее последней. Рогатицкий двор Николо-Островского монастыря числится на Загородной улице Торговой стороны (ПСРЛ. Т. 30. С. 174).

О размерах купленного Николо-Островским монастырем двора можно судить по его описанию в Писцовой книге Новгорода 1586 г.: на Рогатице «двор нетяглой монастырской Никольской Островского монастыря, дворник в нем Поздзячко сапожник, нетяглой; длина двору четырнадцать сажен, поперег шесть сажен; да у того ж двора садок, а в нем полтретьятцать дерев яблонových розни; длина садку дватцать одна сажень, поперег восемь сажен; и всего длина двору и садку тритцать пять сажен»³⁸. Площадь двора приближалась к 1000 кв. м.

148. [Третья четверть XV в.] — *Купчая Малафея Максимовича у Стефана, Якова и Максима Александровичей на землю в Понеделье*
АЕ-67. № 5

149. [60-е—70-е годы XV в.] — *Раздельная грамота Овдокии Малафеевны на владения ее детей Тимофея и Остафия Михайловичей*
АЕ-67. № 6

150. [60-е—70-е годы XV в.] — *Духовная Остафия Михайловича на земли, завещанные Вяжищскому монастырю*
АЕ-67. № 7

Согласно грамоте № 5, Малафей Максимович, живший на Нутной улице Славенского конца, «в поле» (см. в этом комплексе грамоту № 6), купил у братьев Стефана, Якова и Максима Александровичей землю «на Понедельи на Микулинской стороны»: в Дмитриеве селе, в Руднякове, в Онисимовке и на Брусной «в шестой части участок трех братьев». Земли находились в Понедельском погосте Деревской пятины, неподалеку от Новгорода. Деревня Понеделье (центр погоста) существует и сейчас к югу от устья р. Мсты.

По грамоте № 6, эти земли были унаследованы дочерью Малафея — Овдокией, бывшей замужем за Михаилом и разделившей их после смерти Михаила между двумя своими сыновьями — Остафием и Тимофеем. Кроме «отчины», в раздел вошли земли, которые были унаследованы от мужа и состояли из Деревской Рокошинской земли (отчины Михаила) и его прикупи там же, в Рокошине.

Тимофею по раздельной достаются село Верхнее Липично (Лукинское; «где Тимофеев двор»), а также городской двор Малафея. Остафий получает село Нижнее Липично («большой двор Малафеев»), Понедельское и Рудняковское села, «Лющичкую землю до Колобова пути», а также Деревскую Рокошинскую землю, «опричь Михайлове прикупи».

³⁸ Греков Б. Д. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI в. СПб., 1912. С. 35.

Очевидно, что к этому времени объем владения, несколько увеличившись за счет прикупки в Рокошине, понес и некоторые утраты. В писцовых книгах нет Дмитриева и Онисимкова сел, которые, скорее всего, идентифицируются с Верхним и Нижним Липичном. Однако в них фигурирует Брусна, которая, будучи названа в купчей Малафея, в раздельной грамоте не упомянута вовсе. Согласно переписной оброчной книге 1495 г., в Брусне находились владения Андрея Аврамова, купца (1 обжа), и Никольского Понедельского монастыря вопче со своеземцем Сенькой (1 обжа) (НПК. Т. 2. Стб. 454—455, 469). По-видимому, земли в Брусне были завещаны Никольскому монастырю в Понеделье еще самим Малафеем.

Грамота № 6 не дает ответа на вопрос, какой же была судьба прикупки Михаила в Рокошине. Эта прикупка не определена ни Остафию, ни Тимофею (последний получает в Рокошине только основной участок, «опричь Михаилове прикупки»).

Ответ на этот вопрос содержится в грамоте № 7, согласно которой Остафий Михайлович отдает прикупку в Рокошине Николаевскому Вяжищскому монастырю, сохраняя за собой все остальные доставшиеся ему земли. В указанном обстоятельстве заключена несомненная единовременность грамот № 6 и 7. Грамота № 7, во исполнение распоряжения Овдокии, «а что кому бог сведет, ино брату мимо брата земли не отпущать», содержит, по существу, завещание брату. Остафий в случае своей смерти отказывает брату Тимофею «на Понеделье большой двор деда моего Малафея» (т. е. село Нижнее Липично), Рудняковское село и дедину в Рокошине. В случае же смерти Тимофея все эти земли должны перейти в собственность Вяжищского монастыря, игумену и старцам которого вменяется в обязанность «держатъ поминка» у св. Андрея на Ситецке по родителям, предкам Тимофея и Остафия и по ним самим.

Завещание было реализовано полностью. Деревня Верхнее Липично ушла в поминки к Андреевскому монастырю с Ситны (НПК. Т. 2. Стб. 470; 2 обжи). Что касается земель Остафия, то, согласно той же писцовой книге 1495 г., деревни Рутняково и Липична (т. е. Нижнее Липично) общим объемом в 5 обож числятся за Вяжищским монастырем (Там же. Стб. 468). Рокошино, находившееся в Налесском погосте Деревской пятины на р. Полометь (к западу от Яжелбиц) и бывшее громадным вопчим селом общим объемом в 40 обож, содержало и участок Вяжищского монастыря в 4 обжи (Там же. Т. 1. Стб. 809).

Следует отметить, что владения Никольского Понедельского монастыря граничили с землями потомков Малафея. Среди этих монастырских владений писцовая книга называет не только Брусну, но также еще одну деревню Липично и деревню Колобово (Там же. Т. 2. Стб. 469; ср.: «Лющичкая земля до Колобова пути» в грамоте № 5, принадлежащая Тимофею Михайловичу). Этим тесным соседством, на наш взгляд, объясняется и конфликтная ситуация, которая была исчерпана раздельной грамотой между

Вяжищским и Понедельским монастырями, датируемой 1489—1501 гг.³⁹

Для датировки грамот № 6 и 7 важно упоминание во второй из них вяжищского игумена Варлаама, который фигурирует в документах 1466/67 г. (ГВНП. № 310, 311), 1474/75 г. (Там же. № 315) и 1478/79 г. (Там же. № 316). Если Варлаам был современником архиепископов Ионы и Феофила, то при Евфимии II Вяжищском в том же монастыре игуменом был предшественник Варлаама Иоаким (Там же. № 292—295). Условно относя грамоты № 6 и 7 рассматриваемого комплекса к 60-м или 70-м годам XV в., допустимо полагать, что они могли быть составлены даже в ближайшие после падения независимости Новгорода годы, до осуществления боярского вывода 80-х годов XV в.

Грамота № 5 принадлежит к более раннему времени, поскольку является купчей деда тех лиц, которые фигурируют в документах № 6 и 7. Однако этот временной промежуток может быть и сравнительно небольшим, если между смертью Малафея и его зятя Михаила прошел короткий срок.

151.
ГВНП. № 122

[60-е—70-е годы XV в.] — *Рядная грамота Федора Онкифовича, его жены и детей с Матфеем Ивановичем на наследуемую ими землю Федора Максимовича и Федора Дмитриевича*

В ГВНП грамота датирована в целом XV в. Между тем среди рядцов в ней назван новгородский тысяцкий Павел Лукинич, известный в других источниках как Павел Телятев (в рассказе Московского свода конца XV в. и в Воскресенской летописи, повествующих о «шелонском взятии» 1471 г., он ошибочно назван посадником. — ПСРЛ. Т. 25. С. 289; Т. 8. С. 165—166). В 1475 г. он как тысяцкий участвует во встрече Ивана III во время его «мирного похода» на Новгород (Там же. Т. 6. С. 200—201; Т. 25. С. 305). Тысяцким был и его брат Федор Лукинич Телятев, также принимавший участие в боярских встречах 1475 г. Оба брата фигурируют в летописном перечне новгородских тысяцких (Там же. Т. 23. С. 166). До боярского вывода Павел Телятев не дожил, поскольку в писцовых книгах вотчинником обозначен уже не он, а его сын Матфей Павлович. Впрочем, младшим рубежом составления документа является момент утраты новгородской независимости, когда титул и должность тысяцкого были упразднены. Возможно и еще одно уточнение этого рубежа: Федор Онкифович, обозначенный с прозвищем Глазоемцев, в боярских встречах участвовал уже как посадник; коль скоро в комментируемом документе он не титулован, надо полагать, что этот акт относится к несколько более раннему времени.

Упомянутые в документе земли расположены в Сытинском и Оксочском погостах Деревской пятины, а также (унаследованные от Еремея) — в Илеменском и Струпинском погостах Шелонской

³⁹ *Корецкий В. И.* Указ. соч. С. 258. № 1.

пятины; Защижье и Хомуток находились в Сорогошине (Бежецкая пятина). Из участников рядной писцовой книги знают как доживших до вывода Матфея (Матюка) Ивановича и Федора Онкифовича, а из их соседей — Матвеевых детей и Клементьевых детей Босоволковых. Названный среди свидетелей Василий Андреевич («Васюк Ондrejaнович Онкифов» писцовых книг) идентифицируется с владельцем села Волмановского Василием: в этом селе останавливался Иван III во время «мирного похода» на Новгород, 16 ноября 1475 г. (ПСРЛ. Т. 6. С. 200; Т. 25. С. 304)⁴⁰.

152.
ГВНП. № 278

[70-е годы XV в.] — *Раздельная грамота Василия Федоровича и его братана Василия Степановича на унаследованные ими земли*

Документ отражает следующий этап имущественных отношений потомков Остафия Ананьинича (см.: ГВНП. № 110, 111). Участники раздела — сын завещателя в духовной Федора Остафьевича (Там же. № 111) Василий Федорович и племянник последнего, сын его умершего брата Степана Федоровича, Василий Степанович. Писцовые книги знают участников этого раздела, именуя первого «Васюком Федоровым с Нутной улицы», а второго Василием Степановичем Забелиным, из чего следует, что оба они дожили до боярского вывода 80-х годов XV в. Поскольку духовная Федора Остафьевича (ГВНП. № 111) датируется 60-ми годами XV в., а комментируемая раздельная написана по новгородскому формуляру и была скреплена свинцовой вислой печатью, ее следует датировать 70-ми годами XV в., до падения новгородской независимости⁴¹.

153.
ГВНП. № 100

[1472—1480 гг.] — *Подтвердительная грамота архиепископа Феофила Спасскому Верендовскому монастырю на право игумена и братии являться на суд только по владычной позовной грамоте*

Грамота датируется только по имени выдавшего ее архиепископа Феофила. Он был хиротонисан 15 декабря 1471 г. и отпущен митрополитом в Новгород 23 того же месяца (ПСРЛ. Т. 12. С. 143), куда вернулся 7 января 1472 г. (Там же. Т. 4. 1-е изд. С. 129). Смещен с кафедры Феофил был 19 января 1480 г. (Там же. Т. 12. С. 197). Таким образом, дата грамоты замыкается между 1472 и началом 1480 г.

154.
АЕ-67. № 3—4

[Середина—80-е годы XV в.] — *Духовная грамота Орины на земли, завещанные Колмову монастырю*

⁴⁰ О локализации упомянутых в документе земель и генеалогических связях действующих в нем лиц см.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 157—176.

⁴¹ Локализация упомянутых в документе владений и генеалогическая схема его участников изложены в кн.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Гл. 3.

Колмов монастырь на Волхове в ближайших северных окрестностях Неревского конца Новгорода был основан неревским боярином Юрием Онцифоровичем, внуком Луки Варфоломеевича, в 1392 г. (НПЛ. С. 385: «Юрьи Онцифорович постави церковь святую богородицю Успление и монастырь устрои»). В 1423 г. была осуществлена вдовой сына Юрия — Михаила Юрьевича — Настасьей каменная Успенская церковь в Колмовом монастыре⁴². При раскопках усадеб этой боярской семьи были обнаружены берестяные грамоты, адресованные не только Юрию Онцифоровичу и Михаилу Юрьевичу, но и Настасье, а также детям Михаила и Настасьи Миките и Андреяну⁴³. Кто-то из этих двух последних и был отцом Орины, автора комментируемой духовной.

Усадьбы Онцифоровичей находились на Козмодемьянской улице Неревского конца; следовательно, духовник Орины козмодемьянский поп Сава надежно связывается с церковью Козмы и Демьяна на Козмодемьянской улице, упоминаемой в летописях с XII в.

Завещанные Ориной Колмову монастырю земли расположены в разных районах:

1. Боярщинки «на Лопи, на Сыроли, на Каньели, на Сосари» обнаруживаются в Егорьевском Лопьском погосте Водской пятины, в «волости Нила, что была Колмовского монастыря», где Окладная книга 1500 г. описывает три деревни «Канилжа», деревню «Лавгула Кандила», четыре деревни «на Лавуе в Сироле» и деревню «в Сосари» среди других деревень той же волости Колмова монастыря общей доходностью в 52 обжи (Временник ОИДР. 1851. Кн. 11. С. 257—260). Ряд сел в Сосари принадлежал к моменту боярского вывода Василию Ананьичу (Там же. С. 270—271).

2. Земли «на Паше и на Тайбале» унаследованы Ориной после более чем столетней их принадлежности семье Онцифоровичей: они были приобретены еще Лукой Варфоломеевичем во второй трети XIV в. по купчим грамотам (АЕ-67. № 1, 2).

3. «Поволховские сельца у Петра святого и на другой стороне Волхова, в Сийне, и на Пидьбе сельца» соответствуют волостке Колмова монастыря в Петровском на Волхове погосте Водской пятины, среди деревень которой имеются деревни «Крутец на Пидбе» и «Хороброво в верховье речки Пидбы». Общая доходность этой волости — 7 обож. На другой стороне Петровского погоста (ныне деревня Петровское) находится деревня Ситно («Сийно» грамоты?). Писцовая книга отмечает: «А церковь того погоста писана в дворцовой волости в Васильевской Онаньина в сем же погосте Петровском» (НПК. Т. 3. Стб. 478—480).

4. Земли «на Веряжи, и на Островке, и на Любоеже» находились в Паозерье, где писцовая книга числит за Колмовым монасты-

⁴² Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 309, примеч. 1.

⁴³ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 9—14.

рем деревни Масково и Кренево, а также деревню «на усть Любежи на Веряже» (Там же. Т. 4. Стб. 15, 17; Т. 5. Стб. 292, 298). Известны на Веряже и деревни Нижние и Верхние Островки, но они числятся за Аркажим монастырем.

5. Волостка «на Броннице» находилась на р. Мсте, на границе Обонежской и Деревской пятин. Согласно выписи из писцовой книги Обонежской пятины 1495/96 г., она принадлежала Колмову монастырю: «Да в Пречистенском Боженском погосте Колмовского монастыря деревня на Броннице против перевоза. . .»⁴⁴

Духовная Орины датируется в широких хронологических рамках. При раскопках усадьбы «И» Неревского комплекса, принадлежащей потомкам Юрия Онцифоровича, берестяная грамота, адресованная Настасье Михайловой, Андреяну и Миките Михайловичам, и грамота № 303, автором которой был Андреян Михайлович (возможный отец Орины), обнаружены в слоях с дендрохронологической датой 1422—1446 гг. Следовательно, духовная Орины формально может быть отнесена и ко второй четверти XV в., и к более позднему времени вплоть до момента боярского вывода 80-х годов XV в.

155.
ГВНП. № 121

[Середина XIV—80-е годы XV в.] — *Купчая грамота Спасского Ковалевского монастыря у Прокуя с сыновьями и братаном на земли по р. Тихвинке*

Земли, купленные Спасским Ковалевым монастырем, находятся в верховьях р. Тихвинки, в районе оз. Озерское (через которое протекает Тихвинка), где имеются деревня Плутино и впадающая в Тихвинку речка Дубна. Здесь же расположена деревня Сара (ср. с «Саровской межой» грамоты).

Каких-либо четких примет для датировки документ не имеет, хотя и отнесен в ГВНП к XV в. Ковалев монастырь упоминается впервые под 1345 г., когда «заложи Онкиф Жабин святаго Спаса на Ковалеве» (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 1. С. 275). У Ковалева монастыря имелись земельные владения в Водской пятине (Временник ОИДР. 1851. Кн. 11. С. 6—10, 97, 98) и единственная волостка в Обонежской пятине, идентифицируемая с той, которая является предметом покупки в комментируемом документе: в ней писцовая книга знает деревню Плутино (ПКОП. С. 55—56). Именно эту вотчинку, по всей вероятности, упоминает Описание Новгорода 1617 г.: «А вотчина де Ковалева монастыря в Обонежской пятине, от Новагорода удалела»⁴⁵.

Датировать документ возможно лишь в широких хронологических пределах — с середины XIV в. до 80-х годов XV в.

⁴⁴ Корецкий В. И. Указ. соч. С. 281.

⁴⁵ Описание Новгорода 1617 г. С. 100.

АКТЫ ЗАОНЕЖЬЯ

В этот раздел включены документы, относящиеся к Заонежью, под которым подразумевается территория Обонежской пятины к северу от течения р. Свирь, включая западное побережье Белого моря и Кольский полуостров. Эти документы происходят из нескольких монастырских архивов.

Акты Соловецкого монастыря. К настоящему времени сохранились 24 подлинные грамоты из соловецкого архива, относящиеся ко времени новгородской независимости (ГВНП. № 290, 291, 286, 287, 322, 218, 96, 296, 321, 300, 299, 301, 302, 303, 320, 297, 298, 305, 328; ЛЗАК-35. № 32; ГВНП. № 318, 317, 223, 319). Этот фонд пережил сложную эпоху разделения и воссоединения. В 1916 г. Б. Д. Греков по согласованию с монастырскими властями перевез часть соловецкого архива в Петроград для дальнейшего его хранения в Синодальном архиве. В составе этой партии документов оказались грамоты ГВНП. № 96, 296, 321, 301, 298. Последняя затем поступила в ГПБ, а остальные — в Археографическую комиссию, откуда были переданы в ЛОИИ АН СССР, войдя в фонд «Собрание актов до 1613 г.». Грамоты ГВНП. № 290, 291, 286, 287, 322, 218, 300, 299, 302, 303, 320, 297, 305, 328; ЛЗАК-35. № 32; ГВНП. № 318, 317, 223, 319 (утаенные от Б. Д. Грекова в монастырской ризнице) в 1917 г. были перевезены в Пермь, затем в Оружейную палату в Москве и, наконец, присоединились в ЛОИИ АН СССР к прежде поступившей туда части собрания, войдя в фонд «Соловецкие акты». К их числу относятся также грамоты ГВНП № 307, 222, 329, сохранившиеся не в подлинниках, а в списках XV—XVI вв.

Все эти документы сохранились также в списках в копиях в книгах Соловецкого монастыря, самая ранняя из которых относится к 1633 г. и озаглавлена: «Книги 141-го году Соловецкого монастыря при игумене Рафаиле переписные государевым жаловальным грамотам и всяким крепостям» (Архив ЛОИИ. К. 2. № 136). Вторая книга — 1733 г. — повторяет первую (Там же. № 150). Третья, составленная в 1832 г. игуменом Досифеем (ГПБ. Соловецкое собр. № 18/1477, 19/1478, 20/1479), содержит тот же объем древнего материала, что и предыдущие.

Все перечисленные выше материалы были в 1929 г. изданы

Н. С. Чаевым¹, который включил в свою публикацию и документы, известные только по спискам в копийных книгах, а именно грамоты ГВНП. № 304, 306, 327 и 325. В ГВНП были включены все указанные акты за исключением грамоты ЛЗАК-35. № 32, которая Чаевым была опубликована по списку в копийной книге 1633 г., однако сохраняется в Архиве ЛОИИ и в подлиннике со свинцовой печатью. В более раннее время из этого комплекса издавались лишь грамоты ГВНП. № 96², 307³ и 327⁴.

Два документа времени новгородской независимости были Чаевым неверно отнесены к XVI в. и не включены в публикацию. Их тексты, сохранившиеся лишь в копийных книгах, издала в 1983 г. И. З. Либерзон⁵.

Акты Вяжищского и Палеостровского монастырей. Корпус всех известных к настоящему времени вяжищских актов, касающихся землевладения в Заонежье, известен по двум копийным столбцам.

Первый — из двух сставов, — датируемый XVII в., включает грамоты ГВНП. № 315 и 321 и происходит из собраний Археографической комиссии (ЛОИИ. Собр. актов до 1613 г. № 11, 31). Второй — из шести сставов — включает в списках XVII в. восемь документов: грамоты ГВНП. № 292, 295, 294, 293, 312, 314, 310, 313. Они издавались постепенно, на протяжении почти семидесяти лет начиная с 1864 г., когда были опубликованы грамоты ГВНП. № 310 и 313⁶. В 1884 г. была издана грамота ГВНП. № 314⁷, в 1929 г. — грамоты ГВНП. № 293, 312, 292, 295, 294, а также обе грамоты Археографической комиссии — ГВНП. № 315 и 321⁸.

Второй столбец имеет общий заголовок: «Список з данои чудотворца Еуфимия архиепископа новгородцкого и прочих с купчих и даных в лете 6964-го году на вотчину Вяжитцкого монастыря на Толвуиской погост и на Повенецкой рядок» и хранится в ГИМ в собрании А. С. Уварова. № 1543. Отд. IV. № 2. Хотя все документы этого столбца наверняка скопированы с подлинников, хранившихся в Вяжищском монастыре, представляется более вероятным, что прямым источником происхождения существующей копийной рукописи был Палеостровский монастырь. Все включенные в нее акты касаются участков вяжищского землевладения, пограничных с вотчинками Палеостровского монастыря и расположенных в Толвуе, Шунге, на Вироозере, в Повенце, на Ваге. Один документ (ГВНП. № 311) прямо указывает на связь под-

¹ Чаев Н. С. Северные грамоты XV в. // ЛЗАК. Л., 1929. Т. 35.

² Амвросий. История российской иерархии. М., 1811. Ч. 3. С. 386—391; Досифей. Летописец Соловецкий. 3-е изд. М., 1833. С. 9—13; Он же. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1836. С. 48—51.

³ Досифей. Летописец Соловецкий. С. 14; Он же. Географическое, историческое и статистическое описание. С. 47.

⁴ Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание. С. 62.

⁵ Либерзон И. З. Неизвестные акты XV в. // ВИД. Л., 1983. Вып. 14.

⁶ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1864. Т. 2. № 149: IV, V.

⁷ Там же. СПб., 1884. Т. 3. № 272.

⁸ Чаев Н. С. Указ. соч. № 17, 29, 49, 50, 51, 52, 53.

борки с экономическими взаимоотношениями Вяжищского и Палеостровского монастырей, будучи меновой между этими монастырями. Оба акта в столбце Археографической комиссии также относятся к Шунге. Следует особо отметить, что при наличии обширнейшего землевладения Вяжищского монастыря в разных пятинах никаких других древних актов из его архива неизвестно.

На происхождение всего этого комплекса из архива Палеостровского монастыря, как кажется, указывает и судьба некоторых других документов. Очевидно, что в собрании Уварова столбец находился к началу 60-х годов прошлого века, коль скоро первые публикации из него осуществлены уже в 1864 г. Между тем в том же собрании (№ 1543. Отд. III. № 1) имеется еще один, на этот раз подлинный, документ — грамота ГВНП. № 225. Эта грамота упоминает игумена Игнатия и его брата Мануила. Палеостровский игумен Игнатий известен по документам первой половины 60-х годов XV в. (ГВНП. № 308, 309), а Мануил, как показано в комментариях к двум актам (Там же. № 314, 315), был дедом Алексея и Ивана Фатьяновых — действующих лиц многих документов Уваровского столбца. Грамота ГВНП. № 255 в 1857 г. принадлежала И. Н. Царскому, который предоставил Н. В. Калачеву копию с нее для публикации⁹; от Царского позднее подлинник и перешел к Уварову; в 1903 г. А. А. Шахматов не имел представления о его местонахождении¹⁰. Еще один подлинный документ, относящийся к землям, которые позднее были завещаны Палеостровскому монастырю (ГВНП. № 326; ср. с грамотой АЕ-57. № 7), оказался в собрании Н. П. Лихачева (ныне в Архиве ЛОИИ. Собр. Лихачева. Кор. 103. № 1). Наконец, важнейший оригинальный акт Палеостровского монастыря (ГВНП. № 90) перешел в ЦГАДА в составе коллекций Ф. Ф. Мазурина. Этот акт был известен уже в 1866 г.¹¹, но ни одного из перечисленных подлинных актов Палеостровского монастыря не было в монастырском архиве к 1868 г.¹² Мазурин начал собирать свою коллекцию в 60-х годах XIX в.¹³ Надо полагать, что не позднее этого времени архив Палеостровского монастыря подвергся активному расхищению, в результате которого часть его материалов оказалась в руках частных коллекционеров, осев в собраниях Царского и Мазурина и перейдя затем к Уварову и Лихачеву. Не исключено также, что начало этому распылению архива было положено первыми археографическими экспедициями.

К 1868 г. в этом архиве оставались четыре подлинных документа XV в. (ГВНП. № 308, 309, 311, 316), а также список XVII в. с грамоты ГВНП. № 284. Эти грамоты (кроме акта ГВНП. № 316) утрачены во время фашистской оккупации Петрозаводска, где они

⁹ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857. Т. 1. № 63: II.

¹⁰ Шахматов А. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903. Ч. 2. С. 135.

¹¹ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. М., 1866. Кн. 2. 2-е изд. С. 53.

¹² Барсов Е. Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае // ЧОИДР. 1868. Кн. 1. Смесь.

¹³ Из записной книжки А. П. Бахрушина: Кто что собирает. М., 1916. С. 19.

до 1941 г. хранились в собрании Карельского государственного музея. Они были изданы Е. В. Барсовым¹⁴ и еще раз в ГВНП по полученным из музея еще до войны фотокопиям. В настоящее время уцелела лишь одна грамота (ГВНП. № 316), хранящаяся в Архиве Карельского филиала АН СССР.

Барсов обнаружил также судное дело 1536/37 г. между Палеостровским и Муромским монастырями, из которого опубликовал три документа XV в. (грамоты АЕ-57. № 7; МИК. № 31; АЕ-57. № 8; последняя — также ГВНП. № 288)¹⁵; дело сохранилось в Архиве Карельского филиала АН СССР. В том же деле имеется и фальсифицированное в пользу Муромского монастыря «завещание Панфила Селифонтова»¹⁶. В ГВНП из этих публикаций вошла только одна грамота (ГВНП. № 288).

Собрание палеостровских актов наиболее значительно было пополнено открытием В. И. Корецкого, который обнаружил семь неизвестных ранее документов в списках конца XVI в. в составе судного дела 1589—1590 гг., возбужденного Палеостровским монастырем против вторжений в его владения со стороны соседних волосток, принадлежавших Вяжищскому и Хутынскому монастырям, а также крестьян Петровского погоста Челмужской волости. Дело сохранилось в ЦГАДА в фонде Новгородской приказной избы (Стб. 42744, ч. III) и среди прочих материалов содержит списки с одиннадцати документов XV в.: на л. 11 — копию известной по мазуринскому оригиналу грамоты (ГВНП. № 90), на л. 11—13 — неизвестные прежде грамоты (АЕ-57. № 1—6), на л. 14—15 — списки тех документов, которые были изданы Барсовым по правой грамоте 1536/37 г. (АЕ-57. № 7, 8), на л. 39 — список с известной в оригинале грамоты (ГВНП. № 316) и неизвестной прежде грамоты (АЕ-57. № 9). Девять впервые обнаруженных или уточняющих прежние публикации грамот были изданы обнаружившим их исследователем¹⁷.

Следует отметить, что ссылки на некоторые из этих документов делались в писцовом описании Обонежской пятины 1563 г. В нем упомянуты грамоты АЕ-57. № 2, 9 (ПКОП. С. 154) и АЕ-57. № 7 (Там же. С. 173). В ввозной грамоте 1590/91 г. упомянуты акты ГВНП. № 90; АЕ-57. № 1, 2, 3, а в документе 1625 г. — грамота АЕ-57. № 4¹⁸.

Грамота из архива Александрo-Свирского монастыря. Этот документ (АЕ-67. С. 289. № 2) опубликован Г. Н. Анпиловым¹⁹ и В. И. Корецким²⁰. Его список сохранился в составе судного

¹⁴ Барсов Е. Указ. соч. № 23, 24, 22, 25, 43.

¹⁵ Там же. С. 141, 147, 149.

¹⁶ Там же. С. 127.

¹⁷ Корецкий В. И. Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 447—450.

¹⁸ Барсов Е. Указ. соч. С. 96, 173—175, 184.

¹⁹ Анпилов Г. Н. Новые документы о России конца XVI—начала XVII в. М., 1967. С. 485—490.

²⁰ Корецкий В. И. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. // АЕ за 1967 г. М., 1969. С. 285. № 2.

дела начала XVII в. о борьбе крестьян Кондушской волости Обонежской пятины с Александро-Свирским монастырем, в котором воспроизведена правая грамота начала XVI в., включившая текст купчей времен новгородской независимости (ЦГАДА. Ф. Поместного приказа, г. Новгород. Стб. 42765. Док. 2. Л. 78—79).

Грамота неизвестного происхождения. В ГПБ хранится подлинная грамота (ГВНП. № 324; Собр. актов. Карт. 1. № 24), которую Чаев отнес к Обонежью на том основании, что в ней употреблен термин «сидение», характерный для документов, связанных с Толвуйским и Шунгским погостами²¹. Такая атрибуция может быть только условной. В ГПБ эта грамота хранится в окружении двинских документов; не исключено, что к Обонежью она отношения не имеет.

* * *

156.
ГВНП. № 284

[Вторая половина XIV в.] — *Мировая грамота старосты Вымоченского погоста, шунжан, толвуйн и кузарандцев с челмужским боярином Григорием Семеновичем и его детьми о размежевании земель*

С. Н. Валк отнес этот документ к числу фальсификатов, указав три аргумента в пользу такой его квалификации: 1) «акт датирован, притом не только годом, как то встречается в частных актах в конце XV в., но и месяцем и числом („лета 6883 году, июля в 13 день“), для чего надо перейти уже к XVI в.»; 2) «акт имеет рукоприкладства (их два), чего нельзя найти в актах ранее XVI в.»; 3) «акт назван „записью“ — термином, вошедшим в употребление только в XVI в.»²².

Между тем все эти действительно противоречивые признаки содержатся лишь в последних строках грамоты, сохранившейся в списке XVII в.: «А писал Веденикто Андреев лета 6883 году июля в 13 день. А назади пишет: У записи Вымоченского погоста староста Артемеи прозвищем Оря руку приложил. Послух Мартемьян Иванов руку приложил. Есип Давыдов руку приложил. К сему списку Хутыня монастыря архимандрит Тихон руку приложил». Будучи очевидными элементами фальсификации, они, однако, могут иметь отношение только к попытке придать списку более убедительный для юридического обихода XVII в. характер, хотя до этих слов список, что вовсе не исключено, возможно, сохраняет соответствие древнему оригиналу. Поэтому нуждается в рассмотрении текст грамоты по существу ее содержания. Необходимо также выяснить смысл рукоприкладства хутынского

²¹ Чаев Н. С. Указ. соч. С. 158. № 54.

²² Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. статей. М.; Л., 1937. С. 314. Дискуссию по этому поводу см.: Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV—XV вв. М., 1955. С. 16—17; Корецкий В. И. Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря. С. 443—445.

архимандрита Тихона. Валк, указав что Тихон архимандритствовал в Спасском Хутынском монастыре в 1658—1660 гг., предположил, что именно к этому времени следует относить подделку, но не разъяснил, какое отношение хутынский настоятель мог иметь к документу, происходящему из архива Палеостровского монастыря.

Существо мировой грамоты состоит в следующем. Староста «Вымоченского погосту» Артемий Оря «со всем племянем», а также шунжане, толвуяне, кузарандцы и «вси вымоченцы» провели размежевание между своими землями и землями челмужского боярина Григория Семеновича. Владения Григория весьма значительны; они расположены между реками Аржемой и Тубой, простираясь по восточному берегу Повенецкого залива Онежского озера примерно на 60 км, а также на островах этого залива, включая Заячий остров. В писцовых книгах вотчина Григория Семеновича территориально совпадает с Челмужским погостом. Шунжане, толвуяне и кузарандцы — жители западного побережья Повенецкого залива; размежевание с ними, следовательно, касается водной границы. С севера же к Челмужскому погосту примыкает Выгозерский погост, вероятно тождественный «Вымоченскому», в наименовании которого, как оно передано в мировой грамоте, возможно предполагать испорченное «Вымолченский». «Вымолцами» назывался один из карельских родов на территории Выгозерского погоста (см.: ГВНП. № 296, 297, 298, 312, 318, 327). Признав права Григория Семеновича на его волостку, Артемий Оря формулирует свое отношение к этим землям следующим образом: «И не вступатися нам в тую Григорьеву землю да в ту межу, в Аржему реку, и в Челмужу, и в Пялму, и в Пудозкую (в списке ошибочно — „Тудозкую“) гору, и в Тубу реку, и в лешую пашню, ни в рыбную ловлю, ни на Онежских островах, ни в Зрицу реку, ни в селги возле Онега озера, ни в Заецкой остров. А та вся земля и вода, и владети тою межею челмужскому боярину Григорью и его детям во веки».

Обращение к писцовым книгам обнаруживает, что к моменту боярского вывода бывшая волостка Григория Семеновича именно в тех границах, которые описаны в мировой грамоте, разделена на два самостоятельных владельческих массива. Первый, включающий 28 деревень с 34 дворами и 31 человеком и оцениваемый в 16,5 обож, принадлежит Семену Ермолину с детьми Юркой и Олферкой; второй, включающий 17 деревень с 46 дворами и 57 человеками и оцениваемый в 14 обож, является собственностью Хутынского монастыря. Что касается рыбных ловель, то расположенные «в реце Челможе и в Пялье и в Нинеме колы да и в губе в Челможской да на Онежском берегу Сухой наволок да на Зайцовском полуострове» ловли Семена Ермолина «у них ввопче с Хутынскими крестьяны по годам» (ПКОП. С. 165—168).

Изложенное обстоятельство разъясняет, почему хутынский игумен в XVII в. оказался причастным к челмужским делам, которые, как будет показано, имеют прямое отношение и к Пале-

островскому монастырю, возникшему во второй четверти XV в. у западного берега Повенецкого залива, т. е. в непосредственной близости к челмужским владениям Григория Семеновича (а затем Хутынского монастыря). Палеостровский монастырь получил некоторые права эксплуатации рыбных ловель в Челмужском погосте на основе конкретных пожалований владельцами обеих частей этого погоста. В писцовой книге 1563 г. имеется запись: «Да Палеостровского же монастыря угодья в Челмоском погосте водечная ловля вешняя, а ловят ту ловлю по данои грамоте бывшего игумена Футыня манастыря Варлама. Да в Челможе-ском же погосте угодья в Челможи и в Куле острове и на Озричском берегу, а ловят неводом одним и сетями в осень лососи и палыи и сиги, а держат то угодье по данои грамоте старых бояр Семена Ермолина да брата его Василя Офонасова» (Там же. С. 154). Как видим, одно из этих пожалований относится еще ко временам новгородской независимости; другое же датируется с некоторыми трудностями: единственный хутынский игумен XV—XVI вв. Варлаам известен в 1571—1572 гг. (ПСРЛ. Т. 30. С. 194—195; НЛ. С. 103, 114, 116, 121), но, поскольку Варлаам в писцовой книге 1563 г. назван «бывшим игуменом», речь там идет о другом лице, каковым оказывается не Варлаам, а Закхей — список с его соответствующей грамоты сохранился (АЕ-57. № 9.); за имя игумена в писцовой книге было принято обозначение монастыря — «Варлаама».

Если указанными в писцовой книге угодьями Палеостровский монастырь пользовался на законном основании (см. грамоты АЕ-57. № 1, 2 — данные Семена Ермолина и Василя Офонасова), то существовали в то же время попытки расширить права на них и недозволенными методами. Так, например, в учредительной грамоте Палеостровского монастыря — данной «всех скотников и помужников Толвоиской земли», сохранившейся в подлиннике (ГВНП. № 90), слова о том, что этому монастырю отдается «Зайцов остров с пожнею и с лудышами», вступающие в противоречие с документально засвидетельствованным статусом Заячьего острова, вписаны позднее, по подчищенному тексту. Претензии Палеостровского монастыря на Заячий остров зафиксированы и в грамоте 1478/79 г. (ГВНП. № 316). Надо полагать, что с течением времени в Хутынском монастыре возникла потребность нового размежевания с Палеостровским монастырем, для чего в XVII в. из Хутыни в Палеостровский монастырь и был прислан заверенный архимандритом Тихоном список мировой грамоты, определявшей изначальную межу тех хутынских владений в Челмужском погосте, которые были получены хутынскими старцами от кого-то из наследников Григория Семеновича. Копия такого документа должна была поступить в Хутынский монастырь вместе с грамотой (вкладной или купчей), определившей права монастыря на часть Челмужского погоста.

Логично полагать, что владелец другой части этого погоста накануне боярского вывода Семен Ермолин, а также «брат его

Василий Офонасов» принадлежали к числу потомков того же Григория Семеновича. Если удастся доказать этот тезис, то подлинность мировой грамоты будет подтверждена, а вместе с тем возникнет возможность проверить и дату документа.

Однако прежде следует разобраться в «братстве» Семена Ермолина и Василия Офонасова. Та же писцовая книга дает основание утверждать, что «Ермолин» было не отчеством Семена, а прозвищем по имени его деда. Челмужская волостка Семена Ермолина в одном случае называется более развернуто «волостьюкою Семеновской Офонасова Ермолина» (ПКОП. С. 167). Это значит, что Семен и Василий были действительно родными братьями, сыновьями Афанасия Ермолинича. «Братаном» Семена Ермолинича Василий Офонасович, правда, назван в одной из грамот (АЕ-57. № 2), что является явной корректурой переписчика, посчитавшего «Ермолин» отчеством Семена.

Мировая грамота называет непосредственных наследников Григория Семеновича — его сыновей Обакуна и Савелия. Савелий Григорьевич известен по жалованной грамоте новгородского веча о сиротах Терпилова погоста, датируемой 1422/23 г. (ГВНП. № 89). Этот документ, в частности, подтверждает права «братьев» Степана Есифовича, Андреяна Александровича, Ермолы Леонтьевича и Остафия Васильевича на бывшую отчину Савелия Григорьевича в Унской губе Белого моря: «А цем владел Савелеи Григорьевич и его братья, землею и водою, и лесеы, и полешими мesty солоными в Унской губе, и всякими ловищами, и им тем владети и детям их». Отсюда очевидно, что вся группа родственных лиц (под «братьями», естественно, подразумеваются двоюродные или троюродные) принадлежит к числу его косвенных наследников, заинтересованных в усвоении этой отчины.

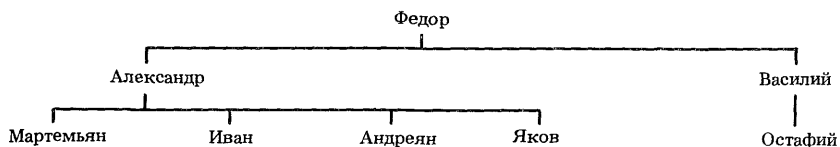
В этой связи особый интерес приобретает имя одного из «братьев» — Ермолы Леонтьевича, который известен и по более позднему документу 40-х годов XV в. — уже упомянутой данной грамоте «всех скотников и помужников Толвоиской земли» (ГВНП. № 90), которая демонстрирует его владельческую причастность к местности, фигурирующей в мировой грамоте Артемия Ори. Имя Ермолы Леонтьевича оказывается, таким образом, закономерно связанным с уже известным нам Афанасием Ермолиничем и сыновьями последнего Семеном и Василием. В то же время оно определяет и направление поисков отца Ермолы — Леонтия.

Между тем дальнейшая история землевладения в «солоних местах» Унской губы достаточно хорошо известна по целой серии документов, относящихся к семье Мартемьяна Александровича, который был родным братом того самого Андреяна Александровича, что фигурирует среди «братьев» в грамоте о сиротах Терпилова погоста (ГВНП. № 89), т. е. принадлежал к числу наследников Савелия Григорьевича.

Из рядной Василия Федоровича с новгородским посадником Иваном Даниловичем, относящейся к 1415—1417 гг. (ГВНП.

№ 130), известны имена лиц, выстраивающихся в генеалогическую схему (схема 2).

Схема 2

Двое из этих лиц — Андреян Александрович и Остафий Васильевич — названы «братьями» в грамоте о сиротах Терпилова погоста; как видим, это и в самом деле двоюродные братья. Федора и Александра Федоровича к моменту составления рядной уже не было в живых, как не было в живых и некоего Андрея, называемого в тексте рядной «их дядей» применительно к перечислению: «Василии Федоров и его дети, и его братане Олександрове дети»; множественное число «их» указывает на то, что дядей Андрей приходился не Василию Федоровичу, а его детям и его племянникам, т. е. принадлежал к поколению Александра и Василия Федоровичей.

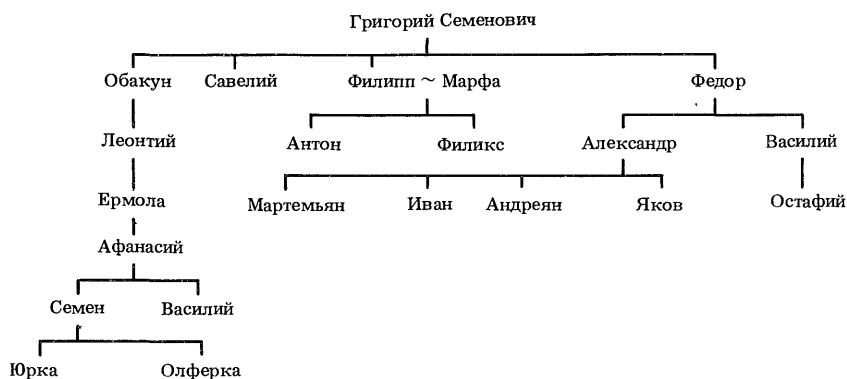
Духовная Мартемьяна Александровича, составленная на рубеже 10-х и 20-х годов XV в. (ГВНП. № 144), упомянув, что Мартемьян находится со своими братьями Иваном, Андреяном и Яковом «в розделе», называет также деда Мартемьяна — Федора, отца — Александра, жену — Пелагею и сыновей — Якова, Федора, Андрея, Семена и Орфоломея. Однако в числе родственников Мартемьяна Александровича в этом документе упомянут еще и Леонтий Обакунович: «А что меня подарил Левонтеи Обакумовичь Калцыным островком малым одерень, и яз ему дал противу того островка сорок куней. А тот островок Калцын приказываю детям же своим по Левонтьеве по даные грамоте и по моему владенью». Вряд ли возможно сомневаться в том, что Леонтий Обакунович занимает промежуточное положение между Обакуном Григорьевичем и Ермолой Леонтьевичем, будучи сыном первого и отцом второго (схема 3).

Схема 3

Леонтий Обакунович известен также по духовной Марфы начала XV в. (ГВНП. № 129)²³, тесно связанной с купчей Филиппа Григорьевича конца XIV в. (Там же. № 128). Согласно этим документам, некая Марфа, вдова Филиппа Григорьевича, поставившая церковь на могилах своих сыновей Антона и Филикса (ядро будущего Николо-Карельского монастыря в устье Двины), передает в собственность этой церкви окрестные земли, купленные ее мужем, и назначает церковными ктиторами своего деверя (т. е. брата мужа) Федора Григорьевича, Леонтия Обакуновича и зятя — Офромея Васильевича. Родственный характер такого назначения дает возможность объединить обе приведенные выше генеалогические схемы в схему 4.

Схема 4

Указание на то, что у Савелия Григорьевича, кроме Обакуна, были и другие братья, содержится в грамоте сиротам Терпилова погоста (ГВНП. № 89): «А цем владел Савелеи Григорьевичь и его братья. . .» В отношении братства, очевидно, становятся и те наследники Савелия Григорьевича, которые перечислены в этом документе; выше уже замечено, что Андреян Александрович и Остафий Васильевич являются двоюродными братьями; Ермола Леонтьевич относительно них оказывается троюродным братом. Каким же было место четвертого «брата» — Степана Есифовича? Чтобы быть «братом» только что перечисленных лиц, он должен принадлежать к их же поколению, а его отец Есиф, следовательно, мог быть сыном либо Савелия, либо Филиппа. Есифа Савельевича источники не знают, однако Есиф Филиппович хорошо в них известен. Под 1401 г. он фигурирует в летописи как двинской посадник (НПЛ. С. 396), а под 1411 г. — как один из новгородских воевод в походе на Выбор (Там же. С. 403); его печатью двинского наместника скреплена также одна грамота (ГВНП. № 192), а в другой (Там же. № 191) он выступает как послух (оба документа относятся к первой четверти XV в.). Есиф Филиппович,

²³ В ГВНП его имя неверно транскрибировано как «Дементей»; ср.: Шахматов А. Указ. соч. Ч. 2. С. 134.

правда, не включен Марфой в число ктиторов Николо-Карельской церкви, но это не может служить решительным аргументом против предложенной идентификации: не исключено, что умершие сыновья Марфы Антон и Филикс родились от второго брака Филиппа Григорьевича, а Марфа не была матерью Есифа Филипповича.

Изложенные наблюдения позволяют установить и генеалогическое место «дяди Андрея» уже рассматривавшейся рядной (ГВНП. № 130). Отчины, как известно, дробились в процессе наследственных переходов. Так, Мартемьян Александрович в своей духовной называет завещаемые им детям владения «своей четвертью», и это вполне естественно, так как он был одним из четырех сыновей Александра Федоровича и, разделившись со своими братьями, располагал именно четвертой частью отчины. Подобный подход применим и к определению доли «дяди Андрея» в его отчине.

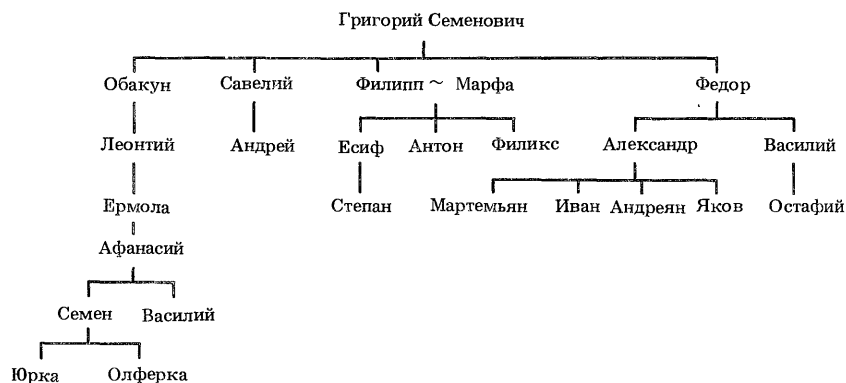
Рядная Василия Федоровича (Там же. № 130) излагает следующие обстоятельства. Наследственные участки Андрея уже в начале XV в. оказались во владении Хутынского монастыря и были куплены у монастырских игумена и старцев посадником Иваном Даниловичем. Не позднее 1417 г. заволоцкие участки бывшей волостки Андрея выкупают у Ивана Даниловича за 100 рублей Василий Федорович с сыновьями и племянниками — детьми Александра Федоровича. Заволоцкие участки Андрея находятся в Соломбале, Ижме и Лодме, где Андрей владел ими «с Федором на пол», а также в «солоних местах» в Уне, где ему принадлежала «в отчине его четвертая часть, и в лесе и в воде в отчине его четвертая часть». Поскольку Андрей принадлежал к следующему поколению, нежели Федор, величина его долей указывает на то, что «с Федором на пол» владел участками в Соломбале, Ижме и Лодме уже отец Андрея. Что же касается участка в Унской губе, то отцу Андрея в нем принадлежала четвертая часть. Но мы уже видели, что поколение Андреева отца составляли именно четыре брата — Обакун, Савелий, Филипп и Федор; следовательно, один из этих братьев и является отцом Андрея. Им, однако, не могут быть ни Федор, ни Филипп, ни Обакун, поскольку наследование полной четверти отчины возможно лишь при отсутствии братьев-сонаследников. Единственным сыном Андрей мог быть только у Савелия, и этот вывод может быть подтвержден другим способом.

Если в заволоцких частях своей волостки Андрей (а следовательно, и Савелий) делил свою отчину с Федором, а на Уне со всеми родственниками, то в Челмужском погосте Григорий Семенович разделил свою волостку только между Обакуном и Савелием. Доля Обакуна вплоть до боярского вывода остается во владении его потомков; доля же Савелия уходит в Хутынский монастырь, подобно тому как в Хутынский же монастырь ушли заволоцкие участки Андрея. Не было ли возникновение владельческих прав Хутынского монастыря и на берегу Белого моря,

и на берегу Онежского озера результатом одной акции Андрея, завещавшего всю свою отчину Хутынскому монастырю? По-видимому, это так и есть, коль скоро в рядной Василия Федоровича (ГВНП. № 130) прямо оговорено, что речь идет о выкупе Андреева участка «за Волоком», а не всей его отчины. Другое подтверждение дает грамота сиротам Терпилова погоста (Там же. № 89), в которой подтверждается право всех нисходящих родственников Савелия Григорьевича и его братьев на «солонные места» в Унской губе, так как только в Уне все без исключения дети Григория Семеновича являлись совладельцами отчинного участка.

Результат приведенных генеалогических наблюдений изложен в генеалогической схеме (схема 5).

Схема 5

Чтобы завершить эту схему, отметим, что она в той части, которая касается потомков Степана Есифовича и Александра Федоровича, может быть существенно дополнена. Из рядной Якова Александровича с Настасьей Степановной, датируемой 60-ми годами XV в. (ГВНП. № 221), очевидно, что у Степана Есифовича была дочь Настасья, а у нее сыновья Иван и Александр. Как уже отмечено на основании духовной Мартемьяна Александровича (Там же. № 144), у Мартемьяна были сыновья Яков, Федор, Андрей, Семен и Варфоломей. К 1491 г. из них были живы Семен и Варфоломей; деловая грамота 1491 г. называет также сыновей Федора Мартемьяновича — Микифора, Матфея, Григория, Ивана и Афанасия, а также сына Ивана Александровича — Амоса²⁴.

Итак, рассмотрение группы документов конца XIV—XV в. подтверждает и существование Григория Семеновича с сыновьями Обакуном и Савелием, и былую принадлежность ему Челмужской волости. Поколение его правнуков активно действует в первой четверти XV в., когда уже нет в живых большинства его внуков (исключение составляют лишь Есиф Филиппович и Василий Федо-

²⁴ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 195—197.

рович); во всяком случае, свидетельства существования Леонтия Обакуновича и Андрея Савельевича не выходят за рамки самого начала XV в., до середины 10-х годов. Следовательно, время деятельности сыновей Григория Семеновича и его самого может быть определено второй половиной XIV в., что принципиально совпадает с датой, указанной в мировой грамоте Григория Семеновича. Разумеется, сомнения в правомерности присутствия этой даты в тексте документа остаются: она могла быть введена в позднейший список грамоты на основании неумовимых теперь соображений или хронологических расчетов. Основной же текст этого документа лишен анахронизмов, что не исключает описок и языковых поновлений. Важнейшим представляется то обстоятельство, что грамота отражает период до обояривания Шунги, Толвуя и Кузаранды, поскольку интересы этих территорий представлялены смердами, а не боярами.

В. И. Корецкий, активно поддержавший мнение Валка о подложности мировой Артемия Ори и Григория Семеновича в споре с Л. В. Даниловой, это мнение оспорившей, утверждал: «Отсутствие ссылок на мировую 1375 г. в спорных делах Палеостровского монастыря с другими монастырями в XVI—XVII вв. является, на наш взгляд, одним из серьезных аргументов в пользу мнения о ее подложности»²⁵. Однако список грамоты был передан на Палий остров из Хутынского монастыря только во второй половине XVII в., а споры, о которых пишет Корецкий, относятся к более раннему времени. Поэтому неправа и Данилова, предположившая вопреки приписке хутынского архимандрита Тихона, что мировая грамота пришла в Палеостровский монастырь вместе с данной «всех скотников и помужников Толвоиской земли».

157.
ГВНП. № 90

[40-е годы XV в.] — *Данная скотников и помужников Толвуйской земли Палеостровскому монастырю на Палий остров с малыми островами*

В ГВНП грамота датирована 1415—1421 гг. с указанием на годы посадничества Андрея Ивановича (НПЛ. С. 405; ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 431). Однако летописные перечни должностных лиц Новгорода знают двух посадников с таким именем. Второй фигурирует среди бояр, избранных на посадничество в 30-х годах XV в. (ПСРЛ. Т. 23. С. 166). Упомянутый в той же грамоте тысяцкий Дмитрий Васильевич с таким же титулом назван в надписи серебряного панагиара 1435 г.²⁶ Ни этот тысяцкий, ни Остафий, сын которого Афанасий назван в комментируемом документе, не включены в летописный перечень новгородских тысяцких, составленный в 1423 г. (НПЛ. С. 472—473), а это значит, что во времена посадничества первого Андрея Ивановича

²⁵ Корецкий В. И. Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря. С. 444.

²⁶ Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. // САИ. М., 1971. Вып. Е1-49. С. 39. № 11.

ни Дмитрий Васильевич, ни Остафий на должность тысяцкого еще не избирались. В то же время фигурирующий среди «скотников и помужников Толвоиской земли» Ермола Леонтьевич назван в документе, датированном 1422—1423 гг. (ГВНП. № 89).

Дмитрий Васильевич Глухов уже как посадник упоминается в грамотах 1448 и 1450 гг. (Там же. № 73, 74). Имени же тысяцкого Остафия нет и в перечне тысяцких Уваровской летописи, доведенном до 1440 г. (ПСРЛ. Т. 23. С. 166). Поэтому датировать комментируемый документ следует 40-ми годами XV в., до 1448 г. Сохранившаяся при грамоте анонимная свинцовая печать владычного наместника (АП. № 515) принадлежит к варианту, бытовавшему с середины XV в., но не имеющему точных аналогий, что в указанных рамках датировки также заставляет отдавать предпочтение 40-м годам XV в.

По своему существу эта грамота является учредительной, так как ею в собственность Палеостровского монастыря передается исходное ядро его владений — сам Палий остров на Онежском озере. Существует грамота 1691 г., содержащая фантастическое сообщение о том, что монастырь был якобы основан за 500 лет до этого, т. е. в конце XII в.²⁷ Столь же фантастично письменное свидетельство о Палеостровском монастыре «1391 г.» (ГВНП. № 285), поскольку оно происходит из поддельного документа XVI в. Более основательным представляется известие Жития Зосимы Соловецкого (бывшего уроженцем Толвуя) о его пострижении в Палеостровском монастыре, хотя и вызывает сомнение житийная дата его переселения на Соловки в 1436 г уже в иноческом сане. Впрочем, хранившаяся в монастыре рукописная служба, повествующая об основании обители на Палье острове Корнилием, особо выделяет начальный этап, когда Корнилий и его ученики построили две деревянные церкви «и створися жительство иноком», после чего только они стали получать от посадника и других вкладчиков земли, угодья и рыбные ловли²⁸.

Из числа «скотников и помужников» Толвуйской земли, перечисленных в рассматриваемом акте, некоторые упоминаются в других новгородских грамотах. Сын тысяцкого Афанасий Остафьевич уже в качестве новгородского посадника известен в документах 1448—1471 гг. (ГВНП. № 21, 73, 76, 77); Селифонт Твердиславич фигурирует в грамотах ГВНП. № 288, 289; Мартемьян Родионович — в грамотах ГВНП. № 313 и АЕ-57. № 5; Демьян Яковлевич — в грамоте ГВНП. № 322.

158.
ГВНП. № 290

[40-е годы XV в.] — *Рядная Микиты Ивановича с новгородским тысяцким Дмитрием Васильевичем о возмещении последнему убытков от нападения на его ловцов на р. Выг*

²⁷ Барсов Е. Указ. соч. С. 23.

²⁸ Там же. С. 20—22.

Формально грамота датируется 30-ми или 40-ми годами XV в. на основании упоминания в ней тысяцкого Дмитрия Васильевича, который в том же должностном положении фигурирует в 1435 г. и в предыдущей грамоте (ГВНП. № 90), а под 1448 г. известен уже как посадник (Пл. Вып. 1. С. 49; Вып. 2. С. 138; ГВНП. № 73). Однако уточняющим обстоятельством, которое позволяет отнести документ к 40-м годам XV в., является принадлежность почерка этой рядной тому же писцу, которым написана купчая (ГВНП. № 291), титулюющая Дмитрия Васильевича уже посадником²⁹.

Участник рассматриваемой рядной Микита Иванович известен также как вкладчик по данной, относящейся ко времени соловецкого игумена Ионы (Там же. № 299), а его дочь Агафья и его земли в Кильбострове и Лотошкове острове — в купчей Соловецкого монастыря рубежа XV—XVI вв. (ЛОИИ. Ф. 123. Оп. 1. № 23)³⁰. Из числа послухов рядной Есиф Васильевич упомянут в документе 1441 г. (ГВНП. № 70), где он назван посадничьим сыном, а Яким Яковлевич — в dokonчании начала 1471 г. (Там же. № 77) как представитель житех на переговорах Новгорода с королем Казимиром IV.

159.
ГВНП. № 291

[Конец 40-х—начало 50-х годов XV в.] —
Купчая грамота посадника Дмитрия Васильевича у Ховры Тойвутовой на участки в рр. Выге, Шуе, Кемии и на Кильбострове

С посадничьим титулом Дмитрий Васильевич упоминается впервые в 1448 г. (см. комментарий к предыдущему акту), а в дальнейшем в 1450 г. (ГВНП. № 74, 95). Имеется еще один документ с именем посадника Дмитрия Васильевича (Там же. № 295), который в ГВНП датирован временем около 1456 г. на основании упоминания в нем вяжищского игумена Иоакима; однако указание на 1456 г. восходит лишь к помете на списке XVII в. (Там же. № 293). Годы игуменства Иоакима неизвестны. В 1466—1478 гг. в Вяжищском монастыре настоятельством уже Варлаам (Там же. № 310, 311, 316). Поэтому формальной датой документа может быть период с конца 40-х годов XV в. до 1466 г. Тем не менее дата его тяготеет к рубежу 40-х и 50-х годов XV в., поскольку грамота написана тем же писцом, который писал предыдущий акт (Там же. № 290), титулюющий Дмитрия Васильевича еще не посадником, а тысяцким.

160.
ГВНП. № 286

[Конец 40-х—50-е годы XV в.] — *Купчая грамота посадника Афанасия Есифовича у Ивана, Василия и Онкифа Федоровичей на участки в рр. Соробе и Выге*

161.
ГВНП. № 287

[Конец 40-х—50-е годы XV в.] — *Купчая грамота посадника Афанасия Есифовича у Ивана Лускалова и его сына на участки в рр. Выге и Соробе*

²⁹ Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII—XV вв. Л., 1986. С. 66—67.

³⁰ Там же.

В ГВНП эти грамоты датированы 1419—1421 гг. на основании упоминания в них посадника Афанасия Есифовича, названного в летописи под 6928 г. в числе послов, отправленных Новгородом на Наровский съезд с немцами (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 427). Однако эта ссылка ненадежна: имя Афанасия Есифовича отсутствует в старейшем Строевском, а также в Синодальном и Академическом списках Новгородской IV летописи и имеется только в Фроловском, Голицынском и Новороссийском списках той же летописи и лишь в них. Между тем его нет в списке послов в Новгородской I летописи (НПЛ. С. 313) и — что особенно важно — в самой договорной грамоте, принятой на Наровском съезде в конце января 1421 г. (ГВНП. № 60); имена остальных послов в летописных рассказах полностью соответствуют свидетельству договорной грамоты. Поэтому включение имени Афанасия Есифовича в отдельные списки Новгородской IV летописи следует квалифицировать как очевидную позднейшую вставку, не соответствующую действительности. В то же время Афанасий Есифович уже фигурирует в заключительной части летописного перечня посадников, составленного в 1423 г. (НПЛ. С. 472), а под 1411 г. он упомянут в летописи как «сын посадницъ» (Там же. С. 402; он был сыном посадника Есифа Захарьинича). Перечисленные обстоятельства дают возможность датировать обе грамоты временем не ранее 1421 г. Для ограничения младшей даты посадничества Афанасия Есифовича данных не имеется. Однако оба комментируемых документа написаны тем же почерком, которым выполнены и две грамоты, относящиеся к рубежу 40-х и 50-х годов XV в. (ГВНП. № 290, 291)³¹.

На хронологическую близость друг к другу обеих комментируемых грамот указывают и совпадения в именах. Иван Федорович и его брат Василий, являющиеся продавцами земли в одном из документов (Там же. № 286), выступают в качестве послухов в другом (Там же. № 287).

Послух грамоты ГВНП. № 287 Иван Данилович в той же роли участвует в оформлении вкладной 1474/75 г. (Там же. № 315). Послух грамоты ГВНП. № 286 Игнат Михайлович был в какой-то период владычным наместником в Обонежье: в 1988 г. в Кижях была найдена свинцовая вислая печать обычного типа этого разряда булл с изображением на одной стороне креста и надписью «Печать Игната Михайловича».

162.
ГВНП. № 322

[Конец 40-х—50-е годы XV в.] — *Купчая грамота Ивана Обакуновича у Юрия Каргуева на участки в рр. Выге, Шуе, Кемии и Вонге и в дикой лопи*

Документ не имеет хронологически уточняющих деталей в своем тексте, но он написан тем же почерком, что и рассмотренные выше грамоты (ГВНП. № 290, 291, 286 и 287)³², что позволяет отнести его к середине XV в.

³¹ Там же. С. 67.

³² Там же.

Послух этой грамоты Демьян Яковлевич назван среди «скотников и помужников» Толвуйской земли (Там же. № 90).

163.
АЕ-57. № 6

[50-е годы XV в.] — *Вкладная грамота Марьи, жены посадника Афанасия, Палеостровскому монастырю на Пажирово сидение с угодьями в Шунге*

Посадник Дмитрий Васильевич, упоминаемый в этом документе (без титула), в последний раз назван в надежно датированных источниках под 1450 г. (ГВНП. № 74, 95). Он был племянником посадника Афанасия Есифовича (Афанасий и отец Дмитрия Василий — родные братья, дети посадника Есифа Захарьинича³³). Афанасий Есифович стал посадником не ранее начала 20-х годов XV в., но был жив по крайней мере в 40-х годах XV в. (см.: Там же. № 286, 287). Коль скоро комментируемая грамота очевидно написана после его смерти (землей распоряжается его жена Марья, а о нем самом говорится в прошедшем времени: «куды володел»), этот акт возможно датировать серединой XV в., возможно, — началом 50-х годов.

164.
ГВНП. № 288
(АЕ-57. № 8)

[Вторая четверть—середина XV в.] — *Купчая грамота Селифонта Твердиславича у Ивана Фомина на землю в Уносках*

В ГВНП грамота датирована первой половиной XV в. на основании упоминания в ней Селифонта Твердиславича, который также фигурирует в данной «скотников и помужников Толвоиской земли» (ГВНП. № 90). Поскольку эта данная датируется не 1415—1421 гг., как было принято в ГВНП, а 40-ми годами XV в., до 1448 г., комментируемый документ возможно отнести ко второй четверти XV в., предпочтительно к 40-м годам.

Селифонт Твердиславич в качестве послуха упомянут также в грамоте ГВНП. № 289. Его сын Панфилий фигурирует в документе ГВНП. № 314; МИК. № 31; АЕ-57. № 7. Продавец участка Иван Фоминич и послух той же купчей Иван Фомин, несомненно, разные лица.

165.
ГВНП. № 292

[50-е годы XV в.] — *Меновная грамота новгородского архиепископа Евфимия на землю в Шунге и Толвуе с Вяжицким монастырем на землю в Тесове*

В ГВНП грамота датирована временем около 1456 г. на основании пометы в ее списке XVII в.: «Список з данои чудотворца Еуфимия архиепископа новгородцкого и прочих с купчих и даных в лето 6964-го году на вотчину Вяжитцкого монастыря на Толвуйской погост и на Повенецкой рядок». Эта помета относится к целому комплексу документов, среди которых имеются грамоты, касающиеся земельных участков в Толвуйском погосте и на По-

³³ См.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 131.

венце, причем последний фигурирует в актах времени уже не Евфимия, а Феофила. Поэтому использовать указанную в помете дату без оговорок представляется неосмотрительным.

Посадничий сын Лука Васильевич, завещавший землю в Шунге и на Вироозере Николаевскому Вяжищскому монастырю, как это следует из текста документа, был сыном посадника Василия Есифовича Носа, о котором известно, что в 1416 г. он был еще тысяцким, а в 1418 г. — степенным посадником (НПЛ. С. 402, 406, 410); посадником он был и в начале 1421 г. (Там же. С. 413; ГВНП. № 60). Имя архиепископа Евфимия как автора рассматриваемой грамоты само по себе не несет хронологического уточнения, поскольку может принадлежать и Евфимию I Брадатому (1424—1429 гг.), и Евфимию II Лисицкому (1434—1458 гг.). Более важно имя вяжищского игумена Иоакима, которому адресована меновная грамота. Со временем его игуменства связаны еще три документа (ГВНП. № 293, 294, 295). В двух из них имеются имена послухов: Петра Климентьевича, Ивана Тимофеевича и его брата Александра, Якова Петровича (Там же. № 293); посадников Дмитрия Васильевича, Ивана Ивановича, тысяцкого Ивана Васильевича, Алексея Игнатьевича (Там же. № 294). Петр Климентьевич был послухом и в комментируемой грамоте, будучи назван в ней владычным чашником. Иван Тимофеевич фигурирует в документе 60-х годов XV в., в котором он назван славенским посадником (Там же. № 112). Дмитрий Васильевич Глухов в 1435 г. был еще не посадником, а тысяцким, о чем свидетельствует уже не раз упомянутая надпись на серебряном панагиаре мастера Ивана, а в должности посадника известен по документам 1448—1450 гг. (Там же. № 73, 74, 95). В документах тех же годов фигурирует Алексей Игнатьевич, названный в них купеческим старостой (Там же. № 73, 74). Посадник Иван Иванович в летописном перечне новгородских посадников называется братом Якова Селезневича (НПЛ. С. 164—165, примеч.); он стал посадником не ранее 1459 г. (см. о нем в разделе, посвященном высшим новгородским магистратам). О тысяцком Иване Васильевиче интересующей нас поры других сведений не имеется.

Приведенные материалы дают основание для следующих хронологических выводов. Рассматриваемая грамота, несомненно, относится ко времени Евфимия II, поскольку она не может быть датирована ранее 1435 г., когда Дмитрий Васильевич еще не был посадником. Младший рубеж этого документа определяется моментом кончины Евфимия II 10 марта 1458 г. В указанных хронологических пределах (1436—1458 гг.) грамота тяготеет ко второй половине этого срока, в силу чего названная в помете на ее списке дата (1456 г.) приобретает известную обоснованность.

Весьма существенной деталью документа является то обстоятельство, что, хотя земли завещаны Лукой Васильевичем Вяжищскому монастырю, они, однако, используются архиепископом не для безусловного вклада, а для промена. По-видимому, такой промен мог быть юридически обоснованным только в том случае,

если Евфимий II был ближайшим родственником и законным наследником Луки.

166.
ГВНП. № 293

[50-е годы XV в.] — *Купчая грамота Вяжищского монастыря у чернеца Алексея Фатьянова на участок в р. Выге и на лес Сапинический*

167.
ГВНП. № 294

[Начало 60-х годов XV в.] — *Рядная грамота чернеца Алексея Фатьянова с Вяжищским монастырем об условиях пожизненного владения его вкладом — отчиной в Толвуе*

168.
ГВНП. № 295

[60-е годы XV в.] — *Духовная грамота чернеца Алексея Фатьянова на земли и воды в Толвуе, завещанные им Вяжищскому монастырю*

Эти три грамоты развивают один сюжет — продажу земельных владений чернецом Алексеем Фатьяновичем, а затем их завещание Вяжищскому монастырю. И продажа участка на р. Выг (ГВНП. № 293), и ряд с монастырем об условиях владения толвуйской отчиной Алексеем «до своего живота» (Там же. № 294), и составление духовной, в которой названы и толвуйские, и выгские владения Алексея (Там же. № 295), совершены в игуменство Иоакима, т. е., во всяком случае, до 1466 г. (см. комментарий к грамоте: ГВНП. № 291). Старшей датой является 1448 г., так как в числе послухов рядной (Там же. № 294) назван посадник Дмитрий Васильевич (см. комментарий к грамоте ГВНП. № 291). Что касается других послухов этого документа, то Иван Иванович, в летописном перечне новгородских посадников названный братом посадника Якова Селезневича (НПЛ. С. 164—165), в 1459 г. еще не был избран в посадники, поскольку его имя отсутствует в перечне новгородских посадников Уваровской летописи, составленном позднее указанного года (ПСРЛ. Т. 23. С. 166). Алексей Игнатьевич был купеческим старостой в 1448 и 1450 гг. (ГВНП. № 73, 74). Послух купчей (Там же. № 293) Петр Климентьевич свидетельствовал также в меновой грамоте архиепископа Евфимия (Там же. № 292), упоминающей вяжищского игумена Иоакима; этот документ, в котором Петр Климентьевич назван владычным чашником, датируется, следовательно, временем до марта 1458 г., когда умер архиепископ Евфимий. Замыкая датировку рассматриваемых документов между 1448 и 1466 гг., следует все же отдать предпочтение первой половине указанного периода, когда достоверно был еще жив посадник Дмитрий Васильевич Глухов.

Вместе с тем вопреки ссылке на благословение архиепископа Евфимия в рядной (Там же. № 294) она датируется периодом, начавшимся после смерти этого владыки, так как посадник Иван Иванович, названный в ней в числе послухов, получил свой титул

не ранее 1459 г., когда Евфимия уже не было в живых. Очевидно, что ссылка на благословение Евфимия имеет в виду момент совершения Алексеем Фатьяновичем его земельного вклада, а не момент решения об условиях пожизненного пользования Алексея этим вкладом, определившийся в результате особого совещания игумена и монастырских старцев. Такое толкование документа позволяет определить и хронологический порядок очередности актов внутри единого их комплекса.

169.
ГВНП. № 308

[1460—1466 гг.] — *Вкладная грамота Палеостровского монастыря Спасскому Нередицкому монастырю на 10 руб.*

170.
ГВНП. № 309

[1460—1466 гг.] — *Вкладная грамота Палеостровского монастыря Спасскому монастырю в Русе на 16 руб.*

Грамоты датируются временем упомянутого в них архиепископа Ионы (1460—1470 гг.). Годы игуменства в Палеостровском монастыре Игнатия неизвестны, так же как и годы игуменства в Нередицком монастыре Митрофана, а в Спас-Преображенском монастыре Русы — Феогноста. Однако существует возможность значительно сузить датировку этих документов. В акте, составленном в 1466/67 г. (ГВНП. № 311), упомянуты как уже совершенные те вклады, которые были сделаны по комментируемым грамотам: «Что у них два вклада: один у святого Спаса в Русе, а другой в Нередицах у святого Спаса у палеостровских старцев». Между тем палеостровским игуменом в документе 1466/67 г. назван уже не Игнатий, а другое лицо — Данила. Следовательно, настоятельство Игнатия относится к более раннему времени, а рассматриваемые грамоты следует датировать в пределах 1460—1466 гг.

171.
ГВНП. № 255

[50-е—середина 60-х годов XV в.] — *Вкладная Андрея Михайловича, его жены и детей Палеостровскому монастырю на землю по Хмелевому ручью*

В ГВНП эта грамота вслед за А. А. Шахматовым отнесена к числу двинских актов. Однако автор вкладки был вотчинником Заонежья, а не Двины, на что указывает ряд деталей документа.

Во-первых, вклад адресован «в дом Рожеству Пречистей и святому Николе», что отнюдь не соответствует понимавшемуся под этой формулой Николо-Карельскому монастырю. В Карельском монастыре было три церкви: Никольская (соборная), Успенская и Входиерусалимская³⁴, и он, следовательно, никак не мог именоваться Рождественским. Рождественским назывался Палеостровский монастырь, в котором, кроме соборной церкви Рождества богородицы, имелись храмы Ильи пророка и Николы чудотворца (ПКОП. С. 154). Во-вторых, названный в этом документе игумен Игнатий, очевидно, идентифицируется с известным по

³⁴ Описание монастырей, в Российской империи находящихся. М., 1819. С. 63—64.

грамотам 60-х годов XV в. (ГВНП. № 308, 309) палеостровским игуменом. В-третьих, упомянутый в комментируемом акте Иван Юрьевич сопоставим с послухом грамоты из Обонежья, датируемой 60-ми годами XV в. (Там же. № 296), и с новгородским послом от житых Иваном Юрьевичем яжелбицких грамот 1456 г. (Там же. № 22, 23, 24). В-четвертых, формула заклатья «А кто почнеть на сю землю наступать, ино Спас на него и пречистая и святый Никола» прямо указывает на патронат наиболее укрепившегося в северной части Заонежья Соловецкого монастыря (ср., например, в грамоте ГВНП. № 307: «дали есмь в дом святому Спасу и пречистей его матери и святого Николы», т. е. в Соловецкий монастырь). В-пятых, рассматриваемая грамота скреплена печатью Артемия Дементьевича; такого владычного наместника не знают двинские акты, хотя он и может оказаться тождествен двинскому землевладельцу с таким же именем (ср.: Там же. № 167, 181, 182, 183).

Местность Каковичи известна в Обонежской пятине, на границе Важенского и Остреченского погостов (ПКОП. С. 90, 91, 98, 99). Отметим, что погостской церковью в Остречинах был храм Рождества пречистой с приделом Николы (Там же. С. 103).

172. 1466/67 г. — *Купчая грамота Вяжицкого монастыря у Ермолы Максимовича Водникова на землю на Повенце и ловища на Онежском озере*
ГВНП. № 310

173. 1466/67 г. — *Меновная грамота Вяжицкого монастыря на хлеб, собираемый с Толвуйской вотчины, с Палеостровским монастырем на хлеб, получаемый за вклады в Спасский в Русе и Спас-Нередицкий монастыри*
ГВНП. № 311

174. 1466/67 г. — *Данная Тимофея Ермолина Соловецкому монастырю на участки в Умбе и Варзуге*
ГВНП. № 218

Все эти документы имеют обозначение даты в самих их текстах — 6974 г. В ГВНП перевод даты почему-то сделан применительно к сентябрьскому счислению, что дало 1465/66 г. Однако в Новгороде XV в. употреблялся мартовский цикл, и указанная в этих грамотах дата соответствует 1466/67 г.

175. [1468 г.] — *Жалованная грамота Новгорода Соловецкому монастырю на Соловецкий и другие острова*
ГВНП. № 96

В ГВНП грамота датирована 1459—1469 гг. на основании упоминания в ней соловецкого игумена Ионы (1459—1469 гг.) и посадника Ивана Лукинича (1456—1471 гг.). Оба основания неверны: посадник Иван Лукинич с тем же титулом фигурирует уже в документе 1448 г. (ГВНП. № 73), а годы игуменства Ионы

достоверно неизвестны. Между тем сосуществование на степени посадника Ивана Лукинича и тысяцкого Трифона Юрьевича зафиксировано документом от 10 апреля 1468 г. (СТ. Delen III. N 542. S. 292—293); 15 августа 1468 г. на степени были уже посадник Яков Федорович и тысяцкий Трифон Юрьевич (Ibid. N 542. S. 294—296). Поэтому комментируемая грамота датируется мартом—началом августа 1468 г., соответствующим магистратским сроком выдавших ее должностных лиц.

176.
ГВНП. № 296

[50-е—60-е годы XV в.] — *Купчая Ивана, Денисья и Максима Менуевых у Фалалея из Валдолы, Савы и Сидора Юрьевичей ча Каргольский участок в Поморье и участок в р. Кемь*

Дальнейшая судьба участка, купленного Иваном, Денисьей и Максимом Менуевыми детьми, отражена в грамоте ГВНП. № 302, по которой соловецкий старец Сергей купил эти земли в свой монастырь у Фомы Максимовича Менуева. Указанная грамота в ГВНП датируется именем упомянутого в ней соловецкого игумена Ионы, настоятельство которого отнесено к 1459—1469 гг. Однако такое решение основано лишь на единичном свидетельстве жалованной грамоты Новгорода Соловецкому монастырю (ГВНП. № 96), из которой следует только то, что указанный акт был выдан игумену Ионе при архиепископе Ионе, занимавшем новгородскую кафедру в 1460—1470 гг., и что игуменство Ионы в Соловецком монастыре уже осуществлялось при одноименном ему владыке, т. е. до 1470 г. Начальная дата этого игуменства неизвестна, как неизвестна и его конечная дата. Между тем Иона настоятельствовал в Соловецком монастыре и в 1471 г. (Там же. № 307). Более того, содержащие имя игумена Ионы грамоты (Там же. № 298—303) скреплены печатями владычных наместников архиепископа Феофила, т. е. фиксируют продолжение его игуменства и после 1472 г. Следующим после Ионы достоверным игуменом в Соловецком монастыре был Феодосий, настоятельство которого в феврале 1479 г. отражено документально³⁵.

Печать при грамоте времени игумена Феодосия (ГВНП. № 318) оттиснута теми же матрицами, что и печати при грамотах времени игумена Ионы (Там же. № 297, 298). Относя, таким образом, игуменство Ионы к концу 60-х—концу 70-х годов XV в., до 1479 г., комментируемую грамоту надо датировать несколько более ранним временем, условно 50—60-ми годами XV в.

Грамота скреплена свинцовой печатью с именем Ивана Дороевича. Рассмотрение более поздних документов обнаруживает, что во времена архиепископства Феофила употребление стандартных типов буллы новгородского владычного наместника (с изображением Богоматери и креста), привешиваемых к заонежским

³⁵ Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание. С. 63—64; Чаев Н. С. Указ. соч. № 48.

документам в Новгороде, становится обязательным. Поэтому именные наместничьи печати, подобные буллам Ивана Дорофеевича или Артемия Дементьевича (см.: Там же. № 255), местопребыванием которых было Обонежье, а не Новгород, прекращаются не позднее первых лет святительства Феофила, что также подкрепляет предложенную дату комментируемого документа.

177. [Не позднее начала 70-х годов XV в.] —
ГВНП. № 321 *Купчая грамота Павла, Иваша и Бориса у Бориса Калтоева на участок Парандоев*

Грамота скреплена свинцовой печатью Матфея Ивановича, т. е. принадлежит к числу документов, удостоверенных именными буллами обонежских владычных наместников; бытование таких печатей прекратилось около рубежа 60-х и 70-х годов XV в. Для установления старшей даты грамоты нет данных.

178. [Начало 70-х годов XV в., после 1472 г.] —
ГВНП. № 300 *Данная грамота Клима и Ивана Михайловичей Соловецкому монастырю на участки в рр. Кемь, Шуе и Выге*

Грамота датируется не 1459—1469 гг., как принято в ГВНП, а временем не ранее 1472 г. Она упоминает соловецкого игумена Иону, который достоверно настоятельствовал по крайней мере еще в первой половине 70-х годов XV в., и скреплена печатью владычного наместника Феогноста, который действовал от имени архиепископа Феофила (АП. № 520). Между тем еще при игумене Ионе Феогносту наследовали два владычных наместника: аноним (Там же. № 516) и Геннадий (Там же. № 518). Поэтому комментируемый документ следует относить к началу 70-х годов XV в., но не раньше 1472 г., когда уже был хиротонисан архиепископ Феофил.

Из числа послухов грамоты Фалалей Федорович и Семен Ильинич свидетельствовали также в другом акте (ГВНП. № 299).

179. [Первая половина 70-х годов XV в.] —
ГВНП. № 299 *Данная грамота Микиты Ивановича Соловецкому монастырю на участки в р. Выге*

180. [Первая половина 70-х годов XV в.] —
ГВНП. № 301 *Данная грамота Семена Климовича Соловецкому монастырю на участки в рр. Выге, Шуе и Кемь*

181. [Первая половина 70-х годов XV в.] —
ГВНП. № 302 *Купчая грамота Соловецкого монастыря у Фомы Максимовича Менуева на участки в рр. Выге, Шуе и Кемь*

182. [Первая половина 70-х годов XV в.] —
ГВНП. № 303 *Купчая грамота Соловецкого монастыря у Григория Давыдовича на участки в рр. Выге, Шуе и Кемь*

183.
ГВНП. № 304

[Первая половина 70-х годов XV в.) —
Поручная грамота старца Соловецкого монастыря Макария кузнецу Семену по кареле Олфуге Юрьеве в уплате Олфугем долга

184.
ГВНП. № 320

[Первая половина 70-х годов XV в.) —
*Духовная грамота Григория Гавриловича Кякши на участок в р. Выг, завещанный Соловецкому монастырю**

Эту группу грамот, из которых первые четыре содержат имя соловецкого игумена Ионы, а последние две не имеют в своих текстах хронологически уточняющих признаков, объединяет то обстоятельство, что все они скреплены печатями владычного наместника, оттиснутыми одной и той же парой матриц (АП. № 516). Такой же печатью утверждён акт, автором которого является новгородский архиепископ Феофил (ГВНП. № 99). Таким образом, датировать перечисленные документы следует первой половиной 70-х годов XV в. Титлов имени владычного наместника на этих буллах нет, однако он действовал несколько позднее, нежели Феогност, скрепивший грамоту ГВНП. № 300, которая называет вкладчиками Клима и Ивана Михайловичей, тогда как вкладчиком в грамоте ГВНП. № 301 оказывается Семен Климович, принадлежащий к следующему поколению той же семьи землевладельцев. Хронологический разрыв между Феогностом и этим анонимным чиновником минимален: в грамотах ГВНП. № 300 и 299 послухами выступают одни и те же лица — Фалалей Федорович и Семен Ильич.

На исключительную хронологическую близость всех этих актов указывает и их дипломатическая характеристика. Все они, по наблюдениям В. Ф. Андреева, оформлены совершенно однообразно: написаны на пергамене светло-серого цвета одним почерком, имеют узкие незаписанные поля, снизу пергамен подвернут для удобства прикрепления печати; в начале каждой грамоты изображен крест, а в конце текста — орнаментальный значок. Точно так же оформлена и написана тем же почерком грамота ГВНП. № 300³⁶.

Продавец земли по грамоте ГВНП. № 299 Микита Иванович известен также по рядной ГВНП. № 290. По грамоте ГВНП. № 302 монастырь покупает у Фомы Максимовича Менуева часть вотчины, приобретенной его отцом Максимом с братьями по купчей ГВНП. № 296; еще одну часть этой вотчины, доставшуюся детям Ивана Менуева, монастырь получил по данной грамоте Нестора Федоровича в конце XV или начале XVI в. (ГПБ. Соловецкое собр. № 18/1477. Л. 30—30 об.). Названный среди послухов грамоты ГВНП. № 303 «Яков, скотник Марфин», по-видимому,

* Комментарий подготовлен В. Ф. Андреевым и В. Л. Яниным.

³⁶ Андреев В. Ф. Указ. соч. С. 65.

человек Марфы Исаковой, часть обширных владений которой находилась на западном берегу Белого моря (ПКОП. С. 164). В двух документах (ГВНП. № 303, 304) фигурирует одно и то же лицо — соловецкий старец Макарий, по всей вероятности бывший монастырским экономом при игумене Ионе. Грамота ГВНП. № 304 состоит из двух частей — поручной и закладной; по всей вероятности, заложенный участок в случае неуплаты долга становился собственностью Макария (ср.: ГВНП. № 296) (О Макарии см. также комментарий к документу ГВНП. № 297.)

185. [Первая половина—середина 70-х годов XV в.] — *Купчая грамота Кирилла и его детей у Макария на участки в рр. Выге, Шуе и Кемии и на Кильбострове*
ГВНП. № 297

186. [Первая половина—середина 70-х годов XV в.] — *Данная Федосьи Харитоновой жены Соловецкому монастырю на участки в рр. Выге, Шуе и Кемии и на Кильбострове*
ГВНП. № 298

Дальнейшая судьба участка, купленного Кириллом и его детьми Харитоном, Федотом и Степаном у Макария (ГВНП. № 297), отражена во вкладной (Там же. № 298), по которой жена Харитона, Федосья, отдает указанную куплю в Соловецкий монастырь при игумене Ионе. Поэтому очевидно, что первая грамота написана раньше, чем вторая. Однако обе они относятся к первой половине—середине 70-х годов XV в., поскольку скреплены одинаковыми печатями владычного наместника Геннадия, действовавшего от имени архиепископа Феофила (АП. № 518). Этот наместник утверждал акты позднее того анонима, чьи печати скрепляют документы ГВНП. № 99, 299, 301, 302, 303, 304, 320; буллой Геннадия тех же матриц, что у печатей при комментируемых грамотах, утверждена грамота ГВНП. № 328, адресованная уже соловецкому игумену Феодосию, который настоятельствовавал после Ионы, достоверно — в 1479 г.

Допустимо, однако, и предположение, что купчая Кирилла (ГВНП. № 297) написана в несколько более раннее время и лишь задним числом оформлена печатью в момент оформления владычным наместником вклада Федосьи в Соловецкий монастырь, подобно тому как в сходных обстоятельствах была утверждена позднейшей печатью купчая Михаила Федоровича Крюка на село Медну у Юрия Онцифоровича (АСЭИ. Т. 1. № 2).

По купчей (ГВНП. № 297) Кирилл и его дети покупают «отчину» Макария. В дальнейшем произошел раздел купленного владения между тремя сыновьями Кирилла. По данной грамоте (Там же. № 298) Федосья, вдова одного из этих сыновей — Харитона, передает монастырю участок своего мужа — треть купленной Кириллом «отчины» (стоимость покупки Кирилла 9 руб., а вклада Федосьи — 3 руб.). Неясно, почему купленные владения называются «отчиной» Макария: в обоих актах содержится статья о

праве «отчинников» выкупить участок, проданный Макарием. Быть может, следует сопоставить эти акты с грамотой ГВНП. № 304, по которой соловецкий старец Макарий берет в заклад участок Олфуя? В подобном случае закладчик или его родственники имели преимущественное право выкупа.

187. [Конец 60-х—70-е годы XV в., до 1479 г.] — *Данная Мосея Федоровича с женой и детьми Соловецкому монастырю на участок в р. Вирме и рыбную ловлю в р. Шижме*
ГВНП. № 305

Документ датируется временем соловецкого игуменства Ионы, т. е. концом 60-х—70-ми годами XV в., до 1479 г. Его автор Мосей Федорович идентифицируется с Мосеем Бабкиным, новгородским боярином, принимавшим участие во встречах Ивана III в 1475 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 304). Вместе с боярами Михаилом Берденевым (см.: ГВНП. № 306), Лукой Федоровичем (см.: ГВНП. № 325) и Федором Остафьевичем Глуховым (см. грамоту Либ. № 1) он владел волосткой на р. Вирме (ПКОП. С. 162). Часть своего владения на Вирме и Шижме он дарит Соловецкому монастырю³⁷. Писцовые книги знают и «Наталью Мосееву жену Бабкина с детьми» (Там же. С. 8, 138).

188. [Конец 60-х—70-е годы XV в., до 1479 г.] — *Данная Михаила Семеновича Соловецкому монастырю на участок в р. Вирме и рыбную ловлю в рр. Шижме и Кузе*
ГВНП. № 306

Документ датируется временем соловецкого игуменства Ионы, т. е. концом 60-х—70-ми годами XV в., до 1479 г. Его автор Михаил Семенович идентифицируется с посадником Михаилом Берденевым, который в 1475 г. был новгородским тысяцким (ПСРЛ. Т. 25. С. 304), а в 1481 г. был арестован Иваном III и увезен в Москву (Там же. С. 329). Михаил Семенович дарит Соловецкому монастырю свою часть деревни на р. Вирме, которой он владел совместно с Федором Остафьевичем Глуховым, Лукой Федоровичем и Мосеем Федоровичем Бабкиным (см. комментарий к грамоте ГВНП. № 305).

189. [1471—1475 гг.] — *Вкладная Марфы, жены Исака Андреевича, и ее сына Федора Соловецкому монастырю на участок земли на р. Суме*
ГВНП. № 307

Автор документа — знаменитая Марфа Посадница, вдова новгородского посадника Исака Андреевича Борецкого. Ее вкладная датируется временем соловецкого игуменства Ионы и относится к первой половине 70-х годов XV в., до 1475 г. включительно. Со-

³⁷ См.: Янин В. Л. «Виремские акты» Соловецкого монастыря // Археология и археография Беломорья: Сб. статей. Б. м., 1984.

дарителем Марфы назван ее сын Федор, но не старший сын Дмитрий, которого, согласно условию этой вкладной, соловецким старцам надлежало поминать на Дмитриев день. Иными словами, вклад Марфы совершен уже после смерти Дмитрия Исаковича, казненного Иваном III в Русе 24 июля 1471 г. после шелонского поражения Новгорода (ПСРЛ. Т. 25. С. 290). Упомянутый в акте Федор Исакович был арестован 26 ноября 1475 г. и увезен из Новгорода (Там же. Т. 6. С. 200; ПЛ. Вып. 2. С. 200). Сама Марфа в начале февраля 1478 г. была вместе с другими «пойманными» новгородцами отвезена в Москву, а ее владения конфискованы — «а животы их велел отписати на себя» (ПСРЛ. Т. 12. С. 188).

190.
ГВНП. № 314

[1467—1475 г.] — *«Приговор» Вяжицкого монастыря с Василием Алексеевичем, Яковом Леонтьевичем и Васильевой женой, Покинарьей, о владении селами кондушскими, мандрейскими, кузарандскими и тубозерскими*

191.
ГВНП. № 315

1474/75 г. — *Вкладная новгородского архиепископа Феофила Вяжицкому монастырю на церковь св. Николая в Шунге*

Первый из этих документов датируется по упоминанию в нем вяжицкого игумена Варлаама, бывшего настоятелем уже в 1466/67 г. (ГВНП. № 310, 311) и остававшегося в этой должности в 1478/79 г. (Там же. № 316). Хотя и неизвестно, в каком году Варлаам принял настоятельство, дата этой грамоты может быть несколько уточнена. В ней как возможные претенденты на подлежащие разделу земли названы Настасья и ее сын Юрий Иванович. В этих лицах легко опознаются Настасья — жена посадника Ивана Григорьевича — и их сын Юрий (НПК. Т. 5. Стб. 21). Настасья владела значительными землями в Обонежье (ПКОП. С. 57—58, 64—65, 77—78, 168—170, 175—184). Она овдовела в 1467 г. (ПСРЛ. Т. 6. С. 221). Расправа Ивана III над нею самой относится к 1483 г.: «Настасью славную богатую поймав разграби» (Там же. С. 236). Следовательно, документ не может быть датирован ранее 1467 г. Надо также отметить, что один из его послухов — Панфилий Селифонтович был новгородским послом от житых к королю Казимиру IV в начале 1471 г. (ГВНП. № 77). Он упоминается также как вкладчик Палеостровского монастыря (ПКОП. С. 173). Его отец, Селифонт Твердиславич, фигурирует в нескольких грамотах (ГВНП. № 90, 288, 289), а сам Панфилий — еще в грамотах МИК. № 31 и АЕ-57. № 7.

В первой из комментируемых грамот (ГВНП. № 314) изложены следующие обстоятельства. Кондрускими, мандрескими, кузарандскими и тубозерскими землями владели сначала Мануй (Мануил), а затем его сын Фома. Между тем у Мануя была еще дочь Софья, а у последней — сын Иван («Софьин сын Маноилов внук»). В свое время Иван, с одной стороны, а Василий Алексеевич, Яков

Леонтьевич и Федор Богданович — с другой, разделили эти владения. Свою часть волости Иван продал некоему Матфею, который, очевидно, вложил ее в Вяжицкий монастырь, коль скоро этот монастырь обособывает в дальнейшем свои права на нее на «купной грамоте Матфееве, что купил Матфеи у Ивана у Софьи сына у Маноилова внука».

Федор Богданович постригся в Вяжицкий монастырь, вложив в него свою часть наследства. Рассматриваемая грамота (ГВНП. № 314) и фиксирует ее раздел между вяжицкими старцами (среди которых назван и «Федории старец Богданов сын») и Василием с Яковом. В первый год после раздела доходы со всех волостей делятся по половинам между монастырем и светскими совладельцами, а затем к монастырю переходят Кузаранда и Тубозеро, а к наследникам Мануя — Кондруши и Мандрегга. Эти два массива земельных владений находятся в разных местах. Кузарандские и тубозерские земли числятся в Толвуйском погосте, у северной оконечности Онежского озера (ПКОП. С. 138—140, 144). Кондруши (точнее — Кондуши) и Мандрегга — в Пиркиничском погосте, в нижнем течении р. Свирь (Там же. С. 76—77); этот погост примыкает к восточному берегу Ладожского озера.

Вторая комментируемая грамота (ГВНП. № 315), содержащая дату в самом своем тексте — 6982 (1474/75 г.), прямо связана с предыдущим документом. Фома Мануилович и Остафий Дмитриевич были ктиторами церкви Николая в Шунге. Очевидно, при разделе наследства Фомы между ушедшим со своей волосткой в Вяжицкий монастырь Федором Богдановичем и его сонаследниками формы обеспечения никольского клира должны были измениться. Вкладная архиепископа Феофила (Там же. № 315) и фиксирует этот новый порядок. Церковь Николая передается Вяжицкому монастырю в вечный вклад, становясь его филиальным монастырьком. Сонаследники Федора Богдановича в документе не упоминаются, и это понятно: ведь им достались земли в отдаленном от Шунги Пиркиничском погосте, тогда как содержание церкви по логике вещей обеспечивалось шунгскими и толвуйскими волостками. Вторым ктитор — Остафий Дмитриевич — освобождается от былых обязанностей за единовременный вклад в 30 руб. Взамен старого порядка вяжицкие старцы обязуются выдавать в Шунгу ежегодное гарантированное обеспечение: «а имать старцам дому святого Николая в Шунге с дому святого Николая с Вяжищ на всякий год пять коробей ржи, пять жита, десять овса».

Поскольку передача Никольской церкви Вяжицкому монастырю произошла в результате освоения монастырем части земельного наследства семьи Фомы Мануева, документ ГВНП. № 314 следует датировать временем, предшествующим вкладной архиепископа Феофила, т. е. формально — периодом после 1467 г., но до 1474/75 г. К сожалению, нет возможности реализовать хронологическое указание «приговора» о том, что год первоначального, сместного владения землями по половинам исчисляется от того времени, «коли Святыи дух церковь каменную ставили».

Единственным в новгородских пределах XV в. Духовским храмом была церковь в самом Новгороде, в одноименном монастыре. Речь здесь идет именно о ней, так как рядом с этим монастырем существовало подворье Вяжищского монастыря на Яковлевой улице Неревского конца (НЛ. С. 366³⁸). Однако источники молчат о строительстве Духовской церкви в XV в. (она была сооружена в камне первоначально еще в 1357 г. — НЛ. С. 33, 234).

В связи с первой комментируемой грамотой (ГВНП. № 314) оказывается еще один сюжет, позволяющий прояснить систему родственных отношений Мануева внука Ивана. В списках XVII в. в том же столбце, к которому относится эта грамота, имеются три документа чернеца Алексея Фатьянова, характеризующие его взаимоотношения с Вяжищским монастырем и датируемые временем предшественника игумена Варлаама — вяжищского настоятеля Иоакима (см.: ГВНП. № 293, 294, 295). По акту ГВНП. № 294 Алексей передает Вяжищскому монастырю свою Толвуйскую отчину с условием владеть ею «до своего живота» в половине, а по смерти безраздельно — «по его даной грамоте, и по делной его грамоте з братом с Ываном, и по старым грамотам отчине его, что дал в дом святого Николы той земли грамоты». В духовной Алексея (ГВНП. № 295) монастырю передается Толвуйская отчина, «что во отдел досталось мне от своего брата Ивана, и по делной грамоте, и по старым грамотам отца своего, и по даной моеи». Здесь же упоминаются покупки Вяжищского монастыря у Алексея земель в Падмозере и на р. Выг. Падмозеро числится среди толвуйских владений Вяжищского монастыря (ПКОП. С. 143). Что же касается земель по Выгу, то на них в составе того же комплекса документов сохранилась купчая Вяжищского монастыря у чернеца Алексея Фатьянова (ГВНП. № 293).

Вряд ли возможно сомневаться в том, что чернец Алексей был братом Ивана, «Софьи́на сына Маноилова внука», документы которого сохранились в том же столбце. В таком случае устанавливается имя мужа Софьи Мануевой: его звали Фатьяном.

Известно, по-видимому, и отчество Мануя. В данной «всех скотников и помужников» Толвуйской земли Палеостровскому

Схема 6

³⁸ См. также: Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911. С. 21.

монастырю на Палий остров (ГВНП. № 90) в числе других дарителей фигурирует и некий Мануйла Данилович, который по расчету времени и поколений может быть идентифицирован с Мануем рассматриваемой здесь грамоты. Генеалогическое место Федора Богдановича определяется показаниями грамоты МИК. № 31, в которой говорится о покупке «у Богдана и у Якова Мануиловщины деда Богданова». Родственные связи потомков Мануя представлены в генеалогической схеме (схема 6).

192.
ГВНП. № 328

[Середина 70-х годов XV в., до 1479 г.] — *Духовная грамота Григория Ивановича на вотчину в рр. Жоравье, Выге и Шуге, завещанную в Соловецкий монастырь*

Завещание Григория Ивановича, отдавшего свою отчину в Соловецкий монастырь, не называет игуменского имени, однако по слухом в ней выступает «поп Феодосии, служитель святого Спаса». Поскольку к 1479 г. Феодосий стал соловецким игуменом, документ датируется временем до указанной даты. Грамота скреплена печатью Геннадия, наместника архиепископа Феофила, оттиснутой той же парой матриц, что и буллы при документах ГВНП. № 297 и 298 (АП. № 518). Деятельность этого владычного наместника, как показано в комментарии к этим двум документам, приходилась на конец соловецкого игуменства Ионы и время его ближайшего преемника, но не позднее 1480 г., так как он действовал от имени архиепископа Феофила, отстраненного от кафедры в январе 1481 г.

193.
ГВНП. № 326

[70-е годы XV в., до 1478 г.] — *Закладная грамота Богдана Ермолинич Устинье, жене тысяцкого Василия, на землю в Уносских островах на Онежском озере*

Дальнейшая судьба заложенных Богданом Ермолиничем земель в Уносских островах отражена в его меновой грамоте (МИК. № 31) и в духовной Панфилия Селифонтьевича (АЕ-57. № 7); последний известен по летописному сообщению 1471 г. (см. комментарий к акту ГВНП. № 314). Устинья может быть женой тысяцкого Василия Максимовича, известного под 1471, 1472 и 1477 гг. (ГВНП. № 26, 77, 98; ПСРЛ. Т. 12. С. 175), или тысяцкого Василия Есифовича, известного под 1475 и 1476 гг. (ПСРЛ. Т. 12. С. 159—160, 165—167), или тысяцкого Василия Исаковича Полинарьюна-Федотина, занявшего эту должность не ранее 1476 г. В любом случае документ датируется временем до января 1478 г., когда должность и титул тысяцкого были ликвидированы.

194.
ГВНП. № 316

1478/79. — *Грамота Вяжицкого монастыря монастырскому ключнику в Толвуе Якиму и монастырским толвуйским крестьянам с запрещением промышлять в принадлежащих Палеостровскому монастырю островах*

Дата акта обозначена в самом его тексте: 6986 (т. е. 1478/79) г.

195. [Вторая половина 70-х годов XV в. — 1480 г.] — *Данная Терентия Яковлевича Соловецкому монастырю на отчину в рр. Выге, Шуге и Кеми*
ЛЗАК-35. № 32

196. [Вторая половина 70-х годов XV в. — 1480 г.] — *Данная Онцифора Есифовича Соловецкому монастырю на участки у Золотца и в рр. Шуге, Кеми и других*
ГВНП. № 318

Обе грамоты выданы при соловецком игумене Феодосии, настоятельская деятельность которого засвидетельствована жалованной грамотой Ивана III от февраля 1479 г.³⁹ Поскольку год начала его игуменства неизвестен, старшую дату этих документов приходится определять второй половиной 70-х годов XV в. Их младшая дата устанавливается наличием при обеих грамотах идентичных печатей Геннадия, наместника архиепископа Феофила; последний был отстранен от кафедры в январе 1481 г. В тексте грамот эти буллы (АП. № 518) именуются печатями «дому божии святей Софии и архиепископа владыки Феофила».

Оба документа оформлены тождественно и написаны рукой одного писца⁴⁰.

197. [Начало 80-х годов XV в.] — *Купчая грамота Соловецкого монастыря у Филикса Кононовича Костиева на участки в Кильбострове и Лотошкове острове*
ГВНП. № 317

Купчая Соловецкого монастыря совершена от имени игумена Феодосия, однако датировать ее следует временем не ранее отстранения архиепископа Феофила от кафедры, поскольку этот документ оформлен уже не традиционной свинцовой буллой владычного наместника, а восковыми печатями, одна из которых, к сожалению, неразборчива, другая же вообще не сохранилась⁴¹.

198. [Начало 80-х годов XV в.] — *Данная грамота Нестора Ивановича Соловецкому монастырю на владения в Умбе и Варзуге*
ГВНП. № 222

199. [Начало 80-х годов XV в.] — *Данная грамота Ульяна Петровича Соловецкому монастырю на владения в Умбе и Варзуге*
ГВНП. № 223

³⁹ Чаев Н. С. Указ. соч. № 48.

⁴⁰ Андреев В. Ф. Указ. соч. С. 65.

⁴¹ Там же.

Оба документа упоминают в качестве адресата соловецкого игумена Феодосия. Подлинная грамота (ГВНП. № 223) утверждена восковой печатью.

200.
ГВНП. № 327

[Первая половина 80-х годов XV в.] —
*Вкладная грамота воеводы каянской рати
Федора Ивановича, подвойских Олферия и
Федора, новгородцев и детей карельских
Соловецкому монастырю на колокол*

Грамота упоминает соловецкого игумена Арсения, возвышение которого, согласно житийной версии, началось после кончины старца Зосимы (умер, по показаниям жития, 24 апреля 1478 г.). Однако Арсений не мог быть непосредственным преемником Ионы, поскольку известно, что в феврале 1479 г. соловецким настоятелем был Феодосий. Надо полагать, что Феодосий стал игуменом еще при жизни Зосимы, а Арсений стал преемником Феодосия по благословию умирающего Зосимы. Житийная традиция относит ко времени игуменства Арсения кончину аввы Германа, который, как это явствует из надписи на его надгробном камне, умер в 1484 г.⁴² Преемником Арсения был Антоний (см. комментарий к акту Либ. № 1), а после него Исая. Последний определенно настоятельствовавал в 1491 г., когда на его имя была выдана архиепископом Геннадием несудимая грамота священникам Варлужской волости⁴³, однако вполне вероятно его игуменство и в 1489 г., так как житийная версия утверждает, что именно он перенес в Соловецкий монастырь гроб аввы Германа спустя пять лет после кончины последнего. Настоятельство Исая продолжалось и в 1501/02 г.: ему адресована подтверждающая грамота владыки Геннадия к жалованной грамоте архиепископа Феофила на пустошь Боброву Гору; это подтверждение датируется в самом его тексте 7010 г. (см. грамоту ГВНП. № 99).

Таким образом, игуменство Арсения относится к первой половине 80-х годов XV в. Возможно подкрепить эту дату предположительной атрибуцией автора комментируемого акта — воеводы Федора Ивановича Бельским. По-видимому, он идентифицируется с Федором Ивановичем Бельским, который появился в Новгороде в 1482 г.: «В лето 6990 прибежал из Литвы к великому князю Ивану Васильевичю от короля Казимира князь Федор Иванович Бельской, а жены с собою не успел взяти; и князь великий его пожаловал, дал ему город Демон в вотчину да Мореву со многими волостями» (ПСРЛ. Т. 12. С. 213—214). Новгородская карьера Бельского продолжалась до 1493 г.: «Да сказал князь Иван Лукомской на князя Федора на Белского, что он хотел бежати от великого князя в Литву; и князь великий за то велел князя Федора изымати да послал его в заточение в Галич» (Там же. С. 235).

Менее вероятно, что речь в рассматриваемой грамоте идет о другом Федоре Ивановиче, а именно об упомянутом в данной

⁴² Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание. С. 304.

⁴³ Там же. С. 66.

Нестора Ивановича (ГВНП. № 222) брате Нестора, вклад которого в Соловецкий монастырь был сделан при игумене Феодосии.

201. [70-е—начало 80-х годов XV в.] — *Купчая грамота Михаила Васильевича и его сына Василия у Савелия Богдановича на землю в Пиркиничском погосте*
АЕ-67. С. 289. № 2

Участок земли, купленный Михаилом Васильевичем и его сыном Василием в Пиркиничском погосте, в дальнейшем стал объектом земельного спора, отраженного правой грамотой начала XVI в.⁴⁴ Правая грамота называет имена наследников Михаила Васильевича — своеземцев Антона, Гридю и Климку Васильевых детей, Игнатку и Мину Михайловых детей. Писцовая книга 1563 г. перечисляет членов следующего поколения этой семьи — детей Григория и Климентия, именуя их Тяполковыми (ПКОП. С. 85).

Продавец земли Савелий Богданович, которого правая грамота называет Кавским, дожил до боярского вывода; он известен в писцовых книгах как сведенный вотчинник. Та же правая грамота числит в его соседях (а затем в соседях Михаила Васильевича) владелицу Кондушей Настасью, которая отождествляется с вдовой посадника Ивана Григорьевича, умершего в 1467 г. (см. комментарий к грамоте ГВНП. № 314). В комментируемом документе отражена ситуация, сложившаяся в годы, непосредственно предшествовавшие боярскому выводу 80-х годов XV в. Младшей датой грамоты следует признать 1483 г., поскольку тогда была лишена своих вотчин Настасья (ПСРЛ. Т. 6. С. 236).

202. [80-е годы XV в.] — *Данная грамота Остафия Дмитриевича Соловецкому монастырю на бразгу в Кузьострове и Кузьнаволоке*
Либ. № 2

203. [80-е годы XV в.] — *Данная грамота Федора Остафьевича Соловецкому монастырю на пожни, с которых ранее монастырю шла бразга*
Либ. № 1

Автор первой из комментируемых здесь грамот, Остафий Дмитриевич Глухов, передавший земельные участки на бразгу Соловецкому монастырю, известен по документу 1475/76 г. (ГВНП. № 315). Он не дожил до боярского вывода: по писцовым книгам, его вотчины числятся уже за его сыном Федором Остафьевичем — автором челобитной, по которой те земли, что Соловецкий монастырь арендовал («бразговал») у его отца, передаются в собственность монастыря (Либ. № 1).

Грамота Федора Остафьевича (Либ. № 1) адресована соловецкому игумену Антонию, о котором, по сведениям «Книги глаголе-

⁴⁴ *Корецкий В. И.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. С. 288—290. № 2.

мой описания о российских святых», известно, что он умер в 1492 г.: «Преподобный Антоний, игумен той же обители, преставися в лето 7000 августа 17 дня»⁴⁵. Поскольку в 1489—1501 гг. соловецким игуменом был Исаяя (см. комментарий к грамоте ГВНП. № 327), при котором, таким образом, и скончался Антоний, очевидно, что последний настоятельствовал ранее Исаяи, т. е. еще в 80-х годах XV в., но не раньше 1484 г., когда игуменом еще был Арсений. Свою должность Антоний оставил при жизни, возможно по немощи.

Датируя грамоту Федора Остафьевича 80-ми годами XV в., следует относить документ Остафия Дмитриевича (Либ. № 2) к несколько более раннему времени, однако в пределах немногих предшествующих челобитной Федора Остафьевича лет. Эта челобитная, поручающая соловецким старцам помянуть «по родителей наших», написана, вероятнее всего, вскоре после смерти Остафия Дмитриевича.

204.
АЕ-57. № 1

[Вторая половина 70-х—80-е годы XV в.] — *Данная грамота Семена Ермолиничя Палеостровскому монастырю на землю с угодьями от р. Аржамы до Орлова острова Карныш губы*

205.
АЕ-57. № 2

[Вторая половина 70-х—80-е годы XV в.] — *Данная грамота Семена Ермолиничя и Василия Афанасьевича Палеостровскому монастырю на ловлю в Челмужском погосте*

206.
АЕ-57. № 9

[Вторая половина 70-х—80-е годы XV в.] — *Жалованная грамота хутынского игумена Закхея палеостровскому игумену Конону и палеостровским старцам о разрешении рыбной ловли на Челможе*

Все три грамоты упоминают палеостровского игумена Конона, настоятельство которого документально засвидетельствовано грамотой Вяжищского монастыря (ГВНП. № 316); дата в ней — 6986 (т. е. 1478/79) г. — обозначена в самом ее тексте. Имя хутынского игумена Закхея известно в агиографии. В «Повести о посаднике Добрыне» он называется сыном никола-островского игумена Сергия (последний фигурирует в ряде актов — ГВНП. № 114, 117, 120); сам Закхей упомянут в «Повести о видении хутынского пономаря» как действующее лицо событий 1505 г.⁴⁶ Поскольку сведений о продолжительности игуменства Конона и Закхея нет, комментируемые документы возможно датировать суммарно второй половиной 70-х—80-ми годами XV в.

⁴⁵ *Либерзон И. З.* Указ. соч. С. 139—140.

⁴⁶ *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1974. С. 83, 171.

207.
ГВНП. № 325

[70-е—80-е годы XV в.] — *Грамота Марьи Ивановны, жены Луки Федоровича, Соловецкому монастырю о поминании ее родственников за вклад*

Лука Федорович, сын посадника Федора Яковлевича, в 1462 г. был новгородским тысяцким (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 211), но стал посадником уже к 1471 г., когда принимал участие в заключении Коростынского договора (ГВНП. № 25—27); как посадник он упоминается также под 1472, 1475, 1476 и 1478 гг. (ПСРЛ. Т. 7. С. 169; Т. 6. С. 200, 203—204, 209—214, 219; Т. 25. С. 292, 304—308, 313, 315, 322, 329). Писцовые книги числят его среди сведенных вотчинников; следовательно, он дожил до боярского вывода. Вкладом его жены, Марьи, вероятно, является ее независимая от владельческих прав мужа волостка, полученная ею в приданое. Марья во вкладной книге Соловецкого монастыря названа с ее родовым прозвищем — «Кадская», т. е. Кавская⁴⁷, а эта семья имела значительные владения в Обонежье. Документ датируется 70-ми или 80-ми годами XV в.

208.
МИК. № 31

[70-е—80-е годы XV в.] — *Меновая грамота Панфилия Селифонтовича с Богданом Ермолиничем на земли и воды в Тубозере и в Уносках*

Грамота отражает дальнейшую судьбу участка, который был заложен Богданом Ермолиничем (см.: ГВНП. № 326). Участок обменивается на земли, купленные Панфилием Селифонтовичем у Богдана и Якова Мануевых (см. о них в комментарии к акту ГВНП. № 314; там же — о Панфилии Селифонтовиче). Вымененный у Богдана Ермолиничя участок фигурирует в духовной Панфилия Селифонтовича (см.: АЕ-57. № 7), но, поскольку ни время составления этой духовной, ни дата кончины Панфилия не определяются с точностью, комментируемый документ возможно датировать только суммарно 70-ми или 80-ми годами XV в. Следует отметить, что Панфилий Селифонтович не дожил до боярского вывода: в писцовых книгах владельцами его земель обозначены уже его сыновья Марк и Лаврентий Панфильевичи.

209.
АЕ-57. № 7

[80-е годы XV в.] — *Духовная грамота Панфилия Селифонтовича на земли и воды в Уносках, завещанные Палеостровскому монастырю*

Грамота составлена позднее, нежели предыдущая, поскольку вымененный у Богдана Ермолиничя участок уже фигурирует в этой духовной. Документ, однако, относится ко времени, предшествовавшему боярскому выводу, т. е. датируется самое позднее периодом до 1489 г., так как в писцовых книгах сведенными

⁴⁷ *Либерзон И. З.* Указ. соч. С. 138.

вотчинниками числятся уже сыновья Панфилия — Марк и Лаврентий Панфильевы (ПКОП. С. 118, 126, 128, 137). Земли, отказанные по рассматриваемой духовной Палеостровскому монастырю, писцовая книга Обонежской пятины числит именно за этим монастырем (Там же. С. 154).

Поэтому выясняется неподлинность другой «духовной Панфилия Селифонтовича», по которой вымененный у Богдана Ермолина участка якобы завещан Муромскому монастырю⁴⁸. Подложное завещание пополняет коллекцию фальсифицированных в XVI в. старцами Муромского монастыря документов (см.: ГВНП. № 283 и 285). Поддельная духовная сохранилась в виде списка в составе правой грамоты 1538/39 г.

210. [60-е—80-е годы XV в.] — *Данная грамота Артемия Степановича Вяжищскому монастырю на участок в р. Выг*
ГВНП. № 312

211. [60-е—80-е годы XV в.] — *Купчая грамота Вяжищского монастыря у Мартемьяна Родионовича Водникова на половину его отчины в Повенце*
ГВНП. № 313

Грамоты датируются по упоминанию в них вяжищского игумена Варлаама, отдельные годы настоятельства которого зафиксированы датами исходящих от него документов, помещенными в самих их текстах: 6974 (1466/67) г. (ГВНП. № 310, 311), 6982 (1474/75) г. (Там же. № 315), 6986 (1478/79) г. (Там же. № 316). Поскольку крайние даты игуменства Варлаама неизвестны, обе грамоты следует датировать 60-ми — 80-ми годами XV в.

Продавец вотчины по грамоте ГВНП. № 313 Мартемьян Родионович Водников находился в родстве с продавцом другой вотчины в Повенце — Ермолой Максимовичем Водниковым (ГВНП. № 310). Дед Мартемьяна Родионовича Иван был также дедом Ермолы Максимовича. В данной «скотников и помужников Толвоиской земли» (Там же. № 90), датируемой 40-ми годами XV в., фигурирует Максим Иванов с детьми, а также Мартемьян Родионович, приходящийся, таким образом, племянником Максиму.

212. [60-е—80-е годы XV в.] — *Данная грамота Мартемьяна Родионовича Палеостровскому монастырю на землю с угодьями в Братиловичах*
АЕ-57. № 3, 5

Грамота датируется 60-ми—80-ми годами XV в. по имени вкладчика — Мартемьяна Родионовича (см. комментарий к акту ГВНП. № 313).

⁴⁸ Барсов Е. Указ. соч. С. 127.

213.
ГВНП. № 323

[Середина 70-х—80-е годы XV в.] — *Данная грамота шунжан Петра Адкина с племенем и других церкви св. Николая в Шунге на земли в Шунге и Толвуе*

Если в 1474/75 г. порядок материального обеспечения церкви Николая в Шунге был определен за счет ежегодных дотаций Вяжищского монастыря (см.: ГВНП. № 315), то позднее он существенно изменился. Церкви были выделены три деревни в Толвуйском погосте общей доходностью в 2 с полутретью обжи «на Толвуе на Чюнбур-наволоке» (ПКОП. С. 9, 139). Кроме того, небольшой участок в $1/2$ обжи имелся и при самой церкви в Шунге: «на погосте церковь великий Никола, а другая церковь великий Илья Пророк, во дворе игумен Варлам, во дворе поп Ларион, во дворе дьяк Иванко, во дворе понамарь Ларионко, во дворе проскурник старец Протасей; да на погосте же 30 старцев да стариц и с ыгуменью пол-40; пашни под игуменом и под попом с собором церковным сеют в поле ржи коробью с четвертью, сена косят 8 коп., пол-обжи» (Там же. С. 147).

Происхождение этого церковного владения видно из комментируемой грамоты, список с которой сохранился в одном столбце с вкладной архиепископа Феофила (ГВНП. № 315). Согласно данной шунжан, «все шунжане», т. е. землевладельцы Шунгского погоста, дают Никольской церкви одну деревню в Шунге и три деревни в Толвуе, а также «Цыбуруев наволоку», который легко отождествляется с «Чюнбур-наволоком» писцовой книги. Очевидно, что этот документ составлен позднее вкладной владыки Феофила, т. е., во всяком случае, после 1475 г.

214.
ГВНП. № 319

[60-е—80-е годы XV в.] — *Данная грамота Матфея Ильинича Соловецкому монастырю на участок Олены Оравановой «промежу корельскими детьми»*

215.
ГВНП. № 329

[60-е—80-е годы XV в.] — *Память Антона Григорьевича Соловецкому монастырю о вкладе деревни на Прилуке*

Грамоты не имеют уточняющих хронологических примет, кроме одной: они адресованы Соловецкому монастырю и, следовательно, не могли быть составлены ранее 60-х годов XV в., когда при архиепископе Ионе (1460—1470 гг.) на Соловки впервые были посланы антимины⁴⁹.

⁴⁹ Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание. С. 46.

216.
АЕ-57. № 4

[Середина—80-е годы XV в.] — *Данная грамота Василисты Палеостровскому монастырю на село Яковле сидение с угодьями в Толвуе*

Грамота адресована Палеостровскому монастырю. Следовательно, она не могла быть выдана ранее данной «скотников и помужников Толвоиской земли» (ГВНП. № 90), являющейся учредительным актом Палеостровского монастыря.

217.
ГВНП. № 324

[XV в.] — *Раздельная грамота Василия и его брата Маковея на отчину их отца Прокофия*

Грамота не имеет уточняющих хронологических примет.

АКТЫ ВАЖСКОЙ ЗЕМЛИ

В конце XVIII в. любителем местной старины шенкурским протопопом И. Ф. Розовым была обнаружена «на Ваге, в доме Едемских» книжечка в восьмушку, в которой на 38 страницах по черком начала XVII в. были написаны копии трех древних грамот. Книжечка имела заглавие «Список с старых новгородских крепостей своеземца Ивана Васильева сына Едемского. Писаны на хартиях, а печати оловянные, на печатех образ пречистыя богородицы честнаго ея Знамения, а на другой стороне животворящий крест».

Этот небольшой сборник списков открывается мировой грамотой старосты Азики и его «братьи» с Василием Матфеевичем по спорному делу о владении Шенкурским погостом (ГВНП. № 279), после текста которой Розов сделал примечание: «Лета 6823 (1315), зри летопись новгородскую». Далее следует духовная грамота Остафия Ананьинича (Там же. № 110), снабженная в конце пометой Розова: «Лета 6901». Третьим документом является духовная грамота Федора Остафьевича (Там же. № 111), после текста которой Розов сделал запись: «Лета 6943. Сообразуясь с словарем о князьях российских, лета под вышеописанными статьями написал Шенкурскаго Благовещенскаго собора протопоп Иван Розов. 1786-го года 12 июня. Шенгкурск».

Спустя пять лет Розов снял копии еще с четырех актов, отысканных им в частных руках и в Богословском Важском монастыре. В «доме Левачева» им была обнаружена полюбовная раздельная грамота Василия Федоровича и его братана Василия Степановича (Там же. № 278), относительно которой он сделал запись: «Подлинник писан уставно на пергамене, подлинник отыскан и остался в доме Левачева 1791-го октября 3. Списал я точным в подлиннике положением без всякой перемены не только слога, но и букв. Протопоп И. Розов». В Богословском монастыре Розов скопировал список XVI в. с данной новгородского посадника Василия Степановича (Там же. № 280), с данной Ивана Васильевича (Там же. № 281) и с данной Исаака Семеновича (Там же. № 282) об их вкладах в Важский монастырь. Последние два документа копировались с подлинников.

Сборник копий начала XVII в. и собрание копий Розова затем перешли в собрание М. Н. Мясникова, а от него к М. П. Погодину; при этом Мясников заменил розовские копии своими, снабдив их дополнительными примечаниями. Перед полюбовной раздельной

он написал: «Список с делного условия новгородцев Василия Федоровича с братаничем своим Василием Степановичем (зачеркнуто: что Варлаам Важеский) Своеземцевых», а после примечания Розова в конце документа: «Подлинную сию делную, писаную на пергаменте старинным почерком, видел я в доме протопопа Розова в Шенкурске 1812-го генваря . . . дня». После текста данной Василия Степановича он написал: «А на копии, найденной у г. Левачева, подписано: Данная Варлаама Важескаго в лето 6960 — 1452, списана в Государственной Коллегии Экономии — в Архиве». Перед текстом данной Ивана Васильевича Мясников сделал помету: «Список с даннаго Ивана Васильевича, сына Василья Степановича или Варлаама Важескаго». Наконец, список с данной Исака Семеновича Мясниковым озаглавлен: «Список с даннаго Исака Семеновича, сродника Василия Степановича, что Варлаам Важеский».

В 1813 и 1827 гг. первые сведения об этих документах появились в печати¹. Еще до передачи М. П. Погодину, в 1829 г. с книжки начала XVII в. и мясниковских копий сделал список П. М. Строев. По этому списку все перечисленные документы и были опубликованы в 1838 г.²

В настоящее время все оригинальные материалы шенкурского фонда находятся в государственных хранилищах. В ГПБ — книжка копий начала XVII в. (из собрания Погодина) и подлинная раздельная полюбовная (ГВНП. № 278; из собрания ОЛДП); в ЛОИИ АН СССР — копия XVI в. с данной Василия Степановича и подлинная данная Исака Семеновича (Собрание актов до 1613 г.); в ЦГАДА — подлинная данная Ивана Васильевича (из фонда ГКЭ). По подлинникам или древним копиям они воспроизведены в ГВНП.

* * *

Уже в начале XIX в. сформировалось представление о взаимоотношении этих грамот, оказавшее влияние на всю последующую литературу вопроса. С этого времени за фигурирующей в актах семьей закрепилась фамилия Своеземцевых, возникшая в результате неправильного понимания термина «своеземец» в заголовке копийной книжки начала XVII в. Это искажение, как видно из помет на списках документов, восходит к Мясникову, который, по-видимому, термина «своеземец» не знал. Своеземцем был Иван Васильевич Едемский, землевладелец XVI в., для которого был изготовлен оригинал списка «старинных новгородских кре-

¹ Молчанов К. Описание Архангельской губернии. СПб., 1813. С. 188; Мясников М. Нечто о пятинах новгородских и в особенности о стране, известной издревле под именем Вага // Северный архив. СПб., 1827. Ч. 27.

² Акты юридические. СПб., 1838. № 110: VI, VII, XI; 257; I; 260: I; 409: I, II. Для Строева была изготовлена еще одна копия — ЛОИИ. Собр. рукоп. книг. № 584; в этой копии после текста мировой грамоты старосты Азики имеется помета: «Купчая крепость в списке старинного письма сохранилась на Ваге в доме Едемских, потомков Своеземцевых».

постей»; в XIV в. этого термина вообще еще не существовало. Кроме того, Мясников не знал, что употребление фамилий или родовых прозвищ было в Новгороде явлением сравнительно поздним, распространившимся в XV в.

Другой — более значительной — частью концепции Мясникова было представление о том, что Едемские, в доме которых сохранилась копия книжка начала XVII в., были потомками не только Ивана Васильевича Едемского, жившего в XVI в., но и землевладельцев новгородского времени, фигурирующих в «старых новгородских крепостях» этой книжки, а также в раздельной полюбовной грамоте из «дома Левачева».

Следует отдать должное Мясникову: он, по-видимому, не решился настаивать на принадлежности к той же семье лиц из документов Богословского Важского монастыря, сгруппированных им около имени Василия Степановича («что Варлаам Важеский»), хотя имя Василия Степановича имеется и в раздельной полюбовной грамоте «Своеземцевых». В помете Мясникова перед копией раздельной «Список с делного условия новгородцев Василия Федоровича с братаничем своим Василием Степановичем Своеземцовых» слова «что Варлаам Важеский», написанные после имени Василия Степановича, затем были зачеркнуты. В пометах на копиях монастырских актов фамилия «Своеземцевых» ни разу не употреблена, хотя интерес Мясникова к генеалогии проявляется и здесь достаточно наглядно в обозначении Ивана Васильевича сыном, а Исака Семеновича сродником Варлаама Важского, хотя из текста самих документов это прямо не вытекает. Таким образом, Мясников не отождествлял Василия Степановича раздельной полюбовной с Василием Степановичем, «что Варлаам Важеский», а воспринимал фонд шенкурских грамот как две группы актов, не связанных между собой непосредственно. Так же независимо одна от другой эти группы изданы и в обеих академических их публикациях, в 1838 и 1949 гг.

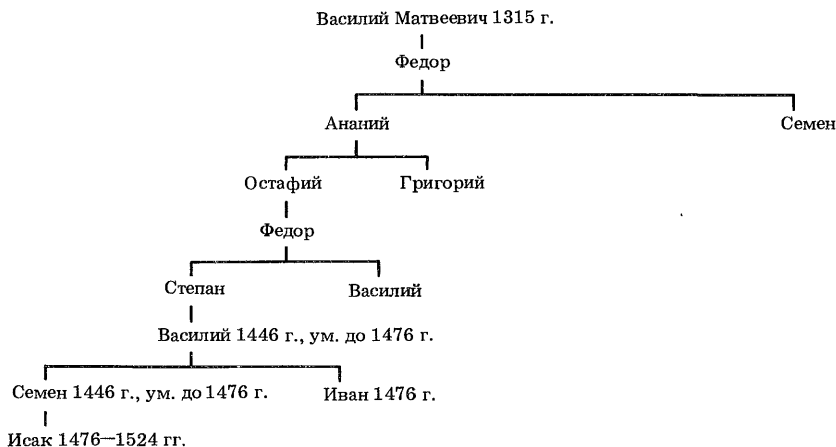
Между тем стремление идентифицировать Василия-Варлаама Степановича с Василием Степановичем раздельной полюбовной грамоты существовало уже в конце XVIII—начале XIX в. Оно проявилось в колебаниях Мясникова, который сначала предпринял такое отождествление, а затем отказался от него, и было, вероятно, присуще семье Едемских, тешившихся самодовольной уверенностью в своем родстве с популярным на Севере святым. Более чем вероятный член этой семьи Левачев, как мы уже видели, даже обращался в архив Государственной Коллегии экономики за копией духовной грамоты Василия-Варлаама Степановича и хранил эту копию вместе с раздельной полюбовной грамотой.

То, что в начале XIX в. составляло предмет тщеславного интереса семьи Едемских, в наше время приобрело характер достаточно важной и сложной проблемы. Каким был характер боярского вывода в северных землях Новгорода? Лишились ли здесь бояре своих вотчин полностью или часть их смогла удержать свою собственность? Ведут ли своеземцы XVI в. происхождение

от новгородских бояр или это сословие землевладельцев имеет иное происхождение? Следовательно, речь идет о взаимосвязи социально-экономических процессов, а не только о родственной взаимосвязи разных поколений предполагаемой одной семьи.

Впервые в научной литературе идентификация Василия Степановича раздельной полюбовной грамоты с Василием-Варлаамом Степановичем была предложена Н. В. Мятлевым³. Исследователь сформулировал свой вывод в генеалогической таблице (схема 7).

Схема 7

Отноительно родства этих лиц с Едемскими Мятлев писал: «Исак Семенович ... сведен был после покорения Новгорода великим князем Московским на Кострому, где сделался родоначальником угасшего в первой половине XVII столетия рода дворян Шенкурских, между тем как от дяди Василия Степановича — Василия Федоровича ... повелся процветавший долгое время в Шенкурье на Ваге род Едемских или Едомских, заимствовавших свое фамильное прозвище от принадлежавших Василию Федоровичу по раздельной грамоте Верхней и Нижней Едмы»⁴.

Версия Мятлева безоговорочно принималась исследователями Новгорода⁵, и его построение вызвало критические замечания — да и то в самой общей форме — впервые в 1971 г.: Ю. С. Васильев, заметив, что в статье Мятлева родословная, «на наш взгляд, не совсем точная», предложил иной вариант понимания взаимосвязи имен. Он исходил из идентификации Василия Степановича раздельной полюбовной грамоты с Василием-Варлаамом, но линию Едемских выводил от сына Василия Степановича — Ивана Васильевича, отождествляя последнего с тем лицом, которое

³ Мятлев Н. Родство Квашниных с новгородцами // Изв. Русского генеалогического о-ва. СПб., 1909. Вып. 3. С. 36—60.

⁴ Там же. С. 52—53.

⁵ См., например: Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955. С. 282—286.

в заголовке копийной книжки начала XVII в. называется «своеземцем Иваном Васильевым сыном Едемского»: «В то время как Исак Шенкурский был сведен и стал родоначальником дворянского рода Шенкурских в Костромском уезде, его родственник Иван Васильевич Едемский остался на Ваге, превратившись в своеземца. Часть земельных владений из его вотчин закрепляется за ним в писцовых книгах, а в 1552 г. жалованной вотчинной грамотой Ивана IV»⁶; «таким образом, лишь в XV—XVI вв. представители этого боярского рода стали именоваться Шенкурскими и Едемскими»⁷.

Между тем идентификация Василия Степановича раздельной грамоты и Василия-Варлаама Степановича является абсолютно несостоятельной. В то время как посадник Василий Степанович принял пострижение под именем Варлаам и умер, согласно его житию, 19 июня 1467 г., Василий Степанович раздельной полюбовной грамоты благополучно дожил до боярского вывода, равно как и его дядя Василий Федорович. Оба они к моменту вывода числятся в писцовых книгах землевладельцами в Налючском и Черенчицком погостах, в том числе в Ходынях на Ловати, где имеется волостка Василия Степановича, т. е. именно в тех местах, в которых они были владельцами, согласно раздельной грамоте (НПК. Т. 2. Стб. 600—601, 616—617, 682—683; Т. 5. Стб. 221—223). Василий Степанович фигурирует в этих описаниях с прозвищем Забелин, а относительно Василия Федоровича («Васюка Федорова») указано, что он был жителем Нутной улицы, что совпадает с «адресом» его отца, Федора Остафьевича, названным в его духовной: «и всеи великои улице Нутной г (оспо) де свое (и)» (ГВНП. № 111).

Поэтому разделение генеалогической схемы Мятлева — Васильева представляется безусловной необходимостью. Главные материалы для реконструкции родословий содержатся в самих грамотах, образующих соответственно две группы. К первой принадлежат в хронологическом порядке документы ГВНП. № 279, 110, 111 и 278; ко второй — документы ГВНП. № 280, 281 и 282. С Богословским Важским монастырем связаны только грамоты второй группы. В первую группу как наиболее ранний акт входит мировая грамота старосты Азики, определяющая Василия Матфеевича владельцем всего Шенкурского погоста, а также более поздние документы Остафия Ананьинича, его сына Федора Остафьевича и его внука Василия Федоровича, в которых указанная семья владеет уже лишь частью этого погоста. Восстановление родословия этой семьи удобнее начать с самого позднего документа (ГВНП. № 278), в котором фигурируют лица, дожившие до боярского вывода 80-х годов XV в.

⁶ Васильев Ю. С. Феодалное землевладение и хозяйство в Важской земле XV—XVII вв.: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1971. С. 11.

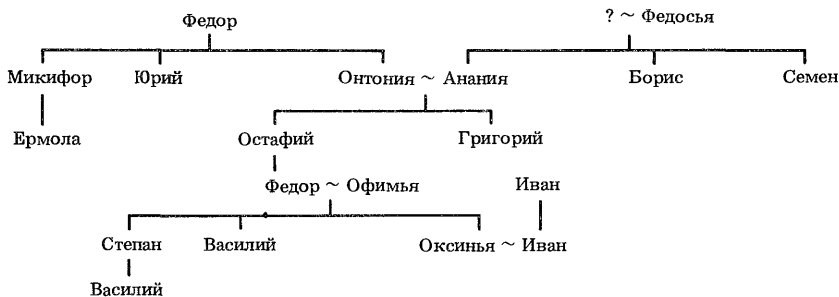
⁷ Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971. С. 291.

Участниками этой раздельной полюбовной грамоты являются Василий Федорович и его племянник Василий Степанович, который, однако, обозначается как «братан» (а не «братанич») Василия Федоровича; поскольку документ сохранился в пергаменном подлиннике, очевидно, что слово «братан» могло применяться и к племяннику, а не обязательно только к двоюродному брату.

В духовной Федора Остафьевича (ГВНП. № 111) названы его сыновья Степан и Василий, дочь Оксинья с зятем Иваном Ивановичем, жена Федора Остафьевича Офимья и дядя — посадник Федор Олисеевич (в списке неверно обозначенный как «Алексеевич»). Документ относится к 60-м годам XV в. (см. комментарий к нему). Коль скоро отца Федора Остафьевича — Остафия звали по отчеству Ананьиничем, очевидно, что Федор Олисеевич не мог быть его родным братом, а был лишь двоюродным или троюродным.

Значительное число родственников называет духовная Остафия Ананьинича (ГВНП. № 110), датируемая 1398—1410 гг. (см. комментарий к этому документу). Упомянуты мать Остафия — Онтония, его сын и единственный нисходящий наследник Федор, брат Остафия — Григорий, дядя Остафия — Семен, бабушка Остафия — Федосья, еще один дядя Остафия — Борис. Все эти лица имеют отношение к владению половиной Шенкурского погоста. Другая половина погоста принадлежит посаднику Федору Тимофеевичу и его братанам, под которыми, как это видно из раздельной полюбовной грамоты (Там же. № 278), могут подразумеваться племянники Федора Тимофеевича. Кроме того, среди душеприказчиков завещателя фигурируют его шурины (братья жены) Иван и Василий, дядя Юрий Федорович и «брат» Ермола Микифорович (надо полагать, родственники по матери). Таким образом, линия предков Василия Степановича и Василия Федоровича выстраивается в генеалогическую схему (схема 8).

Схема 8

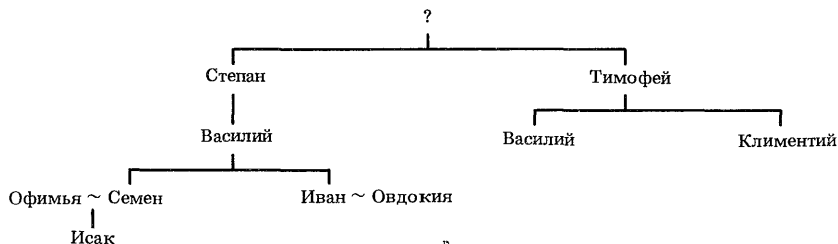

Вторая группа шенкурских актов (ГВНП. № 280, 281 и 282) называет посадника Василия Степановича, умершего в 1467 г. (Там же. № 280), Ивана Васильевича с женой Евдокией и его дядей Климентием Тимофеевичем (Там же. № 281), Исака Семеновича с матерью Офимьей (Там же. № 282).

Отца Исака Семеновича звали Семеном Васильевичем. Летопись рассказывает о нем под 1446 г., когда он вместе со своим отцом Василием Шенкурским ходил с трехтысячной заволоцкой ратью на югу и после поражения спасался бегством вместе с отцом (НПЛ. С. 425). Так называемый «второй» список Двинских волостей называет отчество Василия Шенкурского — Степанович. Рассказывая о Кулойских землях на Ваге, этот документ сообщает, что те земли «искал Васко Горло, староста кулойской, на Васильевых детех на Степанова на Семене да на Иване» (АСЭИ. Т. 3. № 16). Еще раз в том же документе «Семен Васильев сын Степанова» упоминается в связи с землями на Кокшенге. Иван Шенкурский с титулом новгородского посадника известен летописцу под 1475 г., когда он участвовал во встречах Ивана III (ПСРЛ. Т. 6. С. 201; Т. 25. С. 304—305). Самый знаменитый из Шенкурских — Василий Степанович. Упомянутый в летописи, как уже отмечено, впервые под 1446 г., он в том же году как посадник послан в Москву целовать крест захватившему великокняжеский стол Дмитрию Юрьевичу Шемяке (Там же. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 443; Т. 16. Стб. 189). В 1456 г. Василий Степанович едет в Волок Ламский, безуспешно пытаясь отговорить Василия Темного от похода на Новгород (ПСРЛ. Т. 8. С. 145—146; Т. 25. С. 274), а затем, после поражения, принимает участие в подписании Яжелбицкого докончания (ГВНП. № 22, 23, 24). В качестве славенского посадника он в 60-х годах XV в. участвовал в тяжбе с Иваном Губаревым (Там же. № 112), затем принимает пострижение под именем Варлаам и умирает 19 июня 1467 г.

«Второй» список Двинских волостей называет «братом» Василия Степановича некоего Василия Тимофеевича, что совпадает с показанием данной Ивана Васильевича (Там же. № 281), в которой сын Василия Степановича Иван упоминает своего дядю Климентия Тимофеевича. Несомненно, речь идет соответственно о двоюродном брате Василия Степановича и двоюродном дяде Ивана Васильевича. Эти материалы могут быть изложены в генеалогической схеме (схема 9).

Схема 9

Сравнение двух приведенных здесь генеалогических схем № 8 и 9 наглядно демонстрирует принадлежность Василия-Варлаама Степановича и Василия Степановича Забелина к разным семьям. Вместе с тем представляется совершенно очевидным, что род

Шенкурских, к которому относятся Василий Степанович, Иван Васильевич и Исак Семенович, не имевший отношения к землевладению потомков Анании, распоряжался вотчинами в другой половине Шенкурского погоста, т. е. в той, которая в начале XV в. числилась за Федором Тимофеевичем и его «братанами». От Федора или от кого-то из его «братанов», следовательно, и происходит отец Василия Степановича Шенкурского.

Обращение к материалам, устанавливающим потомство Федора Тимофеевича, позволяет утверждать, что Шенкурские к этому потомству отношения не имеют. У Федора Тимофеевича, умершего в 1421 г. (НПЛ. С. 143), было три сына: «Яков Федорович, брат его Иоанн и Афанасий», избранные в посадники около 1418—1419 гг. (Там же. С. 472). Указание на их происхождение от Федора Тимофеевича имеется в летописи под 1411 г., где один из трех братьев — Иван Федорович назван посадничьим сыном (Там же. С. 402), и под 1414 г., где таким же образом назван Афанасий Федорович (Там же. С. 404). Яков Федорович именован посадничьим сыном на вислой печати при грамоте (ГВНП. № 92; см. также гл. 1, сн. 25). Других посадников Федоров, годящихся им в отцы, не было.

Между тем начало активной деятельности Василия Степановича Шенкурского его житие относит к 1426 г.⁸, и искать его отца Степана и отца Василия и Климентия Тимофеевичей — Тимофея надлежит в несколько более раннем времени. Помня о связи этого рода с волоцкими делами, обратим внимание на нескольких лиц. Под 1401 г. в летописи рассказывается о нападении на Двинскую землю великокняжеской рати, которое было отбито Степаном Ивановичем, его братом Михаилом и Микитой Головней, добившимися успеха, «скопив около себе важан» (НПЛ. С. 396). Под 1393 г. летописи сообщают о том, что «новгородци взяша у князя великаго Устьяг город, Устижно и много волостий поимаша» под предводительством боярина Тимофея Ивановича (Там же. С. 386; ср.: ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 374; Т. 5. С. 245. Тимофей Иванович в 1388 г. сопровождал в Москву на поставление владыку Иоанна. — НПЛ. С. 382). Предположив в Степане, Михаиле и Тимофее родных братьев, мы в рассказе о битве под Торжком 1372 г. найдем и Ивана Тимофеевича, убитого во время сражения (НПЛ. С. 372). Если этот Иван Тимофеевич и Федор Тимофеевич — родные братья, то «братанами», т. е. племянниками, Федора Тимофеевича возможно признать детей Ивана — Степана, Михаила и Тимофея (схема 10).

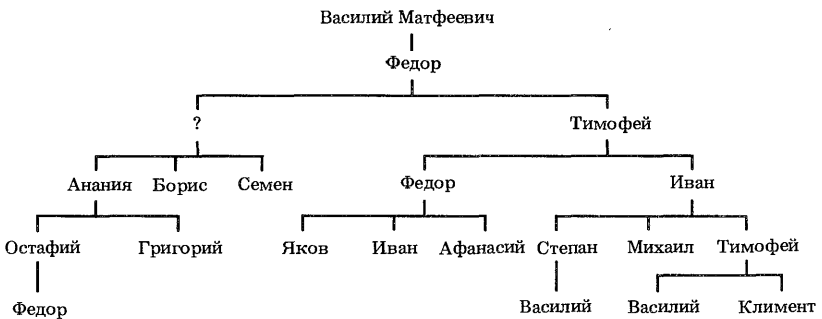
Таким образом, половина Шенкурского погоста, доставшаяся потом Федору Тимофеевичу и его племянникам, целиком принадлежала Тимофею, а другая его половина — неизвестному по имени отцу Анании, Бориса и Семена. Однако из показаний мировой старосты Азики (ГВНП. № 279) известно, что целиком Шенкур-

⁸ Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // АЕ за 1960 г. М., 1962. С. 242—243.

ский погост находился во владении Василия Матфеевича, который, следовательно, может быть признан или отцом Тимофея и дедом Анании, Бориса и Семена, или дедом Тимофея и прадедом Анании, Бориса и Семена, если у Василия Матфеевича имелся только один сын и необходимости в наследственном разделе отчины после смерти Василия Матфеевича не возникло. В этой связи обратим внимание на то, что источники знают тысяцкого Тимофея Федоровича, упоминаемого летописным перечнем новгородских тысяцких 1423 г. в хронологическом контексте середины—третьей четверти XIV в. (НПЛ. С. 472), и Федора Васильевича, новгородского воеводу в Копорье в 1339 г. (Там же. С. 349). Если эти сопоставления справедливы, то начальные звенья генеалогии рассматриваемого боярского рода должны выглядеть так (схема 11).

Схема 11

Добавим к этому, что, коль скоро Федор Остафьевич называет своим дядей славенского посадника Федора Олисеевича, следует допустить существование у Тимофея Федоровича еще одного сына — Олисея, усматривая в Федоре Олисеевиче еще одного «брatана» Федора Тимофеевича.

Не существует каких-либо возможностей считать, что кто-либо из этого рода сохранил свои владения после боярского вывода.

О сыне Федора Остафьевича Василии и внуке Василии Степановиче Забелине известно, что они были сведены. Сведен был и Исак Семенович Шенкурский, который был жив еще в 1524 г. Неизвестна судьба Ивана Васильевича Шенкурского, однако, по показанию документа 1471 г. (ГВНП. № 281), он к указанному году уже был женат и, следовательно, родился не позднее 50-х годов XV в., тогда как Иван Васильевич Едемский, с которым его отождествил Ю. С. Васильев, умер в 1574 г.⁹ В 1552 г. была выдана жалованная грамота Ивана IV «приказчику Шенкурского городка своеземцу Ивану Васильевичу сыну Федора Едемского»¹⁰, из которой следует, что он был внуком Федора, тогда как Иван Васильевич Шенкурский был внуком Степана.

* * *

218.
ГВНП. № 279

[1315—1316, 1319—1322 гг.] — *Мировая грамота старосты Азики и его «братьи» с Василием Матфеевичем по спорному делу о владении Шенкурским погостом*

В ГВНП грамота датирована вслед за И. Ф. Розовым, 1315—1322 гг. на основании упоминания в этом акте князя Афанасия, которому на Василия Матфеевича бил челом староста Азика: в летописях под 1315—1322 гг. фигурирует новгородский наместник великого князя Юрия Даниловича его брат Афанасий Данилович (НПЛ. С. 94—96, 335—336, 338—339, 457). Однако следует учесть, что наместничал князь Афанасий с перерывом: в 1316—1318 гг. великокняжеский суверенитет над Новгородом перешел к Михаилу Ярославичу; только в 1319 г., когда «уби цесарь в Орде князя Тферьского Михаила, а великое княжение дасть Юрию», «присла князь Юрьи в Новъгород брата Афанасья»; в 1322 г. князь Афанасий умер в Новгороде, «постригъся в черньци».

В новгородских сфрагистических материалах известна в пяти экземплярах печать XIV в. с изображением св. Георгия на коне и надписью: «Афанасия князя печать» (АП. № 441а). Ее атрибуция Афанасию Даниловичу подтверждается сравнением с другими близкими по времени буллами того же круга. На наместничьих печатях времени великого князя Михаила Ярославича помещено изображение архангела Михаила и надписи: «Печать Федорова» (Там же. № 441; 3 экз.) и «Печать кнежа Андреева» (Там же. № 440; 2 экз.). Первая принадлежит наместнику великого князя Михаила Ярославича Федору, упомянутому в этом качестве под 1314 г. (НПЛ. С. 94, 335); вторая свидетельствует о наместничестве при том же великом князе Андрея Вяземского, известного по летописному рассказу 1300 г. (ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Стб. 485;

⁹ Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина, составленная А. И. Яцимирским. М., 1897. Вып. 2. С. 223, 228.

¹⁰ Там же.

Т. 7. С. 182). В трех экземплярах известна печать с изображением св. Георгия на коне и надписью: «Печать Романова Михайловича»¹¹. Белозерский князь Роман Михайлович родился до 1293 г. (в этом году умер его отец Михаил Глебович); в летописи он упоминается под 1339 г., когда сопровождал в Орду великого князя Ивана Даниловича в его поездке к хану Узбеку (летописец называет его «Романчюком Белозерским». — ПСРЛ. Т. 15. 2-е изд. Стб. 52; 1-е изд. Стб. 422; Т. 10. С. 209). Поскольку на указанных печатях при изображении святого всадника имеется надпись: «Георгеи», надо полагать, что служилым князем в Новгороде Роман Михайлович был еще при Юрии Даниловиче, т. е. не позднее 1325 г. Известна таким же образом оформленная печать с изображением конного св. Георгия и надписью: «Печать князя Васильева», принадлежащая сыну Романа Михайловича — князю Василию Романовичу Сугорскому¹². Летописи князя Василия Романовича не знают, он известен лишь в родословцах, которые среди его сыновей называют и Афанасия, родоначальника линии князей Шелешпанских¹³. Поскольку служба Новгороду белозерских князей продолжается и в конце XIV в., когда на новгородском кормлении находился князь Константин Иванович Белозерский (НПЛ. С. 386—387) — правнук Романа Михайловича и внучатый племянник Василия Романовича, может возникнуть предположение о принадлежности печатей Афанасия именно этому князю, который действовал около середины XIV в. Однако наличие на буллах Афанасия изображения св. Георгия и их плотное вхождение в группу печатей первой четверти XIV в. указывают, что на новгородской службе в XIV в. был только один князь Афанасий — брат и наместник Юрия Даниловича.

На раннюю дату комментируемого акта указывает и формула заклатья: «А хто наступит на сии ряд, даст князю и посаднику дватцать гривен золота». Она отличается от обычной формулы земельных документов более позднего времени, адресующихся к князю и владыке. Переход юрисдикции в области земельных отношений к владыке произошел не ранее архиепископства Моисея, избранного на кафедру в 1325 г.¹⁴

Если генеалогический расчет, касающийся Василия Матфеевича, правилен, то время его деятельности приходится на тот же период. Следует особо отметить, что указание в книжке списков начала XVII в. на наличие при подлинниках скопированных в ней грамот печатей владычных наместников (с изображением Богоматери и креста) дано в общей форме, не оговаривая наличия таких булл при каждом документе. Во всяком случае, формула заклатья в рассматриваемой грамоте исключает возможность распространить такое указание на этот документ.

¹¹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 227.

¹² Там же. С. 227—228.

¹³ См., например: Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 10. С. 41, 42.

¹⁴ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. М., 1970. Т. 2. С. 60.

219.
ГВНП. № 280

[Около 1451/52 г.] — *Данная грамота новгородского посадника Василия Степановича Богословскому Важскому монастырю на села по рр. Ваге, Большой и Малой Пинежкам и на остров Онтрофьев*

В ГВНП грамота датирована 1451/52 г. на основании помет на ее списках, в том числе и на списке XVI в.: «Снимок з грамоты з домовои слово в слово, 6960 году». О Василии Степановиче известно, что впервые с титулом посадника он упоминается под 1446 г. (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 443; Т. 16. Стб. 189); в дальнейшем он участвовал в заключении Яжелбицкого мира 1456 г. (ГВНП. № 22, 23, 24). Умер Василий Степанович в 1467 г., приняв монашество в Важском Богословском монастыре, и был в последующем канонизован под именем Варлаама Важского или Шенкурского. Указанная в списках дата документа вполне вероятна.

220.
ГВНП. № 281

1471 г., 2 февраля. — *Данная грамота Ивана Васильевича и его жены Евдокии в Богословский Важский монастырь на два села на Паденге*

Грамота выдана сыном посадника Василия Степановича — Иваном Васильевичем тому же игумену Серапиону, которому был адресован предыдущий документ. В связи с упоминанием в акте дяди дарителя — Климентия Тимофеевича следует обратить внимание на то, что в так называемом «втором» списке Двинских волостей (АСЭИ. Т. 3. № 16) братом Василия Степановича назван Василий Тимофеевич; очевидно, что это двоюродный брат.

221.
ГВНП. № 282

[Конец 70-х—80-е годы XV в.] — *Данная грамота Исака Семеновича и его матери Офимьи Богословскому Важскому монастырю на деревни в Мидлеше и на Пинежке*

Исак Семенович — внук посадника Василия Степановича: о его отце Семене Васильевиче летопись рассказывает под 1446 г., когда он вместе со своим отцом Василием Шенкурским ходил на югру во главе трехтысячной заволоцкой рати, а затем после поражения спасался бегством (НПЛ. С. 425). Комментируемая грамота относится уже к московскому (после 1477 г.) времени, о чем свидетельствует ее формуляр («да молят бога о здравии государей великих князей»; наличие восковой печати), однако выдана до боярского вывода 80-х годов XV в.

ДВИНСКИЕ АКТЫ

Первое систематическое издание двинских грамот было предпринято А. А. Шахматовым в 1903 г.¹ В него (вместе с приложениями) было включено 122 документа. В 1919 г. Шахматов вместе с И. М. Сибирцевым опубликовал еще 14 актов XV в.², а в 1929 г. Н. С. Чаев издал пять неизвестных прежде документов³. Всего, таким образом, к моменту публикации ГВНП в 1949 г. в научный оборот была введена 141 грамота этого региона.

В ГВНП впервые изданы еще семь документов (ГВНП. № 217, 272—277), что дает в общем 148 актов. Между тем в этом издании по непонятным причинам не публиковалась благословенная грамота архиепископа Иоанна игумену Луке⁴ и в то же время общее число документов достигло 159 (156 — в разделе «Двина». — ГВНП. № 123—278; один — в разделе «Обонежье». — ГВНП. № 330, два — в рубрике «Грамоты внутреннего управления Великого Новгорода». — ГВНП. № 89, 92). Эти излишние документы использованы в указанном издании неправомерно. Документ ГВНП. № 219 — подделка; ГВНП. № 278 относится к собственно Новгороду; акты ГВНП. № 218, 222 и 223 — не к Двине, а к Кольскому полуострову, а ГВНП. № 255 — к Заонежью. Семь документов (ГВНП. № 260—263, 265, 266, 271) датируются московским временем, т. е. периодом после отторжения Двины от Новгорода в 1478 г.

Однако в разряд двинских надлежит включить также грамоту ГВНП. № 99, касающуюся земель у Бобровой Горы, которая находится на Двине, что вместе с благословенной грамотой владыки Иоанна определяет общую сумму известных сейчас двинских грамот времени новгородской независимости в 150 документов.

¹ Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903. Ч. 1—2.

² Сибирцев И. М., Шахматов А. А. Еще несколько двинских грамот XV в. СПб., 1909.

³ Чаев Н. С. Северные грамоты XV в. // ЛЗАК. Л., 1929. Вып. 35. № 55, 59, 60, 61, 63. Акт № 55 (ГВНП. № 330) относится к бассейну р. Онеги, тяготеющему не к Заонежью, а к Двине.

⁴ Шахматов А. А. Исследование. Ч. 2. Прил. I. № 1.

Большинство двинских документов происходит из двух монастырских архивов — Михайловского Архангельского и Николаевского Чухченемского.

Акты Михайловского монастыря. Михайловский Архангельский монастырь, упоминаемый в летописи впервые под 1419 г. (НПЛ. С. 412), дал начало и имя современному городу Архангельску. Он находился в самом городе, однако не на первоначальном своем месте, откуда был перенесен после пожара 1637 г. (ПСРЛ. Т. 33. С. 153, 173); его новая соборная церковь, ныне не существующая, была сооружена в 1685 г.⁵

Копийная книга XVII в., содержащая среди прочего раздел древних грамот «Списки с харатейных с купчих и з дельных и з духовных и со всяких крепостей», хранилась в самом монастыре, а после его закрытия поступила в БАН (Архангельское собр. № 1192). В указанном разделе книги содержатся копии 37 двинских документов XV в. (Л. 133 об.—162 об.); они расположены в следующем порядке: ГВНП. № 130, 210, 233, 143, 213, 124, 249, 244, 126, 123, 142, 211, 243, 214, 137, 245, 144, 215, 150, 212, 234, 237, 236, 235, 89, 146, 147, 149, 148, 145, 131, 250, 248, 127, 125, 247, 246. Кроме того, грамота ГВНП. № 221, список которой поступил в Михайловский монастырь в составе правой грамоты 1535 г., воспроизведена в той же копийной книге (Л. 322 об.—327).. 38 перечисленных актов составляют весь корпус известных к настоящему времени михайловских документов.

Кроме копий, немногочисленные грамоты уцелели в подлинниках, что указывает на наличие оригиналов в монастырском архиве еще в начале XIX в. Подлинники грамот № 148 и 235 были принесены в дар Академии наук Валерианом Никоновым в 1823 г. и ныне хранятся в ЛОИИ АН СССР. Оригинальная грамота ГВНП. № 143 попала в Главный архив МИД, а ныне находится в ЦГАДА. Наконец, грамота ГВНП. № 130 в подлиннике поступила в ЛОИИ АН СССР в составе собрания Н. П. Лихачева. В поле зрения исследователей мог бы оказаться еще один подлинный документ, но он был утрачен уже из архивного хранилища. В. Никонов подарил Академии наук не две, а три грамоты. «Из описания грамот, предложенного Никоновым на с. 15—16 отчета, видно, — писал Шахматов, — что в этой третьей грамоте содержалась фраза: „а писалъ грамоту самъ дякъ Илья“. Грамоты с такой фразой не находится ни среди подлинных двинских грамот, ни среди копий с них»⁶. По-видимому, Шахматов здесь неправ: в грамоте ГВНП. № 235, сохранившейся в архиве, последняя фраза «А псалъ грамоту Самула дякъ», вероятно, была неверно прочитана Никоновым, и то место в его отчете, которое цитировалось Шахматовым, относится не к утерянному, а к этому доступному и сегодня документу.

⁵ Описание монастырей, в Российской империи находящихся. М., 1819. С. 24.

⁶ Шахматов А. А. Исследование. Ч. 1. С. 8.

Относительно утраченной грамоты возможно высказать следующее предположение. В собрании А. С. Уварова (ныне в ГИМ. № 1543. Отд. IV. № 1) имеется столбец XVII в. со списками трех двинских документов (ГВНП. № 235, 236, 237). Поскольку один из подлинников этих актов оказался в начале XIX в. у Никонова, не исключено, что все три документа до поступления к нему хранились совместно (они все касаются одного развивающегося сюжета), а утраченный акт является одним из двух именно указанной группы (ГВНП. № 236 или 237). Следует обратить внимание на то, что грамота ГВНП. № 236 написана тем же дьяком Самуилой, которого Никонов принял за «самого Илью».

Бросается в глаза весьма важное обстоятельство: среди актов Михайловского монастыря (исключая присоединенную к ним в XVI в. копию грамоты ГВНП. № 221) нет ни одного, который был бы моложе игуменства Андреана, датируемого концом второй четверти XV в. Возможно, эти 37 документов представляют собой связку ранних актов, счастливо уцелевшую от пожара, в котором погибли документы третьей четверти XV в.

Акты Чухченемского монастыря. Николаевский Чухченемский монастырь находился в 10 км к востоку от Холмогор, на правом (восточном) берегу Северной Двины. Он был «упразднен, по-видимому, в начале XVII в., а еще раньше он перешел в ведение Троицко-Сергиевской лавры»⁷. В 1607 г. в составе имущества Чухченемского монастыря числилось «старых никольских данных и духовных харатейных крепостей сорок две». Такое же число документов указано в описи 1615 г.⁸ После перемещения монастырского архива в Троице-Сергиеву лавру была составлена копия книга, датируемая 40-ми годами XVII в. (ГБЛ. Архив Троице-Сергиева монастыря. № 532), в которой списков чухченемских пергаменных актов было уже 38, что полностью соответствует ныне существующему фонду подлинных чухченемских грамот, происходящих из Троице-Сергиевой лавры. Копийная книга 40-х годов XVII в., как это видно из сопоставления, предпринятого Шахматовым, послужила основой «Книги Колмогорского уезда Троицким вотчинам крепость», составленной в 1685 г. (ЦГАДА. ГКЭ. № 14385/1), в которой, естественно, фигурируют копии с тех же 38 документов.

В 1765 г. собрание чухченемских актов перешло из Троице-Сергиевой лавры в Коллегию экономии, а затем поступило в московский Архив старых дел. Дальнейшая его судьба оказалась причудливой. 21 грамота в 40-х годах XIX в. ушла в Публичную библиотеку в Петербурге, а 17 документов, побывав в руках С. М. Муханова, затем были им пожертвованы в Румянцевский музей в Москве. Соответственно этому перемещению ныне они хранятся в ГПБ (Собр. актов. Карт. 1) и в ГБЛ (Собр. Муханова). Между тем еще в ту пору, когда весь фонд этих грамот находился в Архиве

⁷ Там же. С. 40.

⁸ Там же. С. 14.

старых дел, с 25 документов для Н. П. Румянцева были сделаны списки с изображением скреплявших грамоты печатей. Списки, хранящиеся ныне в ГБЛ (Собр. Румянцева. № LXXVII), позволяют установить, что в части собрания была нарушена первоначальная связь актов с печатями; печати отвязывались для каких-то целей, а затем были привязаны к не соответствующим им документам. Поскольку взаимосвязь акта и удостоверяющей его буллы является одним из важнейших способов датирования документа, надлежит разобраться в этой путанице и попытаться восстановить истинный порядок взаимосвязи. Прежде всего следует выяснить, произошло ли нарушение в период хранения фонда в Архиве старых дел, когда в разрушительную операцию могло быть вовлечено все собрание, или оно коснулось лишь его части, когда фонд уже разошелся по двум хранилищам.

Исходную основу для такого исследования дает копия книга 40-х годов XVII в., скрупулезно отметившая наличие («печать у купчие свинцовая») или отсутствие печати («назади у купчие ручничьих нет»). Грамот, не сохранивших своих печатей уже в первой половине XVII в., оказывается 20 (ГВНП. № 151, 154, 155, 165—174, 224, 225, 227, 231, 232, 238, 242). 18 документов тогда же были снабжены пометой о наличии при них печати (Там же. № 152, 153, 157—161, 175, 176, 178, 194, 195, 216, 226, 228, 239—241). Эти последние по современным хранилищам распределяются так: ГПБ — ГВНП. № 158, 161, 194, 216, 239, 240; ГБЛ — ГВНП. № 152, 153, 157, 159, 160, 172, 175, 176, 178, 195, 226, 228, 241. Сопоставление современного состояния документов с данными Румянцева дает следующую картину:

Номер по ГВНП	По Румянцеву	Современное состояние
<i>ГПБ</i>		
№ 158	<i>не копировали</i>	печати нет
№ 161	печать Ермолы Алексеевича	печати нет
№ 194	печать Дементия Алексеевича	печати нет
№ 216	печать Геннадия	печати нет
№ 239	печать Филиппа Семеновича	печать Филиппа Семеновича
№ 240	печать Григория	печати нет
<i>ГБЛ</i>		
№ 152	печать Ионы	печати нет
№ 153	«обломок без изображения»	обломок печати Остафия Денисьевича
№ 157	печать Ермолы Алексеевича	печать Остафия Денисьевича
№ 159	<i>не копировали</i>	печати нет
№ 160	печать Ермолы Алексеевича	печати нет
№ 175	печать Микулы Максимовича	печать Якова Ивановича
№ 176	печать Якова Ивановича	печать Дементия Алексеевича
№ 178	печать Якова Ивановича	печать Остафия Денисьевича
№ 195	<i>не копировали</i>	печать Дементия Алексеевича
№ 226	<i>не копировали</i>	печать Ермолы Алексеевича

Номер по ГВНП	По Румянцеву	Современное состояние
№ 228	печать Дементия Алексеевича	печати нет
№ 241	печать «Ивана Онисимовича»	печать Микулы Максимовича
№ 172	печати не было	печать Ермолы Алексеевича

Как легко подсчитать, четырнадцать печатям, существовавшим во время изготовления румянцевских копий (о наличии в этот момент печатей еще при четырех грамотах — ГВНП. № 158, 159, 195, 226 — нам ничего не известно, так как списков с этих актов для Румянцева не делали), противостоят десять реально сохранившихся булл. Очевидно, что некоторые печати утрачены безвозвратно. Поиски в архивных и музейных собраниях привели к обнаружению только одной печати из числа этих пропавших. В Отделе нумизматики ГИМ хранится беспаспортная булла Якова Ивановича (редчайший случай, когда двинская булла дошла до современного хранилища не при грамоте), которая происходит из Древлехранилища МИД, а туда поступила из собрания древностей умершего в 1875 г. М. П. Погодина⁹. Особенности ее сохранности абсолютно совпадают с теми, которые запечатлены в румянцевской копии № 5, соответствующей грамоте ГВНП. № 178.

Необходимым представляется еще одно объяснение. Работавший для Румянцева копиист изобразил при грамоте ГВНП. № 241 печать небывалого наместника «Ивана Онисимовича». Сравнение его рисунка со всем существующим корпусом булл двинских владычных наместников позволяет заключить, что так ошибочно была воспринята и прочитана им неудовлетворительно сохранившаяся печать того же Якова Ивановича¹⁰.

Имеются основания утверждать, что перевязка печатей и вызванные ею утраты относятся еще к тому времени, когда весь фонд чухченемских актов Коллегии экономии находился в Архиве старых дел. В 1853 г. И. Д. Беляев опубликовал ряд пергаменных актов, в том числе интересующие нас грамоты ГВНП. № 158 и 161, которые к тому времени находились в Публичной библиотеке; печатей при них уже не было, хотя, по крайней мере, грамота ГВНП. № 161, судя по румянцевскому списку, еще недавно сохраняла при себе печать Ермолы Алексеевича¹¹.

Таким образом, количественное сопоставление существовавших и существующих печатей рассматриваемых актов дает следующий результат:

⁹ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. М., 1970. Т. 2. № 554-2.

¹⁰ Там же. С. 71.

¹¹ Беляев И. Д. Юридические акты, писанные уставом на пергамене // Временник ОИДР. М., 1853. Кн. XVI. Смесь. С. 15.

Владычный наместник	Экземпляров печатей	
	было	в наличии
Ермола Алексеевич (№ 157, 160, 161)	3	2
Остафий Денисьевич (№ 153)	1	3
Микула Максимович (№ 175)	1	1
Дементий Алексеевич (№ 194, 228)	2	2
Иона (№ 152)	1	нет
Яков Иванович (№ 176, 178, 241)	3	2
Геннадий (№ 216)	1	нет
Филипп Семенович (№ 239)	1	1
неустановленные (№ 158, 159, 195, 226)	4?	—

Утеряно по одному экземпляру булл Ермолы Алексеевича, Ионы, Якова Ивановича, Геннадия, Григория. Однако имеются две «избыточные» буллы Остафия Денисьевича, которым противостоят четыре акта с печатями неустановленной принадлежности — ГВНП. № 158, 159, 195, 226. Логично думать, что какие-то два из этих документов и были скреплены печатями Остафия Денисьевича. Больше взяться этим буллам просто неоткуда.

Проверка такого предположения позволяет предпринять достоверное восстановление «избыточных» булл Остафия Денисьевича именно при тех актах, которые ими и были некогда скреплены.

Очевидно, что таким актом не может быть грамота ГВНП. № 226, относящаяся ко времени чухченемского игумена Юрия, который, как будет показано дальше, был даже не непосредственным преемником игумена Василия (а Остафий Денисьевич, судя по грамоте № 153, был современником этого игумена): Юрию на настоятельстве предшествовал Макарий. Напротив, документ ГВНП. № 158 становится в прямую хронологическую связь с грамотой ГВНП. № 153, скрепленной печатью Остафия Денисьевича. Последняя является купчей чухченемского игумена Василия и старца Родиона (по смыслу формуляра документа — монастырского старосты) у чернеца Григория Ивановича, продавшего монастырю село на Лукине берегу. Между тем в грамоте ГВНП. № 158 покупателями земли для Чухченемского монастыря являются те же игумен Василий и старец Родион.

Наконец, решая вопрос, принадлежала ли еще одна «избыточная» печать Остафия Денисьевича грамоте ГВНП. № 159 или грамоте ГВНП. № 195, предпочтение следует оказать второму из этих документов, при котором она и сохранилась. Копии для Румянцева с указанного акта не было сделано, и это позволяет думать, что печать от документа вообще не отвязывалась.

Поскольку все три буллы Остафия Денисьевича оказались в мухановской части чухченемского архива, а грамоты, от которых они происходят, находятся в разных хранилищах (ГВНП. № 153 и 195 — в ГБЛ; ГВНП. № 158 — в ГПБ), тем самым подтверждается и то обстоятельство, что нарушение целостности актов произошло еще до разделения собрания, т. е. в Архиве старых дел.

Наиболее возможным виновником этого нарушения был копиист, изготовлявший списки с грамот и рисунки печатей для Румянцева. Вероятно, после завершения работы копииста и передачи заказанных копий Румянцеву привязывал печати к грамотам не сам копиист, а какой-то архивариус, уже не имевший под рукой копий, зафиксировавших первоначальные связи печатей с грамотами.

После закрытия Николаевского Чухченемского монастыря и передачи его архива в Троице-Сергиеву лавру в Чухченеме оставалось некоторое количество древних документов, перешедших затем в Архангельское епархиальное древлехранилище (ныне в ЛОИИ АН СССР), однако они не имеют отношения к Николаевскому монастырю, а принадлежали Ильинской Чухченемской церкви (в том числе грамота ГВНП. № 256 XV в. и две закладные грамоты уже московского времени)¹².

Сборы Археографической экспедиции. В числе документов, собранных первой экспедицией П. М. Строева в 1829—1832 гг., определенно было 12 двинских грамот (ГВНП. № 128, 135, 177, 180 — 184, 198, 201, 202, 207). Из них восемь опубликованы в 1838 г.¹³, две — в 1895 г.¹⁴, две — в 1903 г.¹⁵, и весь их комплекс еще раз — в 1915 г.¹⁶ Все эти документы ныне хранятся в ЛОИИ АН СССР (ААЭ. XXIII. № 1—10, 14, 15). Грамоты ГВНП. № 180—183 относятся к Кехте; ГВНП. № 177, 184, 198 — к островам в устье Северной Двины; ГВНП. № 201, 202 — к Ижме; ГВНП. № 128, 135, 207 — к Поморью, что как будто отражает разнообразие экспедиционных сборов.

Вероятно, тогда же в составе материалов, собранных Археографической экспедицией, оказались еще пять двинских грамот (ГВНП. № 133, 134, 179, 200, 254), поскольку они были опубликованы в 1838 г. вместе с перечисленными выше¹⁷ и происходят из тех же Кехты (Там же. № 134), островов (Там же. № 133, 254) и Поморья (Там же. № 179, 200), однако они были переданы в Публичную библиотеку в Петербурге и почему-то не вошли в обзор строевских материалов¹⁸. Эти пять грамот в 1877 г. были изданы способом фотолитографии¹⁹.

Не исключено, что такое же происхождение имеют грамоты ГВНП. № 139 и 252, изданные в 1853 г. И. Д. Беляевым как принадлежащие Публичной библиотеке²⁰. Первая из них относится к Поморью, вторая — к Лявле.

Шахматов предполагал для всех этих документов единый источник происхождения: «Быть может, большая часть Поморских актов принадлежала Николаевскому Корельскому монастырю,

¹² Сибирцев И. М., Шахматов А. А. Указ. соч. С. 18—20. № 134, 135.

¹³ Акты юридические. СПб., 1838. № 71: II, IV, VI, VII, X—XIII.

¹⁴ ЛЗАК. СПб., 1895. Вып. X. С. 34—35.

¹⁵ Шахматов А. А. Исследование. Ч. 2. С. 92, 111.

¹⁶ РИБ. Пг., 1915. Т. 32; Архив П. М. Строева. Пг., 1915. Т. 1. Стб. 10—21. № 11—22.

¹⁷ Акты юридические. № 71: III, V, VIII, IX; № 110: V.

¹⁸ Архив П. М. Строева. Т. 1.

¹⁹ Отдельные листы, изданные ОЛДП. СПб., 1877. Табл. 2, 3.

²⁰ Беляев И. Д. Указ. соч. С. 16—17.

откуда следовало бы, что коллекция Археографической комиссии, вся или же только отчасти, составила из актов, принадлежавших некогда названному монастырю, причем Кехотские, Ижемские, Заостровские и Чубальские земельные акты перешли в собственность этого монастыря в силу расширившегося его землевладения»²¹ Такое предположение представляется весьма правдоподобным. И. Л. Маяковский, оценивая результаты первых археографических экспедиций, отметил и их недостатки, к числу которых относится передача некоторых находок крупным коллекционерам и меценатам, а также разрушение и распыление первоначальных фондов²².

В этой связи обращает на себя внимание судьба одной грамоты из архива Николо-Карельского монастыря. В собрании А. С. Уварова (ГИМ) имеются подлинные грамоты ГВНП. № 129 и 255 (документ № 129, очевидно, из архива этого монастыря). На их происхождение из коллекции почетного гражданина И. Н. Царского, активно сотрудничавшего еще с К. Ф. Калайдовичем, указывает то обстоятельство, что грамота № 255 в 1857 г. издавалась как принадлежащая Царскому²³. Что касается грамоты ГВНП. № 129, известной еще в начале XIX в.²⁴, то в 1852 г. в Архангельске полагали, что она некогда сгорела²⁵. Грамота ГВНП. № 162, относящаяся к островам устья Двины, принадлежала Н. И. Головину (ныне в ЛОИИ АН СССР)²⁶. Не происходят ли эти документы из числа щедрых даров Археографической экспедиции ее меценатам?

Лодомские акты. Четыре подлинные грамоты хранились в Лодомской церкви Архангельского уезда, где в начале XIX в. в тетради с филигранью 1804 г. с них были сделаны копии, использованные Шахматовым²⁷. Две пергаменные грамоты из этого архива (ГВНП. № 163, 197) оказались в собрании М. А. Оболенского, а затем перешли в собственность ОЛДП (ныне в ГПБ), а две (ГВНП. № 196, 199) — в собрание Н. П. Лихачева (ныне в ЛОИИ АН СССР).

Еще два лодомских акта, неизвестные в подлинниках, дошли в составе правой грамоты 1530 г. (ГВНП. № 187, 188), опубликованной в 1894 г.²⁸

Княжеостровские акты. Четыре княжеостровских акта также стали собственностью частных собирателей. Грамоты ГВНП. № 92,

²¹ Шахматов А. А. Исследование. Ч. 1. С. 11.

²² Маяковский И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1941. Ч. 1. С. 276.

²³ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857. Т. 1. № 63: П.

²⁴ Амвросий. История российской иерархии. М., 1812. Ч. 4. С. 630.

²⁵ Архангельские губернские ведомости. 1852. № 10. Отд. II. С. 74.

²⁶ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1864. Т. 2. № 149: VI.

²⁷ Шахматов А. А. Исследование. Ч. 2. С. 121—127.

²⁸ РИБ. СПб., 1894. Т. 14; Акты Холмогорской и Устюжской епархий. СПб., 1894. Кн. 2. № XVII.

138 и 253, из которых № 92 и 253 были еще в 1844 г. изданы Флегонтом Вальневым²⁹, в 1877 г. принадлежали Ф. П. Солярскому³⁰. Грамота ГВНП. № 132 оказалась в варшавской библиотеке Красинских, откуда уже в 1865 г. фотоснимок с нее был привезен в Петербург Н. И. Костомаровым³¹. Существенной особенностью этого документа является его анахронистическое соединение с не соответствующей тексту печатью (грамота относится к началу XV в. и исходит от двинских посадников, тогда как печать принадлежит владычному наместнику 30—40-х годов XV в. Остафию Яковлевичу). Такое соединение могло произойти только в архиве, бывшем источником указанной грамоты для собрания Красинских. Акты Солярского к этому отношению не имеют, так как они сохранили собственные буллы. В указанной связи обращает на себя внимание то, что документы княжеостровской церковной казны с какого-то момента находились, по-видимому, в Антониевом Сийском монастыре, где в 20-х годах XVIII в. с ряда княжеостровских актов снимались копии (ГВНП. № 164, 258, 259, 260). Если это так, то не исключено пополнение коллекций Солярского и Красинских за счет архивных фондов этого монастыря.

Акты Антониева Сийского монастыря. Основанный в 1520 г. Сийский монастырь находился в 92 верстах к югу от Холмогор. В нем, несмотря на сравнительно позднюю дату возникновения, сохранилось девять подлинных актов XV в. (ГВНП. № 141, 189, 191, 192, 206, 208, 209, 257, 264). Очевидно, что и грамота ГВНП. № 140, числившаяся происходящей из архива Троицкой Ухтоостровской церкви³², в действительности того же происхождения, поскольку она называет того же покупателя земли — Андрея Кононовича, что и грамота ГВНП. № 141. Часть этих актов относится к ближайшей к Сийскому монастырю Емецкой волости, другие — к Княжеостровской, Чухченемской волостям и к Поморью, что позволяет заключить о сложении этого фонда ранних документов в ходе земельных приобретений Сийского монастыря; ранние документы приходили туда в составе той документации, которой обрастали приобретаемые участки. Во всяком случае, существует свидетельство нахождения некоторых из этих грамот в Сийском монастыре уже к 1575 г., когда копии с них были сделаны и заверены сийским игуменом Феодосием (ГВНП. № 208 и 209)³³.

Все эти документы уже к 1909 г. находились в Архангельском епархиальном древлехранилище, откуда затем перешли в ЛОИИ АН СССР. Такое же происхождение имеет, вероятно, и грамота

²⁹ Архангельский историко-литературный сборник, изданный Ф. Вальневым. СПб., 1844. С. 28—29, 201.

³⁰ Отдельные листы, изданные ОЛДП. Табл. 1.

³¹ ЛЗАК. СПб., 1868. Вып. IV. Протоколы. С 12—13.

³² Сибирцев И. М., Шахматов А. А. Указ. соч. С. 9. № 124.

³³ Там же. С. 8—9. № 122, 123.

ГВНП. № 220, опубликованная Шахматовым еще в 1903 г. как принадлежащая Архангельскому древлехранилищу³⁴.

Акты Соловецкого монастыря. Из архива Соловецкого монастыря происходят семь подлинных актов Двины (ГВНП. № 99, 186, 190, 203—205, 330), хранящихся ныне в ЛОИИ АН СССР. Кроме того, в копийном сборнике 1633 г., принадлежавшем Археографической комиссии (ныне в ЛОИИ АН СССР), имеются списки еще с четырех двинских грамот XV в., бывших в Соловецком монастыре (ГВНП. № 267—270)³⁵, а копии с них и еще с семи подобных документов (Там же. № 217, 272—277), изготовленные в XV—XVI вв., поступили в собрание двинских актов ЛОИИ АН СССР (Двинские акты. № 28, 30, 32—36, 38—40, 42) и изданы впервые в ГВНП. И подлинные документы и копии относятся к одним и тем же местностям (Конев остров, Койдокурья, Павшина Гора в Курье), что дает возможность говорить о поступлении этих документов в Соловецкий монастырь в ходе его земельных приобретений.

Куростровские акты. Все подлинные куростровские акты — а их известно семь экземпляров (ГВНП. № 136, 156, 185, 193, 229, 230, 251) — были принесены в дар Академии наук ее членом-корреспондентом В. В. Крестининым еще в 1792 г., а ему были переданы крестьянином Ровдогорской волости Холмогорского уезда Степаном Негодяевым, в роду которого они хранились. Ныне эти документы находятся в Библиотеке АН СССР (Ленинград).

Троицкие акты. Две подлинные жалованные грамоты Новгорода Троице-Сергиеву монастырю вместе с монастырским архивом в свое время поступили в Коллегию экономии. Одна из них (ГВНП. № 95) в составе этого фонда хранится ныне в ЦГАДА (Гос. Древлехр. Отд. 1. Рубр. IV. № 6). Другая (ГВНП. № 101) — ныне в ГБЛ. Ф. Муханова; в конце XVII в. с нее была сделана копия, переданная в ЦГАДА в составе документов Коллегии экономии. Судьба подлинника еще раз показывает, что раздел коллекции оригинальных актов, в результате которого многие грамоты перешли в собрание Муханова, произошел тогда, когда все эти акты находились в Архиве старых дел.

Благословенная грамота Луке известна только по публикации Амвросия; о судьбе ее подлинника сведений нет.

* * *

Двинские акты упоминают шестерых игуменов Николаевского Чухченемского монастыря: Василия (ГВНП. № 152, 153, 155, 157, 158, 160, 161, 165—176), Кузьму (Там же. № 224), Макария (Там же. № 225), Нестора (Там же. № 256), Севастьяна (Там же. № 239) и Юрия (Там же. № 226, 227). Свое представление о хроно-

³⁴ Шахматов А. А. Исследование. Ч. 2. Прил. III.

³⁵ Чаев Н. С. Указ. соч. № 59—61, 63.

логической очередности этих игуменов Шахматов сформулировал следующим образом: «Можно думать, что за Василием игуменствовал Кузьма, за ним Макарий, а за ним уже Юрий. Когда игуменствовал Севастьян, до или после Василия, неясно»³⁶. Вопросы о месте в этом ряду Нестора Шахматов не ставил: в 1903 г., когда он публиковал свое основное исследование, документ с именем Нестора еще не был известен, а при его публикации в 1909 г. исследователь этой проблемы не коснулся³⁷.

Обилие грамот с именем игумена Василия (19 актов) вызвало следующее замечание Шахматова: «Деятельность игумена Василия так значительна, число актов, где упоминается его имя, так велико, что является сомнение, не было ли в Чухченемском монастыре два игумена того же имени, но сомнение это опровергается тем, что почти все грамоты, где назван игумен Василий, объединяются между собою как современные именами и других лиц — свидетелей, покупателей, продавцов, завещателей и проч.»³⁸. На основании акта, упоминающего игумена Василия и содержащего дату в самом тексте — 6(9)57, т. е. 1449/50 г. (ГВНП. № 152), Шахматов деятельность Василия относил к середине XV в., допуская, что он был не первым чухченемским игуменом. В этой связи исследователь обратил внимание на грамоту ГВНП. № 151, по которой Григорий Иванович покупал у Грихна, Федота и Вольяша, игуменовых детей, землю, часть которой он потом, по грамоте ГВНП. № 153, продал Чухченемскому монастырю при игумене Василии.

В новейшем исследовании двинских грамот В. Ф. Андреев обосновывает иное представление, согласно которому игуменство Василия продолжалось половину столетия, начавшись на рубеже XIV—XV вв. и окончившись в начале 50-х годов XV в.³⁹

Не считая необходимым специальный разбор исследовательских контрверзов, рассмотрим те возможности, которые предоставлены самим материалом чухченемских и в целом двинских документов. Ряд грамот с именем Василия (все они известны в пергаменных подлинниках) сохранил удостоверяющие их свинцовые печати или удовлетворительные сведения о них, о чем подробно говорилось выше. Эти печати принадлежат следующим владычным наместникам:

Ионе (№ 152);
Ермолу Алексеевичу (№ 157, 160, 161);
Микуле Максимовичу (№ 175);
Остафию Денисьевичу (№ 153, 158, 159);
Якову Ивановичу (№ 176).

³⁶ Шахматов А. А. Исследование. Ч. I. С. 41.

³⁷ Сибирцев И. М., Шахматов А. А. Указ. соч. С. 4—5.

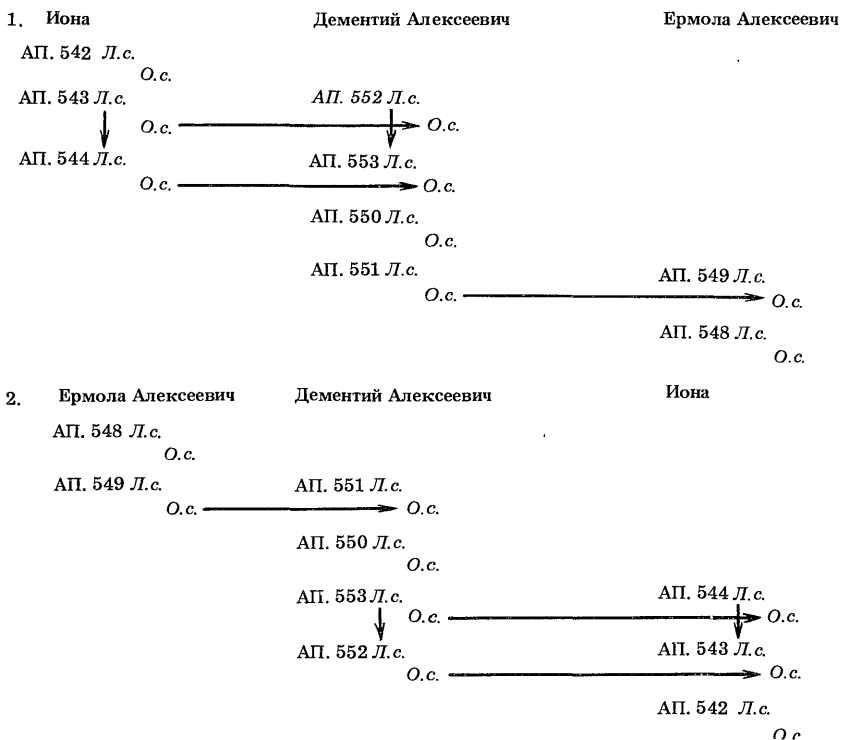
³⁸ Шахматов А. А. Исследование. Ч. I. С. 41.

³⁹ Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII—XV вв. Л., 1986. С. 18—29.

Поскольку Иона и Ермола Алексеевич — очевидные современники игумена Василия, попытаемся выяснить их хронологическое взаимоотношение.

Наблюдения над печатями двинских актов обнаруживают хронологическую близость трех владычных наместников, определяемую прямым наследованием матриц оборотных сторон их булл (изображающих крест), — Ионы, Дементия Алексеевича и Ермолы Алексеевича. Анализ этой близости дает только два взаимоисключающих варианта последовательности этих наместников (номера печатей даются по изданию: *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси. М., 1970. Т. 2; стрелками указано тождество матриц и вариантное направление их наследования, употреблены сокращения: *Л. с.* — Лицевая сторона; *О. с.* — Обратная сторона) (схема 12).

Схема 12

Печать АП. № 542 сохранилась при грамоте ГВНП. № 152, содержащей дату в своем тексте — 6(9)57, т. е. 1449/50 г. Если ряд наместников начинается Ионой (1-й вариант), то Дементий Алексеевич и Ермола Алексеевич окажутся деятелями третьей четверти XV в. При обратном порядке их последовательности (2-й вариант) они будут датированы второй четвертью XV в.

Поставленная проблема решается безусловно в пользу 1-го варианта, при котором ряд перечисленных наместников начинается именем Ионы. Скрепленная его печатью грамота ГВНП. № 203 является купчей попа Максима Ионовича на тоню у Подмошечной. Максим Ионович известен также по грамоте ГВНП. № 135 с печатью Остафия Яковлевича. И купля по грамоте № 135, и другая его купля по грамоте № 203 становятся предметом раздела между сыновьями Максима Ионовича — попами Яковом и Антоном в грамоте ГВНП. № 204, утвержденной печатью Дементия Алексеевича. Также Дементием Алексеевичем скреплена другая грамота попа Антона Максимовича (ГВНП. № 205). Отсюда следует, что Дементий Алексеевич наместничал позднее Ионы, а Ермола Алексеевич, заимствовавший матрицу буллы Дементия Алексеевича, — позднее Дементия Алексеевича. Следует заметить, что наместничество Остафия Яковлевича датируется временем более ранним, нежели деятельность Дементия Алексеевича.

К более позднему времени, чем Ермола Алексеевич, относится еще один современник игумена Василия — владычный наместник Яков Иванович. При Ермоле Алексеевиче игумен Василий покупает у Матфея Левонтьевича Урвана землю («цим володел Матфеи Урван и братан его Васке Мартушов» по купчей ГВНП. № 160; эту землю Василий потом завещает Чухченемскому монастырю по данной ГВНП. № 176, написанной по формуляру духовной грамоты и скрепленной печатью Якова Ивановича.

Попытаемся теперь выйти за хронологические пределы игуменства Василия и установить имена владычных наместников, чья деятельность предшествовала наместничеству Ионы и следовала за наместничеством Якова Ивановича.

Грамоте ГВНП. № 224, по которой некий Есиф отдает Чухченемскому монастырю купленное им у своего брата Игната Станшинское село на Лукине берегу «по Игнатови купной грамоти дерной», предшествует грамота ГВНП. № 216 — купчая Игната у Станши Борисова на это село. Грамота № 216 скреплена печатью владычного наместника Геннадия (АП. № 541). Точно такой же печатью удостоверена грамота ГВНП. № 189, одним из послухов которой назван Терентий Григорьевич, выступающий в грамоте ГВНП. № 186 с печатью владычного наместника Ионы раннего типа (АП. № 542). Таким образом, Геннадий хронологически близок Ионе.

Проверим эту близость другим способом. Еще одним послухом в грамоте ГВНП. № 189 назван Амос Микулинич. Это лицо фигурирует в выкупной ГВНП. № 139 как держатель заклада, по которому произведен выкуп. Послухом в выкупной был Арист Ананьинич, рукой которого написаны грамоты ГВНП. № 137 и 138. В отдельной ГВНП. № 137 в числе послухов назван соцкий Иван Степанович, который в той же должности известен при наместнике Дементии Алексеевиче (ГВНП. № 193, 197). Коль скоро при Ионе соцким был Федор (Там же. № 206), в Иване Степановиче следует видеть преемника Федора. Одним из

послухов рядной ГВНП. № 138 был Кузьма Тимофеевич, известный, в частности, по грамоте ГВНП. № 152 1449/50 г. с печатью Ионы. Очевидно, что группа рассмотренных документов примыкает к началу игуменства Василия (ко времени наместничеств Ионы и Дементия Алексеевича), а не к его концу (т. е. не ко времени наместничеств Ермолы Алексеевича и Якова Ивановича).

Между тем грамота ГВНП № 216 с печатью Геннадия предшествует акту ГВНП. № 224, который называет чухченемским игуменом не Василия, а Кузьму. Таким образом, Шахматов, предполагавший в Кузьме преемника Василия, был в этом отношении неправ: Кузьма является не преемником, а предшественником Василия. Каких-либо наместников, бывших современниками Василия раньше Ионы, обнаружить не удастся, что позволяет относить начало его игуменства ко второй половине — концу 40-х годов XV в.

Что касается младшего рубежа настоятельства Василия, то, не выражая его пока в абсолютных датах, возможно определить имена тех владычных наместников, которые следовали за Яковом Ивановичем, а также имена преемников Василия на игуменстве.

В грамоте ГВНП. № 134 с печатью Остафия Яковлевича, датированной тем самым временем до игуменства Василия, в качестве послухов выступают Степан Васильевич и его брат Лукьян. Те же лица являются продавцами земли по грамоте ГВНП. № 268, а ее покупателем — Семен Александрович сын Поряднин. Этот документ датируется временем более ранним, нежели наместничество Дементия Алексеевича. В грамоте ГВНП. № 200 с печатью этого наместника говорится о земле, принадлежащей детям Ивана Аврамова. Между тем сам Иван Аврамов обозначен в грамоте № 268 и, значит, был еще жив в момент ее оформления, но во времена Дементия Алексеевича его в живых уже не было. Наконец, грамота ГВНП. № 190 исходит от сына Семена Александровича — Ивана Семеновича «Поряднина унука», а она скреплена печатью владычного наместника Фомы Есифовича (АП. № 558).

Буллами того же Фомы Есифовича утверждены грамоты ГВНП. № 183, 184 и 185. Первые две из них являются купчими Мелентия Ефимовича Чеваки, а грамота № 185 — купчей Григория Васильевича. Мелентий Чевака фигурирует еще в трех документах: грамота ГВНП. № 179 утверждена печатью Якова Ивановича; купчая ГВНП. № 182 тождественна и синхронна акту № 183 с печатью Фомы Есифовича; грамота ГВНП. № 188 сохранилась в виде списка без описания буллы. Таким образом, из четырех актов Мелентия Чеваки, сохранивших сфрагистические показания, один относится ко времени Якова Ивановича, а три — ко времени Фомы Есифовича, что демонстрирует явное тяготение этих документов, а вместе с ними и действительности Мелентия Чеваки к последнему периоду игуменства Василия.

В купчей Григория Васильевича (ГВНП. № 185) с печатью Фомы Есифовича одним из послухов обозначен Перхурий Васильевич, который, согласно другому акту (Там же. № 227),

покупает землю, отданную в Чухченемский монастырь Степаном Варфоломеевичем. Эту землю в свое время Степан Варфоломеевич вложил в монастырь при игумене Макарии (Там же. № 225); покупка же указанного участка Перхурием Васильевичем по грамоте № 227 состоялась при игумене Юрии. Отсюда очевидно, что Макарий на чухченемском настоятельстве предшествовал Юрию. Более того, Макарий предшествовал Юрию непосредственно, так как и при том, и при другом игумене чухченемским монастырским старостой был один и тот же человек — Иван Семенович (Там же. № 225, 227). Следует заметить, что в купчей Перхурия Васильевича у игумена Юрия (Там же. № 227) одним из послухов выступает Григорий Васильевич — покупатель земли по купчей № 185 с печатью Фомы Есифовича, в которой, как уже отмечено, среди послухов фигурирует и Перхурий Васильевич.

Этих материалов было бы достаточно для отнесения наместничества Фомы Есифовича ко времени после Якова Ивановича и игумена Василия, если бы не одно предложенное Шахматовым отождествление, правомерность которого следует рассмотреть прежде, чем выносить окончательное суждение. По купчей ГВНП. № 185 с печатью Фомы Есифовича Григорий Васильевич приобрел землю за Паритовым озером у Левонтия Нестеровича, заплатив за нее 10 сороков белки и корову пополонка. Существует, однако, документ, по которому тот же Григорий Васильевич не покупает, а продает землю «у Паритова озера», называя ее «наволок Левушиньской», за 8 сороков белки и корову пополонка, — купчая ГВНП. № 193 с печатью Дементия Алексеевича и с упоминанием соцкого Ивана Степановича. Шахматов предположил, что речь в этих документах идет об одном и том же участке. Если это так, то окажется, что Фома Есифович наместничал раньше Дементия Алексеевича. Однако внимательное изучение обеих грамот убеждает в том, что в них фигурируют разные земельные участки. В частности, покупка включает дворце, старое огородище, Луский ручей; ничего подобного нет в грамоте № 193. Разница цен на участки тоже укладывается в логику очередности обеих акций Григория Васильевича: продажа менее ценного участка ради последующего приобретения более дорогого понятнее, чем перепродажа купленной земли за меньшую цену, на что обратил внимание и сам Шахматов⁴⁰.

Выяснив, что Макарий был преемником Василия на чухченемском игуменстве, возможно установить и примерное время его игуменства. В духовной Федора Остафьевича (ГВНП. № 111), основательно связанного своим землевладением с северным регионом, послухом называется «отец мои духовной игумен Макарей святого Николы». Одним из душеприказчиков Федора Остафьевича назван новгородский тысяцкий Яков Игнатьевич, который с тем же титулом упоминается в летописи под 1463 г. (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 212). Яков Игнатьевич умер 3 марта 1470 г., уже

⁴⁰ Шахматов А. А. Исследование. Ч. 2. С. 90.

будучи посадником (Там же. Стб. 224); следовательно, посадником он стал между 1463 и 1470 гг. Другой душеприказчик — новгородский посадник Иван Максимович упоминается в документе, датированном 1461—1467 гг. (ГВНП. № 112). Еще один душеприказчик — новгородский посадник Иван Афанасьевич с этим титулом упоминается под 1459 г. (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 198) и под 1464 г. (Пл. Вып. 2. С. 158); в конце 1475 г. он был арестован Иваном III и увезен в Москву (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 449).

Изложенные материалы позволяют отнести игуменство Макария ко времени не позднее 60-х годов XV в., а это, в свою очередь, определяет и примерную дату окончания настоятельства Василия, который, таким образом, игуменствовал со второй половины 40-х годов до конца 50-х или начала 60-х годов XV в.

Результаты всех этих предварительных наблюдений позволяют выразить их итог в синхронистической таблице (табл. 1), в которую введены сведения о чухченемских игуменах и монастырских старостах, а также о владычных наместниках и соцких рассматриваемого периода (старосты названы в следующих документах: Юрий в грамоте ГВНП. № 152; Олферий — в грамоте ГВНП. № 157; Родион — в грамотах ГВНП. № 153 и 158; Иван Семенович — в грамотах ГВНП. № 225 и 227). Что же касается соцких, то Федор, отправлявший свою должность еще при двинском посаднике Василии Степановиче (ГВНП. № 208), оставался в ней при владычном наместнике Ионе (Там же. № 206), его преемником был Фефилат Федорович — также современник Ионы (Там же. № 203), а современником Дементия Алексеевича был Иван Степанович (Там же. № 193, 197).

ТАБЛИЦА 1

Игумены	Старосты	Наместники	Соцкие
Кузьма		Геннадий	
Василий	Юрий	Иона	Федор
Василий		Иона	Фефилат Федорович
Василий		Дементий Алексеевич	Иван Степанович
Василий	Олферий	Ермола Алексеевич	
Василий	Родион	Остафий Денисьевич	
Василий		Яков Иванович	
		Фома Есифович	
Макарий	Иван Семенович		
Юрий	Иван Семенович		

* * *

222.
ГВНП. № 128

[Конец XIV в., до 1397 г.] — *Купчая грамота Филиппа Григорьевича у Нефедя и Семена Яковлевичей на Корельский наволоок и землю по Кудме и Малокурье*

223.
ГВНП. № 129

[Начало XV в., до 1417 г.?] — *Духовная грамота Марфы, жены Филиппа Григорьевича, на завещанные Николаевской церкви на Корельском берегу села на Лявле острове и в Конечных и на рыбные ловли*

Купчая грамота предшествует духовной. По купчей Филипп Григорьевич приобретает ту землю, которую потом его жена Марфа завещает церкви Николы в Корельском.

Для датирования духовной грамоты важно упоминание в ней хутынского игумена Василия, который фигурирует также в грамоте ГВНП. № 127, датируемой 1415—1417 гг. Завещательница Марфа, называющая своим зятем Офромеем Васильевича, известна и по духовной Остафия Ананьинича (ГВНП. № 110), датируемой 1398—1410 гг.: «а взяти ми где что по жеребьям и по грамотам: . . . у Семена и у Гордея пять рублей за Марфу за Охромееву тещу». Такое ее именование является свидетельством того, что уже до 1410 г. Марфа была вдовой. Офромеем Васильевич упомянут в качестве послуха в купчей Филиппа Григорьевича (Там же. № 128). Душеприказчиками Марфы в ее духовной объявлены Левонтий Обакунович (в ГВНП он неправильно транскрибирован как «Дементий»), упоминаемый позднее в акте ГВНП. № 144, и деверь Марфы, т. е. брат ее мужа, Федор Григорьевич.

Печать купчей принадлежит к типу анонимных булл владычных наместников, характерному для конца XIV—начала XV в. (с изображением Богоматери и простого креста)⁴¹. Если духовная Марфы относится к первым годам XV в., то предшествующую ей купчую (ГВНП. № 128) следует датировать концом XIV в. Оформление ее печатью не двинского посадника, а новгородского владычного наместника указывает на время до коммандации Двинской земли Москве в 1397—1398 гг., после которой система административного управления Заволочьем была изменена.

Духовная Марфы, сообщившая о сооружении храма Николы в Корельском на гробах детей Марфы, фиксирует момент основания Николо-Карельского монастыря. Впервые в летописи этот монастырь упоминается под 1419 г. в связи с нападением мурман на двинские погосты (НПЛ. С. 411).

224.
Амвр. Ч. 3. С. 300—
301

[1398—1414 гг.] — *Благословенная грамота архиепископа Иоанна михайловско-му игумену Луке*

Грамота датируется по имени и титулу ее автора новгородского архиепископа Иоанна. Он был избран во владыки в 6896 г. «месяца мая в 7, на Вознесение господне, на память святого отца Пахомия; не бысть тогда митрополит в Руской земли» (НПЛ. С. 382). Это как будто весьма обстоятельное указание календарной

⁴¹ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. Т. 2. С. 57.

даты, однако, очень противоречиво. Вознесение приходилось на 7 мая в 1388 г., когда пасха праздновалась 29 марта. Но память св. Пахомия отмечается не 7, а 15 мая. Между тем 15 мая Вознесение в близкое событие время было лишь в 1382 и 1393 гг., канун же Вознесения приходился на 15 мая в 1387 г. Хиротонисан Иоанн был «генваря 17, в неделю, на память святого отца Антония, пресвященным митрополитом Пумином всея Руси», а приехал в Новгород с поставления «февраля в 8, в неделю фарисейскую, на память святого отца Парфения» (Там же. С. 382—383). Память св. Антония действительно отмечается 17 января, но св. Парфений празднуется не 8, а 7 февраля. Кроме того, 17 января приходилось на воскресенье в 1388 г., но 8 февраля совпадало с неделей о мытаре и фарисее в 1389 г. Эта очевидная двуслойность дат отражает колебания летописца в датировании события между 1387/88 и 1388/89 гг. Предпочесть следует 1388/89 г., поскольку митрополит Пимен вернулся в Москву из Царьграда в июле 1388 г., (ПСРЛ. Т. 8. С. 52). Таким образом, Иоанн был избран 7 мая 1388 г., когда действительно митрополит был вне Руси, а хиротонисан 17 января 1389 г. Очевидно, что выдать благословенную грамоту Луке он не мог раньше возвращения в Новгород 8 февраля 1389 г. Сошел с владычества Иоанн 20 января 1415 г., но еще раньше этого — в конце 1414 г. — он принял схиму (НПЛ. С. 405).

Формально документ следует датировать 1389—1414 гг. Однако грамота благословляет не только Луку, но и администрацию Двинской земли, в том числе двинских посадников, а такая система посадничества в Заволочье известна лишь в XV в. (в середине XIV в. двинской посадник существовал в единственном числе — ср.: ГВНП. № 85). Вероятно, само возникновение института двух двинских посадников последовало за исчерпанием конфликта с великим князем Василием Дмитриевичем в 1398 г. Указание в благословенной грамоте границ Двинской земли — «от Емцы и до моря» — также воспринимается как отголосок недавнего конфликта, поскольку именно в этих границах Двинская земля коммендировалась в 1397 г. московскому великому князю (см.: ГВНП. № 88). Если это так, то предпочтительной датой документа будет 1398—1414 гг.

225.

ГВНП. № 192

[1398 г. — вторая половина 10-х годов XV в.] — *Данная грамота Кирилла Юрьевича Богородицкому монастырю на село Федора Лапышева*

Документ скреплен печатью Есифа Филипповича, по своему оформлению не относящейся к кругу булл владычных наместников. Это безусловно печать чиновника светской администрации, причем типа, характерного для XIV—первой четверти XV в., в частности, для булл двинских посадников (ср. с печатями двинских посадников Якова Федоровича и Иова Тимофеевича при грамоте ГВНП. № 92).

Есиф Филиппович упоминается в летописном рассказе 1411 г. среди новгородских воевод, участвовавших в походе под Выбор (НПЛ. С. 403), а до того — под 1401 г. как двинской посадник (Там же. С. 396). Возможно высказать некоторые соображения, способствующие уточнению младшего хронологического рубежа комментируемого акта. Как уже отмечено в комментарии к грамоте архиепископа Иоанна игумену Луке, в XIV в. управление Двинской землей осуществлялось двинским посадником. После исчерпания новгородско-московского конфликта 1397—1398 гг. система административного управления Заволочьем была изменена — Новгород стал посылать на Двину двух посадников, что, в частности, засвидетельствовано актами ГВНП. № 92 и 132. Вместе с тем было уточнено и разделение функций между владычным и светским аппаратами управления. Если до коммемдации Двины Москве в 1397—1398 гг. контроль за земельной собственностью находился в руках владычного наместника, местом пребывания которого был Новгород (см. оформление грамоты ГВНП. № 128), то в начале XV в., как можно судить по рассматриваемому и следующему актам, он ненадолго стал функцией двинских посадников. Однако уже в конце первой четверти XV в. подобные документы снабжаются снова печатями владычных наместников, но уже двинских, имевших местопребывание в Заволочье. Возможно предполагать, что эта новая административно-судебная реформа в Двинской земле была осуществлена в ходе значительных изменений государственного устройства Новгорода около 1418—1419 гг. или около 1423 г.

О дальнейшей судьбе села, купленного Кириллом Юрьевичем у Федора Лапышева, см. грамоту ГВНП. № 191, одним из послухов в которой назван и Есиф Филиппович.

226.
ГВНП. № 253

[1398 г. — вторая половина 10-х годов XV в.] — *Данная грамота посадника Терентия Богородицкой церкви на землю на Княжеострове*

К тому же периоду, что и предыдущая грамота, должна быть отнесена и данная Терентия. Посадник с таким именем в других источниках неизвестен. Нет его и во всех летописных перечнях новгородских посадников, что позволяет квалифицировать его как посадника не новгородского, а двинского. На это же указывает и наличие при документе его личной свинцовой печати.

Как и Кирилл Юрьевич предыдущей грамоты, посадник Терентий делает вклад в Богородицкий монастырь на Княжеострове.

227.
ГВНП. № 127

[1415—1417 гг.] — *Отпись Ивана Даниловича Спасскому Хутынскому монастырю о подтверждении монастырем прав Ивана на купленный им Андреев участок за Волоком*

Грамота датируется именами ряда действующих в ней лиц. Архиепископ Иоанн был владыкой с 1388 г. до оставления кафедры 20 января 1415 г. (НПЛ. С. 381, 405). Достоверные свидетельства деятельности новгородского архимандрита Варлаама относятся к 1410, 1418 и 1419 гг. (Там же. С. 402, 410, 411). Дата начала и продолжительность его архимандритства неизвестны, однако в 1397 г. он игуменствовал в Лисицком монастыре⁴², т. е. еще не стал архимандритом, а в 1398 г. новгородским архимандритом еще был Парфений (НПЛ. С. 393); между ним и Варлаамом летописный перечень новгородских архимандритов называет Мефодия (Там же. С. 475).

Иван Данилович впервые упомянут в приписке 1400 г. к Прологу церкви Козмы и Демьяна как боярин, живший на Козмодемьянской улице Неревского конца Новгорода⁴³. В 1411 г. он назван в числе воевод Новгорода, еще не будучи титулован посадником (НПЛ. С. 402), каковым он стал позднее, как можно судить по его титулованию в грамоте ГВНП. № 130 и по наличию его имени в летописном перечне новгородских посадников, составленном в 1423 г. (Там же. С. 472). Однако в посадники он был избран только в 1415 г. на место заболевшего его предшественника в представительстве от Неревского конца Юрия Онцифоровича, а не позднее 1417 г. умер сам, поскольку уже в начале указанного года посадничеством от Неревского конца владел Борис Васильевич.

Вопреки отсутствию титула у Ивана Даниловича комментируемую грамоту следует датировать временем после 1415 г., так как в ней говорится: «А к сеи отписи приложил Иван Данилович печать свою». Речь здесь может, по-видимому, идти только о посадничьей печати.

228.
ГВНП. № 130

[1415—1417 гг.] — *Рядная грамота Василия Федоровича, его детей и братанов с новгородским посадником Иваном Даниловичем о выкупе у него Андреева участка за Волоком в Соломбале, Ижме, Лодме и Уне*

Андреев участок, завещанный Андреем Хутынскому монастырю и приобретенный у монастыря Иваном Даниловичем (ГВНП. № 127), выкупается по комментируемому документу Василием Федоровичем с детьми и племянниками — Мартемьяном, Иваном, Андреем и Яковом Александровичами, которые все вместе называют бывшего владельца этого участка — Андрея — своим дядей (надо полагать, что дядей он мог приходиться только детям и племянникам Василия Федоровича).

Иван Данилович был посадником в 1415—1417 гг. (см. коммен-

⁴² Срезневский И. И. Древние памятники русского языка и письма. 2-е изд. СПб., 1882. Стб. 283—284.

⁴³ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 12.

тарий к предыдущему документу); в рассматриваемой рядной он уже носит посадничий титул. Тысяцкий Александр Игнатьевич с тем же титулом упомянут в летописи под 1415 и 1416 гг. (НПЛ. С. 405, 406; см. также грамоту ГВНП. № 53); не позднее 1418 или 1419 г. он стал посадником (ГВНП. № 58). Яков Дмитриевич, выступающий здесь в качестве послуха, в летописи упоминается под 1407 и 1420 гг. (НПЛ. С. 400, 413; см. также грамоту ГВНП. № 60 от начала февраля 1421 г.). С именем Якова Дмитриевича связаны грамоты ГВНП. № 145—150. Другой послух, Сава Ермолинич, выступает свидетелем в купчей ГВНП. № 141. Наконец, упоминаемый в рядной сын Василия Федоровича Остафий Васильевич фигурирует в грамоте ГВНП. № 89.

229.
ГВНП. № 92

[Первая четверть XV в., до 1418 г.] —
Правая грамота посадников Якова Федоровича и Иова Тимофеевича и соцкого Ивана о включении Власа Тупицына в волостной разруб княжеостровцев

Посадники Яков Федорович и Иов Тимофеевич, от имени которых выдан комментируемый акт, принадлежат к числу не новгородских, а двинских. На это указывают три обстоятельства. Во-первых, грамота оформлена не в Новгороде, а на Двине («и вси княжьостровчи ста на суде»). Во-вторых, в надписях их печатей Иов Тимофеевич никак не титулован, а Яков Федорович называется «сыном посадничьим», тогда как формула «печать посадника новгородского» характерна для всех известных новгородских посадничьих булл первых двух десятилетий XV в. В-третьих, летописные перечни новгородских посадников, составленные в 1423 г., знают Якова Федоровича, но вовсе не упоминают Иова Тимофеевича.

В этих перечнях Яков Федорович фигурирует в той их части, которая перечисляет лиц, избранных в новгородские посадники около 1418—1419 гг. Исходя из изложенного рассматриваемый документ следует датировать первой четвертью XV в., до 1418—1419 гг.

230.
ГВНП. № 132

[Первая четверть XV в., до 1423 г.] —
Рядная грамота Левонтия Зацепина с княжеостровцами по спору об убытках Левонтия от Семена Ночина за «муку и грабеж»

Так же как и в грамоте ГВНП. № 92, Василий Юрьевич и Аврам Степанович являются не новгородскими, а двинскими посадниками. На это указывают место составления акта — на Двине («И Завке ста на суде и вси княжоостровьчи»), гарантийная формула («А хто сии ряд поруши, дасть посадникам двиньским 5 тысячь белке») и отсутствие имени Василия Юрьевича в летописных перечнях новгородских посадников.

Нетитулованный Василий Юрьевич фигурирует в летописном

рассказе 1417 г. в связи с заволочскими делами как «сын посадничь» (НПЛ. С. 407); он был сыном посадника Юрия Дмитриевича, умершего в 1410 г. Аврам Степанович, упомянутый в летописи без какого-либо титула под 1411 г. (Там же. С. 403), в феврале 1423 г. был уже новгородским тысяцким (см.: ГВНП. № 62) и в том же году его избрали в новгородские посадники: его имя уже имеется в летописном перечне посадников, составленном в 1423 г. (НПЛ. С. 472).

Среди послухов комментируемой грамоты назван соцкий Иван, известный также по документу ГВНП. № 92, что указывает на хронологическую близость этих актов. Другой послух Михаил Ольфромеевич, возможно, идентифицируется с Михаилом Охромеевичем многих более поздних двинских грамот (ГВНП. № 134, 152, 153, 155, 157, 167, 194, 212, 214?, 215).

Хранящаяся вместе с грамотой печать владычного наместника Остафия Яковлевича не имеет к ней отношения: ее принадлежность противоречит авторству документа, деятельность же Остафия Яковлевича в указанной должности относится к значительно более позднему времени (см. комментарий к грамотам ГВНП. № 133, 136).

231.
ГВНП. № 131

[Первая четверть XV в.] — *Купчая грамота Мартемьяна и его братьев у Местилы и его брата Ивана на их вотчину Вежища*

Купчая Мартемьяна предшествует грамоте ГВНП. № 144: в последней говорится, что Мартемьян Александрович «з братиею своею с Ываном, и с Ондrejaном, и съ Яковом в розделе», тогда как купля по комментируемому документу совершается Мартемьяном вместе с братьями («одерень и своеи братьи»). Тем самым эта купчая сближается с рядной ГВНП. № 130, в которой Мартемьян выступает также еще совместно с братьями.

Сомнений в тождестве Мартемьяна рассматриваемой купчей, с одной стороны, и Мартемьяна Александровича грамот ГВНП. № 130 и 144 — с другой, нет: в этой купчей земля приобретается у Местилы, тогда как в грамоте ГВНП. № 144 (духовной Мартемьяна Александровича) упомянут Михаил Михайлов сын Местилин.

Одним из послухов в купчей Мартемьяна назван Григорий Семенович, который известен также по купчей ГВНП. № 133.

232.
ГВНП. № 144

[Конец 10-х—начало 20-х годов XV в.] — *Духовная грамота Мартемьяна на земли за Волоком, село Новошильское на Кегострове и двор на Боркове улице*

Духовная Мартемьяна Александровича, известного по грамотам ГВНП. № 130 и 131, написана позднее его рядной и купчей (ГВНП. № 130 и 131). Там Мартемьян выступал вместе с братьями, здесь же говорится о том, что он «з братиею своею с Ываном, и с Ондrejaном, и съ Яковом в розделе». Одним из результатов

этого раздела, в частности, оказывается молчание в духовной Мартемьяна об «Андреевом участке», который был предметом рядной (ГВНП. № 130); очевидно, что участок Андрея по разделу достался кому-то из его братьев.

Важное для датировки духовной Мартемьяна указание содержится в ее заключительной части: «А на то бог послух и отец мой духовной поп Афонасеи, служитель святаго Архангела Михаила». Речь идет о будущем михайловском игумене, который был преемником Луки. Следовательно, духовная Мартемьяна, а также предшествующие ей документы ГВНП. № 127, 130 и 131 были написаны еще в игуменство Луки, но, коль скоро документы № 127 и 130 написаны не ранее 1415 г., значит, Лука еще настоятельствовал, по крайней мере, в середине 10-х годов XV в.

233.
ГВНП. № 234

[Конец 10-х—начало 20-х годов XV в.] —
Духовная грамота Ивана Тойвита о вкладе в Михайловский Архангельский монастырь и о состоянии его финансовых обязательств

Духовная Ивана Тойвита, отнесенная в ГВНП ко второй половине XV в., написана в период игуменства в Михайловском Архангельском монастыре Афанасия. Иван Тойвит сообщает о состоявшейся расплате по тем долгам, которые могут вызвать возможные претензии. В их числе уведомление о погашении поральского долга Федору Тимофеевичу. Поскольку поральем называлась пошлина в пользу посадника и тысяцкого (см. ГВНП. № 89: «что они емлют у наших сирот на Терпилове погосте поралье посаднице и тысяцкого не по старине»), под Федором Тимофеевым возможно понимать только новгородского посадника Федора Тимофеевича, который умер в 1421 г. (НПЛ. С. 413), но оставил посадничество не позднее 1418—1419 г., когда представителями Славенского конца в посадничестве стали три его сына — Яков, Иван и Афанасий Федоровичи. Следовательно, комментируемая духовная составлена либо в конце жизни этого посадника, либо вскоре после его смерти; последнее представляется более вероятным, так как в этом случае посадник уже не мог лично подтвердить факт расплаты Иваном Тойвитом.

В грамоте упоминается некий Пугва, с которым у Тойвита были взаимные расчеты в Курье. В этой связи надо заметить, что в документе ГВНП. № 276, относящемся также к Курье, фигурирует в качестве послуха Григорий Пугвин.

234.
ГВНП. № 89

[1422—1423 гг.] — *Жалованная грамота новгородского веча, устанавливающая размер поралья и погуг крестьянам Терпилова погоста*

Этот вечевой акт в ГВНП неправомерно озаглавлен жалованной грамотой сиротам Терпилова погоста. В действительности лежащая в его основе жалоба исходит не от крестьян, а от владель-

цев погоста, протестующих против неправомерных («не по старине») поборов в счет поралья посадника и тысяцкого. Грамота датируется именами исчерпавших конфликт новгородских степенных посадника Василия Микитинича и тысяцкого Аврама Степановича. Василий Микитинич как посадник известен по документам 1420, 1421 и 1423 гг. (ГВНП. № 59, 60, 62). Аврам Степанович, бывший сначала двинским посадником (Там же. № 132), упоминается в летописи под 1411 г. в числе воевод, ходивших под Выбор (НПЛ. С. 403). В феврале 1423 г. он занимал степень новгородского тысяцкого (ГВНП. № 62), но в том же году стал новгородским посадником, на что указывает наличие его имени в летописном перечне посадников 1423 г. (НПЛ. С. 472). Совмещение на степени посадника Василия Микитинича и тысяцкого Аврама Степановича зафиксировано в феврале 1423 г. (ГВНП. № 62); значит, оно охватывало август 1422—февраль 1423 г. (магистраты в Новгороде в этот период избирались уже на полугодовой срок). К указанному времени и относится комментируемый документ.

Его действующие лица — «Степан Есиповичь и ёго братья, Андреян Александровичь и Ермола Левонтьевичь и Остафей Васи́лиевичь» — находятся в следующей родственной связи. У упомянутого в грамоте Савелия Григорьевича, наследством которого и был Терпилов погост, был единственный сын Андрей, не оставивший потомства (ему, в частности, принадлежал «Андреев участок» грамот ГВНП. № 127 и 130), и братья Обакун, Филипп и Федор. Ермола Левонтьевич является внуком Обакуна, Степан Есифович — внуком Филиппа, Андреян Александрович и Остафий Васильевич — внуками Федора. Последние два находятся между собой в отношениях двоюродного братства, а с остальными двумя — в отношениях троюродного братства.

Перечисленные в жалованной грамоте братья фигурируют и в других актах. Об Андрее Александровиче и Степане Есифовиче говорится в духовной Мартемьяна Александровича (ГВНП. № 144). Ермола Левонтьевич назван среди «скотников и помужников» Толвуйской земли в данной, датируемой 40-ми годами XV в. (Там же. № 90). Остафий Васильевич упомянут в рядной Василия Федоровича (Там же. № 130), при оформлении которой он «у печати стоял» в «Васильево место», т. е. представлял своего отца Василия Федоровича. К моменту составления рассматриваемой жалованной грамоты Василия Федоровича, очевидно, уже не было в живых.

Об Остафии Васильевиче необходимо сказать еще несколько слов. В литературе со времен К. Ф. Калайдовича бытуют сведения о так называемом «Шенкурском прологе», принадлежавшем профессору Ф. Г. Баузе и погибшем в московском пожаре 1812 г.⁴⁴ По свидетельству Калайдовича, эта рукопись в большой лист в два столбца имела запись, из которой следовало, что она была написана михайловским дьячком Давидом по приказанию Оста-

⁴⁴ Срезневский И. И. Указ. соч. 2-е изд. Стб. 99—100.

фия Васильевича для храма Спаса за Волоком в Шенкурье в 1229 г. Дата, указанная Калайдовичем, по всем историческим обстоятельствам представляется совершенно фантастической, но ошибочность ее прочтения вполне объяснима: сотенная цифра годового числа 6937 (соответствующего 1429-му г.) — «ци» при потертости или загрязненности текста легко может быть принята за «пси», обозначающее сотенное число 700. Если это так, то истинной датой «Шенкурского пролога» может быть признан 6937, т. е. 1429 г., что соответствует и времени деятельности достоверного Остафия Васильевича, и самому существованию Михайловского монастыря, дьячок которого выполнял приказание Остафия Васильевича.

235.
ГВНП. № 191

[Конец первой четверти XV в.] — *Рядная грамота Кирилла Юрьевича с Емецкой слободой о невзимании податей с половников в селе, данном им Богородицкому монастырю*

Вклад, сделанный Кириллом Юрьевичем по данной грамоте (ГВНП. № 192), в комментируемой рядной упоминается как уже осуществленный. Скрепивший своей печатью вкладную грамоту (Там же. № 192) как двинской посадник Есиф Филиппович в рядной выступает как послух, никак не титулуемый, а сам документ скреплен печатью Тимошки, оформленной по типу булл владычных наместников Двины. На основании этих примет документ датируется концом первой четверти XV в., вероятно, после 1418 г.

236.
ГВНП. № 124

[Первая четверть XV в.] — *Купчая грамота Михайловского Архангельского монастыря у Микулы Сидоровича на землю на Икшине острове и пожни на острове Луготине*

237.
ГВНП. № 126

[Первая четверть XV в.] — *Духовная грамота Андрея на переданный Михайловскому Архангельскому монастырю участок на острове Луготине*

Грамоты датируются временем игуменства в Михайловском Архангельском монастыре Луки и старощения Василия. Как это видно из благословенной грамоты архиепископа Иоанна (см. комментарий к предыдущему документу), Лука был основателем и первым игуменом Михайловского монастыря. Его преемником Шахматов называет Ивана (ГВНП. № 142, 143) на том основании, что сменивший Василия монастырский староста Степан, который отправлял свою должность еще при Луке (Там же. № 125), продолжает старощение при Иване (Там же. № 143), а затем, по Шахматову, якобы и при Андреане, «при котором и помирает»

(см. его духовную грамоту ГВНП. № 210) ⁴⁵. Между тем в действительности преемником Луки на михайловском игуменстве был не Иван, а Афанасий, при котором написана грамота ГВНП. № 234, составленная не позднее первой половины 20-х годов XV в.

Что касается старшей даты комментируемых документов, то ее определение зависит от установления времени основания Михайловского монастыря и, следовательно, начала игуменства в нем Луки. Благословенная грамота архиепископа Иоанна, отразившая этот момент, выше датирована периодом, наступившим после урегулирования конфликта на Двине с великим князем Василием Дмитриевичем, т. е. не ранее 1398 г.

Купли игумена Луки на Икшине и Луготине островах отразились позднее в грамотах ГВНП. № 190 («другая пожня на Луготине острове промежу церковными пожнями Михайльскими и с притьребъм, а межи по старым межам») и № 249 («на Икшине острове, и двор за рекою, и в Нарьи пожни, от Ермолини межи до игуменовы межи»).

238.
ГВНП. № 246

[Первая четверть XV в.] — *Купчая грамота Григория у Дмитрия Логиновича, Ермолы, Микулы и Оксиньи Григорьевны на долю села в Кегострове*

Комментируемая купчая предшествует грамоте ГВНП. № 125. По документу ГВНП. № 246, Григорий покупает две трети села на Кегострове («а завод той земле по Нюре в Двину, а з другие стороны по Офоносове курье в Двину ж») у Дмитрия Логиновича, у Ермолы, Микулы и Оксиньи Гришиной дочери. По купчей ГВНП. № 125 две трети села на Кегострове («а завод той земли по Нюре, а в другой стороне по Офоносове курье в Двину») михайловский игумен Лука покупает у Григорьевых детей Семена и Ивана.

Обозначенный в рассматриваемом акте послухом Ерасим Михайлович, возможно, идентифицируется с Ярасимом Михайловичем грамоты ГВНП. № 206 середины XV в.

239.
ГВНП. № 125

[Первая четверть XV в.] — *Купчая грамота Михайловского Архангельского монастыря у Семена и Ивана Григорьевичей на часть села на Кегострове*

Грамота, относящаяся ко времени игуменства в Михайловском монастыре Луки, датируется последним периодом его настоятельства. В ней монастырским старостой назван Степан, продолжавший свою деятельность в той же должности при игумене Иване. Таким образом, старощение Степана относится к более позднему времени, нежели старощение Василия (см.: ГВНП. № 124, 126).

Продавцы земли Григорьевы дети Семен и Иван упоминаются как послухи в документах 40-х годов XV в.: Семен Григорьевич —

⁴⁵ Шахматов А. А. Исследование. Ч. 1. С. 40.

в грамоте ГВНП. № 208, Иван Григорьевич — в грамотах ГВНП. № 211, 212.

240.
ГВНП. № 123

[Первая четверть XV в.] — *Купчая грамота Михайловского Архангельского монастыря у Гаврилы Носова на половину села на Левкове курье*

Купчая относится ко времени михайловского игуменства Луки, однако в ней нет имени монастырского старосты. Поэтому она датируется общими хронологическими рамками настоятельства Луки.

241.
ГВНП. № 145

[20-е годы XV в.] — *Купчая грамота Якова Дмитриевича у Василия и Илария Юрьевичей и у Семена Ананьинича на «место неотхожее» в Неноксе*

242.
ГВНП. № 146

[20-е годы XV в.] — *Купчая грамота Якова Дмитриевича у Ивана и Афанасия Щурьяковых на участок в р. Сюзме*

243.
ГВНП. № 147

[20-е годы XV в.] — *Купчая грамота Якова Дмитриевича у Ивана и Афанасия Щурьяковых на участок в р. Сюзме и часть берега в устье Сюзмы*

244.
ГВНП. № 149

[20-е годы XV в.] — *Купчая грамота Якова Дмитриевича у Осея и Григория Баишинных на часть села Баишина с угодьями*

245.
ГВНП. № 150

[20-е годы XV в.] — *Купчая грамота Якова Дмитриевича у Ваулы и Гаврилы Баишинных на землю на Княжеострове*

246.
ГВНП. № 148

[1424—1429 гг.] — *Данная грамота Якова Дмитриевича Михайловскому Архангельскому монастырю на владения в Неноксе, на Княжеострове и на р. Сюзме*

Эти акты объединяются именем покупателя земельных участков — Якова Дмитриевича и тем, что купленные им земли переданы Михайловскому монастырю по данной (ГВНП. № 148), которой все остальные указанные здесь документы предшествуют.

Яков Дмитриевич впервые упомянут в летописи под 1407 г. (НПЛ. С. 400). В 1421 г. он участвовал в Наровском съезде с немцами в качестве нетитулованного посла (Там же. С. 413; ГВНП. № 60). Как послух Яков Дмитриевич участвовал в оформлении рядной Василия Федоровича с посадником Иваном Даниловичем (ГВНП. № 130), датируемой 1415—1417 гг.

По купчей ГВНП. № 145 Яков Дмитриевич за внушительную сумму в 20 руб. приобрел земли у наследников Юрия Васильевича — Василия и Илария. Дед продавцов земли Василий Юрьевич не может быть идентифицирован с одноименным боярином,

упоминаемым под 1417 г., поскольку последний обозначен в летописном рассказе как «сын посадницъ» (НПЛ. С. 407), а отец Василия Юрьевича — Юрий Васильевич посадником не был. Продавец земли в актах ГВНП. № 146 и 147 Иван Костков участвовал в оформлении грамоты ГВНП. № 240 в качестве послуха. Продавцы земли в актах ГВНП. № 149 и 150 — одни и те же Баишины, но находящиеся в родственном разделе: в купчей № 149 — Осей и Григорий, в грамоте № 150 — Ваула и Гаврила.

Данную (ГВНП. № 148) П. В. Голубовский, обратив внимание на выражение в ней «по благословенью пресвященного архиепискупа новгородцкого владыки Еуфемья», отнес к 1445 г., поскольку в этом году Евфимий II посетил Заволочье (НПЛ. С. 426)⁴⁶. Шахматов признал «эту догадку заслуживающей внимания»⁴⁷, и указанная датировка была усвоена в ГВНП для всей группы комментируемых документов. Однако для оформления данной архиепископу не было нужды находиться в Заволочье; утверждение актов входило в компетенцию владычного наместника, действовавшего от имени архиепископа.

Данная Якова Дмитриевича Михайловскому Архангельскому монастырю (ГВНП. № 148) не содержит имен игумена и старосты; для ее датирования важно указание на благословение архиепископа Евфимия, отождествляемого с Евфимием I Брататым (1424—1429 гг.), а не с Евфимием II Лисицким (1434—1458 гг.).

247. [Вторая половина 20-х—30-е годы XV в.] —
ГВНП. № 142 *Рядная грамота попа Семена с Михайловским Архангельским монастырем о спорной рыбной ловле*

248. [Вторая половина 20-х—30-е годы XV в.] —
ГВНП. № 143 *Купчая грамота Михайловского Архангельского монастыря у Авдука и Фраля на половину села в Тойнокурье*

Обозначенный в этих актах игуменом Михайловского Архангельского монастыря Иван — преемник Луки и Афанасия, на что указывает имя монастырского старосты Степана (ГВНП. № 143), начавшего старощение еще при игумене Луке (Там же. № 125). Поэтому комментируемые документы возможно отнести ко второй половине 20-х годов или к 30-м годам XV в.

Купчая грамота (Там же. № 143), сохранившаяся в пергаменном подлиннике, скреплена печатью Михаила, оформление которой указывает на то, что Михаил был владычным наместником.

Послух рядной (Там же. № 142) Мелентий Федорович в том же качестве упомянут в духовной грамоте ГВНП. № 239, написанной при чухченемском игумене Севастьяне. Один из послухов купчей

⁴⁶ Голубовский П. В. Новые издания и исследования по древнейшему периоду русской истории // Университетские известия. Киев, 1906. № 2. С. 8—9.

⁴⁷ Шахматов А. А. Дополнение к «Исследованию о двинских грамотах XV в.» // Исследования по русскому языку. СПб., 1909. Т. 2, вып. 5. С. 22.

(Там же. № 143) — Иван Федорович. Такое имя известно еще в нескольких двинских актах (Там же. № 202, 241, 254), но в силу его простоты и распространенности какие-либо идентификации здесь ненадежны. Напротив, продавцы земли в грамоте № 143 Авдук и Фраль безусловно тождественны продавцам земли в грамоте ГВНП. № 233 времени михайловского игумена Акакия.

249. [20-е—30-е годы XV в.] — *Купчая грамота ГВНП. № 240 Кондрата у Степана Прокишинича на его вотчину*

Документ хронологически примыкает к предыдущей грамоте ГВНП. № 143. Сохранившийся в пергаменном подлиннике, он скреплен печатью Григория, обратная сторона которой (с изображением креста) оттиснута той же матрицей, что и обратная сторона печати Михаила при грамоте ГВНП. № 143 (АП. № 538; ср.: АП. № 539). Это обстоятельство говорит о прямом наследовании матрицы Григорием у Михаила или, наоборот, Михаилом у Григория, т. е. об исключительной их близости по времени.

Послух грамоты Иван Костков является продавцом земли в актах ГВНП. № 146 и 147, датируемых 20-ми годами XV в. Другой послух — Семен Микифорович — в том же качестве фигурирует в грамоте ГВНП. № 133 с печатью владычного наместника Остафия Яковлевича.

250. [20-е—30-е годы XV в.] — *Купчая грамота ГВНП. № 264 Самсона Перхурьевича у Степана Андреевича на село на Емце и землю на Малом острове*

Отнести этот документ к тому же времени, что и предыдущие грамоты ГВНП. № 142, 143, 240, позволяют стилистические особенности скрепляющей его печати Софония, которая оформлена по типу булл владычных наместников, но передает имя своего владельца без отчества или без обозначения должности, что уже в ближайший период становится абсолютно нехарактерным.

251. [30-е годы XV в.] — *Духовная грамота ГВНП. № 210 Степана, старосты Михайловского Архангельского монастыря, в составе более позднего документа*

Шахматов посчитал монастырского старосту Степана современником не только михайловских игуменов Луки и Ивана, но и Андреяна на том основании, что в комментируемом акте оба этих имени — Степана и Андреяна — встречены вместе. Однако это явная ошибка исследователя, что выясняется сравнением грамот ГВНП. № 210 и 214. По грамоте № 214 при игумене Андреяне и монастырском старосте Федоре Михайловский Архангельский монастырь приобретает у Василия, сына Григория Софонтьевича, село на Косткове Горе в возмещение долга деда Василия Григорьевича — Софонтия Онкифовича; этот долг увеличился новым

займом у монастыря уже при Василии Григорьевиче. Исчисление долга Софонтия в грамоте ГВНП. № 214 сопровождается разъяснением: «Что взял Софонтеи, дед Васильев, у игумена святого Михаила и у старосты у Степана чернеца».

Комментируемая грамота не является документом, современным в основном своем содержании дошедшему до нас акту, обозначенному в ГВНП этим номером. Она является выписью из духовной грамоты старосты Степана, касающейся первоначального долга Софонтия. Долг был записан Степаном еще при жизни Софонтия Онкифовича: «будут куны у Софонтья свои, и игумену и чернецам серебро и куны, и жито святого Михаила взяти, и та земля Софонтию». Следовательно, участие в этом документе игумена Андреяна состояло не в свидетельстве займа Софонтия (на то были свои послухи — Иван Левонтьевич и Давыд Андреянович), а в удостоверении правильности выписи из духовной Степана сведений о долге Софонтия. Такое свидетельство выделено в рассматриваемом документе особой формулой после обозначения истинных послухов займа Софонтия у старосты Степана. Грамоты № 210 и 214 разделены заметным промежутком времени, поскольку первая из них относится ко времени деда, а вторая — ко времени внука.

Для определения времени составления духовной михайловского старосты Степана полезным оказывается привлечение записи, помещенной на последнем листе книги евангельских чтений, которая в XIX в. принадлежала Александро-Невской лавре: «Поклон от Фрола господину игумену Миките. Господине игумен, доправи ми, господине, бога деля книги си на Двину к святому Михаилу. Книги же си дадят Григорию Серину. А ты, господине Григории, возми себе у игумена Акакия 5 сорочек, а еуангелие даи ему. А мне дали Степан и Василий два сорочка. А ты, господине Григории, возми 5 сорочков, и всего будеть 7 сорочков. А ряд мои: от письмени взяти 6 сорочков, да телятины ми было взяти, за телятины же сорочек, а 6 от письмени. А се же вам книги. А яз вам бию челомь своим старейшим Степану и Василию, Григору»⁴⁸.

Из этого послания следует, что к моменту завершения работы по переписке Евангелия для Михайловского монастыря были еще живы бывшие монастырские старосты Василий и Степан, авансировавшие работу Фрола. Часть положенной по договору об оплате суммы Фрол получил от Григория Серина, которому и надлежит взыскать свои деньги с игумена Акакия. Григорий Серин, несомненно, идентифицируется с Григорием Серицыным — послухом грамоты ГВНП. № 233, исходящей от игумена Акакия и монастырского старосты Федора. Таким образом, выясняется, что переход старосты от Степана к Федору произошел при игумене Акакии, когда, по-видимому, Степан и умер.

Староста Степан пережил Луку, Афанасия и Ивана, но точно

⁴⁸ Срезневский И. И. Указ. соч. 2-е изд. Стб. 201—202.

так же пережил всех этих игуменов и его предшественник по должности Василий. Надо полагать, что такое обстоятельство указывает на сравнительно короткий срок игуменств Афанасия и Ивана. Поэтому настоятельство Акакия возможно относить к 30-м годам XV в.

252.
ГВНП. № 233

[30-е годы XV в.] — *Купчая грамота Михайловского Архангельского монастыря у Авдука и Фраля на половину села в Тойнокурье*

По купчей ГВНП. № 233, Михайловский монастырь при игумене Акакии и монастырском старосте Федоре приобретает у Авдука и Фраля половину села в Тойнокурье, другая половина которого уже была куплена у них Михайловским монастырем, по грамоте ГВНП. № 143, при игумене Иване, что не только сближает между собой эти документы, но еще раз вопреки мнению Шахматова указывает на хронологическую близость игуменств Ивана и Акакия.

253.
ГВНП. № 141

[Вторая четверть XV в.] — *Купчая грамота Андрея Кононовича у Филиппа Семеновича на землю по р. Ождорме*

254.
ГВНП. № 249

[Вторая четверть XV в.] — *Купчая грамота Филиппа Семеновича у своей жены Ульяны, его зятя и жены последнего на землю Сенькинскую на острове Икшине и в других местах*

Продавцом в грамоте ГВНП. № 141 и покупателем в грамоте ГВНП. № 249 выступает Филипп Семенович, ставший позднее владычным наместником: печать с его именем скрепляет грамоту ГВНП. № 239, которая, таким образом, отразила этап его возвышения.

Имена послухов грамоты № 249 в других документах не встречены. Послух грамоты № 141 Сава Ермолинич в том же качестве принимал участие в оформлении рядной, датированной 1415—1417 гг. (ГВНП. № 130). Другой послух — Михаил Фефилатович — известен по грамотам ГВНП. № 135 с печатью Остафия Яковлевича, № 203 с печатью владычного наместника Ионы и № 228 с печатью Дементия Алексеевича.

255.
ГВНП. № 239

[Вторая четверть XV в.] — *Духовная грамота черноризца Артемия на четверть наволока, завещанную Николаевскому Чухченемскому монастырю*

Грамота скреплена печатью владычного наместника Филиппа Семеновича, который, еще не будучи должностным лицом, принимал участие в земельных операциях по купчим ГВНП. № 141 и 249. Комментируемый документ относится ко времени чухченемского

игумена Севастьяна. Послух этой духовной Мелентий Федорович свидетельствовал также в рядной времени михайловского игумена Ивана (ГВНП. № 142).

256. ГВНП. № 133 [Вторая четверть XV в.] — *Купчая грамота Григория Васильевича у Григория Семеновича на Доронинское село в Яковле курье*
257. ГВНП. № 134 [Вторая четверть XV в.] — *Купчая грамота Михаила Офромеевича у попа Артемия Есифовича на село в Малой Кехте*
258. ГВНП. № 135 [Вторая четверть XV в.] — *Купчая попа Максима Ионовича у Левонтия и Ивана Семеновичей на тоню по р. Яренге на Летней стороне*
259. ГВНП. № 136 [Вторая четверть XV в.] — *Купчая грамота Якова Петровича у Дорофея Васильевича на землю за Паритовым озером*

Группа этих документов объединяется наличием при них печатей владычного наместника Остафия Яковлевича, хронологическое взаимоотношение которого с его предшественниками и преемниками устанавливается наблюдениями над именами действующих в рассматриваемых грамотах лиц.

В купчей ГВНП. № 135 поп Максим Ионович покупает землю у Левонтия и Ивана Семеновых детей. Поп Максим Ионович совершил еще одно земельное приобретение по купчей ГВНП. № 203 с печатью владычного наместника Ионы, который действовал в середине XV в. при чухченемском игумене Василии (см. грамоту 1449/50 г. с печатью Ионы. — ГВНП. № 152), но при Дементии Алексеевиче его уже не было в живых: тогда действовали его дети — попы Яков и Антон (Там же. № 204, 205). Продавцы земли по грамоте ГВНП. № 135 Левонтий и Иван Семеновичи известны и в ряде других актов: Левонтий — в грамотах ГВНП. № 153 с печатью Остафия Денисьевича и № 155, утратившей печать, но называющей послухом чухченемского игумена Василия; Иван — в грамотах ГВНП. № 152 1449/50 г., № 167, относящейся уже ко времени после смерти игумена Василия, № 225 времени чухченемского игумена Макария, № 227 времени чухченемского игумена Юрия, № 196 с печатью Григория Яковлевича и № 226, известной в списке без описания ее печати.

В купчей ГВНП. № 134 послухами обозначены Степан Васильевич и его брат Лукьян. Оба брата являются продавцами земли по грамоте ГВНП. № 268 (в ней также упоминаются дети Степана Васильевича — Григорий и Сильвестр). Позднее, по купчей ГВНП. № 199, Федор Макаров покупает село у Лукьяна Васильевича и детей его уже умершего брата Степана — Григория, Сильвестра и Ивана. Федор Макаров — современник чухченемского игумена Василия; он участник актов ГВНП. № 197 и 200 с печатями

владычного наместника Дементия Алексеевича, № 177 с печатью Якова Ивановича, № 196 с печатью Григория Яковлевича и № 198, утратившего свою буллу. В документе № 177 упоминается село Степана Васильевича, который, следовательно, был жив во времена наместничества Якова Ивановича, т. е. в конце настоятельства чухченемского игумена Василия (при Якове Ивановиче была составлена духовная этого игумена. — ГВНП. № 176). Послух Артемий Есифович был продавцом земли в грамоте ГВНП. № 134.

Продавец земли по грамоте ГВНП. № 133 Григорий Семенович упоминается в акте ГВНП. № 162 времени владычного наместника Ермолы Алексеевича, действовавшего при чухченемском игумене Василии, а покупатель Григорий Васильевич числится умершим в купчей ГВНП. № 201, составленной при владычном наместнике Дементии Алексеевиче — современнике того же игумена Василия. С Григорием Васильевичем купчей ГВНП. № 133, вероятно, идентифицируется Григорий Васильевич Сувой (ГВНП. № 212), но отнюдь не одноименный землевладелец, известный по грамотам ГВНП. № 193, 185 и 227 и живший даже во времена чухченемского игумена Юрия.

Таким образом, акты, скрепленные печатями Остафия Яковлевича, очевидно, тяготеют к середине XV в., демонстрируя, однако, предшествование этого наместника периоду наместничества Ионы, т. е. относятся еще ко второй четверти XV в.

С другой стороны, в них участвует ряд лиц, активность которых проявляется в несколько более раннее время. В этом отношении непоказателен Михаил Офромеевич, покупатель земли по купчей ГВНП. № 134, хотя он фигурирует уже в столь раннем акте, каким является грамота ГВНП. № 132 первой четверти XV в., до 1423 г. Его имя в дальнейшем не раз встречается в документах времени чухченемского игумена Василия (ГВНП. № 152, 153, 155, 157, 194), которого он даже переживает (Там же. № 167). Зато, например, послух грамоты № 134 Семен Микифорович известен, кроме того, только по документу ГВНП. № 240 с архаичной печатью Григория. Лишь в грамотах ГВНП. № 134 и 135 известен Василий Сасинич, сын которого Василий Васильевич Сасин действует уже во времена владычного наместника Дементия Алексеевича (ГВНП. № 160). Сюда же отнесем Олеха Поколото (Там же. № 135), возможный сын которого Олех Поколотов упоминается в акте 60-х или 70-х годов XV в. (Там же. № 230), а также Андрея Коновича (послуха грамоты № 135), известного по грамотам ГВНП. № 140 и 141.

Относя наместничество Остафия Яковлевича ко времени, близкому 30-м или 40-м годам XV в., следует вернуться к анахроничному соединению его печати с грамотой ГВНП. № 132 первой четверти XV в. Происхождение этой грамоты туманно. Она находилась в варшавской библиотеке Красинских уже в начале 60-х годов XIX в. Княжеостровские акты, к числу которых она принадлежит, каким-то образом оказались в Сийском монастыре и там порой расхищались в первой половине XIX в. Часть их (ГВНП. № 92, 138, 253) оказались в собрании «уроженца Архангельской

губернии» Ф. П. Солярского; другие, уцелев в монастырском архиве, перешли в Архангельское епархиальное древлехранилище. Не исключено, что печать Остафия Яковлевича грамоты № 132 в действительности происходит от документа ГВНП. № 141, не миновавшего Сийского монастыря.

Печати Остафия Яковлевича известны в двух вариантах. Один — с обозначением должности — присутствует при грамоте № 136, другой — без обозначения должности — при грамотах № 133, 134 и 135 (АП. № 545, 546).

260. [Вторая четверть XV в.] — *Купчая грамота Андрея Кононовича у Александра Нестеровича и у его сестры Улиты на землю по р. Ождорме*
ГВНП. № 140

Купчая хронологически примыкает к документам времени наместничества Остафия Яковлевича: покупатель земли по этому акту Андрей Кононович участвовал в качестве послуха в оформлении грамоты ГВНП. № 135 с печатью этого наместника и обозначен покупателем в купчей ГВНП. № 141, по которой он приобретал землю у Филиппа Семеновича (ср.: ГВНП. № 141, 249, 239).

Послухи рассматриваемой купчей известны в других актах как современники чухченемского игумена Василия: Максим Федорович и Селиван Павлович свидетельствовали в грамоте ГВНП. № 155; Селиван Павлович, кроме того, упомянут в грамотах ГВНП. № 153 и 170.

261. [Конец второй четверти XV в.] — *Купчая грамота Михайловского Архангельского монастыря у Очурья Ананьинича на рыбную ловлю на Хечемине*
ГВНП. № 211

262. [Конец второй четверти XV в.] — *Рядная грамота Михайловского Архангельского монастыря с Прокопием Юрьевичем о спорной земле в Устькурье*
ГВНП. № 212

263. [Конец второй четверти XV в.] — *Купчая грамота Михайловского Архангельского монастыря у Назария Юрьевича на половину села в Рыболовлей курье*
ГВНП. № 213

264. [Конец второй четверти XV в.] — *Купчая грамота Михайловского Архангельского монастыря у Василия Григорьевича на село на Косткове Горе*
ГВНП. № 214

Комментируемые грамоты объединяются их принадлежностью ко времени игуменства в Михайловском Архангельском монастыре Андреяна. В документах ГВНП. № 212, 213 и 214 присутствует также имя монастырского старосты Федора (в купчей № 213 он обозначен с отчеством — Федор Андреевич), который начал свое старшинство еще при игумене Акакии (см.: ГВНП. № 233).

Для датировки игуменства Андреяна следует рассмотреть имена участников этих актов. В одном из них (Там же. № 212) фигурирует Михаил Ахромеевич (не исключено, что он идентифицируется с Михаилом Олферьевичем купчей № 214, сохранившейся, как, впрочем, и остальные документы этой группы, в списке XVII в.). Михаил Ахромеевич упоминается еще в нескольких двинских актах, начиная от грамоты ГВНП. № 132 — первой четверти XV в. и до времени после кончины чухченемского игумена Василия; большинство этих актов относится ко времени игуменства Василия.

Имена других послухов наглядно демонстрируют их тяготение к концу второй четверти XV в. В грамоте № 213 послухом назван Степан Семенович, но он известен также по актам ГВНП. № 275, 276 и 277, которые ниже датируются первой половиной 40-х годов XV в., а также в грамоте ГВНП. № 188 времени чухченемского игуменства Василия. В купчей № 214 одним из послухов является Степан Антонович; он вместе с только что упомянутым Степаном Семеновичем послушествует в грамоте ГВНП. № 177 времени того же игумена Василия. Иван Григорьевич, послух актов № 211 и 212, свидетельствует в грамоте ГВНП. № 186 с печатью владычного наместника Ионы — раннего современника игумена Василия, хотя впервые он как продавец земли фигурирует в купчей ГВНП. № 125 первой четверти XV в. Послух грамоты № 214 Яков Александрович хорошо известен по документам ГВНП. № 130 и 144 конца первой четверти XV в. и еще встретится в грамотах ГВНП. № 215, 221. Упомянутый вместе с ним в числе послухов грамоты № 212 Григорий Васильевич покупал земельный участок по грамоте ГВНП. № 133 с печатью Остафия Яковлевича.

Такая ситуация при учете того, что по крайней мере до 30-х годов XV в. в Михайловском Архангельском монастыре игуменствовал не Андреян, а другие лица, позволяет относить настоятельство Андреяна и рассматриваемые здесь документы к концу второй четверти XV в. Подобный же результат дают наблюдения и над хронологией актов, связанных с Николаевским Чухченемским монастырем. Как уже отмечено в комментарии к грамоте ГВНП. № 142, относящейся ко времени михайловского игумена Ивана, т. е. к началу второй четверти XV в., послухом в ней назван Мелентий Федорович, который, согласно духовной ГВНП. № 239, был современником чухченемского игумена Севастьяна. Коль скоро достоверное свидетельство о настоятельстве Василия в том же монастыре относится к 1449/50 г. (ГВНП. № 152), начало этого настоятельства может относиться лишь к концу второй четверти XV в.

265.
ГВНП. № 215

[Конец второй четверти XV в.] — *Купчая грамота Якова Степановича у Василия Григорьевича на два села в Хочемине с угожьями*

На синхронность этого акта с грамотой ГВНП. № 214 указывает не только имя продавца по обоим документам — Василия Григорьевича, Софонтьева внука (см. также: ГВНП. № 210), но и совпадения в именах послухов. В обеих грамотах свидетельствует Яков Александрович, хорошо известный по грамотам ГВНП. № 130 и 144 конца первой четверти XV в., а также по более позднему акту ГВНП. № 221. Поскольку обе грамоты сохранились не в оригиналах, а в списках XVII в., не исключено, что Михаил Охромеевич комментируемой купчей тождествен Михаилу Олферьевичу грамоты ГВНП. № 214, где его имя изображено искаженно.

266.
ГВНП. № 248

[Конец второй четверти XV в.?] — *Купчая грамота Есифа Савельевича у Сидора Исаковича на землю в Похтокурье и других местах*

Ко времени игуменства Андреяна в Михайловском Архангельском монастыре этот документ может быть отнесен условно на основании предположения о том, что названный в нем послухом «Андреян Игумнович» — тот же игумен Андреян, искаженно названный так в списке XVII в.

267.
ГВНП. № 208

[Первая половина 40-х годов XV в.] — *Купчая грамота Вахромея Гавриловича у Антона Тютина и у Романа Мартынова на землю по р. Большой Юре*

Купчая Вахромея одним из послухов называет соцкого Федора, который в той же должности известен по грамоте ГВНП. № 206 с печатью раннего современника игумена Василия — владычного наместника Ионы. Эта купчая скреплена печатью не архиепископского наместника, а светской буллой Василия Степановича с изображением всадника (АП. № 693). Василий Степанович, позднее постригшийся и получивший агиографическую известность как Варлаам Важский, впервые упомянут летописцем в связи с двинскими делами. В 1445 г. он ходил воеводой с «ратью заволочкою в трех тысячах на Югру» в неудачно для новгородцев закончившийся поход (НПЛ. С. 425), а в 1446 г. он был уже новгородским посадником и ездил в Москву целовать крест за Новгород князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке после ослепления Шемякой великого князя Василия Васильевича и захвата московского стола (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1., вып. 2. С. 443; Т. 16. Стб. 189); его посадничество продолжалось и в 1456 г. (см.: ГВНП. № 22, 23). По типу буллы ее возможно квалифицировать только как печать двинского (а не новгородского) посадника, что заставляет датировать грамоту Вахромея временем до 1446 г.

Вместе с тем наличие такой печати при акте поземельных отношений в первой половине 40-х годов XV в. представляется по меньшей мере необычным. На протяжении длительного времени и до, и после этой даты поземельные двинские акты скреплялись

в полном соответствии с формулой заклѣтия в рядных «а хто сии ряд поруши, дасть князю и владыке (такую-то сумму)» печатями владычных наместников. Лишь в начале XV в. в соответствии с другой формулой, «а хто сии ряд поруши, дасть двинским посадникам (такую-то сумму)», акты земельных отношений утверждались буллами двинских посадников (см.: ГВНП. № 192, 253). Уточнение функций владычных наместников произошло уже к концу 10-х годов XV в., восстановив в качестве гарантов сделки князя и владыку.

В этой связи возникает предположение о том, что в первой половине 40-х годов XV в., после разратья с великим князем Василием Васильевичем 1441 г. могло произойти нарушение традиционного порядка и возвращение функций поземельного контроля к двинским посадникам. Не исключено, что именно с отказом от этого новшества и восстановлением традиционного порядка административного управления Двинской землей через владычных наместников после кратковременного изменения системы связана поездка за Волок архиепископа Евфимия, которая продолжалась с 7 августа 1445 г. до 23 января 1446 г., когда «Еуфимии, благословив своих детеи посадников и тысячкых и весь великий Новъгород, и поеха за Волок благословити новгородчкую отчину и свою архиепископью и своих детеи» (НПЛ. С. 426).

Не исключено также, что именно с затянувшимся периодом восстановления института владычного наместника следует связать и очевидную задержку с оформлением закладной Власа Степановича Чухченемскому монастырю (ГВНП. № 152). Этот документ, скрепленный печатью владычного наместника Ионы (самого раннего ее варианта — АП. № 542), датируется в самом его тексте 1449/50 г., но начальный срок действия пятилетнего заклада в нем исчисляется «от тое зимы, коли корела за морем двинян грабили». Между тем указанное в грамоте событие произошло в 1445 г.: «приидоша Свѣя Мурмане безвестно за Волок на Двину ратью, на Неноксу, повоевав и пожгоша и людеи пересекоша, а иных в полон поведоша. Услышавше то двиняне, придоша вборзе, иных иссекоша, а иных прислаша в Новъгород с четыредесят; а воеводы их, Ивора и Петра и третього, убиша; инеи же, мало вметавшесе в корабли, отбегоша» (НПЛ. С. 426).

268.
ГВНП. № 272

[Первая половина 40-х годов XV в.] —
*Купчая грамота Семена и Александра
Клубучковых детей у Костянтина и Исаия
Пантелеевичей на юрмольскую землю*

269.
ГВНП. № 273

[Первая половина 40-х годов XV в.] —
*Купчая грамота Григория у Антоньи Фать-
яновой жены и ее детей на село Пав-
шинское в Курье*

270. ГВНП. № 274 [Первая половина 40-х годов XV в.] — *Купчая грамота Григория Степановича у Нестора, Фатьянова зятя, и у Савы Фатьяновича на землю в Курье, на Коневе острове и езище на Боховице*
271. ГВНП. № 275 [Первая половина 40-х годов XV в.] — *Купчая грамота Мелентия у Матрены, Агафоновой жены, и у ее детей на село на Павшине Горе в Курье*
272. ГВНП. № 276 [Первая половина 40-х годов XV в.] — *Купчая грамота Григория Степановича у Матфея Харитоновича и у Савы Фатьяновича на землю на Павшине Горе в Курье*
273. ГВНП. № 277 [Первая половина 40-х годов XV в.] — *Мировая грамота Григория Степановича со Степаном Семеновичем Стегачом о прекращении спора относительно купленной Григорием земли на Павшине Горе в Курье*

Комплекс этих грамот перевязан между собой именами действующих в них лиц. Наиболее ранним в этой группе документом является грамота № 272 — купчая Семена и Александра Клобучковых на юрмольскую землю на Павшине Горе в Курье. В дальнейшем этот участок был куплен у Семена Григорием Степановичем, из-за чего произошел конфликт Григория Степановича с сыном Семена Клобучкова — Степаном Стегачом, потребовавшим пополюнка. Конфликт был исчерпан мировой грамотой (ГВНП. № 277). В той же Павшине Горе Григорий Степанович делает еще ряд приобретений. В селе, называемом по имени его первоначального владельца; он имеет дело в основном с поколением внуков Павши. По грамоте № 273 Григорий Степанович покупает участки у жены Фатьяна Павшинича и ее дочерей; по грамоте № 274 — у сына Фатьяна — Савы и зятя Фатьяна — Нестора; по грамоте № 276 — у того же Савы Фатьянова и некоего Матфея Харитоновича землю Григория Жука на Павшине Горе. Грамота № 275 является купчей уже не Григория Степановича, а Мелентия, приобретшего землю там же, в Павшине Горе, но в этом акте, как и в грамоте № 276, послухом выступает Степан Семенович Стегач, известный по грамоте № 277. Степан Семенович свидетельствовал и в грамоте ГВНП. № 213 времени михайловского игумена Андреана. Еще один послух — Микита Онкудинов — участвует в оформлении двух документов этой группы — грамот № 274 и 277.

Основу датировки этих актов в соответствии с комментарием к грамоте ГВНП. № 208 дает формула заклития в мировой Григория Степановича и Степана Стегача (ГВНП. № 277): «А хто сеи ряд порушит, дасть посадникам двинским тысячу белки». Будучи адресована двинским посадникам, она в хронологическом контексте 40-х годов XV в., как уже отмечено выше, связывается

с вероятным изменением административно-судебной системы Двинской земли около 1441—1445 гг.

Однако всю эту группу документов следует датировать более ранним временем, нежели купчую ГВНП. № 208. В грамоте № 275 соцким назван Микита, тогда как при написании грамоты № 208 эту должность отправлял Федор, остававшийся в ней и при владычном наместнике Ионе (ГВНП. № 206).

274. [Первая половина 40-х годов XV в.] —
ГВНП. № 252 *Купчая грамота попа Петра у Трофима, Хорка и Дементия на наволоок на р. Лявле*

Грамота скреплена печатью владычного наместника, но не двинского, а новгородского (АП. № 493) — с изображением сложного креста еще без орудий страстей при нем. Подобные буллы предшествуют печатям с изображением «креста со страстями», характерным для времени архиепископов Ионы и Феофила, но появляющимся уже при Евфимии II (самый ранний случай — при грамоте 1441—1442 г. — ГВНП. № 70). Необычное оформление акта позволяет предположить, что он относится к периоду временного изменения системы административного управления Двинской землей в начале 40-х годов XV в.

Одним из послухов этого документа является Григорий Павлович (Грихне Павлов), известный по купчей ГВНП. № 245.

275. [40-е годы XV в.] — *Купчая грамота Дмитрия Олферьевича у земцев Давида и Евсея Сидоровичей и их племянников на часть тони Лопшенги на Летней стороне*
ГВНП. № 189

276. [40-е годы XV в.] — *Купчая грамота Игната у Станши Борисовича на село на Лукине берегу*
ГВНП. № 216

Оба акта скреплены печатями владычного наместника Геннадия (АП. № 541). Грамота № 216, по которой Игнат купил у Станши Борисовича село на Лукине берегу, предшествует данной ГВНП. № 224, по которой это село, купленное у Игната его братом Есифом, становится вкладом в Чухченемский монастырь при игумене Кузьме.

В купчей № 189 среди послухов названы Терентий Григорьевич, выступающий в той же роли в грамоте ГВНП. № 186 с печатью владычного наместника Ионы, а также Филикс Павлович, который свидетельствовал и в купчей ГВНП. № 177 с печатью Якова Ивановича. Послух той же грамоты Амос Микулинич известен по выкупной ГВНП. № 139, свидетелем в которой был Арист Ананьинич — писец документов ГВНП. № 138, составленного при соцком Александре Романовиче, и № 137, составленного при соцком Иване Степановиче (последний был современником владычного наместника Дементия Алексеевича — см. грамоты ГВНП. № 193, 197).

277. [40-е годы XV в.] — *Данная грамота Есифа Николаевскому Чухченемскому монастырю на село Станшинское на Лукине берегу*
ГВНП. № 224

Данная Есифа Чухченемскому монастырю на село, купленное им у своего брата Игната, написана позднее купчей Игната на то же село (ГВНП. № 216). Чухченемским игуменом в комментируемом акте обозначен Кузьма, который оказывается еще одним (кроме Севастьяна) предшественником игумена Василия, что еще раз определяет начало настоятельства Василия с наибольшей вероятностью временем не ранее 40-х годов XV в.

278. [40-е годы XV в.] — *Купчая грамота Шила и его детей у Еремея и у его детей на село Кургонемское*
ГВНП. № 245

279. [40-е годы XV в.] — *Рядная грамота Ивановой жены, ее сына и деверя с Обеканом Куровым на уступаемые за долг ее мужа рыбные ловли в Сярти*
ГВНП. № 235

280. [40-е годы XV в.] — *Купчая грамота Филикса Прокшинича у Обекана на рыбные ловли на Летнем берегу, в Сярти*
ГВНП. № 236

281. [40-е годы XV в.] — *Вкладная Филикса Прокшинича Михайловскому Архангельскому монастырю на тони на Летнем берегу*
ГВНП. № 237

Упомянутый в грамоте № 245 Григорий Павлович хронологически связывает эту купчую с предыдущей грамотой ГВНП. № 252. Послухом в купчей Шила (ГВНП. № 245) обозначен Григорий Прокшинич, что объединяет ее с группой документов ГВНП. № 235, 236 и 237, связанных общностью их сюжета. По рядной № 235, Иванова жена, ее сын и деверь отдают за долг Ивана воду в Сярти Обекану Курову. У Обекана этот участок покупает Филикс Прокшинич по купчей № 236, а затем Филикс отдает его Михайловскому Архангельскому монастырю по вкладной № 237. Грамоты № 235 и 236 написаны дьяком Самуйлой. Одним из послухов рядной № 235 назван Григорий Прокшинич, бывший, как выясняется из этого документа, родным братом Филикса Прокшинича.

Имена послухов грамот № 235, 236, 237 тяготеют к периоду чухченемского игуменства Василия. Так, в грамоте № 236 назван Иван попович, в том же качестве участвовавший в оформлении грамот ГВНП. № 247 и 172; последняя составлена при игумене Василии. Писец грамоты № 237 Григорий Андреев обозначен послухом в раздельной ГВНП. № 204 времени того же игумена Василия. Вместе с тем следует отметить, что вероятный брат Обекана Курова Степан Куров свидетельствовал в купчей ГВНП. № 136 с печатью владычного наместника Остафия Яковлевича.

282.
ГВНП. № 247

[40-е годы XV в.] — *Купчая грамота Пантелея у Мишеры Оршева сына и его братьев на землю Уковского села*

Тем же временем, что и предыдущие, датируется купчая Пантелея по именам ее послухов. Братья Иван и Яков Александровичи упоминаются в документах ГВНП. № 130 и 144 конца первой четверти XV в., а Яков Александрович один — также в грамотах ГВНП. № 214 и 215 времени михайловского игумена Андреана. Он фигурирует и в грамоте ГВНП. № 221 более позднего времени. Иван Александрович в других документах не проявляется с 20-х годов XV в., однако в рассматриваемом акте послухом обозначен и Иван попович, известный по грамоте времени чухченемского игумена Василия (ГВНП. № 172) и по комментированному выше документу (Там же. № 236), что позволяет отнести купчую Пантелея ко времени, близкому середине XV в.

283.
ГВНП. № 152

1449/50 г. — *Закладная грамота Власа Степановича Николаевскому Чухченемскому монастырю на половину села на Косткове Горе*

284.
ГВНП. № 186

[Середина XV в.] — *Купчая грамота Ивана Грихнова у Омелфы Якимовны на землю на Коневе острове*

Обе грамоты датируются как практически синхронные на том основании, что они скреплены печатями владычного наместника Ионы, оттиснутыми той парой матриц (АП. № 542), которая является у Ионы самой ранней. Грамота № 152 имеет дату в своем тексте: 6(9)57, т. е. 1449/50 г. Исчисление в ней срока действия пятилетнего заклада, как уже отмечено в комментарии к купчей ГВНП. № 208, начинается с 1445 г.

Любопытной особенностью купчей Ивана Грихнова (ГВНП. № 186) является состав продавцов земли. Иван купил участок «у Омелфы у Якимовы дочери и у ее у сына у Юрья», однако расплачиваются с ним за эту куплю Обакуновы дети: «А даша на тои земли Обакуновы дети Степано, Яков, Офрем Иоану два сърока белкы, овцю пополънка. А купи одерь себе и своим детем». Поэтому правильнее считать этот документ купчей грамотой Обакуновых детей у Ивана Грихнова, который перепродал им участок, приобретенный им у Омелфы Якимовны. Обе акции были произведены с небольшим временным промежутком, так как «у печати стояла Омелфа». Дальнейшая судьба этого владения отражена в грамоте ГВНП. № 190, по которой Иван Семенович Поряднин внук купил землю на Коневе острове у Степана и Ефрема Обакуновых детей и у Федосьи, Татьяны и Овдокии Яковлевых детей. Очевидно, что к моменту этой покупки Якова Обакуновича уже не было в живых; купчая Ивана Семеновича скреплена печатью владычного наместника Фомы Есифовича.

Имена послухов комментируемых документов демонстрируют

свое промежуточное положение между второй и третьей четвертями XV в. В грамоте № 186 послухом выступает Иван Григорьевич, который известен еще с первой четверти XV в. (ГВНП. № 125), а затем в грамоте времени михайловского игумена Андреана (Там же. № 212). Другой послух этого акта, Терентий Григорьевич, в том же качестве выступал в купчей с печатью владычного наместника Геннадия (Там же. № 189).

Послух грамоты № 152 Михаил Олфромеевич являет пример долгожительства. Он появляется впервые в конце первой четверти XV в. (Там же. № 132), свидетельствует в грамоте с печатью Остафия Яковлевича (Там же. № 134), в актах времени михайловского игумена Андреана (Там же. № 212, 214, 215), является покупателем земли во времена наместничества Дементия Алексеевича (Там же. № 194), как послух участвует в оформлении документов с печатями Остафия Денисьевича (Там же. № 153) и Ермолы Алексеевича (Там же. № 157), а также в актах времени игумена Василия (Там же. № 155) и после смерти этого игумена (Там же. № 167). Другой послух этой грамоты, Иван Семенович, известен по документам с печатью Остафия Яковлевича (Там же. № 135) и более позднего времени (Там же. № 198, 167). Еще один послух грамоты № 152, Яков Селиванович, в дальнейшем проявляется как современник чухченемского игумена Юрия (Там же. № 227), а Игнатий Матфеевич действует при игуменах Василии (Там же. № 165) и Юрии (Там же. № 226). Наконец, Кузьма Тимофеевич сосуществует с соцким Александром Романовичем (Там же. № 138) и с владычным наместником Григорием Яковлевичем (Там же. № 196).

285.
ГВНП. № 242

[Середина XV в.] — *Купчая грамота Тигуна у Нестора Павловича на пожню на Нальеострове*

В грамоте упоминается «Карпа попа пожни межа» на Нальеострове, что позволяет идентифицировать владельца этой пожни с попом Карпом, выступавшим в качестве послуха в грамоте ГВНП. № 186. На этом оновании документ возможно условно отнести к середине XV в.

286.
ГВНП. № 95

[1450 г.] — *Жалованная грамота Новгородца Троице-Сергиеву монастырю на беспошлинный провоз товаров по Двине*

В ГВНП грамота датирована 1448—1454 гг., основанием чему признаны даты архиепископства Евфимия II (1434—1458 гг.), посадничества Дмитрия Васильевича (1448—1454 гг.) и игуменства в Троице-Сергиевом монастыре Мартиниана (1447—1454 гг.). Однако в пределах этого хронологического отрезка (который мог бы быть и расширен, поскольку начальный год посадничества Дмитрия Васильевича неизвестен) имеется свидетельство о сосуществовании на степени посадника Дмитрия Васильевича и тысяцкого Михаила Андреевича, содержащееся в документе от 1 марта

1450 г. (ГВНП. № 74), которое указывает, что эти лица обладали степенью на протяжении полугодового магистратского срока с февраля по август 1450 г.

В грамоте упоминаются двинские посадники «колмогорские», но их деятельность уже не связана с контролем за земельной собственностью, а посвящена организации сбора пошлин с торговых людей. Та же функция двинских посадников обозначена и в более поздней аналогичной грамоте 1477 г. (ГВНП. № 101).

287.
ГВНП. № 206

[Начало 50-х годов XV в.] — *Купчая грамота Вафромей Гавриловича у Дементия и Артемия Окинфовичей на угодья по р. Малой Юре*

288.
ГВНП. № 203

[Начало 50-х годов XV в.] — *Купчая попа Максима Ионовича у Бориса, Андреана и Парфения Нефедьевичей на часть тони Подмошечной на Летней стороне*

Грамоты скреплены печатями владычного наместника Ионы более поздних у него типов. На позднейшее сравнительно с грамотой № 206 время акта № 203 указывает имя соцкого Фефилата Федоровича: в грамоте № 203 соцким был еще Федор, как и в купчей ГВНП. № 208 с печатью двинского посадника Василия Степановича. Это обстоятельство вносит ясность в хронологию булл: печать АП. № 543 при грамоте № 206 употреблялась раньше, чем печать АП. № 544 при грамоте № 203.

Покупатель земли по грамоте № 206 Вафромей Гаврилович также покупал участки по купчим ГВНП. № 208 с печатью двинского посадника Василия Степановича и ГВНП. № 209, утратившей печать. Послух Тимофей Федорович известен по актам времени чухченемского игумена Василия (ГВНП. № 153—156), из которых акт № 153 скреплен печатью Остафия Денисьевича, а также по грамоте ГВНП. № 151.

Покупатель земли по купчей № 203 поп Максим Ионович известен в том же качестве в купчей ГВНП. № 135 с печатью Остафия Яковлевича. Его дети действуют уже в более позднее время — при наместнике Дементии Алексеевиче: Антон и Яков — в отдельной ГВНП. № 204, один Яков — в меновой ГВНП. № 205. Послух грамоты № 203 Михаил Фефилатович свидетельствовал в грамоте ГВНП. № 135 с печатью Остафия Яковлевича, в документе ГВНП. № 228 с печатью Дементия Алексеевича и в грамоте ГВНП. № 141, утратившей печать, но отнесенной выше ко второй четверти XV в.

289.
ГВНП. № 209

[40-е—50-е годы XV в.] — *Купчая грамота Вахромей Гавриловича у Ивана и Михаила Алексеевичей на землю по р. Большой Юре*

Покупатель земли по этой грамоте Вахромей Гаврилович фигурирует в том же качестве в грамотах ГВНП. № 208 с печатью двинского посадника Василия Степановича и ГВНП. № 206 с печатью владычного наместника Ионы. Поэтому ее следует датировать 40-ми годами — серединой XV в.

290. ГВНП. № 268 [Середина XV в.] — *Купчая грамота Семена Александровича Поряднина у Степана и Лукьяна Васильевичей и их детей на землю Михалевскую в Курье*

Грамота датируется более ранним, нежели наместничество Дементия Алексеевича, временем. В документе ГВНП. № 200 с печатью этого наместника говорится о земле, принадлежащей детям Ивана Аврамова. Между тем сам Иван Аврамов обозначен послухом в комментируемом акте. Послух этой грамоты Яков Якимович известен в том же качестве в купчей ГВНП. № 190 времени владычного наместника Фомы Есифовича, но в этом более позднем документе действует уже сын покупателя земли по рассматриваемой грамоте Семена Александровича Поряднина — Иван Семенович «Поряднин унук».

291. ГВНП. № 193 [Первая половина 50-х годов XV в.] — *Купчая грамота Ивана Лаврентьевича у Григория Васильевича на земли на Нальеострове, у Паритова озера*

292. ГВНП. № 194 [Первая половина 50-х годов XV в.] — *Купчая грамота Михаила и Игнатия Вахромеевичей у «великих смердов» Филиппа, Родиона и Анании Григорьевичей на два жеребья р. Малой Юры с угодьями*

293. ГВНП. № 200 [Первая половина 50-х годов XV в.] — *Купчая грамота Ивана Чевакина у детей и внуков Сасиных на тони в Великой Сярте на Летней стороне*

294. ГВНП. № 201 [Первая половина 50-х годов XV в.] — *Купчая грамота Василия Филимоновича и Евсея Ананьинича у Федоры Григорьевны и ее мужа на село Фофановское на Ижме*

295. ГВНП. № 204 [Первая половина 50-х годов XV в.] — *Раздельная грамота попа Якова и попа Антона Максимовичей на пожни в Койдокурье и на Летней стороне*

296. ГВНП. № 205 [Первая половина 50-х годов XV в.] — *Меновная грамота попа Антона Максимовича с Семеном и Максимом Кирилловичами на пожни в Ламокурье*

Эта группа актов хронологически объединена наличием при грамотах печатей владычного наместника Дементия Алексеевича ранних для него вариантов (АП. № 552, 553), на основании чего ее следует датировать первой половиной 50-х годов XV в.

Продавец земли по купчей № 193 Григорий Васильевич не идентифицируется с покупателем участка по грамоте ГВНП. № 133 с печатью Остафия Яковлевича и послухом в грамоте ГВНП. № 212 времени михайловского игумена Андреана: в купчей № 201 о Григории Васильевиче говорится как об уже умершем; его отчиной распоряжается дочь Григория Васильевича — Федора. Очевидно, что она является дочерью Григория Васильевича грамот № 133 и 212. Григорий Васильевич акта № 193 тождествен покупателю земли по грамоте ГВНП. № 185 с печатью Фомы Есифовича и послуху грамоты ГВНП. № 227 времени чухченемского игумена Юрия. Послух грамоты № 193 Сидор Трифонович свидетельствовал также в документах ГВНП. № 232 и 225; последний из этих актов — времени чухченемского игумена Макария. Послух Перхурий Фоминич в той же роли участвует в оформлении купчей ГВНП. № 178 с печатью Якова Ивановича. Соцкий Иван Степанович в той же должности упоминается в других грамотах периода наместничества Дементия Алексеевича (ГВНП. № 197 и 228), а также в акте ГВНП. № 137, утратившем печать; без титула он свидетельствует в грамотах с печатью Якова Ивановича (Там же. № 178) и времени чухченемского игумена Юрия (Там же. № 226). Послух грамоты № 193 Тимофей Иванович в 1441 г. был новгородским представителем от житейх при заключении договора с литовским великим князем Казимиром (Там же. № 70).

Покупатель земли по грамоте № 194 Михаил Вахромеевич известен по документам широкого хронологического диапазона — грамотам ГВНП. № 132 первой четверти XV в., № 134 с печатью Остафия Яковлевича, № 212, 214, 215 времени михайловского игумена Андреана, № 152, 153, 155 времени чухченемского игумена Василия (в числе последних грамота № 152 1449/50 г. скреплена печатью Ионы, а № 157 — печатью Ермолы Алексеевича), а также по духовной № 167, датируемой временем после смерти игумена Василия. Послух документа № 194 Лукьян Ермолинич фигурирует в грамоте ГВНП. № 207 с печатью владычного наместника Федора Васильевича.

В грамоте № 200 продавцами половины тони являются сыбры «Сасины дети» — сыновья Ермолы Сасина Парфений, Ерефа, Григорий, Ларион и Перфурий, сын Василия Сасина Обросим, внук Ивана Степан и Филикс. Другой, непроданной половиной тони владеют дети Ивана Аврамовича Степан и Ивак. В двинских документах известны названные здесь и уже умершие к моменту составления купчей № 200 представители старшего поколения

Сасиных: Василий Сасинич является послухом в грамотах ГВНП. № 134 и 135, скрепленных печатями Остафия Яковлевича; Иван Аврамович свидетельствовал в купчей ГВНП. № 268 (его не надо путать с его тезкой — послухом грамоты ГВНП. № 177, составленной в наместничество Якова Ивановича). Известны и некоторые из живших при заключении купчей № 200 Сасиных: Ерефа Ермолинич выступает послухом в грамоте ГВНП. № 197 с печатью Дементия Алексеевича; Перхурий Ермолинич — свидетель в грамоте № 196 с печатью Григория Яковлевича; Обросим Васильевич закладывает свое село на Лодме Федору Макарову по грамотам ГВНП. № 197 и 196, только что упомянутым. Наконец, один из послухов грамоты № 200, Федор Макаров, известен по тем же актам ГВНП. № 196 и 197, но также по грамоте ГВНП. № 177 с печатью Якова Ивановича и по грамотам ГВНП. № 198, 199, утратившим свои печати.

Василий Филимонович по грамоте № 201 покупает село у Федоры, дочери Григория Васильевича, о котором уже говорилось в комментарии к купчей № 193, и выступает послухом в документе ГВНП. № 202 с печатью владычного наместника Дементия Кононовича.

Грамоты № 204 и 205 связаны с земельными операциями детей попа Максима Ионовича — Антона и Якова (о Максиме Ионовиче см. комментарий к акту ГВНП. № 203). В обоих документах свидетелем выступает «Цюпреан попович». Что касается других свидетелей, то Григорий Андреев был писцом грамоты ГВНП. № 237 времени чухченемского игумена Василия, а Микула Михайлович — послухом в грамоте ГВНП. № 196 с печатью Григория Яковлевича.

В грамоте № 228 послухами названы Михаил Фефилатович, известный еще по грамоте ГВНП. № 135 с печатью Остафия Яковлевича, и Иван Степанович, о котором шла речь в комментарии к документу № 193.

298.
ГВНП. № 197

[50-е годы XV в.] — *Закладная грамота Обросима и Лаврентия Васильевичей Федору Макарову на село на Лодме с условием раздела села пополам в случае нахождения в нем соли*

Грамота датируется по печати владычного наместника Дементия Алексеевича самого позднего у него варианта (АП. № 551).

Отдающие в заклад Федору Макарову село на Лодме Обросим и Лаврентий Васильевы дети принадлежат к семье Сасиных: Обросим Васильевич известен по купчей ГВНП. № 200. Среди послухов комментируемой грамоты фигурирует представитель той же семьи Ерефа Ермолинич, который был также участником купчей № 200. Из других послухов соцкий Иван тождествен соцкому Ивану Степановичу грамоты ГВНП. № 193, который уже без титула упоминается в дальнейшем при наместнике Якове Ивановиче (ГВНП. № 178). Послух «Оксентей пасынок» иденти-

фицируется с «Оксеном пасынком Устияновичем» купчей Мелентия Чеваки (Там же. № 188). Борис Левков (Левонтьевич) был свидетелем в грамоте ГВНП. № 269. Иван Нетес — в грамоте с печатью владычного наместника Ивана (Там же. № 254). Держатель заклада Федор Макаров известен по документам ГВНП. № 196, 198, 199 и 207; последняя из этих грамот — с печатью Якова Ивановича.

Грамота № 197 должна быть рассмотрена в сопоставлении с актом ГВНП. № 196, поскольку оба документа касаются одного и того же развивающегося во времени сюжета. В документе № 197 Обросим и Лаврентий Васильевичи закладывают село на Лодме Федору Макарову на 13 лет за 10 сороков бел с условием: если до истечения срока закладщикам будет «не до земли», то они возьмут у Федора еще 5 сороков бел, а от земли откажутся. К закладной приписано уже не на пергамене, а на бумаге альтернативное условие: если при совместной Федора Макарова с Лаврентием и Обросимом очистке соляного колодца «на бору» в нем окажется доходный рассол, то братья возвращают Федору 5 сороков бел и получают обратно половину земли, Федор же владеет другой половиной до истечения срока заклада.

В грамоте № 196 речь идет о закладе того же села тому же Федору Макарову теми же Обросимом и Лаврентием Васильевичами, однако условия заклада иные. Село отдается залогодержателю на 5 лет за 20 сороков белки без каких-либо вариантов заклада, однако оговаривается участие закладчиков в добыче соли: «А колодязи на бору вмести».

Шахматов, не приводя аргументации, признавал закладную № 196 более ранней: «Сначала земля была заложена на 5 лет за 20 сороков бел, затем собственники получили от Федора Макарова еще 10 сороков бел и договор был продолжен еще на 13 лет»⁴⁹.

Ход событий между тем представляется совершенно противоположным. Разница в величине заклада, обратно пропорционального его срокам, говорит о том, что ценность села в какой-то момент значительно выросла, и причина этого подорожания очевидна. При первоначальном закладе существовали только надежды на добычу соли («А будет в росоли прок, а иметь быти, дасть бог, соль... А пытати цистити и варити иим по досугу в те леты в десять лет, как могя»), при повторном же закладе эти надежды признаны оправдавшимися («А колодязи на бору вмести»). Поэтому грамоту № 197 следует считать более ранней, нежели грамоту № 196. В результате возникает возможность некоторого хронологического расчета: если документ № 197 скреплен печатью Дементия Алексеевича, а грамота № 196 — печатью Григория Яковлевича, то самый большой временной промежуток между ними равен 13 годам при условии, что новый заклад был обусловлен не ранее истечения срока первоначального заклада. В противном случае этот промежуток будет меньше.

⁴⁹ Шахматов А. А. Исследование. Ч. 2. С. 123.

Послухами в грамоте № 196 выступают Перхурий Ермолинич Сасин, известный по грамоте № 200; Микула Михайлович, участвовавший в оформлении документа № 204 с печатью Дементия Алексеевича; Иван Иванович, действующий в грамоте № 191 вместе с соцким Иваном Степановичем; Кузьма Тимофеевич, свидетельствовавший не только в грамоте № 152 1449/50 г., но и в акте № 138, где он сосуществует с соцким Александром Романовичем.

299. [50-е годы XV в.] — *Раздельная грамота Ивана Петровича и Есифа Терентьевича на село на Лисеострове*
ГВНП. № 137

300. [50-е годы XV в.] — *Рядная грамота княжеостровцев с Оксентием Григорьевичем о земельном участке, отданном княжеостровцами Богородицкой церкви*
ГВНП. № 138

301. [50-е годы XV в.] — *Выкупная грамота Андрона Левонтьевича у Амоса Микулинича на тою на Летней стороне*
ГВНП. № 139

Грамоты объединяются именем Ариста Ананьинича, который был писцом документов № 137 и 138 и послухом в акте № 139. Датирующее значение имеет упоминание в числе послухов раздельной № 137 соцкого Ивана Степановича — современника владычного наместника Дементия Алексеевича (см.: ГВНП. № 193, 197). Однако в рядной № 138 соцким назван Александр Романович. Если предшественником Ивана Степановича был соцкий Федор (Там же. № 208, 206), то Александр Романович оказывается преемником Ивана Степановича.

Участник раздельной № 137 Иван Петрович является собственником земли, купленной им у Ивана Кирилловича. И покупатель, и продавец известны по другим актам, касающимся иного земельного участка. По купчей ГВНП. № 187 Иван Петрович приобрел у Ивана, Бориса, Севастьяна и Фомы Кирилловых детей часть села Малолодомского, которую затем продал Мелентию Ефимовичу Чеваке (Там же. № 188). В грамотах ГВНП. № 167 и 221 Иван Петрович выступает послухом.

Послухом в грамоте № 138 назван Игнатий Офромеевич, известный также по документу ГВНП. № 194 с печатью Дементия Алексеевича (он там обозначен братом Михаила Вахромеевича). Другой послух той же грамоты — Кузьма Тимофеевич — известен по акту 1449/50 г. (ГВНП. № 152) и по грамоте с печатью Григория Яковлевича (Там же. № 196).

Владелец земли в грамоте № 139 Амос Микулинич свидетельствовал в документе с печатью владычного наместника Геннадия (Там же. № 189).

302. [50-е годы XV в.] — *Купчая Матфея Левонтьевича у Василия Мартушова сына на участок земли*
ГВНП. № 159

Покупателем земли в грамоте № 159 является Матфей Ле-вонтьевич Урван, который именно этот участок, приобретенный у своего брата Василия Мартушова, продает чухченемскому игумену Василию по грамоте № 160, скрепленной печатью наместника Ермолы Алексеевича. Матфей Урван известен также по грамотам с печатью Ермолы Алексеевича (ГВНП. № 160), времени Остафия Денисьевича (Там же. № 158; в этом акте упоминается староста Родион — современник Остафия Денисовича; ср.: Там же. № 153) и с печатью Якова Ивановича (Там же. № 176). Один из послухов комментируемого документа, Тимофей Бай, известен по грамоте с печатью Ермолы Алексеевича (Там же. № 160) и двум другим актам времени чухченемского игумена Василия (Там же. № 155, 165).

303.
ГВНП. № 151

[50-е годы XV в.] — *Купчая грамота Григория Ивановича у Грихна, Федота и Вольяша, игуменовых детей, на землю Заозерскую и на другие земли и угодыя*

304.
ГВНП. № 154

[50-е годы XV в.] — *Купчая грамота Павла Трифоновича у Григория Ивановича на половину поля Высокого, Минишкарду, Мечкиску и репище*

Земля, купленная по грамоте № 151, продается затем по грамоте № 154, после чего куплена Чухченемским монастырем по грамоте № 157 с печатью владычного наместника Ермолы Алексеевича. Покупатель земли по грамоте № 151 (он же продавец в купчей № 154) — Григорий Иванович — фигурирует, кроме того, в документах ГВНП. № 153 с печатью Остафия Денисьевича и ГВНП. № 155 (его духовной), не сохранившей печати, но относящейся ко времени чухченемского игумена Василия.

Послух грамоты № 151 Тимофей Федорович известен по акту ГВНП. № 206, составленному при соцком Федоре, а также по грамотам ГВНП. № 153 с печатью Остафия Денисьевича и № 154, 155 и 156.

Покупатель земли в грамоте № 154 Павел Трифонович, являющийся зятем Григория Ивановича, продает ее по купчей ГВНП. № 157 Чухченемскому монастырю при игумене Василии; он был также послухом в духовной Григория Ивановича (ГВНП. № 155) и в грамоте № 156, утратившей свою печать.

305.
ГВНП. № 165

[50-е годы XV в.] — *Купчая чухченемского игумена Василия у кузнеца Игнатия Анисимовича на землю на Круглице и в других местах*

Грамота № 165 (как и грамота ГВНП. № 160) составлена раньше купчих ГВНП. № 161 и 158, по которым дьяк Гаврила Малафеевич продает те участки, собственником которых он числится в документах № 160 и 165. В частности, в комментируемой

грамоте дважды указываются межи «Гавриловой земли» на Круглице и приведено указание: «а о торговли докладывал есмь Гаврила дьяка отчица и велел ми купити».

Среди послухов грамоты № 165 значатся: Савелий Селкин, чья земля упомянута в купчих ГВНП. № 158 и 160 (ср.: Иваш Селкин в грамоте ГВНП. № 168); Олферий Григорьевич, упомянутый в грамотах ГВНП. № 153, 158, 163 и 166 времени игумена Василия; Игнат Матфеевич, известный по грамотам ГВНП. № 152 и 168 того же времени; Тимофей Бай, бывший послухом в документах ГВНП. № 159, 160 и, возможно, № 161 и 166 того же времени.

306.
ГВНП. № 157

[50-е годы XV в.] — *Купчая грамота Николаевского Чухченемского монастыря у Павла Трифоновича на землю в Заозерском селе*

307.
ГВНП. № 160

[50-е годы XV в.] — *Купчая грамота чухченемского игумена Василия у Матфея Левонтьевича Урвана на землю на Круглице и на Плоской веретее*

308.
ГВНП. № 161

[50-е годы XV в.] — *Купчая грамота чухченемского игумена Василия у дьяка Гаврилы Малафеевича на полоску земли*

309.
ГВНП. № 162

[50-е годы XV в.] — *Купчая грамота Климентия Ивановича Воскресенской церкви на землю на Михееве берегу*

Грамоты датируются по печатям владычного наместника Ермолы Алексеевича раннего у него типа (АП. № 549). В грамоте № 157 чухченемским монастырским старостой назван Олферий; в более раннее время эту должность занимал Юрий (при владычном наместнике Ионе; грамота 1449/50 г. — ГВНП. № 152).

Продавец земли по купчей № 157 Павел Трифонович купил эту землю по грамоте ГВНП. № 154 и был послухом в грамотах ГВНП. № 155 и 156. Известны по другим документам и послухи купчей № 157: Михаил Охромеевич действует во многих актах начиная с первой четверти XV в. и до периода, следующего за кончиной чухченемского игумена Василия (ГВНП. № 132, 134, 212, 214, 215, 152, 153, 155, 157, 167); его сын Иван Михайлович — автор данной ГВНП. № 254 с печатью владычного наместника Ивана; Есиф Филиппович упоминается в актах времени чухченемского игумена Василия (ГВНП. № 161, 268, 173; его не надо путать с тезкой — двинским посадником начала XV в.; см. грамоты ГВНП. № 191, 192).

Продавец земли по грамоте № 160 Матфей Левонтьевич Урван известен по документам ГВНП. № 158, 159, 176. Им продана игумену Василию земля, приобретенная по купчей ГВНП. № 159. В духовной игумена Василия, составленной при владычном наместнике Якове Ивановиче (Там же. № 176), эта земля передается в Чухченемский монастырь. В числе послухов грамоты № 160

названы и известные по другим документам лица. Тимофей Бай свидетельствовал в грамотах времени игумена Василия (Там же. № 159, 165); не исключено, что он идентифицируется с Тимофеем Григорьевичем, который свидетельствовал в грамотах ГВНП. № 161 и 166 того же времени. Попович Оникей Михайлович был послухом в грамотах времени игумена Василия (Там же. № 167 и 168), а также в купчей с печатью владычного наместника Прокопия Филипповича (Там же. № 180). Василий Васильевич Сасин известен как покупатель земли по документу с печатью Ермолы Алексеевича (Там же. № 163). Вопреки индентификациям В. Ф. Андреева⁵⁰ он является не отцом Обросима и Лаврентия Сасиных, а их братом: отца этих лиц — Василия Сасинича — уже не было в живых ко времени наместничества Дементия Алексеевича (см.: ГВНП. № 200).

Продавец земли по грамоте № 161 дьяк Гаврила Малафеевич известен по актам 158, 160 и 165. В момент составления документа ГВНП. № 165 он еще владел тем участком, который был им продан по купчей № 161. Послух этой грамоты Тимофей Григорьевич в той же роли выступает в грамоте ГВНП. № 166. Другой послух — Есиф Филиппович — действует в грамотах времени чухченемского игумена Василия (ГВНП. № 160, 168, 173). Еще один послух — Григорий Степанович — известен по актам ГВНП. № 199, 268, 273, 274, 276, 277.

Исключительно интересны в хронологическом отношении имена участников купчей № 162. Продавец земли Климентий Иванович упоминается в договорной грамоте Новгорода с ганзейскими городами от 18 марта 1466 г. (ГВНП. № 76) как купеческий староста, т. е. представитель житьих; он также был уличанским старостой на Рогатице в Новгороде (Там же. № 117). Другой послух, Григорий Семенович, фигурирует в недатированных актах (Там же. № 251, 270); вряд ли именно он был участником документов значительно более раннего времени (Там же. № 131, 133).

310. [50-е годы XV в.] — *Купчая грамота Василия Васильевича у Василия и Марьи на село на Лодме*
ГВНП. № 163

Грамота датируется по печати Ермолы Алексеевича более позднего у него типа (АП. № 548).

Покупатель земли Василий Васильевич идентифицируется с Василием Васильевичем Сасиным грамоты ГВНП. № 160 с печатью Ермолы Алексеевича более раннего типа (АП. № 549). Относительно других участников сделки возможно высказать некоторые предположения. Василий Васильевич покупает село на Лодме у своих свояков Василия и Марьи. У продавца Василия с покупателем Василием Васильевичем общий тесть — отец Марьи Олферий. Иными словами, и покупатель, и продавец были женаты на родных сестрах, дочерях Олферия. Между тем это село досталось Олферию от его родного брата Василия.

⁵⁰ Андреев В. Ф. Указ. соч. С. 31.

Можно попытаться поискать среди двинских землевладельцев Олферия и Василия, имеющих одно и то же отчество. Обнаруживается, что существует только одна такая пара — Олферий Григорьевич грамот ГВНП. № 153, 158 и 166 времени чухченемского игумена Василия и Василий Григорьевич грамот ГВНП. № 214 и 215 времени михайловского игумена Андреана.

311. [50-е годы XV в.] — *Купчая грамота Николаевского Чухченемского монастыря у Софонтия Фомина на землю в Николине поле*
ГВНП. № 238

Шахматов высказал предположение, что упоминаемая в этой грамоте «Филипова межа» тождественна границе Филипповой земли в грамотах ГВНП. № 158 и 160, а также, что отчество продавца земли Софонтия Фомина связано с названием «Фомина наволока» в грамоте № 160. На этом основании документ может быть условно отнесен ко времени, близкому составлению привлеченных для его осмысления грамот.

312. [50-е—начало 60-х годов XV в.] — *Купчая грамота Андроника у Аврама Автономовича на землю у р. Солзы и в Прибыточных местах*
ГВНП. № 207

Оговоримся, что хронологическая очередность значительной группы актов, начиная с комментируемого, условна. Эти грамоты скреплены печатями владычных наместников Федора Васильевича, Остафия Денисьевича, Микулы Максимовича, которые, будучи современниками чухченемского игумена Василия, не могли наместничать позднее Якова Ивановича, коль скоро ко времени последнего относится духовная игумена Василия (ГВНП. № 176). Однако они не могли наместничать и ранее Ермолы Алексеевича, поскольку сфрагистические материалы свидетельствуют о непосредственной смене одного другим трех первых наместников, синхронных игуменству Василия, — Ионы, Дементия Алексеевича и Ермолы Алексеевича.

Грамота № 207 скреплена печатью владычного наместника Федора Васильевича (АП. № 567). Фигурирующий в ней послух Лукьян Ермолинич участвует в том же качестве в оформлении грамоты ГВНП. № 194 времени Дементия Алексеевича.

313. [50-е годы—начало 60-х годов XV в.] — *Купчая грамота Николаевского Чухченемского монастыря у Григория Ивановича на село на Лукине берегу*
ГВНП. № 153

314. [50-е—начало 60-х годов XV в.] — *Купчая грамота Николаевского Чухченемского монастыря у дьяка Гаврилы Малафеевича на землю на Круглицах, на Плоском и за Глубоким оврагом*
ГВНП. № 158

315.
ГВНП. № 195

[50-е—начало 60-х годов XV в.] — *Купчая грамота Зиновия Харитоновича у Семена Павловича и Григория Климентьевича на землю Вильятово*

Грамоты этой группы объединяются наличием при них печатей владычного наместника Остафия Денисьевича (АП. № 547). В документах № 153 и 158 чухченемским монастырским старостой обозначен Родион; в более раннее время, при наместнике Ионе, эту должность исполнял Юрий (ГВНП. № 152), а при Ермоле Алексеевиче — Олферий (Там же. № 157).

Продавец земли по грамоте № 153 Григорий Иванович другой свой участок продает по купчей ГВНП. № 154, а землю, проданную по акту № 154, он купил по грамоте ГВНП. № 151. Известна духовная Григория Ивановича (ГВНП. № 155), написанная при чухченемском игумене Василии. Послух грамоты № 153 Михаил Олфромеевич участвовал в оформлении многих актов начиная с первой четверти XV в. до периода, следующего за кончиной игумена Василия (Там же. № 132, 134, 212, 214, 215, 152, 157, 153, 155, 167). Известны по другим документам и иные послухи этого акта: Левонтий Семенович действовал при наместнике Остафии Яковлевиче (Там же. № 135) и при чухченемском игумене Василии (Там же. № 155); зять Григория Ивановича Селиван Павлович фигурирует также в документах ГВНП. № 140, 155 и 170 (последние два упоминают игумена Василия); Тимофей Федорович свидетельствует в грамотах ГВНП. № 151, 154, 156 и 206 времени игумена Василия; Олферий Григорьевич участвует в оформлении документов ГВНП. № 158 и 165 и в них является современником того же игумена.

Продавец земли по грамоте № 158 дьяк Гаврила Малафеевич другой свой участок продал чухченемскому игумену Василию по купчей ГВНП. № 161 с печатью Ермолы Алексеевича. При том же Ермоле Алексеевиче по другому поводу упоминается «Гаврилова земля» (ГВНП. № 160, 165) в тех же межах, какие обозначены в грамоте № 158. Из послухов документа № 158 Олферий Григорьевич известен в грамоте ГВНП. № 160 с печатью Ермолы Алексеевича, а Матфей Урван — в грамотах № 159, утратившей печать, № 160 с печатью Ермолы Алексеевича и № 176 с печатью Якова Ивановича.

Действующие лица грамоты № 195 в других актах не встречены, за исключением самого покупателя Зиновия Харитоновича, который свидетельствовал в грамоте ГВНП. № 267.

316.
ГВНП. № 267

[50-е—начало 60-х годов XV в.] — *Купчая грамота Якова Ивановича и Ивана Андреевича у Юрия Григорьевича на землю в Койдокурье*

Зиновий Харитонович, бывший покупателем земли по предыдущему акту, в комментируемом документе выступает как послух. Между тем покупателем участка по этому акту является Яков

Иванович, в котором возможно предполагать будущего владычного наместника. На основе этих наблюдений очень условно грамота может быть отнесена к указанному периоду.

- 317.** [50-е—начало 60-х годов XV в.] — *Духовная грамота схимника Григория Ивановича, подтверждающая продажу им села на Лукине берегу Николаевскому Чухченемскому монастырю*
ГВНП. № 155

Комментируемый акт составлен позднее грамоты № 153, поскольку в нем подтверждается продажа Чухченемскому монастырю земли, купленной по грамоте № 153. Однако оба документа обладают явными признаками хронологической близости, а именно почти тождественным составом послухов: Михаил Офромеевич, Леонтий Семенович, Селиван Павлович, Тимофей Федорович. Только в грамоте ГВНП. № 153 этот список пополняется именем Олферия Григорьевича, а в грамоте № 155 — именами Тимофея Бая и Левуши Бутакова.

- 318.** [50-е—начало 60-х годов XV в.] — *Купчая чухченемского игумена Василия у Ларивона Мишутина на землю подле Шипичина*
ГВНП. № 166

Участки, купленные игуменом Василием по грамоте ГВНП. № 165 у кузнеца Игнатия Анисимова и по грамоте № 166 у Ларивона Мишутина, фигурируют потом в данной игумена Василия Чухченемскому монастырю (как «Кузнечовская» и «Ларивонковская» земля) (ГВНП. № 176), скрепленной печатью Якова Ивановича, что указывает на их предшествование грамоте № 176.

Тимофей Григорьевич выступает свидетелем не только в грамоте № 166, но и в купчей № 161 (как уже отмечено, он, вероятно, идентифицируется с Тимофеем Баем). Другой послух грамоты № 166, Олух (Олферий) Григорьевич, свидетельствовал в купчих ГВНП. № 153, 158 и 160 времени игумена Василия.

- 319.** [50-е—начало 60-х годов XV в.] — *Купчая грамота чухченемского игумена Василия у Михея Фаустова сына на землю на Малом острове*
ГВНП. № 173

Купчая игумена Василия у Михея Фаустова предшествует грамотам ГВНП. № 174 и 175, по которым игумен Василий покупает «Михееву землю» уже у дочерей и зятьев Михея. Выступающий послухом в этой грамоте Иваш Нефедов обозначен в ней и как сосед Михея, что подтверждено также в грамоте № 174. Послухи Ермола Яковлевич и Есиф Филиппович участвуют в оформлении грамоты ГВНП. № 168, а Есиф Филиппович, кроме того, свидетельствовал в актах ГВНП. № 157 и 161 с печатями Ермолы Алексеевича.

- 320.** ГВНП. № 174 [50-е—начало 60-х годов XV в.] — *Купчая грамота чухченемского игумена Василия у Лукерьи Михеевой дочери и у ее мужа Петра на землю в Глухом погосте*
- 321.** ГВНП. № 175 [50-е—начало 60-х годов XV в.] — *Купчая грамота чухченемского игумена Василия у Якова Баева на землю в Глухом погосте*
- Грамота № 175 датируется по имени чухченемского игумена Василия и по печати владычного наместника Микулы Максимо-вича (АП. № 562), который не мог наместничать позднее Якова Ивановича, поскольку при последнем была составлена духовная грамота игумена Василия (ГВНП. № 176).
- Купчая № 174 совершена одновременно с грамотой № 175. По обоим этим документам игумен Василий покупает смежные земельные участки в Глухом погосте у дочерей Михея Фаустова — Лукерьи и ее мужа Петра (ГВНП. № 174), у Федосьи, к тому времени уже умершей, и ее мужа Якова Баева (Там же. № 175). В обоих актах свидетельствуют одни и те же послухи: Фатьян Васильевич и Давыд Захарьинич. Послух грамоты № 175 Максим Сивцев свидетельствовал также в купчей игумена Василия (Там же. № 172).
- Яков Баев и один из послухов грамоты № 175, Ларион Баев, — очевидные сыновья Тимофея Бая: в купчей ГВНП. № 187 одним из свидетелей назван Яков Тимофеевич.
- 322.** ГВНП. № 176 [Первая половина 60-х годов XV в.] — *Данная (духовная) грамота чухченемского игумена Василия на земли на Великом острове Урвановскую, Ларивонковскую, Гаврилковскую и Кузнецовскую Игната, завещанные Николаевскому Чухченемскому монастырю*
- 323.** ГВНП. № 177 [Первая половина 60-х годов XV в.] — *Купчая грамота Федора Макарова у Онцифора Андроникова на села на Низу в Яковле курье и землю в Лавкоте*
- 324.** ГВНП. № 178 [Первая половина 60-х годов XV в.] — *Купчая грамота Филиппа Дмитровича у Федора Ларионовича на лоскут земли*
- 325.** ГВНП. № 179 [Первая половина 60-х годов XV в.] — *Купчая грамота Мелентия Ефимовича Чеваки у Онцифора Андроникова на Исаковское перевесище в Неноксе и пожни на Нижней реке*
- 326.** ГВНП. № 241 [Первая половина 60-х годов XV в.] — *Купчая грамота Ивана Федоровича у Дорофея Ивановича и Михаила Григорьевича на село на Ровдине Горе*

По печати владычного наместника Якова Ивановича (АП. № 554) грамоты этой группы датируются последним периодом деятельности чухченемского игумена Василия: к их числу относится его данная № 176, составленная по формуляру духовной грамоты.

Покупатель сел в Яковле курье по грамоте № 177 Федор Макаров известен по грамотам ГВНП. № 197 и 200 с печатями Дементия Алексеевича, а также по документу ГВНП. № 196 с печатью Григория Яковлевича и грамотам ГВНП. № 198, 199, утратившим свои печати. Продавец этих сел Онцифор Андроников другой свой участок продает по грамоте № 179. Сосед Онцифора Степан Васильевич, по-видимому, то же лицо, что и в грамотах ГВНП. № 134 и 268 более раннего времени. Писец грамоты № 177 дьяк св. Спаса Григорий писал также документы ГВНП. № 182—183 времени владычного наместника Фомы Есифовича и № 225, относящийся ко времени чухченемского игумена Макария. Послухи акта № 177 известны и по другим грамотам: Степан Антонович в том же качестве участвовал в оформлении купчей ГВНП. № 214 времени михайловского игумена Андреана; Иван Аврамович фигурирует в грамотах ГВНП. № 200 и 268; Филикс Павлович свидетельствовал в купчей времени владычного наместника Геннадия (ГВНП. № 189); Степан Семенович упоминается в актах ГВНП. № 188, 213, 275, 276, 277.

Послух грамоты № 178 Перхурий Фоминич в том же качестве принимал участие в оформлении купчей с печатью Дементия Алексеевича (Там же. № 193). Другой послух того же документа, Иван Степанович, идентифицируется с соцким Иваном Степановичем грамот ГВНП. № 137, 193, 197 времени того же наместника; без титула он также фигурирует в грамоте времени чухченемского игумена Юрия (Там же. № 226).

Покупатель земли по грамоте № 179 Мелентий Ефимович Чевака скупает земли также по документам ГВНП. № 182, 183, 184 времени владычного наместника Фомы Есифовича и № 188, известному по списку без описания печати. Продавец земли по грамоте № 179 Онцифор Андроников другие части своей отчины продает по документу № 177.

Покупатель земли по грамоте № 241 Иван Федорович, вероятно, то же лицо, что и послух в грамоте с печатью владычного наместника Дементия Кононовича (ГВНП. № 202), но вряд ли может быть идентифицирован с Иваном Федоровичем грамот ГВНП. № 143 и 254.

327.
ГВНП. № 168

[Первая половина 40-х—первая половина 60-х годов XV в.] — *Купчая грамота чухченемского игумена Василия у Ивана Селкина на полоску земли*

328. ГВНП. № 169 [Вторая половина 40-х—первая половина 60-х годов XV в.] — *Духовная грамота схимника Федота Острохвоста на участок земли, завещанный его отцом Николаевскому Чухченемскому монастырю*
329. ГВНП. № 170 [Вторая половина 40-х—первая половина 60-х годов XV в.] — *Духовная грамота схимника Сергея Мануйловича на деревню в Замикитье и другие земли, завещанные Николаевскому Чухченемскому монастырю*
330. ГВНП. № 171 [Вторая половина 40-х—первая половина 60-х годов XV в.] — *Данная грамота схимника Есифа Николаевскому Чухченемскому монастырю на землю на Малом острове*
331. ГВНП. № 172 [Вторая половина 40-х—первая половина 60-х годов XV в.] — *Купчая грамота чухченемского игумена Василия у Матфея и Самуилы Назаровичей на землю на Малом острове*

Эта группа грамот, не сохранивших свои печати, объединяется их принадлежностью ко времени упоминаемого в их тексте чухченемского игумена Василия.

Меньше всего хронологической информации возможно извлечь из духовной № 169: упоминаемая в ней «Фефилова земля», скорее всего, идентифицируется с «Фефиловой пожней» грамоты, скрепленной печатью Ермолы Алексеевича (ГВНП. № 160).

В грамоте № 168 послухами обозначены: Ермола Яковлевич, фигурирующий также в купчей ГВНП. № 173, но также в актах с печатями Ермолы Алексеевича (ГВНП. № 157, 161); Игнатий Матфеевич, названный послухом в закладной 1449/50 г. (Там же. № 152) и в купчей ГВНП. № 165. В духовной схимника Ивана Матфеевича, написанной при чухченемском игумене Юрии (Там же. № 226), Игнатий назван братом Ивана Матфеевича, но его к тому времени уже не было в живых: распоряжения Ивана Матфеевича обращены к детям Игнатия. Еще один послух грамоты № 168, попович Оникей, известен по грамоте с печатью Ермолы Алексеевича (Там же. № 160), а также по актам ГВНП. № 167 и 180; последний — с печатью Прокопия Филипповича. Названный среди послухов грамоты № 168 швед Дмитр проявляется в духовной № 170, в которой упомянута «Шевцова пожня».

Послух грамоты № 170 Селиван Павлович известен по документам ГВНП. № 140 и 155, утратившим печати, а также по грамоте с печатью Остафия Денисьевича (ГВНП. № 153).

В грамоте № 171 у «печати стоял» зять вкладчика Есифа — Ларюша; по-видимому, ему принадлежала «Ларюшина пожня», упоминаемая в купчей № 172.

В этой последней среди послухов названы: попович Иван, известный по грамотам ГВНП. № 236 и 237 из архива Михайловского Архангельского монастыря; Максим Сивцев, фигурирующий в грамоте ГВНП. № 175; Нифонт Марков, известный по духовной времени чухченемского игумена Юрия (ГВНП. № 226) и по купчей ГВНП. № 229.

332.
ГВНП. № 156

[Вторая половина 40-х—первая половина 60-х годов XV в.] — *Данная грамота Андрея Ивановича зятю Герасиму и дочери Марье на движимое и недвижимое имущество*

По именам послухов ко времени игуменства Василия следует относить грамоту № 156. Тимофей Федорович упоминается в документах времени игумена Василия (ГВНП. № 151, 153, 154, 155, 206); из них грамоты № 151 и 154 предшествуют периоду наместничества Ермолы Алексеевича, а грамота № 153 утверждена печатью Остафия Денисьевича. Послух Павел Трифонович является продавцом в грамоте с печатью Ермолы Алексеевича (ГВНП. № 157) и покупателем в акте ГВНП. № 154.

333.
ГВНП. № 225

[60-е годы XV в.] — *Данная грамота схимника Степана Олфромеевича Николаевскому Чухченемскому монастырю на землю на Нальеострове*

Грамота относится ко времени чухченемского игумена Макария, преемника Василия на настоятельстве в Николаевском монастыре. Для датировки игуменства Макария важна грамота ГВНП. № 111 — духовная Федора Остафьевича, в которой послухом называется «отец мои духовной игумен Макарей святого Николы». Одним из душеприказчиков Федора Остафьевича в этом документе назван тысяцкий Яков Игнатьевич, который с тем же титулом упоминается в летописи под 1463 г. (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 212). Яков Игнатьевич умер 3 марта 1470 г., уже будучи посадником (Там же. Стб. 224); следовательно, посадником он стал между 1463 и 1470 гг. Другой душеприказчик — новгородский посадник Иван Максимович упоминается в документе, датированном 1461—1467 гг. (ГВНП. № 112). Еще один душеприказчик — новгородский посадник Иван Афанасьевич с этим титулом упоминается под 1459 г. (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 198) и под 1464 г. (Пл. Вып. 2. С. 158); в конце 1475 г. он был арестован Иваном III и увезен в Москву (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 449).

Земля, отданная Степаном Варфоломеевичем Чухченемскому монастырю по грамоте № 225, потом была куплена у монастыря Перхурием Васильевичем по грамоте ГВНП. № 227 уже при игумене Юрии. Старостой монастыря в духовной № 225 назван Иван Семенович, который оставался в этой должности и при игумене Юрии (ГВНП. № 227). Одним из послухов грамоты № 225 был Сидор Трифонович, который свидетельствовал также

в купчей с печатью Дементия Алексеевича (Там же. № 193) и в купчей, утратившей печать (Там же. № 232). Другой послух, Федор Окинфович, возможно, тождествен участнику рядной ГВНП. № 122. Еще один послух — Федор Иванович — современник соловецкого игумена Феодосия (начала 80-х годов XV в.; ГВНП. № 222). Писавший грамоту Григорий, дьяк св. Спаса, был также писцом документов времени владычных наместников Якова Ивановича (ГВНП. № 177) и Фомы Есифовича (Там же. № 182—183).

Датировка этого акта 60-ми годами XV в. решает вопрос и о продолжительности чухченемского игуменства Василия. Если начало его настоятельства относится к 40-м годам XV в., то оканчивается оно около середины 60-х годов.

334. [60-е годы XV в.?] — *Рядная грамота Степана Цуникова с Ананией Трофимовым об отказе от иска и о мене землями на Налъестрове и на Ровдине Горе*
ГВНП. № 251

335. [60-е годы XV в.?] — *Купчая грамота княжеостровцев у Харитона Родионовича на землю на Княжеострове для Богородицкой церкви в Лявле*
ГВНП. № 164

В грамоте № 251 упоминается «Вильякина пожня» на Налъестрове, которая идентифицируется с «пожней на Вильякини кулигу» данной ГВНП. № 225. Она некогда принадлежала Григорию Семеновичу, упоминаемому в качестве послуха в грамоте ГВНП. № 270 (возможно, он тождествен воскресенскому старосте Григорию Семеновичу грамоты ГВНП. № 162, скрепленной печатью Ермолы Алексеевича). Между тем послухом в рядной № 251 обозначен Харитон Родионович — продавец земли по купчей грамоте № 164.

336. [60-е годы XV в.] — *Закладная грамота Обросима и Лаврентия Васильевичей Федору Макарову на село на Лодме*
ГВНП. № 196

Закладная грамота № 196 составлена не позднее чем через 13 лет после закладной ГВНП. № 197 (см. комментарий к этому акту), а эта последняя скреплена печатью Дементия Алексеевича. Если указанный наместник был преемником Ионы и, следовательно, действовал в начале 50-х годов XV в., то новая закладная, снабженная печатью владычного наместника Григория Яковлевича, должна быть датирована временем около середины 60-х годов. Такого наместника не знают документы времени игумена Василия, поэтому его следует признать одним из преемников Якова Ивановича.

Послухами комментируемой грамоты обозначены: Кузьма Тимофеевич, уже свидетельствовавший в акте 1449/50 г. (ГВНП. № 152) и в рядной времени игумена Василия (она составлена

при соцком Александре Романовиче; ГВНП. № 138); Иван Иванович, бывший послухом также при оформлении раздельной ГВНП. № 137 (при соцком Иване Степановиче); Микула Михайлович — свидетель в грамоте с печатью Дементия Алексеевича (ГВНП. № 204); при том же наместнике продавал землю Перхурий Ермолинич (Там же. № 200). В грамоте № 200 среди продавцов земельного участка назван и Обросим Васильевич, который вместе с братом Лаврентием является закладчиком села по грамотам № 197 и 196.

337.
ГВНП. № 198

[50-е—60-е годы XV в.] — *Купчая грамота Федора Макарова у Семена Кузьминича на рыбные ловли у острова Чубалы*

338.
ГВНП. № 199

[50-е—60-е годы XV в.] — *Купчая грамота Федора Макарова у Лукьяна Васильевича и его племянников на село на Лодме*

Грамоты датируются по имени покупателя — Федора Макарова, известного по документам времени Дементия Алексеевича (ГВНП. № 197, 200), Якова Ивановича (Там же. № 177) и Григория Яковлевича (Там же. № 196).

339.
ГВНП. № 226

[60-е годы XV в.] — *Духовная грамота схимника Ивана Матфеевича на двор, Михайлову землю и часть Трофимовой земли, завещанные племяннику Василию и Николаевскому Чухченемскому монастырю*

340.
ГВНП. № 227

[60-е годы XV в.] — *Купчая грамота Перхурия Васильевича у Николаевского Чухченемского монастыря на землю на Налье-острове*

Грамоты датируются временем чухченемского игумена Юрия, преемника Макария на настоятельстве в Николаевском монастыре.

Схимник Иван Матфеевич, завещавший часть своих земель Чухченемскому монастырю по духовной № 226, называет своим братом (к тому моменту уже умершим) Игнатия Матфеевича, который был послухом в закладной 1449/50 г. (ГВНП. № 152), а также в купчих времени игумена Василия (Там же. № 165 и 168). Среди послухов этого документа фигурируют Иван Степанович, бывший соцким при Дементии Алексеевиче (Там же. № 197), и Нифонт Марков, известный по грамотам № 172 времени игумена Василия и № 229.

По грамоте № 227 Перхурий Васильевич, бывший послухом в документе с печатью Фомы Есифовича (Там же. № 185), покупает проданный при игумене Макарии Чухченемскому монастырю Степаном Олфромеевичем участок (см.: Там же. № 225). Послухи

этого документа — Яков Селиванович, участвовавший в том же качестве в оформлении закладной 1449/50 г. (Там же. № 152), и Григорий Васильевич, известный по грамотам с печатями Дементия Алексеевича (Там же. № 193) и Фомы Есифовича (Там же. № 85). Монастырским старостой в грамоте № 227 назван Иван Семенович, бывший в той же должности уже при игумене Макарии (см.: Там же. № 225).

341.
ГВНП. № 167

[60-е годы XV в.] — *Данная грамота чернеца Алексея Николаевскому Чухченемскому монастырю на землю Захаркинскую и пожни на Малом острове*

Данная чернеца Алексея Чухченемскому монастырю в ГВНП ошибочно отнесена ко времени игумена Василия. В действительности вкладчик лишь ссылается на распоряжение Василия «братьи своеи володете» чернецу Алексею отданными тем землями до его «живота». Алексей называет своим соседом Степана Федоровича, который известен как сын Федора Остафьевича в духовной последнего (ГВНП. № 111). Но эта духовная составлена при чухченемском игумене Макарии, тогда как по смыслу грамоты № 167 к моменту ее написания Федора Остафьевича уже не было в живых, поскольку отчиной распоряжается его сын.

Неизвестно, являются ли перечисленные в документе послухи свидетелями данного акта или того первоначального, который относился еще ко времени игумена Василия. Среди этих послухов многократно участвовавший в оформлении актов вплоть до времени игумена Василия Михаил Варфоломеевич; Иван Семенович, бывший монастырским старостой при игуменах Макарии и Юрии (здесь он назван без должностного обозначения); Артемий Деметьевич, известный по документам с печатями Патракия Дмитриевича (ГВНП. № 182), Фомы Есифовича (Там же. № 183) и Мины Ивановича (Там же. № 181); попovich Онিকেи, известный по грамоте с печатью Ермолы Алексеевича (Там же. № 160), а также по купчей времени чухченемского игумена Василия (Там же. № 168) и акту, составленному при наместнике Прокопии Филипповиче (Там же. № 180); Иван Петрович, известный по грамоте, составленной при соцком Иване Степановиче (Там же. № 137), документу 60-х годов XV в. (Там же. № 221) и актам, не сохранившим печатей (Там же. № 187 и 188), а также по грамоте с печатью Ивана Петровича, т. е. его собственной (Там же. № 230); Василий Агафонович упомянут также в грамоте ГВНП. № 275.

342.
ГВНП. № 221

[60-е годы XV в.] — *Рядная и раздельная грамота Якова Александровича и его братьянов с Настасьей Степановой и ее детьми о разделе без суда их заволоцких владений*

Грамота № 221 не принадлежала к числу пергаменных подлинников Михайловского Архангельского монастыря. Ее список оказался в монастырской копийной книге XVII в. в составе правой

грамоты 1535 г., которая сохранилась и в подлиннике (ЦГАДА. ГКЭ. № 4091/9). Рядная Якова Александровича и его племянников — Мартемьяновых детей Федора и Семена «и их братии» с Настасьей Степановной и ее детьми Иваном и Александром отражает дальнейшее состояние имущественных отношений родственных семей, уже известных по документам ГВНП. № 89, 127, 130, 131 и 144. К моменту составления этой рядной уже не было в живых братьев Якова Александровича — Мартемьяна, Ивана и Андреана. Настасья Степановна — несомненная дочь Степана Есифовича (см.: ГВНП. № 89).

Документ датируется по именам послухов. Афанасий Микулинич известен как представитель Новгорода от житых на яжелбицких переговорах 1456 г. (ГВНП. № 22—24), Александр Клементьевич — как представитель Новгорода от житых на коростыньских переговорах 1471 г. (Там же. № 26, 27). Федор Михайлович — современник архиепископа Ионы (1460—1470 гг.), при котором он и умер (см. его духовную: ГВНП. № 217)⁵¹. Об Иване Петровиче как современнике чухченемских игуменов Василия, Макария и Юрия см. в комментарии к грамоте ГВНП. № 167. Грамота № 221, таким образом, может быть датирована 60-ми годами XV в.

Дальнейшая судьба Мартемьяновичей запечатлена дельной грамотой Семена и Варфоломея Мартемьяновичей и детей Федора Мартемьяновича с Амосом Ивановичем, сыном Ивана Александровича (т. е. племянником Мартемьяна), составленной в 1491 г.⁵² и сохранившейся в той же копийной книге Михайловского монастыря XVII в. К указанному времени не оставалось в живых детей Мартемьяна — Якова, Федора, и Андрея, а Семену и Варфоломею, упоминаемым впервые в грамоте конца первой четверти XV в. (ГВНП. № 144), было тогда за семьдесят лет.

343. [1460—1470 гг.] — *Духовная грамота Федора Михайловича на землю на Бобровой Горе, завещанную в дом св. Софии*
ГВНП. № 217

Грамота датируется упоминанием в ней архиепископа Ионы (1460—1470 гг.). Завещанный владыке участок на Бобровой Горе был затем при архиепископе Феофиле передан Соловецкому монастырю (ГВНП. № 99).

344. 1472 г., 9 марта. — *Купчая грамота Мины Васильевича у Никона Филимоновича Белоусова на землю в Лялине погосте*
ГВНП. № 220

Дата имеется в самом тексте документа — 9 марта 80-го, т. е. 1472 г. Послухи грамоты Василий Григорьевич и Степан Амосович участвовали в оформлении документа ГВНП. № 202. Соцким в этой грамоте обозначен Василий Григорьевич. Упомянутый в акте князь

⁵¹ Андреев В. Ф. Указ. соч. С. 49.

⁵² Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 195—197.

Василий Васильевич — служилый новгородский князь В. В. Шуйский Гребенка.

- 345.** 1477 г. — *Жалованная грамота Новгорода Троице-Сергиеву монастырю на беспошлинный провоз товаров по Двине*
ГВНП. № 101

Грамота имеет дату в самом тексте: «лето 6985», что при мартовском цикле соответствует марту 1477—февралю 1478 г. Однако в ноябре 1477 г. степень в Новгороде занимали посадник Фома Андреевич и тысяцкий Василий Максимович, при которых в январе 1478 г. эти должности были ликвидированы с падением новгородской независимости. Поскольку обновление должностей высших магистратов Новгорода предпринималось в феврале и августе, а в документе степенными названы посадник Михаил Семенович и тысяцкий Федор Лукинич, датировать грамоту возможно мартом—августом 1477 г. Очевидно, что этот вечевой акт выдан в нарушение условий Коростынского мира 1471 г.: «А вечным грамотам не быти».

- 346.** [1472—1477 гг.] — *Данная грамота архиепископа Феофила Соловецкому монастырю на четыре села на Бобровой Горе*
ГВНП. № 99

Данная владыки Соловецкому монастырю на земли на Бобровой Горе (см. также: ГВНП. № 217) датируется только по имени выдавшего ее архиепископа Феофила. Он был хиротонисан 15 декабря 1471 г. и вернулся в Новгород с поставления 7 января 1472 г. (ПСРЛ. Т. 12. С. 143; Т. 4. 1-е изд. С. 129). Смещен с кафедры Феофил 19 января 1480 г. (Там же. Т. 12. С. 197), однако Двинская земля была окончательно отторгнута от Новгорода еще в январе 1478 г. в ходе последних переговоров Новгорода с Иваном III.

- 347.** [60-е—70-е годы XV в.] — *Купчая грамота Дементия у Анании и Матфея Ильичей на село в Кехте и участки в Вечуеве и Зимней тонях*
ГВНП. № 180

- 348.** [60-е—70-е годы XV в.] — *Купчая грамота Костянтина Дементьевича с братьями у Клина Михеева на землю в Нижней Кехте и участки в Вечуеве и Зимней тонях*
ГВНП. № 181

Грамота № 180, скрепленная печатью владычного наместника Прокопия Филипповича (АП. № 556), составлена ранее документа № 181 и грамот ГВНП. № 182—183. По ней Дементий, отец действующих в актах № 181—183 лиц, покупает землю в Кехте, Вечуеве и Зимней тонях. Послух грамоты № 180 попович Оникей известен по документам с печатью Ермолы Алексеевича (ГВНП. № 160), времени чухченемского игумена Василия (Там же. № 168) и только что рассмотренной грамоте (№ 167). При грамоте № 181 булла владычного наместника Мины Ивановича (АП. № 566).

349.
ГВНП. № 182 [60-е—70-е годы XV в.] — *Купчая грамота Мелентия Ефимовича Чеваки у Артемия Дементьевича на село в Нижней Кехте и участки в Вечуеве и Зимней тонях*
350.
ГВНП. № 183 [60-е—70-е годы XV в.] — *Купчая грамота Мелентия Ефимовича Чеваки у Артемия Дементьевича на село в Нижней Кехте и участки в Вечуеве и Зимней тонях*
351.
ГВНП. № 184 [60-е—70-е годы XV в.] — *Купчая грамота Мелентия Ефимовича Чеваки у Клима Панкратьевича на участок в Левкове воде*
352.
ГВНП. № 185 [60-е—70-е годы XV в.] — *Купчая грамота Григория Васильевича у Левонтия Нестеровича на землю за Паритовым озером*
353.
ГВНП. № 190 [60-е—70-е годы XV в.] — *Купчая грамота Ивана Семеновича у Степана и Офрема Обакуновичей и у Яковлевых дочерей на село Кириллово Волняницкое на Коневе острове*

Эта группа грамот объединена принадлежностью ко времени владычного наместника Фомы Есифовича, скрепившего их своими печатями (АП. № 557, 558); как это очевидно, он отправлял свою должность позднее младшего рубежа игуменства Василия в Чухченемском монастыре.

Купчие № 182 и 183 не только синхронны, но и идентичны. Вся разница между ними состоит лишь в том, что документ № 183 скреплен печатью Фомы Есифовича, а грамота № 182 — печатью Патракия Дмитриевича. Если Фома Есифович был безусловно владычным наместником, на что указывает оформление его булл — с крестом на оборотной стороне, то Патракий Дмитриевич, оборот печати которого занят изображением птицы (АП. № 698), — явный представитель светской власти. Принимая во внимание, что эти документы относятся ко времени не ранее 60-х годов XV в., когда после Яжелбицкого мира 1456 г. двинские дела приобрели особую остроту во взаимоотношениях Новгорода и Москвы и складывались не в пользу Новгорода, возможно высказать предположение, что печать Патракия принадлежит представителю великокняжеской администрации в соответствии с формулой «князю и владыке» (ср. в двинской грамоте 1472 г.: «доложа тиуна княжого Васильева Васильевича Григорья Тишькова». — ГВНП. № 220).

Шахматов обратил внимание на то, что, хотя в этих актах писцом назван Григорий, дьяк св. Спаса, их почерк отличен от почерка грамоты ГВНП. № 177, в которой также говорится: «А грамоту писал Григорей, дьяк святаго Спаса»⁵³. Поскольку оба

⁵³ Шахматов А. А. Исследование. Ч. 2. С. 100.

документа происходят из одного архива, надо полагать, что они являются синхронными противнями таких же актов, писанных рукой Григория (одна пара таких противней выдавалась на руки заинтересованной стороне, другая оставалась в официальных канцеляриях).

Документы № 182—183 являются купчей Мелентия Ефимовича Чеваки у Артемия Дементьевича. Мелентий Чевака покупал земли также по купчим с печатями Якова Ивановича (ГВНП. № 279) и Фомы Есифовича (Там же. № 184), а также по акту, известному только по списку без описания печати (Там же. № 188). Артемий Дементьевич известен по документам ГВНП. № 167 (не ранее 60-х годов XV в.) и № 181 с печатью Мины Ивановича; не исключено, что какое-то время он был владычным наместником в Обонежье (грамота ГВНП. № 255, происходящая из этого региона, скреплена печатью Артемия Дементьевича). Грамоты № 182—183 написаны позднее купчей ГВНП. № 181, по которой земли, проданные Мелентию Чевাকে братьями Дементьевичами — Костянтином, Семеном и Артемием, были ими самими приобретены: если тогда братья действовали совместно, то теперь, по разъяснению в грамотах № 182—183, Артемий Дементьевич уже был в разделе со своим братом Семеном (Костянтин не упомянут вовсе). Один из послухов этих документов, Микифор Иванович, свидетельствовал также в грамоте ГВНП. № 112, датированной 1461—1467 гг.

Покупатель земли по грамоте № 190 Иван Семенович известен по документам № 152 (1449/50 г.), 167 и 198; он был чухченемским монастырским старостой при игуменах Макарии и Юрии. В купчей № 190 он называет себя Порядниным внуком и, следовательно, является сыном Семена Александровича «Поряднина сына» грамоты ГВНП. № 268. Землю на Коневе острове он покупает у Степана и Офрема Обакуновых детей и у детей Якова. Им она досталась по купчей с печатью владычного наместника Ионы (ГВНП. № 186); тогда еще был жив брат Степана и Офрема Яков. Послух грамоты № 190 Яков Якимович свидетельствовал также в купчей Семена Александровича «Поряднина сына» (Там же. № 268).

Грамоты № 183, 184 и 185 скреплены печатью Фомы Есифовича одного варианта (АП. № 557), печать грамоты № 190 принадлежит к другому варианту (Там же. № 558).

354.
ГВНП. № 187

[60-е—70-е годы XV в.] — *Купчая грамота Ивана Петровича у Кирилловых детей Ивана, Бориса, Севастьяна и Фомы на часть села Малолодомского*

355.
ГВНП. № 188

[60-е—70-е годы XV в.] — *Купчая грамота Мелентия Ефимовича Чеваки у Ивана Петровича на часть села на Лодме*

Грамота № 188 известна только по списку, без описания ее печати. Однако ее следует датировать временем, близким наместни-

чествам Якова Ивановича и Фомы Есифовича, при которых действует покупатель земли по этой грамоте Мелентий Ефимович Чевака (см.: ГВНП. № 179, 182—183, 184). Послух грамоты № 188 «Оксен пасынок Устиянович» известен по документу с печатью Дементия Алексеевича (Там же. № 197). О продавце села Иване Петровиче см. в комментарии к грамоте ГВНП. № 167. Послух Степан Семенович известен по грамоте с печатью Якова Ивановича (Там же. № 177).

Грамота № 187 предшествует документу № 188: земля, приобретенная Мелентием Чевакой по купчей № 188 у Ивана Петровича, самим Иваном Петровичем была куплена у Кирилловых детей по акту № 187.

Оба документа происходят из правой грамоты 1530 г.

356.
ГВНП. № 202

[60-е—70-е годы XV в.] — *Купчая грамота Киприана Павловича у Павла Григорьевича на село Букаркинское на Ижме*

Для выяснения примерной даты этого документа, скрепленного печатью владычного наместника Дементия Кононовича (АП. № 561), ориентир дают имена лиц, присутствовавших на отводе земли. Василий Филимонович известен как покупатель земельного участка по грамоте с печатью Дементия Алексеевича (ГВНП. № 201). Степан Амосович как послух упомянут в грамоте, имеющей дату в своем тексте, — 9 марта 1472 г. (Там же. № 220). В той же грамоте назван и Василий Григорьевич, обозначенный там соцким. Иван Федорович был покупателем земли по грамоте с печатью Якова Ивановича (Там же. № 241) и послухом в акте с печатью владычного наместника Ивана (Там же. № 254).

Хронологическое тяготение документа к заключительному этапу новгородской независимости подкрепляется именами владычных наместников, утвердивших как грамоту № 202, так и следующую грамоту ГВНП. № 254. Эти имена — Дементия Кононовича и Ивана — не встречались в более ранних актах времени чухченемского игумена Василия.

357.
ГВНП. № 254

[60-е—70-е годы XV в.] — *Данная грамота Ивана Михайловича с женой Федосьей Миките Федоровичу и дочери Евдокии на село Онашинское на Кургонеме, движимое имущество и девку Феню*

О датировке этой грамоты, скрепленной печатью владычного наместника Ивана (АП. № 540), концом периода новгородской независимости см. в комментарии к грамоте ГВНП. № 202. Автор документа Иван Михайлович упомянут в грамоте с печатью Ермолы Алексеевича (ГВНП. № 157) как сын Михаила Охромеевича. Послух Иван Нетес фигурирует в том же качестве в закладной с печатью Дементия Алексеевича (Там же. № 197). Другой послух, Иван Федорович, известен по грамоте с печатью Якова Ивановича (Там же. № 241).

358.
ГВНП. № 257

[60-е—70-е годы XV в.] — *Духовная грамота Матфея Васильевича на землю и движимое имущество, завещанные Богородицкой церкви и другим церквам*

В грамотах с именами действующих лиц, тяготеющих к периоду после чухченемского игуменства Василия, содержатся и имена некоторых владычных наместников, которые должны быть датированы последним этапом существования владычной администрации на Двине, т. е. временем перед ее окончательным присоединением к Москве в январе 1478 г. Таковы документы № 257 и 230.

Духовная № 257 Матфея Васильевича скреплена печатью владычного наместника Есифа Фоминича (АП. № 555). Матфей Васильевич упоминается в грамоте, датируемой временем не позднее 1475 г. (ГВНП. № 114).

359.
ГВНП. № 229

[60-е—70-е годы XV в.] — *Купчая грамота Родиона Тимофеевича у своего брата Сидора на лоскут земли*

360.
ГВНП. № 230

[60-е—70-е годы XV в.] — *Духовная грамота Сидора Тимофеевича на движимое имущество и земли, завещанные жене, сыновьям и другим лицам*

361.
ГВНП. № 231

[60-е—70-е годы XV в.] — *Купчая грамота Есифа и Федора Онуфриевичей у Артемия Федоровича на лоскут земли*

362.
ГВНП. № 232

[60-е—70-е годы XV в.] — *Купчая грамота Есифа Онуфриевича у Устина Семеновича на два лоскута земли — Лукинский и Федоровский*

Эта группа грамот объединяется массовым взаимным пересечением действующих в них лиц. Покупатель земли по грамоте № 229 Родион Тимофеевич выступает послухом в актах № 230 и 231. Его брат Сидор, продавший землю по купчей № 229, — автор духовной № 230. Послух грамоты № 230 Захария Климентьевич в том же качестве участвует в оформлении купчей № 232. Есиф Онуфриевич, покупатель земли по купчим № 231 и 232, выступает послухом в грамоте № 229. Его брат Федор вместе с ним покупает землю по документу № 231, а в грамоте № 232 является послухом.

Время этой группы документов определяется составом их послухов. Послух грамоты № 229 Нифонт Марков известен по грамотам времени чухченемских игуменов Василия (ГВНП. № 172) и Юрия (Там же. № 226). Другой послух этой купчей, Иван Степанович, был одним из продавцов земли в грамоте № 199 и послухом в грамоте № 226 времени того же игумена Юрия. Кирилл Мелентьевич, свидетельствовавший в документе № 231, известен по грамоте с печатью Фомы Есифовича (Там же. № 185). Послух

грамоты № 232 Сидор Трифионович фигурирует в грамотах с печатью Дементия Алексеевича (Там же. № 189) и времени чухченемского игумена Макария (Там же. № 225). Упоминание в духовной № 230 Олеха Поколотова заставляет думать, что он не идентифицируется с Олехом Поколото грамоты ГВНП. № 135, относящейся ко второй четверти XV в.; возможно, в этом раннем документе участвует отец Олеха Поколотова из акта № 230.

Грамота № 230 скреплена печатью владычного наместника Ивана Петровича (АП. № 560), который может быть отождествлен с Иваном Петровичем грамот ГВНП. № 137, 167, 187, 188 и 221.

Наибольшие трудности в датировке вызывают, естественно, те документы, которые не содержат имен, повторяющихся в других актах, или сведений о таких земельных участках, судьбы которых отразились бы в иных документах. Показателем их принадлежности ко временам новгородской независимости служат признаки оформления — былое наличие при них свинцовых вислых печатей или особенности формулярного порядка. К числу таких трудных грамот принадлежат следующие.

363.
ГВНП. № 256

[XV в.] — *Духовная грамота Карпа на село в Киницах, землю на Великом острове и движимое имущество, завещанные Ильинской церкви и жене Марине*

В грамоте завещатель Карп, отдающий свое имущество Ильинской церкви и жене Марине, называет своим послухом «игумена Нестера, служителя святого Николи». Несомненно, речь идет о чухченемском игумене, имени которого еще не встречалось. Если один из душеприказчиков Карпа — староста «всеи луки Чюхъченимьской» Дмитрий Яковлевич тождествен Дмитрию Яковлевичу — покупателю земли по грамоте с печатью Дементия Алексеевича (ГВПН. № 228), то не исключена сравнительно ранняя дата грамоты, а в игумене Несторе возможно предполагать предшественника Василия на чухченемском настоятельстве. Однако и при предложенном отождествлении Нестор с равными основаниями может оказаться преемником Юрия.

364.
ГВНП. № 269

[XV в.] — *Купчая грамота Михаила Тимофеевича с братьями у Евсея Ивановича на землю в Курье и на островах Коневе и Волняницком*

365.
ГВНП. № 270

[XV в.] — *Купчая грамота Михаила Тимофеевича у Логина Емельяновича с братьями на землю на Коневе острове, на Луготине и на Волняницком острове*

Документы объединяются именем покупателя, каковым в обеих грамотах является Михаил Тимофеевич. В купчей № 270 в числе послухов назван Григорий Семенович. Такое имя встречено в не-

скольких грамотах, относящихся к разным периодам (ГВНП. № 131, 133, 162, 251), и наверняка не принадлежит одному человеку.

366. [XV в.] — *Духовная грамота черноризца Ермолы на земли на острове Луковце, завещанные Михайловскому Архангельскому монастырю*
ГВНП. № 244

367. [XV в.] — *Духовная грамота попа Федосея Федотова на село Шагайловское на Княжеострове, завещанное двум церквам*
ГВНП. № 259

Грамоты объединяются упоминанием в них игумена Семена Никольского. Был ли он неизвестным нам настоятелем Чухченемского монастыря или игуменствовал в Николо-Карельском монастыре, остается неясным.

368. [XV в.] — *Меновная грамота Михайловского Архангельского монастыря на землю под церковью с Воскресенской церковью на наволок и лоскут земли*
ГВНП. № 243

369. [XV в.] — *Духовная грамота Андрея на села Матигорское, Ступинское и в Заостровье, завещанные детям, жене и Рождественской церкви*
ГВНП. № 250

370. [XV в.] — *Духовная грамота Василия на село в Лявле, завещанное Богородицкой церкви*
ГВНП. № 258

Грамоты не содержат уточняющих их датировку деталей.

371. [XV в.] — *Данная грамота Василия Патрикеева сына Белого Соловецкому монастырю на половину пожни Сытной*
ГВНП. № 330

Грамота хронологических примет не имеет. В ГВНП она издана в разделе «Обонежье», однако объект дарения локализуется в Прилуцкой волости на берегу р. Онеги⁵⁴, т. е. вне пределов Обонежской пятины, на территории, тяготеющей к Двине.

* * *

Итоги наблюдений над хронологией двинских актов обобщены в синхронистической таблице должностных лиц (табл. 2). В ней приводятся в порядке хронологической очередности имена настоятелей и старост Михайловского Архангельского и Николаевского Чухченемского монастырей, владычных наместников Двины и соцких, а также обозначена их взаимовстречаемость.

⁵⁴ Чаев Н. С. Указ. соч. С. 158. № 55.

ТАБЛИЦА 2

Михайловский монастырь		Чухченемский монастырь		Наместники и посадник	Соцкие
игумены	старосты	игумены	старосты		
Лука	Василий				Иван
Лука	Степан			Тимошка	Петр Дементьевич
Афанасий	Степан			Михаил, Григорий, Софоний	
Иван	Федор			Филипп Семенович	Григорий
Акакий	Андреевич	Севастьян		Остафий Яковлевич	
Андреан	Федор	Андреевич		Геннадий	Микита
		Кузьма		Василий Степанович (посадник)	Федор
		Василий	Юрий	Иона	Федор
		Василий		Иона	Фефилат Федорович
		Василий		Дементий Алексеевич	Иван Степанович
		Василий	Олферий	Ермола Алексеевич	Александр Романович
		Василий	Родион, Григорий	Федор Васильевич, Остафий Денисьевич, Микула Максимович	
		Василий	Яков Иванович	Яков Иванович	
		Макарий	Иван Семенович		
		Юрий	Иван Семенович		
				Прокопий Филиппович, Фома Есифович, Григорий Яковлевич, Мина Иванович, Дементий Кононович, Иван, Есиф Фоминич, Иван Петрович	Василий Григорьевич

Необходимо сделать несколько замечаний о сущности расхождений хронологической системы двинских актов, обоснованных в нашей работе, с той их хронологической системой, которая дана в исследовании В. Ф. Андреева. Принципиальное значение здесь имеют два обстоятельства.

Во-первых, Андреев вслед за всеми своими предшественниками, включая и автора настоящего исследования, не придал значения противоречию между авторством рядной Левонтия Зацепина (ГВНП. № 132), исходящей от двинских посадников Василия Юрьевича и Авраама Степановича, и сохранившейся при этом документе печатью владычного наместника Остафия Яковлевича. Протоестественное сочетание этих элементов свидетельствует о несомненном анахронизме: уже в XIX в. к раннему акту была подложена булла, лет на двадцать более поздняя. Поскольку это обстоятельство не учтено, неверный вывод о наместничестве Остафия Яковлевича в первой четверти XV в. становится автоматическим, но он ведет к неправомерному удревнению значительной группы актов и к стремлению заполнить ими лауну второй четверти XV в. отысканием в ней места для других наместников, деятельность которых в действительности относится к более позднему периоду.

Во-вторых, в хронологической системе Андреева остались неучтенными факты непосредственного наследования матриц наместничьих печатей от Ионы к Дементию Алексеичу, а от последнего к Ермоле Алексеичу, в результате чего Ермола Алексеич (а также Остафий Денисьевич), использованные для заполнения упомянутой лауны, превратились в предшественников Ионы и Дементия Алексеича, а последний поставлен в число преемников Якова Ивановича⁵⁵. Все остальные противоречия производны от этих двух существенных ошибок.

⁵⁵ Андреев В. Ф. Указ. соч. С. 18—44. Хронологические итоги изложены автором в таблице на С. 44 его работы.

ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫЕ АКТЫ

В научной литературе, в том числе и в систематических публикациях, бытует небольшое количество поддельных новгородских грамот. Их появление не связано с деятельностью фальсификаторов-антикваров, а всякий раз вызывалось конкретными обстоятельствами земельных споров и владельческих притязаний XVI—XVII вв. Поэтому они, несомненно, обладают и немалым научным значением, отражая, однако, не ту эпоху, к которой поддельщики пытались их приписать, а более позднюю. Любой фальсификат, коль скоро он призван решить практическую задачу, содержит не только уличающие его анахронизмы, но и вполне реальные сведения. В особенности это касается (в тех случаях, когда подделка изготовлена для обоснования владельческих прав) описания земельных участков с их урочищами и межами. Известно в настоящее время шесть таких фальсифицированных документов. Относительно некоторых из них и сегодня ведутся исследовательские споры.

Фальс. 1.
ГВНП. № 32

Договорная грамота Новгорода с Ригой и Любеком о предоставлении немецким купцам сухопутного и водного путей

Авторами документа названы великий князь Ярослав, посадник Павша и тысяцкий Кондрат. Имена посадника и тысяцкого хронологически исключают друг друга. После Раковорской битвы 18 февраля 1268 г., когда был убит посадник Михаил Федорович, а тысяцкий Кондрат пропал без вести, новгородцы «даша посадничество Павше Онаньиничю, а тысяцкого не даша никомуже, ци будеть Кондрат жив» (НПЛ. С. 87, 318). Летом 1268 г. «даша тысяцское Ратибору Клуковичю по княжи воли» (Там же. С. 88, 319). Основываясь на формальных соображениях, грамоту можно было бы датировать промежутком времени от Раковорской битвы до избрания Ратибора, т. е. 1268 г., предположив, что до указанного избрания использовалось имя пропавшего без вести, но не замененного другим лицом тысяцкого. Однако в этот промежуток не существует элементарных условий для заключения каких-либо dokonчаний с немцами.

3 июня 1268 г. продолжается состояние войны с немцами: «Приидоша Немци в силе велице под Пльсков в неделю на Всех святых, и приступиша к городу, и не успеха ничтоже, нъ болшую рану въсприяша, и стояша 10 дний. Новгородци же с князем Юрьем погонишася по них, инии на конех, а инии в насадех поехаша вборзе; и яко уведаша Немци новгородьскыи полк, побегоша за реку. Новгородци же приехаша в Пльсков, и взяша мир чрес реку на всеи воли новгородьской». После этого столкновения князь Ярослав Ярославич прибыл в Новгород с сетованиями по поводу отсутствия мира с немцами: «мужи мои и братья моя и ваша побита; а вы розьратилися с Немци». Попытка Ярослава «лишити волости» некоторых бояр, обвиненных князем, вызвала отпор новгородцев и отъезд из Новгорода разгневанного Ярослава, которого новгородцы умоляют вернуться, «еще бо не добре ся бяху умирили с Немци». Только повторные уговоры владыки и вятших бояр, догнавших Ярослава в Броннице, привели к возвращению князя в Новгород, именно «тогда же даша тысяцкое Ратибору Клуковичю по княжи воли». После этого, «на зиму», Ярослав посылает своего сына Святослава в Низовскую землю за военной помощью, Святослав «совкупи всех князии и полку бещисла, и приде в Новьгород; и бяше ту баскак велик володимирьскыи, именем Амраган, и хотеша ити к Кольваню. И уведавше Немци, прислаша послы с молбою: „кланяемся на всеи воли вашей, Норовы всеи отступаемся, а крови не проливайте“; и тако новгородци, гадавше, взяша мир на всеи воли своеи» (НПЛ. С. 87—88, 318—319).

Таким образом, отсутствие условий для составления грамоты, имеющей мирный характер, весной или летом 1268 г. превращает сочетание имен посадника Павши и тысяцкого Кондрата в очевидный анахронизм. Среди послов тот же документ называет «Инцу Олцята из Ригы», известного в том же качестве по грамоте 1301/02 г. (ГВНП. № 34), которая в своей формулярной части настолько близка комментируемому документу, что может быть признана несомненной основой предпринятой фальсификации. На неподлинность документа указывает и завершающая его текст дата, нехарактерная для столь ранних новгородских документов. Сама эта дата представляет собой бессмысленный набор цифр¹.

Фальс. 2.
ГВНП. № 102

*Купчая Пречистенского монастыря у
Смехна и Прохна Ивановых детей на
землю у р. Волхова*

Относительно этого документа высказан ряд взаимоисключающих исследовательских мнений. Сохранившаяся в списке при судебном деле новгородского Антониева монастыря с посадскими людьми 1573 г. из-за права владения пашенной землей и лугом в окрестностях монастыря грамота уже тогда была представлена

¹ См. также: *Валк С. Н.* Новгородская проезжая грамота 1269 г. // Ист. зап. М., 1945. № 16. С. 198—202.

как купчая и данная Антония Римлянина: «а купил деи ту землю Онтоний чудотворец Пречистые в дом у Семена да у Прокша у Ивановых детей посадничь, а дал на той земле и на лугу сто рублев»². Конфликт 1573 г. имел предысторию, начавшуюся, по крайней мере, в 1560 г., так как в 1573 г. пятиконецкие старосты, называвшие спорную землю «городовым ластбищем», положили «правые грамоты, что им дали судьи Григорий Волинский да Иван Соколов в 68 году». Этот конфликт был решен в пользу Антониева монастыря, что в дальнейшем подтверждалось записями на имя царей Федора Ивановича, Василия Ивановича, Дмитрия Ивановича и Михаила Федоровича.

Сомнения в подлинности документа были высказаны В. О. Ключевским, Е. Е. Голубинским и особенно настоятельно С. Н. Валком³. Валк положил в основу своих сомнений отсутствие каких-либо упоминаний грамот Антония Римлянина до 1573 г. и появления ссылок на них именно тогда, когда в Антониевом монастыре велась литературная работа над оформлением Жития Антония Римлянина, а также несомненный анахронизм грамоты, упоминающей рубли, которых в XII в. быть никак не могло.

Валку возражал М. Н. Тихомиров, настаивавший на том, что почитание Антония, а вместе с ним и работа над его житием началась раньше, возможно еще в конце XV в., рубли же в грамоте появились в результате позднейшего поновления текста⁴.

Позднее была предложена датировка этой грамоты 1354—1357 гг., основанная на следующих соображениях. Документ в своем тексте не называет покупателя земли (вкладчика) по имени, а идентификация его с Антонием обозначена только в заголовке списка 1573 г., будучи, следовательно, результатом некой удобной Антониеву монастырю атрибуции. Сам же акт, исходя из формальных признаков его текста, вполне может быть достоверным, но составленным не ранее начала XIV в., коль скоро денежный счет в нем ведется на рубли. Поскольку в обозначенных им границах еще нет существовавшего с 1357 г. Радоковицкого монастыря (а он находился внутри «обода земли»), грамота должна относиться ко времени до 1357 г. С другой стороны, коль скоро земля куплена у сыновей посадника Ивана, а среди посадников первой половины—середины XIV в. только два лица — Иван Федорович Смятанка и Иван Семенович Мотурица — носили такое имя и оба были избраны, как предполагалось, в 1354 г., указанные даты и ложились в основу датировки документа⁵.

² *Амвросий*. История российской иерархии. М., 1811. Ч. 3. С. 144—149.

³ *Ключевский В.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 307—308; *Голубинский Е.* История русской церкви. М., 1904. Т. 1, 2-я пол. С. 593; *Валк С. Н.* Начальная история древнерусского частного акта // *Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. статей.* М.; Л., 1937. С. 295—300; см. также: *Алексеев Ю. Г.* Частный земельный акт средневековой Руси (от Русской Правды до Псковской Судной грамоты) // *ВИД.* Л., 1974. Вып. 6. С. 127.

⁴ *Тихомиров М. Н.* О частных актах в древней Руси // *Ист. зап.* М., 1945. № 17. С. 233—241.

⁵ *Янин В. Л.* Новгородские грамоты Антония Римлянина и их дата // *Вестн. МГУ.*

Между тем такое решение сегодня представляется неточным. Дата избрания посадника Ивана не может служить рубежом датирования, так как земля куплена у сыновей этого посадника, которого, следовательно, к моменту продажи уже не было в живых. Об Иване Семеновиче Мотурице известно, что он посадничал даже в середине 70-х годов XIV в., будучи упомянут в грамотах 1370—1376 гг. (см.: ГВНП. № 44, 16); известен также его сын, которого звали не Смехном и не Прохном, а Михаилом Ивановичем Мотурицыным (НПЛ. С. 402, 472). Об Иване Федоровиче Смятанке источники сообщают только, что он в 1350 г. был еще лишь тысяцким (Там же. С. 361). Однако его преемник в посадничестве Михаил Данилович впервые проявляется с посадничьим титулом в 1372 г., а предшественник — Федор Данилович — оставался посадником и в 1351 г. Разумеется, до 1357 г. Иван Федорович мог, побывав посадником, умереть, но с такой же степенью вероятности он может оказаться деятелем не 50-х, а 60-х годов XIV в.

Возможность для нового осмысления комментируемой грамоты появилась тогда, когда В. Ф. Андреев обнаружил и ввел в научный оборот меновную грамоту архиепископа Евфимия с Богословским на Витке монастырем⁶. В этом документе фиксируется обмен земельными участками, принадлежащими Богословскому монастырю в Липенском погосте Обонежской пятины на р. Сясь, и владычным. Последний находился в ближайшем соседстве с Богословским на Витке монастырем, в Радоковицах, и характеризуется как издавна принадлежавший архиерейскому дому: «чем владели прежние владыки и господин архиепископ Великого Новгорода владыка Еуфимей и поземы имал в дом божию святеи Софии». Богословский монастырь, как и Радоковицы, находится внутри обозначенных в «купчей Антония Римлянина» границ. Таким образом, по крайней мере часть территории, якобы купленной Антониевым монастырем у сыновей посадника Ивана, имеет совершенно иное владельческое происхождение, находясь не только в первой половине XV в., но и при «прежних владыках» в собственности новгородского Софийского дома.

Это обстоятельство представляется достаточным для признания комментируемой грамоты как фальсификата, несомненного в той части, которая касается границ спорного в 1573 г. участка. Ведь, согласно заявленной в ней претензии, на земле Антониева монастыря, якобы купленной и вложенной в Антониев монастырь еще его основателем, оказываются еще два монастыря (Радоковицкий и Богословский), а не только новгородские посадские люди, о которых в грамоте 1591 г. сказано: «в том же обODE, что Антоний чудотворец в своей духовной грамоте обод написал, живут изстари

Сер. «История». 1966. № 3; см. также: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 40—59.

⁶ Андреев В. Ф. Ранее не публиковавшаяся новгородская грамота XV в. // Научная конференция «Актуальные проблемы исторической науки»: Тезисы докладов. Новгород, 1985. С. 32—35.

новгородские посадские черные тяглые люди солодожники и кузнецы и котельники», которые подати платили вместе со всем новгородским посадом, а поземом и судом тянули к монастырю⁷. Между тем ни к Радоковицкому, ни к Богословскому монастырю Антониев монастырь претензий не предъявлял.

Признание комментируемой грамоты фальсификатом второй половины XVI в. не снимает, однако, вопроса о возможном подлинном ее источнике, в котором речь может идти не обо всем земельном участке, вызвавшем вожделения антониевских старцев, а только о части этой территории. Иными словами, фальсифицированным может быть лишь описание границ, но не факт покупки некоего участка внутри описанного в грамоте «обода» у детей посадника Ивана и вклада его «Пречистые в дом». В этой связи следует отметить, что текст документа вовсе не содержит однозначного указания на Антониев монастырь. Купля «Пречистые в дом» может подразумевать не обязательно Антониев монастырь Рождества богородицы, а в такой же степени Радоковицкий монастырь Успения богородицы.

Успенский Радоковицкий монастырь был основан архиепископом Моисеем в 1357 г.: «Того же лета постави владыка Моиси Богородицю святую в Радоковицах» (НПЛ. С. 364). О том же имеется запись в летописном Житии Моисея: «И в Радоговицех церковь постави святую Богородицу и монастырь постави, и иконами украси и книгами умножи» (НЛ. С. 136). Не исключено, что Радоковицкий девичий монастырь с момента его основания и до конца новгородской независимости, подобно Деревеницкому, оставался собственностью архиерейского дома, а позем с его земли, как это и отмечено в меновой грамоте архиепископа Евфимия, поступал в софийскую казну. В таком случае допустимо предположить, что эта земля была куплена и вложена в Успенский монастырь при его основании архиепископом Моисеем, а документ указанной операции в дальнейшем послужил основой фальсификации, предпринятой в Антониевом монастыре в XVI в. Возможно также, что вложенная в Радоковицкий монастырь земля вернулась в Софийский дом в результате промена, так как этому монастырю принадлежали некоторые владения в Дремятском, Свинорецком и Илеменском погостах Шелонской пятины (НПК. Т. 4. Стб. 137; Т. 5. Стб. 22, 36—37, 40, 165, 168), в том числе некоторые из них в сместной собственности с владыкой.

Фальс. 3.
ГВНП. № 219

Данная «новгородской посадницы» Марфы Исаковой Соловецкому монастырю

Сохранившийся в виде списка XVII в. документ содержит в тексте дату 6978 г. На фальсификацию данной указывает несообразность ее формул: «Се дасть Марфа Исаковская, Великого Новаграда посадница. . .», «А у данные сидел отец мои духовной софеиской поп Иосиф да Олексеи Бархатов. А даную писал сын

⁷ *Амвросий*. Указ. соч. Ч. 3. С. 154—175.

мои Феодор Исаков лета 6978-го. К сеи данои яз, Феодор, матере своя Марфы печать приложил»; в списке имеются ссылки и на эту фантастическую печать, и на рукоприкладство свидетелей на обороте. Следует заметить, что вообще игуменство Зосимы, которому адресована данная, представляет собой только тенденциозный факт агиографии, но не истории. Последнее совершенно очевидно, в частности, для 1470 г., которым датирована данная. В указанном году в Соловецком монастыре настоятельством Иона, которому в 1468 г. была адресована жалованная грамота Новгорода на Соловецкий и другие острова (ГВНП. № 96), а в начале 70-х годов, не ранее 1471 г., — подлинная вкладная Марфы Исаковой (Там же. № 307).

Фальс. 4.
ГВНП. № 283

Вкладная грамота «посадника Славенского конца Ивана Фомина» Муромскому монастырю на остров Муром (Муч) и озеро Муромское

Сохранившаяся в списке XVII в. вкладная датирована в самом тексте 6690 г. Ее неподлинность была обоснована С. Н. Валком⁸.

Впервые издавший эту грамоту Амвросий обратил внимание на то, что Лазарь, которому она адресована и в составе «завещания» которого была обнаружена, является современником архиепископа Моисея, и поэтому предположил ошибку датирования — 6690 г. вместо 6860 г.⁹ Анахронизмом относительно XII в. является указание на якобы скреплявшую подлинную грамоту печать: «образ пречистой богородицы с предвечным младенцем свинцовой, да воображение животворящаго креста на другой стороне», т. е. на буллу владычного наместника, возникшую только в XIV в.

Однако имеются анахронизмы и абсолютного характера. Посадника Ивана Фомина не существовало: фальсификаторами использовано, по-видимому, имя онежского землевладельца (ср.: ГВНП. № 288), действовавшего во второй четверти — середине XV в.; Иван Фомин продал землю в Уносской губе Селифонту Твердиславичу с указанием межи этих владений по рекам Ялганде, Шале, Уносскому ручью — именно эта граница в другом фальсификате Муромского монастыря (Там же. № 285) указана как межа между землями Муромского и Палеостровского монастырей.

Наблюдения Валка позволяют указать примерное время создания фальсификата. В 1650 г. Муромский монастырь обратился к царю с челобитной, содержащей просьбу о выдаче монастырю межевой грамоты. Как это следует из челобитной, в 1612 г. «немецкие и литовские людские воры» пожгли монастырь, а «жалованные и межевые грамоты и всякие монастырские крепостные дела поймали», после чего крестьяне окрестных погостов «их монастырскую землю и водами завладели насильством, потому что у них,

⁸ Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта. С. 301—303.

⁹ Амвросий. Указ. соч. М., 1813. Ч. 5. С. 125—126.

у строителя с братиею, межевой грамоты нет». В то же время монастырь представляет для подтверждения своих прав списки с прежних данных, «каковыя данные им дали на землю на Мурманской Нос благоверные Новгородские старые князи и посадники». В числе представленных тогда явно фальсифицированных документов комментируемой грамоты нет; следовательно, она появилась только во второй половине XVII в.¹⁰

Фальс. 5.
ГВНП. № 285

«Ободная межевая» грамота землям великого князя и монастырей Юрьева, Вяжищского, Палеостровского и Муромского в Шальском и Никольском Пудожском погостах и в волостях тех же погостов

О неподлинности грамоты свидетельствуют упоминания крестьян великого князя, съезжей избы, подъячего, наличие рукоприкладств, а также даты: «в лета 6899 году августа в 25 день». В документе упоминаются посадники Юрий Онцифорович и Мирон Иванович; первый из них стал посадником только в 1409 г., второй вообще выдуман. В конце XIV в. Палеостровского монастыря еще не существовало, а к моменту боярского вывода в Никольском Пудожском погосте монастырскими были только юрьевские земли, часть которых ($10\frac{1}{3}$ обжи) принадлежала Юрьеву монастырю еще со времен новгородской независимости, а другая часть ($7\frac{2}{3}$ обжи) была пожалована великим князем из владений сведенных новгородцев Оксиньи — жены Микиты Есифовича, Ивана Немира и Федора Григорьевича Худякова (ПКОП. С. 186—187). В Шальском погосте владения Юрьева монастыря были более значительны (40 обож), однако их источником были также великокняжеские пожалования из состава земель сведенных новгородцев: той же Оксиньи, Бабкиных и Александра Тимофеевича (Там же. С. 170—172). Кроме того, в Шальском погосте к 1563 г. имелась единственная деревня Муромского монастыря (1 обжа) и две деревни Палеостровского монастыря ($1\frac{1}{2}$ обжи), полученные им от «посадника старого Панфила Селифонтова» (Там же. С. 172—173). Нет сомнения в том, что это именно те деревни, которые были куплены в Уносках Селифонтом Твердиславичем у Ивана Фомина (ГВНП. № 288) и выменены Панфилием Селифонтовичем у Богдана Ермолинича (грамота МИК. № 31); половина этих владений была Панфилием завещана в Палеостровский монастырь (грамота АЕ-57. № 7), что произошло не позднее 80-х годов XV в. Никаких владений Вяжищского монастыря ни в Шальском, ни в Пудожском погосте не было еще даже к 1563 г. Все эти обстоятельства вызывают сомнения и в правильности датировки списка комментируемого документа XVI в. Скорее всего, он принадлежит к тому же циклу фальсификаций, предпринятых муромскими старцами, что и грамота ГВНП. № 283, т. е. относится ко второй половине XVII в.

¹⁰ Валк С. Н. Начальная история древнерусского акта. С. 301—303.

Фальс. 6.
Барсов. С. 127

Данная Панфилия Селифонтовича и его сына Лаврентия Муромскому монастырю на земли в Уносках и на Лухтоострове

Неподлинность документа, список которого сохранился в правой грамоте 1538/39 г., определена существованием духовной Панфилия Селифонтовича (грамота АЕ-57, № 7), согласно которой именно те земли, какие названы в комментируемом документе, завещаются по половинам Палеостровскому монастырю и ряду частных владельцев — Александру Тимофеевичу, Василию Онтееву, Дмитрию Пахомьеву. Именно это завещание было реализовано, что явствует из писцового описания завещанных земель: «В Спаском же погосте в Шале Палеостровского монастыря, а дал те деревни в дом Спасу Палеостровскому монастырю посадник старой Панфил Селифонов» (ПКОП. С. 172—173); «в Шалском же погосте деревня Юрьева ж монастыря, что бывала Тимофиевская Олександрова, а ту им деревню дал князь великий» (Там же. С. 172).

СООТВЕТСТВИЕ НОМЕРОВ ДОКУМЕНТОВ
ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ НУМЕРАЦИИ
В НАСТОЯЩЕМ ИССЛЕДОВАНИИ

Использованные публикации	Настоящее исследование	Использованные публикации	Настоящее исследование
<i>ГВНП</i>			
1	67	53	31
2	68	54	32
3	70	55	33
4	71	56	30
5	72	57	34
6	74	58	35
7	75	59	37
8	76	60	38
9	77	61	39
10	78	62	41
11	79	63	98
12	80	64	43
13	81	65	52
14	82	66	44
15	86	67	45
16	90	68	47
17	87	69	46
18	88	70	99
19	97	71	48
20	100	72	49
21	107	73	50
22	101	74	51
23	102	75	42
24	105	76	53
25	111	77	110
26	112	78	58
27	113	79	64
28	1	80	65
29	3	81	62
30	6	82	63
31	5	83	73
32	фальс. 1	84	85
33	8	85	83
34	9	86	84
35	10	87	93
36	7	88	95
37	11	89	234
38	12	90	157
39	13	91	137
40	14	92	229
41	15	93	106
42	17	94	135
43	18	95	286
44	16	96	175
45	19	97	140
46	22	98	115
47	23	99	346
48	24	100	153
49	29	101	345
50	25	102	фальс. 2
51	27	103	122
52	96	104	123

Использованные публикации	Настоящее исследование	Использованные публикации	Настоящее исследование
105	124	162	309
106	127	163	310
107	129	164	335
108	132	165	305
109	128	166	318
110	131	167	341
111	136	168	327
112	138	169	328
113	143	170	329
114	145	171	330
115	141	172	331
116	144	173	319
117	147	174	320
118	142	175	321
119	139	176	322
120	146	177	323
121	155	178	324
122	151	179	325
123	240	180	347
124	236	181	348
125	239	182	349
126	237	183	350
127	227	184	351
128	222	185	352
129	223	186	284
130	228	187	354
131	231	188	355
132	230	189	275
133	256	190	353
134	257	191	235
135	258	192	225
136	259	193	291
137	299	194	292
138	300	195	315
139	301	196	336
140	260	197	298
141	253	198	337
142	247	199	338
143	248	200	293
144	232	201	294
145	241	202	356
146	242	203	288
147	243	204	295
148	246	205	296
149	244	206	287
150	245	207	312
151	303	208	267
152	283	209	289
153	313	210	251
154	304	211	261
155	317	212	262
156	332	213	263
157	306	214	264
158	314	215	265
159	302	216	276
160	307	217	343
161	308	218	174

(продолжение)

Использованные публикации	Настоящее исследование	Использованные публикации	Настоящее исследование
219	фальс. 3	276	272
220	344	277	273
221	342	278	152
222	198	279	218
223	199	280	219
224	277	281	220
225	333	282	221
226	339	283	фальс. 4
227	340	284	156
228	297	285	фальс. 5
229	359	286	160
230	360	287	161
231	361	288	164
232	362	289	134
233	252	290	158
234	233	291	159
235	279	292	165
236	280	293	166
237	281	294	167
238	311	295	168
239	255	296	176
240	249	297	185
241	326	298	186
242	285	299	179
243	368	300	178
244	366	301	180
245	278	302	181
246	238	303	182
247	282	304	183
248	266	305	187
249	254	306	188
250	369	307	189
251	334	308	169
252	274	309	170
253	226	310	172
254	357	311	173
255	171	312	210
256	363	313	211
257	358	314	190
258	370	315	191
259	367	316	194
260	—	317	197
261	—	318	196
262	—	319	214
263	—	320	184
264	250	321	177
265	—	322	162
266	—	323	213
267	316	324	217
268	290	325	207
269	364	326	193
270	365	327	200
271	—	328	192
272	268	329	215
273	269	330	371
274	270	ААЭ. Т. 1. № 92	114
275	271		

Использованные публикации	Настоящее исследование	Использованные публикации	Настоящее исследование
<i>АЕ-57</i>		<i>Барсов. С. 127</i>	фальс. 6
1	204	<i>Валк. 2</i>	26
2	205	<i>ДДГ</i>	
3,5	212	9	89
4	216	77	121
6	163	<i>ЛЗАК-35. 32</i>	195
7	209	<i>Либ.</i>	
8	164	1	203
9	206	2	202
<i>АЕ-67</i>		<i>МИК. 31</i>	208
1	125	<i>ОБ</i>	
2	126		
3—4	154	37	36
5	148	38	20
6	149	39	40
7	150		
С. 289. № 2	201	<i>Пр. Пр.</i>	69
<i>АЗР. Т. 1</i>		<i>РК</i>	
10	94	1	103
71	120	2	104
75	59	<i>ТЩ. 1</i>	66
112	61	<i>Хор.-63. С. 273—</i>	28
<i>Амвр. Ч. 3.</i>		<i>276. № 3</i>	
С. 300—301	224	<i>Хор.-65. С. 331—</i>	56
<i>Андр. С. 35</i>	133	<i>332. № 1</i>	
<i>АСЭИ</i>		<i>HR</i>	
Т. 1. 2	130	<i>Abt. 1. Bd. 3. N 463</i>	21
Т. 3. 1	73	<i>Abt. 3. Bd. 2. N 136</i>	60
2	85	<i>LUB. Bd. 1. N 413</i>	4
3	83	<i>ST.</i>	
4	93	<i>Delen I.</i>	
7	95	S. 506—507	2
13	108	<i>Delen III.</i>	
14	117	S. 292—293. N 512/1	54
15	109	S. 294—296. N 512/2	55
16	118	N 517	57
17	115		
20	116		
21	119		
178	92		
238	91		

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 1 (1294—1598).
- АЕ — Археографический ежегодник.
- АЕ-57 — *Корецкий В. И.* Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря // АЕ за 1957 г. М., 1958.
- АЕ-67 — *Корецкий В. И.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. // АЕ за 1967 г. М., 1969.
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1 (1340—1506).
- Амвр. — История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии ректором и богословия учителем, Антониева монастыря архимандритом Амвросием. М., 1811. Ч. 3.
- Андр. — *Андреев В. Ф.* Ранее не публиковавшаяся новгородская грамота XV в. // Научная конференция «Актуальные проблемы исторической науки»: Тезисы докладов. Новгород, 1985.
- АП — *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 2: Новгородские печати XIII—XV вв.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1952. Т. 1; М., 1964. Т. 3.
- АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1951. Ч. 1.
- БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
- Барсов — *Барсов Е.* Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае // ЧОИДР. 1868. Кн. 1. Смесь.
- Валк — *Валк С. Н.* Новые грамоты о новгородо-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в. // Ист. архив. 1956. № 1.
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Р. Б. Мюллер и Е. А. Рыдзевская; Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
- ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
- ГКЭ — Грамоты Коллегии экономии.
- ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
- ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
- ЛЗАК-35 — *Чаев Н. С.* Северные грамоты XV в. // ЛЗАК. Л., 1929. Вып. 35.
- Либ. — *Либерзон И. З.* Неизвестные акты XV в. // ВИД. Л., 1983. Вып. 14.

- ЛОИИ АН СССР — Ленинградское отделение Института истории СССР Академии наук СССР.
- МИД — Министерство иностранных дел.
- МИК — Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941.
- НИС — Новгородский исторический сборник.
- НЛ — Новгородские летописи. СПб., 1879.
- НПК — Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1859. Т. 1; СПб., 1862. Т. 2; СПб., 1868. Т. 3; СПб., 1886. Т. 4; СПб., 1905. Т. 5; СПб., 1910. Т. 6.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- ОБ — *Обнорский С. П., Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка: Пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. М.; Л., 1938. Ч. 1; 2-е изд. М., 1952.
- ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете.
- ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
- ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
- ПЛ — Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1; М., 1955. Вып. 2.
- Пр. Пр. — Пространная редакция Русской Правды.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Л., 1927. Т. 1: Лаврентьевская летопись. 2-е изд., вып. 2; СПб., 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд.; СПб., 1848. Т. 4: Новгородские и псковские летописи; 2-е изд. Пг., 1915. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись, вып. 1; Л., 1925. Вып. 2; Л., 1929. Вып. 3; СПб., 1851. Т. 5: Псковские и Софийские летописи; СПб., 1853. Т. 6: Софийские летописи; СПб., 1856. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку; СПб., 1859. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку; СПб., 1862. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью; СПб., 1885. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью; СПб., 1897. Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью; СПб., 1901. Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью; СПб., 1863. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. 2-е изд. Пг., 1922. Вып. 1: Рогожский летописец; СПб., 1889. Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки; СПб., 1913. Т. 18: Симеоновская летопись; СПб., 1910. Т. 23: Ермолинская летопись; Пг., 1921. Т. 24: Типографская летопись; М.; Л., 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в.; М.; Л., 1963. Т. 28: Летописный свод 1497 г., Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись); М., 1965. Т. 30: Владимирский летописец, Новгородская Вторая (Архивская) летопись; М., 1968. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в.; Л., 1977. Т. 33: Холмогорская летопись: Двинская летопись; М., 1978. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы; Л., 1982. Т. 37: Устюжские и Вологодские летописи XVI—XVIII вв.
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1908. Т. 6, ч. 1: Памятники древнерусского канонического права; СПб., 1894. Т. 15: Сборный; СПб., 1904. Т. XXI: Дела Тайного приказа, кн. 1.
- РК — Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977. Т. I, ч. 1.
- РЛА — Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868.
- САИ — Свод археологических источников.
- СК — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984.

- ТЩ — *Тихомиров М. Н., Щепкина М. В.* Два памятника новгородской письменности. М., 1952.
- Хор.-63 — *Хорошкевич А. Л.* Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. // АЕ за 1963 г. М., 1964.
- Хор.-65 — *Хорошкевич А. Л.* Русские грамоты 60—70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива // АЕ за 1965 г. М., 1966.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- HR — Die Recesse und andeze Akten der Hansetage. München, 1872. Abt. 1, Bd. 2; München, 1875. Abt. 1, Bd. 3; München, 1893. Bd. 7; Leipzig, 1883. Abt. 3, Bd. 11.
- HUB — Hansisches Urkundenbuch. Halle, 1876. Bd. I; Halle, 1896. Bd. IV; Leipzig, 1899. Bd. V; Leipzig, 1905. Bd. VI.
- LUB — Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Herausgegeben von Dr. F. G. von Bunge. Reval, 1855. Bd. I; Reval, 1855. Bd. II; Reval, 1857. Bd. III; Reval, 1859. Bd. IV; Riga, 1865. Bd. V; Riga, 1873. Bd. VI; Riga; Moskau, 1884. Bd. VIII; Riga; Moskau, 1889. Bd. IX; Riga; Moskau, 1905. Bd. XI.
- ST — Sverges traktater med främmande magtér jemte andra dit hörande handlingar, utgifne at O. S. Rydberg. Stockholm, 1877. Delen I; Stockholm, 1895. Delen III.

- Авдук 309, 310, 312
 Аврам, тыс. 49, 87, 88
 Аврам Автономович 333
 Аврам Олферьевич, тыс. 48
 Аврам Степанович, посадн. 43, 44, 49—52, 108, 302, 303, 305, 352
 Агафья Микитична 246
 Адам, готландск. посол 86
Азбелев С. Н. 50
 Азика, шенкурск. староста 270, 271, 274, 277, 279
 Айдар, зять баскака Абрагана 149
 Акакий, иг. Михайло-Арханг. м-ря 310—312, 315, 351
 Акинф *см.* Окниф
 Александр, кн. нам. 94
 Александр, сын Настасьи Степановны 243, 343
 Александр 100
 Александр Васильевич, посол 119
 Александр Васильевич Кавский, посадн. 57, 61, 69
 Александр Васильевич Чарторыйский, кн. 114, 182
 Александр Дворянинец брат, посадн. 23—25, 28, 29
 Александр Иванович, кн. Ростовский 198
 Александр Иванович, тыс. 48
 Александр Игнатьевич, посадн. 39, 40, 43, 45, 47, 52, 103, 105, 217, 302
 Александр Климентьевич 343
 Александр Клубучков 318, 319
 Александр Колыванов, посол 31, 94
 Александр Константинович, кн. Ростовский 198, 199
 Александр Михайлович, кн. 22, 124, 146, 161, 162, 167
 Александр Нестерович 315
 Александр Романович, двинск. соцкий 320, 323, 329, 341, 351
 Александр Самсонович, посадн. 57, 58, 62, 69—71, 74, 220
 Александр Семенович, посадн. 24, 27—29, 37, 45, 217
 Александр Тимофеевич 67, 249, 359, 360
 Александр Трифонович 104
 Александр Федорович 240—243
 Александр Фоминич Царько (Цесарь), посадн. 34—38, 42, 44—48, 105, 106, 217
 Александр Ярославич Невский, кн. 16, 82, 83, 107, 143, 145, 148, 154, 163, 167
Алексеев Ю. Г. 355
 Алексей, архиеп. 25, 27, 31, 34, 94, 95, 126, 171, 172, 217
 Алексей, иг. Саво-Вишерск. м-ря 221
 Алексей, попович 105
 Алексей, черн. 342
 Алексей 212
 Алексей Бархатов 357
 Алексей Васильевич, пск. посадн. 121
 Алексей Игнатьевич, куп. ст. 74, 115, 116, 249, 250
 Алексей Макарьевич (Олехна Махырев), пск. посол 114—116
 Алексей Фатьянович 74, 75, 234, 250, 251, 260
 Алексей Фоминич 260
 Алерт, фогт Везенберга 116
 Альберт Румор *см.* Варфоломей Кузнецкой
 Альберт, Шеле, посол Любека 92
Амвросий 6, 67, 134, 204, 233, 289, 291, 355, 357, 358, 365
 Амос Иванович 243, 343
 Амос Микулинич 294, 320, 329
 Абраган, баскак 149, 354
 Аняния 275, 277, 278
 Аняния Васильевич, *см.* Оникей Власьевич
 Аняния Григорьевич 325
 Аняния Ильинич 344
 Аняния Костянтинович, тыс. 39, 40, 48, 49, 103
 Аняния Олферьевич, тыс. 48
 Аняния Семенович, посадн. 53, 54, 57, 59, 65, 66, 68, 112
 Аняния Трофимович 340
 «Аняния Федорович» 273
 Аняния Фефилатович, посадн. 15, 16, 20
 Андерс Лауренссон, шведск. посол 120
 Андриан, иг. Михайло-Арханг. м-ря 284, 306, 310, 332—317, 319, 322, 323, 326, 333, 337, 351
 Андриан Александрович 239—241, 243, 301, 303, 305, 343
 Андриан Захарьинич, посадн. 22—30
 Андриан Михайлович 230, 231
 Андриан Нефедьевич 324
 Андриан Олферьевич, тыс. 17, 85
Андреев В. Ф. 4, 6, 7, 9, 206, 219, 246, 255, 262, 292, 332, 343, 351, 352, 356, 365
 Андрей, иг. Антониева м-ря 206
 Андрей, иг. Саво-Вишерск. м-ря 221
 Андрей, кн. Вяземский 279
 Андрей, кн. нам. 93
 Андрей, посол 91

* Принятые сокращения: архиеп. — архиепископ; архим. — архимандрит; вл. нам. — владичный наместник; иг. — игумен; кн. — князь; кн. нам. — княжеский наместник; куп. ст. — купеческий староста; митр. — митрополит; моск. — московский; м-ря — монастыря; нам. — наместник; посадн. — посадник; пск. — псковский; тыс. — тысяцкий; черн. — чернец

- Андрей 306
 Андрей 350
 Андрей Аврамович 227
 Андрей Александрович, кн. 86, 87, 127, 131, 150—154
 Андрей Александрович, кн. Ростовский 198, 199
 Андрей Васильевич, кн. Волоцкий 201, 202
 Андрей Васильевич Большой, кн. 184
 Андрей Васильевич Глазоомцев 62
 Андрей Воинович 212
 Андрей Григорьевич Посахнов 58
 Андрей Иванович, кн. Ростовский 198
 Андрей Иванович, карельск. нам. 120
 Андрей Иванович, посадн. 39—42, 44—46, 52, 99, 100, 103, 218, 244
 Андрей Иванович, посадн. 57—59, 61, 68, 218, 244
 Андрей Иванович 339
 Андрей Исакович, тыс. 75
 Андрей Климович, посадн. 17—21, 85, 86, 150, 155
 Андрей Кононович 290, 312, 314, 315
 Андрей Максимович, тыс. 48
 Андрей Мартемьянович 240, 243, 343
 Андрей Михайлович 251
 Андрей Савельевич 242—244, 300, 301, 304, 305
 Андрей Семенович Лублев, пск. посол 121
 Андрей Фрязин 127, 172
 Андрон Леонтьевич 329
 Андроник 333
 Анисим, посол 91
Анисимов А. И. 209
Анцилогов Г. Н. 235
 Антон, рушанин 185
 Антон Григорьевич 268
 Антон Максимович 294, 313, 324, 325, 327
 Антон Тютин 317
 Антон Филиппович 241—243
 Антоний (Добрыня Ядрейкович), архиеп. 209
 Антоний, иг. Соловецк. м-ря 263—265
 Антоний Римлянин, иг. Антониева м-ря 205—207, 210, 218, 219, 355, 356
Арбузов Л. А. 85, 91, 113, 121
 Арист Ананьинич 294, 320, 329
 Аркадий, иг. Пантелеим. м-ря 135, 137
 Арнольд Думе, посол Мюнстера 92
 Арсений, иг. Соловецк. м-ря 263, 265
 Артемий (Гертеке), орденск. переводчик 104, 105
 Артемий, черн. 312
 Артемий Дементьевич, вл. нам. 252, 254, 342, 345, 346
 Артемий Есифович, поп 313, 314
 Артемий Окинфович 324
 Артемий Оря, вымолченск. староста 236, 237, 239, 244
 Артемий Петрович, посадн. 43, 51
 Артемий Степанович 267
 Артемий Федорович 348
Арциховский А. В. 12, 16, 213
 Астрабыл, ордынск. посол 159
 Афанасий, иг. Михайло-Арханг. м-ря 304, 307, 309, 311, 312, 351
 Афанасий, кн. Шелешпанский 280
 Афанасий Богданович Носов 65
 Афанасий Данилович, кн., кн. нам. 155, 157, 279
 Афанасий Ермолинич 239—241, 243
 Афанасий Есифович, посадн. 43, 45, 46, 246—248
 Афанасий Микулинич 343
 Афанасий Остафьевич Груз, посадн. 54—57, 61, 64, 67, 69—71, 115, 117, 183, 184, 196, 244, 245
 Афанасий Федорович, посадн. 43—45, 107, 175, 277, 278, 304
 Афанасий Федорович 243
 Афанасий Щуряков 308
 Афанасий Юрьевич, пск. посол 114, 115
 Ачихожа, ордынск. посол 166
Барсов Е. В. 6, 234, 235, 245, 267, 365
Бархударов С. Г. 5, 79, 366
Баузе Ф. Г. 305
Бахрушин А. П. 234
Бахрушин С. В. 5, 21, 81
Беляев И. Д. 191, 234, 286, 288
Беренников Я. И. 5, 125
Бережков Н. Г. 153
Бернадский В. Н. 58, 64
 Бернт, фогт Каркуса 116
Беспятых Ю. Н. 9, 118
 Богдан Александрович Кавский 61
 Богдан Ермолинич 6, 260, 266, 267, 359
 Богдан Есифович Носов 57, 60, 65, 68, 70, 73, 114, 115
 Богдан Микитинич, посадн. 48, 57, 60, 68
 Богдан Обакунович, посадн. 34, 35, 37, 42, 97, 215
Борзаковский В. С. 170
 Борис, дядя Остафия Ананьинича 275, 277, 278
 Борис 126
 Борис 254
 Борис Александрович, кн. 124, 125, 179, 180
 Борис Андреевич, кн. 85, 87, 151
 Борис Васильевич, кн. Волоцкий 201—203
 Борис Васильевич, посадн. 39—42, 103, 105, 301
 Борис Жирятинич 214
 Борис Калтоев 254
 Борис Кижанинов 47, 48, 105
 Борис Кириллович 329, 346
 Борис Костянтинович, карельск. нам. 154
 Борис Леонтьевич (Левков) 328
 Борис Миршкинич 13
 Борис Негочевич, тыс. 14, 16
 Борис Нефедьевич 324
 Борис Юрьевич, посадн. 53, 54, 57, 59, 65, 66, 68, 112, 178
Борковский В. И. 12, 16, 213
Буене Ф.-Г. 5, 36, 38, 91, 95, 101, 367
Бычков А. Ф. 89
 Валеравене (Валрабе фон Гюнсбах), ливонск. ландмаршал 107
Валк С. Н. 3, 6, 80, 99, 207, 219, 236, 244, 354, 355, 358, 359, 365
Вальнев Ф. 290
 Варлаам, архим. 301
 Варлаам, иг. Вяжишск. м-ря 228, 246, 258, 260, 267
 Варлаам (Алекса Михайлович), иг. Ху-тынск. м-ря 79, 204, 207—211

- Варлаам, иг. Хутынский м-ря 238
 Варлаам, иг. Юрьева м-ря 211
 Варлаам, иг. 268
 Варлаам Шенкурский (Важский) см. Василий Степанович, посадн.
 Вартберг, хронист 94
 Варфоломей (Бертоломео), еп. Дерптск. 113
 Варфоломей 148
 Варфоломей Васильевич 241, 298
 Варфоломей Гаврилович 317, 324, 325
 Варфоломей Кузнецкой (Альберт Румер), ратман Ревеля 110, 111, 113, 116
 Варфоломей Мартмянович 240, 243, 343
 Варфоломей Остафьевич 22, 48
 Варфоломей Юрьевич, посадн. 16, 19—23, 45, 64, 87, 88, 90, 163, 213, 214
Василев И. П. 200
 Василий, иг. Хутынский м-ря 298
 Василий, иг. Чухченемск. м-ря 287, 291—297, 313—317, 321—324, 326, 327, 330—345, 348, 349, 351
 Василий, кн. нам. 33, 96
 Василий, поп 213
 Василий, староста Михайло-Арханг. м-ря 306, 307, 311, 312, 351
 Василий, шурин Остафия Ананьинича 275
 Василий 269
 Василий 332
 Василий 341
 Василий 350
 Василий Агафонович 342
 Василий Александрович Казимер, посадн. 57, 61, 69—71, 74, 120, 122
 Василий Алексеевич 258—260
 Василий Ананьинич, посадн. 56, 57, 64, 71—73, 121, 133, 196, 230
 Василий Андреанович 229
 Василий Афанасьевич 238—241, 243, 265
 Василий Борисович, посол 97
 Василий Борисович Тучко Морозов 132, 201
 Василий Васильевич, посадн. 43, 46, 51
 Василий Васильевич Темный, кн. 5, 7, 50, 51, 53, 55, 61, 64, 106, 127, 129, 130, 134, 146, 149, 173—176, 180—186, 193, 197, 198, 200, 276, 317, 318
 Василий Васильевич Вельяминов, моск. тыс. 172
 Василий Васильевич Китай 132
 Василий Васильевич Сасин 314, 332
 Василий Васильевич Шуйский Гребенка Горбатый, кн., кн. нам. 65, 120, 122, 188, 344, 345
 Василий Вьербе, тыс. 76
 Василий Глазоомцев, посадн. 57, 58, 62, 68, 70
 Василий Григорьевич, двинск. соцкий 343, 347, 351
 Василий Григорьевич 310, 311, 315—317, 332, 333
 Василий Дмитриевич, кн. 8, 33, 50, 106, 127, 131, 167, 172, 173, 175, 176, 186, 194, 299, 307
 Василий Есифович, тыс. 56, 71, 75, 76, 261
 Василий Есифович Нос, посадн. 35, 36, 38, 40—47, 50, 52, 69, 98, 99, 102, 105, 107, 248, 249
 Василий III Иванович, кн. 187, 201
 Василий Иванович, кн. Ростовский 198
 Василий Иванович, посадн. 24, 30, 32—36, 96, 97
 Василий Иванович, посадн. 67
 Василий Иванович, царь 355
 Василий Иванович Губа Селезнев 63, 64, 67, 71, 196, 199
 Василий Иванович Замыцкий Чешиха, кн. нам. 183, 186, 193
 Василий Игнатьевич, тыс. 48, 49, 99, 100
 Василий Исакович Полинарый Федотын, тыс. 71, 76, 261
 Василий Костелев 202
 Василий Кузьминич, посадн. 57, 62, 70
 Василий Максимович, тыс. 56, 75, 119, 193, 261, 344
 Василий Мартушев 294, 329, 330
 Василий Матфеевич 270, 273, 274, 278—280
 Василий Микитинич (Микитенсон), посадн. 16, 43—45, 47, 49, 50, 52, 63, 64, 105, 106, 108, 305
 Василий Микифорович Пенков, посадн. 59, 73, 74, 133, 194
 Василий Михайлович, кн. 162
 Василий Михайлович 264
 Василий Онтеев 360
 Василий Пантелеевич, тыс. 55, 65, 66, 76, 183
 Василий Патрикеевич Белый 350
 Василий Романович, кн. Сугорский 280
 Василий Сасинич 314, 326, 327, 332
 Василий Семенович, рушанин 200
 Василий Степанович, посадн. 57, 61, 62, 67, 69, 70, 180, 195, 196—198, 222, 270—274, 281, 297, 317, 324, 325, 351
 Василий Степанович Забелин 204, 229, 270—279
 Василий Терентьевич, посадн. 102
 Василий Тимофеевич 195, 197, 276—278, 281
 Василий Тимофеевич Чулок Остеев, кн. нам. 182, 183, 186
 Василий Федорович, посадн. 24, 28—30, 34, 35, 42, 97
 Василий Федорович 239—243, 301, 302, 305, 308
 Василий Федорович 204, 229, 270, 271, 273—275, 279
 Василий Федорович 246, 247
 Василий Федорович Образец 130, 194, 199, 201
 Василий Федорович Шуйский, кн. нам. 121, 189, 194
 Василий Филимонович 325, 327, 347
 Василий Фоминич, посадн. 43, 51
 Василий Юрьевич, двинск. посадн. 302, 309, 352
 Василий Юрьевич 308
 Василий Юрьевич Косой, кн. 174
 Василий Юрьевич Ростовский, кн. 62
 Василий Ярославич Серпуховской, кн. 128, 190
 Василиста 224, 225
 Василиста 269
Васильев Ю. С. 273, 274, 279
 Васко Горло 276
 Ваула Баишин 308, 309
 Венедикт Андреев 236
 Венемар ван Эссен, посол Голланда 91

- Веселовский С. Б.* 172
 Винька Клинрод (Винольд Клинкроде), по-
 сол Дерпта 97
 Витовт Кестутевич, кн. Литовский 5, 39,
 42, 134, 172, 173, 179
 Владимир Андреевич, кн. Ростовский 193,
 197—199
 Владимир Андреевич, кн. Серпуховской 166,
 167, 170
Владимирский-Буданов М. Ф. 191
 Владислав 13
 Влас Степанович 318, 322
 Влас Тупицын 302
 Власий Фрязинов 195
 Внезд Водовик, посадн. 11, 14, 16, 17
 Внезд Нездичич 12
 Воген, фогт Дерпта 91
 Воин 212
 Воляш 292, 330
 Всеволод Мстиславич, кн. 134—138, 178,
 207
 Всеволод Юрьевич, кн. 81
 Вьмундер (Ведмундер), посол Швеции 89
 Вячеслав Прокшинич 208

 Гавриил, архиеп. 208
 Гаврила Баишин 308, 309
 Гаврила Малафеевич 330—334
 Гаврила Носов 308
Галлен И. 88, 89
 Ганс Вреде 99
 Гартеке Визе, посол Готланда 92
 Гартлев (Хартлефф), бургомистр Нарвы
 116
Гейман В. Г. 3, 6, 365, 366
 Геминки Оргислович (Хеммингус Эдгисла-
 сон), посол Швеции 88
 Геннадий, архиеп. 263
 Геннадий, вл. нам. 254, 256, 261, 262
 Геннадий, вл. нам. 285, 287, 294, 295, 297,
 320, 323, 329, 337, 351
 Герасим, митр. 110, 174
 Герасим 339
 Герасим см. Ерасим, Ярасим
 Герд см. также Григорий
 Герд Шрове, ратман Дерпта 116
 Герлак (Герлакус Резе), ратман Риги 85
 Герман, иг. Лисицк. м-ря 225
 Герман, посол Дюльмена 92
 Герман, черн. 263
 Герман см. также Еремей
 Герман Бутеншоне, ратман Дерпта 108
 Гернк Дюурович см. Эрик Туресон
Гецц Л. 83, 91, 92, 94, 95, 97
 Гиллебрант Лузеберг (Лузеберг), бурго-
 мистр Дерпта 116
 Гильбер де Ланнуа 19
 Гинрик, комтур Марненбурга 116
 Гинрике фан Плессекове, ливонск. посол 90
 Гинрике фан Фольместенен, посол Гот-
 ланда 92
 Глеб Водовикович 16
 Глебов Я. О. 206
 Годерт, фогт Нарвы 116
 Годике Вантшеде, бургомистр Дерпта 118
Головин Н. И. 289
Голубинский Е. Е. 355
Голубовский П. В. 309
 Голубцов И. А. 127
 Гордей 298

 Госскальк Штольтевоет, ратман Ревеля 111
 Гостила см. Косвин фон Полем
 Гошкуй Жирятинич 214
Греков Б. Д. 139, 226, 232
 Григорий, вл. нам. 285, 287, 310, 314, 351
 Григорий, двинск. соцкий 351
 Григорий, староста Чухченемск. м-ря 351
 Григорий, архим. 223
 Григорий, дьяк 337, 340, 345, 346
 Григорий, митр. 187
 Григорий (Герд фон Веддерден), посол Гот-
 ланда 95
 Григорий 307
 Григорий Ананьинич 273, 275, 278
 Григорий Андреевич, писец 321, 327
 Григорий Баишин 308, 309
 Григорий Богданович, посадн. 36—40, 42,
 99, 102, 215
 Григорий Васильевич 295, 296, 314, 326,
 342, 345
 Григорий Васильевич Заболоцкий, кн. нам.
 182—184, 186, 193
 Григорий Васильевич Морозов, кн. нам. 121
 Григорий Васильевич Суфой 313, 314, 316,
 325—327
 Григорий Вить (Герд Витте), посол Ревеля
 97, 104
 Григорий Вольянинич 355
 Григорий Гаврилович Кякша 255
 Григорий Давыдович 254
 Григорий Данилович, посадн. 43, 51
 Григорий Ермолинич Сасин 326
 Григорий Жук 319
 Григорий Иванович, тыс. 32—35, 48, 49,
 95—97
 Григорий Иванович, черн. 287, 292, 330,
 333—335
 Григорий Иванович 261
 Григорий Киприанович Арзубьев 202
 Григорий Кириллович Посахно, посадн. 57,
 58, 60, 65, 66, 68, 179
 Григорий Климентьевич 334
 Григорий Михайлович, сестричич Казиме-
 ра, посадн. 57, 64, 67, 71, 74, 119, 120, 122
 Григорий Михайлович Тучин, посадн. 4, 56,
 57, 61, 70, 119, 120, 122, 123
 Григорий Павлович (Грихне Павлов) 320,
 321
 Григорий Перфушков 186, 195
 Григорий Прокшинич 321
 Григорий Пугвин 304
 Григорий Семенович 236—244
 Григорий Семенович 303, 313, 314, 332, 340,
 349
 Григорий Серин (Ссрицын) 311
 Григорий Софонтьевич 310
 Григорий Степанович 313
 Григорий Степанович 319, 332
 Григорий Тишков, кн. тиун 345
 Григорий Федорович 243
 Григорий Юрьевич, посадн. 57, 58, 68
 Григорий Яковлевич, вл. нам. 313, 314, 323,
 327—329, 337, 340, 341, 351
 Григорий Якунович, посадн. 24, 30, 215, 216
 Григорий Ярославцев, писец 34
 Грхно 292, 330
Грот Я. К. 89

 Давид, архиеп. 87, 126, 156, 157, 172
 Давид, дьячок 305

- Давыд Андреанович 311
 Давыд Захарынич 336
 Давыд Сидорович 320
 Далмат, архиеп. 82, 84
 Даниил Александрович, кн. 87, 150—152
 Данила, иг. Палеостр. м-ря 251
 Данила, посадн. 22, 23, 163
 Данила 212
 Данила 260
 Данила Андреевич 108
 Данила Дмитриевич Холмский, кн. 121
 Данила Михайлович, тыс. 48, 76
 Данилова Л. В. 236, 244, 273
 Даниэль (Данел) фан Хейде, ратман Висбю 93
 Даньслав 14
 Дементий 320
 Дементий 344
 Дементий Алексеевич, вл. нам. 285—287, 293—297, 312—314, 320, 323—329, 332, 333, 337, 340—342, 347, 349, 351, 352
 Дементий Андреевич 198
 Дементий Кононович, вл. нам. 327, 337, 347, 351
 Дементий Окинфович 324
 Демьян Яковлевич 245, 248
 Денисий Менуев 253
 Дмитр, швец 338
 Дмитр Кижа (Гюце Рихардес), бургомистр Ревеля 113
 Дмитр Мирошкинич, посадн. 11—13
 Дмитр Якунович, посадн. 11—13
 Дмитриев Л. А. 209, 210, 225, 265
 Дмитрий Александрович, кн. 82, 83, 142—145
 Дмитрий Васильевич Глухов, посадн. 53—55, 57, 59, 65—67, 69, 74, 111, 114—116, 183, 244—246, 248—250, 323
 Дмитрий Иванович, тыс. 48, 49
 Дмитрий Иванович, царь 355
 Дмитрий Иванович Донской, кн. 5, 27, 32, 106, 125—127, 130, 131, 165—168, 170—172, 186
 Дмитрий Исакович Борецкий, посадн. 67, 258
 Дмитрий Константинович, кн. 167
 Дмитрий Логинович 307
 Дмитрий Медведник, тыс. 76
 Дмитрий Михайлович, кн. 90, 162, 163, 167
 Дмитрий Олферьевич 320
 Дмитрий Пахомьевич 360
 Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. 180, 182, 276, 317
 Дмитрий Яковлевич 326, 349
 Довмонт, кн. 144, 154
 Домажирич 140
 Дорофей Васильевич 313
 Дорофей Иванович 336
 Досифей 233, 253, 263, 268
 Евсевий, новоторжец 171
 Евсей Ананьинич 325
 Евсей Иванович 349
 Евсей Сидорович 320
 Евфимий I Брататый, архиеп. 7, 50, 176, 177, 206, 216—218, 220, 249, 309, 356
 Евфимий II Вяжицкий (Лисицкий), архиеп. 53, 74, 75, 110, 111, 113, 114, 116, 117, 125, 174, 218, 220, 222, 228, 233, 248—251, 309, 318, 320, 323
 Евфимий, еп. Тверской 167
 Евфимий, кн. нам. 126
 Евфимий Орефьевич 122
 Евфимий Семенович, тыс. 54, 55, 66, 76, 115
 Егоров Е. Е. 135
 Ерасим Михайлович 307
 Еремей, куп. ст. 94
 Еремей (Герман), фогт Нарвы 107
 Еремей 321
 Еремей Кеглер (Герман Кегелер), посол Дерпта 97, 104
 Ерефа Ермолинич Сасин 326, 327
 Ермола, черн. 350
 Ермола Алексеевич, вл. нам. 285—287, 292—295, 297, 314, 323, 326, 330—335, 338—340, 342, 344, 347, 351, 352
 Ермола Григорьевич 307
 Ермола Леонтьевич 239—241, 243, 245, 305
 Ермола Максимович Водников 252, 267
 Ермола Мануйлович 260
 Ермола Микифорович 275
 Ермола Сасин 326
 Ермола Яковлевич 335, 338
 Ермолаев А. И. 135
 Есиф, архим. 164
 Есиф, рушанин 185
 Есиф, черн. 338
 Есиф, внук Федора Малого 198
 Есиф 39, 101—103
 Есиф 294, 321
 Есиф Андреевич Горошков, посадн. 57, 60, 68, 114, 115, 196, 198
 Есиф Васильевич Носов 64, 65, 69, 178, 246
 Есиф Григорьевич Посахнов, посадн. 54, 55, 57, 58, 60, 68, 70, 114, 202
 Есиф Давыдович 236
 Есиф Захарынич, посадн. 20, 24, 28, 30, 33—38, 45, 46, 69, 95, 96, 98, 215, 247, 248
 Есиф Иванович, куп. ст. 115, 116
 Есиф Иванович 223—225
 Есиф Максимович, тыс. 75
 Есиф Онуфриевич 348
 Есиф Остафьевич 224
 Есиф Савельевич 317
 Есиф Сидорович 118
 Есиф Терентьевич 329
 Есиф Фалелевич, тыс. 97
 Есиф Филиппович, двинск. посадн. 241, 243, 299, 300, 306, 331
 Есиф Филиппович 331, 332, 335
 Есиф Фоминич, вл. нам. 348, 351
 Есиф Яковлевич, посадн. 57, 60, 68
 Жила 164, 165
 Жирослав, посадн. 11, 12
 Жирослав, тыс. 82, 146, 212
 Жирослав Давыдович 148
 Завид Неревинич, посадн. 11, 12
 Заец 183, 193
 Закаревский Н. В. 80
 Закхей, иг. Хутынк. м-ря 225, 238, 265
 Зализняк А. А. 11, 12, 101, 149, 161, 165
 Захария, вешевой дьяк 133
 Захария, посадн. 11—13
 Захария Григорьевич Овин, посадн. 57, 61, 62, 68, 70, 71, 74, 132, 133
 Захария Захарьевич Овинов, посадн. 57, 70
 Захария Кириллович, посадн. 43, 51, 57, 66
 Захария Климентьевич 348

- Захария Михайлович, посадн. 20—23, 27, 163
Зимин А. А. 119, 143, 148, 150, 155, 161, 167, 168, 170, 173, 174, 185, 192
 Зиновий Сидорович, пск. посадн. 121
 Зиновий Харитонович 334
 Зосима, черн. 245, 263, 358
- Иван Иванович** 326
 Иван, брат Местилы 303
 Иван, вл. нам. 328, 331, 347, 351
 Иван, двинск. соцкий 302, 303, 351
 Иван, иг. Михайло-Арханг. м-ря 306, 307, 309—313, 316, 351
 Иван, кн. нам. 33, 96
 Иван (Иоганн Люнебург), посол Любека 95
 Иван (Бодс Вольте), посол Готланда 95, 104
 Иван, мастер 53, 249
 Иван, попovich 321, 322, 339
 Иван, рушанин 200
 Иван, сын Настасьи Степановны 243, 343
 Иван, тыс. 17
 Иван (Иоганн фон Трехт), фогт Вендена 107
 Иван, шурин Остафия Ананьинича 275
 Иван 267
 Иван см. также Иоганн
 Иван Аврамович 295, 325—327, 337
 Иван Александрович, кн. Ростовский 199
 Иван Александрович, посадн. 36—41, 99, 102—104, 221
 Иван Александрович 240, 241, 243, 301, 303, 322, 343
 Иван Алексеевич 324
 Иван Амбур 112
 Иван Андреевич, кн. Можайский 73, 127—130, 182, 190
 Иван Андреевич, кн. Ростовский 199
 Иван Андреевич 334
 Иван Афанасьевич, посадн. 57, 70, 73, 196, 198, 220, 297, 339
 Иван Белый (Иоганн Альбус), посол Любека 86
 Иван Бобров, ратман Дерпта 121
 Иван Богданович, посадн. 39—42, 44—46, 103, 105
 Иван Борисович Лихинин 25
 Иван Борисович Морозов 132
 Иван III Васильевич, кн. 8, 56, 57, 60—63, 67, 68, 70—77, 121, 123, 126, 128—133, 146, 149, 176, 182, 185—189, 191—194, 196—203, 224, 229, 257, 258, 262, 263, 276, 297, 339
 Иван IV Васильевич, царь 129, 274, 279
 Иван Васильевич, кн. Серпуховской 127, 130
 Иван Васильевич, посадн. 44, 52, 218
 Иван Васильевич, посадн. 94
 Иван Васильевич 4, 202
 Иван Васильевич Васкоман, тыс. 48, 66, 74—76, 202, 249
 Иван Васильевич Губарев Сокирин 63, 64, 67—70, 72, 221, 222, 276
 Иван Васильевич Едемский, своеземец 270—272, 274, 279
 Иван Васильевич Немир Шенкурский, посадн. 57, 58, 61—63, 67, 69, 70, 72, 195, 196, 198, 202, 270—273, 275—279, 281, 359
- Иван Васильевич Пенков 59, 202
 Иван Васильевич Сокира, посадн. 57, 59, 63, 64, 66, 68, 222
 Иван Васильевич Стрига Оболенский 189
 Иван Владимирович Бычок, кн. Ростовский 184, 196—198
 Иван Владимирович Лыко Оболенский 200, 201
 Иван Вязов, посол Дерпта 119, 122
 Иван Гаврилович 186
 Иван Григорьевич, посадн. 67, 196, 198, 258, 264
 Иван Григорьевич 307, 308, 316, 322, 323
 Иван Данилович, посадн. 41—43, 239, 242, 300, 301, 308
 Иван Данилович, посадн. 51
 Иван Данилович 247
 Иван Данилович Калита, кн. 126, 131, 151, 162—164, 167, 179, 197, 280
 Иван Дмитриевич, кн. Переяславский 87, 151
 Иван Дмитриевич Шемякин, кн. 73, 128, 130, 182, 190
 Иван Дорофеевич, вл. нам. 254
 Иван Душильцевич 13
 Иван Елизарович, куп. ст. 4, 122, 123
 Иван Еремич, тыс. 26
 Иван Есифович Горошков 60, 196
 Иван Захарьинич Овинов, посадн. 57, 61, 70
 Иван Зиновьевич, кн. нам. 121
 Иван Иванович, кн. 215
 Иван Иванович, кн. 133, 176
 Иван Иванович 275
 Иван Иванович 329, 341
 Иван. Иванович Долгий, кн. Ростовский 197—199
 Иван Иванович Красный, кн. 162, 167, 214
 Иван Иванович Селезнев, посадн. 64, 74, 249, 250
 Иван Иевлич, посадн. 43, 46, 50, 51
 Иван Калека 98
 Иван Кириллович 329, 346
 Иван Клайдовский 220
 Иван Кожин, тыс. 76
 Иван Корнильевич Шушерин, дьяк 205
 Иван Костков 309, 310
 Иван Кочерин 99
 Иван Кузьминич, посадн. 57, 67, 70, 123, 133
 Иван Лаврентьевич, посадн. 55, 57, 60, 63, 69, 183
 Иван Лаврентьевич 325
 Иван Лексе, посол Дерпта 121
 Иван Леонтьевич 311
 Иван Лошинский 73
 Иван Лукинич Шока, посадн. 53—55, 57, 59, 60, 63, 65, 66, 69, 72, 112, 114, 115, 118, 119, 183, 184, 210, 222—225, 252, 253
 Иван Лукомский, кн. 263
 Иван Лускалов 246
 Иван Максимович, посадн. 57, 60, 63, 67, 69, 196, 220, 297, 339
 Иван Матфеевич 338, 341
 Иван Менуев 253, 255
 Иван Михайлович, кн. 215
 Иван Михайлович, посадн. 57, 67, 71, 74
 Иван Михайлович 254, 255
 Иван Михайлович 331, 347
 Иван Михайлович Крюков 216

- Иван Мясо, ревелец 39, 101—103
 Иван Нестерович 4
 Иван Нетес 328, 347
 Иван Обакунович 247
 Иван Петрович, вл. нам. 329, 342, 343, 346, 347, 349, 351
 Иван Прокшинич, кн. нам. 126, 172
 Иван Селкин 331, 337
 Иван Семенович, староста Чухченемск. м-ря 296, 297, 339, 342, 345, 346, 351
 Иван Семенович 313, 322
 Иван Семенович Мотурица, посадн. 24, 27—29, 32, 37, 45, 93, 217—219, 355, 356
 Иван Семенович Поряднин 295, 322, 323, 325, 346
 Иван Сидорович, куп. ст. 123
 Иван Согорский, кн. 195
 Иван Соколов 355
 Иван Степанович, двинск. соцкий 294, 296, 297, 320, 326, 327, 329, 337, 341, 342, 348, 351
 Иван Степанович 313, 327
 Иван Тимофеевич, посадн. 67, 222, 249
 Иван Тимофеевич 277, 278
 Иван Тойвит 304
 Иван Фатьянович 234, 258—260
 Иван Федорович, посадн. 27, 43, 45, 277, 278, 304, 355, 356
 Иван Федорович, тыс. 48
 Иван Федорович 243
 Иван Федорович 246, 247
 Иван Федорович 310
 Иван Федорович 336, 337, 347
 Иван Федорович Смятанка, посадн. 24, 28, 29, 219
 Иван Фоминич 248, 358, 359
 Иван Фоминич 248
 Иван Чевакин 325
 Иван Щурыков 308
 Иван Юрьевич 252
 Иван Яковлевич, посадн. 43, 44, 51, 52, 66
 Иван Яковлевич 120
 Иванко, дяк 268
 Иванко 223
 Иванко Дмитрович, посадн. 11, 12
 Иванко Захарьинич, посадн. 11, 12
 Иванко Павлович, посадн. 136
 Иванковая, жена Иванки Захарьинича 12
 Ивановна жена 321
 Иваш 254
 Иваш Нефедов 335
 Ивен, посол 101, 102
 Ивор, шведск. воевода 318
 Игнат, ратман Дерпта 114
 Игнат 294, 320, 321
 Игнат Жирятинич 214
 Игнат Михайлович, вл. нам. 247
 Игнатий, иг. Палеостр. м-ря 234, 251
 Игнатий Анисимович 330, 335
 Игнатий Варфоломеевич 325, 329
 Игнатий Логинович Пятков, пск. посадн. 114, 115
 Игнатий Матфеевич 323, 331, 338, 341
 Игнатовы дети 103
 Измаил, еп. Сарский 151
 Изяслав Мстиславич, кн. 7, 134, 136, 137
 Иларий Юрьевич 308
 Илья, бывш. поп 149
 Илья Есифович 223—225
 Индрик, ливонск. переводчик 114
 Инца, посол Дерпта 113
 Инца Винка (Гейденрих Финке фон Оверберг), ливонск. магистр 113
 Инца Вландеръ (Гинрих ван Фландери), посол Готланда 97, 104
 Инца Зашембака (Гинце Сасенбаке), рижанин 47, 104, 105
 Инца Ольчатъ (Гинрих Хольсте), посол Риги 86, 354
 Иоаким, иг. Вяжишск. м-ря 74, 228, 246, 249, 250, 260
 Иоанн, архиеп. 6, 33, 34, 36, 38, 96, 99, 215—217, 277, 282, 298—301, 306, 307
 Иоанн, еп. 207
 Иов Обакунович 27
 Иов Тимофеевич, двинск. посадн. 299, 302
 Иоганн II, еп. Дерптский 121
 Иоганн, посол Миленда 92
 Иоганн, фогт Ервена 116
 Иоганн Беверман, ратман 111
 Иоганн Гультшеде, ратман Дерпта 99, 100
 Иоганн Зупер, ратман Ревеля 118
 Иоганн Нибур, бургомистр Любека 94, 96—98
 Иоганн Пальмедаг, ратман Ревеля 108, 109
 Иоганн Прутце, посол Готланда 94
 Иоганн Риддере, посол 92
 Иоганн Сварте, посол Готланда 94—96
 Иоганн Трерос, ратман Риги 116
 Иоганн Фельдхузен, ратман Ревеля 116
 Иоганн Шепенстеде, ратман Любека 93, 94
 Иоганн Эппенстеде, бургомистр Дерпта 99, 100
 Иона, архиеп. 61, 117, 118, 187, 199, 220—223, 228, 251, 253, 320, 343
 Иона, вл. нам. 285, 287, 292—295, 297, 312, 313, 316—318, 320, 322, 324—326, 331, 333, 334, 340, 346, 351, 352
 Иона, иг. Соловецк. м-ря 246, 252—257, 261
 Иона, митр. 183
Ионсон О. 82, 89
 Иордан Конинге, посол Готланда 92
 Иосиф, поп 357
 Исай Пантелеевич 318
 Исая, иг. Соловецк. м-ря 263, 265
 Исая, иг. Юрьева м-ря 135
 Исак Андреевич Борецкий, посадн. 53, 54, 57, 60, 65, 66, 69, 75, 112, 183, 257
 Исак Семенович Шенкурский 270—279, 281
 Исак Федорович 219
 Йенс Ольссон, ратман Выборга 118
 Йоссе Олафссон, шведск. посол 120
 Кавгадий, ордынск. посол 158, 159
Казакова Н. А. 3, 9, 81, 90, 91, 93—99, 107—109, 111, 113, 114, 116, 117, 119, 122, 365
 Казимир IV, король Польский, кн. Литовский 54, 56, 61, 113, 119, 124, 125, 127, 129, 130, 134, 177, 178, 180, 187, 188, 192, 219, 246, 258, 263, 326
Калайдович К. Ф. 289, 305, 306
Калачев Н. В. 80
 Калист 212
 Карп, поп 323
 Карп 349
 Карп Васильевич 225
 Карп Савинич, тыс. 54, 55, 65, 66, 76, 114
Кафенгауз Б. Б. 115
 Киприан Павлович 347

- Кириак, иг. Юрьева м-ря 135
 Кирилл 150
 Кирилл 256
 Кирилл Андреанович, посадн. 36—38, 215
 Кирилл Дмитриевич, посадн. 35, 36, 38—42, 47, 101, 102, 106
 Кирилл Иванович 187
 Кирилл Иевлич *см.* Кирилл Яковлевич, посадн.
 Кирилл Мелентьевич 348
 Кирилл Харитонович 256
 Кирилл Юрьевич 299, 300, 306
 Кирилл Яковлевич, посадн. 57, 71, 72, 74
 Клаус Лофф, ратман Дерпта 118
Клеандрова В. М. 192
Клейнберг И. Э. 53, 84, 92, 100, 112
 Клим Михайлович 254, 255
 Клим Михеевич 344
 Клим Панкратьевич 345
 Климент, архиеп. 18, 85, 150, 153
 Климент, тыс. 204, 211, 212
 Климент Артемьевич 42
 Климент Иванович 225, 331, 332
 Климент Тимофеевич 275—278
Ключевский В. О. 221, 355
 Кнут Ханссон, ратман Выборга 118
 Кондрат, тыс. 82, 144, 146—149, 353, 354
 Кондрат 310
 Конон, иг. Палеостр. м-ря 265
 Кондрат, бургомистр Ревеля 103
 Константин, кн., кн. нам. в Луках 200—202
 Константин *см.* также Костянтин
 Константин Борисович, кн. Ростовский 151
 Константин Васильевич, кн. Ростовский 197, 198
 Константин Владимирович, кн. Ростовский 197, 198
 Константин Дмитриевич, кн. 106, 107, 175, 176
 Константин Иванович, кн. Белозерский 47, 105, 280
 Константин Иванович, кн. Ростовский 198
 Константин Михайлович, кн. 160, 162
 Константин Ростиславич, кн. 83
Копанев А. И. 3, 365
 Корд Штокер, ратман Дерпта 110
Корецкий В. И. 6, 7, 134, 136, 205, 206, 212, 227, 231, 235, 236, 244, 264, 365
 Корнилий 245
 Косвин фон Полем (Гостила), комтур Феллина 107, 109
Костомаров Н. И. 290
 Костянтин Дементьевич 344, 346
 Костянтин Есифович 223—225
 Костянтин Пантелеевич 318
 Костянтин Прокопич 13
 Костянтин Федорович, тыс. 76
Кочаков Б. М. 191
Кочин Г. Е. 3, 365
Красинские 290, 314
Крестинин В. В. 291
Куза А. В. 142
 Кузьма, иг. Чухченемск. м-ря 291, 292, 295, 297, 320, 321, 351
 Кузьма, рушанин 185
 Кузьма Григорьевич Овин, посадн. 57, 58, 62, 68, 70, 71, 74, 133
 Кузьма Коробьин 186
 Кузьма Ларионович 112
- Кузьма Остафьевич Грузов, посадн. 4, 57, 67, 70, 122, 123
 Кузьма Семенович, посадн. 67
 Кузьма Терентьевич, посадн. 39, 40, 43, 44, 47, 50—52, 103—106, 108
 Кузьма Тимофеевич 295, 323, 329, 340
 Кузьма Фефилатович, посадн. 57, 123
 Кура Алексеевич Шемятов, пск. посол 121
Кучкин В. А. 203
- Лаврентий, архим. 164
 Лаврентий Васильевич 327, 328, 332, 340, 341
 Лаврентий Панфилович 219, 266, 267, 360
Лазарев В. Н. 22
 Ламбрат (Ламбертус Сейме), ратман Риги 85
 Ларион, поп 268
 Ларион Баев 336
 Ларион Ермолинич Сасин 326
 Ларион Мишутин 335
 Ларионко, пономарь 268
 Ларюша 338
Лашков Н. А. 205
 Левуша Бутаков 335
 Леонтий Вралов 195
 Леонтий Зацепин 302, 352
 Леонтий Макарьинич, пск. посол 114, 115
 Леонтий Нестерович 296, 345
 Леонтий Обакунович 239—241, 243, 244, 298
 Леонтий Семенович 313, 334, 335
 Леонтий Фоминич 260
Либерзон И. З. 6, 233, 265, 266, 365
Лихачев Н. П. 5, 82, 83, 126, 134, 234, 283, 289
 Логин Емельянович 349
 Лодвик, голландск. купец 89
 Лудеке Донинге, посол Риги 92
 Лука, иг. Михайло-Арханг. м-ря 6, 282, 291, 298—300, 304, 306—311, 351
 Лука Варфоломеевич 24, 212—214, 230
 Лука Васильевич 69
 Лука Васильевич 249, 250
 Лука Исакович Полинарьин Федотьин, посадн. 71—73, 76
 Лука Миклунич, тыс. 76
 Лука Строганов 196, 198
 Лука Федорович, посадн. 57, 70—72, 257, 266
 Лукерья Михеевна 336
 Лукьян, рушанин 200
 Лукьян Васильевич 295, 313, 325, 341
 Лукьян Ермолинич 326, 333
- Магнус Эрикссон, король Швеции 88, 89
Мазурич Ф. Ф. 234
Майков В. В. 260
 Макарий, иг. Чухченемск. м-ря 287, 291, 292, 296, 297, 313, 326, 337, 339, 341—343, 346, 349, 351
 Макарий, черн. 255—257
Макарий 221
 Маковой 269
 Максим Александрович 226
 Максим Иванович 267
 Максим Ионович, поп 294, 313, 324, 327
 Максим Кириллович 325
 Максим Менуев 253, 255
 Максим Олферьевич 123

- Максим Онцифорович 213
 Максим Попов Фалелеевич 205, 219
 Максим Семенович 219
 Максим Сивцев 336, 339
 Максим Федорович 315
 Малафей Максимович 226—228
 Мамай, темник 166
 Мануил, епископ Смоленский 207
 Мануил 234
 Мануил 212
 Мануй (Мануил) Данилович 258—261
 Марина, жена Карла 349
 Марк 214
 Марк Панфильевич 219, 266, 267
 Маркварт ван Косфельде, ратман Любека 91
 Мартемьян Александрович 239—243, 301, 303—305, 343
 Мартемьян Иванович 236
 Мартемьян Родионович 245, 267
 Мартиниан, иг. Троице-Сергиева м-ря 323
 Мартирий, архиеп. 215
 Марфа, жена Исака Андреевича 60, 69, 178, 256—258, 357
 Марфа, жена Филиппа Григорьевича 241—243, 298
 Марья, жена Афанасия Есифовича 248
 Марья, жена Михаила Григорьевича Тучина 61
 Марья, княгиня 197
 Марья Андреевна 339
 Марья Ивановна, жена Луки Федоровича 266
 Марья Олферьевна 332
 Матрена, жена Агафона 319
 Матрона, жена Есифа Остафьевича 224
 Матфей, тыс. 48
 Матфей 259
 Матфей Варфоломеевич Коска, посадн. 16, 22—24, 29, 45, 64, 163, 214
 Матфей Васильевич 225
 Матфей Васильевич 348
 Матфей Душильцевич 13
 Матфей Иванович, вл. нам. 254
 Матфей Иванович 229
 Матфей Иванович Селезнев, тыс. 67, 68, 75, 120
 Матфей Ильинич 268, 344
 Матфей Леонтьевич Урван 294, 329—331, 334
 Матфей Назарьевич 338
 Матфей Павлович Телятев 228
 Матфей Петрович 184
 Матфей Семенович 17, 21
 Матфей Фалелеевич, тыс. 26, 31, 32, 48, 93—95, 169, 170
 Матфей Федорович 243
 Матфей Харитонович 319
 Машко, тыс. 86
Маяковский И. Л. 289
 Мелентий 319
 Мелентий Ефимович Чевака 295, 328, 329, 336, 337, 345—347
 Мелентий Федорович 309, 313, 316
 Менгу-Темир, хан 84, 149
 Меркурий 164
 Местила 303
 Мефодий, архим. 301
 Микита, двинск. соцкий 320, 351
 Микита, иг. 311
 Микита, рушанин 185
 Микита Афанасьевич, посадн. 57, 61, 70
 Микита Головня 277
 Микита Григорьевич, посадн. 15, 20
 Микита Есифович Василистин, посадн. 4, 57, 58, 60, 70, 202, 359
 Микита Иванович 245, 246
 Микита Иванович 254, 255
 Микита Лаврентьевич 60
 Микита Ларионович, пск. посадн. 121
 Микита Леонтьевич, куп. ст. 4, 122, 225
 Микита Леонтьевич 73, 129
 Микита Матфеевич, посадн. 16, 24, 25, 28, 29, 64
 Микита Михайлович 230, 231
 Микита Онкудинович 319
 Микита Петрилович, тыс. 14
 Микита Тинчов 51, 109
 Микита Федорович, посадн. 57, 71, 72
 Микита Федорович, тыс. 34, 35, 48, 49, 97
 Микита Федорович 347
 Микифор Борисович, посадн. 59, 67, 74
 Микифор Иванович 346
 Микифор Манускинич 148
 Микифор Федорович 243, 275
 Никула, новоторжец 171
 Никула 91
 Никула Григорьевич 307
 Никула Максимович, вл. нам. 285—287, 292, 333, 336, 351
 Никула Михайлович 327, 329, 341
 Никула Сидорович 306
 Милонег, тыс. 81, 147
 Мина Васильевич 343
 Мина Власьевич, посадн. 67
 Мина Иванович, вл. нам. 342, 344, 346, 351
 «Мирон Иванович» 357
 Мирошка Несдинич, посадн. 11—13, 81
 Митрофан, архиеп. 209
 Митрофан, иг. Спас-Нередицк. м-ря 251
 Михаил, вл. нам. 309, 310, 351
 Михаил, кн. Черниговский 14
 Михаил, брат Внезда Водовика 14, 16, 17
 Михаил 351, 352, 354
 Михаил 163
 Михаил Александрович, кн. 5, 25, 31, 75, 124, 146, 165—171
 Михаил Алексеевич 324
 Михаил Ананьинич, посадн. 43, 51, 52, 109, 174
 Михаил Андреевич, кн. Верейский 131
 Михаил Андреевич, тыс. 55, 66, 76, 116, 183, 184, 323
 Михаил Варфоломеевич 303, 313, 314, 316, 317, 323, 325, 326, 329, 331, 334, 335, 342, 347
 Михаил Васильевич 264
 Михаил Васильевич Беклемишев 62
 Михаил Глебович, кн. Белозерский 280
 Михаил Григорьевич 336
 Михаил Григорьевич Тучин 61, 123
 Михаил Данилович, посадн. 22, 24, 26—32, 93, 94, 169, 170
 Михаил Иванович 277, 278
 Михаил Иванович Мотурицын, посадн. 27, 43—45, 47, 50—52, 105, 108, 174, 356
 Михаил Иванович Туча, посадн. 57, 61, 68, 70, 183, 196
 Михаил Исакович, тыс. 55, 56, 117
 Михаил Константинович, тверск. посол 169

- Михаил Михайлович Местилин 303
 Михаил Мишинич, посадн. 15, 16, 19, 20
 Михаил Омелькович, кн. 188
 Михаил Павшинич, посадн. 17—21, 27
 Михаил Селезнев 63, 220
 Михаил Семенович, посадн. 56, 58, 62, 69
 Михаил Семенович Берденев, посадн. 62, 73, 75, 257, 344
 Михаил Степанович, посадн. 11—13, 15, 209
 Михаил Тимофеевич 349
 Михаил Федорович, посадн. 15, 17, 19, 20, 82, 143, 144, 148, 353
 Михаил Федорович, царь 355
 Михаил Федорович Крюк 5, 204, 216, 256
 Михаил Феофиластович 312, 324, 327
 Михаил Юрьевич 107, 230
 Михаил Ярославич, кн. 124, 145, 146, 150—161, 190, 279
Михайлов М. М. 191
 Михалко Степанович, посадн. 11—13, 15, 209
 Михей Фаустович 335, 336
 Миша 16, 17
 Миша Борисович 16, 17, 196
 Миша Григорьевич, тыс. 48
 Миша Есифович, тыс. 48
 Миша Прушанин 16
 Мишера Оршев 322
 Моисей, архиеп. 25, 90, 162, 218, 357, 358
 Моисей Федорович Бабкин 257
Молчанов К. 271
Мрочек-Дроздовский П. М. 191
 Мстислав Владимирович, кн. 134—136, 178
 Мстислав Мстиславич, кн. 209
Мунк П. 82, 89
Муханов С. М. 204, 284, 291
Мюллер Р. Б. 3, 365
Мясников М. Н. 270—272
Мятлев Н. В. 273, 274
- Назар, подвойский 133
 Назарий Юрьевич 315
Напьерский К. Е. 31, 79, 87, 95
 Наримонт Гедиминович, кн. Литовский 172
Насонов А. Н. 57, 75, 140—142
 Настасья, жена Ивана Григорьевича 196, 258, 264
 Настасья, жена Ивана Захарьинича Овинова 61
 Настасья, жена Михаила Юрьевича 230, 231
 Настасья Степановна 243, 342, 343
 Наталья, жена Моисея Федоровича Бабкина 257
 Наум Иванович 107
 Неврюй, ордынск. посол 151
Негодяев С. 291
 Незда, бирич 13
 Некомат, сурожанин 166
 Неревин 12, 13
 «Нестер» (= местер), магистр Ливонского ордена 188
 Нестор, иг. Чухченемск. м-ря 291, 292, 349
 Нестор, Фатьянов зять 319
 Нестор Иванович 262, 264
 Нестор Павлович 323
 Нестор Федорович 255
 Нефед Яковлевич 297
 Никита, еп. 207
Николаева Т. В. 53, 58, 200, 244
- Никон Филимонович Белоусов 343
Никонов В. 283, 284
 Нифонт, еп. 137, 141, 206, 207
 Нифонт Марков 339, 341, 348
Носов Е. Н. 138
- Обакун 195, 198
 Обакун Григорьевич 239—243, 305
 Обакун Твердиславич 23
 Обекан Куров 321
Обнорский С. П. 5, 79, 366
Оболенский М. А. 289
 Обросим Васильевич Сасин 326—328, 332, 340, 341
 Овдокия, жена Ивана Васильевича Шенкурского 275, 276, 278, 281
 Овдокия Малафеевна 226, 227
 Овдокия Микитична 347
 Овдокия Яковлевна 322
 Овстрат Домажирович 13—14
 Окинф 214
 Окинф Васильевич, посол 121
 Окинф Жабин 231
 Окинф Федорович 246
 Оксентий Григорьевич 329
 Оксентий Устьянович, пасынок 327, 328, 347
 Оксинья, жена Микиты Есифовича 58, 60, 359
 Оксинья Григорьевна 307
 Оксинья Федоровна 275
 Олег Святославич, кн. 141
 Олекса, ордынск. посол 151
 Олекса Морткнич 148
 Олена Орованова 268
 Олех Поколото 314, 349
 Олех Поколотов 314, 349
 Олисей Ананьинич, тыс. 26, 31, 32, 48, 93, 171
 Олисей Костянтинович, кн. Копорейский 47—49, 105, 106
 Олферий, подвойский 263
 Олферий, староста Чухченемск. м-ря 297, 331, 334, 351
 Олферий Васильевич Слизин 73, 129
 Олферий Григорьевич 331—335
 Олферий Иванович, посадн. 57, 70, 73
 Олферий Михайлович, тыс. 75
 Олферий Пшонкин 220
 Олферий Сбыславич 148
 Олферий Семенович 237, 240
 Олфоромей см. Варфоломей
 Олфуй Юрьевич 255, 257
 Ольгерд Гедиминович, кн. Литовский 166
 Омелфа Якимовна 322
 Ондрешко 214
 Оникей Власьевич, тыс. 48—52, 66, 76, 109, 175
 Оникей Михайлович, попович 332, 338, 342, 344
 Антония, жена Фатьяна Павшинича 318, 319
 Антония Федоровна 275
 Онцифор Андроникович 336, 337
 Онцифор Есифович 262
 Онцифор Луккич, посадн. 16, 23, 24, 27—29, 213, 216
 Орина, жена Василия Микифоровича Пенкова 59
 Орина, жена Кузьмы Григорьевича Овина 62

- Орина, правнучка Юрия Онцифоровича 213, 229—231
 Осей Баишин 308, 309
 Остафий, тыс. 48, 91, 92
 Остафий, тыс. 76, 244, 245
 Остафий Ананьич 217, 221, 270, 273—275, 278, 298
 Остафий Васильевич 239—241, 243, 302, 305, 306
 Остафий Григорьевич 198
 Остафий Дворянинец, посадн. 22—24, 28, 29, 48, 90—92, 163
 Остафий Денисьевич, вл. нам. 285, 287, 292, 297, 313, 323, 324, 330, 333, 334, 338, 339, 351, 352
 Остафий Дмитриевич Глухов 259, 264, 265
 Остафий Михайлович 226, 227
 Остафий Сыта, кн. нам. 33
 Остафий Яковлевич, вл. нам. 290, 294, 295, 303, 310, 312—316, 321, 323, 324, 326, 327, 334, 351, 352
 Отто Месторп, ратман Ревеля 118
 Офимья, жена Есифа Андреановича Горошкова 60, 196
 Офимья, жена Семена Васильевича Шенкурского 61, 275, 276, 278, 281
 Офимья, жена Федора Остафьевича 275
 Офрем Марков 219
 Офрем Обакунович 322, 345, 346
 Офромей (Охромей) см. Варфоломей
 Офросинья, жена Ивана Лаврентьевича 60
 Офросинья, жена Федора Самсоновича 62
 Очурий Ананьич 315
- Павел** 91
 Павел 254
 Павел Григорьевич 347
 Павел Лукинич Телятев, тыс. 67, 68, 75, 76, 228
 Павел Трифонович 330, 331, 339
 Павша Ананьич, посадн. 15, 19, 20, 84, 148, 353, 354
 Пантелей 322
 Панфил Селифонтович 6, 187, 219, 235, 248, 258, 261, 266, 267, 359, 360
 Парфей, рушанин 200
 Парфей Кавский, тыс. 76
 Парфений, архим. 301
 Парфений Ермолинич Сасин 326
 Парфений Нефедьевич 324
 Парфений Семенович (Володинич), пск. посол 114, 115
 Патракий Дмитриевич, двинск. нам. 342, 345
 Пахомий Логофет 221
 Пелагия, жена Мартемьяна Александровича 240
 Перфурий, рушанин 185, 200
 Перфурий см. также Прокша
 Перфурий Ермолинич Сасин 326, 327, 329, 341
 Перхурий Васильевич 296, 339, 341
 Перхурий Фоминич 326, 327, 337
 Петер, комтур Феллина 116
 Петер Деген (Дьеки), фогт Выборга 118
 Петр, митр. 162
 Петр, муж Лукерьи Михеевны 336
 Петр, поп 320
 Петр, шведск. воевода 318
- Петр 113
 Петр Адкин 268
 Петр Водовикович 16
 Петр Григорьевич Заболоцкий 134
 Петр Дементьевич, двинск. соцкий 351
 Петр Климентьевич 249, 250
 Петр Коробьин 186
 Петр Михайлович, кн. нам. 123
 Петр Михайлович Плещеев 134
 Петр Юншин (Петер Енссон), фогт Выборга 88
 Петрила Микульнич, посадн. 136
 Пимен, митр. 299
Логодин М. П. 205, 270, 271, 286
 Покинарья, жена Василия Алексеевича 258, 260
Пресняков А. Е. 170
 Прокопий Иванович 217
 Прокопий Филиппович, вл. нам. 332, 338, 342, 344, 351
 Прокопий Юрьевич 315
 Прокофий 269
 Прокуй 231
 Прокша Иванович 354—356
 Прокша (Перфурий) Малышевич 209
Пронштейн А. П. 122, 123
 Протасий, черн. 268
Пташицкий С. Л. 79
 Пугва 304
- Ратибор** Клуксович, тыс. 84, 146, 147—149, 353, 354
 Рафаил, иг. Соловецк. м-ря 232
 Рикар Петрович 120
 Родион, староста Чухченемск. м-ря 287, 297, 330, 334, 351
 Родион, тайбольск. староста 212
 Родион Григорьевич 325
 Родион Норов, посадн. 57, 70
 Родион Тимофеевич 348
Розов И. Ф. 205, 217, 220, 270, 271, 279
 Роман Афанасьевич, куп. ст. 123
 Роман Бодджейвич 148
 Роман Мартынович 317
 Роман Михайлович, кн. Белозерский 280
 Рост, посол Дортмунда 92
 Ростислав Мстиславич, кн. 136, 139
Рубцов М. В. 6
Румянцев Н. П. 79, 80, 285, 286, 288
Рыбина Е. А. 81, 83, 92, 113
Рыдзевская Е. А. 3, 82, 365
Рюдберг О. С. 5, 81, 89, 367
 Рюрик, кн. 74, 132
- Сава, иг. Саво-Вишерск. м-ря 221, 222
 Сава, поп 230
 Сава 165
 Сава Ермолинич 302, 312
 Сава Фатьянович 319
 Сава Юрьевич 253
 Савелий Богданович 264
 Савелий Григорьевич 239—243, 305
 Савелий Селкин 331
Самоквазов Д. Я. 62
 Самсон см. Симеон, архиеп.
 Самсон Иванович, посадн. 53, 54, 57, 58, 62, 68, 110, 114, 115
 Самсон Перхурьевич 310
 Самуила Назарьевич 338

- Самыла, дьяк 283, 284, 321
Сарториус Г. Ф. 86
 Сарыхожа, ордынск. посол 166
Сахаров И. П. 204
 Сбыслав Якунович, посадн. 15
 Свидригайло Ольгердович, кн. Литовский 59, 111, 124, 125, 177—179
 Святослав, кн. Трубчевский 14
 Святослав Всеволодович, кн. 13
 Святослав Ольгович, кн. 5, 7, 135, 138, 139, 141, 142, 150, 187
 Святослав Ярославич, кн. 143, 144, 354
 Севастьян, иг. Чухченемск. м-ря 291, 292, 309, 313, 316, 321, 351
 Севастьян Кириллович 329, 346
Севастьянова А. А. 53, 112
 Селиван Павлович 315, 334, 335, 338
 Селифонт Твердиславич 219, 245, 248, 258, 358, 359
Селнес К. 89
 Семен, иг. Никольский 350
 Семен, кузнец 255
 Семен, поп 309
 Семен, дядя Остафия Ананьинича 275, 277, 278
 Семен 298
 Семен Александрович Поряднин 295, 325, 346
 Семен Ананьинич 308
 Семен Андреевич, тыс. 26
 Семен Афанасьевич Ермолин 237—241, 243, 265
 Семен Борисович, посадн. 11, 14, 16
 Семен Борисович Брюхо 132
 Семен Васильевич, посадн. 39—42, 44, 103—105
 Семен Васильевич, посадн. 43, 44, 51, 52, 66, 218
 Семен Васильевич Шенкурский, посадн. 61, 198, 273, 276, 278, 281
 Семен Григорьевич 307
 Семен Дементьевич 346
 Семен Емин, тыс. 14
 Семен Ермолин *см.* Семен Афанасьевич Ермолин
 Семен Иванович 354—356
 Семен Иванович Гордый, кн. 167
 Семен Иванович Щокин 60, 224
 Семен Ильинич 254, 255, 326
 Семен Кириллович 325
 Семен Климович, посадн. 17—22, 85—87
 Семен Климович 254, 255
 Семен Клобучков 318, 319
 Семен Кузьминич 341
 Семен Мартемьянович 240, 243, 343
 Семен Микифорович 310, 314
 Семен Михайлович, посадн. 15, 17, 19, 20
 Семен Ночин 302
 Семен Павлович 334
 Семен Тимофеевич, тыс. 54, 55, 66, 76, 113, 178
 Семен Федорович, посадн. 57, 58, 62, 70, 74
 «Семен Федорович» 273
 Семен Яковлевич 297, 298
 Семен-Лугвень Ольгердович, кн. Литовский 5, 35, 39, 99, 106, 134, 172, 173, 175
Семенов А. И. 7, 134
 Серапион, иг. Ваяск. Богословск. м-ря 281
Сергеевич В. И. 191
 Сергей Мануилович 338
 Сергей, иг. Островск. м-ря 225, 265
 Сергей, черн. 253
Сибирцев И. М. 282, 288, 290, 292
 Сигизмунд Кестутьевич, кн. Литовский 179
 Сидор, куп. ст. 94
 Сидор Иванович 220
 Сидор Исакович 317
 Сидор Тимофеевич 348
 Сидор Трифонович 326, 339, 349
 Сидор Юрьевич 253
 Сильвестр (Зигфрид Ландер фон Шпангейм), ливонск. магистр 107
 Сильвестр Лентеевич, посадн. 24—27, 29, 31
 Сильвестр Степанович 313
 Симеон, архиеп. 40, 47, 104, 105, 175
 Симеон, еп. Ростовский 151
 Скорень, псец 151
Смирнова Э. С. 18
Соболевский А. И. 79
Соловьев С. М. 170
Солярский Ф. П. 290, 315
 Софоний, вл. нам. 310, 351
 Софонтий Окинфович 310, 311, 317
 Софонтий Фоминич 333
 Софья, жена Дмитрия Юрьевича Шемяки, кн. 73, 182
 Софья Мануевна 258—260
Срезневский И. И. 34, 47, 105, 149, 217, 301, 305, 311
 Станша Борисов 294, 320
 Степан, мошеник 220
 Степан, староста Михайло-Арханг. м-ря 306, 307, 309—311, 351
 Степан, тыс. 26, 126
 Степан, внук Ивана 326
 Степан Александрович 226
 Степан Амосович 343, 347
 Степан Андреевич 310
 Степан Антонович 316, 337
 Степан Варфоломеевич 296, 339, 341
 Степан Васильевич 294, 313, 314, 325, 337
 Степан Есифович 239, 243, 305, 343
 Степан Иванович 326
 Степан Иванович 277—279
 Степан Кириллович 256
 Степан Куров 321
 Степан Обакунович 322, 345, 346
 Степан Прокшинич 310
 Степан Семенович Стегач 316, 319, 337, 347
 Степан Твердиславич, посадн. 11, 12, 14, 15
 Степан Федорович 229, 273, 275, 342
 Степан Цуников 340
 Степан Юрьевич, пск. посол 114, 115
 Степанко 40
Стров П. М. 271, 288
Сумароков П. И. 211
 Тайтемир 157
 Татьяна Яковлевна 322
 Твердислав Михалкович, посадн. 11—16, 20
 Твердислав Станилович 13
 Творимирич 14
 Телебуга, ордынск. посол 159
 Терентий, двинск. посадн. 300
 Терентий Григорьевич 294, 320, 323
 Терентий Иванович 219
 Терентий Яковлевич 6, 7, 262
 Тидеман, посол Риги 101, 102

- Тидеман Фос, бургомистр Дерпта 99, 100, 108, 111
Тидрик (Дитрих), посол Любека 83
Тилька Нибрюге (Тидеман фон дер Нин-бругген), посол Риги 97, 104
Тимофей (Лидерик фон Веллен), комтур Ревеля 107
Тимофей Бай 330—332, 335, 336
Тимофей Васильевич, посадн. 41, 43, 44, 46, 47, 51, 52, 108
Тимофей Васильевич Валуй 172
Тимофей Васильевич Вельяминов 172
Тимофей Власевич, пск. посол 114, 115
Тимофей Григорьевич 332, 335
Тимофей Ермолинч 252
Тимофей Иванович 277, 278, 326
Тимофей Кузьминич Грузов, посадн. 57, 70
Тимофей Михайлович 226, 227
Тимофей Остафьевич Грузов 4, 56, 57, 64, 70, 119, 122, 193
Тимофей Федорович, тыс. 48, 278
Тимофей Федорович 324, 330, 334, 335, 339
Тимофей Юрьевич, посадн. 34—37, 97, 216
Тимошка, вл. нам. 306, 351
Тимошка Соболь 62
Тирун 323
Тихомиров М. Н. 135, 139, 195, 207, 212, 222, 277, 355, 367
Тихон, архим. Хутынк. м-ря 236—238, 244
Товтивил, кн. Полоцкий 83
Трифон Юрьевич Сарский, тыс. 55, 56, 76, 118, 253
Трофим 320
Тяполковы 264
- Уваров А. С.** 134, 204, 205, 233, 234, 284, 289
Узбек, хан 162, 280
Улита Нестеровна 315
Ульян Петрович 262
Ульяна, жена Ивана Лукинича Щоки 60, 224
Ульяна, жена Филиппа Семеновича 312
Устин Семенович 348
Устинья, жена тыс. Василия 261
Устинья, жена Осипа 205, 223
Ушак Арбужевский 195
- Фалелей Андреевич**, тыс. 48
Фалелей Федорович 254, 255
Фалелей из Валдолы 253
Фатьян 260
Фатьян Васильевич 336
Фатьян Павшинич 319
Федор, готландск. купец 89, 104
Федор, двинск. соцкий 294, 297, 317, 320, 324, 329, 330, 351
Федор, кн. нам. 279
Федор, куп. ст. 94
Федор, подвойский 263
Федор, рушанин 200
Федор, Левонтиев пасынок 186
Федор 39, 101—103
Федор 214
Федор 240
Федор Александрович, кн. Ростовский 198
Федор Алексеевич см. Федор Олисеевич
Федор Андреевич, кн. Ростовский 197—199
Федор Андреевич, староста Михайло-Арханг. м-ря 310—312, 315, 351
Федор Ахмыл, посадн. 21—23, 163
Федор Богданович 259—261
Федор Борисович Брюхо 186
Федор Васильевич, вл. нам. 326, 333, 351
Федор Васильевич, воевода 278
«Федор Васильевич» 273
Федор Гаврилович, посадн. 43, 51
Федор Григорьевич 240—243, 298, 305
Федор Григорьевич Худяков 359
Федор Данилович, посадн. 22—24, 27, 28, 163, 214, 356
Федор Данилович, посадн. 54, 57, 58, 68
Федор Дмитриевич 228
Федор Едемский 279
Федор Иванович, царь 355
Федор Иванович 263, 340
Федор Иванович Бельский, кн. 263
Федор Исакович Борецкий 73, 258, 358
Федор Кур (Годке Кур), посол Готланда 97
Федор Лапышев 299, 300
Федор Ларионович 336
Федор Лукинч Телятев, тыс. 56, 76, 228, 344
Федор Макаров 313, 327, 328, 336, 337, 340, 341
Федор Максимович 228
Федор Малый 183, 193, 198
Федор Мартемьянович 240, 243, 343
Федор Михайлович, пск. нам. 154
Федор Михайлович 343
Федор Михалкович, посадн. 11, 12, 15
Федор Окинфович Глазоомцев, посадн. 57, 68, 70, 204, 229, 340
Федор Олисеевич, посадн. 53—55, 57, 59, 65, 66, 69, 110, 113, 178, 220, 275, 278
Федор Онуфриевич 348
Федор Остафьевич, посадн. 67, 70, 220—222, 229, 270, 273—275, 278, 279, 296, 339, 342
Федор Остафьевич Глухов 59, 67, 257, 264, 265
Федор Патрикеевич, кн., кн. нам. 106, 107, 175
Федор Патрикеевич, пск. посадн. 114, 115
Федор Перфушков 186
Федор (Федюня) Перфушков 186
Федор Ростиславич, кн. Ярославский 151
Федор Самсонович Кушеверский, посадн. 58, 62, 69, 71
Федор Тимофеевич, посадн. 27, 29, 30, 34—38, 42, 44—46, 97, 217, 221, 275, 277, 278, 304
Федор Хотович 27
Федор Юрьевич, посадн. 23, 24, 28—30
Федор Яковлевич, посадн. 53, 54, 57, 60, 68, 70, 111, 180, 266
Федора, жена Василия Глазоомцева 62
Федора Григорьевна 325—327
Федосей Федотович 350
Федосья, бабка Остафия Ананьинича 275
Федосья, жена Ивана Михайловича 347
Федосья, жена Харитона Кирилловича 256
Федосья Дмитриевна 225
Федосья Михеевна 336
Федосья Яковлевна 322
Федот 292, 330
Федот Кириллович 256
Федот Острохвост 338
Федотья, жена Исака Полинарьяна 76
Феня 347
Феогност, вл. нам. 254, 255

Феогност, иг. Спас-Преображенск. м-ря в Русе 251
Феодосий, владыка 43, 50, 108
Феодосий, иг. Сийск. м-ря 290
Феодосий, иг. Соловецк. м-ря 253, 256, 261—264, 340
Феодосий Обакунович см. Богдан Обакунович, посадн.
Феоктист, архиеп. 18, 85, 152—155, 160 «Феофан» см. Феофил, архиеп.
Феофил, архиеп. 61, 73, 77, 119, 133, 187, 188, 192, 220, 228, 229, 249, 253—256, 258, 259, 261—263, 268, 320, 343, 344
Фетинья 224, 225
Фефилат Захарьинич, посадн. 57, 70—72
Фефилат Федорович, двинск. соцкий 297, 324, 351
Филикс, нам. 91
Филикс Кононович Костнев 262
Филикс Павлович 320, 337
Филикс Прокшинич 321
Филикс Филиппович 241—243
Филипп, кн. нам. 91
Филипп, митр. 188
Филипп, посол 91
Филипп Андреевич 118
Филипп Григорьевич 241—243, 297, 298, 305
Филипп Григорьевич 325
Филипп Дмитриевич 336
Филипп Семенович, вл. нам. 285, 287, 312, 315, 351
Филипп Тетеревков, тыс. 26, 48, 49
Филипп Фоминич, посадн. 43, 51
Филлипов А. И. 191
Фома Андреевич Курятник, посадн. 56, 57, 64, 70, 71, 121, 344
Фома Данилович, куп. ст. 123
Фома Есифович, вл. нам. 295—297, 322, 325, 326, 337, 340—342, 345—348, 351
Фома Есифович, посадн. 36—40, 42, 69, 101, 102
Фома Иванович, посадн. 37, 38
Фома Кириллович 329, 346
Фома Максимович Менуев 253—255
Фома Мануев 258—260
Фотий, митр. 50, 177
Фраль 309, 310, 312
Фредерик Бухорне, посол Готланда 92
Фрол, писец 311

Хакон, посол Швеции 89, 90
Хакон, сын Хакона, король Норвегии 82
Харитон Кириллович 256
Харитон Родионович 340
Хенрик Ханссон, посол Швеции 120
Ховра Тойвутровна 246
Хорек 320
Хорошкевич А. Л. 6, 32, 79, 81, 95, 96, 100, 101, 119, 120, 367

Царский И. Н. 234, 289
Цюпреан, попович 327

Чаев Н. С. 6, 7, 233, 236, 253, 262, 282, 291, 350, 365
Черепнин Л. В. 82, 83, 124, 127, 132, 151, 161, 162, 168, 170, 171, 179, 191, 192
Чумиков А. 80

Шаскольский И. П. 9, 82, 88—90
Шахматов А. А. 6, 135, 161, 168, 179, 230, 234, 241, 251, 282—284, 288—292, 295, 296, 306, 307, 309, 310, 312, 328, 345
Шевкал, ордынск. воевода 162
Шило 321
Ширрен К.-Х.-Г. 80
Шлецер А. 80

Шапов Я. Н. 7, 135
Шепкина М. В. 135, 139, 212, 367
Шукин П. И. 279

Эггерд Беркгофф, ратман Риги 108
Энгельберт (Энгельбрехте), еп. Дерптский 91
Эрик Аксельссон, шведск. нам. Финляндии 118, 120
Эрик Нильссон, посол Швеции 120
Эрик Туресон (Гернк Дюурович), посол Швеции 88
Эрлинг, сын Видкунда 82

Юрий, иг. Чухченемск. м-ря 287, 291, 292, 296, 297, 313, 314, 323, 326, 337—339, 341—343, 346, 348, 349, 351
Юрий, посол 165, 168
Юрий, староста Чухченемск. м-ря 297, 331, 334, 351
Юрий, сын Омелфы Яковлевны 322
Юрий Андреевич, кн. 150, 354
Юрий Васильевич, кн. 184
Юрий Васильевич 309
Юрий Васильевич Глазоумцев 62
Юрий Григорьевич 334
Юрий Данилович, кн. 88, 90, 152, 155, 157—161, 167, 279, 280
Юрий Дмитриевич, кн. 174
Юрий Дмитриевич, посадн. 36, 37, 215, 217, 303
Юрий Захарьевич, кн. нам. 122
Юрий Захарьинич 186
Юрий Иванович, посадн. 11
Юрий Иванович, посадн. 22—32, 93—95, 169; 171
Юрий Иванович 258
Юрий Каргуев 247
Юрий Лугвеньевич, кн. 53
Юрий Михайлович 143
Юрий Мишинич, посадн. 16—21, 85, 155
Юрий Онцифорович, посадн. 5, 16, 24, 27, 37, 38, 41, 42, 204, 213, 216, 230, 231, 256, 301, 359
Юрий Сбыславич 148
Юрий Семенович 237, 240, 243
Юрий Терентьевич, посадн. 67
Юрий Федорович 275

Ягайло Ольгердович, кн. Литовский 39, 173
Яким, куп. ст. 94
Яким, монаст. ключник 261
Яким, посол 165, 169
Яким Гурев 184
Яким Яковлевич 246
Яков, боярин еп. Дерптского 114
Яков (Якоб), посол Любека 95
Яков, скотник Марфы 255
Яков, тыс. 81
Яков Александрович 226

- Яков Александрович 240, 241, 243, 301, 303, 316, 317, 322, 342, 343
Яков Александрович Короб, посадн. 57, 62, 69—72, 74
Яков Баев 336
Яков Васильевич Слижень, посадн. 57, 63, 64, 71, 74, 75, 222
Яков Дмитриевич 107, 302, 308, 309
Яков Жирятинич 214
Яков Захарьевич, кн. нам. 122, 123
Яков Иванович, вл. иам. 285—287, 292, 294—297, 314, 320, 326—328, 330, 331, 333—337, 340, 341, 346, 347, 351, 352
Яков Иванович, тыс. 76
Яков Иванович Селезнев 64, 66, 249, 250
Яков Игнатьевич Лозьев, посадн. 67, 220, 296, 339
Яков Леонтьевич 258—260, 266
Яков Максимович 294, 313, 324, 325, 327
Яков Мартемьянович 240, 243
Яков Обакунович 322, 346
Яков Петрович 249
Яков Петрович 313
Яков Селиванович 323, 342
Яков Семенович, сын посадн. 21
- Яков Степанович 316
Яков Тимофеевич 336
Яков Федорович, посадн. 43, 45, 277, 278, 299, 302, 304
Яков Федорович, посадн. 56, 57, 64, 67, 70—72, 119, 253
Яков Хотов, посадн. 24, 26—29
Яков Якимович 325, 346
Яковлевы дочери 345, 346
Якун, посадн. 11—13
Якуи, тыс. 14
Ярасим Михайлович 307
Ярец 186
Ярополк Владимирович, кн. 136
Ярослав Васильевич Стрига Оболенский 121
Ярослав Владимирович, кн. 81, 147
Ярослав Владимирович, кн. 14
Ярослав Владимирович Мудрый, кн. 147
Ярослав Всеволодович, кн. 14, 136, 142, 145, 146—148
Ярослав Изяславич, кн. 147
Ярослав Мстиславич, кн. 147
Ярослав Ярославич, кн. 5, 82—84, 124, 142—148, 150, 154, 353, 354
Яцимирский А. И. 279

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава 1 РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ВЫСШИХ МАГИСТРАТОВ НОВГОРОДА И ДАТИРОВАНИЕ АКТОВ ПО ИМЕНАМ ПОСАДНИКОВ И ТЫСЯЦКИХ	10
Глава 2 АКТЫ ОТНОШЕНИЙ НОВГОРОДА С ЗАПАДОМ	79
Глава 3 АКТЫ ОТНОШЕНИЙ НОВГОРОДА С КНЯЗЬЯМИ	124
Глава 4 АКТЫ СОБСТВЕННО НОВГОРОДА И ЕГО МЕТРОПОЛИИ	204
Глава 5 АКТЫ ЗАОНЕЖЬЯ	232
Глава 6 АКТЫ ВАЖСКОЙ ЗЕМЛИ	270
Глава 7 ДВИНСКИЕ АКТЫ	282
Глава 8 ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫЕ АКТЫ	353
СООТВЕТСТВИЕ НОМЕРОВ ДОКУМЕНТОВ ИСПОЛЬЗОВАН- НЫХ ПУБЛИКАЦИЙ НУМЕРАЦИИ В НАСТОЯЩЕМ ИССЛЕДО- ВАНИИ	361
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	365
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	368

Научное издание

Янин

Валентин Лаврентьевич

НОВГОРОДСКИЕ

АКТЫ

ХІІ—ХV вв.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ
КОММЕНТАРИЙ

Утверждено к печати
Отделением истории
Академии наук СССР

Редактор издательства С. А. Левина

Художник В. Ю. Яковлев

Художественный редактор М. Л. Храмцов

Технические редакторы Р. М. Денисова, Н. Н. Кокина

Корректоры Е. Н. Белоусова, Н. П. Гаврикова

ИБ № 46619

Сдано в набор 19.04.90

Подписано к печати 21.02.91

Формат 60×90¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1.

Гарнитура литературная.

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 24. Усл. кр. отг. 24.

Уч.-изд. л. 27,9

Тираж 2500 экз. Тип. зак. 343.

Цена 6 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485,

Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография

издательства «Наука»

199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12